

ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

РУСЬ

ЛЕТОПИСНАЯ

В.Н. Демин

Annotation

В книге доктора философских наук Валерия Никитича Демина на основе летописных и иных исторических источников прослеживается становление России и населявших ее народов, начиная с древнейших времен и вплоть до эпохи Петровских преобразований. По многим вопросам автор высказывает оригинальные научные суждения, во многом не совпадающие с общепризнанными.

- [ВАЛЕРИЙ ДЕМИН](#)
 -
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [ЧАСТЬ 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [ЧАСТЬ 2](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 1](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 2](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

ВАЛЕРИЙ ДЕМИН
РУСЬ ЛЕТОПИСНАЯ

ОТ АВТОРА

Летописи — исторический фундамент русского национального самосознания. Их расцвет пришелся на совершенно конкретный отрезок российской истории, охвативший около семи веков: примерно со времени принятия христианства до начала Петровских преобразований. Почти все русские летописцы были христианскими монахами или другими церковными деятелями. Это не могло не наложить отпечатка ни на летописную идеологию, ни на понимание исторического процесса в прошлом, настоящем и будущем, ни на резко негативную оценку предшествующего языческого мировоззрения.

Дохристианская история Руси насчитывает не века, а тысячелетия. Однако достоверных письменных источников той далекой эпохи не сохранилось (судя по всему, они были полностью уничтожены в ходе утверждения новой религии и новой морали). Так называемая «Велесова книга», посвященная событиям ранней русской истории, официальной наукой не признается и считается подложной. Аналогичным образом оцениваются и устные исторические сказания русского народа, которые в литературно обработанном виде были записаны только в XVII веке, после окончания Смуты на Руси и воцарения новой династии, снявшей некоторые прежние политические запреты.

В этом спорном вопросе я ставлю достаточно скромную задачу: отделить зерна от плевел. Пусть читатель решает сам, где правда, а где кривда. Имеется еще один массив фактов, связанный с археологическими находками и открытиями. Несмотря на то что археологи имеют дело с материальными реалиями, они во многих случаях не умеют их правильно объяснить, подгоняя собственные, довольно-таки сомнительные, гипотезы под давным-давно отжившие или утратившие свою актуальность абстрактные схемы. В результате в порядке вещей считается, скажем, такое вопиющее противоречие. С одной стороны, не терпит никаких возражений утверждение, что якобы полнокровная жизнь на севере Евразии началась только после отступления ледника (в высоту до трех километров), что произошло сравнительно недавно, пятнадцать тысяч лет назад — не позже 12-го тысячелетия до новой эры. С другой стороны, многочисленные археологические находки на Севере свидетельствуют совершенно о другом: жизнь здесь кипела всегда, а ее нижняя хронологическая планка теряется где-то на **3-м миллионе (!)** лет до новой эры (скажем, открытая археологом

Юрием Алексеевичем Мочановым стоянка Диринг-Юрях на правом берегу Лены, вверх по течению, в 140 километрах от Якутска).

Наконец, имеются многочисленные и относящиеся к России свидетельства иностранцев, античных и средневековых писателей и хронистов. Спроецированные на реалии русской долетописной истории, они дают неисчерпаемый материал для углубленного осмысления нашего прошлого. В обозначенных хронологических параметрах, скажем, античные историки — такие же летописцы стародавних событий, происходивших на территории России, как и отечественные историографы. По сей день не утратили своего значения слова самобытного историка Ивана Егоровича Забелина (1820–1909), сказанные почти полтора века тому назад: «...Никакая отрицающая и сомневающаяся <...> критика не может отнять у русской истории истинного сокровища, ее первого летописца, которым является сам Отец истории — Геродот».

В соответствии с вышеизложенным, предлагаемая на суд читателей книга, в которой использованы наработки предшествующих изданий, разделена на две большие части: одна посвящена предлетописной, другая — летописной эпохам.

ЧАСТЬ 1

РУСЬ ДО РУСИ

*Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот...*

Александр БЛОК

Глава 1

САМЫЙ ДАЛЕКИЙ ТУЛЕ

*Где океан, век за веком, стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Высится остров, давно моряками забытый, —
Ultima Thule.*

.....

*Остров, где нет ничего и где все только было,
Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизведанной силой,
Ultima Thule.*

*Пусть на твоих плоскогорьях я буду единым!
Я посещу ряд могил, где герои уснули,
Я поклонюсь твоим древним угрюмым руинам,
Ultima Thule.*

Валерий БРЮСОВ

Наидревнейшая история России начинается... в России, точнее — в тех северных ее частях, где в далеком-предалеком прошлом климат не был еще столь неблагоприятным, как сегодня, и народы, ныне разбросанные по просторам Евразии и остального мира, не были еще столь разъединены по языкам и культурам. Одно из названий прародины человечества — *Ultima Thule* («самый далекий Туле»; иногда переводят — «крайний Туле»), с таким эпитетом утвердилось имя древней северной земли в мировой истории, географии и поэзии. Устойчивое латинское словосочетание, превратившееся в крылатое выражение, введено в оборот Вергилием в «Георгиках» (I, 30). В греческом языке топоним-символ таинственного и недостижимого Севера пишется через «тету» и воспроизводится в разных языках по-разному — и как Туле (Тула), и как Фуле (Фула).

В русском языке принята одновременно и та и другая вокализация. Например, название знаменитой баллады Гёте, написанной им в 25-летнем возрасте и впоследствии включенной в 1-ю часть «Фауста», переводится нынче исключительно как «Фульский король». В немецком же оригинале четко значится «т»: «*Es war ein König in Thule...*» (дословный перевод:

«[Жил]-был [один] король в Туле»). В «Фаусте» эту балладу напевает беззаботная Маргарита, еще не ведающая о своей несчастной судьбе. Между тем практически во всех переводах «Фауста» (а их на русском языке насчитывается до десяти), включая классические переводы В. Брюсова, Н. Холодковского и Б. Пастернака, *Thule* передается либо как Фуле, либо как «фульский», хотя в оригинале Гёте прилагательное не употребляется. Лишь Афанасий Фет, который также перевел обе части «Фауста», поставил в точном соответствии с оригиналом Туле (через «фиту»), но его перевод не переиздавался с конца XIX века.

Через «ф» — Фула — обозначается загадочная северная земля и в последнем переводе «Географии» Страбона; в остальных случаях чаще пишется Туле (Тула). Впрочем, сам отец европейской географии не смог сообщить о далекой полнощной стране больше, чем узнал из утраченных ныне сообщений античного мореплавателя Пифея (рис. 1). Тот первым, обогнув Британию, приблизился к кромке ледяной шуги, не позволившей ему достичь обещанного северного края. Начиная со II века н. э. в античном мире получил широкое распространение роман Антония Диогена о путешествиях Диния, который после долгих скитаний достиг Ледовитого (Скифского) океана и расположенного в нем острова Туле (до нашего времени роман дошел лишь в византийском пересказе):

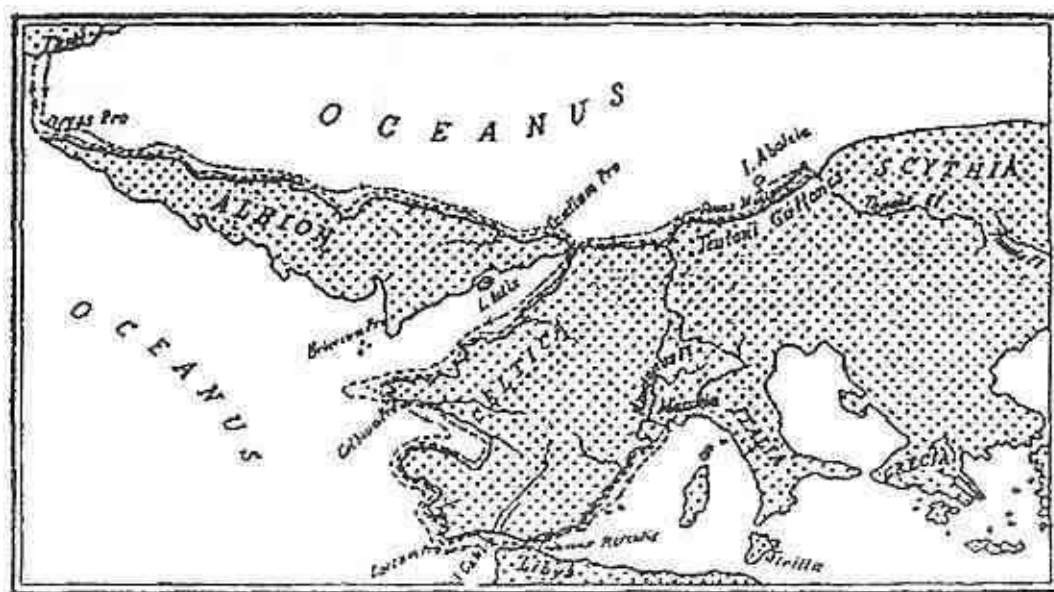

Рис. 1. Карта путешествий Пифея. Путь Пифея из Марселя обозначен пунктиром

«Диний отправился путешествовать по ту сторону Тулы. <...> Он видел то, что доказывают и ученые, занимающиеся наблюдением за светилами. Например, что есть люди, которые могут жить в самых далеких арктических пределах, где ночь иногда продолжается целый месяц; бывает она и короче и длиннее месяца, и шесть месяцев, но не больше года. Не только ночь растягивается, но соразмерно и день согласуется с ночью. Самым невероятным было то, что, двинувшись к северу в сторону луны, видя в ней некую более чистую землю, они достигли ее, а достигши, узрели там такие чудеса, которые во многом превзошли все прежние фантастические истории».

Но были и другие источники, к сожалению, также не дошедшие до наших дней. Об их существовании, однако, свидетельствуют фрагменты более удачливых авторов: их сочинения не канули в Лету, напротив, послужили исходной базой для древних и средневековых карт, где остров Туле изображался либо невообразимо большим, либо неправдоподобно маленьким, как например, на карте, составленной на основе сведений древнегреческого географа Эратосфена Киренского (ок. 276–194 до н. э.) (рис. 2). В средние века древние сведения продолжали подкрепляться теми же полярными реалиями:

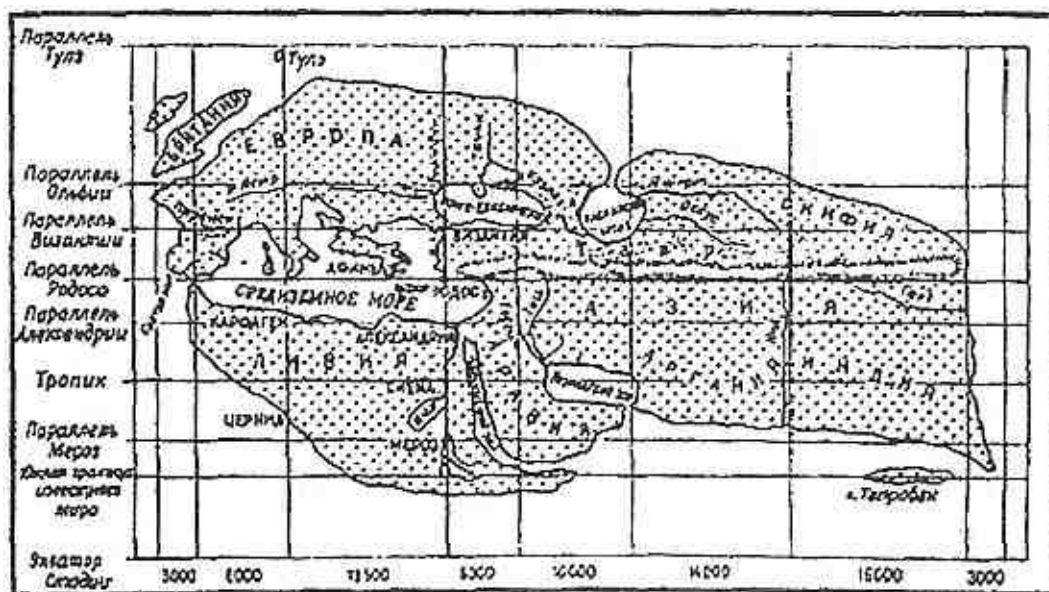

Рис. 2. Карта мира, известного при Эратосфене

Имя свое от солнца получила Крайняя Фула:

*Ибо летнее там в дни солнцестояния солнце
Вспять обращает лучи, чтобы дальше они не светили;
Дни уводит оно, в непрерывную ночь погружает
Воздух темный над ней, одевает студеное море
Льдом, чтоб праздным оно, для судов недоступное было.*

Гальфрид Монмутский. «Жизнь Мерлина»

(Перевод С.А. Ошерова)

В знаменитой книге крупнейшего византийского историка VI века Прокопия Кесарийского «Война с готами» также содержится подробнейшее описание «острова» Туле (Фуле):

«Этот остров Фула очень большой. Полагают, что он в десять раз больше Британии (Ирландии). Он лежит от нее далеко на север. На этом острове земля по большей части пустынна, в обитаемой же части живут тринадцать племен, очень многочисленных, и у каждого племени свой царь. Здесь каждый год происходит чудесное явление. Около летнего солнцезаворота в течение приблизительно сорока дней солнце здесь никуда не заходит, но в течение этого времени непрерывно сияет над землей. Но (не меньше) месяцев через шесть после этого, около зимнего солнцезаворота, дней сорок солнце совсем не показывается над этим островом и он погружен в непрерывную ночь. [Точнейшее описание полярных дня и ночи, к примеру, на широте северной оконечности Кольского полуострова или Новой Земли. — В.Д.]. Это время живущие здесь люди проводят в полном унынии, так как они не имеют никакой возможности тогда сноситься друг с другом. Лично мне отправиться на этот остров, чтобы своими глазами увидеть то, что мне рассказывали, хоть я и очень старался, никак не удалось».

Далее Прокопий подробно описывает образ жизни одного из племен, живущих в Туле, — скритифинов (другие авторы, например Иордан, именуют их скререфеннами). В последней части древнего этнонима недвусмысленно прочитывается современное название народа — финны.

Как и другие северные племена, древние *тулейцы* «не носят одежды, не ходят в обуви, не пьют вина, не добывают себе никакого пропитания посредством возделывания земли». Они не пахут земли, мужчины и женщины заняты только охотой.

«Находящиеся там леса огромны, изобилуют дикими и другими животными, а равно и горы, которые поднимаются там. Скритифины питаются всегда мясом пойманных животных, а в шкуры одеваются, так как у них нет ни льна, ни приспособления, чтобы сучить нитки, но, связав звериными жилами кожи друг с другом, они таким образом закрывают все тело. И их младенцы вынянчиваются у них не так, как у остальных людей. Дети скритифинов выкармливаются не женским молоком, и сосут они не материнскую грудь, но выкармливаются только мозгом пойманных животных. Как только женщина родит, она заворачивает новорожденного в шкуру животного, тотчас же привешивает ее к какому-нибудь дереву, кладет ему в рот мозг, а сама тотчас же отправляется с мужем на обычную охоту. Они все делают вместе и на это занятие охотой ходят вместе. Таков образ жизни этих варваров.

Но другие жители Фулы, можно сказать, все, не очень отличаются от остальных людей: они поклоняются многим богам и демонам (гениям), живущим на небе и в воздухе, на земле и в море, и некоторым другим мелким божествам, считающимся, что они находятся в водах источников и рек. Они непрерывно приносят всякие жертвы, приносят жертвы мертвым и героям. Из жертв они считают самой прекраснейшей принесение в жертву человека, который был их первым военнопленным».

Кровавый обычай человеческих жертвоприношений долгое время сохранялся по всему миру, особенно у народов, не затронутых цивилизацией. Так, вплоть до испано-португальских завоеваний и последующей англо-французской колонизации он практиковался среди индейцев обеих Америк. В далеком прошлом, в эпоху глобальных геофизических и климатических катаклизмов, прапредки индейцев мигрировали из Туле на юг, заняв и освоив постепенно, в течение многих веков и тысячелетий, обширные территории Северной, Центральной и

Южной Америки. Память о древней прародине долгое время сохранялась в некоторых принесенных с севера названиях. Так, столица древнего центрально-американского государства *тольтеков* именовалась, как и сама прародина, — Тула. Да и сам этноним *тольтеки* происходит от того же корня. Тольтекская столица (на территории современной Мексики) просуществовала до XII века н. э. Предположение о лексической и смысловой сопряженности этнонима тольтеков и названия их главного города с легендарной приполярной территорией Туле в свое время было высказано одним из основоположников современного традиционализма Рене Геноном (1886–1951) в его знаменитом: эссе «Атлантида и Гиперборея».

Тольтекская Тула с ее реставрированными памятниками (включая знаменитую пирамиду Кецалькоатля) — один из известнейших архитектурно-археологических комплексов Нового Света. Однако в данном случае нас интересует этимология тольтекского названия города: 1) восходит ли оно к запредельно-древним временам, когда прапредки индейских племен вычленились из общей этнолингвистической массы и начали свое миграционное шествие по американскому континенту, покинув общую прародину всех народов мира (предположительно не ранее 40 тысяч лет до н. э.); 2) принадлежит ли оно исчезнувшему народу, прибывшему с одного из погибших гипотетических материков или архипелагов Атлантиды или Арктиды; 3) является ли автохтонным — с учетом того, что сама культура тольтеков была кратковременной (в пределах трех столетий) и сравнительно поздней.

Но если даже остановиться на последнем возможном объяснении, — нельзя отрицать, что сами тольтеки появились не на пустом месте и не вдруг — у них были предки и прапредки, в словарном запасе которых непременно были слова с корневой основой «тул[а]». Кроме того, на месте разрушенной столицы государства тольтеков ранее существовал легендарный город индейцев *науа* — Толлан (или Тольян), чье название созвучно лексеме «тул». И эту цепочку поколений, тянущуюся в глубь веков, можно проследить до начала распада единой этнолингвистической общности всех народов и языков мира.^[1]

А что общего между названиями русского города Тула и морского животного «тюлень»? Сразу видно — общий корень! Но почему? Макс Фасмер — автор самого подробного на сегодня, хотя и очень несовершенного 4-томного «Этимологического словаря русского языка», — поясняет: к нам слово «тюлень» попало из восточно-саамского языка, где оно звучит как *tulla*. У саамов смысл данного слова явно навеян памятью о

древнем арктическом материке или архипелаге — Туле. От того же наименования *Туле* (точнее от лежащего в его основе корня) происходят и различные русские слова с корнем «тул», включая и русский город Тулу.

Конечно, вряд ли российская Тула имеет прямое отношение (по принадлежности) к древнему Туле. Однако налицо самоочевидное свидетельство: прапредки русского (так же, как и саамского) народа вполне могли знать о существовании легендарной страны, название которой означало нечто скрытое и заветное — он-то и дал наименование тому месту, где впоследствии возник современный город Тула (дословно — «потаянное место»). Именно такой смысл имеет, согласно Словарю Владимира Даля, понятие «тула». Это — «скрытое, недоступное место» — «затулье», «притулье» («тулить» — укрывать, скрывать, прятать и т. п.). Есть и другие русские слова с этим корнем: «туловище» — тело без учета головы, рук и ног (более чем фундаментальное понятие); «туло» — колчан в виде трубки, где хранятся стрелы (отсюда — «втулка»). Производными от той же корневой основы в русском языке являются слова: «тыл» — затылок и вообще — задняя часть чего-либо, «тло» — основание, дно (в современном языке сохранилось устойчивое словосочетание «дотла»); «тлеть» — гнить или чуть заметно гореть и т. д. (Интересно, что в финском языке слово *tuli* означает «огонь», то есть, как и русское «тлеть», связано с горением.) Таким образом, имя города Тула имеет богатейшее смысловое содержание. Топонимы с корнем «тул» вообще чрезвычайно распространены: города Тулон и Тулуза во Франции, Тулча — в Румынии, Тульчин — на Украине, Тулымский камень (хребет) — на Северном Урале, река в Мурманской области — Тулома, озеро в Карелии — Тулос. И так далее — вплоть до самоназвания одного из дравидских народов в Индии — *тулу*.

О далекой северной островной земле *Тулия* или *Тули* наперебой сообщали и средневековые арабские авторы — географы, историки, космографы. Так, философ Аль Кинди (ум. в 961–962 году) писал об огромном острове Тулия и большом городе на нем с тем же названием, расположенных «в северном конце обитаемой земли, под северным полюсом». Хотя упомянутая страна и окружена «великим морем», дальше нее плыть уже некуда — никакой другой земли в Северном (Ледяном) океане больше нет. Космограф Димешки, развивая данные сведения, подчеркивает, что земля Тулия населена **славянами**. Сказанное перекликается с известиями об Острове русов других арабских путешественников и купцов, побывавших на Руси в основном еще во времена язычества. Почти все они в один голос утверждали, что русские (и

славяне) обитают на каком-то далеком острове. Данный факт, кстати, получил отражение в русских средневековых «Космографиях» и прилагаемых к ним картах, где территория России вплоть до XVIII века изображалась наполовину как архипелаг больших островов, вытянутых полукругом (рис. 3).

Рис. 3.

1. «Остров соловецкой на нем монастырь...»
2. «Полнощь земля темная...»
3. «Царство конское...»

4. «Горы великия стеклянныя... Живут горбатые змеи великия...»

5. «Земля... люди в ней ходят наги...»

6. «...остров макарийский... птицы райския...»

7. «Остров... живут на нем люди главы у них видом песьи...»

8. «Остров... на нем живут люди власы у них имеют видом лбовы».

9. «Остров... живут на нем змии лица девичьи... змееви крылате а зовимы василиски...»

Космография. Первая половина XVIII в.

Судя по всему, о потомках сих земель подробно говорится в агиографическом литературном памятнике, посвященном одному из создателей славянской письменности Кириллу (в миру Константина). В «Житии Константина Философа, первого наставника и учителя славянского народа» (известном в 48 списках), описывается его путешествие (еще до создания славянской азбуки) по землям Хазарского каганата, захватившего в то время обширные русские земли к подчинившего многие славянские племена. Здесь Кирилл, помимо проповеди христианства и всего прочего, овладел древнееврейским языком. Это оказалось немаловажным и для общения с язычниками. Путешествуя по Руси, Кирилл-Константин столкнулся где-то на обратном пути из Хазарии в Византию с таинственным «тульским народом». Приведу этот исключительно интересный фрагмент жития полностью:

«Был же в народе фульском большой дуб, сросшийся с черешней, и под ним приносили жертвы, называя его Александр, — и женскому полу не позволяли ни подходить к нему, ни (приносить) жертвы. И когда услышал о том Философ, не пожалевав трудов, направился к ним. И, став среди них, сказал: „Элины пошли на вечные муки, поклоняясь [как Богу] небу и земле, столь большим и добрым творениям. Так и вы, кто столь убогому созданию, дереву, приготовленному для огня, поклоняетесь, как избежать можете вечного огня?“ Отвечали они: „Не теперь мы стали так делать, но [обычай этот] от отцов приняли, и благодаря ему исполняются все просьбы наши, а больше всего идут частые дожди. И как мы то совершим, что не дерзнул никто из нас совершить? Ведь если кто и дерзнет

сделать это, тогда же и смерть узрит, а дождя уж не увидит до [самой своей] кончины“.

Отвечал же им Философ: „Бог о вас говорит в Книгах, как же вы его отвергаете? Ведь Исаия от лица Господня вопиет, говоря: „Иду я собрать все племена и народы, и придут, и увидят славу мою, и положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис и Фулу, и Луд, и Мосох, и Фовел, и в Элладу, и на острова дальние, где не слышали моего имени, и возвестят славу мою народам“. И снова говорит Господь Вседержитель: „Вот пошлю я рыболовов и охотников многих на холмах и скалах каменных изловить вас. Познайте, братья, Бога, сотворившего вас. Вот — Евангелие Нового Завета Божьего, в котором были вы крещены“. И так, сладкими словами уговорив, приказал им срубить дерево и сжечь его. Поклонился же их старейшина и подошел поцеловать Евангелие, а за ним и все (остальные). И, взяв белые свечи у Философа, с пением пошли к дереву, и, взяв топор, ударил Философ тридцать три раза и приказал всем срубить с корнем и сжечь его. В ту же ночь пошел дождь от Бога. И с радостью великою похвалили Бога, и Бог сильно возрадовался этому“».

(Перевод Б.Н. Флори)

Что же это за такой «тульский народ»? Никто и никогда толком объяснить не мог — ни богословы, ни ученые-комментаторы. Высказывались робкие предположения, что, возможно, «тульцы» имеют какое-то отношение к таврическому городу Фулле (в районе современного Коктебеля), где непродолжительное время процветала греческая колония. Но такая версия ничего не прибавляет к знанию (точнее — к незнанию) о загадочном «тульском народе», ибо в житии о нем говорится как о народе языческом, а в Фулле находилась христианская община и одно время даже существовала собственная епархия. Кроме того, в «Житии Константина Философа» говорится не о жителях города, а о целом народе, на худой конец — о некрещеном племени дендропоклонников (между прочим, в болгарском тексте «Жития» именно так и сказано — «племя», а не «народ»).

Я бы рассудил иначе: не «фульское племя» названо так по имени греческого города Фуллы, а наоборот — византийская колония (просуществовавшая здесь сравнительно недолго) получила название по

местности, издревле (во всяком случае до появления здесь греков) занимаемой никому не известным «тульским народом». Вот только почему неизвестным? Очень даже известным! Туле (откуда и «тульский народ») это автохтонное название Гипербореи — древнейшей северной территории в акватории Ледовитого океана и праматери мировой цивилизации, которая погибла в результате глобального катаклизма и резкого похолодания не позднее XII тысячелетия до н. э. Уцелевшие гиперборейцы-тульцы (в основном с окраинных континентальных территорий) постепенно мигрировали с севера на юг, где положили начало многим современным культурам и народам. Одним из осколков гиперборейцев-тульцев и был поклонявшийся священному дубу «тульский народ», с которым Константин Философ столкнулся на обратном пути «из хазар в греки».^[2] Именно после этого общения с наследниками древней гиперборейской культуры Кирилл-Константин и занялся созданием славянской письменности и русской азбуки.

Но вернемся к проповеди будущего святого и равноапостольного Кирилла среди «тульского народа», который вполне можно именовать попросту *туляками* (название русского города Тула того же происхождения). Будущий создатель славянской письменности прямо напоминал тульцам-тулякам об их гиперборейском происхождении, ссылаясь на библейскую Книгу пророка Исаии (Ис. 66, 19), где среди «дальних островов» упоминается и легендарная Фула (Тула). Правда, в каноническом переводе Библии этот топоним читается как Пула. Это объясняется тем, что перевод Библии на современный русский язык сделан не с древнееврейского оригинала, а с греческого, где много неточностей (например, в том же ветхозаветном отрывке среди перечисления древнейших стран и народов выпало название народа *мосох*, родоначальник которого, внук Ноя — Мосох, считается праотцом *московитов*). Кирилл же пользовался древнееврейским оригиналом Ветхого Завета (вот где пригодилось знание иврита, выученного в Хазарии!), и поэтому библейские цитаты в «Житии» оказались более точными, чем в современном переводе. Между прочим, ссылаясь на книгу другого ветхозаветного пророка — Иеремии (Иер. 16, 16), — Кирилл напоминает «тульскому народу» о местах, где он жил когда-то, — «холмах и скалах каменных» (это — слова из древнееврейского оригинала; в современном русском переводе добавлены еще «ущелья»). Имеет ли «тульский народ» какое-либо отношение к народу русскому? Вполне! Во-первых, наверняка общие (гиперборейские) корни. Во-вторых (если уже говорить о времени создания славянской письменности), в «Житие»

«тульский народ» попал совсем не случайно, а в контексте создания русской азбуки.

Погибший материк Тула-Гиперборея неожиданно появляется из океана забвения в одной из беломорских былин о Потыке, записанных в конце XIX века Алексеем Владимировичем Марковым в Верхней Зимней Золотице от 59-летнего неграмотного крестьянина Власа Ивановича Чекалёва, который сам слышал ее от стариков-поморов, участвуя с ними в рыбной ловле. Усилиями современных интерпретаторов Потык считается второстепенным героем, былинные тексты о нем публикуются (и то далеко не всегда) где-нибудь на задворках фольклорных сборников. Что за имя такое Потык — толком никто объяснить не может, хотя от былинного сюжета так и веет глубокой архаикой: здесь и коварная жена-колдунья Марья Лебедь Белая с ее загадочной смертью и не менее загадочным воскрешением, и погребение заживо (читай — путешествие на тот свет) самого Потыка. Одним словом, захватывающе до невероятного! Но мне придется говорить совсем о другом.

Беломорская былина о Потыке, записанная А.В. Марковым, интересна во многих отношениях. Например, она включает в себя в качестве проходного эпизода основной сюжет былинного цикла о Добрыне Никитиче — бой со Змеем. Добрыня — один из трех названных членов дружинного братства. Два других — Илья Муромец и Потык. Есть еще двенадцать не названных по имени богатырей, которых взял в плен король **Тульской земли**. Именно так поименована она в фольклорном тексте. А сам ее властитель зовется **Тульским королем** — ну точь-в-точь как в знаменитой балладе Гёте (вот ведь какие невероятные совпадения случаются!). Другими словами, в русской былине сохранилась память о древней прародине индоевропейских и других народов земли Туле-Гиперборее. Предлагавшееся же маститыми учеными толкование: дескать, под Тульской землей следует понимать Турцию (а под Тульским королем — турецкого султана) — ни в какие ворота не лезет. Хотя бы потому, что сюжету русской былины многие тысячи лет, а турки-османы появились в Малой Азии и стали историческими соседями Руси только в XIV веке. Не подходят на роль туляков-гиперборейцев и летописные торки.

По справедливости говоря, Тульский король захватывает в плен русских богатырей не вероломно, а честным путем: он выигрывает их у князя Владимира в «пешки-шахматы». Стольнокиевский князь сначала проиграл хозяину Тульской земли золотую казну, а затем, войдя в азарт, — в придачу еще двенадцать богатырей-телохранителей. Вызволить заложников из не слишком почетного плена и берется отважный богатырь

Потык. Выполняет задание он блестяще — без сучка и задоринки: отыгрывает не только русские деньги и незадачливых пленников, но еще и жену себе — Тульскую царевну (королевичну?) по имени Авдотьюшка:

*Да отправилсѧ^[3] Потык в землю Тульскую,
Ко тому королю-ту (так!) да земли Тульския.
Приезжал ведь Потык да сын Ивановиць,
Ише сам говорил ему таковы речи:
«Уж ты вой (так!) еси, король да земли Тульский!
Я приехал играть во пешки-ти как во шахматы».
Они сажались играть с королем де земли как Тульския.
Да недолго ведь Потык как отыгрывал:
Он ведь ступь-ту ступил, на другой ведь мат дает.
Отыграл-то у ёго золотой казны сорок тысячей,
Отыграл у ёго двенадцать-то всих богатырей,
Он ведь выиграл у его да любимую доць,
Да любимую доць да одинокую
Ише по имя Овдотьюшку, Лебедь Белую...*

Дочь тульского короля стала второй женой Потыка. Она, как и первая, — носительница гиперборейской символики. Лебедь — древнейший символ гиперборейского Солнце-бога Аполлона и всей Гипербореи-Тулы. Лебедь, первоначально означавший родовой тотем, запечатлелся и в образах других античных богов (Афродита, Зевс-Лебедь, соблазнивший Леду), а также в образах Лебединого рыцаря Лоэнгрина, классических валькирий с лебедиными крылами на шлеме и сказочных Лебединых дев — популярных персонажей русского, германского, кельтского и другого индоевропейского фольклора, — вдохновивших Пушкина на поэтический образ Царевны-Лебеди.

По эзотерическому преданию, столицей легендарной страны Туле был Город Солнца — Гелиополь. Именно с тех пор священное название, превращенное в своего рода символ, начало свое победное шествие по всему миру. Сам топоним греческого происхождения, но он калькирует исконно автохтонные названия. Одна из религиозных столиц Древнего Египта известна под названием Гелиополя. Развалины таких же «гелиополев» — городов-святилищ Солнца разбросаны по всему американскому континенту — от Мексики и Гватемалы до Боливии и Перу. Впоследствии имя Города Солнца как символ достойной и счастливой

жизни переключался в тайные учения и утопические доктрины — наиболее известной из них явилась знаменитая книга Томмазо Кампанеллы.

Нет нужды говорить также, что в мифологеме русского фольклорно-эпического острова Буяна также нашла отражение родовая память о далекой северной прародине. Архетип Острова широко распространен в мифологиях различных народов мира. Так, в карело-финских рунах, объединенных и литературно обработанных Элиасом Лённротом в стройном тексте «Калевалы», Остров (по-фински — *Sara*) — это далекая, забытая и во многом неизвестная северная прародина, откуда ведут свое подлинное происхождение многие герои. Например, одно из прозвищ Лемминкяйнена — Сарилайнен (что переводится как Островитянин). Точно так же и Северная Страна Тьмы — Похьёла, где разворачиваются многие события «Калевалы», имеет второе, более архаичное, название — *Сариола*.

Северная островная прародина однозначно отождествлялась в народной памяти со Страной счастья и царившим там некогда Золотым веком. Применительно к Похьёле-Сариоле символом такого неизбывного благополучия выступает мельница Сампо, способная обеспечить постоянным пропитанием и достатком любое количество людей. Античный мир создал более обобщенный образ — процветающие Острова Блаженных, царство любви, согласия и благоденствия. Они расположены «за Бореем — Северным ветром», то есть в северной части Океана, который по античным представлениям являлся бескрайней рекой, опоясавшей Землю. Острова Блаженных — Твердыня Крона и Царство Света, где, согласно Пиндару, «под солнцем вечно дни — как ночи и ночи — как дни»:

*Там горят золотые цветы [символика Золотого века. — В.Д.],
Возникая из трав меж сияющими деревьями
Или вспаиваемые потоками.
Там они обвивают руки венками и цепями цветочными
По правым уставам Радаманфа.*

Радаманф (Радамант), сын Зевса и Европы, — один из судей, решающих, кого допустить или не допустить после смерти в Северный рай, так как, согласно позднейшим представлениям, Острова Блаженных сделались еще и прибежищем душ умерших. Впоследствии Блаженные острова стали даже ассоциироваться и с Подземным царством Аида, вселявшим живым ужас, где, несмотря на это, продолжали действовать

законы справедливости: в подземный счастливый мир попадали души только достойных людей, которые устанавливали между собой естественную гармонию. То, что царство Аида находится не где-нибудь, а далеко на Севере, видно из Гомеровой «Одиссеи». Встреча главного героя поэмы с душами умерших происходит в царстве полярной ночи. Для общения с потусторонним миром Одиссею не пришлось спускаться ни в какие подземелья. Чтобы вызвать для разговора души умерших, нужно, оказывается, выкопать яму — длиной и шириной в локоть (но не где попало, а на краю земли и побережья океана, надо полагать, Ледовитого), совершить возлияние медом, вином и водой, а спустя некоторое время принести в жертву бесплодную корову и черного барана. Вот души и слетятся из-под земли как мухи на сладкое. Детали эти вообще-то не очень существенны для рассматриваемой темы. Важно одно — все описываемое происходит на Севере.

Воспоминания о счастливом прошлом индоевропейцев и далекой северной прародине сохранились в священной книге древних иранцев Авесте и соответствующих ей главах величественной эпической поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Здесь рассказывается о благословенном правителе Джемшиде (в Авесте это первопредок Йима), во время 700-летнего царствования которого на земле наступил Золотой век:

*Земля отдохнула, раздоры забыв;
Джемшиду и зверь покорился, и див.
И славной людей одарил он судьбой;
Державный престол озарил он собой.
.
...Забыв о заботах, не помня кручин,
Под говор струны, за ковшам вина,
Вся знать пиновала, веселья полна.
И люди тот праздник святой сберегли,
Как память о древних владыках земли.
Три века так жизнь беспечально текла,
Не знали в ту пору ни смерти, ни зла...*

(Перевод здесь и далее — Ц.Б. Бану-Лахути)

Другое название Страны загробного Блаженства и Счастья, перекочевавшее в средневековую, а затем и в современную культуру, —

Элизиум, или Елисейские поля. На фундаменте этих архаичных представлений в конечном счете сформировалось и христианское понятие рая. Другими словами, подлинные истоки этого фундаментального представления находятся на Русском Севере. Но вначале был северный остров, поименованный в древнеиндийской мифологии Шветадвипа. «Рамаяна» — великий индийский эпос, переполненный полярными реминисценциями, так описывает блаженный край, где живут люди, не ведающие ни бед, ни забот: «Здесь находится великий Белый Остров (Шветадвипа) вблизи Млечного (Ледовитого) океана (Кширода), где обитают великие, могучие люди, прекрасные, как лунный свет. Они стройны и плечисты, наделены великой как физической, так и духовной силой, и голос их подобен грому». «Махабхарата» в книге «Нараяния» также подробнейшим образом описывает светозарную Страну Счастья — Шветадвипу (Белый Остров) «на севере Молочного моря», — где живут «Люди светлые, сияющие подобно месяцу».

В русском народном мировоззрении данная мифологема Страны всеобщего счастья и индивидуального блаженства известна как апокрифические Макарейские (Макарийские) острова (что, собственно, является греческим эквивалентом Блаженных островов: *makarios* означает «блаженный», «счастливый»):

*На Макарийских островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входят смерть и страх
И не доходят великаны, —*

*На Макарийских островах
Живут без горя человеки,
Там в изумрудных берегах
Текут пурпуровые реки.*

*Там камни ценные цветут,
Там все в цветеньи вечно-юном,
Там птицы райские живут —
Волшебный Сирин с Гамаюном...*

Константин БАЛЬМОНТ

Другой мифопоэтический коррелят Золотого века в его привязке к Русскому Северу и блаженным утраченным землям содержится в знаменитой старообрядческой северорусской легенде о Счастливой стране Беловодье, которую традиция изначально помещала в районе (акватории) Ледовитого океана. Уже в полуапокрифическом «Мазуринском летописце» указывается, что легендарные русские князья Словен и Рус, правившие задолго до Рюрика, «обладали северными землями по всему Поморью: <...> и до реки великой Оби, и до устья *Беловодной* воды, и эта вода бела, как молоко...». «Молочный оттенок» в древнерусских записях имело все, что относилось к Ледовитому океану, который и сам нередко именовался Молочным.

Известно старинное устное предание о том, что еще во времена Владимира Стольнокиевского, в аккурат перед самым принятием христианства, явился к князю молодой русский монах по имени Сергей, который принял постриг в Афонском монастыре. Он поведал будущему крестителю Руси об обители вечной красоты и истины — Беловодье, что расположено на Краю света. Путь туда долг и опасен, но тех, кто достигнет заветной цели, ждет блаженство и счастье. Князь Владимир с полной серьезностью отнесся к рассказу: выделил отряд дружинников и велел монаху Сергию добраться до Беловодья, чтобы установить дипломатические контакты с тамошними правителями. К сожалению, дожидаться возвращения этой экспедиции назад в Киев Владимиру суждено не было. Князь умер, а отец Сергей вернулся домой лишь спустя 49 лет. Он нашел то, что искал, но привезенные сведения и даже точный маршрут сделались тайным преданием. Так и передавалась эта легенда из уст в уста, пока не стала достоянием того человека, который, оказавшись в эмиграции, и опубликовал ее в Америке в конце 40-х годов нынешнего века.

В наиболее древних версиях письменных старообрядческих беловодских преданий (а всего известно не менее 10 списков в 3-х редакциях) так-же говорится о Ледовитом океане:

«Также и россияне во время изменения церковного чина Никоном — патриархом московским — и древнего благочестия бежали из Соловецкой обители и прочих мест Российского государства немалое число. Отправились по Ледовитому морю на кораблях всякого звания людей, а другие и сухопутным путем и оттого наполнились те места».

Здесь уже речь идет о потомках тех обитателей счастливой страны,

сведения о которой распространялись на протяжении многих веков. В другой рукописи приводятся более конкретные сведения о жителях (колонистах) Беловодья:

«[Поселенцы] живут в глубине окяна-моря, место называемое Беловодие, и озеров много и семьдесят островов. Острова есть по 600 верст и между их горы. <...> А проход их был от Зосима и Савватия соловецких кораблями через Ледское море».

Впоследствии представления о местонахождении Беловодья изменились. Русские странники, жаждавшие найти Страну Счастья, искали ее и в Китае, и в Монголии, и в Тибете, и в «Опоньском (Японском) государстве». Но мечты об идеале оставались прежними:

«В тамошних местах тяжбы и воровства и прочих противных закону не бывает. Светского суда не имеют; управляют народы и всех людей духовные власти. Там древа равны с высочайшими древами. <...> И всякие земные плоды бывают; родится виноград и сорочинское пшено. <...> У них золота и серебра несть числа, драгоценного камня и бисера драгого весьма много».

* * *

Туле — автохтонное самоназвание древней северной страны. Но античные авторы придумали ей и другое имя — Гиперборея (буквально — «за Бореем»). Как выразился по данному поводу Н.М. Карамзин: «Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело Гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на Север».

Вкратце гиперборейская история и ситуация вокруг нее таковы. Древние эллины, утратив контакты с народами Севера и начисто забыв о своей древней прародине, придумали для всех скопом искусственное наименование — «те, кто живут за северным ветром — Бореем» (по-гречески — «гипербореи»). Таким образом, Гиперборея — древнее название Севера. В этом смысле о гиперборейцах писали еще Гомер и Гесиод (о чем сообщается в «Истории» Геродота), но, к сожалению, именно эти их

произведения до нас не дошли. Правда, гиперборей присутствуют в 7-м так называемом Гомеровском гимне, посвященном Дионису, однако принадлежность данного текста самому Гомеру более чем сомнительна — Гомеровыми гимны названы только из-за стихотворного размера и ритмики, сходных с «Илиадой» и «Одиссеей».

Связь между Элладой и Гипербореей сохранялась на протяжении веков и тысячелетий. Это наложило отпечаток на эпитеты некоторых античных героев: Геракл Гиперборейский, который, как писал Пиндар, «достиг земель, что за спиной у ледяного Борея»; Персей Гиперборейский, который сражался со смертоокой Горгоной Медусой во все тех же владениях «ледяного Борея». Солнцебог Аполлон носил тот же эпитет, потому что родился в Гиперборее и возвращался туда на крылатой колеснице каждые 19 лет. Из Гиперборей в Элладу пришли и первые жрецы — служители Аполлона во главе с прорицателем Оленом.

Один из поздних античных историков и писателей Павсаний (II век н. э.) в своем знаменитом труде «Описание Эллады» (X, 5, 4—10) приводит следующие удивительные подробности появления одного из главных святилищ Древней Греции — храма Аполлона в Дельфах. Сначала здесь появились гиперборейцы, в их числе был и будущий первый дельфийский жрец, у него, по «странному совпадению», было славяно-русское имя Олен[ь]. Кстати, имя родоначальника всех древнегреческих племен и единого народа — Эллина также представляет собой грецизированную форму общеиндоевропейского слова «олень» и близкого ему по смыслу и происхождению слова «лань». Олен[ь] — гипербореец, и его спутники были направлены в Дельфы Аполлоном. Отсюда напрашивается бесхитростный вывод: сам (будущий) бог в то время был далеко — скорее всего, в Гиперборее, откуда выехало посольство. Став пророком и прорицателем, Олен[ь] воздвиг в Дельфах первый храм: сначала деревянный, похожий на лачугу, пишет Павсаний (его модель, сделанную из воска и перьев, Аполлон впоследствии пошлет в подарок в Гиперборею), и лишь спустя длительное время, после многих пожаров и разрушений построили тот каменный храм, жалкие остатки которого сохранились по сей день.

История, пересказанная Павсанием, сохранилась и в виде канонических дельфийских текстов:

*Так многославное тут основали святилище Богу
Дети гипербореев, Пегас со святым Агийеем.
Также Олен[ь]: он первым пророком был вещего Феба,*

Первый, песни который составил из древних напевов.

Как видно, тут прямо указано, что культовый и обрядовый канон Аполлона Дельфийского был составлен на основе гиперборейских преданий. В дальнейшем Олен[ъ]-песнопевец передаст искусство стихосложения священных пророчеств в гекзаметрах пифиям — жрицам Аполлона: сидя на треножнике, они предсказывали судьбу в окружении ползающих змей, вдохновленные одурманивающими испарениями или воскурениями.

Гиперборея столь же знаменита, как и ее географическая сестра — Атлантида. Обе — звенья одной цепи, участь обеих одинакова: они погибли в результате мощного природного катаклизма. Но какие бы катаклизмы ни сотрясали Землю, всегда остаются неуничтожимые следы. Во-первых, чудом сохранившиеся свидетельства античных источников — разрозненные, противоречивые, но нисколько не утратившие своей ценности. Во-вторых, материальные памятники (точнее — то, что от них осталось по прошествии тысячелетий), сохранившиеся по периферии и на возвышенностях погрузившегося на дно материка — Арктиды-Гипербореи: наиболее перспективными в данном плане являются Кольский полуостров, край древнего Солнечного Божества — Коло, Карелия, Полярный Урал, Новая Земля, Шпицберген (русский Грумант) и другие северные территории.

Киевский читатель моих предыдущих книг, И.Н. Кисилев, геолог, напомнил в своем письме об уникальной находке гиперборейского артефакта на идном из 191 островов Земли Франца Иосифа во время съемок советско-итальянского фильма «Красная палатка», посвященного гибели экспедиции Умберто Нобиле, который пытался на дирижабле достичь Северного полюса. Фильм вышел на экраны в 1973 году и стал последней работой выдающегося кинорежиссера Михаила Константиновича Калатозова (1903–1973). Натурные съемки проводились в Арктике, и в состав съемочной группы входил отряд профессиональных альпинистов. Прибыв на остров Чамп, расположенный в центральной части архипелага, дабы совершить восхождение на его сравнительно небольшую вершину (620 м над уровнем моря), они, к своему удивлению, обнаружили в 40 метрах от берега три огромных каменных шара (диаметр наибольшего — около 3-х метров). Находка была заснята и наводила на мысль о точно таких же таинственных каменных шарах, во множестве найденных в джунглях Центральной Америки. С точки зрения геологии естественное

происхождение подобных феноменов идеально округлой формы абсолютно исключено. О загадочной находке сообщалось в прессе, но открытие не произвело эффекта разорвавшейся бомбы.

Идейное гиперборейское наследие дожило до наших дней в виде мифологемы Золотого века.

О жителях Гипербореи сообщали многие античные авторы. Один из самых авторитетных ученых Древнего мира — Плиний Старший (23–24 — 79 годы н. э.) — писал о гиперборейцах как о реальном древнем народе, жившем у Полярного круга и генетически связанном с эллинами через культ Аполлона Гиперборейского. В «Естественной истории» (IV, 26) дословно говорится:

«За этими [Рипейскими] горами, по ту сторону Аквилона, счастливый народ (если можно этому верить), который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Верят, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил. Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, когда солнце не скрывается (как о том думали бы несведущие) от весеннего равноденствия до осеннего, светила там восходят только однажды в год при летнем солнцестоянии, а заходят только при зимнем. Страна эта находится вся на солнце, с благодатным климатом и лишена всякого вредного ветра. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ Богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью. <...> Нельзя сомневаться в существовании этого народа [выделено мной. — В.Д.]».

Даже из этого небольшого отрывка из «Естественной истории» нетрудно составить ясное представление о Гиперборее. Первое — и это самое главное — она размещалась там, где Солнце может не заходить по нескольку месяцев. Другими словами, речь может идти только о приполярных областях, тех, что в русском фольклоре именовались Подсолнечным царством. Другое важное обстоятельство: климат на Севере Евразии в те времена был совсем другим. Это подтверждают и новейшие комплексные исследования, проведенные недавно на севере Шотландии по международной программе: они показали, что еще 4 тысячи лет назад климат на данной широте был сравним со средиземноморским и здесь

водилось большое количество теплолюбивых животных.

Впрочем, еще ранее российскими океанографами и палеонтологами было установлено, что в 30–15 тысячелетии до н. э. климат Арктики был достаточно мягким, а Северный Ледовитый океан был теплым, несмотря на присутствие ледников на континенте. Академик Алексей Федорович Трешников пришел к выводу, что мощные горные образования — хребты Ломоносова и Менделеева — сравнительно недавно (10–20 тысяч лет тому назад) возвышались над поверхностью Ледовитого океана, который сам тогда — в силу мягкого климата — не был полностью скован льдом. Примерно к таким же выводам и хронологическим рамкам пришли американские и канадские ученые. По их мнению, во время Висконсинского оледенения в центре Северного Ледовитого океана существовала зона умеренного климата, благоприятная для такой флоры и фауны, которые не могли существовать на приполярных и заполярных территориях Северной Америки. В русле тех же представлений Петр Владимирович Боярский — начальник Морской арктической комплексной экспедиции — успешно обосновывает гипотезу о Грумантском мосте, некогда соединявшем многие острова и архипелаги Ледовитого океана.

Убедительным подтверждением неоспоримого факта благоприятной климатической ситуации, существовавшей в прошлом, служат ежегодные миграции перелетных птиц на Север — генетически запрограммированная память о теплой Прародине. Косвенным свидетельством в пользу существования в северных широтах древней высокоразвитой цивилизации являются также находящиеся здесь повсюду мощные каменные сооружения и другие мегалитические памятники: знаменитый кромлех Стоунхенджа в Англии, аллея менгиров во французской Бретани. В России аналогичные менгиры зафиксированы на Таймыре, на Кавказе, на Алтае, в Восточной Сибири — и так до Камчатки. Несомненное гиперборейское происхождение имеют также каменные лабиринты Скандинавии, Кольского полуострова, Соловецких островов и Новой Земли.

Среди античных авторов о Гиперборее несомненного внимания заслуживает сообщение известного римского географа I века н. э. Помпония Мелы:

«Первый народ азиатского побережья — гиперборейцы. Они живут на крайнем севере, по ту сторону Рипейских гор, под самой Полярной звездой, солнце у них не восходит и не заходит каждый день, как у нас: оно восходит во время весеннего равноденствия и заходит во время равноденствия осеннего.

Поэтому день продолжается у них шесть месяцев, и столько же месяцев тянется ночь. Это — поистине священная земля, солнца здесь много, и почва плодородна. Жители этой земли — справедливейшие люди, живут они дольше и счастливее, чем другие смертные. Постоянно наслаждаясь веселым досугом, они не знают ни войн, ни раздоров. Они ревностно исполняют священные обряды и особенно почитают Аполлона. Говорят, что первые плоды нового урожая они отправляли на Делос. Сначала они посылали с плодами своих девушек, а затем передавали плоды через посредство народов, живущих на пути к Делосу. Обычай этот сохранялся у них долго, до тех пор, пока он не был осквернен злоупотреблениями племен-посредников. Живут они в рощах и лесах. Когда кто-нибудь почувствует, что насытился жизнью (насладился, но не получил к ней отвращения), он украшает себя гирляндами и в самом веселом расположении духа бросается в море с определенной скалы. Такой вид смерти считается у них самым лучшим».

Сообщение Мелы достаточно приближено к нашему времени. Хотя оно во многом опирается на «Естественную историю» Плиния, в нем имеются некоторые существенные географические детали, касающиеся Гипербореи: она располагается уже не на островах посреди Ледовитого (Скифского) океана, а на материке в окружении скифов. Это нашло отображение и на карте (рис. 4), выполненной, впрочем, уже в наше время (остров Туле на ней неоправданно оторван от Гипербореи: оторван не в географическом, а в культурологическом плане). Еще одно, столь же важное как и вышеприведенные, свидетельство античного историка Диодора Сицилийского (ок. 90–21 годы до н. э.), опиравшегося на утраченный труд историка Гекатея, жившего в VI веке до н. э.:

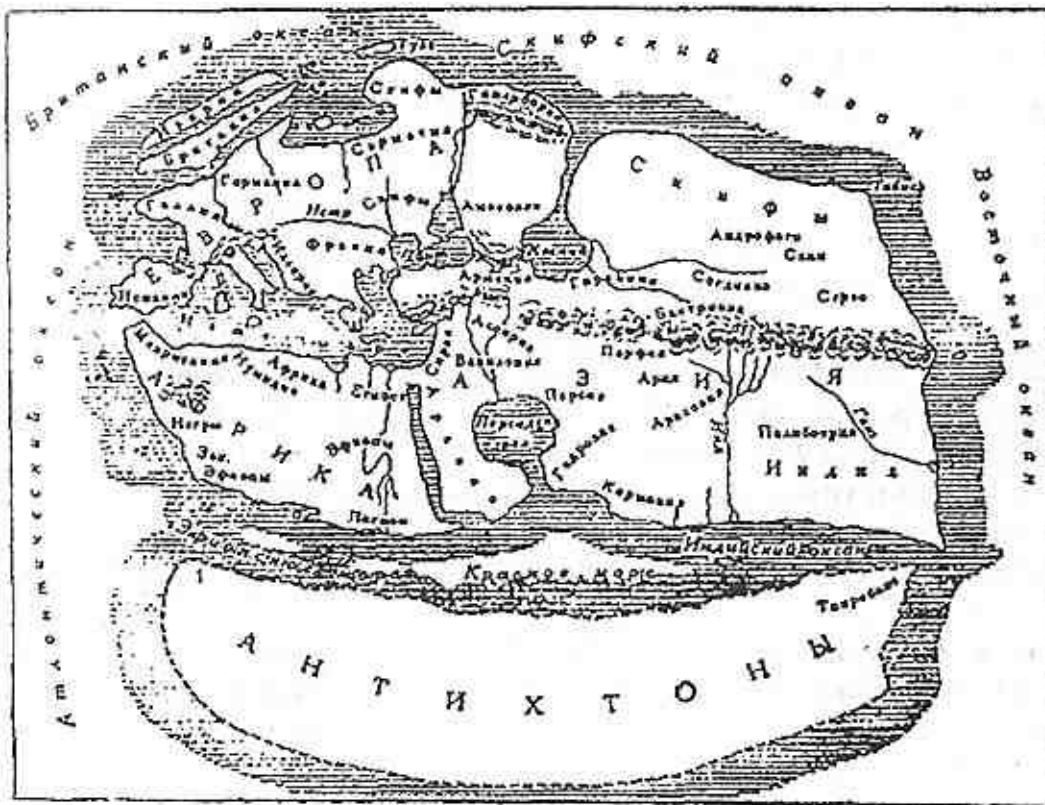

Рис. 4. Мир по Помпонию Меле

«Гекатей и некоторые другие, которые изучают старинные истории и традиции, приводят следующее описание: „Напротив галльского берега к северу есть остров в океане не меньше Сицилии, который населен гиперборейцами, названными так, потому что живут за спиной Северного ветра. На этом острове хороший климат, плодородная земля и много плодов, созревающих дважды в год. Говорят, что здесь родилась Латона, и поэтому местные жители почитают Аполлона больше, нежели других богов. Они в некотором роде его священнослужители, потому что целыми днями восхваляют его в песнях и оказывают ему всякие почести.

На острове есть великолепная роща (владения) Аполлона и прекрасный храм круглой формы, в котором скопилось много богатых священных даров. Здесь есть город, посвященный тому же богу, большинство жителей которого арфисты, они постоянно играют на своих арфах в храме и поют гимны богу, прославляющие его деяния. Гиперборейцы говорят на странном языке и привязаны к грекам, особенно афинянам и делосцам, с

которыми дружат с незапамятных времен. Считается, что некоторые греки когда-то посещали гиперборейцев, которым оставили священные дары великой ценности, а еще, и тоже давно, Абарис приплыл из Гипербореи в Грецию и восстановил родственные связи с делосцами.

Говорят, что на этом острове луна спускается очень низко к земле, и различные возвышенности и впадины хорошо на ней видны; что Аполлон посещает остров раз в девятнадцать лет, так как за это время звезды делают полный круг, и потому греки отмечают цикл из девятнадцати лет названием „Великий год“. Когда бог на острове, он каждую ночь играет на арфе и танцует, и это продолжается от весеннего равноденствия до появления Плеяд, которые радуются его успехам. Высшая власть в городе и на всем острове отдана в руки людей, которых называют Бореады, ибо они потомки Борея, и власть переходит от одних к другим по прямой линии“».

Гипербореец Абарис, о котором упоминает Диодор, — одна из самых загадочных личностей античной истории и культуры. Геродот сомневался в правдивости рассказов о посланнике Гипербореи, который странствовал по всей земле со стрелой в руке. Высказывались разные предположения по поводу смысла, заключенного в имени первого «гражданина мира», свободно перемещавшегося по всему свету. Сближали его даже с легендарными обрами (аварами), упомянутыми в русских летописях. Имеется не меньше оснований видеть в певучем гиперборейском имени сокращенный этноним «обдорит» (так называлось одно из древнеславянских племен, по-русски — «бодричи»). Однако, представляется, ключ к разгадке таинственного имени следует искать в Сибири.

Этимологи считают, что название великой сибирской реки Оби происходит от древнеиранского слова *аб*, переходящего в *об* (например, в таджикском языке) и означающего «вода». В коми-языке, относящемся к совершенно другой, финно-угорской, языковой семье, это слово означает «снежная вода». Удивляться всему этому не приходится, так как все языки происходят из общего лингвистического источника. По древнему имени Оби ее низовья еще до недавнего времени именовались *Обдорами*, а весь северный сибирский край — *Обдorieй*, откуда и город-острог, построенный русскими в конце XVI века в устье Оби был назван *Обдорском* (в 1933 году он был переименован в Салехард — ныне столица

Ямало-Ненецкого автономного округа). Нетрудно заметить, что в имени Абарис явственно просматривается архаичный корень «аб» («об»). Другими словами, есть все основания предположить, что само имя связано с местом рождения или проживания его обладателя. Край этот — бассейн реки Оби (в данном случае даже не важно, о какой именно ее географической части идет речь).

Притчей во языцех для античных авторов стала и знаменитая стрела Абариса. Никто не смог толком объяснить ее предназначение. Впрочем, некоторые давали правильное истолкование, не понимая, однако (как бы ни странно это показалось), подлинного смысла собственных же слов. Например, крупный философ-неоплатоник Ямвлих (не позднее 280–330 годов н. э.) сообщил в своей книге «Жизнь Пифагора» некоторые исключительно важные подробности об Абарисе, почерпнутые, вероятно, из не дошедших до нас письменных источников.

Главное, пожалуй: Пифагор — ученик Абариса, но и независимо от этого, оказывается, был и раньше связан с Гипербореей и даже имел прозвище «Гиперборейский». Между прочим, известный позднеантичный писатель Элиан, живший на рубеже II и III веков н. э., также свидетельствует, ссылаясь на авторитет Аристотеля, что Пифагор был гиперборейцем и носил соответствующее прозвище. Свою таинственную стрелу (или одну из стрел?) Абарис подарил Пифагору. Дабы она (внимание!) «могла ему быть полезной для преодоления встречающихся трудностей во время странствий». Понятно? Ну конечно же — речь идет о компасе, о котором эллины и римляне (как, впрочем, и другие древние народы, кроме китайцев) не имели ни малейшего представления. Выходит, однако, что во времена Пифагора компасом успешно пользовались гиперборейцы. Но Ямвлих сообщает еще об одной «стреле» Абариса, на которой якобы можно было летать. Последнее также согласуется с многочисленными свидетельствами античных источников о летательных способностях гиперборейцев.

* * *

Древнюю технику полета олицетворял Солнцебог Аполлон, родившийся, как уже говорилось, в Гиперборее, носивший соответствующие титул и эпитет, прибывший в свое время из Гипербореи в Элладу, где его соотечественники по гиперборейскому образцу построили Дельфийский храм, и впоследствии регулярно — раз в 19 лет —

посещавший на летающей колеснице свою северную родину. Сохранилось несколько изображений Аполлона, летящего к гиперборейцам. При этом художники упорно воспроизводили совершенно нетипичную для античной изобразительной символики крылатую платформу, восходящую, надо полагать, к какому-то реальному первообразу (рис. 5).

Рис. 5. Аполлон летит к гиперборейцам (с античной вазы)

Крылатыми или окрыленными были и другие Божества и герои Древней Эллады, так или иначе связанные с Гипербореей. Нередко изображалась крылатой Аполлонова сестра-близняшка Артемида: вместе с братом она была зачата и рождена в краю незаходящего Солнца. Аполлодор (1, IV, 5) рисует ее заступницей гиперборейцев. О гиперборейской принадлежности Артемиды говорится и в древнейшей оде Пиндара, посвященной Гераклу Гиперборейскому. Согласно Пиндару, Геракл «достиг земель, что за спиной у ледяного Борея» (то есть Гипербореи), чтобы совершить очередной подвиг — добыть Киринейскую Лань. Крылатую атрибутику (летающие сандалии) имеет и бог Гермес, он также был тесно связан с северными широтами. И не мог не быть связан — коль скоро прапредки эллинов были родом из своей индоарийской полярной прародины, откуда они и двинулись на Балканы после климатического катаклизма, унеся с собой и архаичную мифологию. Персей

Гиперборейский завладел своими знаменитыми крылатыми сандалиями тоже на родине Солнца — в Гиперборее. Для этого ему пришлось обмануть сестер Горгоны Медусы — грай (старух), у которых был один-единственный зуб и один-единственный глаз на троих.

Воспоминания о летательных способностях наших далеких предков и прапредков теряются в седой древности. Согласно представлениям индоариев, которые сформировали ядро своей идеологии на Полярной прародине, владыкой Севера и хранителем традиций Золотого века был бог богатства *Кубера*, он же — властелин Подземного царства и хранитель его несметных сокровищ. На отрогах вселенской горы Меру Кубера владел райским садом, но предпочитал жить под землей, где скопил несметные богатства. Среди множества волшебных диковинок, которыми обладал Кубера, была и летающая колесница. Впоследствии ее похитил злой демон (ракшас) *Равана* — главный соперник и враг всех ведийских богов: на ней он сражался с Рамой — героем великого индийского эпоса «Рамаяна». Но создана летающая колесница была на Севере, что вполне соответствует сведениям древних авторов о гиперборейцах как о летающем народе. Еще Овидий писал об одеянии гиперборейцев — «будто бы тело у них одевается в легкие перья» (*Ovid. Met. XV, 357*), что дает основание предположить, что в далеком прошлом на Севере существовала чуть ли не «перьевая» (и одновременно — «меховая» и «деревянная») цивилизация. До сих пор у многих народов, включая лапландских саамов, существуют так называемые «птичьи танцы» (рис. 6). Подобные танцы широко распространены во многих архаичных культурах.

Рис. 6. Лопарский «птичий танец» на саамских играх в Ловозере (1998 г.). Фото Валерия Демина

Думается, не случайно и в северном искусстве сложился настоящий культ крылатых людей. Во множестве сохранились изображения вероятных летательных аппаратов — типа воздушных шаров — среди наскальных рисунков Онежского озера. Есть среди них и предположительное изображение летящего гиперборейца. Русский фольклор также сохранил немало образов-символов летательных средств: Летучий корабль, Деревянный орел (рис. 7), Ковер-самолет, Ступа Бабы-Яги и др. Уместно также предположить, что особо любимые и чтимые на Руси образы птицедов Сирина, Алконоста, Гамаюна уходят своими корнями в глубокую гиперборейскую древность — необязательно напрямую, а скорее всего, через взаимодействие разных культур, опосредованных в пространстве и во времени. Похожая птицедева — Лебединая богиня — известна и у российских ненцев. Совсем недавно множество литых бронзовых фигурок крылатых людей, вновь заставляющих вспомнить о гиперборейцах, обнаружено при раскопках святилища на острове Вайгач, расположенном в акватории Ледовитого океана — месте прописки древней Гипербореи (рис. 8).

Рис. 7. Деревянный орел. Художник Георгий Нарбут

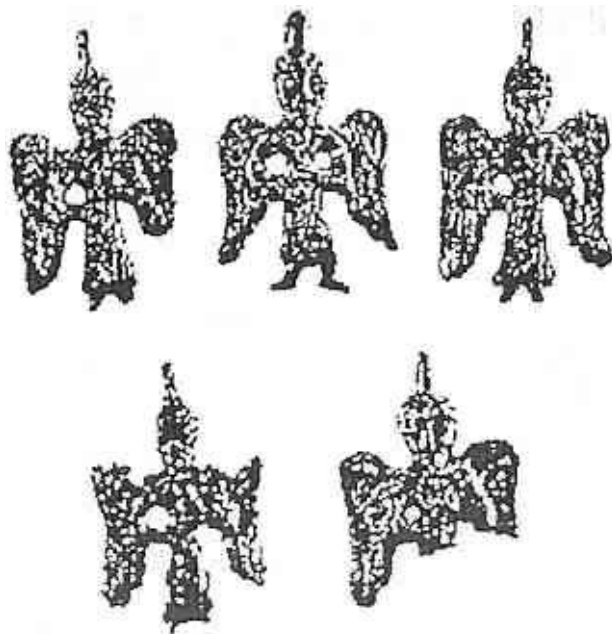

Рис. 8. Крылатые люди (гиперборейцы?) с о. Вайгач

Множество стилизованных бронзовых изображений птицелюдей было найдено в разных местах Прикамского региона и Приполярного Урала —

образцы так называемого Пермского звериного стиля (рис. 9). Почему-то их принято именовать «чудскими древностями» и односторонне привязывать к финно-угорской культуре: раз последними по времени аборигенами здесь являются коми, ханты, манси и другие народы, значит, именно им и принадлежат обнаруженные археологами предметы и изделия. Однако истоки финно-угорских, самодийских, индоевропейских и всех других народов следует искать в северной Гиперборее с единым языком и культурой. Именно в эту гиперборейскую древность уходят и корни «пермского стиля» с его крылатыми птицелюдьми, распространенными, впрочем, по всему земному шару — вплоть до Южной Америки и острова Пасхи.

Рис. 9. «Чудь летающая» — бронзовые фигурки из Прикамья

Описания «механизма» архаичных полетов во множестве сохранились в памяти северных народов в виде устойчивых фольклорных образов, бережно передаваемых из поколения в поколение. В саамских преданиях такой полет описывался очень просто: разжигался костер из стружек, накрывался мокрой рогожей, на рогожку мог садиться всяк желающий, и жаром его поднимало на небеса аж до самого Господа Бога. Одним словом,

саамский Ковер-самолет. Такие «полеты» лопарей со слов всю жизнь прожившего среди них русского сказителя записал в начале века Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954).

В «Калевале» многие события разворачиваются на родине саамов — в Лапландии-Сариоле, описывается полет на орле старца-богатыря Вяйнямёйнена к пределам далеких северных земель:

*Богатырь из волн поднялся,
На крыло к орлу уселся,
У хвоста, у самой кости.
Вот несет орел небесный
Вяйнямёйнена седого,
Он несет его по ветру,
По пути ветров весенних,
К дальним Севера границам,
К той суровой Сариоле...*

Практически теми же словами рассказывается о полете на «самолетном деревянном орле» русских героев в северное Подсолнечное царство. В великой поэме Фирдоуси «Шахнаме», во многом построенной на основе древних фольклорных сказаний, также рассказывается о полете царя Кей-Кавуса на орлах. Безусловно, нельзя не вспомнить и кульминационный эпизод «Калевалы», где рассказывается о решающем морском сражении между главными героями карело-финского эпоса с противостоящим им народом Похьёлы (Сариолы) за обладание волшебной мельницей Сампо. Действие происходит посреди моря-океана. Испробовав все боевые средства против сынов страны Калевы и потерпев неудачу, владычица Похьёлы — ведьма Лоухи — оборачивается гигантской птицей — «летучим кораблем». Вот как это выглядело в передаче народных сказителей:

*Сто мужей на крылья сели,
Тысяча на хвост уселась,
Села сотня меченосцев,
Тысяча стрелков отважных.
Распустила Лоухи крылья,
Поднялась орлом на воздух.*

Летательными способностями обладает и кельтская волшебница Моргана — она такая же ведьма, как и Лоухи, только помоложе, поутонченней и покрасивее (кстати, по-кельтски ее имя звучит Морриген, что и по смыслу и по вокализации совпадает со славянской богиней смерти Мореной-Мораной):

*Знает искусство она изменять обличье и может
В воздухе на новых крыльях взлетать, подобно Дедалу,
Если захочет, летит в Бристиду, в Карнот иль в Папию,
Если захочет, и к нам соскользнет с высокого неба.
Той же волибе, говорят, и другие обучены сестры...*

Гальфрид Монмутский. «Жизнь Мерлина»

В древних сказаниях других народов также встречаются упоминания о совершенных средствах воздушного передвижения. Так, в бурятской версии великого дальневосточного эпоса «Гэсэр» рассказывается о железной птице, сделанной, кстати, на Севере:

*Стали хитрым трудом трудиться
Три владыки, три колдуна.
Сотворили огромную птицу,
Что, казалось, земле равна.
.
Рукотворная птица разом
На высокое небо взлетела —
Как земля, велико ее тело!
Распростертые мощные крылья
И луну и солнце закрыли.
Расширялась когтистою тучею,
В небе тварь пожирая летучую.*

Однако имеются и более технологические описания подобных летательных аппаратов. И содержатся они, как бы это парадоксально ни показалось на первый взгляд, в преданиях об Атлантиде, которые сохранились в секретных архивах розенкрейцеров, иллюминатов и масонов. В Наполеоновские времена (то есть приблизительно на рубеже

XVIII и XIX веков) сведения эти стали достоянием более широкой публики, постепенно просочились в открытую печать, затем ими основательно завладели теософы и антропософы. Не следует думать, что упомянутые легенды — сплошь мистическая выдумка и чепуха. Как раз-таки наоборот. Если Платон, суммируя все известное к тому времени об Атлантиде, опирался в основном на устную традицию, то в секретных архивах тайных орденов наверняка сохранились подлинные документы. К таковым относятся, видимо, и карты эпохи Александра Македонского, которыми пользовался Колумб, а также отец и сын Меркаторы.

Сказанное относится и к сведениям о летательной технике Древности, традиционно связываемой с Атлантидой. Как известно, однако, судьба Атлантиды неотделима от судьбы Гипербореи: их постигла одинаковая участь, по мнению некоторых античных авторов (например, Аполлодора) они попросту тождественны. Скорее всего, на масонско-теософские сведения о высокой технической развитости Северной цивилизации ориентировался и Александр Васильевич Барченко (1881–1938), задумывая свою экспедицию на священное саамское Сейдозеро в Русской Лапландии и в другие сакральные места. Возможно, он видел и сами документы, возможно, рассказывал о них Дзержинскому. А быть может, только намекал, что неплохо было бы всеильной службе безопасности раздобыть эти документы (если, конечно, к тому времени документы давно уже не находились в руках чекистов и не хранились за семью печатями где-нибудь на Лубянке).

Так или иначе, но сообщения о высокоразвитой летательной технике Древности (здесь уже безразлично, идет ли речь об атлантах или гиперборейцах) подверглись взыскательной научно-технической экспертизе со стороны серьезных ученых. Один из видных специалистов и пионеров в области воздухоплавания, авиации и космонавтики профессор Николай Алексеевич Рынин (1877–1942) издал в 1928–1932 годах уникальный 9-томник «Межпланетные сообщения», где собрал все доступные к тому времени сведения по истории и предыстории вопроса, включая древние и средневековые легенды и гипотезы писателей-фантастов. Он-то и попытался дать беспристрастную оценку техническим достижениям древних гиперборейских и атлантидских авиаторов.

По теософским данным, первобытные летательные аппараты строились либо из легкого металла, либо из специально обработанного дерева (последнее в наибольшей степени подходит для летающего корабля Лоухи). Древние «летучие корабли» были разных типов и вместимости. Они могли перевозить по воздуху от 5 до 100 человек (последняя цифра в

точности соответствует данным «Калевалы»). Между прочим, беспримерный компендиум Рынина, посвященный мифологическим и научно-фантастическим полетам над Землей и за ее пределами, начинается с «Калевалы», с подъема Лоухи к Солнцу и Месяцу и их похищения.

Летали древние корабли ночью и днем, в темноте светились. В качестве движущей силы использовалась субатомная энергия громадной мощности. Первобытный самолет состоял из центрального корпуса, боковых крыльев, килей и рулей. Сзади имелось два подвижных сопла, через них вырывались потоки огненной субстанции. Короче, принцип движения летательного аппарата был *ракетным*. Кроме того, под дном корабля находилось еще восемь сопел, с их помощью обеспечивался вертикальный взлет корабля. Реактивные аэропланы управлялись в полете автоматически, навигация осуществлялась при помощи визир-компасов. Скорость полета достигала 200 км/час [вообще-то это не так уж и много. — В.Д.]. Летали аппараты на высоте 300–400 м [тоже, прямо скажем, не слишком высоко, но зато напоминает современную крылатую ракету. — В.Д.]. Горы не перелетались, а облетались. После гибели Атлантиды (по утверждениям теософов, это произошло в 9564 году до н. э.) часть ее уцелевших жителей перелетела на таких кораблях в другие страны и на другие континенты.

Дополнительным доводом в пользу вышесказанного о летательной технике далекого прошлого может послужить еще один факт, продолжающий «крылатую тематику». Археологов не перестает удивлять обилие так называемых «крылатых предметов», постоянно находимых в эскимосских могильниках и относимых к самым отдаленным временам истории Арктики, — многие из них испещрены солярными знаками (рис. 10). (Между прочим, по эскимосским преданиям, прародители этого народа когда-то прилетели на Север на железных птицах.) Сделанные из моржового клыка распростертые крылья из эскимосских могильников, не вписывающиеся ни в какие каноны, сами собой наводят на мысль о древних летательных приспособлениях.

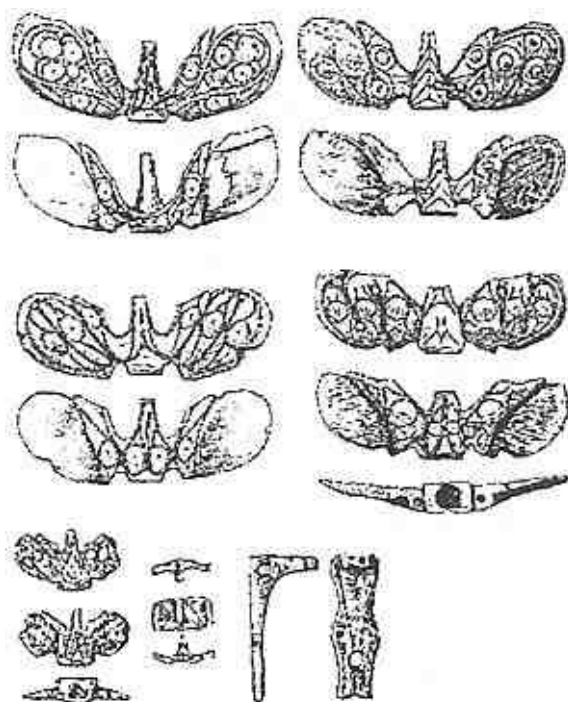

Рис. 10. Эскимосские «крылатые предметы»

Впоследствии крылатые символы, передаваясь из поколения в поколение, распространились по всему свету и закрепились практически во всех древних культурах: египетской, ассирийской, хеттской, персидской, ацтекской, майя и так — до Полинезии. Ныне парящие крылья как архетип (подсознательная память о заре человечества) стали эмблемой российской авиации и космонавтики.

Сохранилась карта Меркатора, основанная на каких-то древних знаниях, на которой Гиперборея изображена в виде огромного арктического материка с высокой горой посередине (рис. 11). Вселенская гора прапредков индоевропейских народов — Меру — располагалась на Северном полюсе и являлась центром притяжения всего небесного и поднебесного мира. Любопытно, что, согласно просочившимся в печать ранее закрытым данным, в российских водах Ледовитого океана действительно существует подводная гора, практически достигающая ледяного панциря (есть все основания предполагать, что она, как и упомянутые выше хребты, погрузилась в морскую пучину сравнительно недавно).

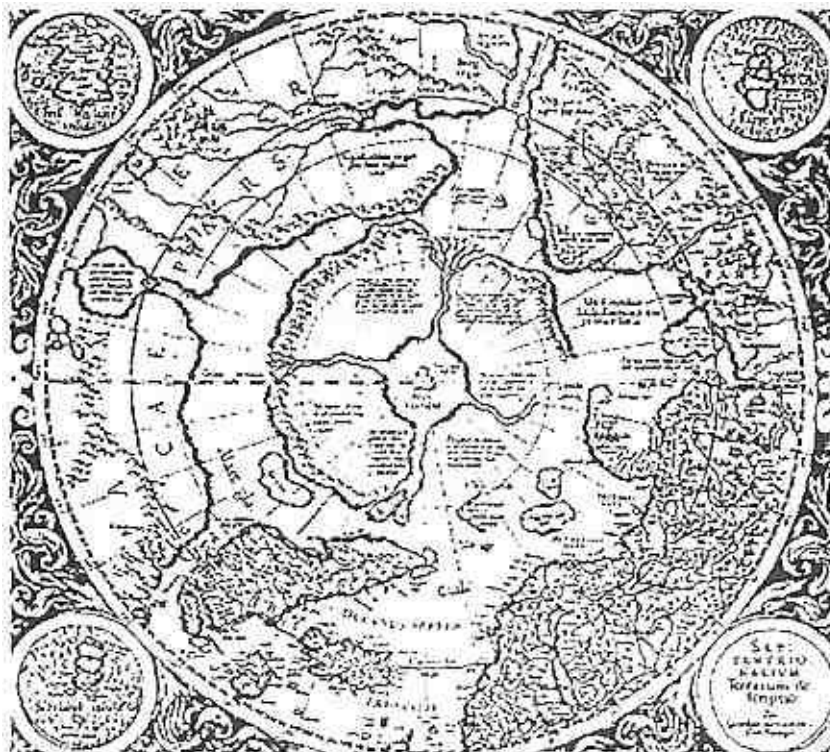

Рис. 11. Гиперборея на карте Меркатора-сына (1595 г.)

О сопряженности Гипербореи с Россией известно давно. Мишель Нострадамус (1503–1566) именовал россиян «народом гиперборейским». Еще раньше крупнейший средневековый философ Роджер Бэкон (ок. 1214 — ок. 1292) писал в своем главном произведении «Великое сочинение» («Opus majus») о сопряженности русских с гиперборейцами:

«За Россией, к северу, живет племя гипербореев, которое так именуется от больших гор, называемых Гиперборейскими. И это племя из-за живительного воздуха, живет в лесах, племя до такой степени долговечное, что они не думают о смерти. Племя тихое и миролюбивое, ведущее благонравнейший образ жизни, никому не причиняющее зла и не испытывающее беспокойства со стороны других. Напротив, другие сбегаются к ним, словно в приют...»

Как принято говорить в подобных случаях: «Не твоя ли история это?..» Читателю предоставляется право самому определить, что можно, а что нельзя отнести к характерным чертам народов, ныне населяющих Русскую Землю.

Глава 2

БЕЗДНА ТАЙН В КРАЮ СЕМИЗВЕЗДИЯ

И в небе теплятся лампы Семизвездья.

Максимилиан ВОЛОШИН

*Чей разум угадал сквозь льды
Давно желанный путь,
Куда нищьи не шли следы,
Где замерзает ртуть,
Там каждый миг и каждый час
Всеми конец готов...*

Анна АХМАТОВА

*И я, не избежав изгнания,
Пытаясь скрасить горький век,
Собрал и объяснил названия
Гиперборейских гор и рек.*

*И, озарен незримым светом,
Я был пред вечностью склонен,
Уподобляя самоцветам
Слова исчезнувших племен.*

Сергей МАРКОВ

Septentrio — Страна Семизвездия (Большой Медведицы) — так на некоторых средневековых картах обозначена таинственная Гиперборея-Туле. Издревле здесь обитало множество разных народов. Одни из них были прямыми потомками гиперборейцев, другие — их пришлыми соседями. Геродот, для которого знания о далеком прошлом как его собственного эллинского народа, так и других неэллинских (варварских) народов были практически полностью утрачены, попытался все же нарисовать картину обитания северных племен. Получилась она если уж и не совсем странной, то уж наверняка более чем загадочной и плохо поддающейся расшифровке. Посудите сами:

«В северных областях Европы, оказывается, много золота. Как оно добывается, этого я точно сказать не могу. Говорят, что одноглазые люди — аримаспы похищают его у грифов. Но я в это не верю, равно как и в то, что люди рождаются одноглазыми, имея прочие свойства такие же, как и у остальных людей. Но, по-видимому, самые крайние области, которые замыкают и заключают внутри себя всю остальную землю, действительно имеют то, что считается у нас самым прекрасным и самым редким. <...>

Аристей, сын Каистробия, муж родом из Проконнеса, сказал в своих стихах, что одержимый Фебом, он дошел до исседонов, а что выше исседонов живут одноглазые мужи — аримаспы, а выше этих — гипербореи, достигающие моря. Кроме гипербореев, все эти племена, начиная с аримаспов, всегда нападали на соседей. И как аримаспами вытесняются из страны исседоны, так исседонами — скифы».

Современники обвиняли Геродота в мифотворчестве, имея в виду именно данный фрагмент и ему подобные, хотя сам «отец истории» всячески оговаривается, опасаясь более всего быть обвиненным во лжи. И все же к загадочной личности путешественника и поэта Аристея он обращается вновь и вновь. Дело в том, что эллинский пионер исследования Севера не просто странствовал по приполярным и заполярным областям целых семь лет, но и написал о своих странствиях поэму под названием «Аримаспея». Она была широко известна и популярна в Древнем мире, хотя ко времени написания Геродотовой «Истории» оказалась утерянной (сохранилось всего лишь три строчки).

Во время путешествия в далекие северные края Аристей вовсе не оставался сторонним наблюдателем увиденного и услышанного. Он тщательно вникал во все происходящее и в результате овладел шаманскими навыками (или же был посвящен в них). По сообщениям позднейших античных авторов (Максим Тирский и Суда), Аристей в присутствии многих свидетелей впадал в транс, наподобие хорошо известного и многократно описанного шаманского камлания. В момент, когда он сам впадал в летаргию, его душа отделялась от тела и отправлялась в полет (превращалась в ворона, уточняет Геродот). Это позволяло Аристею видеть и впоследствии описывать страну варваров, ее города, горы, леса, реки, моря, острова, а также, как подчеркивает первоисточник, народы и их судьбы. Неспроста такой человек был обожествлен, в Проконнесе ему была

воздвигнута статуя, которой поклонялись как изваянию, творящему чудеса.

Геродот — далеко не первый и не последний информатор об аримаспах и грифах. До него о хозяевах Севера писал Эсхил, после — Плиний Старший. Эсхил поименовал грифов «безгласными псами Зевса», а одноглазых аримаспов — конной ордой, живущей у златоносной реки. Плиний менее эмоционален, зато более точен и подробен:

«...Недалеко от места возникновения Аквилона [Северного ветра. — В.Д.] и так называемой его пещеры, именуемой Гекмитрон (то есть „земная дверь“ или „земной запор“), обитают уже упомянутые аримасы, отличающиеся одним глазом посередине лба; они будто бы постоянно воют из-за рудников с грифами, которых предание представляет в виде крылатых зверей, выкапывающих в подземных шахтах золото, причем и звери с удивительной алчностью берегут золото, и аримасы похищают; об этом писали многие, а особенно знаменитые Геродот и Аристей Проконнесский».

Греку Аристею так понравилась жизнь на Севере, что после написания поэмы он вновь отправился в страну «близ Борея», а возможно, и «за Бореем», откуда уже не вернулся совсем. Что же привлекло уроженца солнечного Средиземноморья в края, где зимой, случается, солнце и вовсе не светит, а на морозе стынет все живое? И что за народы проживали в тех неведомых краях? Чем вдохновили они пытливого мужа на создание целой поэмы? Прежде всего необходимо разобраться в самом реестре, то есть Геродотовом перечне северных народов.

Отбросив все фантастическое и наносное, можно получить некоторый «сухой остаток». Прежде всего — этимология, то есть объяснение происхождения прозваний самих народов. Прямо скажем, ясности тут никакой. Уже Геродот понятия не имел, кто такие аримасы или исседоны и что именно означают их имена. С гипербореями проще — это название придумали сами греки, о чем уже говорилось в предыдущей главе. Обращу только внимание: перечисляя жителей Севера и сравнивая их друг с другом, Геродот подчеркивает миролюбие гипербореев — явный отголосок Золотого века.

Далее, за гипербореями, следует «тандем» — *аримасы и грифы*. Поскольку грифами (грифонами) изначально считались мифологические монстры с телом животного и головой хищной птицы, их ирреальность автоматически переносилась и на сопряженных с ними аримаспов, которые

к тому же считались одноглазыми от рождения. Так ли это? Думается, нет! В отношении грифов Геродот, прекрасно отличавший реальное от баснословного, говорил, что это народ, а никакие не чудища. Даже если согласиться, что грифон изначально означал птицу с львиным туловищем, то и из этого ничего не следует. Такой грифон мог символизировать родовой *тотем*, быть его отличительным знаком, по которому и весь народ (или племя) именовался грифами. Не лишено вероятности, что широкая распространенность грифонов в скифском (рис. 12) и русском (рис. 13) искусстве — отголосок такого архаичного мировоззрения.

Рис. 12. Грифоны на вазе из скифского кургана Чертомлык

Рис. 13. Древнерусские изображения грифона на печном изразце

Хорошо известно также, что некоторые северные народы в качестве теплых головных уборов использовали высушенные шкурки водоплавающих птиц, снятые вместе с перьями. У саамов (лопарей) этот древний обычай практиковался еще до недавнего времени (рис. 14). Использование птичьих шкурок в утилитарно-декоративных (или, напротив, в культовых и обрядных) целях в прошлом был повсеместно распространен у многих народов Сибири и Крайнего Севера — ненцев, эвенков, хантов, обских угров и др. На всех континентах, а также на многих островных территориях перья вообще являются культовым материалом. А древнейший обычай помещать шкурку, изображение птицы или ее крылья на головном уборе трансформировался в воинские шлемы (например, у кельтов) или парадные каски с литыми птичьими фигурками на макушке.

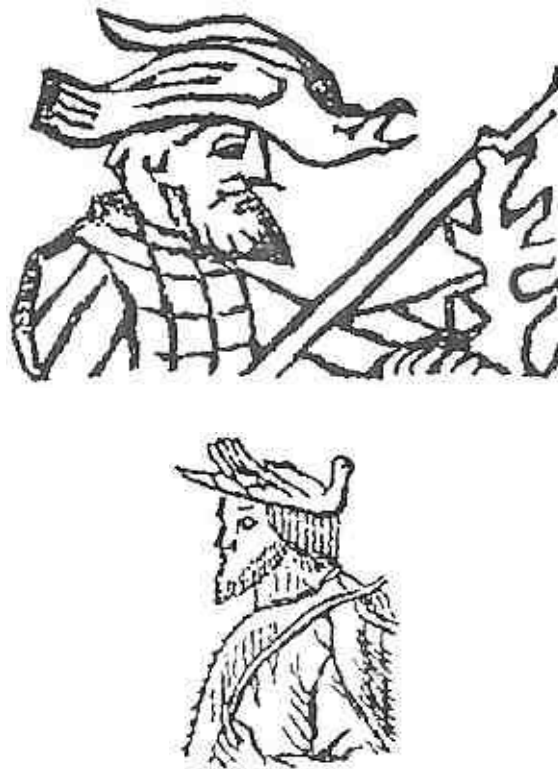

Рис. 14. Головные уборы из шкурок-«чулок» птиц у саамов

Вполне возможно, образ таких «птицеголовых» людей в трансформированном виде наложил отпечаток и на представление о грифах. (Не исключается так же и крылатый аспект грифов, которые вполне могли символизировать летательные аппараты, распространенные в

гиперборейские времена на Севере, — о чем речь уже шла в предыдущей главе.) То же самое относится и к аримаспам. меховой наголовник (куколь), соединенный с нераспашной одеждой мехом наружу и плотно облегающий голову, который зимой носит большинство северных народов, именуется *совиком* (есть еще *малица* — с мехом вовнутрь). Издали голова в таком одеянии может выглядеть лицом с одним большим глазом.

Кроме того, одноглазие (например, у классических циклопов) первоначально символизировало солнце, откуда, собственно, и прозвание «циклоп» («цикл» = «круг»). В этой связи символом аримаспов мог вполне быть такой же круг, который прикреплялся, рисовался, татуировался, выжигался или же прорезался на лбу (ритуальные надрезы на лице и сегодня практикуются в некоторых австралийских, африканских, океанийских, индейских, папуасских и других племенах). Среди бронзовых фигурок, найденных в Прикамье, попадаются женские и мужские изображения с большим кругом на лбу (рис. 15). Ну чем не аримаспы! Некоторые лица совмещены с головами остроклювых птиц, которые можно воспринимать как головные уборы (композиция в целом снова наводит на мысль о грифах) (рис. 16).

Рис. 15. Великая Богиня Севера с кругом на лбу

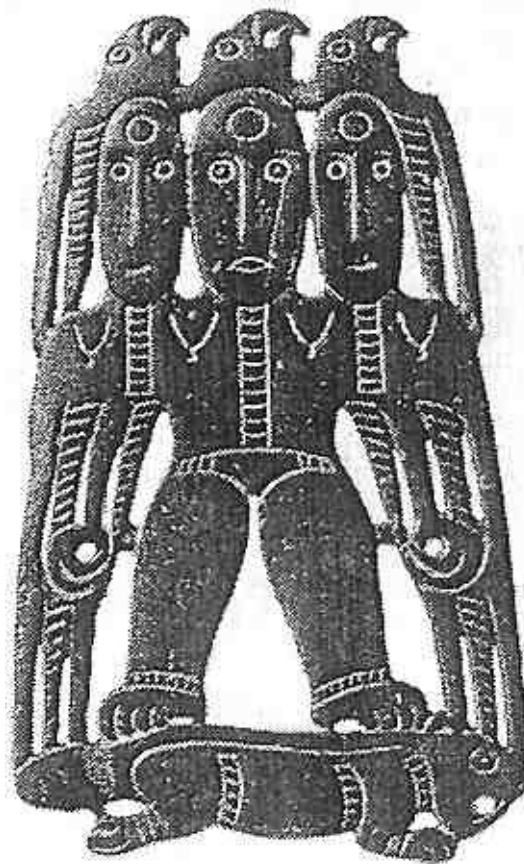

Рис. 16. Бронзовое изображение трехликого птичьеголового существа с третьим глазом во лбу (возможно — аримасы). Прорезная бляха. VIII–IX вв. Один из интереснейших вариантов так называемого космогонического сюжета. Крылатая трехликая богиня стоит на ящере. Над каждым ликом — по грифону (д. Усть-Каиб Чердынского р-на Пермской обл.)

Вопрос лишь в том: какой круг воспроизводился на лбу — солнечный или лунный? Древние народы на разных стадиях своего исторического развития поклонялись и дневному и ночному светилу. Если в данном ракурсе вдуматься в слово «аримаспы», то легко выявить две корневые основы — «ари» + «мас». Они мало чем изменились за тысячи лет. Первая как означала, так и означает по сей день «арьи» или «арии» (*агуа* в санскрите означает «благородный», «верный», хотя необходимо принять во внимание, что архаичная корневая основа *ar* образует и другое санскритское слово — *arka*, означающее «солнце» и «бог солнца»; от данной общеиндоевропейской и доиндоевропейской основы в конечном

счете образовано и понятие «Арктика»).

Что касается второго корня в составе этнонима «аримаспы», то он также хорошо известен в индоевропейской языковой традиции: в санскрите, например, *mas* означает и «месяц» и «луну». Аналогичный корень (с учетом чередования гласных) и в других индоевропейских лексемах, в том числе и в славянском «месяце». Память о древних солнценосных, звездоносных и месяценосных божествах благодаря фольклору дожила и до наших дней. Разве не о том свидетельствует пушкинский образ Царевны Лебеди, заимствованный из русских сказок: «Месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит»? (рис. 17).

Рис. 17. Царевна Лебедь. Художник Михаил Врубель

Таким образом, этноним «аримаспы» мог вполне означать «лунные арии» (то есть «арии, поклоняющиеся Луне» или «арии тотема Луны» — в отличие от ариев-солнцепоклонников, принадлежавших к соответствующему тотему или поклонявшихся Солнцу — таких было большинство). Между прочим, Геродот самолично пытался расшифровать смысл этнонима «аримаспы», ссылаясь на то, что якобы по-скифски так

звучит слово «одноглазые»: *арима* — «одно» + *спу* — «глаз». Однако в иранских языках, к коим принято относить скифский язык (да и ни в каких других тоже), такие корни и тем более с такими смыслами даже не просматриваются. Вот и верь после этого «отцу истории»!

Ну а чем конкретно занимались птицеголовые грифы и аримаспы-конники, ясно из вышеприведенных свидетельств античных источников: первые добывали золото, вторые пытались его отнять и присвоить. Золотоносный аспект древней коллизии привел некоторых исследователей к предположению, что все описанное греческими и римскими авторами могло происходить не просто на Русском Севере, а конкретно на берегах и в бассейне сибирских рек Енисея, Лены и даже Колымы, известных своими золотыми запасами, старательской и промышленной добычей. Гипотеза заманчивая, но необязательная. Плиний сообщает очень интересную деталь: люди племени грифон работали в рудниках и шахтах. Безусловно, здесь могло добываться не только золото, но и другие металлы. Такие промышленные разработки на Севере возможны где угодно: и на Таймыре, и на Урале, и на Кольском полуострове. На Мурмане, например, в самом центре Русской Лапландии, богатой рудами редких металлов и платины (есть здесь также и золото), в ходе научно-поисковой экспедиции «Гиперборея» были обнаружены древние карьеры, кратеры, затопленные водой овалы спуски под землю (шахты?) и другие техногенные следы проводившихся в очень отдаленные времена промышленных разработок.

Этническую картину, нарисованную Геродотом, завершают *исседоны*, относительно которых «отец истории» продолжает нагнетать страсти:

«Об обычаях исседонов рассказывают следующее. Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубаят на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому как это происходит в поминальном празднике у эллинов. Этих людей также считают праведными, а женщины у них совершенно равноправны с мужчинами».

Между прочим, *исседоны* считались такими же «одноглазыми», как и *аримаспы*. Об этом прямо говорит очевидец Аристей, в тех самых трех

строках, которые сохранились от его обширной поэмы «Аримаспея». В подстрочном переводе В.В. Латышева это звучит так:

*«Исседоны, чванящиеся длинными волосами (собственно — гривами). / Эти люди живут вверху, в соседстве с Бореем, многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями, стадами овец и быков. / Каждый из них имеет **один глаз** [подчеркнуто мной. — В.Д.] на прелестном челе; они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей».*

Аримаспы и исседоны являлись важным связующим звеном между Гипербореей и остальным миром. По сообщению Павсания (I, 31, 2), они служили своего рода «передаточным механизмом» при посылке жертвенных гиперборейских даров в Элладу, на остров Делос. Эти знаменитые жертвенные дары были тщательно упакованы и обернуты в пшеничную солому (эту деталь подчеркивают буквально все, кто писал о гипербореях). Но (!) — обращаю особое внимание — никто и никогда не видел, что же завернуто в таинственную посылку: может, послание, а может, и передающее устройство. Еще одна загадка Гипербореи!

* * *

Необычные экспонаты были выставлены в 1996 году в Санкт-Петербургском Государственном Эрмитаже: это было золото, найденное на севере Тюменской области. Но за пуленепробиваемыми стеклами и под бдительным взглядом вооруженной охраны демонстрировались не природные самородки. Изумленные зрители замирали перед драгоценными изделиями, посудой, утварью и украшениями разных эпох и народов — скифскими, сарматскими, древнеиранскими, византийскими, хазарскими, болгарскими, скандинавскими и русскими. В Эрмитаже, конечно, можно увидеть и не такое — но при чем же здесь Тюменская область? Зрителям объясняли: выставленные предметы в разное время попали на Русский Север в обмен на меха, которые испокон веков интересовали разные народы независимо от их языка и веры. Удивляло и другое: как все это богатство сохранилось в целостности и сохранности до наших дней, какими неведомыми путями эти изделия попали сначала в краеведческий музей, а оттуда и на выставку в Эрмитаж? Наиболее типичное объяснение — «случайно».

Это почти что мистическое «случайно» сопровождает очень многие удивительные и до сих пор вразумительно не объясненные находки на Севере. Приведу наиболее свежий пример. Недавно в Печорском крае была обнаружена старинная бронзовая бляха, похожая на медаль, с искусным изображением крылатого кентавра (рис. 18). Ее нашел доктор биологических наук М.Д. Сонин на берегу реки Надым у поселка Шуга (ближайший город — знаменитый Пустозерск, где томился в земляной тюрьме, а затем был сожжен на костре вместе со сподвижниками неистовый протопоп Аввакум). Так вот, шел, значит, профессор по безлюдному берегу северной реки, глядь — а под ногами валяется бесценная реликвия неизвестного происхождения. Откуда же она тут взялась? Вдумайтесь только: крылатый кентавр в местах, где, как говорится, Макар телят не пас!

Рис. 18. Бронзовое зеркало — крылатый кентавр

Дужка для цепочки или тесемки недвусмысленно свидетельствует, что «медаль» носилась на шее, подобно амулету или знаку отличия. На самом же деле это никакая не медаль, а металлическое зеркало. Подобные бронзовые реликвии обнаруживались неоднократно в самых различных частях европейской и азиатской России у представителей разных народностей — ненцев, хантов, манси, бурятов, юкагиров. Шаманы считали их магическими, простые смертные использовали как украшения. Металлические зеркала известны ученым со времен глубокой древности — в особенности в Китайской империи и ее окружении. Однако находки на

территории России принято связывать с иными историческими регионами и эпохами, и в первую очередь со средневековыми Средней Азией и Ираном.

Вот почему публикатор памятника археолог О.В. Овсянников поспешил записать его в разряд восточных (предположительно иранских) изделий XVII века. Почему именно XVII век — не раньше и не позже — и, главное, почему среднеазиатское или же иранское бронзовое зеркальце оказалось на Крайнем Севере, объяснить толком никто не может.^[4] Заезженный, ответ — «в обмен на меха» — здесь срабатывает не слишком убедительно: ценность бронзовой бляхи не так уж велика, и ее предназначение для товарообмена проблематично. Тем не менее еще в 1950 году была выдвинута версия, призванная объяснить стойкую приверженность северных народов к крылатым кентаврам и происхождение многочисленных металлических зеркал с их изображениями. Автором оригинальной концепции стал будущий академик и в скором времени всемирно известный археолог Алексей Павлович Окладников (1908–1981). Ему удалось опубликовать в 13-м томе академического ежегодника «Советская археология» статью, посвященную находке очередного кентавра — да не где-нибудь, а на острове Фаддея, что расположен на севере от побережья Таймырского полуострова (рис. 19). Обнаружила бляху-зеркало летом 1941 года ленинградская Арктическая экспедиция, привезла на Большую землю, но из-за разразившейся войны руки до таинственной реликвии дошли лишь через десять лет.

Рис. 19. Зеркало с о. Фаддея, лицевая сторона

И опять все тот же сакраментальный вопрос: ну откуда, скажите на милость, бронзовый литой кентавр на необитаемом острове Ледовитого океана? За несколько лет настойчивых поисков и размышлений А.П. Окладников собрал и проанализировал весь доступный ему материал и пришел к следующему выводу. Вполне возможно, что металлическое зеркало потеряли (?!) на острове Фаддея погибшие полярные мореходы, чьи останки и вещи были обнаружены на противолежащем таймырском берегу. Само же изображение крылатого кентавра попало к северным народам от русского населения, на протяжении нескольких веков колонизовавшего северные территории. Для русских кентавр — традиционный символический образ, его резные рельефы можно увидеть, к примеру, на стенах Дмитровского собора во Владимире (рис. 20) или Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Есть кентавр и на Васильевских воротах из Софийского собора, что в Великом Новгороде. Эти огромные медные двери были сделаны в 1331 году по заказу новгородского архиепископа Василия, однако после кровавого погрома, учиненного опричниками Ивана Грозного, были в качестве трофея увезены в Александровскую слободу, где и поныне украшают Троицкий собор теперешнего города Александрова.

Рис. 20. Резное изображение кентавра на стене Дмитровского собора во Владимире

В древнерусской традиции античный кентавр (фантастическое существо — наполовину человек, наполовину конь) известен под именем Китовраса (рис. 21), представляющего собой искаженный перевод греческого слова «кентавр» и проникшего в православную культуру из византийских апокрифов. Сказания о мудром библейском царе Соломоне и не имеющем никакого отношения к Библии хитром чудище Китоврасе действительно были исключительно популярны на Руси. Впечатляющих

подробностей апокрифические тексты не содержат. Скупо описывается его необычная внешность: «стань человекъ, а ноги коровьи», рост, судя по всему, преогромный, ибо он «жену в ухе носил».

Рис. 21. Китоврас

Сказанное мало напоминает настоящего кентавра, то есть человека-коня. Китоврас, скорее, человек-бык, похожий на изваяния тех гигантских крылатых быков с человеческими лицами, что сторожили вход во дворцы ассирийских или персидских царей. Кстати, русский апокрифический Китоврас тоже крылат: в древнерусском тексте сказано, что он ударил Соломона не рукой или ногой с копытом, а **крылом** и забросил царя на край земли обетованной. Про нрав Китоврасов говорится: «Не ходил он путем кривым, но — только прямым». Зато сам был хитрющий-прехитрющий и коварный — самого царя Соломона вокруг пальца обвел. Вот и все — остальное же пусть домысливает воображение. Правда, немедленно обнаруживается досадная нестыковка: византийские апокрифы были впервые переведены на древнерусский в конце XV века, а изображения столь любимого на Руси Китовраса были широко распространены по меньшей мере на триста лет раньше: сооружение Дмитровского собора во Владимире было завершено, к примеру, в 1197 году.

А.П. Окладников объясняет поразительную распространенность Китовраса среди коренных малочисленных народностей Севера вот как. Бронзовые зеркала испокон веков имели широчайшее хождение среди древнейших народов Евразии. Из сопредельных с Россией стран русским купцам особенно полюбились изделия среднеазиатских и иранских мастеров, которые на оборотной стороне зеркал нередко отливали изображения конного охотника с соколом в руках (хорезмийская школа) или же крылатого пса Сэнмурва (персидская школа).

Завезенные в Россию восточные зеркала, в свою очередь, приглянулись русским умельцам, которые решили, что они тоже не лыком шиты, и вскоре стали отливать похожие зеркала, но с одним исправлением: на реверсе стал изображаться не всадник с соколом или Сэнмурв, а свой, родимый Китоврас (впрочем, для данного предмета трудно однозначно определить, какую сторону считать реверсом, а какую аверсом). Это нововведение настолько понравилось северным аборигенам, что все они — от Печоры до Индигирки — по мере появления там русских (у каждого, надо полагать, котомка была переполнена бронзовыми зеркалами) ни о чем другом, кроме как о крылатых кентаврах, и слышать не хотели.

Но опять возникают вопросы. Во-первых, если русские северные умельцы наладили массовое производство зеркал, почему последние не получили столь же широкое распространение среди русского населения и ими не завалены местные краеведческие музеи? А во-вторых, почему ненцы, ханты, манси, юкагиры, буряты, у которых русские этнографы и землепроходцы спустя двести (а то и поболее) лет выменивали или покупали для своих коллекций бронзовые зеркала с крылатым кентавром, не могли толком объяснить, как или хотя бы когда к ним в чум эти самые зеркала попали (хотя, по господствующей версии произойти это должно сравнительно недавно)? И уж тем более никак не вяжется с такой трактовкой крылатый Китоврас, найденный на необитаемом таймырском острове Фаддея в море Лаптевых, где русские офени с котомками, якобы набитыми бронзовыми зеркалами, отродясь не бывали. И не потому что их отпугивали суровые и безлюдные края (русские землепроходцы или добытчики мамонтовой кости и не туда доходили!) — просто товар сбывать было некому.

Безусловно, А.П. Окладников предложил оригинальную версию происхождения северных кентавров. Мудреную до неправдоподобия. Но, может быть, и не стоило улетать мыслью в дальние восточные страны и не выстраивать, а внимательно посмотреть вокруг себя или под ноги (как это случилось с недавней печорской находкой). Не проще ли предположить, что загадочный крылатый кентавр — это обычная *трансформация одного из языческих богов*, коему некогда поклонялись на Руси и память о котором (а быть может, и тайная вера) продолжала сохраняться и после принятия христианства. По летописям и документам хорошо известно, как непросто шло утверждение новой веры, с каким сопротивлением языческих жрецов и местного населения (особенно на Севере) приходилось сталкиваться православным миссионерам. Многие были уничтожены — капища, идолы, письмена. Но многое и уцелело, сумело приспособиться к новым

идеологическим реалиям.

Древние языческие праздники — коляда, масленица, купала, семик, кострома и др. — совместились с христианским календарем. Отголоски архаичных обычаев при рождении, свадьбе, похоронах и по сей день живут своей неуничтожимой жизнью. Нетронутыми остались архаичные нехристианские имена — Владимир, Святослав, Всеволод, Ярослав и другие. Народная вышивка, роспись, резьба, украшения по-прежнему хранят традиционную символику, включая и стилизованные изображения древних языческих богов. Так почему же один из них не мог трансформироваться в некоторый синтетический и устойчивый мифологический образ, с которым вынуждено было мириться православное духовенство. Как оно было вынуждено терпеть традиционные языческие праздники, осуждая последние лишь на словах, но будучи совершенно не в силах преодолеть стойкие, тысячелетиями существовавшие обычаи и убеждения.

Если опираться на такую версию, то становится понятным столь устойчивое и необъяснимое с точки зрения здравого смысла наличие кентавров на стенах православных храмов. Более того, иначе их присутствие среди библейских персонажей и не объяснишь. А так вроде бы все на своих местах — и старые боги и новые. Остается выяснить, о каком именно старом боге может идти речь. Прежде всего, это — конный бог. Таких индоевропейский мир знает немало. У славян самый прославленный бог на коне — *Световит*. В знаменитом храме Арконы на острове Рюген прибалтийские славяне *вагры* поклонялись не только самому богу, но и его коню. По свидетельству Саксона Грамматика, Световита символизировали разные знаки, в частности резные орлы и знамена. Кроме того, при нем был конь, совершенно белый, до которого простым смертным нельзя было дотрагиваться и у которого даже выдернуть волос из гривы или хвоста почиталось кощунством. Только верховный жрец мог его кормить и на нем ездить, чтобы обыкновенная узда не унизила божественного животного. Верили, что на этом коне Световит по ночам ведет войну против врагов своего святилища и всего славянского рода. Подтверждением тому служил демонстрируемый всем желающим факт: по утрам конь, оставшийся в стойле, был покрыт пеной и грязью, как будто только что воротился с поля боя.

Но вернемся к крылатому кентавру. Могло бы изображение на бронзовых зеркалах, получивших столь широкое распространение на Русском Севере, функционально соответствовать верховному богу древних славян? Вполне! Однако представляется, что корни крылатого божества

уходят еще глубже. Световит являлся главным лишь в ряду других светоносных славянских небожителей, причем на довольно-таки поздней стадии развития общеславянского этноса. Так, мировая мифология знает, как правило, множество Солнцебогов. Каждый из них соответствует либо весеннему, летнему, осеннему и зимнему солнцу (считалось, что все это разные небесные объекты, точнее — божества), либо же дневному светилу, которое каждое утро нарождается заново и потому тоже является новым небесным феноменом (именно поэтому в древнеиндийской мифологии у Солнца более ста имен).

В русской языческой мифологии (по ежегодно отмечаемым народным праздникам) также известно несколько солнц — зимнее Коло (Коляда), весеннее Ярило, летнее Купало (осенние празднества совмещались с Перуновым днем). Были на Руси и другие солнечные божества, не привязанные однозначно к каким-либо временам года, например, Хорс и Дажьбог. Древним символом солнца испокон веков выступало колесо (коло) с разным набором спиц — от трех до восьми. Как раз один из таких солнечных символов и изображен на крупе крылатого кентавра, что свидетельствует о его несомненном солнечном происхождении и предназначении. Известна также и иная солярная символика — концентрические окружности или же точка в круге.

Солярную природу русских китоврасов как раз и подтверждает крылатый кентавр, обнаруженный на острове Фаддея в море Лаптевых: Светобога окружают 12 солярных знаков — шесть однолепестковых и шесть трехлучевых. Общее число солнечных символов здесь вполне может соответствовать годовому двенадцатимесячному циклу (коло), а различное изобразительное решение солнышек и распадение их на две равные части может соответствовать полярной ситуации, когда зимнее полунощное солнце, скрытое от глаз (однолепестковые знаки), в корне отличается от незаходящего и ослепительно сияющего летнего солнца (многолучевые знаки).

Аналогичные мысли также навеивает и изображение кентавра на роговой пластинке (предположительно XII век), найденной при раскопках в Пскове, — все оно испещрено циркульно-кружковыми знаками (рис. 22) — всего их 24, то есть ровно вдвое больше, чем требуется для одного годового цикла. Данный кружковый символ (круг или два круга с точкой посередине), известный еще в древнекаменном веке и в народном искусстве, через древнеегипетскую и древнекитайскую иероглифику попал в современную науку, где круг с точкой посередине все так же обозначает Солнце, как он обозначал его тысячи лет тому назад.

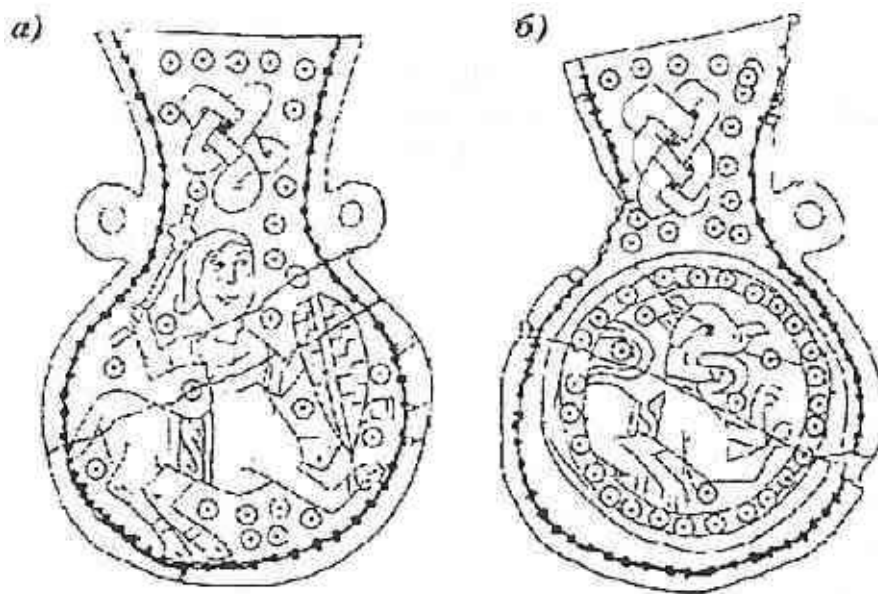

Рис. 22. Пластины из Пскова, испещренные соляными (круговыми) знаками:

а — с изображением кентавра;

б — с изображением фантастического зверя

Таким образом, на реверсе бронзовых зеркал мог вполне быть изображен один из древнерусских солнцегогов, например, Коло — Коляда. В день зимнего солнцестояния отмечалось его рождение — коловорот (поворот солнца от зимы к лету). Во все времена это был буйный, красочный и любимый народом праздник (по-славянски он так и прозывался — Коляда) — с веселыми играми, колядованием (выпрашиванием подарков) и исполнением архаичных песен-колядок, доживших до наших дней. Впоследствии решением одного из первых Вселенских церковных соборов рождество Солнца было совмещено с Рождеством Христовым, так как в евангелиях точная дата рождения Бога-сына отсутствует.

Но родословная самого Коляды уходит в еще большие глубины общеиндоевропейского и доарийского прошлого. О том, что солнцегог Коло издревле почитался на Севере, свидетельствует множество сохранившихся здесь топонимов — от реки Колы и названного по ее имени Кольского полуострова до реки Колымы и названного также от ее имени Колымского края. Солнцеклонниками, как уже было сказано, являлись и гиперборейцы — древний северный народ, владевший техникой полета.

Итак, снова Туле! Снова Гиперборея! Распростертые крылья — вечный ее символ. Так стоит ли после этого удивляться, что крылатый Солнцекентавр получил столь широкое распространение на Русском Севере? И стоит ли после этого искать следы его происхождения в Хорезме или Иране?

* * *

Интересно проследить также эволюцию образа Китовраса, поскольку данная тема непосредственно связана с историей Гипербореи-Туле. В народном сознании образ Китовраса в дальнейшем сомкнулся с образом другого получеловека-полузверя — богатырем-кентавром, прозванным Полканом. Считается, что Полкан этот прижился на Руси благодаря чрезвычайно популярной вплоть до XVIII века переводной сказке о Бове-королевиче. Однако есть все основания полагать, что мифологическое существо с таким именем было распространено среди славян испокон веков. В пользу такого вывода свидетельствует один архаичный заговор, приведенный в знаменитом сборнике Ивана Петровича Сахарова (1807–1863) «Сказания русского народа». Заговоры и заклинания — это наиболее древний пласт всякого фольклора. В сахаровском же сборнике Полкан вообще наделен чуть ли не космическим могуществом, а обращение девушки к нему пронизано глубоким эзотерическим смыслом: «Полкан, Полкан! Разбей ты огненного змея, ты соблюди девичью красу Солнцевой девы». Действительно, по многим, в основном косвенным, данным — Полкан был воинственным и стремительным воином, наделенным невообразимой силой (рис. 23). На интересные мысли наводит и корневая основа данного имени: во всяком случае первая ее часть созвучна с именами других мифологических персонажей — Поллукс и Полифем (у эллинов), Полель (у славян) и др.

Рис. 23. Полкан-богатырь. Художник Надежда Антипова

Но образ получеловека-полужверя восходит и к самым истокам индоевропейской общности. Так, нет никакого сомнения, что русская кентавресса «девица Горгония» один к одному соответствует древнегреческой Горгоне Медусе. Согласно славянским преданиям, она знала язык всех животных. В дальнейшем в апокрифических рукописях женский образ Горгоны превратился в «зверя Горгония»: его функции во многом остались прежними: он охраняет вход в рай (то есть, другими словами, является стражем прохода к Островам Блаженных, где царил Золотой век).

В древнерусском апокрифе «девица Горгония» описывается следующим образом — «имуще же лице и перси и руки человечески, а нози и хвост имеет аки у коня, на главе же ей за влас место змии имеет». Проблема же состоит в том, является ли русский вариант змеевласой девы заимствованным у эллинов или же оба они — и славянский и древнегреческий — восходят к тому общему источнику, который был связан еще с нерасчлененной (в рамках общеарийской этнолингвистической общности) культурой и верованиями. Все говорит в пользу последнего предположения.

Медуса — дочь морского Божества Форкия — сына Геи-Земли и прообраза русского Морского царя, сочетавшегося браком с титанидой Кето. У них было шесть дочерей, родившихся в гиперборейских пределах. Изначально они почитались как прекрасные Лебединые девы (лишь значительно позже из идеологических соображений они были превращены в безобразных чудовищ — грай и горгон). Дискредитация горгон шла по

той же схеме и, видимо, в силу тех же причин, что и приписывание противоположных знаков и отрицательных смыслов при распаде общего индоиранского пантеона на обособленные религиозные системы, когда «деви» и «ахуры» (светлые божественные существа) становятся «дэвами» и «асурами» — злобными демонами и кровожадными оборотнями. Это общемировая традиция, присущая всем без исключения временам, народам, религиям. Демонизация политических и идеологических противников и сегодня является эффективным, хотя и аморальным, средством конкурентной борьбы. Что же тогда говорить о глубокой древности!

Судя по всему, еще до начала миграции протоэллинских племен на Юг у части их произошла переориентация на новые идеалы и ценности. Особенно наглядно это проявилось на примере самой знаменитой из трех горгон — Медусы (Медузы). Как и многие другие хорошо знакомые имена мифологических персонажей, Медуса — это прозвище, означающее «владычица», «повелительница». Дочь Морского царя и возлюбленная владыки морской стихии Посейдона — прекраснотелая Лебединая дева Медуса властвовала над народами северных земель и морей (как выразился Гесиод, «близ конечных пределов ночи»). Но в условиях господствующих матриархальных отношений Власть не ужилась с Мудростью: соперницей Медусы стала Афина. Скупые осколки древних преданий позволяют восстановить лишь общую канву разыгравшейся трагедии.

Не поделили власти над Гипербореей две девы-воительницы. Борьба была жестокой — не на жизнь, а на смерть. Первым актом изничтожения соперницы стало превращение прекрасной Лебединой царевны Медусы в отвратительное чудовище с кабаньими клыками, волосами из змей и взглядом, обращающим все живое в камень. Данный акт символизирует, скорее всего, раскол протоэллинского этнического и идеологического единства и отпочкование той части будущих основателей великой древнегреческой цивилизации, которые, возможно, под воздействием природной катастрофы и под предводительством или покровительством девы Афины двинулись с Севера на Юг и в пределах жизни отнюдь не одного поколения добрались до Балкан, где, воздвигнув храм в честь Афины, основали город, и поныне носящий ее имя.

Но женская мстительность не знает границ. Афине было мало морально уничтожить Медусу — ей потребовалась еще и голова соперницы. Вот почему некоторое время спустя она отправляет назад, в Гиперборею, своего сводного брата Персея и, по свидетельству многих, сама сопровождает его. Обманным путем Персей и Афина вместе

расправились с несчастной Медусой: по наущению Паллады сын Зевса и Данаи отрубил горгоне голову, а Афина содрала с соперницы кожу и натянула на свой щит, в центре которого поместила изображение головы оболганной морской девы. С тех пор щит Афины по имени низвергнутой соперницы носит название «горгонион» (рис. 24). Лик Медусы украшал также эгиду (доспех или же плащ-накидку), которую носили Зевс, Аполлон и Афина (рис. 25). Символ поверженной Медусы и в последующие века продолжал играть для эллинов магическую роль. Ее изображение очень часто помещалось на фронтонах и резных каменных плитах в храмах.

Рис. 24. Горгонион — щит Афины с ликом Медусы

Рис. 25. Афина-Паллада с ликом Медусы на плаще эгиде

Память о носительнице гиперборейских традиций — Горгоне Медусе — у народов, населявших в разные времена территорию России, не прерывалась никогда. Змееногая богиня-дева, которая вместе с Гераклом считалась греками прародительницей скифского племени, не что иное, как трансформированный образ Медусы. Лучшее доказательство тому невольное переложение мифов в Геродотовой «Истории», а подлинные изображения, найденные при раскопках курганов (рис. 26).

Рис. 26. Скифское изображение змееногой Богини-Девы

В несколько другом облики и с иными функциями предстает Медуса в знаменитых древнерусских амулетах-«змеевиках». Магический характер головы Медусы, изображенной в расходящихся от нее во все стороны змеях, не вызывает никакого сомнения, его защитительно-оберегательное предназначение такое же, как и на щите Афины-Паллады или эгиде Зевса. Знаменательно и то, что тайный эзотерический смысл доэллинических и гиперборейских верований дожил на русских амулетах чуть не до наших дней: точная датировка даже позднейших находок является крайне затруднительной. В христианскую эпоху неискоренимая вера в магическую силу и действенность лика Медусы компенсировалась тем, что на обратной стороне медальона с ее изображением помещались рельефы христианских святых — Богородицы, Михаила-Архангела, Козьмы и Демьяна и др.

До сих пор не дано сколь-нибудь удовлетворительного объяснения происхождению и назначению русских «змеевиков». Современному читателю о них мало известно, хотя их описано и опубликовано множество (рис. 27). И с каждого из них на нас направлен магический взгляд Девы-охранительницы Горгоны Медусы, в глазах которой навечно застыла неразгаданная тайна Гипербореи-Туле. Эти амулеты-обереги, дожившие чуть ли не до середины 2-го тысячелетия н. э., во многом соответствуют по

своему архаичному смыслу бронзовым северным зеркалам с изображением крылатого и кентавроподобного Световита (или же какого-то другого языческого божества).

Рис. 27.

Глава 3

ИСХОД АРИЕВ С СЕВЕРА

*Преданья Севера изображают Бога
Сидящим высоко над областью громов:
Спокойный, видит он из светлого чертога
И землю, и моря, движенье облаков,
Полет воздушный птиц, могучий ход китов
И быстрый лани бег; он взглядом проникает,
Как наливает медь и золото в горах,
Как дуб растет, как травка прозябает,
Как в человеческих сердцах
Родится мысль, растет и созревает...*

Аполлон МАЙКОВ

*Славьте на Полюсе вечном,
Павших в упорной борьбе.
Глядевших в лицо судьбе,
Погибших в молчанье беспечном,*

*Славьте на Полюсе вечном,
Волны, месяц, туман!
Пойте хвалебные песни,
Дети пламенных стран.*

Валерий БРЮСОВ

Наиболее существенные факты и свидетельства, позволяющие реконструировать подлинные исходные точки отсчета мировой истории и предыстории, впервые были сформулированы в классической книге выдающегося индийского ученого и общественного деятеля Балгангадхара Тилака (1856–1920) «Полярная родина в Ведах». В ней путем скрупулезного текстологического анализа доказано: в священных книгах древних индийцев и их прапредков описаны не южные, а северные реалии — полярное звездное небо, полярные день и ночь, полярные зори и сияния.

Аргументы, приводимые Тилаком, следующие. В древнейших

источниках, например, в Тайттирии-Брахмане (а также в Авесте) описывается Прародина человечества, где Солнце всходит и заходит по одному разу в год, а сам год делится на один долгий день и одну долгую ночь, что, как известно, соответствует ситуации, фиксируемой в высоких полярных широтах. В Ведах же встречаются такие высказывания: «То, что есть год, — это только один день и одна ночь богов»; «В Меру боги видят Солнце восходящим только один раз в году». Общие положения подкрепляются более детальными, основанными на точном математическом расчете современных ученых: в частности, в Ригведе описываются зори более продолжительные, чем они могут быть на юге; там же рассказывается о северном сиянии и летнем поведении Солнца вблизи полюса, когда оно поднимается на максимальную высоту над горизонтом, некоторое время «стоит» на месте, прежде чем начинает опускаться. По расчетам специалистов, растянутые утренние и вечерние зори, как они описываются в гимнах Ригведы, вполне соответствуют тому, что наблюдается сегодня на широте Мурманска.

Характерным образцом доказательств, приводимых Тилаком, могут послужить приводимые ниже отрывки из 4-й главы, озаглавленной «Ночь Богов»:

«В Ригведе (1. 24, 10) созвездие Большой Медведицы описывается как высокостоящее, что говорит о положении, видимом только в циркумполярной области. <...> Утверждение, что день и ночь Богов длятся по шести месяцев, крайне широко распространено в древнеиндийской литературе. Гора Меру признается нашими астрономами земным Северным полюсом. На Меру Боги видят Солнце после его одноразового восхождения и на протяжении его пути, равного половине его обращения вокруг Земли. <...> Это подтверждается и таким авторитетным источником, как „Законы Ману“ (1, 67): „У Богов день и ночь — (человеческий) год, опять разделенный надвое день — период движения Солнца к северу, ночь — период движения к югу“. <...> в Тайттирия Брахмане мы тоже встречаем четкое определение: „год — это всего лишь день Богов“ (111, 9, 22. 1). <...> В Авесте (Вендидад, фаргад 11) в священной книге парсов [зороастрийцев], мы видим аналогичное утверждение, отмечающее все сомнения касательно его полярного характера: „Что они считают днем, то есть год“. <...> И здесь же Ахура Мазда говорит: „...Там звезды, месяц и

Солнце можно лишь один раз в год видеть восходящими и заходящими, и год кажется только одним днем“...»

Полярные реминисценции, как бы это ни показалось парадоксальным на первый взгляд, обнаруживаются и в Библии. В Книге Исаии говорится об обители (сонме) богов на краю Севера, куда стремился один из возгордившихся и наказанных за это сынов человеческих — Денница, сын Зари (Ис. 14, 13). Северные боги, по Библии, обитают на священной горе, наподобие той, которая хорошо известна в индоиранской традиции под названием Меру. В книге Иова подробно и эмоционально описывается полярная ночь:

«Ночь та, — да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года, да не войдет в число месяцев! О! Ночь та — да будет она безлюдна; да не войдет в нее веселие! Да проклянут ее проклинающие день, способные разбудить Левиафана! Да померкнут звезды рассвета ее: пусть ждет она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы...»

(Иов 3, 6–9).

Эмоциональные заклинания пророка пробуждают в памяти те многочисленные строфы Ригведы, где говорится о долгой и страшной тьме, которая скрывает врагов бога Индры. В библейской Книге Иисуса Навина содержится ссылка на еще более древнюю книгу Праведного, где описывается поведение Солнца в приполярных областях: «Стояло солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день» (Нав. 10, 13). Данный фрагмент практически полностью соответствует строкам Ригведы: «Свою колесницу бог Солнца остановил посреди неба», где также в метафорической форме описывается полярный день.

А есть ли полярные мотивы в древнегреческих мифах? Не могут не быть, если только прапредки эллинов пришли с Севера и принесли с собой ядро тех сказаний, которые, приспособившись к новым условиям и обрастая массой подробностей, приобрели впоследствии привычный для нас вид. Но сквозь оболочку позднейших наслоений нет-нет да и сверкнет Полярная звезда памяти о далеком прошлом. Так, перед битвой со змееногими гигантами Зевс велел Солнцу-Гелиосу, Луне-Селене и Заре-Эос не светить на землю. В небе остались только звезды. Здесь явственный намек: гигантомахия (точнее — события ей предшествовавшие) сопряжена

с полночными странами и полярной ночью.

Также в легендах о рождении Геракла различные источники единодушно свидетельствуют: когда Зевс соблазнил Алкмену, их первая брачная ночь ознаменовалась тем, что Солнце трое суток не поднималось над Землей. Такое может случиться только в Приполярье или Заполярье. Следовательно, именно там и происходили описываемые события. И именно туда, на родину предков, неоднократно возвращался величайший герой древности Геракл, где и совершал некоторые из своих подвигов и освободил Прометея. Лишь в эпоху расцвета античной цивилизации первичное ядро северных легенд было трансформировано и приспособлено к условиям Средиземноморья.

Один из крупнейших представителей сравнительного языкознания и религиоведения, санскритолог и мифограф Макс Мюллер (1823–1900) не без оснований полагал, что в период, предшествовавший образованию современных этносов, каждое слово в первоначальном арийском языке было мифом, каждое имя — образом, каждое существительное — определенным лицом и каждый предлог — маленькой драмой. По этой причине многие языческие боги — индийские, иранские, греческие, германские, славянские и прочие — не что иное, как результат персонификации поэтических обозначений (имен), неожиданных даже для тех, кто их придумал.

За именами же некоторых из них стоят древние этносы или племенные (родовые) тотемы. Так, 12 подвигов Геракла — это никоим образом не индивидуальные поединки, а ожесточенные битвы племен и народов, запечатленные в мифах по именам своих предводителей или тотемов. В этом смысле, например, чудодейственную силу великана Антея, который черпал свою силу у Матери-Земли, истолковывают, как связь с соответствующей территорией (землями) и проживающими здесь народами. Геракл путем военной хитрости отсек эту связь (то есть оторвал Антея от родной земли), и войско Геракла разгромило войско Антея.

Длительное пребывание индоариев на Крайнем Севере запечатлено навечно и в многочисленных топонимах и гидронимах, то есть в названиях мест, гор, озер и рек. Именно на современном Русском Севере во множестве встречаются древние названия с корнями «инд» и «ганг» — прямые свидетельства пребывания здесь индоевропейцев. Вологодская исследовательница — краевед и искусствовед — С.В. Жарникова провела топонимическую ревизию современной карты Русского Севера и выявила десятки подобных корней, сохранившихся здесь и поныне. Когда народы уходят (переселяются или вообще исчезают), прежние названия остаются

(а в местах нового обитания они переносятся и на новые географические объекты).

Однако память о былой прародине может сохраняться и другими путями. Интересную трактовку самоназвания уже славянского народа «поляков» (и соответственно наименования страны — *Polska* или по-латынски *Polonia*) дает так называемая «Великопольская хроника», составленная на основе древних первоисточников (хотя наиболее ранний список ее латиноязыческого текста относится к XV веку). В первой же фразе (после традиционного обращения к Богу) анонимный автор утверждает, что этноним «**поляки**» происходит от названия Северного **полюса**! Естественно, большинство ученых-снобов снисходительно усматривает в данной трактовке наивность средневекового хрониста. (Ну, конечно, — где уж таким невеждам и пыдумщикам до нас, которые знают все про все!)

А почему, собственно? Разве не могли сохраниться в памяти народной смутные сведения о былой жизни на Крайнем Севере в Гиперборейском Заполярье? Безусловно, могли! В виде устных сказаний и легенд они бережно сохранялись на протяжении тысячелетий, передавались от поколения к поколению, пока в XV веке их не записал безвестный польский хронист. Между прочим, если принять версию «Великопольской хроники», то в таком случае и наименование древнерусского племени «поляне» может быть (в конечном счете, разумеется) такого же происхождения, то есть от «полюса» (Северного), а не от «поля», как принято считать. Это тем более вероятно, что, по мнению современных этимологов, этнонимы «поляки» и «поляне» генетически и семантически тождественны.

* * *

Разные авторы помещают прародину индоевропейцев (ариев) в разных местах: Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский — в степях Евразии; Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов — в Передней Азии, на территории, примыкающей к Кавказу; В.А. Сафронов — в Восточной Европе; А.И. Асов и Н.Р. Гусева — на Севере и т. д. Каждый автор приводит немало убедительных аргументов в пользу отстаиваемой гипотезы. Одна из всесторонне обоснованных теоретических моделей арийской предистории принадлежит выдающемуся украинскому археологу Юрию Алексеевичу Шилову. Ценность его фундаментальных трудов «Прародина ариев» (К., 1995), «Пути ариев» (К., 1996), «Праистория Руси» (Екатеринбург —

Москва, 1999), а также многочисленных статей — не только во введенных в научный оборот свежих идеях и новых фактах, но и в ломке схоластического догматизма — этой незаживающей язвы современной археологии и филологии.

Шилов совмещает прародину ариев с традиционной и хорошо изученной Трипольской культурой, условно очерчивая ее границы от Среднего Приднепровья (включая Киев) до северо-восточного Придунавья. Эта богатая археологическими памятниками и историческими традициями территория была не просто объявлена прародиной ариев (которая, как было показано выше находилась на Крайнем Севере), но и названа еще той самой Араттой, которая специалистам-востоковедам хорошо известна как прародина древних шумеров. В одной из расшифрованных глиняных табличек, найденных на Ближнем Востоке, говорится: «Аратта — это гора, преисполненная мудрости; она подобна вечерней заре, идущей к своему дому, изгоняющей тьму перед своим светлым ликом; она подобна Луне, вздымающейся на небеса, лицо которой источает сияние».

Из концепции Шилова вытекает, что история начинается с Шумера, Шумер начинается с Аратты, Аратта находится где-то между Днестром и Днестром и шумерская культура тождественна Трипольской. Безусловно, требовались убедительные доказательства, и они не замедлили появиться. В археологическом комплексе Каменная Могила в пойме реки Молочная близ Мелитополя были обнаружены протошумерские письма. Их расшифровал московский шумеролог Анатолий Георгиевич Кифишин.

При всем уважении к результатам, полученным Шиловым и Кифишиным, ответ на поставленный вопрос напрашивается отнюдь не в их пользу. На какую бы глубину они не опускали хронологическую планку своих изысканий (при всей проблематичности самой датировки), их выводы — всего лишь одна из возможных гипотез. Настаивать на том, что предлагаемое объяснение — истина в последней инстанции, окончательная и бесповоротная, значит, в очередной раз насиловать историю, превращая ее в никому не нужный абсолютизм. При всем желании Триполье-Аратта никак не тянет на ту единственно возможную прародину, где некогда зародилось человечество. Но в том, что именно здесь был важнейший культурный очаг формирования древнеарийской культуры и становления индоевропейских протоэтнотопосов, сомневаться не приходится. Ибо данный регион на протяжении многих тысячелетий выступал перевалочным пунктом, где оседали различные древнеарийские племена в ходе миграций с Севера на Юг.

Другим таким же перевалочным пунктом стал Аркаим. Около десяти

лет тому назад научная общественность была потрясена открытиями в Челябинской области остатков мощных древних поселений с развитыми ремеслами — добычей руды и выплавкой металла. Как и водится, все произошло совершенно случайно. Десятилетиями никто не обращал никакого внимания на близлежащие холмы. Но, когда в 1987 году именно в этих местах задумали возвести плотину (что влекло за собой затопление обширных площадей), археологи забили тревогу. И вскоре мир вздрогнул от нечаянной сенсации! Настоящая уральская Троя! Кольцевидные (можно даже сказать — раковинообразные) крепостные валы (рис. 28), образующие сооружение, похожее на недостроенную Вавилонскую башню, шахты, плавильные печи, фундаменты рухнувших жилых и хозяйственных построек, поделки и утварь — все это позволило связать находки с продвижением на Юг во II тысячелетии до н. э. еще не полностью расчлененных индоевропейских племен.

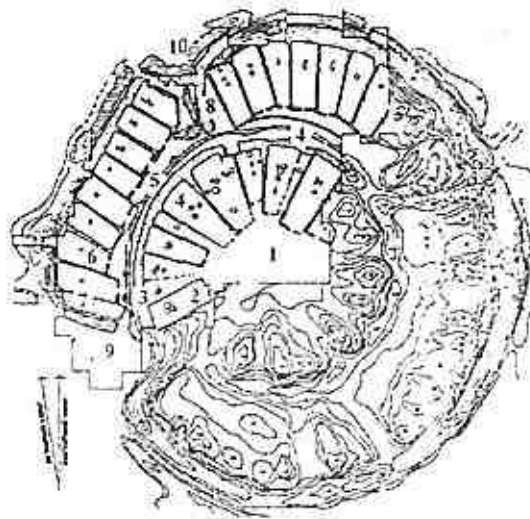

Рис. 28. Карта и схема раскопа поселения Аркаим:

- 1 — площадь;**
- 2 — внутренний круг жилищ;**
- 3 — основание внутренней оборонительной стены;**
- 4 — круговая улица;**
- 5 — ровик ливневой канализации;**
- 6 — внешнее кольцо жилищ;**
- 7 — основание внешней оборонительной стены;**
- 8 — основания радиальных стен;**
- 9 — юго-западный вход;**
- 10 — северо-западный вход (главный).**

В жилищах помечены колодцы и хозяйственные ямы

По имени расположенной поблизости горы новонайденное археологическое чудо получило звучное название — Аркаим. С тех пор здесь полным ходом идут комплексные исследования (рис 29). Многие полагают, что именно в этих местах зарождалась одна из самых впечатляющих религий — зороастризм, основанная великим пророком Древности Зороастром (греческая вокализация), или Заратуштрой (иранская вокализация). По утвердившейся, хотя и заведомо гипотетической, версии время его жизни приходится на VI век до н. э. Где же и когда он родился, творил и умер на самом деле, оставалось загадкой и в античные времена. Так как зороастризм долгое время оставалась государственной религией Персии, то считалось, что и Заратуштра является иранцем и его деятельность также разворачивалась на территории Ирана.

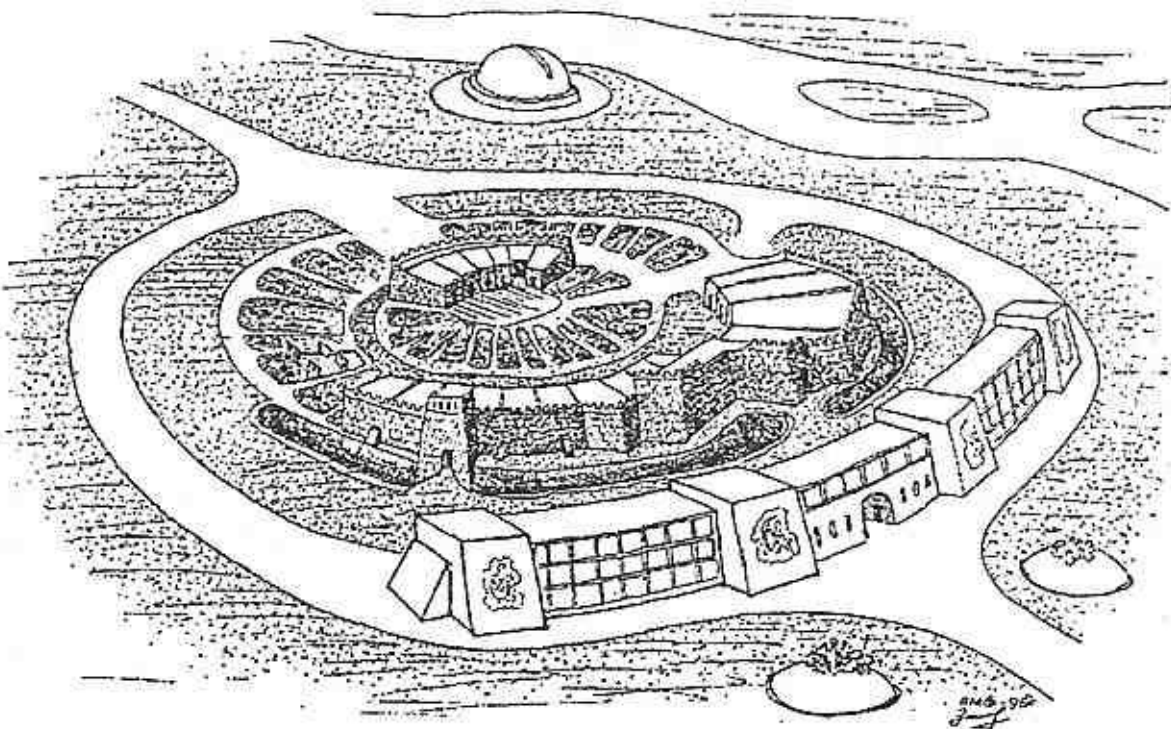

Рис. 29. Аркаим (реконструкция Г.Б. Здановича)

Но уже древние говорили, что в действительности Заратуштра прибыл откуда-то с Севера, к тому же переплыв огромное море (предположительно Ледовитый океан), что он на 6 тысяч лет (!) старше Платона и т. п. Другими словами, очень и очень похоже, что великий пророк продвигался с Севера

на Юг вместе с мигрировавшими из Гипербореи протоиранскими племенами. И в таком случае вместе с ними он вполне мог оказаться в одном из перевалочных пунктов на пути первого великого переселения индоевропейцев. Между прочим, направление миграции зафиксировано в Авесте — зороастрийской Библии: здесь различаются задняя страна света — Север и передняя — Юг (то есть протоиранские переселенцы двигались лицом к югу, спиной к северу).

По дороге к местам нынешнего проживания современных иранцев невозможно было миновать южнорусские степи безотносительно к тому, каким был дальнейший путь — через Кавказ или через нынешний Казахстан и Среднюю Азию. Потому-то Аркаим и является естественным перевалочным пунктом на пути движения древних мигрантов. Здесь они могли задержаться на века и десятилетия. Поэтому вполне понятно, что многие исследователи и энтузиасты видят в величественном комплексе древних сооружений на Южном Урале очаг зороастрийской культуры. Наиболее последовательные сторонники данной гипотезы склонны считать Аркаим столицей Заратуштры, где он умер и похоронен. Показывают даже место его захоронения на берегу реки Синташты, где археологические раскопки проводились за пятнадцать лет до открытия Аркаима. Здесь в древности был насыпан огромный курган, а на нем воздвигнут величественный мавзолей.

Есть ли вероятность того, что в спиралевидной форме Аркаима заложен какой-либо космический смысл? Есть! И потому, что многие аналогичные постройки Древности имели астрономическое предназначение (шумерские и вавилонские зиккураты, храмовые комплексы ацтеков и майя). И потому, что алгоритм спирали лежит в самом фундаменте Мироздания (торсионные поля, генетический код, спиральные галактики и т. п.). И потому, что в округе обнаружено несколько интересных насыпных комплексов — так называемых «курганов с усами»: от обычных древних курганов полукольцами отходят двухсотметровые дугообразные насыпи; они не смыкаются полностью. Образуют 50—60-метровый «зазор», который, по расчетам палеоастрономов, мог служить для астрономических наблюдений и измерений.

Аркаим совершенно закономерно оказался на пути древнейших гиперборейских продвижений. Наиболее важные для судеб индоевропейских и других народов миграционные пути пролегали через территорию современной России, ее северо-западную и центральную части, а также вдоль Уральского хребта и по берегам великих рек Волги и Оби. Впрочем, скрупулезному изучению под «гиперборейским углом

зрения» подлежат все без исключения арктические, евразийские и американские регионы, включая океаническое дно и континентальный шельф, в особенности расселение уцелевших после геофизической, гидрогеографической и климатической катастроф насельников заполярных и приполярных областей, которые в течение многих веков продвигались с Севера (места их прежнего обитания) на Юг (где теперь проживают современные народы — давние потомки гиперборейцев). Потому-то и у гиперборейских исследований «несть конца» — на многие поколения пытливых поисковиков, коим всегда хватит места на необъятных северных просторах. В частности, в настоящее время полным ходом разворачиваются проводимые Сибирским отделением РАН археологические раскопки недавно обнаруженного в Барабинской степи (юг Новосибирской области) древнего города, названного по имени близлежащего озера Чича Чичабургом. Уже получены впечатляющие результаты, и есть все основания вписать уникальный памятник в общую гиперборейскую картину...

Гиперборейцы всегда удачно — интуитивно (или же с помощью отработанной практики) — выбирали для своего продвижения и временного расселения такие сакральные места, которые особенно активизировали и подпитывали естественную энергетику человека, а также упрощали каналы его взаимосвязи с ноосферой. Именно к таким эзотерическим точкам относится и Аркаим, сделавшийся на много веков перевалочным пунктом в продвижении индоариев с Севера на Юг. Уникальный спиралевидный город в южно-уральской степи (Челябинская обл.) стал своеобразным символом мощи и красоты древней эпохи. Его гармонические формы и окружающий ландшафт завораживают сами по себе. Останки самой крепости, еще в древности сожженной дотла, сейчас покоятся глубоко под землей: после археологических раскопок, происходивших здесь с лета 1987 года, и тщательного исследования памятника он (по действующим правилам в археологии) был засыпан, и теперь увидеть его можно только на рисунках и фотографиях. Нынче же над мощными некогда крепостными стенами волнуется под ветром степное разнотравье.

Но осталось поле, некогда окружавшее город, а теперь накрывшее его, как первозданные воды. В этом поле именно вся соль! Задумывался ли кто-нибудь, почему место для возведения крепости было выбрано именно здесь, посреди огромного поля, окруженного со всех сторон мелкосопочником? Ведь ближайшее месторождение железной руды, из которой плавил металл в трех тысячах печей неизвестные аркаимские

металлурги, находится почти в сотне километров от «страны городов» (как прозвали заповедную территорию археологи, ибо обнаружили повсюду множество других городищ, из которых удалось исследовать лишь несколько). А регулярная доставка руды к месту ее выплавки — задача далеко не из легких.

Почему же город не воздвигли прямо вблизи железнорудного месторождения? Ответ прост: место для строительства Аркаима выбрано не случайно, оно было сопряжено с сакральным местом, каковым и является Аркаимское поле. Сначала было Поле и лишь затем Город! Так решили вожди и жрецы (волхвы), которые привели сюда предположительно в XVIII–XVII вв. до н. э. гиперборейских скитальцев. Уловив «точку» пересечения токов космической и земной энергии, они повелели: «Быть городу сему именно здесь — и нигде более!» Окружающий ландшафт, подземные энергетические токи и небесно-космические силы образуют здесь уникальный эпицентр ноосферного воздействия. Аркаимское поле — точно огромная и окаймленная невысокими горами слабоогнутая чаша или телеантенна, «тарелкой» своей направленная прямо в Космос и обшаривающая его по мере вращения Земли. А посреди этой впадины («тарелки») — город-крепость, город-храм!

Русская история вообще тесно привязана к полям, образующим некие смыслозначимые символы русского духа: Куликово поле, Бородинское, Прохоровское, множество безымянных полей русских былин, песен, сказок... И вот еще одно — Аркаимское поле; с него-то, быть может, все и началось. Здесь много что еще предстоит познать и осмыслить. Непочатый край работы у археологов. В Аркаимском музее висят фотографии, сделанные с самолета специальной камерой: повсюду под землей находится еще несколько кольцеобразных и спиралеобразных городищ, их археологическое исследование — задача отнюдь не ближайшего будущего.

И здесь же, в музее на стенде, прорисовки потрясающих бронзовых фигурок из Сапоговского клада, найденного в Кунашакском районе на севере Челябинской области. Особенно выделяется одна: обнаженная юная дева с двумя мечами, заложенными в набедренные ножны. Перед глазами невольно предстает воображаемая картина: стремительная лавина таких уральских амазонок с поднятыми над головой мечами в обеих руках, подобно валькириям, несется на врага, сметая все и вся на своем пути. Быть может, именно такая матриархальная орда, наследница гиперборейских времен и традиций, осаждала некогда легендарный Аркаим, взяла его с помощью дьявольской женской хитрости, разрушила и сожгла.

Предположение, что многие важнейшие события иранской и индоевропейской предыстории происходили в степных районах Южного Урала, позволяет сделать совершенно неожиданные на первый взгляд привязки. Известно, что многие факты иранской предыстории и общеиндоевропейской истории были в поэтической форме освещены в одной из самых знаменитых и обширнейших по объему книг мировой литературы — «Шахнаме», что в переводе с персидского означает «Книга царей» (народная молва переименовала ее в «Царь-книгу»). Ее создал (другого слова не подберешь, ибо она действительно создавалась на протяжении целой жизни) великий персидский поэт Абулькасим Фирдоуси (ок. 940 — 1020 или 1030).

Полный академический перевод «Шахнаме» на русский язык занимает шесть объемистых томов. Это — 55 тысяч двестишестидесяти строк, что в несколько раз превышает объем «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых; в данном плане творение Фирдоуси уступает только великому древнеиндийскому эпосу «Махабхарата», насчитывающему 200 000 стихотворных строк (шлок). Помимо бесценных художественных достоинств, творение Фирдоуси является и своеобразным летописным полотном, охватывающим многие легендарные события мировой предыстории, о которых не сохранилось надежных документов и письменных свидетельств. При этом персидский Гомер широко использовал устные сведения, почерпнутые у профессиональных хранителей информации — зороастрийских магов, или, как он их называл, *мобедов*: «Распрашивал старцев о древних царях, / О славных воителях-богатырях...» В результате в руках поэта оказалась бесценная информация, которая на сегодня не сохранилась ни в каких летописных и документальных источниках.

Точной датировки в свержпоэме, конечно, нет, но зато обозначены многие хорошо известные исторические события (вроде походов персидских царей и Александра Македонского, арабского нашествия и т. д.), по ним можно делать точные хронологические привязки, а затем, на основании суммирования прошедших поколений, проецировать века и тысячелетия в прошлое. Нельзя также забывать, что Фирдоуси был правоверным мусульманином, находившимся под влиянием господствующей идеологии и творившим в условиях традиционной исламской цензуры. Поэтому вполне естественно, что многие древнейшие

исторические факты мифологизировались, гиперболизировались, обрастая сказочными и беллетристическими подробностями, помноженными на творческое воображение поэта.

Но если отвлечься от всего вышеперечисленного, неизбежно остается «сухой остаток», соответствующий реальным событиям далекого прошлого. При таком подходе и методике анализа текста открываются воистину необозримые исторические пласты и удивительные подробности, каких не почерпнуть в других источниках. Это касается и далекой гиперборейской предыстории, и войны между Ираном и Тураном, борьбы протоиранских племен во время их продвижения через степные южнорусские просторы с обитавшими там тюркскими (туранскими) кочевыми племенами. Кстати, данные события, как они описаны в «Шахнаме», происходили задолго до появления пророка Заратуштры. Последний у Фирдоуси именуется Зердештом и появляется лишь в начале второй половины поэмы.

Нет нужды добавлять, что определенная часть этих событий происходила на территории, древним символом которых сегодня стал Аркаим. Древний арийский город в южноуральской степи погиб, как известно, в одночасье, в результате испепеляющего пожара, после чего жизнь сюда больше никогда не возвращалась. Нетрудно предположить, что мощная цитадель была захвачена коварными врагами, они не смогли взять неприступную крепость лобовым штурмом и использовали для этого военную хитрость. В «Шахнаме» с фотографической точностью описано, как это могло бы случиться:

*...Рыть землю под крепостью стали затем;
И до половины подкоп доведя,
Ирана бойцы по веленью вождя
Под стены твердыни столбы подвели,
Их, черною нефтью облив, подожгли,
И рухнул воздвигнутый Туром оплот.
Пыль вздыбив, дружина рванулась вперед.*

.

*Мечом защищали родимый свой кров,
Свое достояние, жен и сынов
Туранцы, без устали бились они.
Но лучше б на свет не родились они!*

.

Дыханье огня, ливень гибельных стрел.

*Кто б выход найти, кроме бегства, сумел?
Разбитое войско из крепости прочь
В просторы степные бежит во всю мочь.
Ворота замкнулись, и вот уж громят
Бойцы завоеванный вражеский град.
Твердыни защитника полонены,
И старцы, и юноши уведены...*

И не важно, что в приведенном фрагменте описывается захват иранцами туранской крепости. В противоположных случаях использовались точно такие же приемы штурма и способы расправы с осажденными. Кстати, никто пока не доказал, что последними защитниками Аркаима были именно индоевропейцы, а не прототюрки, например. Если же верна моя гипотеза: Аркаим — перевалочный пункт мигрантов с Севера на Юг, то защитниками Уральской Трои могли быть какие угодно протоетносы. В то время и языки, и верования, и культура были дифференцированы слабо. Свидетельство тому — все та же «Шахнаме».

Центральным «нецарским» персонажем сверхпоэмы, которому посвящено больше всего сказаний, является легендарный богатырь Рустам (или Ростем — в разных переводах его имя вокализовано по-разному) (рис. 30). Родился он в результате кесарева сечения и, если пользоваться хронологией самой «Шахнаме», в незапамятные времена мифологических «царей», задолго до принятия иранцами зороастрийской религии. Грубо говоря, это могла быть эпоха от I до III тысячелетия до н. э., то есть время, когда прапредки иранцев в своем продвижении с Севера на Юг еще не достигли конечной точки миграции и своей будущей родины — Иранского нагорья, — а находились в промежуточной зоне вынужденного переселения — в южнорусских степях.

Рис. 30. Рустам убивает дракона. Персидская миниатюра

То было время, когда распад индоевропейской этнолингвистической общности был еще весьма далек от завершенности. Применительно к рассматриваемому периоду, который сам по себе сокрыт в тумане тысячелетий, это в особенности относилось к протоиранским и протославянским племенам, в недрах которых уже обозначались контуры и будущей проторусской народности. Отсюда вполне понятно и имя богатыря Рустама (Ростема). Его корневая основа «рус» («рос») имеет непосредственное отношение и к формированию русского языка (в процессе его отделения от некоего общего ирано-славянского лингвистического «блока») и, естественно, к происхождению самого русского народа. В поэме Фирдоуси прямо отмечается, что Рустам (Ростем) не является коренным иранцем, а имеет сакское происхождение. Саки — восточные скифы, следовательно Рустам — скиф. Не приходится сомневаться, что прообразом этого богатыря послужил какой-то легендарный ирано-славянский прапредок, этнологически общий для персов, таджиков и русских и имеющий скифское происхождение. Не лишено вероятности также, что речь идет о знаменитом Русе (или Росе), названном в Густинской летописи «Полнощным Князем», то есть Князем Северным, а точнее даже Полярным.

В «Шахнаме» есть и другие любопытные реминисценции. К примеру, многие «цари» (по правлению которых и структура всей книги распадается

на «царства») фигурируют в поэме с приставкой «кей»: Кей-Кобад, Кей-Кавус, Кей-Хосров и др. Происходит она от древнеавестийского слова «кави», означающего «господин», «владыка», «царь». В латинском языке это древнеарийское слово трансформировалось в имя Кай, а в русском стало Кием. Таким образом, Кий — легендарный основатель Киева — по своему изначальному смыслу означает «князь». В древнерусском же языке (то есть, спустя тысячелетия после вычленения его из ирано-славянского лингвистического «блока» и ставшего вполне самостоятельным) известны и другие значения слова «кий», дожившего до наших дней в смысле «длинная узкая палка» (например, «биллиардный кий»); но в прошлом значения были совсем другие — «палка» во всех ее видах, «дубинка», «молот» и даже «гиря» (см.: Словарь М. Фасмера).

Мусульманские (в особенности арабские и персидские) авторы оставили немало свидетельств о древней Полярной прародине. Даже о легендарных народах Гоге и Магоге в Коране можно узнать гораздо больше, чем из скудных намеков Библии. Однако в коранических и около коранических мусульманских сказаниях представления о северных — в том числе об уральских и сибирских — народах подверглись еще большему искажению, достигнув предела омерзения, ксенофобии и демонизации. Как уже упоминалось, в Коране северные аборигены названы совокупным словосочетанием *Йаджудж* и *Маджудж*, представляющим собой фонетическую трансформацию некоей первичной протолексемы. На арабских и персидских средневековых картах для народов *Йаджудж* и *Маджудж* всегда отводилось место на Крайнем Севере, правда, сам север, по средневековой картографической традиции, изображался внизу.

По преданию, у всех *Йаджудж* и *Маджудж* по четыре глаза — два на лбу, два на груди; их тело покрыто шерстью, а уши свисают до плеч; вместо слов они издают отвратительные звуки, похожие одновременно и на змеиной шипение и на птичий свист. В Коране они упоминаются в связи с рассказом о мифическом герое *Зу-л-Карнайне*. Имя это переводится как «Двурогий», и в обыденном представлении оно слилось с образом Александра Македонского — Искандера, также прозванным в народе Двурогим, так как якобы носил рогатый шлем. Подобно Александру, Зу-л-Карнайн-Двурогий обладал по воле Аллаха великой властью и совершил поход к пределам мира. Там, на далеком Севере, он и столкнулся с ужасными и нечестивыми народами *Йаджудж* и *Маджудж*, которые терроризировали местное население и замыслили прорваться во владения правоверных. Дабы не допустить этого, Зу-л-Карнайн воздвиг в северных пределах земли высочайшую стену, ее огромные каменные блоки были

скреплены расплавленным железом.

Где-то в Сибири, в пространстве от Алтая до Ледовитого океана, а также между Уральскими горами и Байкалом до сих пор находятся останки этой стены (по другой версии — башни). Кроме того, от тех времен повсюду видны развалины древних городов, тех самых, где жили северные аборигены, сдерживавшие натиск воинственных *Йаджудж* и *Маджудж*. Где именно находились эти города, современным археологам пока известно очень мало. Зато сохранились многочисленные и подробные описания арабских путешественников, посетивших средневековую Сибирь. Вот одно из таких сообщений, оно принадлежит географу Сихаб эддин Ибн-Фалдаллах ал-Умари (1300–1348), который, в свою очередь, ссылается на рассказ арабского купца Бадр эддин ал-Хасан ал-Руми:

«Страны Сибирские и Чулыманские [на Каме] прилегают к Башкырдам [башкирам]. В земле Башкырдов находится мусульманский кади, пользующийся почетом. В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их в продолжение 6 месяцев. Он не перестает падать на их горы, дома и земли. Вследствие этого у них очень мало скота. Это обитатели сердца Севера. Приезжает к ним мало людей, и пищи у них мало <...> Купцы наших стран не забираются дальше города Булгара; купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера. Позади их уже нет поселений, кроме большой башни, построенной Искандером на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а находятся только мраки... пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вплоть до Черного моря; там беспрерывно бывает дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце. За Югрой живет на берегу морском народ, пребывающий в крайнем невежестве. Они часто ходят в море».

В приведенном фрагменте, типичном для арабских географических сочинений, речь идет в основном о территориях, расположенных в заполярных областях Приуралья и Приобья. Описание относится к XIV веку. Но есть еще более ранние свидетельства, записанные по крайней мере на четыре столетия раньше. В «Книге путей и стран», принадлежащей географу Ибн Хордадбеку (820–912), приводится рассказ еще одного

арабского купца — Саддама ат-Тарджумана, побывавшего на территории Южной Сибири и Урала и также проследовавшего на Север. Именно он своими глазами видел руины многочисленных городов и как правове́рный мусульманин посчитал, что виновниками их разрушения могли быть только легендарные *Йаджудж* и *Маджудж* — кому еще как не им произвести столь чудовищное опустошение? Но послушаем самого путешественника, посетившего Сибирь свыше тысячи лет тому назад:

*«После 26-дневного пути наш караван достиг местности, где почва была черной и источала отвратительное зловоние. К счастью, мы соблюли предосторожность и запаслись уксусом для борьбы со зловонием. 10 дней мы ехали по этой стране, а затем еще 20 дней по местности, где все селения были разрушены. Нам сказали, что это остатки поселений, которые подверглись нападению *Йаджудж* и *Маджудж* и были совершенно ими опустошены. Наконец мы достигли крепостей, построенных рядом с горой, по ущельям которой проходила стена. В этих крепостях живет народ, говорящий по-арабски и персидски. [Речь может идти о людях, владеющих арабской грамотой и понимающих арабский и персидский язык, сами же они необязательно должны быть арабами или персами. — В.Д.]. <...> Затем мы достигли города, называемого Ика. Он занимает площадь, равную квадрату со стороной равной 10 фарсахов [фарсах арабская мера длины, равная расстоянию, которое конь проходит за один час. — В.Д.]. Город имеет железные ворота, вокруг него имеются пашни, а в городе есть мельницы. Это тот самый город, где поселился Зу-л-Карнайн со своим войском, между городом и стеной расстояние в три дня пути. На всем протяжении пути от города до стены, которую достигаешь на третий день, расположены крепости и селения. Эта стена наподобие горы округлой формы [данная фраза не вполне понятна. — В.Д.]. Говорят, что *Йаджудж* и *Маджудж* обитают здесь. Их два вида. Говорят также, *Йаджудж* выше ростом *Маджудж* с разницей от одного до полутора локтя. Затем мы достигли высокой горы, на которой возвышались крепость и стена, построенная Зу-л-Карнайном. Там между двумя горами есть ущелье, ширина которого 200 локтей. Оно является дорогой, через которую вышли и рассеялись по земле *Йаджудж* и *Маджудж*. Фундамент стены заложили на глубине*

тридцати локтей с помощью железа и меди, затем поставили две опоры... Вся постройка состоит из железных плит...»

Это — лишь начало (примерно третья часть) подробнейшего описания горных и равнинных крепостей, чьи развалины и по сей день затерялись в необъятных сибирских просторах. Где именно? Заманчиво было бы предположить, что их поглотила трясина, и они погрузились на дно болот, как впоследствии скрылся на дне озера легендарный град Китеж. Но из рассказа любознательного арабского путешественника следует, что речь может идти о городах и крепостях, расположенных как в равнинной, так и в горной местности. К последней вполне можно отнести Урал или Алтай, а к первой — Барабинская степь в современной Новосибирской области, где, как уже упоминалось, были обнаружены останки древнего протогорода, большая часть которого находилась под землей. С помощью совершенных геофизических приборов удалось зафиксировать под мощным слоем земли развалины древнего города с четкими очертаниями домов и улиц (рис. 31). Здесь под руководством академика В.И. Молодина проводятся комплексные археологические раскопки. Которые уже стали мировой сенсацией.

Рис. 31. Заместитель руководителя археологической

экспедиции СО РАН Ю.Н. Гаркуша демонстрирует карту-схему древнего города Чичабурга (июнь 2001 г.). Фото Валерия Демина

Нечто подобное — но уже, так сказать, в ландшафтном исполнении — можно увидеть и неподалеку от Екатеринбурга (Чертово городище) и даже в черте города («каменные палатки» близ озера Шарташ), напоминающие останки крепостных сооружений или святилищ. Особенно впечатляют первые: мощные (похожие на оборонительные) стены (высотой до 15 метров), сложенные из многотонных матрацевидных блоков, тянутся по вершине горы. Принято считать их результатом выветривания и прочих капризов природы. Но, как известно, древние удачно превращали подобные природные феномены в ландшафтные святилища, приспособливая их для своих сакральных нужд. Имеются пока что документально не подтвержденные сведения, что останки каких-то древних сооружений есть и к югу от Таймыра.

Драгоценные подробности о развитой древней и средневековой евразийской культуре содержатся во многих восточных первоисточниках, в особенности связанных с циклом сказаний о северных походах Александра Македонского. Не надо думать, что в них имеет место сплошной вымысел и необузданная фантазия. Сквозь художественные образы явственно просвечивают непреложные факты, которые подверглись литературно-поэтической обработке. Среди интерпретаторов были не только безвестные компиляторы, но и гениальные личности, чьи имена входят в золотой фонд мировой культуры. Таков великий восточный поэт Низами (ок. 1141 — ок. 1209), он жил и творил на территории нынешнего Азербайджана, но писал на фарси — литературном персидском языке.

Классическую «Хамсе» — «Пятерицу» его поэм венчает грандиозная «Искандер-наме», где среди многих походов Александра Македонского описаны и его невероятные приключения на сибирском Севере, во владениях Йаджудж и Маджудж. Правда, в самой поэме фигурируют только Йаджудж (Яджудж), обитающие в мощных крепостях, примерно в таких, какие описывали арабские путешественники. Думается, Низами во многом опирался и на недошедшие до нас устные или письменные источники, касающиеся Сибири. Поэт одинаково вдохновенно описывает и неповторимые сибирские реалии, и устрашающих обитателей далекого Севера:

За грядой этих гор, за грядою высокой

Страшный край растянулся равниной широкой.

*Там народ по названью яджудж.
Словно мы, он породы людской, но исчадием тьмы*

*Ты сочтешь его сам. Словно волки когтисты
Эти дивы, свирепы они и плечисты.*

*Их тела в волосах от макушки до пят,
Все лицо в волосах. Эти джины вопят*

*И рычат, рвут зубами и режут клыками.
Их косматые лапы не схожи с руками.*

*На врагов они толпами яростно мчат.
Их алмазные когти пронзают булат.*

*Только спят да едят сонмы всех этих злобных.
Каждый тысячу там порождает подобных.*

Перевод — здесь и далее — К. Липскерова.

На сибирском севере Искандер видит идеальные города-государства с идеальными правителями, рассказывая о которых Низами создает одну из впечатляющих средневековых утопий:

*...Юный здесь не умрет, нет здесь этой невзгоды.
Здесь умрет лишь проживший несчетные годы.*

.

*В мире благо живет. Ты о благе радей.
К миру благо идет лишь от этих людей.*

*Озарился весь мир перед нами — рабами,
Стали мира они золотыми столпами.*

Картина, воссозданная Низами, во многом близка к классическим описаниям Золотого века. Так оно и есть. В русских апокрифах,

восходящих к легендарной средневековой «Александрии», рассказывается о том, как Александр Македонский, пройдя со своим войском Сибирское царство, достиг побережья Ледовитого океана и переправился на Острова Блаженных (по-русски Макарейские острова), где царил Золотой век и известна была тайна бессмертия (она-то и интересовала Властелина Вселенной). Здесь на заветном острове Александр нашел подлинный рай:

«Видев же во отоце [на острове. — В.Д.] том древа высока зело, красна, овошми украшена, едина зряху. Друзии же цветяху, инии презреваху, плода же их множество на земле лежаху. Птицы же краснии на древех различными сладкими песни пояху. Под листвием же древ тех людие лежаху и источницы сладкими ис корених тех древ течаху».

Но сладкие источники и молочные реки с кисельными берегами Македонского царя нисколько не соблазнили, ему нужно было одно — эликсир бессмертия, чтобы навеки остаться владыкой мира. Побывав в Солнечном городе с медными башнями и крышами, Александр, наконец, нашел источник вечной молодости, который представлял из себя целое озеро: сушеная рыба, брошенная туда, тотчас же начинала плавать. Но столь желанного бессмертия царь — великий полководец, как известно, не обрел. Судьбой ему было предначертано иное: умереть в возрасте 33 лет и навсегда остаться молодым в памяти последующих поколений.

Уходя с берегов Ледовитого океана и оставляя за спиной Урал и Сибирь, Александр Македонский успел сочинить и оставить на сохранение жалованную грамоту всему роду славян (или мосхов — так сказано в одном из вариантов дошедшего текста) о незыблемых привилегиях на веки вечные. Грамота сия переписывалась и приводилась бесчисленное количество раз в русских хронографах и летописцах, где по-разному поминается и Ледовитый океан: и «полунощное оиянское Ледовитое море», и «море полночное великое Окиан Ледовитый», и т. п. Ниже, однако, приводится — в силу большей компактности и внятности — перевод, заимствованный из прижизненного издания «Хроники всего мира» (1551) Марцина Бельского:

«Мы, Александр, сын верховного Бога Юпитера на небе и Филиппа, короля Македонского на земле. Повелитель мира от восхода до захода Солнца и от полудня до полночи, покоритель Мидийского и Персидского королевства, Греческих, Сирийских и Вавилонских и т. д. Просвещенному роду славянскому и его языку

милость, мир, уважение и приветствие от нас и от наших преемников в управлении миром после нас. Так как вы всегда были с нами, в верности искренни, в бою надежны и храбры и всегда безустанны были, мы жалуем и свободно даем вам навечно все земли от полунощного моря великого Ледовитого океана до Итальянского скалистого южного моря, дабы в этих землях никто не смел поселяться или обосновываться, но только род ваш, и если бы кто-нибудь из посторонних был здесь обнаружен, то станет вашим крепостным или прислужником со своим потомством навеки. <...>»

Конечно, средневековые, к тому же беллетризированные, источники не всякому читателю покажутся убедительными. Но вот, в дополнение к сказанному, известие иного рода: каким являлся неизведанный сибирский берег его первооткрывателю — будущему адмиралу российского флота Гавриилу Андреевичу Сарычеву (1763–1831) во время плавания по Ледовитому океану недалеко от устья впадающей в него реки Колымы:

Мыс Баранов Камень «состоит из смежных нескольких гор, выдавшихся в море мысом, образующим полукружие. На них есть кекуры, или столбы каменные, из коих иные представляют обвалившуюся крепость, другие башни и людей. На одной невысокой горе, близ коей стояли на якоре 28 июня [1787 г.], видели мы один кекур, похожий видом на двух разговаривающих женщин, держащих в середине ребенка».

Похожие природные феномены были отмечены также на открытом несколько позже и совсем другой экспедицией острове Врангеля. Рационалистически мыслящие мореходы не давали волю воображению и не увязывали увиденное с возможным гиперборейским прошлым. Скорее всего, они были правы, говоря не об исторических, а о геологических руинах. Но тем не менее вопрос остается открытым, поскольку многие исторические памятники имеют ландшафтное происхождение.

* * *

Исторические, археологические, географические, геофизические литературные и иные факты легли в основу той концепции, которая ныне

именуется «гиперборейской теорией». В научном плане она начала складываться еще в эпоху Возрождения, много сделал для ее поддержания и век Просвещения, в XIX веке наибольший вклад в ее укрепления внесла Елена Петровна Блаватская (1831–1891), а в XX веке ее торжество ознаменовалось работами традиционалистов Германа Вирта, Рене Генона и Юлиуса Эвола. Последний так сформулировал ее главные черты:

*«Мы говорили о древней нордической традиции. Это не миф — это наша истина. Уже в древнейшие времена Предыстории, там, где позитивистские суеверия предполагают обезьяноподобных пещерных жителей, существовала единая и могущественная пракультура, отголоски которой слышатся во всем великом, что дошло до нас из прошлого — как вечный, вневременной символ. Иранцы знают о *airyanem vaējō* [Арианам-Вайджа], стране, лежащей на Крайнем Севере, и видят в ней первое творение „Бога Света“, место, откуда пошел их род. Это также обитель „Сияния“ — *hvarəno* [Хаварно — божественная благодать, харизматическая одаренность, сакральная (по существу — пассионарная) сила] — той мистической силы, которая связана с арийской расой и в особенности с ее божественными монархами; они видят в ней — символически — то „место“, где впервые Заратустре открылась его воинственная религия. В традиции индийских ариев также говорится о Света-двипа, где находится обитель Нараяны, того „Кто есть Свет“ и того „Кто стоит над Водами“, т. е. над случайностью происходящего. В ней говорится и об „утта-ракура“, нордической прарасе; под словом „нордический“ там понимается солнечный путь богов — „дэваяна“ — и в описании „уттара“ преобладает идея всего благородного, всего возвышенного, всего того, что можно назвать „арийским“ в высшем смысле и что отождествляется с идеей Севера. Предками ахейско-дорического племени также считаются мифические северные гиперборейцы: оттуда пришел почитаемый этим племенем бог или герои солнечный Аполлон, победитель Пифона. Оттуда Геракл — союзник олимпийских богов в их борьбе с титанами, истребитель амазонок и существ стихии, „Прекрасный Победитель“, авторами которого считали себя позже многие греческие и римские цари, — принес оливковое древо, и его листвой с тех пор венчают всех победителей*

(Пиндар).

Эта нордическая тема отождествлялась в Элладе с темой Туле, таинственной северной страны, называемой иногда „Островом Героев“, „Страной Бессмертных“, где правит белокурый Радамантис, и „Солнечным Островом“, — Ultima Thule [Дальняя (Крайняя) Туле = Гиперборея] — воспоминания о котором долгое время оставались настолько живыми, что в преданиях говорится, что Констанций Хлор выступил со своими легионами в Британию не столько ради воинской славы, сколько для того, чтобы в своем апофеозе власти приблизиться к месту, являющемуся „более святым и более близким к небу“, чем любое другое. В нордическо-германских традициях часто Асгард, обитель Асов и преображенных героев, является образом именно этой северной страны, и нордические короли, считавшиеся полубогами и Асами, — и их народы, добивающиеся победы за счет своего мистического могущества „счастья“, видели в той божественной стране истоки происхождения их династии. Северным или северо-западным считается в галльской традиции Аваллон, откуда берет свое начало род Туата де Дананн, героических покорителей доисторической Ирландии, среди которых герой Огм точно соответствует дорическому Гераклу, — Аваллон, отождествляющийся иначе с „Страной Живых“, царством Боадога, „Победителя“. И ацтеки помещают свою прародину на севере в Ацтлане, который называется также „Белой Землей“ или „Страной Света“, откуда они вышли под предводительством бога войны Уицилопочтли.

Тольтеки тоже считают изначальным местом происхождения своего рода Тлалокаи, Толлан или Тулу, так же, как и греческая Туле, обозначающую „Солнечную Страну“, тождественную „Раю“ королей и героев, павших на поле битвы. Таковы ссылки, которые можно найти в различных традициях как воспоминание о нордической родине и нордической культуре, где трансцендентная, нечеловеческая духовность тесно связана с героическим, королевским, триумфальным элементом: в победоносном превосходстве формы над хаосом; в победе сверхчеловеческого и небесного надо всем человеческим и земным; в „солнечности“ как в основном символе трансцендентного мужества; в идеале достоинства и благородства, который на

материальном уровне по логике сакральных соответствий сопряжен с фигурами властелина, героя, господина.

И когда мы говорим о том, что следы передачи традиции ведут с Севера на Юг и с Запада на Восток, тем путем, которым двигались сохранившие духовность расы, то лишь потому, что уже в новое время великие арийские народы доказали, что они являются прямыми наследниками этой силы и этой культуры, доказали своими чистейшими ценностями и культами, своей явной божественностью и своей организацией, а также своей борьбой против ничтожных южных рас, связанных с землей и с духами земли, с „демонической“, иррациональной стороной бытия, погрязших в смешении, коллективизме, тотемизме, „титанизме“ и хаосе.

Кроме того — как уже явствует из всего сказанного выше — то, что было историей, стало свехисторией: „Страна Живых“, „Крепость Героев“, „Солнечный Остров“, с одной стороны, являют собой тайну происхождения, а с другой — тайну пути к новому рождению, к бессмертию, к сверхчеловеческому могуществу: пути, который может привести к высшему королевскому достоинству. И при этом исторические факторы становятся духовными факторами, реальная историческая традиция — Традицией в трансцендентном смысле, стоящим над временем Вечным Присутствием. Символы, знаки и сказания говорят нам о подземных путях этой Единственной Традиции и свидетельствуют о единственной подлинной „ортодоксии“, где навсегда достигнута высшая точка, и где „солнечная“ духовность вечно властвует над низшими силами».

В настоящее время гиперборейская проблема не только успешно разрабатывается теоретически, но получает все большее и большее подтверждение на практике. В 1997/2001 годах в центральной части Кольского полуострова, традиционно именуемой Русской Лапландией, были обнаружены останки древнейшей в истории человечества цивилизации, которую удалось идентифицировать как **гиперборейскую**. В произведениях античных авторов описывается легендарная северная страна — родина Аполлона, где царил Золотой век и жители которой владели техникой летания. В свою очередь, строгий текстологический анализ ученых показал, что в таких священных книгах, как индийская Ригведа и

иранская Авеста, в тибетских и китайских исторических хрониках, в германском эпосе и скандинавских сагах в многочисленных мифах и легендах разных народов описывается северная Прародина с полярными реалиями (полярная ночь и день, северное сияние и северное звездное небо), откуда некогда мигрировали прапредки современных этносов под воздействием неожиданного похолодания (ранее климат на Севере был благоприятным). Гиперборея — родная географическая сестра Атлантиды, обе они звенья одной цепи и у обеих одна и та же участь — гибель в пучине океана. Но если от первой пока не найдено никаких следов, то о существовании великой Северной цивилизации неоспоримо свидетельствуют материальные памятники, сохранившиеся в приполярных и полярных областях Евразии.

Найдены на Кольском полуострове (а также в других регионах Крайнего Севера) памятники наидревнейшего происхождения. Это означает, что отныне мировая предыстория получает совершенно новое звучание, а ее хронология отодвигается в глубь тысячелетий. Сказанное позволяет считать Гиперборею — праматерью мировой культуры и некогда единого пранарода. Сделанное открытие имеет непреходящее значение для установления подлинных корней общих для всех народов Земли обычаев, традиций и менталитета. ***Великая объединительная идея о прошлом единстве языков и этносов, о былом процветании людей, живших в мире и достатке, могла бы сыграть выдающуюся роль и в формировании современного гуманистического мировоззрения, позволила бы предпринять ряд реальных и эффективных шагов, направленных на укрепление доверия и взаимопонимания не только между деятелями современной культуры и учеными, но и политиками, бизнесменами, молодежью.***

В ближайшие годы экспедиция будет продолжена с привлечением специалистов: археологов, геологов, геофизиков, гидрологов, ботаников, аквалангистов, скалолазов, а также экспертов различных профилей. Профессиональные аквалангисты намерены исследовать и заснять таинственные подводные объекты на дне лапландских озер. Намеченные изыскания вызывают колоссальный интерес у многих энтузиастов, особенно у молодежи. Начиная с 2000 года географию поисков предполагается значительно расширить, распространив ее на острова Ледовитого океана, северные территории Европы, Азии и Америки. Первоначально это — Карелия, Новая Земля, Таймыр, Якутия и другие регионы Западной и Восточной Сибири. Особенно важно довести до конца гиперборейские изыскания на всей территории Лапландии (включая ее

финскую, шведскую и норвежскую стороны), на Шпицбергене, в Гренландии, на Аляске и в Канадском Заполярье. Исследовательской работы хватит не одному поколению изыскателей, всем, кому не безразлично великое древнейшее прошлое человечества!

Глава 4

ОТКУДА ЖЕ ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ?

*В стране угрюмой и суровой,
Где отливаясь на снегах,
По долгим зимам блеск багровый
Колышется на небесах;*

*Где горы льдов вздымают волны,
Где все — лесов и неба ширь —
Величьем дел Господних полны,
Встает избранный богатырь:*

*Велик, могуч, как та природа,
Сам — как одно из тех чудес,
Встает для русского народа
Желанным посланцем с небес...*

Аполлон МАЙКОВ

Большинство возможных объяснений по поводу прозвания русского народа и его отчизны — Руси — было сформулировано еще в XVII веке. Перечень известных гипотез, которые активно обсуждаются и по сей день, можно найти, к примеру, в Густынской летописи:

«Чесо ради нашъ народъ Русью наречеса. Есть зде недоумение многимъ, откуда, и в кая лета, и чесо ради Славенский народ наречеса Русью: не се таково раздрешение имаше. Се во первых да веси, яко сей народ Словенский, или Руский, отъ своего начала даже доселе неединаго нарицашеся, но различными имены, по временехъ, иногда отъ местъ и странъ, на нихъ же пришедше селяхуся, иногда отъ народовъ, къ нимъ же приходяху, иногда отъ храбрыхъ вожей своихъ, и проч. Исперва бо егда изъ Пафлягонии изыйдоша, нарицахуся Генеты, Венеды, Венециды, Анты, Аляны, Роксаны, Роксоляны, акибы Русь и Аляны; Славяне отъ славы, понеже бранми славны отъ всехъ бяху и сами любяху славу, якоже и отъ именъ ихъ тогдашнихъ

познати: Святославъ, Мстиславъ, Ярославъ, Ростиславъ, Владыславъ, Болеславъ и проч., или отъ слова, яко словни, си есть словохранительны бяху. Грецы ихъ для тиранства Савроматы нарицаху, си есть родъ со ехидними очима, понеже [саврос] значит ехидну, а [омма] око. Такожже и в Сармации седеше различно прозывахуся: Поляне, Древляне, Севери, Кривичи и проч., или якоже и ныне, Москва, Белая Русь, Волынь, Подоля, Украина, Подгоря и проч. Но обаче аще и различие есть во именовании волостямъ: но вестно есть всемъ, яко сии все единокровни и единокровны, се бы суть и ныне все общеединымъ именемъ Русь нарицаются. Но откуда взятся сему славному народу сие именование Русь, летописцы различне поведаютъ. Едины глаголютъ, яко от Росса князя полунощного, его же пророкъ Езекиль въ главе 38 и 39 поминаетъ, иныи отъ реки Росъ, иныи отъ русскихъ власовъ, понеже въ сей стране изъ сисевыми власы мнози обретаются, иныи отъ града Русы, лежащего недалеко отъ Великого Новагорода, иныи от Русса сына Лехова, Его же глаголютъ некогда zde княжити; конечнее же глаголют, яко отъ розсеяния Россия именуется. Сицеваго разумения Страбо и Птоломей географи, и Грецы бо ихъ Спорами, си есть, розсеянными нарицають...»

Славянская традиция во многих случаях возводит корни русского народа к легендарному праотцу и первопредку по имени Рус. Об этом можно узнать, например, в уже упоминавшейся «Великопольской хронике». Здесь говорится о происхождении трех братских и близкородственных славянских народов — поляков, русских и чехов — от трех братьев — Леха, Руса и Чеха. Их отцом был Пан — потомок библейского Яфета (Иафета), Ноева сына (в греческой мифологии ему соответствует титан Иапет, отец Прометея). Аналогичные сведения приводятся и в «Истории Польши» крупнейшего польского мыслителя и хрониста Яна Длугоша (1415–1480), который называет Руса основателем «необычайно обширного русского государства». О происхождении русского народа от праотца Руса писал также и Марцин Бельский (1495–1575) в своей знаменитой «Хронике всего мира».

Известны и другие свидетельства. В 1517 и 1526 годах в царствование Василия III, отца Ивана Грозного, Россию посетил Сигизмунд Герберштейн — посол императора Священной Римской империи, которую в то время возглавлял Габсбургский дом. Сам посол, несмотря на немецкую фамилию,

был славянином, родом из Словении, входившей тогда в состав Австрийской империи. Через 23 года после последнего путешествия в Вене на латинском языке был издан объемистый труд посла под названием «Записки о Московии». Помимо личных наблюдений и впечатлений, книга содержала краткую историю Руси, основанную на летописных источниках, в том числе и ныне утраченных (эти сведения пытливому и любознательному немцу сообщили сами русские, точнее — перевели по тексту какой-то утраченной летописи). Так вот, историко-этнографический трактат Герберштейна начинается с размышления о происхождении названия страны — Россия — и ее основного населения — русских. Первой приводится версия: оба названия ведут свое начало от имени древнего правителя Руси и праотца русского народа — Руса (в латинском оригинале его имя дается с двумя «с» — Русс).

О Русе как первопредке русского народа сохранились также и свидетельства арабских и персидских авторов, относящиеся к совершенно иным временам, но опирающиеся на личные свидетельства любознательных восточных купцов, они на протяжении многих веков разными путями проникали на Русь, вели успешную торговлю (рис. 32), а по возвращении домой нередко оставляли дневниковые записи. Не приходится сомневаться, что именно такая информация и послужила основой сведений о Русе, о котором рассказывается в анонимной персидской книге «Собрание историй» (1126). То же самое содержится и в арабском географическом сочинении «Чудеса земель и морей», написанном в XIV веке, на которое ссылался еще Карамзин. А в X веке византийский автор Симеон Логофет, главный почтмейстер империи, писал о русских: «Народ Рос — он же *дромиты* — прозван по могучему богатырю Росу и избег враждебности единоплеменников, которые уступая какому-то божескому совету или приказанию богини, заставили их [росов] выселиться».

**Рис. 32. Восточные купцы среди древних руссов.
Художник С.В. Иванов**

Имеется еще одно любопытное свидетельство. Оно позволяет предположить, что в далеком прошлом знавали не одного праотца Руса, но еще и праматерь Русу, и, следовательно, им обоим обязаны мы собственным происхождением. Такой вывод напрашивается при анализе одной исключительно важной сказки, записанной в 1909 году на Алтае от крестьянина села Чемала Бийского уезда Алексея Макаровича Козлова. Благодаря староверам, нашедшим последнее прибежище на окраинных российских землях, в том числе и на Алтае, сбережены от полного забвения многие сокровища устного народного творчества. Такова и сказка о Рэсе-Русб — черной косе. (Имя дожило и до наших дней — достаточно вспомнить поэтичную новеллу Ивана Бунина «Руся»).

Фольклорная Рэса-Русб — высокородного происхождения и звания, живет во дворце, окруженном высоким забором и сплошь увешанным человеческими головами — то женихи, что неудачно сватались к беспощадной героине. Ее полное имя — поэтичнее не придумаешь: Рэса-Русб — черная коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внука, трех матерей дочка. Все перечисленное наводит на мысль о глубочайшей

архаике русской сказки, запечатлевшей типичные матриархальные реалии (они поддаются реконструкции и в других волшебных сказках). Но в данном случае важно имя — Рэса-Русб. Самим собой напрашивается вывод: раз в тексте, дошедшем из многотысячелетних глубин, сохранилась память о матриархальной старине, то почему бы и имени сказочной героини — Рэса-Русб — не прийти к нам из той же незапамятной эпохи, более того — не запечатлеть образ самой Праматери русского народа?

* * *

Наконец, нельзя игнорировать и упоминание в контексте с северными народами князя Роша (Роса) в Библии (*Иез. 38. 2; 39, 1*). Данное место из Ветхого завета по сей день вызывает особенно бешеную истерику ненавистников и фальсификаторов русской истории и предыстории. Несмотря на положительное заключение ученых-гебраистов и специалистов по ивриту (включая и современных израильских экспертов), несмотря на канонический русский перевод и официальное истолкование со стороны православной церкви (см.: Толковая Библия, или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. Т. 2. С. 443–447), не прекращается брюзжание со стороны историков-русофобов (коих и поныне даже в самой России — хоть пруд пруди): дескать, и древнееврейский оригинал читается по-другому, и перевод на русский сделан неверно, и смысл текста совсем иной.

Что тут ответить? Если говорить о вокализации, то есть различного звучания одного и того же слова на разных языках и в разные исторические периоды, то можно привести тысячи примеров, когда на глазах, так сказать, слово менялось до неузнаваемости. И для этого не требуется экскурсов в библеистику: например, самая что ни на есть русская (по названию) река *Рось* в главных летописях наших — Лаврентьевской, Ипатьевской и Радзивилловской — именуется *Рша*, а жители Старой Руссы в летописях (впрочем, и ныне тоже) зовутся *рушане*.

Упоминаемая в Библии страна Рош названа в триединстве с еще двумя сопредельными с ней странами — *Мешехом*^[5] и *Фувалом*. У властителя всех трех мифических стран также есть имя. Это знаменитый *Гог*, который чаще всего фигурирует в тандеме с другим этнонимом (или же топонимом) — *Магог*, о которых уже говорилось выше в связи с анализом сведений из арабских и персидских источников. Что же все они означают? В библейских текстах, написанных первоначально на древнееврейском

языке, затем переведенных на греческий и только потом на русский, произошло неизбежное фонетическое искажение исходных автохтонных понятий, в результате чего последние приобрели плохо узнаваемое звучание. И все же в наименовании Роша (Роса) нетрудно угадать будущее название России, в Мешехе (Мосхе, Моске) — Москвы и Московии, а в Фу[ва]ле — Фуле (Туле).

Что касается Мосоха (Моска) — так он именуется у Иосифа Флавия, вопреки искаженному в Библии Мешеху, то именно от него, в конечном счете, ведут свое название река и город Москва, а также наименование страны — Московия. Густынская летопись, которую очень не любят историки-снобы, по данному поводу пишет: «Глаголют неции, яко от Мосоха сына шестаго Афетова наш народ Славянский изыйде, и мосхинами си ест Москвою именовася от сея Москвы вси Сарматы, Русь, Лахи, Чехи, Болгаре, Словени изыйдоша». Развивая эти мысли, русский историк и дипломат Петровского времени Алексей Ильич Манкиев (год рожд. неизвестен — ум. 1723), находясь в шведском плену, написал трактат «Ядро истории Российской», до сих пор не изданный. В нем Мосох не просто назван патриархом народов московских, русских, польских, чешских, болгарских, сербских и хорватских, но поименован также родоначальником всей России.

Скруплезно и панорамно данная проблема была проанализирована также и Василием Кирилловичем Тредиаковским (1703–1768) в обширном историческом труде с подробным, в духе XVIII века, названием: «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: I о первенстве словенского языка над тевтоническим, II о первоначалии россов, III о варягах-руссах, словенского звания, рода и языка» (СПб. 1773). В этом незаслуженно забытом трактате только вопросу о Мосохе (Мосхе) как прапредке московитов-москвичей посвящено не менее двух десятков страниц. Вывод таков: «...Рос-Мосх есть праотец как россов, так и мосхов... Рос-Мосх есть едина особа, и, следовательно, россы и мосхи суть един народ, но разные поколения... Рос есть собственное, а не нарицательное и не прилагательное имя, и есть предимение Мосхово».

Тредиаковский, как никто другой, имел право на вдумчивый историко-лингвистический и этимологический анализ вышеочерченных проблем. Всесторонне образованный ученый и литератор, обучавшийся не только в московской Славяно-греко-латинской академии, но также в университетах Голландии и парижской Сорбонне, свободно владевший многими древними и новыми языками, работавший штатным переводчиком при Академии наук в Санкт-Петербурге и утвержденный академиком по латинскому и

русскому красноречию, — выдающийся отечественный просветитель стоял вместе с Ломоносовым у истоков русской грамматики и стихосложения и явился достойным продолжателем Татищева в области русской истории. Помимо завидной эрудиции, Тредиаковский обладал редким даром, присущим ему как поэту, — чувством языка и интуитивным пониманием глубинного смысла слов, что неведомо ученому-педанту.

В свою очередь, Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) по поводу вопроса: можно ли именовать Мосоха прародителем славянского племени вообще и русского народа в частности — высказался гибко и дипломатично. Великий россиянин не принял бесповоротно, но и не отверг категорически возможности положительного ответа, оставляя «всякому на волю собственное мнение». Аналогичным образом было расценено и предположение о вероятном родстве московитов-славян с Геродотовым племенем месхов, оказавшихся в конечном счете в Грузии.

Теперь о последней из упомянутых в Библии северных стран — Фувале. В соответствии с нормами греческой фонетики это слово произносится и как «фувал» и как «тувал», так как начинается с «тетты»: в русском озвучивании она произносится и как «ф» и как «т». Так что, если принять во внимание вполне допустимое предположение, слог «ва» в середине названия страны Фувал появился в результате многовековых (если не тысячелетних) трансформаций и многочисленных искажений при переводе с одного языка на другой, то получим исходное автохтонное имя — *Туле*.

А что же в таком случае означают сакраментальные названия библейских народов, наименованных так по именам их праотцев и вождей, — Гог и Магог? Считается общепризнанным, что за ними скрываются скифы и другие кочевники Евразии. Но к точному пониманию этимологии и семантики самих слов это мало что прибавляет. В разных языках они звучат по-разному: например, в Коране и по-арабски они, как мы помним, зовутся *Йаджудж* и *Маджудж* (с русифицированной версией совпадает только начальный корень второго имени). Уже отсюда наглядно видно, каким фонетическим трансформациям могут быть подвергнуты в пространстве и во времени исходные лексемы. А что таковые были — сомневаться не приходится. Восстановить их в первоизданном виде — задача невыполнимая. Но некоторые подходы наметить вполне допустимо.

За основу, естественно, будет взята устоявшаяся в русском языке вокализация, опираясь на которую, уместно предпринять попытку проникнуть сквозь тысячелетнюю толщу времени в ту невообразимо далекую эпоху, когда былой общий язык был еще слабо дифференцирован.

Итак, на какие мысли наводит лексема «гог» (она же лежит и в основе второго имени, где сопрягается с корневой основой «ма», смысл последней во многих живых и мертвых языках связан либо с материнством — «мать», либо с личной и притяжательной местоименностью — «мы», «мой» и т. д.). Будучи спроецированной в прошлое, лексема «гог» может оказаться оглушенной — «хох» (ср. нем. *hoch* — «высокий», «сильный», «большой») или же редуцированной (укороченной), лишенной, к примеру, первой согласной: по типу эволюции слова «гишпанский» → «испанский».

В итоге такой мысленной редукции, опрокинутой в прошлое, получим два коротких односложных слова — «ог» и «ох». Оба, оказывается, несут исключительно важную и ёмкую информационно-смысловую нагрузку. В древнекельтской мифологии был известен бог Ог. По-гречески он прозывался Огмием и был тождествен — не больше не меньше — эллинскому Гераклу, однако вовсе не тому буйному и всесильному богатырю-герою, хорошо известному по популярным мифам, описывающим его двенадцать подвигов. Огмий-Геракл — глубокий старец. Вот как про него рассказывает знаменитый античный писатель и философ Лукиан из Самосаты (ок. 120 — после 180):

«Геракла кельты называют на своем местном языке Огмием, причем изображают этого бога в очень странном виде: он у них оказывается глубоким стариком, с плешью на темени, с совершенно седыми остатками волос на затылке, с кожей, сморщенной и загорелой до черноты, как у старых мореходов. Скорее можно было бы предположить, что перед нами — один из подземных обитателей Тартара, какой-нибудь Харон или Ианет, словом — кто угодно, только не Геракл. Но и в таком образе Огмий сохраняет все же снаряженье Геракла: львиная шкура накинута, палицу держит в правой руке, колчан подвешен, и натянутый лук выставляет вперед левой рукой, — словом, что касается снаряженья, это настоящий Геракл. Я думаю, признаться, что кельты в насмешку над эллинскими богами придают Гераклу столь противный обычаю вид и подобным изображением бога мстят ему за то, что он однажды совершил нападение на землю их и угнал добычу, — когда в поисках стада Гериона он пробежал большую часть западных стран.

Впрочем, самое непонятное в этом изображении — еще впереди. Дело в том, что этот Геракл, хотя и старик, влечет за собой целую толпу людей, причем все привязаны за уши. А

привязью служат тонкие цепочки, из золота и электрона сработанные и подобные прекраснейшим ожерельям. И вот, люди, увлекаемые столь слабой цепью, даже не помышляют о бегстве, хотя они могли бы легко убежать, и вообще не сопротивляются и ногами не упираются, не откидываются всем телом назад, борясь с увлекающей цепью, напротив, со светлыми и радостными лицами они следуют за уводящим их богом и, славословя его в один голос, сами спешат и, желая забежать вперед, ослабляют узы, и, кажется, опечалены будут, если получат свободу».

Геракл-Огмий, о котором Лукиан в III веке н. э. мог сказать мало чего вразумительного, а потому предпочел поиронизировать, — в действительности очень древнее божество, его культ восходит к тем далеким временам, когда индоевропейская культура, верования и язык еще не были расчлененными.

Божеству же по имени Ог, хранителю сокровенного эзотерического знания, приписывалось создание одной из первых северных письменностей, так называемого огамического письма — надписи на нем до сих пор не расшифрованы. Так вот он, оказывается, каким был, этот Гог — князь Роша, Мешеха и Фувала (то есть России, Московии и Тулы)! Специалисты, занимающиеся огамическим письмом, называют его также *адта*. Другими словами, выявленные односложные корни взаимосвязаны по смыслу и по возможности фонетического превращения (перехода) одного в другой: «ог» → «аг» → «ах» → «ох». Круг, как говорится, замкнулся.

Кое-кто увидит в тесно взаимодействующей цепочке из четырех приведенных слов ничего не значащие междометия, относимые обычно ортодоксальным языкознанием к звукоподражаниям. Как бы не так! В этих словах запечатлены позывные возгласы, с которыми древние арийцы обращались к своим языческим богам. В русском архаичном миропонимании кельтско-эллинский Ог известен как вредоносное сверхъестественное существо Ох, зафиксированное в фольклоре. Восклицание «ах!», с исключительно богатым эмоциональным и смысловым диапазоном — от испуга до восхищения — на самом деле может оказаться архетипом коллективного бессознательного воспоминания о божестве Ахе, а точнее — Аге. Последний мог фигурировать в двух вероятных ипостасях: во-первых, в виде женской Аги (Яги = Йаги-Йоги) — откуда утвердительное восклицание «ага!»; во-вторых, в виде мужского

Агни — бога Огня («аг» = «ог»). Наконец, тотемный смысл имени Гога мог перейти на русские названия птиц — «гоголя» и «гага».

* * *

Понятно, что многочисленные свидетельства древних и средневековых иноземных авторов не придумывались и, как говорится, не высасывались из пальца, а опирались и на устные предания, бережно сохраняемые нашими пращурами, и на письменные источники, получившие отражение в ряде поздних хроник, но восходящие, быть может, к некоторому тайному протографу (почему тайному — станет понятно из дальнейшего изложения). Что касается позднейших письменных сведений, то речь пойдет о русских исторических сочинениях XVII века, получивших хождение на Руси после завершения Смутного времени. Они специально посвящены праотцу Русу, который вместе с братом Словеном положил начало и русскому народу, и русской государственности — причем задолго до того, как это признается официальной историей:

«Князем убо киевским Словену и Русу мудростию и храбростию в роде своем всех превзошедшим, и начаша размышляти с подданными своими, глаголюще сице: „Или только всей вселенней, иже под нами ныне, егда несть во жребии праотца нашего Афета еще часть земли блажи ко вселению человеком угодны, слышахом ба от отцов своих, яко благословил есть праотец наш Ной прадеда нашего частью земли западного всего и северного и полунощного ветров“».

Здесь четко очерчены территории, подвластные Русу и его брату — вплоть до полярных и заполярных (полунощных) стран. Легендарная история братьев Словена и Руса имеет достославное продолжение со множеством важнейших деталей. При этом подробно излагается история начала государственного устройства Руси задолго до Рюрика и тех событий, которым традиционно уделяется наибольшее внимание и придается первостепенное значение в официальных летописях. Скрупулезно описывается градостроительная деятельность первых русских князей. Словен построил на берегах реки Волхова и озера Ильмень (Ильмерь) первую русскую столицу, наименованную в честь ее основателя Словенском: «И поставиша град, и именоваша его по имени князя своего

Словенск Великий, той же ныне Новъград, от устья великаго озера Ильмеря вниз по велицей реце, проименованием Волхов, полтора поприща. И от того времени новопришельцы скифстии начаху именоватися словяне».

Значение древнерусского исторического сочинения, известного под названием «Сказание о Словене и Русе», вне всякого сомнения, далеко выходит за отводимые ему рамки полубеллетристического исторического апокрифа. Есть все основания предполагать, что именно в нем сохранилась подлинная история, основанная на устных преданиях и передаваемая на протяжении тысячелетий от одного хранителя древних знаний к другому.^[6] Недаром ведь, по признанию современных специалистов, общее число списков, имевших в прошлом хождение на Руси, не поддается учету (современным специалистам сегодня известно около 100 разных списков, не всегда совпадающих друг с другом). «Сказание о Словене и Русе» воистину должно было бы быть одним из самых знаменитых произведений русской литературы — пока же оно знаменито только тем, что о нем знают скептически настроенные специалисты и ничего неизвестно широкому читателю. Учитывая важность данного летописного произведения для понимания действительного хода отечественной истории, уместно привести полностью хотя бы один из опубликованных вариантов, вдохновлявших патриотические чувства наших пращуров (что здесь и предпринимается — см.: Приложение 1).

Знакомясь с публикуемым памятником, необходимо иметь в виду, что дошедший текст, безусловно, отличается от утерянного (или уничтоженного) протографа. Возможно, и иное объяснение: устная легенда, в течение многих веков передававшаяся от поколения к поколению, была записана сравнительно недавно (в сравнении с отображенной в ней тысячелетней историей). Этим и объясняется, по-видимому, бросающаяся в глаза позднейшая «редакторская правка» и явная «отсебятина». Однако позднейшие дополнения носят не фактический, а скорее, стилистический характер — так сказать, «украшения ради». При этом наиболее неудачное и явно конъюнктурное «уточнение» относится не к Словену и Русу, а к Рюрику, названному «немцем», род которого возводится к римскому императору Августу.

Нет никаких сомнений также, что известный по хронографам русской редакции текст принадлежит законопослушному царскому подданному и благоверному христианину, нетерпимому к былому язычеству. И все же безвестный автор сумел сохранить и донести до нас ядро, суть и основную канву древнейших преданий, связанных с предысторией русского народа и сохраненных в устной традиции. За то честь ему и хвала!

В списках «Сказания о Словене и Русе» называется совершенно конкретная дата появления праотцев русского народа на Севере и основания первой русской столицы Словенска Великого — 3099 год от Сотворения мира. В переводе на нынешнее летосчисление получается 2409 год до н. э.! Отечественные историки — начиная с Карамзина и вплоть до сего дня — пытаются (и, к сожалению, небезуспешно) укоротить русскую историю более чем на три тысячи лет (2409 лет до н. э. + 852 года н. э. до первого упоминания Руси в византийских хрониках, перенесенного затем Нестором и в «Повесть временных лет»), хотя и эта дата — тоже не предел. Тем самым они продолжают следовать в фарватере тех христианских летописцев, которые имели совершенно четкую задачу: отсечь древнерусскую культуру от ее языческих корней, историю киевских князей — от их северных предшественников, а стартовую точку истории Государства Российского максимально приблизить к дате принятия христианства, объявив все ей предшествовавшее «яко не бывшим».

Интересно, что «Сказание о Словене и Русе» начинается с того же самого временного пункта, что и любые другие начальные летописные сочинения, то есть с послепотопного времени — «по потопе» («после потопа»); в «Сказании» даже уточняется — «на второе же лето по потопе». Еще одна любопытная деталь: первая российская столица прозвана была *Словенском Великим*. По прошествии некоторого времени на ее месте построили *новый город*, его так и называли — *Новгород*, но приставку оставили старую — *Великий*. Князь Рус также не отставал от брата: здесь же, на Валдае, поблизости от Словенска, построил он другой город, не уступавший первому, и назвал его также по своему имени — *Руса* (ныне Старая Русса):

«Другий же брат Словенов Рус вселися на месте некоем разстояннем Словенска Великого, яко стадий 50 у соленого студенца, и созда град между двема рекама, и нарече его во имя свое Руса, иж и донныне именуется Руса Старая. Реку же ту сущую едину прозва во имя жены своея Порусии, другую ж реку имянова во имя дщери своея Полиста. И инии градки многи Словен и Рус поставиша. И от того времени по имяном князей своих и градов их начахуся звати людие сии словяне и руси. От создания мира до потопа лет 2242, а от потопа до разделения язык 530 лет, а от разделения язык до начала создания Словенска Великого, иже ныне Великий Новъград, 327 лет. И всех лет от сотворения света до начала словенскаго 3099 лет.

Словен же и Рус живяху между собою в любви велице, и княжиша тамо, и завладеша многими странами тамошних краев. Такожже по них сынове их и внуцы княжаху по коленом своим и налезюша себе славы вечные и богатства многа мечем своим и луком. Обладаша же и северными странами, и по всему Поморию, даже и до предел Ледовитого моря, и окрест Желтовидных вод, и по великим рекам Печере и Выми, и за высокими и непроходимыми каменными горами во стране, рекома Скир, по велицей реце Обве, и до устья Беловодная реки, ея же вода бела, яко млеко. Тамо бо беруци дорогою скорою звери, рекомаго дынка, сиречь соболь. Хождаху ж и на Египетския страны воеваху, и многое храбръство показующе во еллинских и варварских странах, велий страх от сих тогда належаше».

Приведенный фрагмент из Хронографа 1679 года сообщает множество драгоценных сведений, наверняка почерпнутых из не дошедших до нас летописей или из устного предания. Здесь говорится не только об уже упомянутой выше градостроительной деятельности, о Сибири, низовьях Оби, Крайнем Севере и Ледовитом океане, а также о расширении границ своих владений, но и о воинских походах на Балканы и дальше — вплоть до Египта. Ничего фантастического в этом нет: на протяжении долгого времени, уже после Словена и Руса, славяне наводили страх на Римскую и Византийскую империю. Вне всякого сомнения, в числе несметных варварских орд, наводнивших Европу в рамках так называемого Великого переселения народов, были и проторусские племена. При этом вандалы, как известно, дошли до Египта, основав в Северной Африке свою империю. А в числе дорюриковских правителей Великого Новгорода, как о том сообщает Иоакимовская летопись, был и князь Ванда. Обо всем этом речь пойдет в последующих главах. Сейчас же пока — о праотцах русского народа и оставленных ими повсюду следах вербального порядка.

Вполне естественно, что и народ, легендарным предком коего считался Рус (Рос), получил название *русов* или *росов* (а по-библейски — *рошов*). Под этим именем наши пращуры были вписаны в анналы мировой истории задолго до появления собственного летописания, до призвания варяжских князей, которые в действительности были такими же русскими, как и призывавшие их новгородцы (см. заключительную главу части III), и, наконец, до принятия христианства. Так, в сирийской рукописи VI века, известной под названием хроники псевдо-Захарии Митиленского, прямо говорится о народе *рус (рос)*, живущем к северу от Меотийского «болота»,

то есть Азовского моря. (Здесь приставка «псевдо» в имени автора говорит не о каком-то подлоге, а о дополнительных приписках к основному тексту, сделанных безымянным хронистом.) О народе *рос* или *рус* упоминается также во многих средневековых арабских географических сочинениях и записках мусульманских путешественников (например, в знаменитом дневнике багдадского посланника Ибн Фадлана, добравшегося в 921–922 годы чуть ли не до Приуралья), в византийских житиях Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, относящихся к IX веку, а также в западноевропейских средневековых эпосах «Песнь о Роланде» и «Песнь о нибелунгах». Так что наши предки в достаточно обозримом и далеком прошлом считались и писались *русами* или *русскими*.

Сказанное обусловлено самим смыслом и происхождением слова «русский». В санскрите одно из слов для обозначения понятия света: *гуṣа* («светлый», «ясный») и *гуṣ* («свет», «блеск») [*ṣ* — читается как «шь»]. В последующем языковом развитии «шь» и «ц» превратилось в «с» (чередование согласных и гласных звуков — обычное фонетическое явление даже на протяжении небольших временных периодов) и достаточно неожиданным (на первый взгляд) образом осело в столь значимых для нас словах, как «русский» и «Русь». Первичным по отношению к ним выступает более архаичное слово «русый», прямиком уходящее в древнеарийскую лексику и по сей день означающее «светлый». От него-то (слова и смысла) и ведут свою родословную все остальные однокоренные слова языка. Данная точка зрения известна давно. Уже в одном из хронографов русской редакции XVII века отмечается: «Русь убо Словяне обое един есть род, понеже Русь нарицается от цвету лица и власов, ниже бо преизличну белость имеют...».

А спустя почти два столетия русский этнограф польского происхождения, один из основоположников отечественной топонимики Зориан Яковлевич Доленга-Ходаковский (1784–1825), критикуя норманистские пристрастия и предпочтения Н.М. Карамзина, писал: «Тогда б увидел и сам автор [Карамзин. — В.Д.], касательно Святой Руси, что сие слово не составляет ничего столь мудреного и чужого, чтобы с нормандской стороны, непременно из-за границы, получать оное; увидел бы, что оно значит на всех диалектах славянских только цвет русый (*blond*) и что русая коса у всех ее сыновей, как *Rusa Kosa i Rusi Warkocz* [коса. — В.Д.] у кметей (крестьян) польских равномерно славится. <...> Есть даже реки и горы, называемые русыми».

Уже в наши дни армянский историк Сурен Айвазян, более сорока лет изучавший общие индоевропейские корни происхождения русского и

армянского народов, обратил внимание в своем итоговом труде «История России: Армянский след» (М., 1997), что термин «рус», часто встречающийся в древнеармянской клинописи, также означает «русый» в смысле «светловолосый».

* * *

Давно не дает мне покоя один сюжет, как будто специально придуманный на предмет рассматриваемой темы. Ранее я по данному поводу не высказывался, теперь вроде бы время пришло. Речь пойдет об одном из известнейших эпизодов Ригведы, связанных с похищением коров Индры. Таких краж было несколько. Но с точки зрения скотоводческих отношений событие это достаточно заурядное: скот крали всегда и везде. Крадут его и сегодня. Однако в прошлом подобные бытовые явления становились предметом эпической поэзии и пружинами некоторых популярных мифов. Из греческой мифологии, например, хорошо известно, как бог Гермес — «изворотливый ловкач, вор-быкократ и ушлый пролаза» (так его «славили» в античные времена), — не успев народиться на свет, украл стадо быков и коров у своего сводного брата Аполлона. Данный эпизод лег в основу 3-го Гомерова гимна.

У эллинских богов все закончилось миром, у ведийских, наоборот, — кровавой бойней. К тому же индоарии возвели заурядный бытовой случай с похищением коров в ранг событий по меньшей мере космического масштаба и придали ему вселенскую значимость, определявшую судьбу мира людей и богов. Одновременно, став жертвами обидного, но в общем-то не смертельного покушения на их собственность, индоарии еще и демонизировали своих обидчиков как черные силы зла, над которыми Индра в конечном счете одерживает сокрушительную победу. Но прежде чем началась решающая битва, Верховный бог — владыка молнии и грома — послал для переговоров с похитителями (а может быть — и с разведывательными целями) свою верную спутницу собаку Сараму. У злодеев, покусившихся на собственность Индры, тоже есть имя: их зовут *пани* — собирательное название (во множественном числе) для демонизированных противников индоариев, скорее всего, какого-нибудь соседствующего народа или племени.

Разговор-перепалку между Сарамой и *пани*, собственно, и составляет содержание хрестоматийного 108-го гимна Ригведы, включенного в 10-ю мандалу. В ходе диалога *пани* настроены очень миролюбиво, они называют

Сараму «милой сестрой», а Индре предлагают дружбу и даже согласны стать его подданными. Напротив, говорящая собака настроена агрессивно, она грозит похитителям неотвратимым возмездием и неминуемой смертью. Попутно выясняется, что Сараму интересуют не столько украденные коровы, спрятанные в огромной пещере, сколько хранящиеся там же несметные сокровища, ими-то и намерен завладеть Индра. В дальнейшем так оно и случилось. Однако для нас в данном случае важно совсем другое.

Представим события, о которых в сильно мифологизированной форме рассказывает Ригведа, в несколько ином историческом ракурсе. Допустим, что эпизод с похищением коров происходит не в знойной Индии на полуострове Индостан (арийская Индия в прошлом была и на Крайнем Севере, о чем, как уже говорилось выше, свидетельствуют сохранившиеся здесь многочисленные топонимы и гидронимы с корнями «инд», «ганг», «рам» и т. п.). Допустим, что разговор между уличенными в воровстве *пани* и «арийским Шерлоком Холмсом» Сарамой происходил где-то в средних широтах Евразии во времена Великого переселения арийских народов с Севера на Юг, обремененных тяжело нагруженными возами со скарбом и медленно перемещающимися стадами крупного и мелкого рогатого скота.

Именно это и подтверждает Ригведа! Оказывается, предводителя *пани* зовут Вала и обитает он вместе со своим народом или племенем в районе реки (внимание — теперь мы подошли к самому главному!) под названием *Раса*, точнее — за самой этой рекой, если смотреть с позиций индоарийцев, добравшихся к тому времени после долгого и утомительного путешествия, скажем, до южноуральских степей. Что за река окажется у них к западу от основного направления миграции? Ну конечно — Волга, через которую необходимо перебраться, дабы оказаться на ее европейском берегу! А как она прозывалась в те незапамятные времена? Правильно, древнее название Волги — *Ра*! Практически то же самое, какое упомянуто в Ригведе:

Пани:

*В поисках чего пожаловала сюда Сарам?
Ведь изнурителен путь так далеко на чужбину.
С каким поручением к нам? Что явилось поводом?
Как перебралась ты через воды Расы?*

С а р а м а:

Я рыщу, посланная как вестница Индры,

*В поисках ваших несметных сокровищ, о Пани.
Из страха, что перепрыгну, помогла она нам в этом.
Так перебралась я через воды Расы.*

(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

Улавливаете? Название реки Расы не только созвучно с древним именем Волги — Ра, но и имеет тот же самый корень, что и наименование нашей страны — *Россия*! К слову сказать, подозреваю, и не без оснований, что река Руза и древний город, построенный на ней в Московской области, того же самого происхождения, что и все архаичные топонимы и гидронимы с корнем «рос» — «рус» («руз»). Но в настоящий момент я не ставлю перед собой задачу углубляться в специальный анализ данного круга проблем. Любопытно также: знаменитое волжское Сормово первоначально называлось Сорума (топонимические корни теряются в глубине тысячелетий), что весьма созвучно с тотемным именем «собаки» Индры. Современное название балтийского острова Сааремаа также заставляет думать об индоевропейских корнях.

Имя же Вала — предводителя древнеарийского (быть может, проторусского) народа, обитавшего на ее берегах, — является однокоренным и созвучным традиционному названию Волги («вал» = «вол»). Что касается этимологии, то традиционно название Волги (как и города Вологды) связывают с понятием «влаги», привлекая в качестве аргументов соответствующие лексемы из различных индоевропейских языков (см.: Словарь М. Фасмера). В языковых субстратах и мифологических образах, вне всякого сомнения, закодирована информация о действительных фактах и событиях, имевших место на заре человеческой истории. О людях, разумеется, тоже.

Имя древнеарийского и общеиндоевропейского божества (или предка?) Вала сохранилось и в других известных русских названиях: Валаам (остров), Валдай и др. Особенно показателен второй топоним, образованный путем соединения двух архаичных корней «вал» + «дай» (по типу «Дай, Бог» или Дажьбог). Вряд ли достойно удивления, что словосочетание именно в данном смысле образовало название Валдай. Вала слыл демоном лишь для конкурирующего враждебного племени. Для собственного народа он оставался вождем с непререкаемым авторитетом. Впоследствии многие из таких предводителей обожествлялись соплеменниками («Вал, дай!» = Валдай) или демонизировались

противниками.

Божественная ипостась Вала обнаруживается сплошь и рядом. Во-первых, от древнеарийского теонима произошло имя чисто русского скотьего бога Велеса (неудивительно пристрастие ведийского Вала к похищению коров). Во-вторых, корни данного божества уходят в глубины доарийской этнокультурной и лингвистической общности: имя одного из древнесемитских Первобогов-прародителей тоже Ваал (Баал — откуда происходит имя другого славянского божества — Бел, Белбог). В-третьих, архаичный корень «вал» получил широкое распространение и в других мифологических именах: например, у скандинавов известен Вали, ребенок-мститель, сын верховного бога Одина; тот же корень присутствует и в широко известных названиях «валькирии» и «валгалла».

Что касается демонизации ведийского Вала, то данный «прием» лучше всего был отработан именно древними ариями с того самого момента, когда начался процесс расчленения и распада первичной этнолингвистической общности. Выше это уже было продемонстрировано на примере дискредитации образа Горгоны Медусы и превращения благостных богинь *деви* (у индийцев) в кровожадных и злокозненных дэвов (у иранцев). Теперь предлагается приглядеться повнимательней к ведийскому народу *пани*, обитавшему, быть может, на Валдае и уж совсем точно — за рекой Расой (Ра). Кстати, надеюсь, не нужно напоминать, что истоки Волги как раз и находятся на Валдае? И что за напасть такая: скажешь *пани*, снова слышится славяно-русская речь! В «Великопольской хронике» читаем:

«В древних книгах пишут, что Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов, „Пан“ же, согласно толкованию греков и славян, это тот, кто всем владеет. И согласно этому „Пан“ по-славянски означает „великий господин“, хотя по-славянски из-за большого различия в языках можно применять и другое слово, например, „господин“; ксендз же больше, чем Пан, как бы предводитель и верховных король. Все господа называются „Пан“, вожди же войска называются „воеводами“...»

Уточним: в русской (по крайней мере — в южнорусской) традиции практиковалось и словосочетание «пан воевода». Само же понятие «пан» (в смысле «господин») восходит, таким образом, к самым истокам общеарийской древности. Ведийский народ *пани* — это, по существу, славянские (или точнее — протославянские) «паны». Есть еще одно

достаточно красноречивое русское слово — «панибратство». И, быть может, *панская* пещера с ее несметными богатствами когда-нибудь еще отыщется на необъятных российских просторах?!

Сказанное — не преувеличение. Мой хороший знакомый, известный исследователь и автор множества публикаций Вадим Александрович Чернобров вот уже много лет пытается проникнуть в огромную подземную пещеру, расположенную в Самарской Луке, в районе притока Волги Медведицы (как раз «за рекой Расой»). Сама пещера была взорвана в 1942 году советскими войсками, отступавшими под натиском фашистских полчищ, рвавшихся к Сталинграду. Но сохранились свидетельства очевидцев: размеры пещеры столь велики, что еще в гражданскую войну здесь скрывались целые конные отряды; имелись и многочисленные входы и выходы, через них конокрады и прочий лихой люд гонял табуны коней и украденный скот. (Ну, вот — мы снова и вернулись к похищенным коровам Индры!) Вадим Чернобров прослеживает историю Медведицкой пещеры вплоть до скифского времени, то есть фактически до самой эпохи Великого переселения ариев с Севера на Юг), отголоски которого, возможно, слышны и в древнерусском «Сказании о Словене и Русе».

В заключение еще раз возвращаюсь к смысловым элементам имени священной ведийской «собаки» Сарамы: «сар» + «ма». Лексема «сар» (очень архаичная и распространенная в совершенно разных языках), как уже отмечалось выше, имеет наиболее вероятное значение «царь» (и еще совсем недавно в некоторых русских диалектах слово «царь» произносилось как «сар»). Лексема «ма» в переводе и истолковании не нуждается: в большинстве языков она означает «мать». Следовательно, имя Сарамы можно трактовать как «Царская мать». Вполне возможно, что это одно из табуированных тотемных имен или даже псевдонимов разведчика: не следует забывать, что Сарамы была отправлена в стан врага, по существу, в качестве лазутчика и отчасти парламентаря. Во всяком случае никакого отношения к четырехлапой собаке настоящая (историческая) Сарамы не имела. И то, что перед нами женщина, особенно интересно. Не говоря о том, что Сарамы — один из немногих матриархальных образов Ригведы, героический поступок отчаянной и решительной женщины, отправившейся в логово врага, не может не вызывать восхищения. По существу, перед нами повторение (или предвосхищение?) подвига библейской Юдифи, но уже на арийской почве.

Ученый-арабист Валерий Данилович Осипов подсказал мне еще одну интересную мысль, но уже относящуюся к другому региону. Он долгое время проработал на Ближнем Востоке и обратил внимание на некоторые

«русские отголоски», встречающиеся в тех краях: у некоторых топонимов явно русское звучание. Например, в Йемене, примерно в 30 километрах к юго-востоку от столицы Саны, находится местность с названием *Биляд эр-Рус*, что дословно переводится с арабского как *Страна Русских*, а огромный солончак в том же районе именуется *Аба эр-Рус*, что означает *Отцы Русских*.^[7] Никто не может объяснить, когда и почему возникли данные названия, связаны ли они с вандальским нашествием или их лексические корни уходят в более глубокие времена. Ясно одно: «русская топонимика» вполне может быть истолкована как вербальный след пребывания или прохождения здесь русских племен во главе с Русом, что в конечном счете получило отражение и в древнерусском «Сказании о Словене и Русе», где сообщается, что русские полки во главе с Русом ходили на «египетские и другие варварские страны», где наводили «великий страх».

Уже упоминавшийся армянский исследователь С.М. Айвазян проанализировал весь свод данных, касающихся распространения в Закавказье имен и названий с корнем «рус». Как известно, в древнем государстве Урарту еще во времена расцвета Ассирийской державы правила целая династия царей с именем Руса, а один из городов, бывший, как можно предположить, некоторое время столицей, назывался Русаин (Русин). Армянский исследователь, специалист по древним текстам, разъясняет, что клинописный знак «са» имел также однозвучную вокализацию и алфавитно-буквенное выражение. В таком случае имена урартских царей прочитываются как Рус I, Рус II и Рус III. С.М. Айвазян отстаивает «араратскую концепцию» происхождения славян и армян. Их совместное местонахождение в глубокой древности в Южном Закавказье вовсе не противоречит теории Полярной прародины индоевропейцев и других народов мира. Просто на каком-то отрезке времени Кавказ превратился в своеобразные «ворота» для миграционного продвижения протоэтносов с Севера на Юг. Но если протоармяне навсегда остались в районе, чьим символом стала гора Арарат, то для протославян данный регион стал лишь одним из перевалочных пунктов их блуждания по Ближнему Востоку и Средиземноморью — прежде чем они окончательно обосновались в местах нынешнего расселения.

* * *

Существует еще одна загадка, связанная с основанным князем Русом

городом (Старая) Русса. Не приходится сомневаться, что это один из древнейших русских городов. В «Записках» Герберштейна среди множества упомянутых городов только Старая Русса названа «древним». А между тем в летописях он впервые появляется, лишь начиная с 70-х годов XI века, хотя после упадка Киева и до середины XVI века занимал в России четвертое место по количеству населения — после Москвы, Пскова и Новгорода. К сожалению, самые ранние Новгородские летописи безвозвратно утрачены: они либо подверглись жесточайшей цензуре сначала киевских, а затем и московских конкурентов, либо же вообще уничтожены: так, в Первой Новгородской летописи старшего извода начальные листы, относящиеся к предыстории Руси, попросту выдраны, как говорится, «с мясом». Поэтому и остается уповать только на легендарную историю, ее наиболее древние события в известной мере также отображены и на дощечках «Велесовой книги».

Современные историки-снобы, как и их позитивистски настроенные предшественники, не видят в легендарных сказаниях о Русе и Словене никакого рационального зерна, считая их выдумкой чистейшей воды, причем сравнительно недавнего времени. Так, блистательный наш историк Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) (рис. 33) в одном из примечаний к 1-му тому «Истории государства Российского» называет подобные предания «сказками, внесенными в летописи невеждами». Похоже, Карамзину мерещилась примерно такая картина. Сидел, дескать, монах-горемыка в полутемной и полухолодной келье, попивал вино-пиво, и от нечего делать пришла в его захмелевшую голову озорная мысль. «Дай-ка, — думает, — честной народ потешу: присочиню что-нибудь такое да этакое, что никаким потомкам ни в жисть не распутать». Ну, и сотворил, конечно, историю про начало Руси и отца-первопредка Руса.

Рис. 33.

Спору нет: конечно, безвестные историки XVII века что-то добавляли и от себя, особенно по части симпатий и пристрастий. А кто, скажите на милость, такого не делал? Карамзин, что ли?

В историографических пристрастиях, верноподданнических восторгах и политических предпочтениях он был большим католиком, чем сам Папа Римский. Уверовав однажды в удобную, с точки зрения самодержавия, версию о призвании варягов и отождествив их с норманнами, Карамзин безапелляционно отвергал любые отклонения от своей абсолютизированной схемы начальной русской истории и, не колеблясь, объявлял ложной или поддельной любую точку зрения, не совпадающую с его собственной. Что касается хронологии, то *Древнейший* (!) период отечественной истории, как о том черным по белому написано в предисловии к 12-томному карамзинскому труду, начинается с 862 года (!).

В сложившейся довольно-таки странной ситуации налицо обыкновенная, хотя и далеко не безобидная, подмена терминов. Вместо того чтобы говорить о многогранной русской литературе *до* XVIII века как о *старописьменной*, акцент переносится на ее принадлежность к конкретной (названной почему-то древней) эпохе, причем последняя отстоит по своей верхней планке от нынешних времен чуть больше, чем на три века. Древность для Руси при подобной фальсификации хронологически оказывается совпадающей с европейским Возрождением и Реформацией и даже с эпохой буржуазных революций.

По количеству субъективных домыслов, тенденциозности и так называемой научной отсебятины (талантливо однако преподнесенной) «История Государства Российского» сто очков даст фору любому хронографу и летописцу. Одно меланхолическое начало карамзинского труда чего стоит: «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками».

Карамзин как будто пересказывает «злого демона» русской историографии, одного из столпов псевдонаучного норманизма, почетного иностранного члена Санкт-Петербургской академии Августа Людвига Шлёцера (1735–1809). Разве не напоминает вышеприведенный пассаж Карамзина такое, с позволения сказать, шлёцеровское «умозаключение», касающееся древнейшей русской истории (речь идет конкретно о VII веке н. э.):

«Повсюду царствует ужасная пустота в средней и северной России. Нигде не видно ни малейшего следа городов, которые ныне украшают Россию. Нигде нет никакого достопамятного имени, которое бы духу историка представило превосходные картины прошедшего. Где теперь прекрасные поля восхищают око удивленного путешественника, там прежде сего были одни темные леса и топкие болота. Где теперь просвещенные люди соединились в мирные общества, там жили прежде сего дикие звери и полудикие люди».

Поразительно, но факт: сказанное Шлёцером относится как раз к той самой эпохе правления византийского императора Юстиниана, когда славяне вторглись на Балканы и держали в постоянном страхе и Восточную, и Западную Римскую империю. Именно к данному времени относятся слова одного из славяно-русских вождей, сказанные в ответ на предложение стать данниками Аварского каганата: «Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужой землей, а не другие нашей. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и мечи».

Конечно, у автора «Бедной Лизы» стиль поэтичнее, чем у немецкого историка-рационалиста или же у русских писцов XVII века. Недаром сам Пушкин черпал в «Истории» Карамзина сюжеты и их тенденциозное истолкование: например, образ тирана и убийцы Бориса Годунова с

«мальчиками кровавыми в глазах» — он, точно не меняя облика и не переодевая костюма, перекочевал из последнего тома «Истории» Карамзина в трагедию Пушкина. Так что еще вопрос, кто больший «невежда» в русской истории: тот, кто ведет ее начало от Словена и Руса, или тот, кто низводит свой народ до уровня троглодитов, считая, что в подобном состоянии славянские племена пребывали вплоть до принятия христианства?

Еще иногда говорят: записи легенд о Словене и Русе позднего происхождения, вот если бы они были записаны где-нибудь до татаро-монгольского нашествия, тогда совсем другое дело. Что тут возразить? Во-первых, никто не знает, были или не были записаны древние сказания на заре древнерусской литературы: тысячи и тысячи бесценных памятников погибли в огне пожаров после нашествия кочевников, собственных междоусобиц и борьбы с язычеством. По крайней мере, на дощечках «Велесовой книги» все, что нужно, отображено и сохранилось. Во-вторых, если говорить по большому счету о позднейших записях, то «Слово о полку Игореве» реально дошло до нас только в екатерининском списке XVIII века да в первоиздании 1800 года; оригинальная же рукопись (тоже, кстати, достаточно позднего происхождения), как хорошо известно, сгорела во время московского пожара 1812 года, и ее вообще мало кто видел.

А бессмертная «Калевала»? Карело-финские руны, содержащие сведения об архаичных гиперборейских временах, были записаны и стали достоянием читателей Старого и Нового Света только полтора века назад. И ни у кого не вызывает сомнения подлинность текстов. Еще позже на Севере был записан основной корпус русских былин. Кое-кто скажет: это — фольклор. А какая разница? Родовые и племенные исторические предания передавались от поколения к поколению по тем же мнемоническим законам, что и устное народное творчество.

Между прочим, один из самых непотопляемых «доводов», относящих «Сказание о Словене и Русе» к литературным произведениям, сочиненным в XVII веке (а то и в XVIII веке), не выдерживает никакой критики. Ибо почти за двести лет до того содержащиеся в нем сведения, как уже выше отмечено, были записаны со слов устных информаторов Сигизмундом Герберштейном. С его трактатом были прекрасно знакомы и Татищев и Карамзин — однако на столь важный (можно даже сказать — решающий) момент не обратили никакого внимания. Карамзин даже предпринял попытку определить и вывести на чистую воду злого выдумщика и фальсификатора. В примечании № 91 к 1-му тому «Истории Государства Российского» прославленный историк с негодованием и плохо скрываемым

презрением объявляет имя и фамилию «смутьяна» — некий Тимофей Каменевич-Рвовский, дьякон Холопьяго монастыря, что на реке Мологе, одном из верхних притоков Волги.

Сей всезнающий дьяк, о коем нынче ничего уже больше нельзя узнать даже в подробнейшем современном «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (здесь XVII веку отведено целых четыре тома), завершил в 1699 году в монастырской келье историческую рукопись, посвященную древностям Российского государства. Во времена Карамзина она хранилась в Синодальной библиотеке (приводится даже номер единицы хранения), вот в ней, дескать, и следует искать первоисток всех недоразумений.^[9] При этом полностью игнорируется, что к тому времени существовало уже не менее ста списков «Сказания о Словене и Русе» (многие из них были включены в текстовую ткань конкретных хронографов и летописцев). Далее повторим если «Сказание» было плодом чистого вымысла, сочиненного в конце XVII века, то каким образом содержащиеся в нем сведения могли знать в начале XVI века поляк Ян Длугош и словенец Сигизмунд Герберштейн, а еще на полтысячи лет раньше — византийские и арабские авторы?

Документальное подтверждение тому, что «Сказание о Словене и Русе» первоначально имело длительное устное хождение, содержится в письме в Петербургскую академию наук одного из ранних российских историков Петра Никифоровича Крекшина (1684–1763), происходившего, кстати, из новгородских дворян. Обращая внимание ученых мужей на необходимость учета и использования в исторических исследованиях летописного «Сказания о Словене и Русе», он отмечал, что новгородцы «исстари друг другу об оном сказывают», то есть изустно передают историческое предание от поколения к поколению.

Что представляли из себя подобные устные предания, тоже, в общем-то, известно. Ибо находились все-таки смельчаки, которые отваживались доверить бумаге или пергаменту сокровенное устное слово. Один такой рукописный сборник XVII века объемом в 500 листов, принадлежавший стольнику и приближенному царя Алексея Михайловича Алексею Богдановичу Мусину-Пушкину (ум. ок. 1669), был найден спустя почти двести лет после смерти владельца в его родовом архиве, хранившемся в Николаевской церкви вотчинного села Угодичи, что близ Ростова Великого. Манускрипт, содержащий записи 120 древних новгородских легенд, к величайшему сожалению, вскоре оказался утраченным: вывезти его в столицу для напечатания без разрешения собственника (а тот в момент находки отсутствовал) не представлялось возможным. Сохранился лишь

пересказ новгородских предлетописных сказаний, сделанный собирателем русского фольклора Александром Яковлевичем Артыновым (1813–1896). Содержание многих полусказочных преданий практически совпадает с сюжетами «Сказания о Словене и Русе». Однако не владевший методикой научного исследования литератор-самоучка Артынов попытался «улучшить» имевшиеся в его распоряжении тексты, приблизить их архаичный язык к современному, нанеся тем самым древним памятникам непоправимый вред. Тем не менее налицо недвусмысленное доказательство существования корпуса древнейших новгородских сказаний и попыток сохранить их в записи для потомков.

Так было принято во все времена и практически у всех народов до тех пор, пока в их среде не появлялся какой-нибудь местный «отец истории» (вроде эллинского Геродота или русского Нестора) и не превращал устные сказания в письменные. Наиболее показательный пример (по времени, кстати, почти совпадающий с появлением многочисленных копий «Сказания о Словене и Русе»), — «История государства инков», составленная в конце XVI века и опубликованная на староиспанском языке в Лиссабоне в 1609 году. Ее автор — инка Гарсиласо де ла Вега (1539–1616), рожденный в законном браке сын испанского капитана-конкистадора и индеанки, принадлежавшей к высшим слоям инкского полукастового общества. Именно от матери и ее ближайших родственников будущий историк еще в детстве воспринял всю *устную* историю древнего народа, что дало ему возможность спустя десятки лет, переселившись в Испанию, связно изложить и издать ее в виде почти тысячестраничного труда. Русская версия собственной древней истории скромнее по объему, но «схема» ее устной передачи и история обнародования практически такая же, как и у тайной хроники инков.

Устные легенды о древнейших временах сохранялись в российской глубинке вплоть до XX века. Еще в 1879 году известный фольклорист Елпидифор Васильевич Барсов (1836–1917) опубликовал записанное в Беломоро-Обонежском регионе сказание о князе Рюрике, не совпадающее с официальной версией. Согласно северным преданиям, подлинное имя Рюрика было Юрик, и явился он в Новгород из Приднестровья. Новгородцы «залюбили» его за ум-разум и согласились, чтобы он стал «хозяином» в Новгороде. (Р)Юрик наложил на каждого новгородца поначалу небольшую дань, но затем стал постепенно ее увеличивать, пока не сделал ее невыносимой (что впоследствии усугублялось с каждым новым правителем). Первые летописцы, упоминавшие имя Рюрика, вряд ли опирались на какие-то письменные источники, а, скорее всего,

использовали устные известия.

В 1909 году братья Б.М. и Ю.М. Соколовы записали на Новгородчине от 70-летнего крестьянина Василия Степановича Сулова устное сказание о Гостомысле и Рюрике, во многом совпадающее с версией «Сказания о Словене и Русе», а также с утраченной Иоакимовской летописью (опубликовано в 1915 году в знаменитом сборнике «Сказки и песни Белозерского края»). В те же годы академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) указывал в своем классическом труде «Разыскания о древнейших летописных сводах» (СПб., 1908) на стойкую народную память, сохранявшую на протяжении многих веков основные факты, связанные с появлением на Новгородчине Рюрика с братьями.

Подводя некоторые итоги, можно еще провести аналогию с различным изображением одних и тех же сюжетов средствами живописи. Скажем, евангельская сцена казни Иисуса Христа воссоздавалась тысячекратно на протяжении двух тысячелетий различными художниками. Каждая школа вносила свою трактовку и дополняла историю страстей Господних отличными от других подробностями и деталями. Русские иконы не спутаешь с творениями мастеров европейского Возрождения, а сюрреалистическая или иная модернистская трактовка не имеет ничего общего с общепринятыми традициями. Тем не менее все они воссоздают один и тот же эпизод мученической смерти Христа, и по любой из них можно восстановить действительное содержание евангельского рассказа. Точно так же обстоит дело и с преданием о прапредках русского народа: они дошли до наших дней отчасти в искаженном, отчасти в приукрашенном виде, записаны были очень и очень поздно. Тем не менее в них сохранилось то, что позволяет без особого труда восстановить основные события и имена предыстории Руси.

Итак, древнейшая русская история была вовсе не такой, какой это представлялось Карамзину и множеству послекарамзинских историков. В отличие от них М.В. Ломоносов усматривал в древних сказаниях русского народа отзвуки исторической действительности. Как отметил великий россиянин в своем главном историческом труде «Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого...» (изданном посмертно в 1766 году — рис. 34), даже если имена Словена и Руса и других братьев были вымышлены, однако есть дела Северных славян в нем [*Новгородском летописце. — В.Д.*] описанные, ***правде не противные*** [*подчеркнуто мной. — В.Д.*].

Рис. 34.

У устных преданий совсем другая жизнь, нежели у письменных. Как отмечал академик Борис Дмитриевич Греков (1882–1953), «...в легендах могут быть зерна истинной правды». Поэтому неперенным условием аналитического и смыслового исследования исторических сказаний является отделение «зерен от плевел». Легенды о происхождении любого народа всегда хранились как величайшая духовная ценность и бережно передавались из уст в уста на протяжении веков и тысячелетий. Рано или поздно появлялся какой-нибудь подвижник, который записывал «преданья старины глубокой» или включал их в отредактированном виде в летопись. Таким образом, поэмы Гомера (беллетризованные хроники Троянской войны) были записаны еще в античные времена, русские и польские предания — в начале II тысячелетия н. э., Ригведа и Авеста — в XVIII веке, русские былины и карело-финские руны — в XIX веке и т. д.

Отечественное летописание всегда опиралось на устную, зачастую фольклорную, традицию, в которой не могли не сохраняться отзвуки былых времен. Такова и Начальная русская летопись, приписываемая монаху

(«мниху») Киево-Печерского монастыря Нестору (1050-е годы — начало XII века) (рис. 35): древнейшая часть «Повести временных лет», посвященная событиям, случившимся до рождения Нестора-летописца, опирается главным образом на устные предания. У самого Нестора имена Словена и Руса не встречаются. На то есть свои веские причины. Большинство из дошедших до наших дней древнейших летописей (и уж во всяком случае все те, которые были возведены в ранг официоза) имеет киевскую ориентацию, то есть писалось, редактировалось и исправлялось в угоду правившим киевским князьям Рюриковичам, а в дальнейшем — в угоду их правопреемникам — московским великим князьям и царям. Новгородские же летописи, имеющие совсем иную политическую направленность и раскрывающие подлинные исторические корни как самого русского народа, так и правивших на Руси задолго до Рюрика князей, нередко замалчивались или попросту уничтожались. О том, что там было раньше, можно судить по летописи новгородского епископа Иоакима (дата рождения неизвестна — умер в 1030 году), которая дошла лишь в пересказе Василия Никитича Татищева (1686–1750) (см. Приложение 2).

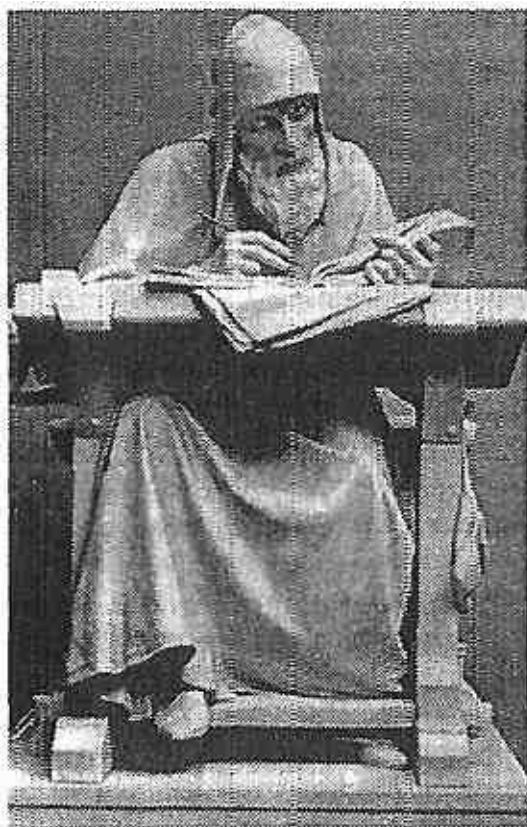

Рис. 35. Нестор летописец. Скульптор М.М.

Антокольский

Начальное новгородское летописание в корне противоречило интересам и установкам киевских князей, к идеологам которых относились и монахи Киево-Печерской лавры, включая и Нестора. Признать, что новгородские князья древнее киевских, что русская княжеская династия существовала задолго до Рюрика, — считалось во времена Нестора страшной и недопустимой политической крамолой. Она подрывала право киевских князей на первородную власть, а потому беспощадно искоренялась. Вот почему в «Повести временных лет» нет ни слова о Словене и Русе, в них положили начало русской государственности не на киевском берегу Днепра, а на берегах Волхова. Точно так же игнорирует Нестор и последнего князя дорюриковой династии — Гостомысла, лицо, абсолютно историческое и упоминаемое в других первоисточниках, не говоря уж об устных народных преданиях. Вслед за Нестором этой «дурной болезнью» заразились и современные историки, начиная с Карамзина, которые быстро научились видеть в летописях только то, что выгодно для их субъективного мнения.

Почему так происходило, удивляться вовсе не приходится. Уже в XX веке на глазах, так сказать, непосредственных участников событий по несколько раз перекраивалась и переписывалась история такого эпохального события, как Октябрьская революция в России. Из книг, справочников и учебников десятками и сотнями вычеркивались имена тех, кто эту революцию подготавливал и совершал. Многие из главных деятелей Октября были вообще уничтожены физически, а хорошо известные и совершенно бесспорные факты искажались в угоду новым временщикам до неузнаваемости. Ну, а спустя некоторое время наступала очередная переоценка всех ценностей, и уже до неузнаваемости искажался облик недавних временщиков. Это в наше-то время! Что же тогда говорить о делах давно минувших дней?

И как при Сталине вычеркивался даже намек на то, что, например, Троцкий вместе с Лениным руководил Октябрьским восстанием в Петрограде (в то время, когда сам Сталин был неизвестно где), а в Гражданскую войну был Председателем Реввоенсовета и фактическим вождем Красной Армии, — точно так же и во времена Нестора и киевского летописания изымались и выскабливались с пергамента любые упоминания про Словена да Руса и про то, что задолго до Киевской Руси в северных широтах процветала Словенская Русь, чьей преемницей стала Русь Новгородская, и лишь только после этого наступило время киевских

князей.

Впрочем, исключительно важные, хотя и косвенные, упоминания все же сохранились, несмотря на жесткую установку на полное умолчание и позднейшие подчистки киевских цензоров. Скажем, есть в «Повести временных лет» одна на первый взгляд странная фраза о том, что жители Великого Новгорода «прежде бо беша словени». Переводится и трактуется данный пассаж в таком смысле, что новгородцы прежде, дескать, были славяне. Абсурднее, конечно, не придумаешь: как это так — «были славяне». А теперь кто же они, по-вашему? Объясняется все, однако, очень просто: Новгород был построен на месте старой столицы Словенска (по имени князя Словена — основателя стольного града). Потому-то Новгород и назван «новым городом», что воздвигли его на месте «старого», а прежнее прозвание новгородцев — «словени», то есть «жители Словенска». Вот почему они и «прежде бо беша словени» — и никакие «славяне» здесь ни при чем. А если и «при чем», то только в том смысле, что родовое имя всех нынешних славян ведет начало от имени волховских словен — насельников первой русской столицы Словенска и потомков русского князя Словена.

Однако точно в такой же вокализации — «словене» — употребляется в Начальной летописи и собирательное понятие «славяне» для обозначения единоплеменников — русских, поляков, чехов, болгар, сербов, хорватов и других, говорящих на родственных славянских языках. Подчас на одном и том же летописном листе данное слово встречается в различных смыслах, и для современного читателя неизбежно возникает путаница. Например, Нестор пишет: «Словени же седоша около езера Илмеря [кстати, здесь озеро Ильмень названо точно так же, как и в „Сказании о Словене и Русе“ — по имени Ильмери — сестры легендарных князей], и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, нарекошася северъ. И тако разидеся словеньский язык, тем же и грамота прозвася словеньская». Совершенно ясно, что в первом предложении здесь имеются в виду словени — бывшие жители Словенска, а ныне ставшие новгородцами. В последнем же предложении речь идет уже о славянах и общем для них славянском языке. Кроме того, данная фраза дает достаточно оснований для предположения, что некогда единый праславянский народ, говоривший на общем для всех праславянском языке, первоначально обитал там, где воздвигнуты были города Словенск и Руса (впоследствии Старая Русса), а Словен и Рус являлись предводителями того, еще не расчлененного славянского племени: середина III тысячелетия до н. э. вполне подходит для искомого времени.

Кстати, как никто другой понимал подоплеку описываемых событий М.В. Ломоносов. В изданном еще при его жизни «Кратком Российском летописце с родословием» (1760) великий русский ученый-патриот отмечал: «Прежде избрания и приходу Рурикова обитали в пределах российских славенские народы. Во-первых, новгородцы славянами по отменности именовались и город исстари слыл Словенском».

Безусловно, что «словене» были жителями и подданными древнего Словенска, основанного князем Словеном, известно было и Нестору, и его современникам. Но говорить об этом автор «Повести временных лет» не стал — побоялся или не посмел. Вот и пришлось подгонять историю под интересы заказчика. Почему сохранилось косвенное упоминание о древнейшей русской столице в контексте прежнего прозвания новгородцев — «словене» (то есть подданные князя Словена и жители города Словенска, столицы Словенского княжества) — теперь остается только гадать. Были ли в самой Несторовой летописи какие-то другие подробности на сей счет, впоследствии соскобленные с пергамента бдительным цензором, вряд ли когда-нибудь удастся узнать. Скорее всего, — с учетом политической конъюнктуры — каких-либо дополнительных подробностей не было, а случилась произвольная оплошность — случайно оговорился монах.

А может, и не случайно. Ведь «Повесть временных лет» — не бесстрастно повествовательное произведение, а остро полемическое и обличительное, что проявляется в особенности там, где православный монах обличает язычество или полемизирует с иноверцами — мусульманами, иудеями, католиками. Но не только! Вся Начальная летопись имеет ясно выраженную тенденциозную направленность. Ее автору необходимо было в первую очередь доказать первородство киевских князей и легитимность династии Рюриковичей.

Сделать это было не так-то просто: население Приднепровья да и всей России в целом свято хранило память о первых русских князьях — Русе, Словене, Кии, Аскольде, Дире и других. Поэтому приходилось прибегать к двум безотказным фальсификационным приемам — искажению и замалчиванию. С Кием, Аскольдом и Диром было проще — им было приписано не княжеское происхождение, и все сомнения в претензии Рюриковичей на киевский престол автоматически отпадали. Со Словеном и Русом было сложнее: оспаривать то, что являлось бесспорным, было бессмысленно и смехотворно. Гораздо надежней было сделать вид, что ничего подобного и в помине не было. Авось со временем народ про то вообще позабудет.

Взглянем в данной связи еще раз на знаменитое вступление (зачин) к «Повести временных лет»: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача *первое* [выделено мной. — В.Д.] княжити, и откуда Руская земля стала есть» (рис. 36). Большинству современных читателей видится в Несторовых словах набор из трех *вопросительных*, чуть ли не элегических предложений. В действительности же здесь никакие не вопросы, а безапелляционные *утверждения* (чуть ли не политические лозунги, понятные современникам Нестора). Кое-кто хотел бы видеть в них чуть ли не поэтические повторы. На самом деле здесь налицо чисто риторические приемы, обусловленные полемическими потребностями. Нестору во что бы то ни стало необходимо доказать, что киевские князья Рюриковичи «*первое*» на Руси кого бы то ни было. «*Первое*» в смысле «*раньше*» — вот оно главное, ключевое слово Несторова зачина да и всей летописи в целом.

Рис. 36. Начало Лаврентьевской летописи украшено заставкой. Левый угол рукописи оторван. Первые строки: «Се повести временных лет...»

Не все, однако, это правильно понимают, потому и переводят вместо «первое» (что вообще не требует никакого перевода) как «первым»: «Кто в Киеве стал первым княжить». То есть: «Кто был первым киевским князем» — вот и весь, дескать, вопрос. Ничего подобного! Казалось бы, нейтральный Несторов вопрос: «Кто в Киеве нача первое княжити» — имеет важнейший (хотя и скрытый) политический смысл и подразумевает

окончание: «Кто в Киеве начал *раньше* княжить, чем в каком-то там Новгороде, то есть бывшем Словенске Великом». Потому-то и повторено еще раз почти дословно начальное утверждение, которое так и хочется прочитать: Сейчас я вам разьясню, «откуда Русская земля стала есть» — «Отсюда, из Киева, она стала есть, и ниоткуда более!».

Кстати, Киев поминается только в Лаврентьевском списке Несторовой «Повести». В Ипатьевской летописи начертано безо всякого упоминания Киева: «...Откуда есть пошла Руская земля, стала есть, и кто в ней почаль первее княжити». Здесь Аскольд и Дир все же именуются первыми киевскими князьями. Но, во-первых, это позднейшая приписка (она сделана перед Несторовым текстом), а во-вторых, не меняет главной политической цели киевского летописания — доказать первенство Киева и его властителей на Русской земле и замолчать имена древних русских правителей — Словена и Руса.

Удивительные метаморфозы происходят в летописях и с Новгородом. Сколь вольно и беззастенчиво обращались с Несторовым текстом последующие редакторы и переписчики, видно хотя бы по одной-единственной, но принципиально важной фразе. Она касается распределения русских земель после призвания князей. Во всех современных переводах «Повести временных лет», в хрестоматиях, научных компиляциях и учебниках говорится, что после прибытия на Русь Рюрик (рис. 37) стал княжить в Новгороде, Синеус — на Белоозере, а Трувор — в Изборске. В действительности же в наиболее древних и авторитетных летописях про Рюрика сказано нечто совсем другое. В Ипатьевской и Радзивилловской летописях говорится, что, придя в Новгородскую землю, братья-варяги первым делом «срубили» город Ладогу. В нем-то «сел» и стал править Рюрик. Следовательно, Ладога является первой столицей новой правящей династии Рюриковичей.

Рис. 37. Рюрик (из рукописной русской книги XVII века)

Про то, что Новгород Великий был избран Рюриком в качестве стольного града, в данном фрагменте летописей вообще ничего не говорится. В Лаврентьевском списке на этом самом месте вообще зияет *пробел*. Вот эту-то лакуну Карамзин и заполнил Новгородом. Новгород же создатель «Истории Государства Российского» позаимствовал из никому не доступной теперь и заведомо поздней Троицкой летописи, что сгорела вместе с другими бесценными реликвиями русской культуры во время знаменитого московского пожара 1812 года. Карамзин успел сделать из утраченного списка большие выписки. Но что любопытно: в самом тексте Троицкой летописи так же, как и в Лаврентьевском списке, на месте упоминания первой столицы Рюрика значился пробел. Зато на полях рукой какого-то позднего читателя была сделана приписка — «Новгород» (в те времена украшать поля древних книг собственными замечаниями считалось в порядке вещей). Вот эту-то чужую приписку XVIII века Карамзин ничтоже сумняшеся и выбрал в качестве шаблона для своей версии эпизода с «призванием князей», что стало канонем и для большинства последующих трактовок.

Упоминание Новгорода в конспекте Карамзина, не имеющее никакого отношения к Нестору-летописцу, было немедленно канонизировано, абсолютизировано и объявлено истиной в последней инстанции. Так, вроде

бы из благих побуждений происходит элементарный подлог и фальсификация истории. Карамзина по сей день выдают за Нестора, а неискушенному читателю и в голову не приходит, что все это шито белыми нитками. Кстати, самый выдающийся исследователь русского летописания — академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920), являвшийся таким же ярким норманистом, как и Карамзин, нигде Ладогу на Новгород не заменял, хотя и не понимал истинной политической и идеологической подоплеки летописных метаморфоз. Не может не удивлять также и странная разборчивость в выборе кумиров: выписки Карамзина из утраченной Троицкой летописи признаются более достоверными чем текст самого Нестора-летописца, а вот аналогичный конспективный пересказ Татищевым утраченной Иоакимовской летописи, не совпадающей с официальной и официозной точками зрения, считается сомнительным и чуть ли не поддельным.

Из всего вышесказанного становится понятным также и то на первый взгляд странное обстоятельство, почему «Сказание о Словене и Русе» мощным рукописным потоком вошло в обиход русской жизни, начиная только с XVII века. Почему так произошло — догадаться в общем тоже не трудно. В 1613 году на Земском соборе в Москве царем был избран Михаил Федорович Романов — представитель новой династии, правившей в России до 1917 года. Род Рюрика угас, и можно было уже не опасаться преследований и репрессалий за пропаганду крамольных сочинений, опровергающих официальную (в прошлом) точку зрения. Еще недавно за подобное вольнодумство можно было попасть на плаху или на дыбу и в лучшем случае лишиться языка (чтобы не болтал) и глаз (чтобы не читали).

Уместно провести и такую аналогию. До XX съезда КПСС так называемое Ленинское завещание, известное более как «Письмо к съезду», считалось сверхсекретным документом. Тем не менее оно тайно распространялось в списках, хотя за хранение, распространение или даже прочтение данного документа в годы массовых репрессий можно было попасть под «расстрельную статью». Причем самой поразительной в таких случаях была формулировка приговора: «...за чтение (хранение или распространение) *фальшивки*, именуемой Ленинским завещанием». Теперь эту «фальшивку» можно прочитать в любом собрании сочинений Ленина.

Ну, а как расправлялись с инакомыслием и вольнодумством во времена «независимой» Новгородской республики, с леденящими душу подробностями изложено в документальных повествованиях о походе Государя всея Руси Ивана Васильевича III на Великий Новгород летом 1471 года. После Шелоньской битвы на пепелище Старой Руссы (не мистика ли

— в городе, основанном праотцем Русом) самолично Великим князем Московским была учинена показательная расправа над приверженцами новгородской самостоятельности и сторонниками Марфы Посадницы, ратовавшей за присоединение Новгорода к Речи Посполитой. Для начала у рядовых пленных отрезали носы, губы и уши и в таком виде отпустили по домам для наглядной демонстрации, что впредь ожидает смутьянов, не согласных с позицией верховной московской власти. Пленных же воевод вывели на старорусскую площадь и, прежде чем отрубить им головы, у каждого предварительно вырезали язык и бросили на съедение голодным псам (дабы другим впредь не повадно было болтать чего не следует).

А спустя чуть более двух десятков лет все тот же Иван III преподавал еще один урок новгородцам и наглядно продемонстрировал отношение власть предержащих ко всякому вольнодумству. Когда многих православных жителей Великого Новгорода попутал бес и они в массовом порядке вдруг вознамерились принять иудейское вероисповедание (так называемая «ересь жидовствующих»), царь не стал дожидаться конца этой странной истории и задушил ересь в колыбели: многих ее приверженцев заживо сожгли в срубах, остальных люто пытали на дыбе, заставляя отречься от крамольных идей, затем отправили в ссылку.

В дальнейшем также мало что изменилось. Официозная история всегда защищалась всеми доступными властям способами. Любые посягательства на канонизированную точку зрения и отклонения от установленного шаблона беспощадно подавлялись. Разве не приговорил сенат к публичному сожжению уже в XVIII веке трагедию Якова Княжнина (1742–1791) «Вадим»? А почему? В первую очередь потому, что скупые сведения Никоновской (Патриаршей) летописи о восстании новгородцев во главе с Вадимом Храбрым против Рюрика и его семьи противоречили официальным придворным установкам. И так было всегда — вплоть до наших дней.

Воистину «Сказание о Словене и Русе» должно стать одним из самых знаменитых произведений отечественной литературы. Пока же оно знаменито только тем, что известно узкому кругу скептически настроенных специалистов и неизвестно широкому кругу читателей. Восстановление попорченной истины — неотложное требование нынешнего дня!

* * *

В самой Несторовой «Повести временных лет» также имеется

достаточно фактов, свидетельствующих о развитой и цветущей русской истории задолго до Рюрика. Прежде всего это относится к сказанию об апостоле Андрее (рис. 38). Он посетил территорию современной России в I веке н. э., благословил Русскую землю (рис. 39) и предрек ей великое будущее. Нестор повествует:

Рис. 38. Св. Апостол Андрей Первозванный

Рис. 39. Андрей Первозванный благословляет Русскую землю. Художник Николай Калита

«Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, он узнал, что недалеко от Корсуни — устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и направился в устье Днепровское и оттуда пошел вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и остановился под горами на берегу. И утром поднялся и сказал бывшим с ним ученикам: „Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий и воздвигнет Бог много церквей“. И поднялся на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и пошел по Днепру вверх. И прибыл к словенам, где ныне стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну Варягов, и пришел в Рим, и доложил о том, как учил и что видел, и рассказал: „Удивительное видел я в Словенской земле на пути своем. Видел бани деревянные, и разожгут их сильно, и разденутся догола, и обольются квасом кожевненным, и возьмут молодые прутья, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что вылезут еле живые, и обольются водою студеною, и так оживут. И делают это постоянно, никем не мучимые, сами себя мучат, совершая таким образом омовение себе, а не мучение“. Слушавшие это — удивлялись. Андрей же, побыв в Риме, пошел в Синоп».

(Перевод А.Г. Кузьмина)

Эта легенда, которую вслед за Нестором приводят и другие русские летописи, считается соответствующей реальным событиям и фактам только в рамках истории церкви. Что касается светских историков-«профессионалов», то они в один голос признают ее недостоверной, выдуманной и искусственно вставленной из конъюнктурных соображений. Такая точка зрения доминировала и являлась недискуссионной на протяжении всего времени, когда новозаветные легенды (как, впрочем, и ветхозаветные) считались мифологией чистейшей воды. Лично я так не считаю и никогда не считал. Все апостолы — такие же исторические личности, как и их Учитель. А потому и путешествие Андрея Первозванного по территории южной и северной Руси — вплоть до острова Валаам, древнего русского святилища, — в высшей степени вероятно.

В данном же случае речь идет о другом, а именно о том, что Нестор

прекрасно знал: во времена пришествия апостола Андрея жизнь на Руси кипела в полную силу. Всюду, где прошел по Русской земле Андрей Первозванный, он видел не живущих по-скотски, «звериньским образом» людей, как это рисовалось позднейшим христианским хронографистам и историкам шлёцерско-карамзинской ориентации, а процветающие славяно-русские общины, занятые насыщенным и продуктивным трудом — строительством, хлебопашеством, охотой, рыбной ловлей, обучением ратному делу и т. д. Повсюду высились укрепленные города и крепости, окруженные мощными бревенчатыми стенами. И если не было еще Киева (что тоже еще вопрос!), то на берегу Волхова жизнь была ключом. Можно предположить, что слова летописца о месте, где «идеже ныне Новъгородъ», относятся к первой русской столице — Словенску, куда, собственно, и направлялся любимый ученик Иисуса Христа. Грубо говоря, с этих позиций совершенно неважно, кто именно путешествовал в ту пору по Древней Руси. Важно другое: в летописи сохранились достоверные сведения о жизни наших пращуров в те далекие времена.

В устных преданиях Валаамского монастыря сохранились дополнительные подробности о пребывании апостола Андрея на Ладогe. Валаамская обитель подвергалась неоднократному погрому и разграблению, главным образом со стороны шведов, вплоть до Ништадтского мирного договора 1721 года претендовавших на Приладожье. Огню предавались хранилища и архивы. Особенно опустошительным оказался один из последних литовских набегов (еще одни претенденты на Святой остров): переправившись на остров по зимнему льду Ладожского озера, литовцы не только истребили поголовно захваченных в плен монахов, но и сожгли дотла бесценные книги и рукописи. Устное же слово в огне не горит и в воде не тонет. Священные предания Валаама неистребимы так же, как и дух этого сакрального острова. В начале XIX века удалось реконструировать и записать древние предания, согласно которым апостол Андрей Первозванный «прошед Голяд, Косог, Роден, Скеф, Скиф и Словен смежных, лугами [степью] достиг Смоленска, и ополчений Скоф и Словянска Великого и, Ладогу оставя, в лодью сев, в бурное вращающееся (?) озеро на Валаам пошел, крестя повсюду, и поставлял по всем местам кресты каменные...» Ныне близ Никоновой бухты, где некогда апостол Андрей причалил к острову, построен Воскресенский скит. Монастырская братия свято чтит память о пребывании здесь почти две тысячи лет тому назад первого ученика Иисуса.

Апостол Андрей — вообще личность очень загадочная. С одной

стороны, он — любимый ученик Христа, ярый приверженец нового учения, первым откликнувшийся на призыв Учителя следовать за ним и первым объявивший его мессией (*Иоан. 1, 41*), почему и получил прозвище Первозванного. С другой стороны, о нем мало что известно. Евангелия немногословны в отношении апостола № 1. Он — родной брат Петра, о котором Евангелия, последующие книги Нового Завета и церковная история сообщают куда больше. Андрей был рыбаком, вместе с братом ловил рыбу на Галилейском озере, затем ушел к Иоанну Крестителю и некоторое время был его учеником, пока не был призван на Иордан Иисусом. Дальше, после смерти и воскресения Христа, он появляется уже путешествующим и проповедующим на Руси, по возвращении откуда в греческом городе Патры был распят на косом кресте по приказу римского проконсула. Две всегда симпатизировавшие друг другу страны считают Андрея Первозванного своим небесным покровителем — Россия и Шотландия. В память о мученической смерти апостола здесь особо почитается крест Андреевский.

Русские летописи лишь добавили загадок к биографии апостола Андрея — и не только подробным рассказом о его путешествии по Приднепровью, Новгородчине и Приладожью. Радзивилловская летопись подкрепляет это сообщение любопытнейшей иллюстрацией, где изображено водружение креста на берегу Днепра (рис. 40). Но что особенно интересно — в правом верхнем углу миниатюры нарисован *летательный аппарат*, похожий на современный космический корабль (такими были первые автоматические спутники, а впоследствии — и спускаемые аппараты). Что же это такое на самом деле? На комету или звезду совсем не похоже, к тому же существовали незыблемые каноны их изображения. Сходные изображения «летательных аппаратов», то есть практически той же конфигурации да еще с человекоподобными существами внутри, изображены на фресках Дечанского православного монастыря в Косово (Югославия). Что это за традиция? Откуда черпали идентичные образы художники разных времен и стран? Что послужило для них моделью? Современные историки и искусствоведы бессильны ответить на поставленные вопросы.

Рис. 40. Загадочный небесно-космический объект (в правом верхнем углу) на миниатюре Радзивилловской летописи

Небесные объекты, напоминающие искусственные спутники, на древнерусских миниатюрах встречаются, как правило, когда речь идет о чудесных явлениях и знамениях. Например, точно такой же «спутник» изображен в иллюстрированной древнерусской рукописной книге «Слово похвальное на зачатие святого Иоанна Предтечи», где рассказывается о спустившемся с небес ангеле и возвещении им чуда: неплодная жена священнослужителя Захарии Елисавета по благословению Господа должна зачать и родить будущего пророка — Иоанна Крестителя. Естественно, перед глазами русских художников были какие-то образцы и шаблоны, но о том, что именно они изображали в глубокой древности, теперь можно только догадываться. Еще более поразительный «неопознанный летательный объект» представлен на одной из икон XVI века на тему Апокалипсиса из собрания Государственной Третьяковской галереи: здесь изображена типичная двухступенчатая ракета с отделяемым модулем и тремя соплами, из которых вырываются языки пламени. О космических реминисценциях в книгах Ветхого и Нового Завета существует необъятная литература; в некотором роде обобщенный материал можно найти в книге

Алана Ф. Элфорда «Боги нового тысячелетия» (М., 1998).

* * *

Большинство русских летописей дают целостную и неусеченную панораму событий мировой истории и ее неотъемлемой части — истории Руси и России: она начинается с послепотопных времен, и там, где только возможно, хронологические пробелы заполняются скупыми и, как правило, легендарными фактами. Подобная целостность обеспечивается присутствием в составе основополагающих летописей «Повести временных лет», ведущей начало русского летосчисления от Ноя и его сыновей.

Тем самым в «Повести временных лет» совершенно четко обозначена начальная точка отсчета мировой истории. Это — планетарный катаклизм, получивший название *потопа*. Данное событие, в результате которого погибла большая и далеко не худшая часть человечества, описано в священных книгах почти всех древних народов, а также во множестве устных преданий. В Начальной русской летописи о потопе подробно рассказано в так называемой «речи философа», излагающего перед князем Владимиром основы христианского вероучения. Но и сама «Повесть временных лет» начинается с упоминания этого события, некогда до основания потрясшего мир в прямом и переносном смысле: «По *потопе* (то есть „после *потопа*“) три сына Ноя разделили землю — Сим, Хам, Иафет» (рис. 41). Следовательно, хочется нам того или нет, но писаная русская история начинается с потопа и послепотопных времен.

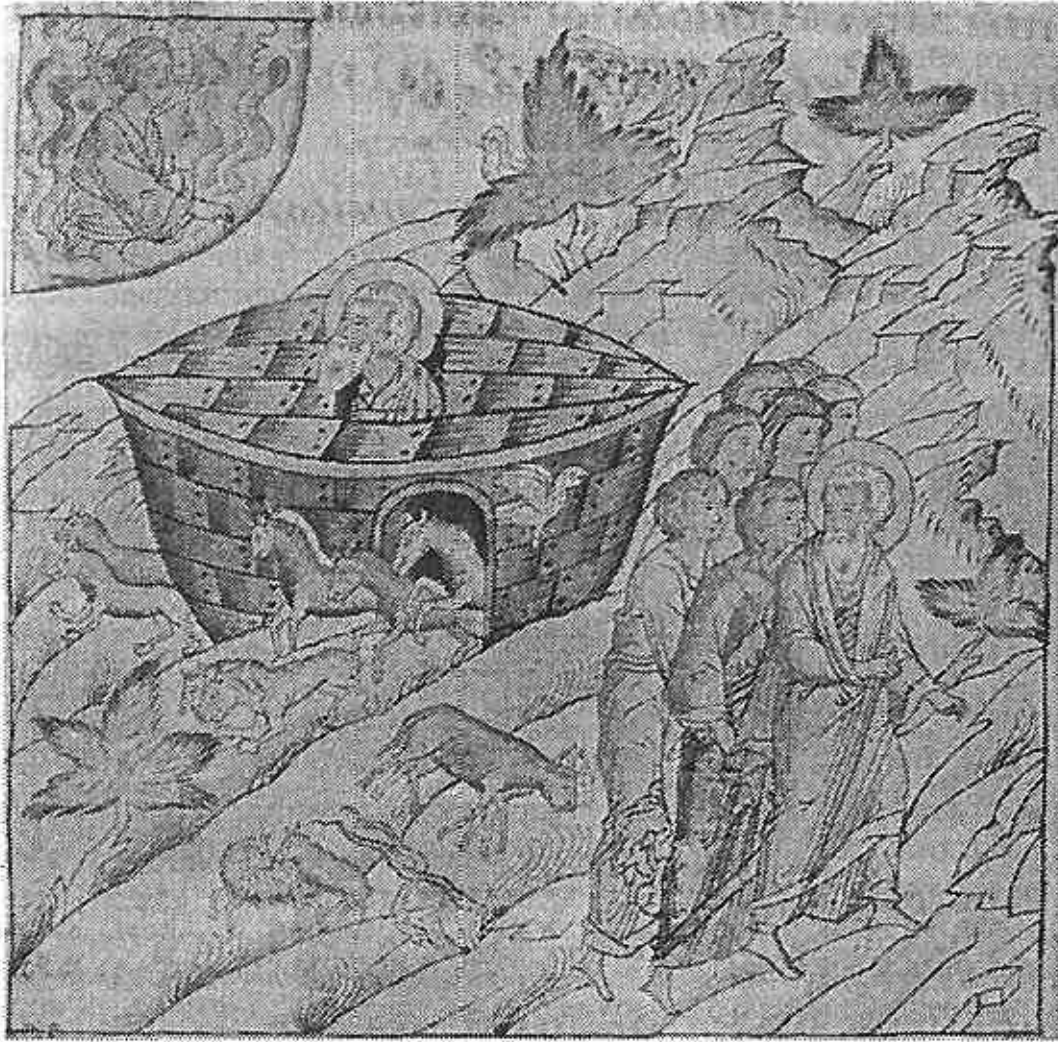

Рис. 41. Ной, Иафет, Сим и Хам (а также их жены) выходят из Ковчега (древнерусская миниатюра)

Природный катаклизм, о причинах которого рассказывается в моих предыдущих книгах, подробно описывается и в других древнерусских источниках. В одном из вариантов широко распространенного и популярного в Древней Руси апокрифа «Беседа трех Святителей» говорится, что потоп произошел на «земле Север». Более того, из контекста «Беседы», опирающейся на какие-то древние сведения, следует, что на Севере последовательно произошло два потопов: один канонический — Ноев, другой — при его детях, спустя 89 лет. Каждый народ описывал вселенский катаклизм по-своему. И тем не менее, к примеру, в мифах североамериканских индейцев *калануйя* утверждается то же самое, что и у античных авторов — Платона, Сенеки или Нонна Панополитанского: во

время светопреставления Земля перевернулась и на ней почти не осталось людей.

События — уже исторические, — последовавшие за глобальной гидросферной катастрофой, на Руси также были хорошо известны, но они долгое время сохранялись, как уже было отмечено выше, в виде тайного и к тому же запретного знания.

Важнейший «блок» российской истории связан с личностями Словена и Руса, чьи фигуры слишком важны и смыслозначимы, чтобы их можно было проигнорировать. Тем не менее произошло именно так: в угоду господствующей идеологии и собственным интересам Карамзин, не задумываясь, срубил живое древо начальной русской истории, а из полученных обрубков попытался соорудить нечто невразумительное (повторяю, речь идет о дорюриковской эпохе). Историографический идол был встречен с восторгом и немедленно канонизирован: дескать, зачем нам легендарно зафиксированное бремя почти 5-тысячелетней истории — хватит с нас и одной тысячи.

Но так было не всегда! Вплоть до конца XVIII века продолжалось повсеместное распространение «Сказания о Словене и Русе», которому благоволил Петр Великий. Не позже 1789 года в Петербурге, когда в Париже штурмовали Бастилию, была издана полная версия одного из списков легендарной истории русского народа под названием «Сказание в кратце о скифех, и о славянах, и о России, и о начале и здании Великого Нова града, и о великих государех российских». Год издания на титуле обозначен не был (издание датируется по другим признакам), зато публикация заканчивалась припиской: «Печатано от слова до слова с древнейшей рукописной тетради».

Менее чем за 20 лет до выхода 1-го тома «Истории Государства Российского» усилиями двух русских подвижников был издан 4-томный труд под названием «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» (СПб., 1798–1799). В свое время сей анонимный труд в виде обширной рукописи был обнаружен в Спасо-Ефимиевом монастыре и долгое время приписывался известному просветителю и сподвижнику Петра Великого Феофану Прокоповичу (1681?—1736) (собственно, каких-то серьезных оснований сомневаться в данном авторстве никогда не было и по сей день нет). Опубликовал фундаментальный исторический труд, получивший хождение в списках, всесторонне одаренный деятель русской культуры эпохи классицизма Николай Александрович Львов (1751–1803), известный одновременно как поэт, музыкант, архитектор, график, теоретик искусства, фольклорист, изобретатель и издатель (его именем названа

Львовская летопись»). Помогал ему в предварительном редактировании и комментировании 1-го тома, касающегося древнейшей русской истории, другой выдающийся деятель эпохи Просвещения — профессиональный историк Иван Никитич Болтин (1735–1792).

Авторитет обоих публикаторов говорит сам за себя. Симпатия же их, вне всякого сомнения, на стороне Феофана Прокоповича и его «Подробной летописи». А начинается она, как и полагается для нормальной исторической книги, со Словена и Руса, чья стародавняя деятельность излагается подробно и непредвзято. О серьезном отношении в Петровскую эпоху к легендарной русской истории свидетельствуют хотя бы названия некоторых глав: «О начале великого града Словенска, еже есть ныне Великий Новград; о первых князьях новгородских и их потомках»; «О начале Старой Русы» (в оригинале с одним «с»; в основу первых двух глав как раз и положено «Сказание о Словене и Русе» как отправной пункт писаной русской истории); «О Мосхе прародителе словенороссийском и о племени его»; «О наречении Москвы, народа и царственного града». Кстати, в библиотеке Карамзина имелись все четыре тома этого уникального издания, но он предпочел перековать историю на свой лад и избавиться, как от ненужного хлама, от «лишних» 25 веков легендарной истории.

Почва для этого, однако, была подготовлена задолго до Карамзина. Наступление на русскую историю началось в самые мрачные годы бироновщины — из стен Российской академии наук, страдавшей, как известно, от засилия немцев. Первый удар с благословения самого Бирона нанес Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738) — автор первого «норманистского манифеста», опубликованного в 1735 году, в самый разгар бироновского беспредела. По примеру своего патрона академик даже не говорил по-русски, мало того, считал незнание русского языка одним из отличительных признаков академической культуры. Он-то и взрастил на русофобских дрожжах многих последующих ненавистников русской истории и культуры. Причем национальность в данном случае не играла особой роли: среди русских историков приверженцев так называемой норманнской теории оказалось не меньше, чем среди иноземных злопыхателей.

То же относится и к легендарной предыстории русского народа. На нее по-прежнему наложено табу. Дело доходит до абсурда. Некоторые маститые ученые боятся даже вслух произносить имена Словена и Руса.

Глава 5

ТЕРПКАЯ ПОЛЫНЬ КИММЕРИИ

*Тяжелое солнце в огне и туманах,
Поднявшийся ветер упрям и суров.
Полыни горьки, как тоска полонянок,
Как песня аулов, как крик беркутов.*

Павел ВАСИЛЬЕВ

Вначале были киммерийцы — первый народ, получивший статус исторического из нескончаемой вереницы реальных и мифических этносов, обитавших в незапамятную старину на территории современной России. Всякие там лестригоны, меланхлены, гиппомолги, андрофаги, каллипиды, ализоны, иирки, моссирики, матикеты, иксибаты, дандарии, кораксы, мары, халибы, будины, невры (а также исседоны и аримаспы, о которых уже говорилось в предыдущей части) — не в счет, хотя они и фигурируют в тех же классических произведениях древних авторов. Другое дело киммерийцы: их имя прочно вошло в произведения греческих авторов, и в книги Ветхого завета, и в анналы ассирийских царей. Ибо в оные времена сей воинственный народ ураганом пронесся по просторам Передней Азии, сметая и сжигая все на своем пути и оставляя за собой горы трупов (рис. 42). Библия устами пророка Иезекииля говорит про конных северных варваров так:

Рис. 42. Киммерийцы в Малой Азии. Картина на глиняном саркофаге (VI в. до н. э.) из Британского музея

«И поверну тебя, и вложу удила в челюсти твои и выведу тебя и все войско твое, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех вооруженных мечами...»

(Иез. 38, 4).

В Библии киммерийцы именуются «народ Гомер» (на ассирийских глиняных табличках встречаются написания *гамиер*, *гимра* и др.). Здесь же говорится, что киммерийцы пришли «от пределов севера», то есть с Крайнего Севера, или Заполярья. В античные времена даже сложилось крылатое выражение — «киммерийский мрак», но уже тогда мало кто представлял его первоначальный смысл, связанный с полярной ночью на далеком и холодном Севере. Подтверждение тому содержится в Гомеровой «Одиссее», где дается подробное описание северной страны киммерийцев и ее полярных реалий:

«Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно

*наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город
людей киммерийских окутанные мглой и тучами; и никогда
сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами — ни тогда,
когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба
склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта
над жалкими смертными».*

(Подстрочный перевод В.В. Латышева)

Совпадение библейского этнонима «гомер» с именем автора «Илиады» и «Одиссеи», судя по всему, тоже не случайно. Есть достаточно оснований предположить, что великий слепец был каким-то образом связан с Киммерией: либо он самолично посещал ее (иначе откуда такие точные сведения, неизвестные никакому другому античному автору), либо был как-то связан с киммерийцами по своему происхождению. Последнее несколько неудивительно: как известно, прадедом Пушкина был «арап Петра Великого» Абрам (Ибрагим) Ганнибал, происходивший по одной версии из Эфиопии, а по другой — из африканского племени, обитавшего на берегу озера Чад. Так или иначе, еще в раннем детстве прадед будущего русского поэта попал в качестве турецкого заложника в Стамбул, был выкуплен русским послом и подарен Петру I. Африканские корни Пушкина и даже появившееся впоследствии прозвище «Африканец» несколько не повлияли на русскую первозданность и уникальность его творчества. Нечто подобное вполне могло случиться и с Гомером.

Похоже, что приведенное выше описание заполярной страны явно вставлено позднее, так как нарушает все мыслимые и немыслимые маршруты хитроумного грека из Трояды к родной Итаке. Попробуйте-ка сегодня проплыть из Турции в Грецию через Заполярье, где, как описывает Гомер, царит долгая ночь. А ведь именно такой немыслимый «крюк» пришлось проделать Одиссею, чтобы спустя почти десять лет попасть наконец в объятия Пенелопы. Для нас же в данном случае интерес представляет не только северное происхождение киммерийцев (что никаких сомнений не вызывает), но их генетическая взаимосвязь с предками русского народа.

В «Велесовой книге» написано, что киммерийцы — наши предки: «... Были же кимры, также наши отцы, и они римлян потрясали, а греков разметали, как испуганных поросят». Судя по всему, однако, они также являются предками и других народов. Племя *кимров* (*кимвров*), о котором здесь говорится, хорошо известно в европейской истории. В «Записках о

галльской войне» Цезаря, «Географии» Страбона и «Германии» Тацита они считаются германцами. Однако ряд современных авторов — и в частности Роберт Грейвс в своем капитальном труде «Белая богиня», посвященном кельтской мифологии, — считает кимров кельтским племенем, положившим начало населению древнего и современного Уэльса — валлийцам, чей язык и сейчас по-другому именуется кимрским.

Противоречия здесь, скорее всего, никакого нет. Родство германцев, кельтов и славян с киммерийцами восходит к тем временам древней истории, когда все они еще не были достаточно обособлены в этнолингвистическом отношении, сравнительно недавно выделившись из недифференцированной массы языков и этносов. Лишним подтверждением сказанного может служить название русского города Кимры, расположенного в Верхней Волге к востоку от Твери (и входящего ныне в состав Тверской области). Здесь, на традиционной территории проживания русского населения, некогда пересеклись пути славян, германцев и кельтов. Наследниками этого социокультурного триединства и стали впоследствии киммерийцы, мигрировавшие в далеком прошлом вместе с другими народами, говоря языком Библии, от северных пределов к югу и превратившиеся постепенно в классических кочевников, чьим символом стала степная полынь. Но такими их знает уже писаная история.

Что касается тождественности киммерийцев и кимров, то об этом писал еще Диодор Сицилийский, подчеркивая одновременно их северное происхождение:

«Жители северных стран, соседние со Скифией, чрезвычайно дики; говорят, что некоторые из них едят людей. <...> Так как их сила и дикость прославилась повсюду, то некоторые говорят, что именно эти народы под именем киммерийцев в древние времена прошли войною всю Азию, причем время скоро испортило это слово в наименование кимров...»

Этноним «киммерийцы» породил на свет самые фантастические толкования. Так, античные комментаторы, опираясь на одну из специфических вокализаций данного слова — «керберийцы» — выводили его из имени свирепого трехглавого пса Кербера (Цербера), стерегущего вход в преисподнюю. Данный факт свидетельствует лишь о том страхе, который внушало эллинам одно имя киммерийцев. Возможно, память о них в какой-то мере запечатлелась также и в русском слове «кикимора». Но что уж точно — имя киммерийцев-кимров сохранилось в древнерусском

понятии *коумиръ* (*коумирь*), означающем «кумир, истукан, идол». Аналогичным образом ассирийское прозвание киммерийцев — *гамьер*, *гимра* — запечатлелось в осетинских словах *gymiri*, *gumeri*, *gaemeri* — «великан, идол» и в грузинском *gmiri* — «богатырь, герой, исполин».

* * *

Вопрос об общих русско-киммерийских корнях позволяет затронуть еще один нетривиальный вопрос: о кельтско-славянских связях и отношениях вообще. О том, что славяне активно распространялись по различным евразийским направлениям, свидетельствуют и открытия недавнего времени. Они принадлежат известному британскому историку Ховарду Риду и касаются как раз-таки самого символа раннего британского средневековья и любимого персонажа рыцарских легенд — короля Артура, хозяина знаменитого Круглого стола. Так вот, Ховард Рид установил, что Артур был славяно-русский князь, который во II веке н. э. вместе со своей дружиной, входившей в состав войска римского императора Марка Аврелия, переправился с континента на Британские острова. До этого Артур являлся предводителем одного из южнорусских славянских племен, прославившегося своими высокими и белокурыми всадниками, наводившими ужас на степных конкурентов.

Кавалеристы Артура в качестве 8-тысячного (!) «варварского» вспомогательного отряда были взяты на имперскую службу, участвовали во многих сражениях, а после покорения (точнее — временного замирения) Британии остались на ее территории. Основными аргументами Ховарда Рида в пользу своей оригинальной гипотезы являются: введение в оборот ранее не публиковавшихся фрагментов поэмы Гальфрида Монмутского о короле Артуре, а также сравнительный анализ символики — из древних захоронений на территории России и на рисунках знамен, под которыми сражались воины легендарного Артура, в действительности — русского князя.

В прошлом существовало множество кельтских племен, наиболее известными среди которых были *галлы*, кочевавшие по всей Европе (например, название испанской провинции Галисия досталось от тех времен). В конечном счете они осели на территории современной Франции, где были покорены римлянами, но топонимическая память о путях их миграции сохранилась и в землях восточных славян: Галиция, Галицкое княжество, два города под названием Галич на Украине и один в России —

в XIII–XIV веках столица Галицко-Дмитровского княжества (ныне скромная железнодорожная станция), Галичское озеро в Костромской области (где обнаружен знаменитый Галичский клад), Галичья гора в Липецкой области и т. п. (Кстати, фамилия, а первоначально прозвище, Галич — того же происхождения.) В настоящее время прямыми потомками кельтов считаются ирландцы, шотландцы и валлийцы. Кельтская история и кельтская мифология дают немало подтверждений прошлым этническим связям.

Прежде всего в устных преданиях и письменных хрониках обнаруживаются осколки воспоминаний о древней Северной прародине — Туле (Гиперборее). Например, в ирландской саге «Плавание Брана, сына Фебала» она предстает, согласно общей индоевропейской традиции, как далекий северный остров, где царит Золотой век (в ирландском фольклоре эта полярная страна именуется *Эйман*):

*...Есть далекий-далекий остров,
Вокруг которого сверкают кони морей [волны. — В.Д.],
Прекрасен бег их по светлым склонам волн.
На четырех ногах стоит остров.*

.

*Там неведома горесть и неведом обман
На земле родной, плодоносной,
Нет ни капли горечи, ни капли зла,
Все — сладкая музыка, нежащая слух.*

*Без скорби, без печали, без смерти,
Без болезней, без дряхлости,
Вот — истинный знак Эйман.
Не найти ей равного чуда.*

(Перевод А.А. Смирнова)

Есть и другие ирландские названия этого чудесного острова (или земли). Особенно привлекает Земля девяти орешников Буан из саги «Приключения Кормака в Обетованной стране». По объяснению комментаторов, Ореховая страна названа так в честь жены одного из королей древней Ирландии, умершей от горя после гибели мужа. На ее могиле и выросли девять волшебных орешников, считавшихся источником

Абсолютного Знания. Специалисты по ирландскому фольклору не могут объяснить происхождение данной мифологемы, связанной ко всему прочему еще и с таинственным Иным миром. Мне же представляется всё достаточно простым, если, конечно, не заикливаться на раннем Средневековье, а обратить свой взор к глубинным пластам индоевропейской истории, когда культура и язык кельтских, славянских и других народов были общими.

Вам не кажется, что ирландское имя Буан очень уж созвучно русской мифологеме Буян? Если это так, то не название Обетованной земли из ирландской саги вторично по отношению к имени королевы Буан, и, напротив, последнее производно от некоторого первичного топонима, которое звучало, как Буан (Буян), откуда самоотверженная героиня ирландского эпоса могла быть родом — сама или ее предки. Более того. Ореховая обетованная земля ирландских преданий очень уж хорошо сопрягается с одной русской поморской легендой, записанной будущим известным литературным критиком Александром Константиновичем Воронским (1884–1943) во время его ссылки на Север. Старый беломорский помор Тихон поведал тогда молодому еще революционеру о том, что где-то далеко за Ледовитым морем есть чудесная Ореховая (!) земля, где на деревьях растут орехи с человеческую голову. Расколешь такой орех, а в нем — мука, сразу можно хлеб печь. Многие поморы пытались доплыть до той Ореховой страны, и, говорят, были такие, кому это удалось.

О плавании к Чудесной стране повествуют и средневековые ирландские легенды — и не только мифические. В «Житии святого Берндана» повествуется о его путешествии по Кронидскому морю (одно из позднеантичных и средневековых наименований Северного Ледовитого океана) в край, где все лето не заходило солнце (полярный день!). Там он достиг Обетованного острова, где увидел не только много чудес, но останки каких-то древних сооружений с огромными кристаллическими колоннами.

Именно с этих далеких и таинственных островов прибыли когда-то в Ирландию племена богини *Дану* — такое совокупное имя получили в научной литературе древнеирландские языческие боги. Данэ (по-валлийски Дан) — исключительно интересный теоним, который прежде всего выделяется и привлекает своим именем. «Дан» («дон») — архаичный общеиндоевропейский корень, присутствующий в целом ряде смыслозначимых понятий и названий многих древних культур. Сей корень входит в имена великих славянских рек — *Дон*, *Данапр* (Днепр), *Донец*,

Данувий (Дунай), Данастр (Днестр).

В конечном счете все эти гидронимы восходят к понятию «давать» и к имени дающего бога. У русских это — *Дажьбог* (первоначально — *Дай-бог*, а до наших дней дошло восклицание «Дай Бог!»). Отсюда же происходят и имена других действующих лиц мировой мифологии, например славянская Дана — жена Солнца; она же Дева — божество, олицетворяющее не только Солнце, но и воду (так, по крайней мере, представляет известный русско-украинский историк Николай Иванович Костомаров (1817–1885) в исследовании, специально посвященном славянской мифологии).

О том, что древнее индоевропейское божество Дан (Дон) было связано в первую очередь с водной стихией, свидетельствует и имя морского владыки из осетинского нартского эпоса — *Донбеттыр*, с которым связано несколько наиболее архаичных сказаний. Однако есть все основания предполагать, что благодно-дарующие (дающие) божества с корнем «дан» характерны для конкретного этапа распада индоевропейской этнолингвистической и религиозно-культурной общности. Во всяком случае благодно-божественный «оттенок» теонимы и гидронимы с коренной основой «дан» («дон») имеют лишь в ареале расселения иранских, славянских, кельтских, греческих племен и этносов. Для древнеиндийского же мировоззрения присуща иная тенденция. Здесь архаичный корень «дан» образует собирательное название злокозненных и вредоносных существ *данавов*, демонов-гигантов, сопряженных с *Вритрой* — главным врагом великого бога Индры. Матерью Вритры и данавов в Ригведе названа демоница Дану (дословно переводится с санскрита как «влага»). Все они связаны с водной стихией.

Здесь налицо обычный прием *демонизации*, когда после дифференциации этносов, верований, языков и культур наступает период противостояния и вражды некогда единых народов и как результат — дискредитация их идеологии и объектов культа. Так было при распаде индоиранской общности, после миграции ее с севера на юг, когда одни и те же прежде единые божества превратились в существ «с обратным знаком». Аналогичные метаморфозы произошли и с богиней Дану. Первоначально в верованиях нерасчлененного индоевропейского пранарода она выступала богиней водной стихии, Матерью воды (наподобие карело-финской Ильматар) и одновременно Праматерью людей. В дальнейшем же, когда этносы обособились, начались идеологические распри, смертельная вражда и кровопролитные войны, у одних (кельтов) Дану так и осталась Великой богиней, у других же (индийцев) она превратилась в демоницу,

породившую целый сонм таких же злокозненных демонов *данафов*.

В дальнейшем в мировой мифологии появляется целая череда героев и персонажей с аналогичной корневой основой, но они уже не носят столь явно выраженное идеологическое клеймо, хотя подчас и не лишены трагического оттенка. Таков известный древнегреческий миф о египетском царе Данае и его 50 дочерях — *Данаид*. По наущению отца последние закололи кинжалами в первую же брачную ночь своих мужей (кроме одного, отомстившего впоследствии за убитых братьев), и за содеянное их постигла вечная кара: после смерти они были обречены в аду (аиде) наполнять водой бездонную бочку («бочка Данаид»).

Еще более популярен был миф о Данае, дочери аргосского царя, запертой им в темницу. Туда проник Зевс, обратившись в солнечные лучи, и от того света Даная родила будущего героя Эллады Персея — победителя Горгоны Медузы. Сходный миф обнаруживается и в недрах совершенно иной неиндоевропейской культуры. В китайских народных поверьях излюбленным образом является Данай Фужень — богиня, помогающая при родах. Образ этот проистекает из цикла сказаний о великой богине Гуань-инь. По преданиям, Данай Фужень родилась от луча света, исходящего из пальца Гуань-инь и попавшего в утробу матери. В русле развиваемой здесь концепции моногенеза всех народов мира, их языков и культур представляется совсем не случайным сходство сюжетов (рождение от луча света) и имен — *Даная* и *Данай* (дословно «большая бабушка») Фужень. Любопытно, что корень «дан» присутствует и в имени Данко, легенду о котором и его огненосном сердце поведала молодому Максиму Горькому старуха Изергиль.

* * *

Отголоски других представлений о божествах, общие для кельтов и славян, сохранились до наших дней. Среди них целый пласт сказаний об оборотничестве: наиболее колоритные образы богов-оборотней были как раз присущи кельтской мифологии.

В русском фольклоре к древним общеиндоевропейским истокам восходят, к примеру, все до боли знакомые сюжетные повороты типа «ударился о землю и обернулся: соколом, волком, туром, горностаем, щукой или муравьем». Причем конкретное животное здесь необязательно должно обозначать живую птицу, зверя, рыбу, насекомое — речь может идти и о родовом тотеме. Особенно широко были распространены, вплоть

до недавнего времени, суеверия о превращениях людей в волков, по-славянски — в *волкодлаков*. Подобные мифы были известны и у кельтов. Древнейшее свидетельство о волках-оборотнях есть у Геродота, который упоминал, что невры — предположительно предки славян — почитались у греков и скифов чародеями, умеющими раз в году — как правило зимой — на несколько дней обращаться в волков. Такое же поверье еще в XIX веке существовало у поляков, сербов и русских, которые считали что волки-оборотни особенно опасны в период Святков, посреди зимы. Смешавшись с толпой ряженных, они принимают вид парней и девушек, скоморохов и проникают таким образом в любой дом. Волкодлаки также подкрадываются к гадающим девушкам и также заедают их насмерть. Оборотни задают девушкам на Святки трудные задачи во время святочных игр, о судьбе тех, кто их не разгадает, ничего не известно.

В Древней Руси, по данным Кормчей книги, люди думали, что волкодлаки, обернувшись тучами, закрывали луну и солнце («влькодлаци лоуну изьедоша или слънце»). Способностью превращаться в волков наделялись многие эпические герои: легендарный князь Всеслав, историческим прототипом которого был князь Полоцкий (XI век); былинный Волх Всеславьевич (Вольга); сербский Змей Огненный Волк и др. На этой мифологической основе в средневековой Европе даже существовал особый вид умопомешательства — ликантропия: больные этой болезнью воображали себя волками. По мнению А.Н. Афанасьева, «волкодлак» состоит из слов: «волк» и «длака» — шерсть, руно, клоч волос. Человека-волкодлака можно было узнать по шерсти, растущей у него под языком. Рассказы о волкодлаках распространены преимущественно в центральных и южных районах России, для Русского Севера этот образ не типичен.

Невольный волкодлак — человек, по злобе колдуна превращенный в волка на определенный срок или до тех пор, пока чародей не пожелает вернуть своей жертве прежний облик, — часто бродит возле родного дома, не боясь людей, заглядывает им в глаза. Брошенный кусок мяса такой волкодлак не берет, но с жадностью ест хлеб. Колдуны иногда обращают в волков целые свадебные поезда, набрасывая на людей волчьи шкуры или опоясывая их наговоренными мочалами или ремнями. Рассказывают, что однажды во время охотничьей облавы убили трех волков, а когда стали снимать с них шкуры, то под первой нашли жениха, под второй — невесту в венчальном уборе, под третьей — музыканта со скрипкою. Если волкодлак обращен с помощью пояса, которым колдуну удалось обвязать человека на свадьбе, то он вернет себе человеческий облик не раньше, чем

изотрется и лопнет чародейный пояс.

Для защиты от волкодлаков в народе использовались разные средства. Чтобы ночью волкодлак не заел спящего, рекомендовали расстегивать ворот рубахи, крестить подушку и класть возле нее евангелие, Часовник или другую книгу духовного содержания; трижды перекрестить постель. Женщины не снимали головного убора (чепца, повойника), а девушки на ночь повязывали платок. И т. д.

У кельтских племен оборотничество как магическое превращение было свойственно прежде всего особой касте языческих жрецов *друидов*, обладавших и другими необычными способностями: например, управлением погодой, не говоря уже о предсказании будущего. О былой этнолингвистической индоевропейской и славяно-кельтской общности, что была недавней реальностью свидетельствуют и имена друидов, которые сохранил Гай Юлий Цезарь в «Записках о галльской войне»: в именах Думнориг и Дивитак явственно слышатся знакомые корни «дум» и «див». Не оставляют сомнения и другие кельтские слова — имена, этнонимы, топонимы, гидронимы (все они взяты из «Записок» Цезаря): племена — амбарры, белловаки, бои, леваки, неметы, рутены (русены), туроны, убии; имена — Домнак, Дуратий; города — Коса, Лисс, Нева, Турии; реки — Дубис, Пад, Родан и др.

Одним из самых знаменитых чародеев был британский кельт Мерлин, известный по средневековым сказаниям о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. По легендам, он — сын злокозненного ночного демона-инкуба, по историческим хроникам — реальное лицо древней британской истории. Наставник и покровитель короля Артура с самого момента его рождения, участник многих событий артуровского цикла (рис. 43), седобородый старец Мерлин обладал даром оборотничества и, подобно своей антагонистке — волшебнице Моргане, мог превращаться в кого хотел: и в златокудрого мальчика, и в златорогого оленя.

**Рис. 43. Мерлин защищает Артура от Черного Рыцаря.
Художник Леонид Фейнберг**

Всякое оборотничество — это в конечном счете материальное проявление более общих закономерностей, получивших в истории мировой культуры название *метемпсихоза*, то есть «переселения душ». Данное учение, по существу, является самой первой философией человечества. Наибольшее распространение оно получило в Древнем Египте и в Древней Индии. Но его корни, вне всякого сомнения, уходят в еще большие исторические глубины — к тем временам, когда этносы, языки, идеология и культура еще не были расчленены.

Похоже, что родиной учения о переселении душ являлась Гиперборея. Как известно, в европейской традиции сторонником и пропагандистом учения метемпсихоза был Пифагор. При этом, по сообщению ряда античных авторов, он овладел азами данного учения именно в Гиперборее. Оттуда, из арктической прародины, вынесли философию метемпсихоза и древние кельты — представление о переселении душ лежало в основе их мировоззрения и религиозных верований. И хотелось бы думать, что бессмертные строки «Мабиногиона» и сегодня доносят до нас дыхание древних воззрений наших гиперборейских прапредков (естественно, с учетом поправок и дополнений кельтских бардов):

*Множество форм я сменил, пока не обрел свободу;
Я был острием меча — поистине это было;
Я был дождевою каплей, и был я звездным лучом;
Я был книгой и буквой заглавною в этой книге;
Я фонарем светил, разгоняя ночную темень;
Я простирался мостом над течением рек могучих;*

*Орлем я летел в небесах, плыл лодкою в бурном море;
Был пузырьком в бочке пива, был водою ручья;
Был в сраженьи мечом и щитом, тот меч отражавшим;
Девять лет я был струною арфы, год был морскою пеной;
Я был языком огня и бревном, в том огне горевшим...*

(Перевод В.В. Эрлихмана)

** * **

Память о киммерийских временах и киммерийских корнях русского народа не исчезла бесследно. Ноосфера периодически напоминает о заложенной в ней информации. Свидетельство тому — впечатляющий цикл «киммерийских стихов», созданных в начале века замечательным русским поэтом Максимилианом Волошиным. В первом из них — «Полынь» — творческая интуиция пробуждает память об эпохе матриархата:

*...В гранитах скал — надломленные крылья.
Под бременем холмов — изогнутый хребет.
Земли отверженной застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!
.
Я сам — уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я — свет потухших солнц, я — слов застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.*

*О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.*

Глава 6

СЫНЫ ГЕРАКЛА — СКИФЫ

*Мы — те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Ехидны, — скифы.*

.....

*Что были мы? — Щит, нож, колчан, копье,
Лук, стрелы, панцирь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налет — все бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном было!*

*Лелеяли нас вьюги да мороз;
Нас холод влек в метельный вихрь событий;
Ножом вино рубили мы, волос
Замерзших звякали льдяные нити!*

Валерий БРЮСОВ.

Мы — скифы (1916)

*Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!*

Александр БЛОК.

Скифы (1918)

Три тысячи лет, начиная с Гомеровых времен, во всем мире русских людей величали скифами. Да и сами мы никогда не отрекались ни от родственности, ни от тождественности с древним народом. Уже в «Сказании о Словене и Русе» праотцы русского народа и всех славян поименованы скифами. В Несторовой летописи Русская земля также зовется Великой Скуфью, то есть Великой Скифией. Одно из первых русских собственно исторических сочинений Андрея Лызлова названо «История Скифийская» (1692), в которой он пишет: «В соседстве [с восточноазиатским регионом. — В.Д.] и в прилеглости с ним всегда жили

славяне, прародители наши — москва, россиане и прочие, их же древняя историки для общих границ одинако и обще скифами и сарматами называли...»

Сохранившиеся изображения скифов, а также их лица, восстановленные по черепу (рис. 44), позволяют сравнить облик современных людей и их далеких предков. В XX веке у русских вновь пробудилось скифское самосознание. Особенно усердствовали поэты. Через увлечение «скифскими корнями и истоками» прошли Валерий Брюсов, Александр Блок, Андрей Белый, Сергей Есенин и другие, о чем красноречиво свидетельствуют два помещенных выше эпиграфа.

Рис. 44. Реконструкция М.М. Герасимовым облика скифов и сарматки

И в том нет никакой натяжки: этноним «скифы» (сейчас я это покажу) — чисто русское слово, лишь слегка искаженное в греческом языке. Эллины и византийцы обладали ни с чем несравнимым даром перевирать русские и славянские слова: например, название Смоленска в передаче императора Константина Багрянородного звучит так — *Милиниски*. А вот самоназвание скифов не оказалось столь изуродованным — просто греки не знали или не понимали его истинного смысла. Еще В.Н.

Татищев настаивал на русскости древнегреческого наименования «скифы». В соответствии с нормами греческой фонетики это слово произносится как «скит[ф]ы». Второй слог в греческом написании слова «скифы» начинается с «теты» ~, в русском озвучивании она произносится и как «ф» и как «т», — причем с течением времени произношение звука менялось. Так, заимствованное из древнегреческого языка слово «театр» до XVIII века звучало как «феатр», а слово «теогония» («происхождение Богов») еще недавно писалось «феогония». Отсюда же расщепление звучания в разных языках имен, имеющих общее происхождение: Фе[о]дор — Теодор, Фома — Том[ас]. До реформы русского алфавита в его составе (в качестве предпоследней) была буква «фита» ~, предназначенная для передачи заимствованных слов, включающих букву «тета». И слово «скифы» в дореволюционных изданиях писалось через «фиту». В действительности же «скит» — чисто русский корень, образующий лексическое гнездо со словами типа «скитаться», «скитание». Следовательно, «скифы-скиты» дословно означает: «скитальцы» («кочевники»).

Данное толкование содержится еще в знаменитой «Истории русов», которая долго приписывалась белорусскому архиепископу Георгию Конисскому (1717–1795), однако его авторство нынче оспаривается. На этом основании известный в прошлом археолог и историк русского права Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911) удачно реконструировал и восстановил автохтонное название Древней Скифии, поименовав ее Скитанией. Вторично, в качестве позднейшего заимствования из греческого языка, где оно служило названием пустыни, общая корневая основа «скит» вновь вошла в русское словоупотребление в смысле: «отдаленное монашеское убежище» или «старообрядческий монастырь».

Гораздо большему искажению подверглось в греческом мировосприятии самоназвание одного из скифских племен, озвученное в «Истории» Геродота как *сколоты*. Между тем в этом странном на первый взгляд слове легко угадывается русское «с[о]колоты» (от тотемного имени «сокол» — одного из главных символов русского народа и всех славян). В передаче арабских географов, описавших наших предков задолго до введения христианства, их самоназвание звучало практически по-геродотовски: «сакалиба» («соколы»). Отсюда и знаменитые «саки» — одно из названий славяно-скифов — «скитальцев»-кочевников.

От скифской эпохи до нашего времени дошло наибольшее число памятников (рис. 45). Подробнее всего о скифах рассказал Геродот (между 490 и 480 — ок. 425 года до н. э.) в 4-й книге своей «Истории», носящей название «Мельпомена». Основоположник европейской исторической науки, как известно, странствуя по миру, лично побывал в Северном Причерноморье, много общался со скифами и непосредственно от них записал известные легенды о происхождении всего народа:

рис. 45. Сосуд из кургана Куль-Оба с изображением скифов

«По рассказам скифов, народ их — моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения). Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший — Колаксаис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но, когда подошел третий,

младший, брат, пламя погасло и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему. <...>

Так вот, от Липоксауса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата — племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев — царя — племя парлатов. Все племена вместе называются сколотами, т. е. царскими. Эллины же зовут их скифами. Так сами скифы рассказывают о себе и о соседних с ними северных странах. Эллины же, что живут на Понте, передают иначе. Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в эту тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). Герион же жил далеко от Понта, на острове в Океане у Гадир за Геракловыми Столпами (остров этот эллины зовут Эрифией). Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли.

Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и наконец прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы — полудеву, полузмею. Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя — змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видела ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удержать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: „Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?“. Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: „Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так

натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и исполнишь мое желание“.

С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор ведь Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застёжки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей — Агафирс и Гелон не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (это только и сделала мать на благо Скифу)».

Эллины на протяжении нескольких веков соприкасались или же вообще тесно общались со скифами — и когда те, преследуя киммерийцев, достигли Египта (где фараону лишь чудом удалось откупиться от орды, нахлынувшей из Русских степей, и избежать разгрома), и в более продолжительные мирные времена, когда между Грецией и Скифией налажена была взаимовыгодная торговля. Безусловно, эллины видели в детях приднестровских, приднепровских, придонских и прикубанских просторов исключительно диких варваров, но ценили их природную сметку, беспримерное мужество, выносливость и жизнестойкость (рис. 46). И еще скифы оставили о себе память как разудалые пьяницы, не знавшие меры винопитию в нескончаемых пирах и дружеских попойках (рис. 47). Традиция эта, как нетрудно догадаться, впоследствии перешла к русским.

Рис. 46. Скифы, отбивающиеся от окруживших их врагов

Рис. 47. Пирующие скифы

На Руси долгое время в ходу была поговорка: «Пьет как сапожник». Эллины говорили: «Пьет как скиф». Анакреонт вынужден был даже отреститься от входивших в моду скифских привычек. В вольном пушкинском переложении Анакреонтовы слова звучат так:

*Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно...*

В конечном итоге пристрастие к вину скифов и погубило. 28 лет были они безраздельными хозяевами Передней Азии. Наконец мидяне заманили на очередной пир скифских вождей и, когда те перепились до умопомрачения, перебили всех до одного. Точно так же татары спустя 2 тысячи лет опоили и перебили сподвижников Ермака. А за полтора столетия до этого (в 1382 году, всего лишь через два года после Куликовской битвы, правда, в отсутствии Дмитрия Донского) перепившиеся вусмерть москвичи открыли ворота хану Тохтамышу, и татаро-монголы подчистую разграбили и дотла сожгли Москву, перебив или угнав в полон практически все ее население.

Геродот посетил южные территории, занятые скифами, примерно в середине V века до н. э. Потому-то на долгое время и укоренилось неверное представление о том, что скифы населяли исключительно южные степи. Сложилось и понятие Геродотовой Скифии, относящееся к Северному

Причерноморью, хотя античным авторам было прекрасно известно, что скифское племя *саков* обитало в Средней Азии. А В.Н. Татищев называл все древние северные народы *скифами* [2] *иперборейскими*. Язык скифов был в свое время определен как относящийся к иранской ветви индоевропейской языковой семьи (наиболее близкий к современному осетинскому языку). Оспаривать здесь особенно нечего, если, конечно, ограничиться срезом мировой истории, известной Геродоту. Но были ведь и другие, более ранние времена, когда социокультурная и языковая общность была недостаточно расчленена. Впоследствии же многие общие в прошлом корневые субстраты, мифологемы, обычаи и верования сделались достоянием вновь сформировавшихся этносов. Сходное и тождественное в данном случае — это результат общего прошлого.

Кроме того, Геродот положил начало еще одному стойкому заблуждению: он поименовал скифами не единый народ, а, по существу, совокупность разных народов, заселявших в те времена юг современной России и Украины. Так, именно «отец истории» ввел в оборот понятие «скифы-пахари», имея в виду население степной и лесостепной зоны, занимавшееся земледелием и на протяжении нескольких веков продававшее отборное зерно не только в греческие города и колонии, но и в материковую Грецию. Между тем общеизвестно, что кочевые народы, к коим принято относить скифов, земледелием на постоянной да к тому же еще и товарной основе никогда не занимались. Геродот сам же подчеркивает: скифы-кочевники ничего не сеют и не пашут.

Следовательно, он либо назвал скифами-пахарями совершенно другой (например, славянский) народ, который издревле сеял и убирал хлеб на русской земле, приторговывая к тому же и с остальным миром. Либо же речь идет об оседлых родственниках и предках скифов-кочевников — конниках и степняках. Между тем приручение, одомашнивание и повсеместное использование коня — результат сравнительно недавней истории — не ранее III тысячелетия до н. э. Когда первые арии-мигранты устремились с севера на юг, тягловой силой для их тяжелых возов служили быки (волы). Они же использовались при пахоте земли. Ситуация мало менялась на протяжении тысячелетий. Бескрайние степные просторы еще совсем недавно бороздили караваны возов, влекомые волами, и чумаки-обозники блаженно дремали, посасывая трубки, на мешках с солью. И все так же степные земледельцы — крестьяне и казаки — пахали землю на волах. Кони появились значительно позже, и запрягали их первоначально уже не в возы, а в колесницы. Одновременно появились и всадники на конях. Использование лошадей для пахоты — явление совсем уж позднего

времени.

Скифы-кочевники, как это следует из книги все того же Геродота, появились в южнорусских степях примерно за четверть тысячелетия до того, как здесь побывал сам автор знаменитой «Истории». Около 700 года до н. э. скифская орда вытеснила отсюда прежних хозяев — киммерийцев. Сами же они прибыли сюда из Закаспия, теснимые другим воинственным племенем — *массагетами*, впоследствии разгромившими считавшееся непобедимым персидское войско Кира (голова самого царя была брошена, как известно, в бурдюк с кровью и стала трофеем предводительницы массагетского войска — воительницы Томирис).

Что было дальше, известно из любых учебников. Преследуя киммерийцев, скифская орда через Кавказ вторглась в Переднюю Азию, завоевала Мидию, Сирию и Палестину, дошла до Египта и лишь случайно не завладела им. Начиная с 70-х годов VII века до н. э. в течение 28 лет скифы безраздельно властвовали в Малой Азии и, как уже говорилось, лишились всего за одну пирушку в результате собственной беспечности. Обезглавленной оказалась верхушка, погибли многие воины, остатки разгромленного войска бесславно вернулись в родные степи. Между прочим, здесь их не очень-то уж и ждали.

Возникшую довольно-таки нетипичную коллизию, не жалея красок, описывает Геродот:

«Когда скифы, проведя на чужбине двадцать восемь лет, после столь продолжительного отсутствия возвращались на родину, им пришлось выдержать войну не меньше мидийской: они встретили выступившее против них немалое войско, потому что скифские женщины, вследствие продолжительного отсутствия своих мужей, вступили в связь с рабами. <...> От этих-то рабов и жен скифских произошла молодежь, которая, узнав о своем происхождении, решила воспротивиться скифам при их возвращении из Мидии. Прежде всего они отрезали свою землю, выкопав широкий ров от Таврических гор до озера Меотиды, где оно было наиболее широко. Затем при всякой попытке скифов вторгнуться они выходили против них и вступали в битву...»

Итак, разразилась первая гражданская война на территории России. Но первая ли? Разве нельзя считать таковыми мифическую титаномахию или гигантомахию, основные события которых разворачивались в

гиперборейские времена на территории Крайнего Севера? Вполне! С той разницей, однако, что это баснословно далекая и не поддающаяся точной хронологизации эпоха, о которой говорится в моих предыдущих книгах «Тайны русского народа» (М., 1997) и «Загадки Русского Севера» (М., 1999). В настоящей же работе речь идет не о предыстории, а об историческом времени.

Неизвестно, чем бы завершились межплеменные распри и разборки, никогда и никого к добру не приводившие. Новая общая опасность заставила скифов опомниться и сплотиться: с юга надвигались полчища персов. Про вторжение Дария с несметным войском на южные земли современной России и Украины и его позорное поражение знают многие: и как заманили скифы самодовольных и кичливых персов в безводные степи, и как подожгли траву, и как налетали отовсюду молниеносными отрядами на умирающих от жажды врагов (положив начало эффективной партизанской тактике), и как заставили в конце концов царя бежать в ужасе с Русской земли, бросив остатки погибающей рати.

Избежать смерти или плена Дарию помогли греки-ионяне из подвластных персам средиземноморских колоний: они переправили остатки разбитого войска через Дунай, а скифов пустили по ложному следу. С тех пор гордые сыны степей навсегда затаили обиду на эллинов, считая их подлыми трусами, вероломными предателями и бессовестными лгунами. Даже мудрейший из них — скиф-философ Анахарсис — был убит собственными сородичами только за то, что слишком уж увлекся греческой культурой. Зато эллины сохранили о нем светлую память и включили его в состав «семи мудрецов», представлявших в античном мире критерий и эталон философской просвещенности. Хотя представление о составе «семи мудрецов» не совпадало у отдельных авторов, в подавляющем числе списков, наряду с Солоном и Фалесом, обязательно присутствовал Анахарсис. Одним из главных действующих лиц выступает он и в известном диалогическом трактате Плутарха «Пир семи мудрецов», где блещет своим умом, не уступая в мудрости ни одному из великих греков.

Вот что можно прочесть об Анахарсисе в известной книге Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»:

«...В Афины он прибыл в 48-ю олимпиаду, в архонтство Евкрата. Гермипп говорит, что он явился к дому Солона и велел одному из рабов передать, что к хозяину пришел Анахарсис, чтобы его видеть и стать, если можно, его другом и гостем. Услышав такое, Солон велел рабу передать, что друзей обычно

заводят у себя на родине. Но Анахарсис тотчас нашелся и сказал, что Солон как раз у себя на родине, так почему бы ему не завести друга? И пораженный его находчивостью, Солон впустил его и стал ему лучшим другом.

По прошествии времени Анахарсис воротился в Скифию; но там по великой его любви ко всему греческому он был заподозрен в намерении отступить от отеческих обычаев и погиб на охоте от стрелы своего брата, произнеся такие слова: „Разум оберег меня в Элладе, зависть погубила меня на родине“. Некоторые же утверждают, что погиб он при совершении греческих обрядов... Это он сказал, что лоза приносит три грозди: гроздь наслаждения, гроздь опьянения и гроздь омерзения.

Удивительно, говорил он, как это в Элладе участвуют в состязаниях люди искусные, а судят их неискусные. На вопрос, как не стать пьяницей, он сказал: „Иметь перед глазами пьяницу во всем безобразии“. Удивительно, говорил он, как это эллины издают законы против дерзости, а борцов награждают за то, что они бьют друг друга. Узнав, что корабельные доски толщиной в четыре пальца, он сказал, что корабельщики плывут на четыре пальца от смерти. Масло он называл зельем безумия, потому что, намаслившись, борцы нападают друг на друга как безумные. Как можно, говорил он, запрещать ложь, а в лавках лгать всем в глаза? Удивительно, говорил он, и то, как эллины при начале пира пьют из малых чаш, а с полными желудками — из больших. На статуе его написано: „Обуздывай язык, чрево, уд“.

На вопрос, есть ли у скифов флейты, он ответил: „Нет даже винограда“. На вопрос, какие корабли безопаснее, он ответил: „Вытащенные на берег“. Самое же удивительное, по его словам, что он видел у эллинов, — это что дым они оставляют в горах, а дрова тащат в город. На вопрос, кого больше, живых или мертвых, он переспросил: „А кем считать плывущих?“

Афинянин попрекал его, что он скиф; он ответил: „Мне позор моя родина, а ты позор твоей родине“. На вопрос, что в человеке хорошо и дурно сразу, он ответил: „Язык“. Он говорил, что лучше иметь одного друга стоящего, чем много нестоящих. Рынок, говорил он, — это место, нарочно назначенное, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга. Мальчику, который

оскорблял его за вином, он сказал: „Если ты, мальчик, смолоду не можешь вынести вина, то в старости придется тебе носить воду“»...

Память о скифе-философе продолжала жить и в последующие эпохи. Во времена Великой французской революции его имя даже присваивали себе некоторые якобинцы: например, Анахарсис Клоотс — выходец из Пруссии, просветитель и атеист, известный своими крайне радикальными взглядами, которого Робеспьер отправил на гильотину.

* * *

Довелось скифам соприкоснуться и с «повелителем Вселенной» — Александром Македонским. Первый раз это произошло, когда его отец Филипп поручил тогда еще юному Александру разгромить несметную орду приближающихся с севера скифов (рис. 48). Эллинистический историк Псевдо-Каллисфен называет цифру 400 000; македонян было в десять раз меньше. Далее произошло следующее:

Рис. 48. Скиф, сражающийся с греческим всадником

«Скифское войско было бесчисленно, но счастье Александра было непреодолимо. И вот он берет с собою немногих людей, занимает одну горную вершину и, видя значительное число неприятелей, высматривает удобное место, которое было для

них выгодно, а скифам неизвестно. Вернувшись, он берет с собою всю свою рать и ночью расставляет ее вокруг скифских полчищ. В недоступном месте он ставит засаду, приказав спрятаться в ней двум тысячам отборных мужей, а всем окружавшим скифов он приказал зажечь костры по группам в 38 человек и больше. Когда это было сделано, скифы, осмотревшись повсюду, видят в том месте, где Александр устроил засаду, как бы свободу от огней. Увидев величину македонской рати и испугавшись, они решили ночью спастись оттуда бегством. Они немедленно обратились в бегство, покинув весь обоз. Александр, увидев это, бесшумно последовал за ними со всеми своими войсками. Когда скифы вступили в место засады, Александр в тылу их затрубил в трубы, македоняне подняли крик, скифы стали толкать друг друга, засадный отряд оказался впереди их, другие напали на них сверху, — и скифы остановились, ничего не ожидая, кроме смерти. Они стали просить пощады, но македоняне беспрепятственно резали всех их. Александр сжалился над ними и тотчас повелел прекратить резню, приказав всех связать и привести в его войско, чтобы придумать, что с ними делать. Когда они отошли на указанное место, Александр приказал представить их начальников. Они предстали, дрожащие от страха, и Александр говорит им: „Вы видели, как провидение предало вас в руки македонян и вы не могли противостоять следам ног наших. Рабы вы мои или нет?“ Они со страхом сказали: „Мы рабы твои, государь, и мы будем служить тебе вовеки по желанию твоему“. И, пав ниц на землю, поклонились ему. Александр, отнесясь к ним благосклонно, приказал освободить их от оков и велел войти вместе с ними в столицу Филиппа, чтобы показать трофей своей победы, а затем дозволил возвратиться восвояси и приказал платить ежегодную дань македонянам».

В следующий раз встреча произошла в пределах завоеванной Центральной Азии, в древнем городе Мараканде (современный Самарканд). У ног баловня судьбы лежало уже полмира. Скифский царь, памятуя о прошлом разгроме, прислал послов к Александру с предложением о мире и союзе. Речь шла о нынешних российских территориях, коими владели скифы, — придонских степях. На берегу Дона (по-гречески Танаиса) Александр Македонский велел скифам воздвигнуть

неприступную крепость — северный форпост мировой державы и опорный пункт для дальнейшего продвижения на север. Однако донской Александрии не довелось поражать своим блеском покоренные народы — величайший полководец Древнего мира вскоре неожиданно скончался в самом расцвете сил.

Эллины, а впоследствии и римляне, относившиеся к скифам высокомерно, как к диким варварам, не жалели красок для описания жутких нравов, царивших в скифской среде: поедание родителей, ставших обузой для детей, ослепление пленников, отрезание голов у побежденных врагов, вываривание черепов и превращение их в сосуды для винопития — такие свидетельства древних авторов и поныне заставляют содрогаться читателей. Впрочем, Геродот повествует обо всем вполне бесстрастно:

«Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принеся голову врага получает свою долю добычи, а иначе — нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготавливают чехлы для своих колчанов. Человеческая кожа, действительно, толста и блестяща и блестит ярче почти всякой иной. Многие скифы, наконец, сдирают всю кожу с вражеского трупа, натягивают ее на доски и затем возят ее с собой на конях.

Таковы военные обычаи скифов. С головами же врагов (но не всех, а только самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают черепа до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей и в таком виде пользуется им. Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников (если поссорятся с ними и

когда перед судом царя один одержит верх над другим). При посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел. Такой поступок у скифов считается доблестным деянием.

Раз в год каждый правитель в своем округе prepares сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом».

Греческие и римские писатели почему-то нигде не вспоминают, что на заре формирования средиземноморских цивилизаций и тем более еще раньше — когда предки и прапредки основателей высокоразвитых культур еще находились в состоянии варварства — среди них бытовали не менее страшные обычаи. Сатурн-Крон, оскоряющий отца и проглатывающий собственных детей, Антей, воздвигающий кумирни из черепов убитых им путников, — все это мифологизированные воспоминания о далеком и сравнительно недавнем прошлом самих хранителей подобных преданий. Похожие обычаи, связанные с черепами, бытовали и у других народов. У кельтов существовал даже культ черепов. Из черепа киевского князя Святослава был сделан кубок для победившего его печенежского князя Кури. Славяне в древности насаживали головы убитых врагов на кол и окружали ими свои жилища: память о том сохранилась хотя бы в архаичной русской сказке о Василисе Прекрасной, запечатлевшей матриархальные времена: здесь описана избушка Бабы Яги, где на заборе из человеческих костей торчат людские черепа с горящими глазами.

Запомнились античным авторам и устрашающие скифские военные значки в виде драконов, развивающихся на длинных шестах. Про них рассказал известный историк II века н. э. Арриан, правда, в связи с событиями, происходившими задолго до того. Скифы сшивают своих страшных драконов из цветных лоскутьев в большом множестве. Однако главная выдумка заключается в другом. Когда кони стоят смирно, видны только обвисшие лоскутья. Но стоит подуть ветру или всем конникам устремиться вперед — картина незамедлительно меняется: над головами скифских всадников появляются огромные змеевидные тела с оскаленными мордами, которые к тому же издают устрашающий свист, похожий на

громкое шипение, переходящее в вой: так воздух проходит через хитроумно смонтированные свистульки.

Античные историки и географы достаточно точно представляли ареал расселения скифов как в Европе, так и в Азии. Не было для них секретом и генетическое родство между азиатскими *саками* и европейскими скифами. Имя последних, как уже упоминалось, нередко переносилось и на другие народы, что, впрочем, свидетельствует и об их прошлом этническом единстве. Так, в сочинениях античных землеописателей можно встретить утверждение, что скифы живут близ Кронийского (Кронидского) моря — так в древности именовался Северный Ледовитый океан. А назван он был так по имени Крона — вождя «партии титанов», отца Зевса и многих других олимпийских богов. Когда-то (как уже говорилось в 1-й части) Крон и другие титаны властвовали на северных Островах Блаженных (коррелят Гипербореи-Туле), где царил Золотой век. Эсхил в «Прометее прикованном» также называет Крайний Север «безлюдною пустыней диких скифов». Поэтому неудивительно, что у Плиния Старшего и в некоторых средневековых источниках Ледовитый океан именуется также и Скифским.

Насколько были связаны тогдашние народы, населявшие север Европы и Азии с собственно скифами (их древнейшее родство не подлежит сомнению), истории и археологии еще предстоит ответить. Впрочем, и здесь особой проблемы нет. Археологические раскопки в Сибири позволили раздвинуть границы скифско-сакской культуры, главной отличительной чертой которой является так называемый «звериный стиль» (рис. 49), до Забайкалья и Монголии. На Алтае, в течении Нижней Оби, в Туве были открыты выдающиеся памятники скифской и доскифской истории, позволяющие лучше представить как происхождение самого этноса, так и неразрывные связи между европейскими и азиатскими скифами.

Рис. 49. Золотые и бронзовые украшения древних скифов, выполненные в «зверином стиле»

Достаточно познакомиться с сокровищами Пазырыкских курганов, раскопанных на Восточном Алтае, дабы воочию убедиться в сказанном. Сделать это нетрудно, так как большинство наиболее ценных и интересных в историческом плане предметов выставлено в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге (рис. 50). Для экспозиции потребовался огромный зал, ибо только такой вмещает огромный сруб из прекрасно сохранившихся лиственничных бревен — общей площадью около 12 квадратных метров, и высотой до полутора метра. Причем это лишь внутренняя часть погребальной камеры: имела еще и внешняя обшивка. Вырытая же археологами в грунте могильная яма имела площадь 55 квадратных метров и глубину 4 метра. В срубе находилась огромная колода-саркофаг, а в ней — мумифицированные трупы мужчины и женщины, по всей видимости, вождя и его жены (или наложницы). По определению антропологов, вождь умер в 55-летнем возрасте, его рост 176 сантиметров, что мало соответствует низкорослому монголоидному типу, представители которого испокон веков обитали на данной территории.

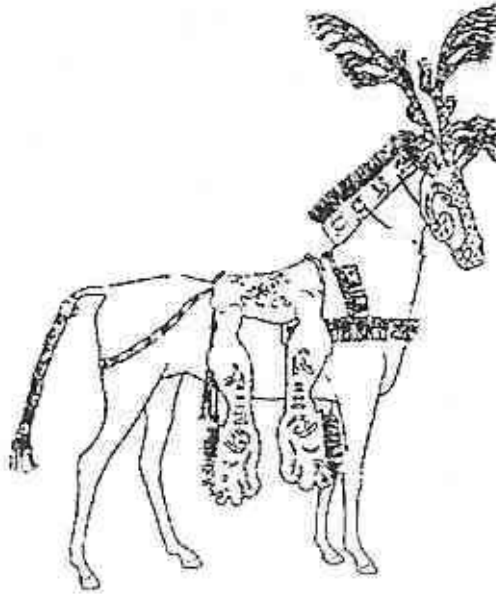

Рис. 50. Конь в уборе. Реконструкция. Первый Пазырыкский курган

Тем не менее для европейцев — особенно в прошлом — скифы ассоциировались прежде всего с причерноморскими и околочерноморскими (циркумпонтийскими) степями. Для античных авторов скифы и припонтийские территории были связаны неразрывно. Однако Черное море (Понт Евксинский — дословный перевод «Море Гостеприимное») в сочетании с обитавшими по его берегам скифами далеко не всегда вызывало у греков и римлян положительные эмоции. Эти настроения прекрасно переданы в одной из «скорбных элегий» поэта-изгнанника Овидия (43 год до н. э. — ок. 18 года н. э.), сосланного «божественным императором» Августом на десять лет в захолустный причерноморский город Томи (современный румынский порт Констанца):

*Времени ход для людей одинаков ли ныне, как прежде,
Только ли к жизни моей стало жестоким оно
Здесь, где у моря живу, что прозвано лживо Евксинским,
Скифским побережьем пленен, истинно мрачной землей?
Дикая тут племена — не счесть их! — войной угрожают,
Мнят позорным они жить не одним грабежом.
Небезопасно вне стен, да и холм защищен ненадежно
Низкой непрочной стеной и крутизною своей.
Ты и не ждал, а враги налетают хищною стаей,*

*Мы не успеем взглянуть — мчатся с добычею прочь.
Часто в стенах крепостных, хоть ворота всегда на запоре,
Стрелы, сулящие смерть, мы подбираем с дорог.
Редко решается кто обрабатывать землю; несчастный
Пашет одною рукой, держит оружие другой.*

.

*Нас укрепления едва защищают, и даже внутри их,
Смешаны с греками, нас скопища диких страшат.
Ибо живут среди нас, безо всякого с нами различья,
Варвары: ими домов большая часть занята.
Пусть в них опасности нет, но они отвратительны с виду
В шкурах звериных своих, с космами длинных волос...*

(Перевод С. Шервинского)

Похоже, Овидий сочинял очередную элегию в состоянии глубочайшей депрессии. Искусные воины (рис. 51), доходившие до Египта, сокрушавшие бесчисленные полчища персов и не раз одержившие победы над эллинами, римлянами и разными кочевыми соседями, заслуживают более возвышенных стихов.

Рис. 51. Скифские воины (реконструкция)

Скифы вполне обустроили кочевой образ жизни. Одни погружали войлочные кибитки на четырехколесные возы, впрягали в них по две, а то и по три пары волов с отпиленными рогами, и сей город на колесах отправлялся в свободное плавание по безбрежному степному морю. Модели таких жилищ (то ли детские игрушки, то ли памятные фигурки) сохранились до наших дней (рис. 52). Когда требовалось, кибитки снимались и превращались в обычные юрты. Они использовались и для жилья и в качестве бани, первенство в ее открытии и дальнейшем повсеместном распространении также принадлежит скифам. Причем мылись примерно так же, как и сейчас: калили на костре камни, клали их в чаны с водой и парились, пока не сойдет семь потов.

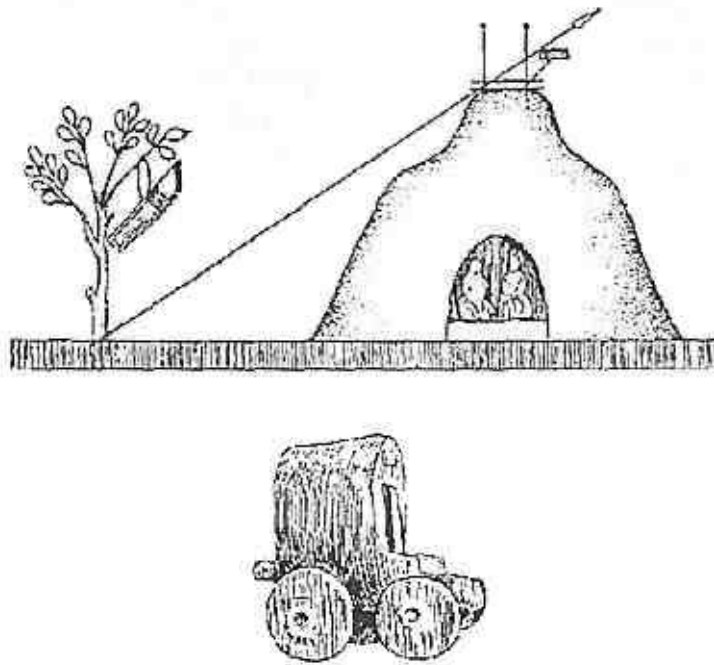

Рис. 52. Юрты скифов:
вверху — юрта Анфестерия (фреска из Керчи);
внизу — юрта на колесах (детская игрушка из глины)

Как рассказывает Геродот, процедура омовения в бане практиковалась и после похоронного обряда, по истечении 40 дней после смерти скифа. Как видим, в смысле сороковин ничего с тех пор не изменилось. Правда, скифы в течение всего названного времени возили забальзамированного

покойника по ближним и дальним родственникам, устраивая всюду поминки, во время которых умершему предлагались те же яства, что и остальным. И только через 40 дней, когда полагающиеся поминальные обычаи были полностью выполнены, умершего хоронили, насыпая над телом высокий курган.

А бывало еще — собирались мужики в юрте, закрывали все щели и разжигали на костерке какие-то наркотические травы, вроде конопли, и дурманили себе башку. Курительных трубок ведь тогда еще не знали; вместе с табаком они впервые попали в Европу на каравеллах Колумба, возвратившихся в Испанию после открытия Нового Света.

Хотя у скифов практиковалось многоженство, насильников чужих жен карали безжалостно и жестоко. В одном из описаний Скифии, принадлежащих Псевдо-Плутарху, рассказывается о необычном «орудии» казни, получившем у скифов название «уста нечестивых». Это — круглое отверстие в земле, похожее на колодец. Туда бросали уличенного в покушении на честь чужой жены, предварительно зашив насильника в кожу. Спустя 30 дней полусгнившее тело, кишачье червями, доставалось и демонстрировалось народу, дабы впредь кому-то еще неповадно было.

И сколько бы времени ни прошло, какие бы новые напасти ни обрушились на Русскую землю, все новые и новые поколения будут по-прежнему обращаться к историческим истокам русского народа и, быть может, по-новому переосмысливать старые-престарые стихи. Например, такие:

*Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов.
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Бросив замок Ольвийский с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.*

*Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи
От востока на запад молитвенным светят лучом.
Только богу войны темный хворост слагаем мы в кучи
И вершину тех куч украшаем железным мечом.*

*Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагрянем,
И бесстрашно насытим мы алчные души свои.
И всегда на врага тетиву без ошибки натянем,
Напивавши стрелу смертоносною жёлчью змеи.*

*Налетим, прошумим — и врага повлечем на аркане,
Без оглядки стремимся к другой непочатой стране.
Наше счастье — война, наша верная сила — в колчане,
Наша гордость — в незнающем отдыха быстром коне.*

Константин БАЛЬМОНТ

Глава 7

САРМАТИЯ — ЗНАЧИТ, РОССИЯ

*Рысья шапка и глаза косые,
Уходите, скройтесь от беды!
Вихрь железный на степях России
Заметет поблекшие следы...*

Сергей МАРКОВ

Долгое время с легкой руки знаменитого античного ученого-энциклопедиста II века н. э. Клавдия Птолемея, составившего подробную карту мира и начертавшего на месте современной России — «Сарматия», русских — особенно их западные соседи — именовали «сарматами». Еще в начале XVI века один из основоположников польской историографии Мацей Меховский (1457–1523) следующим образом излагал географию России в популярном «Трактате о двух Сарматиях»:

«Древние различали две Сарматии, соседние и смежные друг с другом, одну — в Европе, другую — в Азии. В Европейской есть области: руссов, или рутенов, литовцев, москов [так именовались жители Москвы и подданные Московского князя — по имени Ноева внука Моска, якобы первым основавшего нынешнюю столицу России. — В.Д.] и другие прилегающие к ним между рекой Вислой на западе и Танаисом [Доном] на востоке, население которых некогда называлось гетами. В Азиатской же Сарматии от реки Дона, или Танаиса, на западе до Каспийского моря на востоке, ныне живет много татарских племен».

Далматинский историк XVII века Мавро Орбини, родоначальник южнославянской исторической мысли, опираясь на ныне утраченные летописи, в своем фундаментальном труде «Славянское царство» (1601), написанном по-итальянски, сообщает: «Когда все остальные славяне оставили Сарматию и направились кто к Немецкому морю, кто, избрав иной путь, к Дунаю, московиты остались на своих исконных землях. <.....> Сейчас, как и в прежние времена, живут они в Европейской Сарматии, значительно раздвинув силой оружия границы своей империи». (Кстати,

хроника Мавро Орбини была переведена на русский язык и издана в 1722 году по личному указанию Петра I под названием «Книга Историография початия имене, славы и расширения народа славянского...»). С подобного же утверждения начинается и очень любопытная в фактологическом отношении, хотя и поздняя (XVII век), Густинская летопись: «Розшедшуся Словенскому народу в Сармации седешу комуждо на своем месте...» Аналогичным образом высказывался и М.В. Ломоносов в «Кратком российском летописце»:

«Славяне и чудь по нашим, сарматы и скифы по внешним писателям были древние обитатели России. Единородство славян с сарматами, чудь со скифами для многих ясных доказательств неоспоримо. Народ славенский усилиясь притеснил чудь к сторонам восточным и северным и часть оные присовокупил в свое соединение».

Античные авторы дают двоякое написание этого народа — «сарматы» и «савроматы». Современные исследователи истолковывают такое разночтение по-всякому: одни считают, что речь идет о разных народах; другие — что об одном и том же народе, но на разных стадиях развития; третьи же видят в различной вокализации этнонима всего лишь непонимание греческими и римскими писателями смысла и этимологии автохтонного названия и передачу его понаслышке.

Безусловный интерес представляют корневые основы данного слова — «сар» и «мат»: обе они наидревнейшего происхождения. Например, корень «сар» является базисным во множестве географических понятий: *Сарды* (столица древней Лидии), *Саркел* (столица Хазарского каганата), *Сарай* (столица Золотой Орды), города *Сараево* и *Сарагоса*, *Саар* — река во Франции (отсюда *Саарский* угольный бассейн), *Саргассово* море, *Саронический* залив в Эгейском море, эстонский остров *Сааремаа* в Балтийском море, в России — города *Саров*, *Саратов*, *Саранск*, *Сарапул* и т. п. Тот же корень положен в основу личных имен: *Саргон* и *Сарданапал* (библейская вокализация царских имен правителей Ассирии), *Сардури* (царь в Урарту), *Саркис* (древнеармянское Божество), *Сарра* (распространенное еврейское женское имя; дословно — «знатная», «княгиня»); названий древних племен: помимо *сарматов*, еще и *сарацины*, *сарды* (от последнего — современное название *Сардинии*); других понятий: *сарыч* (птица из семейства ястребиных), *сарафан*, *сари* (женская одежда в Индии), *саранча* и др.

Несомненное внимание привлекает и древнее карело-финское название Лапландии — *Сариола* (известное по «Калевале»), и имена архаичных индоарийских женских божеств — *Сарасвати* и *Саранью*. Сарасвати — священная река древних ариев, ставшая богиней и женой бога-Творца Брахмы. Ее речная и шире — водная — сущность (имя Сарасвати так и переводится — «относящаяся к воде») сопрягается с лапландскими мифологическими и реальными реками. Так, река *Сара*, которая фигурирует в карело-финском эпосе «Калевала», относится именно к Лапландии-Сариоле. Порожистая река точно с таким же названием *Сара* известна и сегодня в Русской Лапландии, где она впадает в Ловозеро (здесь же находится и *Саранчозеро*). Есть все основания полагать, что и в данном случае гидронимы Кольского полуострова сохранили следы древнейшего мировоззрения и взаимодействия пракультур, впоследствии сделавшихся самостоятельными. Значение другой ведийской богини — Саранью — в структуре индоарийского пантеона не меньшее чем у Сарасвати. Саранью — дочь одного из космических демиургов — Тваштара, жена первосоздателя людей — Вивасвата, мать бога подземного царства Ямы, его сестры Ями и светлоликих близнецов Ашвинов. Она тесно связана с архаичным солярным культом, и поэтому неудивительно, что именно ее следы обнаруживаются в краю древнего Солнечного божества — Колы, по имени которого названы и река Кола, и сам Кольский полуостров.

В хронике средневекового историка Иордана «О происхождении и деяниях гетов» рассказывается об эпохе, когда славянские племена в преддверии нашествия гуннов попали под германское иго. Последний властитель готской оккупационной империи — Германарих — был смертельно ранен (мечом — в бок) двумя русскими витязями, которые мстили за поруганную честь и смерть сестры (Германарих вскоре скончался от полученной раны, а его лоскутная держава распалась под ударами восставших славянских племен и гуннской орды). Имя одного из мстителей было *Сар*. Считается, что данное имя собственное породило русское слово «царь». Как уже говорилось, в некоторых северных диалектах (и соответственно — в фольклоре) «царь», собственно, так и произносится — «сар» (например, некоторыми сказителями-старообрядцами Русского Устья на Индигирке): «Жил-был сар. У сара три дочери». И т. д.

Возможно, это поможет разгадать и значение этнонима «сарматы», приблизить его к общеиндоевропейскому и общемировому лингвистическому первоисточнику. В главе 4 части I мы уже рассматривали лексемы «сар» и «мат»: если «сар» означает «царь», а «мат» — «мать», то «сар» + «мат» означает «царская мать». Напомню в данной связи еще раз и

верного слугу Индры из собачьего тотема — Сараму, чье имя также можно интерпретировать в указанном смысле. Не лишено вероятности, что оно напрямую связано с индоевропейским этнонимом «сарматы». Такая семантика вполне соответствует стойким матриархальным традициям, бытовавшим в этом племени, где верховодили женщины, нося одинаковую с мужчинами одежду и наравне с ними участвуя в боевых действиях. Об этом в один голос сообщают многие античные авторы:

«...Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей, и поселяются на жительство с мужьями не прежде, чем совершат обычные жертвоприношения. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступить в поход...»

О решительности, мужественности и воинственности сарматских женщин свидетельствует рассказ историка II века н. э. Полиена, помещенный в его сборнике «Военные хитрости». Царица Амага, жена Медосакка, царя сарматов, живших в то время на Понтийском побережье, видя, что супруг предается необузданному пьянству, взяла власть в свои руки и стала во главе войска, сражавшегося со скифами. Дабы остановить беспрестанные скифские набеги на союзный Херсонес, она послала скифскому царю ультиматум. Но царь не внял голосу разума и отверг предложения о мире. Тогда Амага самолично отобрала 120 человек, «сильнейших душой и телом» (как отмечает рассказчик), дала каждому по три лошади и, проскакав с ними в одни сутки 1200 стадиев (более 200 километров), внезапно появилась в ставке скифского царя и перебила всех охранявших его стражников. Скифы опешили, решив, что на них напало огромное войско, а Амага тем временем стремительно ворвалась во дворец, убила царя вместе со всеми родственниками и друзьями за исключением одного сына, которого немедленно заставила подписать договор о «вечном мире» с эллинами и сарматами.

Но не одна лишь беспредельная храбрость явилась причиной впечатляющих побед сарматов над противниками. Моральный фактор они не менее успешно подкрепляли материальным, обогатив историю военного искусства созданием тяжеловооруженной конницы. Себя и коней они облекали в чешуйчатые панцири, сделанные из распиленных на пластины лошадиных копыт. Такой панцирь легко выдерживал прямые удары мечей и

копий даже в ближнем бою. Тяжелая же панцирная конница, собранная в наступательные отряды, представляла собой практически несокрушимую силу. Построенная клином в тесно сомкнутом строю, она прорывала любое построение и при массированном кавалерийском ударе не знала себе равных. Сарматский воин в панцирных доспехах с длинным мечом и невероятных размеров пикой получил название *катафрактария*. При этом конь у сарматов не всегда закрывался панцирем (рис. 53). В дальнейшем их тактику переняли парфяне и союзные с ними армяне, успешно громившие римские легионы. К тому времени панцирные пластины были заменены на металлические, что еще больше усилило мощь броненосной конницы. Античные авторы оставили впечатляющие описания неотразимых ударов катафрактариев:

Рис. 53. Катафрактарий (современная реконструкция)

«...Все они сидели на своих лошадях, как статуи, к их конечностям были подогнаны доспехи, которые точно соответствовали формам человеческого тела. Они покрывали руку от запястья до локтя, а оттуда до плеча, в то время как пластинчатая броня защищала плечи, спину и грудь. Голова и лицо были покрыты шлемом с металлической маской, которые делают их носителя выглядящим, как статуя, потому что даже бедра и ноги и самые кончики ног покрыты доспехом. Он соединен с панцирем прекрасным кольчужным плетением, наподобие ткани, так что ни одна часть тела не остается

видимой и непокрытой, потому что это плетеное покрытие защищает руки и является таким гибким, что носители его могут даже сгибать пальцы».

Особенно поражали пики, достигавшие в длину четырех с половиной метров. Широким ремнем они крепились к шее лошади, и всадники держали их обеими руками, свободно направляя в нужную сторону. На скаку подобная боевая конструкция приобретала невероятную убойную силу, запросто пробивая насквозь сразу двух человек со щитами и в латах. По существу, каждый катафрактарий представлял собой мчащийся таран, тысяча катафрактариев — летящую стену из тысячи таранов:

«Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья, он [катафрактарий. — В.Д.] мчится на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе. Острые копы сильно выдается вперед, само копы ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе копы, в схватках копы не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колет кого ни попало, одним ударом часто пронзая двоих. <...> Вся сила этой броненосной конницы — в копиях, у нее нет никаких других средств защитить себя или нанести вред врагу, так как она словно замурована в свою тяжелую негнущуюся броню».

Не правда ли, некоторые виды сарматского вооружения и доспехов во многом напоминают воинское снаряжение русских богатырей, какими мы их представляем по былинам или картинам Виктора Васнецова или Ивана Билибина? Удивляться не приходится: мы — прямые наследники сарматов, в том числе и по воинским доспехам (сказанное, правда, не относится к тактике конного боя катафрактариев — ее славяне не переняли).

Одним из сарматских племен были *роксоланы*, известные более под именем *росолан* или же *росалан*. В первом слого данного этнонима многие видят название проторусских племен. Думается, такое предположение близко к истине. В «Географии» Страбона *росоланы* описываются как кочевники, перемещающиеся по степи в кибитках из войлока, пасущие скот и собирающие дань с подвластных народов. В «Велесовой книге» они поименованы *русколанам*, а Русская земля — *Русколанью*.

Основным врагом сарматов с самого момента их появления в придонских и причерноморских степях были скифы. Превосходство в организации, численности, вооружении и боевой тактике быстро привели к тому, что скифы оказались вскоре вытесненными со своих исконных территорий. При этом сарматы действовали безжалостно, нередко истребляя на своем пути все живое. Диодор Сицилийский свидетельствует, что сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Беллетризированное свидетельство самих скифов о своем противоборстве с сарматами вложил в уста героя одного из своих диалогов Лукиан. Как рассказывает скиф Токсарид, сарматы, нападая на скифов, ведут себя, как и любые захватчики: хватают пленных, угоняют скот, грабят жилища, насилуют женщин, убивают безвинных.

Естественно, при такой ситуации Скифия стала называться по имени новых властителей и хозяев Сарматией. Затем это название было перенесено на всю Россию и сохранялось таковым особенно на Западе до Нового времени. Римляне (в отличие от эллинов) также предпочитали именовать северные от Черного моря территории Сарматией, хотя прекрасно понимали отличие скифов от сарматов, одинаково ненавидя и презирая тех и других. Не избежал этого и Овидий: в одной из «скорбных элегий» он ожесточенно обрушивается на сарматов — «народ дикарей», лишаящий одним видом своим его, Овидия, творческого вдохновения. С ужасом описывает он и «сарматские реалии»: тяжелые телеги, которые медленно тянут волы по льду замерзшего Дуная (Истра), вино, обратившееся в куски льда, сарматские стрелы, наконечники которых смазаны красящим ядом, и т. д.

* * *

Неудивительно, что именно с сарматами, у которых сохранились наиболее четко выраженные матриархальные отношения, связано и популярное античное предание об амазонках. Смысл данного романтического этнонима далеко не романтический. Амазонки — значит, «безгрудые» (*a* — «без»; *mazos* — «грудь»): матери выжигали каленым железом малолетним дочерям правую грудь, чтобы, когда те вырастут, им было удобнее натягивать тетиву и стрелять из лука (рис. 54). Аналогичный обычай существовал и у сарматов. Считалось, что именно они являются прямыми потомками амазонок. Геродот, пытаясь освободиться от

мифологического тумана, всю историю излагает следующим образом:

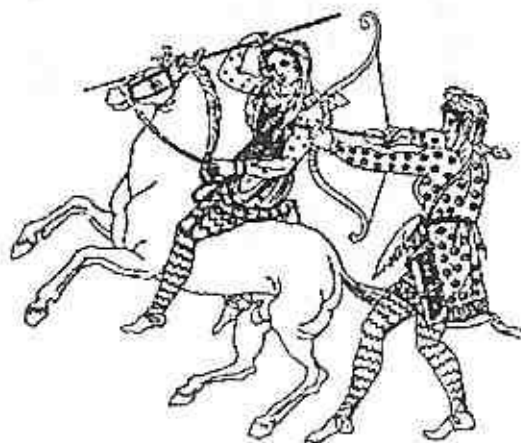

Рис. 54. Амазонки. С греческой вазы. V век до н. э.

«Эллины вели войну с амазонками (скифы называют амазонок „эорпата“, что по-эллински означает мужеубийцы; „эор“ ведь значит муж, а „пата“ — убивать). После победоносного сражения при Фермодонте эллины (так гласит сказание) возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми. В открытом море амазонки напали на эллинов и перебили [всех] мужчин. Однако амазонки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После убиения мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали наконец к Кремнам на озере Меотида. Кремны же находятся в земле свободных скифов. Здесь амазонки сошли с кораблей на берег и стали бродить по окрестностям. Затем они встретили табун лошадей и захватили его. Разъезжая на этих лошадях, они принялись грабить Скифскую землю.

Скифы не могли понять, в чем дело, так как язык, одеяние и племя амазонок были им незнакомы. И скифы недоумевали, откуда амазонки явились, и, приняв их за молодых мужчин, вступили с ними в схватку. После битвы несколько трупов попало в руки скифов, и таким образом те поняли, что это женщины. Тогда скифы решили на совете больше совсем не убивать женщин, а послать к ним приблизительно столько молодых людей, сколько было амазонок. Юношам нужно было

разбить стан поблизости от амазонок и делать все, что будут делать те, если амазонки начнут их преследовать, то они не должны вступать в бой, а бежать. Когда же преследование кончится, то юноши должны опять приблизиться и вновь разбить стан. Скифы решили так, потому что желали иметь детей от амазонок.

Отправленные скифами юноши принялись выполнять эти приказания. Лишь только женщины заметили, что юноши пришли без всяких враждебных намерений, они оставили их в покое. Со дня на день оба стана все больше приближались один к другому. У юношей, как и у амазонок, не было ничего, кроме оружия и коней, и они вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотой и разбоем. В полдень амазонки делали вот что: они расходились поодиночке или по двое, чтобы в стороне отправлять естественные потребности. Скифы, приметив это, начали поступать так же. И когда кто-нибудь из юношей заставал амазонку одну, женщина не прогоняла юношу, но позволяла вступить с ней в сношение. Разговаривать между собой, конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала юноше, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое и она явится с подругой. Юноша возвратился и рассказал об этом остальным. На следующий день этот юноша явился на то же место вместе с товарищем и застал там уже ожидающих его двух амазонок. Когда прочие юноши узнали об этом, они укротили и остальных амазонок.

После этого оба стана объединились и жили вместе, причем каждый получил в жены ту женщину, с которой он впервые сошелся. Мужья, однако, не могли выучиться языку своих жен, тогда как жены усвоили язык мужей. Когда наконец они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: „У нас есть родители, есть и имущество. Мы не можем больше вести такую жизнь и поэтому хотим возвратиться к своим и снова жить с нашим народом. Вы одни будете нашими женами и других у нас не будет“. На это амазонки ответили так: „Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли.

Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить. Если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и желаете показать себя честными, то отправляйтесь к вашим родителям и получите вашу долю наследства. Когда вы возвратитесь, давайте будем жить сами по себе“.

Юноши послушались жен и так и поступили: они возвратились к амазонкам, получив свою долю наследства. Тогда женщины сказали им: „Мы в ужасе от мысли, что нам придется жить в этой стране: ведь ради нас вы лишились ваших отцов, и мы причинили великое зло вашей стране. Но так как вы хотите взять нас в жены, то давайте вместе сделаем так: выселимся из этой страны и будем жить за рекой Танаисом“. Юноши согласились и на это. Они переправились через Танаис и затем три дня шли на восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида. Прибыв в местность, где обитают и поныне, они поселились там. С тех пор савроматские женщины сохраняют свои стародавние обычаи: вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами».

Предания об амазонках распространены по всему миру. Естественно, в разных странах они именуются по-разному. Но дошедшие до нас и, к счастью, записанные сказания — несомненный отголосок древнейшей эпохи, когда миром правили женщины. В одном из старинных русских Азбуковников, опубликованном Иваном Петровичем Сахаровым во 2-м томе «Сказаний русского народа» (1836–1837), поясняется: «Амазонки: есть в Мурских странах земля, нарицаемая Амазоницкая, в ней же царствуют едины девы чистыя, нарицаемые Амазонки, иже храбростью и умом всех одолевают». Исследователи данного текста предположили, что «мурские» здесь означает «мурманские», и речь в Азбуковнике идет о Кольском полуострове.

Память о тех временах сохранилась и в других районах Крайнего Севера — от Лапландии до Чукотки. Матриархальные традиции лопарей-саамов общеизвестны. Что касается чукчей, то еще в прошлом веке в петербургской немецкоязычной газете (выходила и такая — «*Petersburgische deutsche Zeitung*». 1876. № 126) была опубликована

архивная запись почти столетней давности, сделанная на Чукотке: «На берегу Ледовитого океана есть страна, где живут только одни женщины, оплодотворяемые волнами моря, и рожают только девочек...»

Глава 8

НАВОДИВШИЕ УЖАС (ВАНДАЛЫ)

*Народы хлынули, свирепы, дики;
Мрак разостлался, тягостен, уныл;
Казалось: луч наук навек почил...*

Валерий БРЮСОВ

Имя вандалов (рис. 55) и производное от него слово «вандализм» давно уже занесены в разряд полуругательных, предполагающих необузданную дикость и бессмысленное разрушение. Такое представление о вандалах возникло и укрепилось после того, как они захватили и разграбили Рим. Однако истинное положение дел не вполне соответствует устойчивому и живучему клише. Во-первых, почти за полвека до вандалов (в 410 году н. э.) основательный погром Рима учинили вестготы во главе с Аларихом: после длительной осады Вечный город был взят штурмом, сожжен и разграблен. Во-вторых, появление вандалов у стен столицы Западной Римской империи в 455 году под водительством «короля» Гензериха произошло по приглашению императрицы Евдоксии, она с помощью варваров хотела расправиться с собственным мужем — императором Петронием Максимом, отомстив ему таким образом за ранее учиненное насилие.

Рис. 55. Вандальский всадник. Мозаика. VI век

Предшествующая история оказалась запутанной и полной невероятных интриг. Популярный в народе сенатор Петроний Максим участвовал в заговоре и убийстве императора Валентиана III, правившего целых 30 лет и отличавшегося по примеру большинства римских императоров крайней распущенностью. Среди прочих он склонил к сожителству добродетельную жену сенатора Петрония Максима, которая, не вынеся позора, покончила с собой. Сенатор решил отомстить и, когда после убийства Валентиана он был неожиданно для всех провозглашен императором, тотчас же обвинил ее вдовую-императрицу против ее воли. Но теперь месть замыслила Евдоксия. Не имея иной поддержки, она обратилась за помощью к вандалам. И те не заставили ждать. В скором времени мощнейший варварский флот преодолел расстояние от Карфагена, ставшего к тому времени столицей вандальского государства, до Италии и двинулись на Рим.

Новоиспеченный император Петроний Максим оказался «факиром на час»: он процарствовал всего три месяца. Как только стало известно, что полчища Гензериха движутся к Вечному городу, народ восстал, императора забили камнями, а тело сбросили в Тибр. Ворота Рима, однако, оставались открытыми настежь. К предвкушавшим легкую добычу варварам выехал лишь римский первосвященник папа Лев, но его увещевания окончились ничем. Что было дальше, можно узнать из классического многотомного сочинения Эдуарда Гиббона (1737–1794) «История упадка и разрушения Римской империи».

Итак, не встретив никакого сопротивления, Гензерих подошел к воротам беззащитного города. Рим и его жители сделали жертвами бесчинства вандалов и мавров, которые, удовлетворяя свои страсти, отомстили за старые унижения, вынесенные Карфагеном. Грабеж продолжался четырнадцать дней и ночей, и все, что было ценного в городе, все сокровища как духовенства, так и мирян были перенесены на Гензериховы корабли. В числе добычи находились драгоценные украшения и реликвии всех храмов. С храма Юпитера Капитолийского, символа былого величия Рима, была снята и увезена половина крыши.

Украшения императорского дворца, великолепная императорская мебель и гардероб, буфеты, наполненные посудой из цельного золота и серебра, — все это сваливалось в кучу с неразборчивой жадностью; стоимость награбленного золота и серебра доходила до нескольких тысяч талантов; тем не менее варвары с усердием переносили на свои корабли даже медь и бронзу. Во дворцах и виллах знати не осталось не одной металлической вещи. Вторично овдовевшая Евдоксия, вышедшая

навстречу к своему «другу и освободителю» Гензериху, скоро стала оплакивать неблагоприятие своего поведения. С нее грубо сорвали все драгоценности, и несчастная императрица вместе с двумя дочерьми была вынуждена следовать в качестве пленницы за надменным вандалом, который немедленно пустился в обратный путь и после благополучного плавания возвратился в карфагенский порт. Несколько тысяч римлян обоего пола, от которых можно было ожидать какой-нибудь пользы или удовольствия, были насильственно увезены на кораблях Гензериха, а их бедственное положение еще ухудшалось от бесчеловечия варваров, которые при распределении пленников разлучали жен с мужьями и детей с родителями. Одну из подобных душераздирающих сцен попытался изобразить на достаточно впечатляющем и экспрессивном полотне известный русский художник Карл Брюллов (рис. 56).

**Рис. 56. Нашествие Гензериха на Рим. Фрагмент.
Художник К.П. Брюллов**

Вообще ничего нового в хрониках разграбления Рима не сообщается. Победители вели себя подобным образом всегда. Римляне во времена своего могущества точно так же грабили захваченные города, а пленников либо убивали, либо уводили в рабство. До них так же поступали египтяне, ассирийцы, хетты, персы, македонцы, после них — крестоносцы, воины

Чингисхана и Тимура. Нравы всегда были жестокие. Предки русских здесь не исключение. Сохранились доподлинные свидетельства на сей счет. Они относятся к тем временам, когда славяне вступили в противоборство с Византийской империей. Тогда одно только появление русов наводило на византийцев дикий ужас. Житийная литература, вообще чуждая каким-либо эмоциям, бесстрастно сообщала:

«Было нашествие варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские правами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный на деле и по имени народ, — начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их нечестивые алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого готового противостоять. Лугам, источникам, деревьям воздается поклонение...»

Примечательно, что этноним «русь» применительно к коренному населению Русской земли употребляется здесь намного раньше «Повести временных лет», где он сопряжен с именем варягов, впрочем, тоже русских людей (см. заключительную главу 3-й части). Константинопольский патриарх Фотий посвятил нашествию россов на Византию в 860 году специальное сочинение. Его лапидарные формулировки не дают никаких поводов для двусмысленных толкований:

«...Я вижу, как народ грубый и жестокий окружает город, расхищает городские предместья, все истребляет, все губит — нивы, жилища, пастбища, стада, женщин, детей, старцев, юношей, — всех поражает мечом, никого не жалея, ничего не щадя. Всеобщая гибель! Он, как саранча на жатву и как плесень

на виноград, или, лучше, как зной или тифон, или наводнение, или не знаю, что назвать, напал на нашу страну и истребил целые поколения жителей... Этот скифский, и грубый, и варварский народ, как бы выползши из самых предместий города, подобно полевому зверю, истребляет окрестности его. ...Достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием, неожиданный, незамеченный, без военного искусства, так грозно и так быстро нахлынул на наши пределы, как морская волна, и истребил живущих на этой земле, как полевой зверь траву или тростник или жатву... Все было наполнено мертвыми телами. В реках вода превращалась в кровь, источники и водоемы, одни нельзя было распознать от того, что вместилища их были завалены мертвыми телами, от других оставались совершенно неясные следы прежнего вида, потому что брошенное в них наполняло остальные их части... Пещеры наполнились ими. Горы и холмы, лоцины и овраги нисколько не отличались от городских кладбищ. Таких страданий было исполнено это разрушение; так зараза этой войны, несомая на крыльях грехов наших, пролетала всюду, погубляя все встречающееся!»

Параллель между вандалами и русами проведена здесь вовсе не случайно, ибо речь идет об очень близких по духу и происхождению народах. Более того, по Иоакимовской летописи, наиболее важные и не дошедшие до нас фрагменты приводятся в «Истории Российской» Татищева, среди легендарных правителей Словенска, первой столицы Древней Руси, значится князь Вандал, который «владея славянами, ходя всюду на север, восток и запад морем и землею, многи земли на вскрай моря повоева и народы себе покоря, возвратися во град Великий». Далее летописец рассказывает о сыновьях Вандала — Изборе, Владимире и Столпосвяте, носивших, как нетрудно убедиться, чисто русские имена. Между прочим, на картине Карла Брюллова «Нашествие Гензериха на Рим» и сам «король» и воины-вандалы изображены как типичные русские дружинники.

Имя Вандал тоже славянское: об этом прямо говорят некоторые средневековые хронисты. В Польше до сих пор широко распространено одно из популярных женских имен — Ванда. Да и исконно русское имя Ваня, скорее всего, унаследовано от древнейшей эпохи, и лишь

сравнительно недавно, после принятия христианства, было совмещено с еврейским Иоанном (сопряжение же последнего с русским Иваном, скорее всего, происходило по упомянутой схеме). Дело в том, что древнескандинавский эпос знает целый класс богов — *ванов*, соперников *асов*. Наиболее известной представительницей *ванов* является богиня любви и красоты *Фрейя* (коррелят античной Афродиты-Венеры) — наперсница верховного скандинавского бога *Одина*.

Уместно предположить, что на определенной стадии распада одной из ветвей былой арийской общности *ваны* представляли собой идеологическую или религиозную доминанту (об этом косвенно свидетельствуют и недолго просуществовавшее *Ванское царство*, и легендарная земля *Вантит*, которая, согласно средневековым арабским источникам, располагалась где-то между Окой и верховьями Дона, и связующее слово «ван» в голландских фамилиях). Так вот, не лишено вероятности, что имя Вандал изначально означало «ван» + «дал», то есть «бог дал» (по аналогии с более поздним Богданом и образованным по той же схеме Валдаем и Дажьбогом).

Также и Мавро Орбини указывал в своем «Славянском царстве», что вандалы имели то же наречие, обычаи и веру, что и русские. И именно вандалы, по Орбини, послали на княжение в Великий Новгород Рюрика с братьями. Автор даже составил словарь русско-вандальских параллелей, из коего видно поразительное языковое сходство, переходящее в ряде случаев в полную тождественность лексем.

* * *

Данные южнославянского историка подтверждают и другие источники. Так, Сигизмунд Герберштейн прямо пишет в своих «Записках о Московии», что вандалы, к коим относились и варяги, «имели общие с русскими язык, обычаи и веру», что Гостомысл, «муж благоразумный и уважаемый новгородцами», посоветовал землякам пригласить на княжение «вандала» Рюрика вместе с братьями. Сообщение венского посла ценно еще и тем, что оно подтверждает факты, приводимые в Иоакимовской летописи (в частности, о посреднической роли знаменитого Гостомысла, историчность которого оспаривали русские историки XIX и XX веков, начиная с Карамзина).

На близкое родство с вандалами претендовали представители и других славянских народов. Уже упомянутый во 2-й части Мацей Меховский

утверждал в своем «Трактате о двух Сарматиях»:

«В тех местностях Великой Польши и Силезии лехиты, они же поляки, размножились, волей божьей весьма возросли числом и наполнили Вандалию, то есть Польшу у реки Ванда, ныне именуемой Вислой, а также Померанию, Касубию и всю область по Германскому морю, где ныне Марка, Любек и Росток, вплоть до Вестфалии. Они получили разные наименования, соответственно разным местам жительства. Те, что жили у реки Свены (по-тевтонски Спре или Спрева), названы были Сиевы. Другие близ них — от хижин и куч, которые они на своем польском языке зовут бурги, стали именоваться бургундами. Так и с прочими: древляне и травяне получили имя по обилию дерева и травы (позднее бургунды сели по Рейну, а Октавиан перевел их в Галлию». [Стоит ли после этого удивляться, что Ванда до сих пор остается в Польше одним из самых популярных женских имен? — В.Д.].

Вандалы — канонизированное название одного из ответвлений древнеславянской этнолингвистической общности, известной у поздних античных авторов под названием «венеды» (в ряде случаев «вандалы» так и писались — «венды»). В начале нового тысячелетия венеды заселяли обширные территории от западных рубежей современной России до нынешнего датского побережья Балтики, занимая практически всю территорию теперешней Германии. Германские племена в то время обитали намного западнее и лишь впоследствии вытеснили и ассимилировали славянские племена на их исконно славянских землях. Вполне допустимо, что германцы, завоевав балтийскую Вандалию, восприняли ее имя, подобно тому, как в дальнейшем это произошло с покоренной негерманской Пруссией. Впрочем, «исконность», так сказать, в данном случае не имеет никакого значения, ибо чем дальше в прошлое, тем меньше различий и больше социокультурного и языкового сходства у некогда единых индоевропейских этносов. Лишним подтверждением тому может служить и тот факт, что одно из кельтских племен на берегу Атлантического океана (территория современной Франции) также носило название *венетов*. О них подробно рассказывается в «Записках о галльской войне» Гая Юлия Цезаря. С учетом чередования гласных в корневой основе «вен — ван» можно предположить, что к ней восходит и название знаменитой французской «мятежной» провинции Вандеи.

Корень «вен» сохранился во многих словах русского языка: вено (выкуп за невесту, приданое), вена (кровеносный сосуд), венец, венок, веник и др. Данная корневая основа содержится и в персидском названии вступительной и наиболее архаичной части священной книги древних иранцев *Авесты*. В местах бывшего расселения венеков остались названия городов и рек, образованные от родового имени исчезнувшего народа. Среди них — достославные Вена и Венеция, а также города в Латвии в местах, где раньше жили древние славяне, — Вентспилс на реке Вента и Венден (первоначальное название Цесиса). Среди древних богов, коим поклонялись венеки, — знаменитая богиня любви Венера (по-латински *Venus*): ее культ восходит к истокам индоевропейской и доиндоевропейской этнокультурной общности, но соответствующее имя было воспринято лишь той частью отпочковавшихся народов, которые, мигрируя с севера и минуя Альпы, оказались в конечном счете на Апеннинском полуострове на территории Древнего Рима и современной Италии.

* * *

Вандалы в пору своего расцвета и могущества использовали военную тактику, хорошо знакомую по боевым действиям славян и их предшественников. Она изобиловала военными хитростями, настолько оригинальными и неожиданными, что подчас решала исход сражений. Особенно впечатляет уничтожение мощнейшего византийского флота, господствовавшего в те времена в Средиземном море. Вандалами командовал все тот же разрушитель Рима — «король» Гензерих, ромейским, то есть византийским флотом — полководец Василиск. Последний, утратив всякую бдительность, поддался на коварное предложение варваров о переговорах. Что за этим последовало — превосходит всякое воображение. Вот как о том рассказывает Эдуард Гиббон.

Легковерный Василиск согласился на роковое перемирие, а своей неблагоразумной беззаботностью как будто хотел доказать, что уже считает вандалов побежденными, а Африку завоеванной. В этот короткий промежуток времени ветры приняли направление, благоприятное для замыслов Гензериха. Он посадил самых храбрых мавров и вандалов на самые большие из своих кораблей, привязав к этим последним множество больших лодок, наполненных зажигательными снарядами. Среди ночного мрака ветер понес эти разрушительные лодки на флот беспечных римлян,

пробудившихся ото сна только тогда, когда уже нельзя было избежать гибели. Так как римские корабли стояли густыми рядами, то огонь переходил с одного на другой с непреодолимой быстротой и стремительностью, а ужас этого ночного смятения еще увеличивался от ветра, от треска горевших кораблей и от бессвязных криков солдат и матросов, лишенных возможности ни давать, ни исполнять приказания. Между тем как они старались увернуться от зажигательных лодок и спасти хоть часть флота, Гензериховы галеры нападали на них со сдержанным и дисциплинированным мужеством, и многие из римлян, спасшихся от ярости пожара, были убиты или захвачены в плен победоносными вандалами.

Среди бедствий этой злополучной ночи один из высших генералов Василиска, Иоанн, спас свое имя от забвения благодаря своей отчаянной храбрости. В то время как корабль, на котором он храбро сражался, был почти совершенно объят пламенем, он презрительно отверг предложение сдаться, с которым к нему обратился из уважения и из сострадания Гензерихов сын Гензо; Иоанн бросился в полном вооружении в море и исчез в волнах, воскликнув, что ни за что не отдастся живым в руки этих нечестивых негодяев. А Василиск еще в самом начале сражения обратился в позорное бегство. Он возвратился в Константинополь, потеряв более половины флота и армии, и укрыл свою преступную голову в святилище Св. Софии до тех пор, пока его сестра не вымолила слезами и просьбами его помилование у разгневанного императора.

Однако дьявольская хитрость вандалов не спасла их в конечном счете от полного разгрома. Случилось это уже позже, в царствование блистательного Юстиниана, направившего к берегам Африки войска во главе с самым выдающимся византийским полководцем Велизарием. Как и в других походах, его сопровождал главный летописец Юстиниановой эпохи Прокопий Кесарийский, написавший с позиций очевидца подробнейшую хронику «Война с вандалами». Он был свидетелем сдачи последнего вандальского «короля» Гелимера и препровождения его в качестве пленника в Константинополь, где победителя Велизария ждал триумф, которого в старину удостаивались лишь немногие из римских полководцев и императоров.

Исключительно интересны и личные наблюдения Прокопия. Он рисует совокупный портрет вандалов, весьма далекий от позднейших клише. Вандалы, по Прокопию, «белы телом, имеют русые волосы, рослые и хороши на вид». Психологически же, как бы это ни странно прозвучало, вандал представляет собой обломовский тип с его медлительностью,

невозмутимостью и леностью. Другая отличительная черта, абсолютно не вяжущаяся с образом дикого варвара, — жалостливость, тоже, можно сказать, типично русская черта. Византийский историк описывает более чем поразительный факт. Окруженный византийцами и загнанный в горы Гелимир вместе с преданными войсками и гражданским населением терпел неимоверные лишения без воды и пищи. Вандалы не помышляли о сдаче, предпочитая гибель позорному плену. Но однажды «король» увидел, как два голодных ребенка подрались из-за куска лепешки, и в его сердце проснулась жалость к подданным. Поразмыслив и прослезившись, он принял решение сдаться на милость победителя, дабы сохранить в живых вандальских женщин и детей.

Глава 9

ДЕРЖАВА ГЕРМАНАРИХА — ИМПЕРИЯ ОТ МОРЯ И ДО МОРЯ (ГОТЫ)

*<...> И был наш день — одна большая рана,
И вечер стал — запекшаяся кровь.*

*В тупой тоске мы отвратили лица.
В пустых сердцах звучало глухо: «Нет!»
И, застонав, как раненая львица,*

*Вдоль по камням влача кровавый след,
Ты на руках ползла от места боя,
С древком в боку, от боли долго воя...*

Максимилиан ВОЛОШИН

IV век н. э. — один из самых роковых в русской истории. Жаль только, сведений о тех судьбоносных временах сохранилось мало. А ведь по трагизму, накалу страстей, гибели сотен тысяч безвинных людей и последствиям для потомков IV столетие может сравниться разве что с XIII веком, когда на русские земли хлынула татаро-монгольская орда. Разница лишь в том, что за девять веков до начала так называемого татаро-монгольского ига было не одно, а целых два нашествия — готское и гуннское. Выстояв против того и другого, русские окончательно сформировались как самостоятельная и великая нация.

Готы — общее и в некотором роде сокращенное название большой группы первоначально разрозненных и разношерстных германских племен. Как и все остальные индоевропейские народы, они некогда вычленились из единой этнолингвистической общности, сформировавшейся на севере Евразии. Последующая история вполне самостоятельных готских племен связана уже со всей Европой. О ранней истории готов рассказывает обстоятельная, но во многом противоречивая и не всегда стыкующаяся с другими первоисточниками, хроника написанная в VI веке, на латинском языке историком Иорданом. Полное название книги — «О происхождении и деяниях гетов» (сокращенно — «Гетика») [*геты* — совсем другое племя фракийского происхождения, однако в Средние века их считали

прародителями германцев-готов, потому-то и имя их попало в заголовок книги, создавая неизбежное недоумение и путаницу у читателей-непрофессионалов. — В.Д.]. Данный труд является во многом компилятивным (в хорошем смысле данного слова), так как за неимением других первоисточников сам Иордан опирался на не дошедшее до нас сочинение своего предшественника Кассиодора, которого цитировал много и дословно.

Не случись такого — мы бы вообще сегодня ничего не знали об истории готов до их подключения к движению народов, получившему название «Великое переселение» (рис. 57). Да и о важнейшем периоде своей собственной истории — тоже. Ибо в упомянутом уже IV веке готы, до той поры спокойно обитавшие в районе Балтики, испытали пассионарный подъем и неожиданно для всех устремились на юг, за короткое время они захватили обширные территории, населенные славянами. Готы дошли до Черного моря и Крыма, но опорные базы предпочитали иметь на берегах рек. Те, кто поселился на берегах Днепра, стали именоваться *остготами* (то есть «восточными готами»), те же, кто закрепился в низовьях Днестра, — *вестготами* (то есть «западными»). В средневековой литературе встречается разное написание названия этих народов: первые известны также как *остроготы*, вторые — как *визиготы* или *везеготы*. Властителем первой и достаточно рыхлой германской империи, распростертой от моря и до моря, стал король остготов Германарих.

Рис. 57. Германские варвары в эпоху Великого переселения народов

Так славяне оказались под пятой первой германской оккупации. Она отличалась невообразимой — жестокостью и кровавостью. Эпизоды, известные исключительно благодаря Иордану, говорят сами за себя. Предоставим слово самому историку и полностью приведем тот фрагмент, содержание которого уже упоминалось вскользь в предыдущей части:

«Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему [Германариху]. Одну женщину из вышеназванного племени [росомонов] по имени Сунильду, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммих, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту часть [готов, которую составляли] остроготы; от них везеготы, следуя какому-то своему намерению, уже отделились. Между тем Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами».

Но сначала разберемся с именами и этнонимами, которые сильно германизированы и искажены (последнее характерно для любых авторов, не владевших русским языком: и арабов, и греков, и римлян, и германцев). Даже наиболее «родные» для Иордана названия племен — *вестготы* и *остготы* — звучат непривычно. Тем более это относится к наименованию русских, которое в передаче латинского автора звучит как *росомоны*. Сомневаться не приходится — речь здесь идет о *русах* (*росах*); вторая часть слова — «*моны*» («*маны*») — обычное в таких случаях добавление, означающее «люди». Поэтому академик Б.А. Рыбаков совершенно справедливо указывает на росомонов из «Гетики» как на «ядро будущей русской народности».

Но у Иордана искажены и имена представителей этой русской народности, по крайней мере два — Сунильда и Аммих (имя Сар, как уже говорилось, означает «царь» и в данной вокализации сохранилось в некоторых диалектах до наших времен). Несчастливая Сунильда, разорванная

на куски готскими конями, выглядит персонажем «Песни о нибелунгах». Действительно, в соответствии с литературными канонами средневековья, латинский автор германизировал славянское имя (точно так же эллинизировали славянские слова и имена греческие и византийские авторы, не говоря уже об арабских или армянских писателях).

Для правильного понимания женского имени, приведенного в Иордановой хронике, важно вникнуть в смысл корневой основы «сун», и тогда все встает на свои места. В русском языке (см. Словарь Владимира Даля) есть слово «суника» — так в южных регионах называется земляника; аналогично прозывается она и в других славянских языках: в украинском — *суниця*; в болгарском — *суница* (в сербскохорватском то же слово означает «малина»); в древнепольском — *sunica*. Исходя из данного значения, русское женское имя, превратившееся у Иордана в Сунильду, на самом деле могло означать, к примеру, прозвище *Ягодка*. В русском языке и по сей день (см. любой словарь русских личных имен) употребляются уменьшительные женские имена — Суна (якобы от Сусанны), Сюня (якобы от Ксении), Сана (якобы от Оксаны или Роксаны), Сона (якобы от Софьи) и др. Учитывая тот факт, что большинство так называемых уменьшительных имен на самом деле является исконно русскими и древними (а христианизированные полные личные имена были искусственно привязаны к языческим значительно позже), есть все основания полагать, что именно одно из них и попало в поле зрения хрониста готской истории. То же в принципе можно сказать и об имени Аммий: основанием для подобной вокализации могло послужить любое прозвание или прозвище — от редко употребляемых ныне имен Аммон и Амос до восклицания «Аминь!». Кроме того, латинский автор мог перевести (калькировать) на латинский же язык русские прозвища, образованные от глагола «любить» — *ато* (ср. *Amor* — Амур, Купидон). В данной связи имя Аммий, приведенное в латинской хронике, может оказаться попросту калькированным русским именем Любим.

Описанное Иорданом событие относится ко времени наибольшего расцвета и величия готской империи Германариха, раскинувшейся от Балтийского до Черного моря и жесточайшим образом подавлявшей покоренные славянские народы. Однако сам эпизод с казнью Сунильды-Ягодки и мстью за ее смерть со стороны братьев красноречиво свидетельствует о непримиримой вражде между готскими захватчиками и не покорившимися им русами. О том, что речь здесь вовсе не идет об обычной кровной мести, свидетельствуют последующие события, описанные Иорданом, да и та традиционно высокомерная германская

неприязнь к славянам, с которой все это излагается.

Произошло же дальше вот что. Появление на нынешней российской территории гуннов (подробнее о них — в следующей главе) лишь усилило крепнувшее день ото дня русское сопротивление германской оккупации. После смерти Германариха власть в трещавшей по швам готской империи унаследовал его внучатый племянник Винитарий. Ему пришлось вести настоящую войну на два фронта — против гуннов и против славяно-русского племени *антов*. Винитарий действовал огнем и мечом, а непокорных (впрочем, других не было) карал с невероятной жестокостью. Потерпев поражение от антов, он сумел хитростью захватить их предводителя князя Божу и распял его вместе с сыновьями и семьюдесятью старейшинами для устрашения и (самодовольно добавляет Иордан) «чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных». Со страхом вряд ли что вышло, а вот ненависть удвоилась (если не удесятилась) — это уж точно. Про те черные времена на Руси вспоминали еще тысячу лет.

В «Слове о полку Игореве» роковое событие, связанное с казнью русского князя с сыновьями и сподвижниками, поименовано двумя словами — «время Бусово». Хотя существует немало взаимоисключающих толкований загадочного имени Бус, в настоящее время, благодаря усилиям многих исследователей и интерпретаторов (включая академиков А.А. Шахматова, Б.А. Рыбакова и Д.С. Лихачева) утвердилась точка зрения, согласно которой князь («король») Бож из хроники Иордана и легендарный Бус из «Слова о полку Игореве» — одно и то же лицо. Его имя кажется непонятным или загадочным лишь для современного читателя. В русском языке зафиксировано несколько слов с данным корнем и разным значением (все они относятся к разряду отмирающих или диалектизмов): *бус* — «моросящий дождик, туман»; *буса* — «примитивная выдолбленная лодка»; *бусать* — «кутить»; *бусель* — «аист»; *бусорь* — «глупость»; *бустурган* — «домовой»; *бусурман* — «язычник»; *бусый* — «темно-серый, пепельный»; *бусорь* — «хлам, старье» (см. «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера). В современном русском языке, помимо перечисленного лексического многообразия (свидетельствующего к тому же о катастрофическом сокращении былого словарного запаса), продолжает жить слово «бусы» (в смысле «ожерелье») да былинное имя Буслай (что означает «гуляка, кутила», а попросту — все тот же «пьяница»; кстати, имя это или прозвище вполне могло быть сокращено до искомого Буса).

Память о Бусовом времени сохранилось также в памяти народов, населявших сопредельные со славянами-антами территории. Еще в начале XIX века под Пятигорском можно было увидеть впечатляющую статую

древнерусского князя (ныне остался только курган). Памятник работы греческих мастеров (рис. 58) и его непростая история были досконально исследованы Александром Игоревичем Асовым. Статую Буса Белояра (так он именуется в «Велесовой книге») воздвигла его вдова после мученической смерти мужа. На камне руническими письменами высечена и хвала бессмертному подвигу Буса и его сподвижников. Сам князь назван здесь «саром», то есть «царем». Отголоски событий того времени нашли свое отражение и в богатырских сказаниях некоторых народов Северного Кавказа.

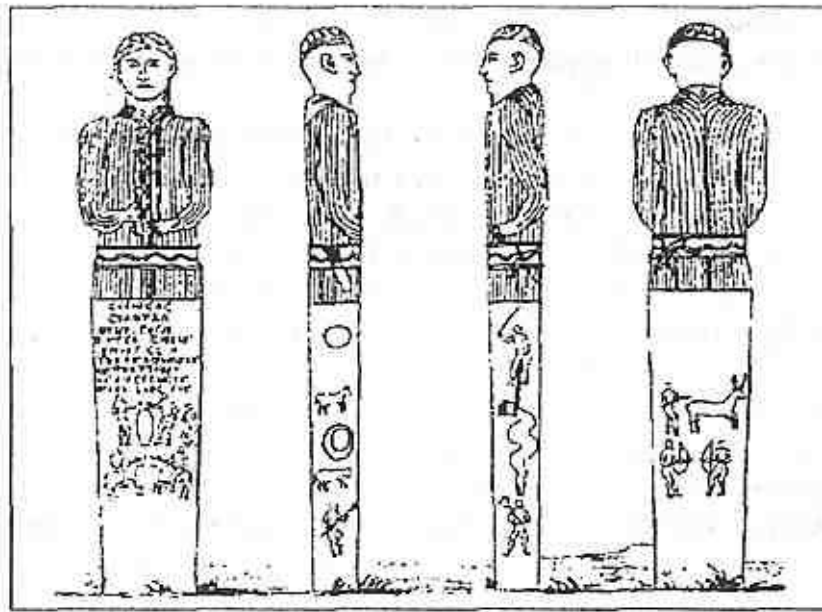

Рис. 58. Статуя Буса из книги Гюльденштедта

Курган Буса Белояра — величайшая святыня Кавказа. Он расположен в 30 километрах от Пятигорска. Рядом с ним возвышаются еще два кургана, вероятно, того же времени. Курган был насыпан на вершине холма. Ранее на кургане находился монумент князю Бусу. О памятнике было известно давно. Первым его описал немецкий путешественник и естествоиспытатель Иоахим Гюльденштедт, который был на Кавказе летом 1771 года и зарисовал статую, увиденную им на холме на берегу реки Этоки — притока Подкумка. В изданной вскоре на немецком языке книге он опубликовал рисунок статуи, полностью воспроизвел руническую надпись и дал подробнейшее описание монумента.

«На холме, на восточном берегу Этоки, прямо к западу от

средней горы Темиркубшек и немного к северу от прекрасного родника стоит статуя с надписью... У черкесов статуя называется Дука Бек, однако неизвестно откуда, происходит это имя. Буквы имеют много сходства как с греческими, так и со славянскими... Фигура мужская, волос на голове не видно, так же как и бороды. Шея короткая. Руки и тело защищены панцирем... Лицо статуи смотрит на запад».

Рисунок Гюльденштедта в дальнейшем неоднократно воспроизводился. На него обратил внимание и канцлер Николай Петрович Румянцев (1754–1826), известный древностелюб, основатель Румянцевской библиотеки (ныне Российская Государственная библиотека, более известная как «Ленинка»). В письме от 23 июня 1823 года митрополиту Евгению Болховитину из Целительных Вод Н.П. Румянцев рассказал о том, как он совершил поездку в сопровождении 50 казаков к этому изваянию. Дал он и подробнейшее описание памятника:

«Монумент состоит из одного гранитного камня вышиною в 8 футов и 8 дюймов. Очень грубо изображает человеческую фигуру с руками до самого пояса, а ниже пояса видна надпись. Она тем более интересна, что начертана на неизвестном языке буквами, составленными частью из греческих, а частью из славянских. После подписи <...> высечены разные грубые фигуры. Одна изображает двух рыцарей. <...> Лицо у статуи похоже не на монгольское, ибо нос длинен, и не на черкесское, будучи слишком кругло. <...> Но что всего любопытнее, и что может привести к разным заключениям, то это изображение маленького креста, находящееся на задней части воротника... Сам памятник называется (кабардинцами) Дука Бех».

Просветитель кабардинского народа Шора Бекмурзович Ногмов (1794–1844) в своей книге «История адыгейского народа» (изданной в Нальчике в 1847 году) также дал подробное описание памятника князю Бусу. Он указал, что в конце надписи, высеченной на постаменте, стоит дата — IV век н. э. Эта легенда стала вскоре известна многим, и судьба памятника круто изменилась, поскольку имя Буса упоминалось в «Слове о полку Игореве». В те же годы в некоторых масонских обществах уже были известны дощечки «Велесовой книги», где также говорилось о Бусе Белояре. В 1849 году трудами члена Одесского общества любителей

древностей Авраама Фирковича памятник с древнего кургана у реки Этоки был перенесен в Пятигорск и помещен у бульвара, ведущего на Елизаветинскую (ныне Академическую) аллею. Тогда же были произведены первые попытки прочесть надпись на монументе.

Дальнейшая судьба самого монумента Буса Белояра также известна. В 1850-х годах статуя князя Буса была перевезена в московский Исторический музей, где ее изучали многие историки, в том числе и знаменитый археолог Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884). Ныне этот монумент находится в Москве, в запасниках Исторического музея. Он забыт, не выставляется и не причисляется к славянским древностям.

Итак, русский князь Бус (Бож), согласно Иордановой хронике, правил в пределах славяно-русского племени *антов*. Данный этноним, судя по всему, этимологически восходит к очень далеким арийским и даже доарийским временам. Так, корневая основа «ант» сохранилась в имени эллинского великана Антея (сына Матери-Земли Геи и морского владыки Посейдона), задушенного Гераклом. Тот же корень нетрудно вычленишь и в имени другого хтонического великана Антеро Випунена из карело-финских рун, сведенных воедино в гениальной «Калевале». Иной пытливый читатель спросит: «А как же быть с такими интернациональными понятиями, как „антик“, „античность“, „антиквариат“ и им подобным, образованным от общего латинского слова *antiquus*, что означает „древний“?» Вопрос вполне закономерный! Безусловно, не лишено вероятности, что все выше упомянутые слова, понятия и имена восходят к общей архаичной лексеме.

Анты — непосредственные предшественники будущего государственного объединения Киевской Руси. Их имя встречается не только в латинском тексте Иордана, но и у греческих историков — Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менандра Протектора, Феофилакты Симокатты и др.

* * *

Последние звездные часы готской истории связаны с битвой при Адрианополе в 378 году и взятием Рима Аларихом в 410 году. Августовское сражение под Адрианополем (современный город Эдирне в европейской части Турции на границе с теперешней Грецией) закончилось не просто полным разгромом римской армии и гибелью императора Валента. На адрианопольском поле был, по существу, переломлен хребет Западной

Римской империи, а мировая история перешла в новое временное измерение: завершилась Древность — началось Средневековье. Взятие Рима лишь поставило точку в этом необратимом процессе.

Подробное описание эпохальных событий, изменивших ход и лицо истории, к счастью, сохранилось благодаря последнему крупному позднеантичному историку IV века н. э. Аммиану Марцелину (даты рождения и смерти неизвестны). Последние часы и минуты уже давно агонизировавшего Рима, чья дальнейшая судьба оказалась в руках готов и других «варварских» народов, описаны «бывшим солдатом и греком по происхождению», как именовал себя Аммиан Марцелин, с подлинно шекспировским трагизмом:

«Со всех сторон слышался лязг оружия, неслись стрелы. Беллона [богиня войны. — В.Д.], неистовствовавшая со свирепостью, превосходившей обычные размеры, испускала бранный сигнал на погибель римлян; наши начали было отступать, но стали опять, когда раздались задерживающие крики из многих уст. Битва разгоралась, как пожар, и ужас охватывал солдат, когда по несколько человек сразу оказывались пронзенными копьями и стрелами. Наконец, оба строя столкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей и, тесня друг друга, колебались, словно волны во взаимном движении.

Левое крыло подступило к самому табору, и если бы ему была оказана поддержка, то оно могло бы двинуться и дальше. Но оно не было поддержано остальной конницей, и враг сделал натиск массой; оно было раздавлено, словно разрывом большой плотины, и опрокинуто. Пехота оказалась, таким образом, без прикрытия, и манипулы были так близко один от другого, что трудно было пустить в ход меч и отвести руку. От поднявшихся облаков пыли не видно было неба, которое отражало угрожающие крики. Несшиеся отовсюду стрелы, дышавшие смертью, попадали в цель и ранили, потому что нельзя было ни видеть их, ни уклониться.

Когда же высыпавшие несчетными отрядами варвары стали опрокидывать лошадей и людей, и в этой страшной тесноте нельзя было очистить места для отступления, и давка отнимала всякую возможность уйти, наши в отчаянии взялись снова за мечи и стали рубить врага, и взаимные удары секир пробивали шлемы и панцири.

Можно было видеть, как варвар в своей озлобленной свирепости с искаженным лицом, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал своими свирепыми глазами уже на самом пороге смерти; сцепившиеся враги вместе валились на землю, и равнина сплошь покрылась распростертыми на земле телами убитых. Стоны умирающих и смертельно раненных раздавались повсюду, вызывая ужас. В этой страшной сумятице пехотинцы, истощенные от напряжения и опасностей, когда у них не хватало уже ни сил, ни умения, чтобы понять что делать, и копья у большинства были разбиты от постоянных ударов, стали бросаться лишь с мечами на густые отряды врагов, не помышляя уже больше о спасении жизни и не видя никакой возможности уйти. А так как покрывшаяся ручьями крови земля делала неверным каждый шаг, то они старались как можно дороже продать свою жизнь и с таким остервенением напали на противника, что некоторые гибли от оружия товарищей. Все кругом покрылось черной кровью, и куда бы ни обратился взор, повсюду громоздились кучи убитых, и ноги нещадно топтали повсюду мертвые тела. Высоко поднявшееся солнце, которое, пройдя созвездие Льва, передвигалось в обиталище небесной Девы, палило римлян, истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия. Наконец под напором силы варваров наша боевая линия совершенно расстроилась, и люди обратились к последнему средству в безвыходных положениях: беспорядочно побежали, кто куда мог.

Пока все, разбежавшись, отступали по неизвестным дорогам, император, среди всех этих ужасов, бежал с поля битвы, с трудом пробираясь по грудам мертвых тел, к ланциариям и маттиариям, которые стояли несокрушимой стеной, пока можно было выдержать численное превосходство врага. Увидев его, Траян закричал, что не будет надежды на спасение, если для охраны покинутого оруженосцами императора не вызвать какую-нибудь часть. Когда это услышал комит по имени Виктор, то поспешил к расположенным неподалеку в резерве батавам, чтобы тотчас привести их для охраны особы императора. Но он никого не смог найти и на обратном пути сам ушел с поля битвы. Точно так же спаслись от опасности Рихомер и Сатурнин.

Метая молнии из глаз, шли варвары за нашими, у которых кровь уже холодела в жилах. Одни падали неизвестно от чьего удара, других опрокидывала тяжесть напавших, некоторые гибли от удара своих товарищей; варвары сокрушали всякое сопротивление и не давали пощады сдававшимся. Кроме того дороги были преграждены множеством полумертвых людей, жаловавшихся на муки, испытываемые от ран, а вместе с ними заполняли равнину целые валы убитых коней вперемежку с людьми. Этим никогда не восполнимым потерям, которые так страшно дорого обошлись римскому государству, положила конец ночь, не освещенная ни одним лучом луны.

Поздно вечером император, находившийся среди простых солдат, как можно было предполагать, — никто не подтверждал, что сам это видел, или был при том, — пал, опасно раненный стрелой, и вскоре испустил дух; во всяком случае, труп его так и не был найден. Так как шайки варваров бродили долго по тем местам, чтобы грабить мертвых, то никто из бежавших солдат и местных жителей не отважился явиться туда. Подобная несчастная судьба постигла, как известно, Цезаря Деция, который в жестокой сече с варварами был сброшен на землю падением взбесившейся лошади, удержать которую он не смог. Попад в болото, он не мог оттуда выбраться, и потом нельзя было отыскать его тело. Другие рассказывают, что Валент не сразу испустил дух, но несколько кандидатов и евнухов отнесли его в деревенскую хижину и скрыли на хорошо отстроенном втором этаже. Пока там ему делали неопытными руками перевязку, хижину окружили враги, не знавшие, кто он. Это и спасло его от позора пленения. Когда они попытались сломать запертые на засовы двери и их стали обстреливать сверху, то, не желая терять из-за этой задержки возможности пограбить, они снесли вязанки камыша и дров, подложили огонь и сожгли хижину вместе с людьми. Один из кандидатов, выскочивший через окно, был взят в плен варварами. Его сообщение о том, как было дело, повергло в большое горе варваров, так как они лишились великой славы взять живым правителя римского государства. Тот самый юноша, тайком вернувшийся потом к нашим, так рассказывал об этом событии. Такая же смерть постигла при отвоевании Испании одного из Сципионов, который, как известно, сгорел в подожженной

врагами башне, в которой скрывался. Верно, во всяком случае, то, что ни Сципиону, ни Валенту не выпала на долю последняя честь погребения. <...>

По свидетельствам летописей только битва при Каннах была столь же кровопролитна, как эта, хотя при неблагоприятном повороте судьбы и благодаря военным хитростям неприятеля, римляне не раз оказывались временно в стесненном положении; точно так же и греки оплакали в жалобных песнях, недостоверных в своих сообщениях, не одну битву».

Что касается повергшего весь мир в шок беспрецедентного штурма, взятия и разграбления Рима готами под водительством Алариха (рис. 59, 60), то данный эпизод вошел во все учебники и не переставал поражать воображение во все времена всех без исключения школяров, гимназистов, студентов и многих других, кто изучал всемирную историю. Когда король вестготов, не скрывавший своих намерений, появился во главе своей армии под стенами столицы, объятый ужасом сенат, не рассчитывавший ни на какую помощь извне, приготовился к отчаянному сопротивлению в надежде по крайней мере замедлить гибель города. Но он был не в состоянии уберечься от заговора рабов и слуг, которые желали успеха варварам, либо потому, что были одного с ними происхождения, либо потому, что находили в этом свой интерес.

Рис. 59. Взятие Рима. Художник Ю.А. Станишевский

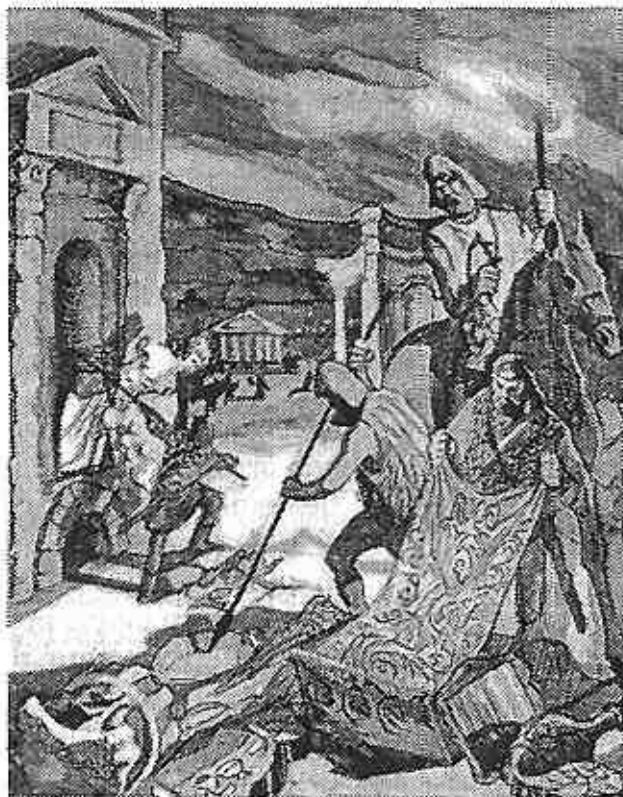

Рис. 60. Разграбление Рима (из книги: Всемирная история. Энциклопедия для детей. Т. 1. М., 1993)

В полночь Салаирские ворота были тайком отворены, и жители проснулись от страшного звука готских труб. Через тысячу сто шестьдесят три года после основания Рима этот царственный город, подчинивший себе и просветивший значительную часть человеческого рода, сделался жертвою необузданной ярости германских варваров. Готы безжалостно убивали римлян. Городские улицы были усеяны трупами. Отчаяние граждан иногда переходило в ярость, а всякий раз, когда варвары были раздражены сопротивлением, они убивали без разбора и слабых, и невинных, и беззащитных. Сорок тысяч рабов удовлетворяли свою личную злобу без всякой жалости или угрызений совести, и за полученные ими позорные удары плетью виновные и ненавистные им семейства заплатили своей кровью сполна. Римские женщины и девушки подвергались пыткам, более страшным для их целомудрия, чем самая смерть.

После опустошения Вечного города готы рассеялись по всей Италии. Под грубой рукою варваров погибли плоды продолжительного спокойствия, а сами они не были способны оценить тех изящных утонченностей роскоши, которые предназначались для изнеженных и

цивилизованных итальянцев. Тем не менее, каждый варвар требовал себе крупной доли из тех обильных запасов хлеба, говядины, оливкового масла и вина, которые ежедневно стекались и поглощались в готском лагере, а начальники опустошали разбросанные вдоль живописного побережья виллы и сады, где когда-то жили Лукулл и Цицерон. Попавшиеся в плен сыновья и дочери римских сенаторов, дрожа от страха, подавали надменным победителям в золотых и украшенных драгоценными камнями кубках изысканное вино, в то время как те возлежали под тенью чинар, ветви которых были искусно переплетены так, что защищали от палящих солнечных лучей, а вместе с тем не лишали возможности наслаждаться животворной солнечной теплотой. Этим наслаждениям придавало особую цену воспоминание о вынесенных лишениях на далекой и давно уже ставшей чужой родине. Так заканчивает свой рассказ о последних днях еще недавно великой империи Эдуард Гиббон. Апокалипсическую картину дополняет поэт, описывающий продолжение варварского нашествия на Европу:

*...Костры шипели.
Женщины бранились.
В навозе дети пачкали зады.
Ослы рыдали.
На горбах верблюжьих,
Бродя, скисало в бурдюках вино.
Косматые лошадки в тороках
Едва тащили, отступаясь, всю
Монастырей разграбленную святость.
Вонючий мул в оческах гривы нес
Бесценные закладки папских библий,
И по пути колол ему бока
Украденным клейнодом —
Царским скиптром
Хромой дикарь,
Свою дурную хворь
Одетым в рубища патрицианкам
Даривший снисходительно...
Орда шла в золоте,
На кладах почивала!*

Дмитрий КЕДРИН

Глава 10

ОРДА, КОТОРАЯ ПОТРЕЯСЛА МИР (ГУННЫ)

*Замолкни и вслушайся в топот табунный, —
По стертым дорогам, по травам сырým
В разорванных шкурах бездомные гунны
Степной саранчой пролетают на Рим!..*

Павел ВАСИЛЬЕВ

И вот с востока слышался грозно нарастающий топот сотен тысяч копыт — на Русскую землю надвигалась орда народа прежде неведомого. Гунны пришли от Великой китайской стены, которая, собственно, когда-то и была воздвигнута только для того, чтобы не допустить предков будущей грозы Европы на территорию Поднебесной империи. Тысячекилометровая стена сыграла свою оборонительную роль и по сей день продолжает восхищать людей, как восьмое чудо света. Гунны перестали беспокоить Китай (рис. 61), повернулись лицом к Западу и постепенно, через множество поколений и перекочевков, достигли сначала Урала, а затем и Волги. Существует легенда, что их гнали вперед на запад голод, холод и бескормица. Так или иначе, но в одну из суровых зим в начале 70-х годов IV века н. э. гуннская орда преодолела закованную в лед Волгу и вышла на просторы европейских степей. С этого момента начался новый отсчет мировой истории, а судьба и будущее многих народов оказались в руках диких азиатских варваров, которых современники рисовали следующим образом:

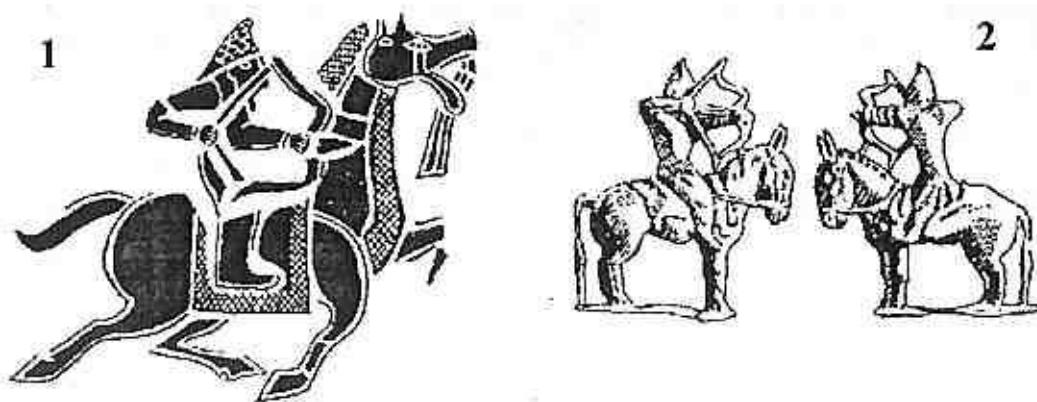

Рис. 61.

1 — изображение гунна на китайском рельефе;

2 — фигурки гуннских всадников (Монголия)

«Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. При столь диком безобразии человеческого облика они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. И на чужбине входят они под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под ней. Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей. Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз одетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами; обувь, которую они не выделяют ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и

продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях.

Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути. Иной раз, будучи чем-нибудь обижены, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком. Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткнут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше. Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от своих союзников. Без всякого подстрекательства, и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся. Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед

среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов».

Аммиан Марцелин. Римская история. XXXI, 2, 1—11.

Чувства онемевших от ужаса римлян и византийцев (как, впрочем, когда-то и китайцев) понять нетрудно, однако страх и ненависть никогда не способствовали постижению истины. Археологические данные свидетельствуют, что гунны представляли собой высокоорганизованный и сплоченный социум с достаточно развитой культурой. Поначалу гунны действовали в одиночку. Первое, что они совершили, — смели с лица земли древнее Боспорское царство, сожгли и разграбили жемчужины Причерноморья — античные города Фанагорию (нынешнюю Тамань) и Пантикапей (нынешнюю Керчь). Особенно впечатляющим был штурм бывшей Митридатовой столицы Пантикапея — по льду замерзавшего в те времена Керченского пролива, отделявшего Черное море (Понт Евксинский) от Азовского (Меотийского).

* * *

После опустошения богатого Боспорского государства, которое после того уже больше никогда не возрождалось, гунны обрушились на державу Германариха — ударили в подбрюшье готской лоскутной империи. Здесь их поддержали славянские отряды, давно и с переменным успехом сражавшиеся с германскими поработителями Русской земли. Вместе они одолели сильного и опасного врага. С тех пор судьбы славянских и гуннских племен переплелись. Часть русских дружин в дальнейшем присоединилась к степной орде и ушла искать удачи в далеких западных краях. Но основная масса русского населения конечно же осталась на своих исконных территориях, освободившихся от готского ярма.

Памяти от тех времен практически не осталось никакой. Похоже, что родовое имя гуннов сохранилось в русских глаголах «гунить», «гундорить», «гундосить» и т. п. Все они так или иначе характеризуют какие-то особенности живой речи: либо лепетание ребенка («гунить»), либо невнятную болтовню («гундорить»), либо же косноязычие и говор в нос («гундосить»). Есть все основания предположить, что все вышеназванные слова возникли под влиянием соприкосновения наших предков с гуннами, чья речь воспринималась, как сплошная гундява. Точно

так же, но, так сказать, с обратным знаком возникло чуть позже понятие «немцы»: людей (главным образом, с запада), говоривших на непонятном языке, попросту объявляли немыми, или немцами.

Имеется еще одно смутное воспоминание о временах гуннского нашествия, которое, как бы странно это ни показалось на первый взгляд, трансформировалось в былинный образ Соловья-Разбойника. Дело в том, что у гуннов существовал очень необычный способ нагонять страх на противника — стрелы-свистульки. Еще китайских хронистов поражало, что гуннские боевые стрелы снабжены особыми костяными шариками с отверстиями, издававшими при полете стрелы пронзительный свист. Когда же орда открывала непрерывную стрельбу и одновременно выпускались тысячи и тысячи стрел, поднимался такой ужасающий свист, что на ходу цепенели лошади врага, с неба замертво падали мертвые птахи, а ничего не подозревавший неприятель впадал в панику. И по сей день слышны отзвуки того грозного посвиста в былине об Илье Муромце:

*Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит собака по-звериному,
Зашипит проклятый по-змеиному, —
Так все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыплются,
Мелки лесушки к землям приклоняются,
А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат...*

В свою очередь, гунны также позаимствовали немало у славянороссов, общаясь с ними на протяжении нескольких десятилетий. Современники гуннского нашествия оставили интереснейшие свидетельства о быте и нравах гуннов, ставших вскоре хозяевами половины Европы. К примеру, сохранились подробные записи Приска Понтийского, секретаря византийского посольства, которое император Феодосий II отправил в 449 году к Атилле — самому знаменитому гуннскому предводителю, одной из самых заметных личностей мировой истории, прозванной еще при жизни «Бичом божьим». Позже, на основании личных впечатлений греков, Иордан составил портрет Атилы и дал ему следующую характеристику:

*«После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа,
повелевавший значительной частью гуннов, Атила соединил
под своей властью все племя целиком и, собрав множество*

других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира — римлян и визиготов. Говорили, что войско его достигало пятисот тысяч. Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения. Хотя он по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах».

В то время, когда ее посетило византийское посольство, гуннская орда находилась в Паннонии (на территории нынешней Венгрии), где располагалась ставка Аттилы и был воздвигнут на холме величественный дворец с огромными башнями. Дворец Аттилы был полностью деревянный: выстроен из бревен и обшит гладко отесанными досками. Он казался сделанным из одного цельного дерева.

Когда Аттила вступал в столицу, его встречала процессия женщин. Выстроившись в два ряда, они держали над головами переброшенные от одного ряда к другому белые покрывала, под которыми проходили группы молодых девушек и пели песни в честь короля. Четверо сильных мужчин подняли серебряный стол на уровень лошади, и Аттила, не сходя с коня, отведал всех блюд, выпил чашу вина и лишь потом вступил в свой дворец,

сел на трон, предназначенный для церемоний, и начал прием послов. По окончании всех пригласили на пир.

Зал для пиршества представлял собой огромную продолговатую комнату, уставленную вокруг стульями и маленькими столами. За каждым столом помещалось четыре или пять человек. Посредине возвышались подмости, на которых стоял стол для Аттилы и ложе. Владыка гуннов уже сидел на своем месте. Как только вошли послы, кравчие подали кубки, наполненные вином, которые нужно было выпить за здоровье короля. По окончании приветствий слуги расставили по столам серебряные или золотые блюда с мясом. На столе же самого Аттилы посуда стояла исключительно деревянная, включая кубок, из которого, впрочем, он почти ничего не пил. Зато гости пили вволю.

Когда зажгли факелы, вошли два поэта и на гуннском языке начали нараспев читать перед Аттилой стихи собственного сочинения: в них прославлялись его воинские доблести и победы. Их песни привели слушателей в восторг, доходивший до исступления: глаза гуннов разгорелись, лица приняли страшное выражение; многие плакали: молодые от жажды новых битв, старцы — от сожаления о прошлых. Один Аттила оставался важным и неподвижным, с непроницаемым лицом внимая хвалебному песнопению. Лишь когда самый младший из его сыновей вошел и приблизился к отцу, в глазах всесильного владыки блеснул луч нежности: взяв ребенка ласково за щеку, он привлек его к своему ложу. Пир продолжался до утра. Назавтра был точно такой же. Миссия византийского посольства завершилась безрезультатно. Но послов все-таки отпустили назад в Константинополь с письмом для императора.

Не правда ли, многое в рассказе византийского посла кажется нам до боли знакомым: и высокий деревянный терем, и церемониал, и «пир на весь мир» с безудержным винопитием? Так оно и есть: ко времени описываемых событий гунны настолько обрусели, что их обычаи во многом трудно было отличить от русских. Обогатились гунны за время непрерывных войн в южнорусских землях и тактикой боевых действий. Прежде всего это касается тяжелой конницы и неотразимого удара сомкнутого строя закованных в костяные латы катафрактариев (рис. 62). Приемы, доставшиеся гуннам в наследство от сарматов (возможно, через славян), помогли им не проиграть одну из самых кровопролитных битв не только средневековой, но и всей мировой истории на Каталаунских полях, в Северо-Восточной Галлии (на территории современной Франции, в Шампани) во второй половине июня 455 года. В состав гуннской орды под водительством Аттилы входили и русские дружины, состоявшие из антов.

Римским войском командовал выдающийся полководец Аэций, помимо римлян его армию составляло множество варваров — германцы, готы, франки и бургунды (рис. 63).

Рис. 62. Атака тяжелой гуннской конницы. Художник М. Горелик

Рис. 63. Атилла и Аэций. Художник А. Зайцев

Вот как описывается знаменитое сражение в средневековых хрониках, а также в книге выдающегося французского историка Огюстена Тьерри (1795–1856), посвященной Аттиле. Решившись раз на битву, вождь гуннов построил свои кибитки в виде круга, внутри которого были раскинuty палатки. Так поступали всегда и кочевники-арии, а впоследствии — их наследники южнорусские казаки. В тот же день армия Аэция расположилась в виду гуннов: римские легионы — по всем правилам римского искусства фортификации, союзные же варвары — без окопов и по национальной принадлежности.

Аттила провел всю ночь накануне битвы в тревоге. Дурное состояние его расстроенной армии, ослабленной лишениями, делало ее поражение весьма вероятным. К тому же воины захватили в соседнем лесу пустытника, который считался вещим прорицателем, и Аттиле пришла мысль спросить его о своей судьбе. «Ты *Бич Божий*, — отвечал ему пустытник, — и палица, которою провидение поражает мир. Знай же, что ты будешь побежден в битве с римлянами и через то поймешь, что твоя сила не от мира сего». Такой смелый ответ несколько не обескуражил короля гуннов. Выслушав христианского прорицателя, он решил в свою очередь обратиться к гадалеям, находившимся при войске. И вот в варварской ставке, раскинутой посреди долин Шампани, при погребальном свете факелов, собрались на совет всевозможные суеверия тогдашней Европы и Азии: жрец из остготов или ругов, с руками, запущенными во внутренности жертвы, наблюдает за ее последними содроганиями; жрец из алан, встряхивая гадательные прутки на белой скатерти, видит в их расположении таинственные знаки будущего; славянский волхв рубит головы петухам в честь бога Перуна; шаман из белых гуннов, вызывая души умерших, при громе волшебного барабана кружится с быстротою колеса и в изнеможении падает, с пеною у рта, неподвижным; а в глубине палатки Аттилы, сидя на табурете, следит за конвульсиями и прислушивается ко всякому взвизгиванию этих адских истолкователей.

Но гунны имели еще особенное, только им свойственное и более торжественное гадание, которое, по сообщениям европейских путешественников, практиковалось в XIII и XIV столетиях, при дворе потомков Чингисхана, а именно гадание по костям животных, преимущественно по бараньим лопаткам. Процесс гадания состоял в том, что от костей отделялось мясо; потом их клали на огонь и по направлению

жил или трещин на кости предсказывали будущее. Атилла сам смотрел на кости и по ним узнавал о предстоящем поражении. Жрецы, посовещавшись между собой, объявили, что гунны будут поражены, но предводитель неприятелей падет в битве. Атилла решил, что речь идет об Аэции, и лицо его осветилось радостью. По мнению короля гуннов, купить смерть римского полководца ценою собственного поражения значило бы купить ее еще весьма недорого.

Атилла принял все меры для того, чтобы начать битву как можно позже, с целью сделать невозможным окончательное поражение: наступившая ночь дала бы время принять меры. Около трех часов пополудни, гунны вышли из лагеря. Атилла занял центр со своими гуннами на левом крыле расположился Валамир с остготами (и вероятно — славянами, так как имя у воеводы славянское, а не готское); на правом стал Ардарик с гепидами и другими народами, подчиненными Атилле. У варваров был простой и четкий план. Сосредоточив лучшую часть тяжелой кавалерии в центре позиции и поблизости от баррикад, устроенных из возов и кибиток, они, очевидно, хотели повести быструю атаку на неприятельский лагерь и в то же время обеспечить собственное отступление к своим укреплениям. Напротив того, Аэций, расположив главные силы на флангах, намеревался окружить Атиллу и, если будет возможно, перерезать ему путь к отступлению.

Между двумя армиями находилась небольшая возвышенность, овладеть которой тактически было очень выгодно. И здесь римляне опередили варваров. Такое неудачное начало было дурным предзнаменованием для гуннской армии. Тогда Атилла для воодушевления войска собрал около себя предводителей и обратился к ним с речью, которая заканчивалась такими словами: «...Покажите же как следует гуннам свое мужество; пусть узнают доброкачественность вашего оружия; пусть раненый ищет смерти своего противника, а тот, кто останется невредим, насытится избиением врага: кому суждено остаться в живых, на том не будет ни одной царапины, а кому нужно умереть, того судьба постигнет и среди мира. Наконец, к чему бы фортуна даровала гуннам победу над столькими народами, если бы она не хотела нас осчастливить предстоящею битвою? К чему она указала бы нашим предкам дорогу через Меотийские Болота, остававшиеся в течение стольких веков неизвестными и непроходимыми. Я не ошибаюсь нисколько относительно настоящего: пред нами то поле битвы, которое обещали нам наши прежние победы, и этот случайно скученный сброд не выдержит и на одно мгновение вида гуннов. Я бросаю первый дротик в неприятеля; если кто-либо может

остаться спокойным в то время, когда бьется Аттила, тот уже погиб».

И грянула битва — свирепая, повсеместная, ужасная, отчаянная. Древность не повествует нам ни о таких подвигах, ни о такой резне, а тот, кто не был свидетелем этого удивительного зрелища, тому не встретить того другой раз в своей жизни. Полуиссыкающие ручейки, протекавшие по долине, внезапно раздулись от потоков крови, смешавшейся с их водами, и раненые, утоляя жажду таким ужасным питьем, умирали мгновенно.

Баталия началась на правом римском крыле, которое схватилось с левым крылом Аттилы: западные готы боролись с восточными, братья с братьями. Престарелый король Теодорих на глазах у всех вдруг свалился с лошади и исчез под копытами коней. В это время гунны Аттилы бросились на центр римской армии, пробили его и удержали в своих руках позицию, но визиготы, победив на правом крыле, атаковали их с фланга. Аттила, заметив опасность, отступил к своему лагерю. В этой новой борьбе, преследуемый с яростью визиготами, он едва не был убит и спасся только одним бегством. Его армия, смешавшись, последовала за ним в лагерь, загороженный возами и кибитками. Как ни было слабо подобное укрепление, но туча стрел, пускаемых беспрерывно из-за кибиток, остановила нападающих.

Наступила безлунная ночь, и сражающихся окутал такой мрак, что стало невозможно отличить своих от чужих. Но накал битвы не ослабевал, ярость обеих сторон не знала границ. Лишь убедившись, что резня в кромешной тьме не достигает врага, противники разошлись до рассвета. Когда же взошло солнце, глазам предстала долина, вся усеянная трупами. Считается, что убитых было 160 тысяч; по другим сведениям их было до 300 тысяч. Римляне и их союзники посчитали, что Аттила претерпел страшное поражение. В действительности же значительные силы гуннской орды и ее союзников по-прежнему сохраняли боеспособность. Но громадные потери и безрадостная перспектива заставили Аттилу покинуть поле сражения и уйти на восток. В конечном счете обе стороны посчитали себя победителями, аналогично тому как спустя почти четырнадцать веков приписывали себе победу в Бородинском сражении и русские и французы (грубо говоря, предводитель гуннов поступил точно так же, как и впоследствии Кутузов: увел армию, дабы сохранить ее).

* * *

Аттила — воистину знаковая фигура мировой истории, олицетворение

ее непредсказуемости. Достаточно назвать одно его имя, и каждому становится ясно без каких-либо объяснений: такие люди не просто так считались повелителями Вселенной — с их появлением круто менялось движение колеса истории и переворачивались судьбы целых народов. В общей сложности за все время существования человечества таких имен не наберется и десятка: Александр Македонский, Цезарь, Аттила, Чингисхан, Тимур, Наполеон, Сталин — читатель может попробовать сам завершить этот список. Все они — живое воплощение Рока, и почти каждый из них стал жертвой того же Рока. Аттила — не исключение. Его ужасный и покрытый мраком неразгаданной тайны конец — лишнее тому подтверждение.

Аттила погиб во время собственной свадьбы. Сменив, как пишет современник, бесчисленных жен, он выбрал себе очередную невесту — девушку необычайной красоты по имени Ильдико. Считается, что она была парфянской царевной, но, скорее всего, это позднейший домысел. По обыкновению был устроен «пир на весь мир», но Аттила заторопился поскорее предаться брачным утехам. Вместе с красавицей женой он удалился в спальню. Больше «повелителя мира» живым никто не видел. Его нашли мертвым, захлебнувшимся в собственной крови, которая пошла горлом. Беллетристы и поэты дополняют красноречивыми подробностями скупые строки хронистов:

*Ночь шла.
Как вдруг
Из брачного чертога
К пирующим донесся женский вопль...
Валя столы,
Гудя пчелиным роем,
Толпою свадьба ринулась туда,
Взломала дверь и замерла у входа:
Мерцал ночник.
У ложа на ковре,
Закинув голову, лежал Аттила.
Он умирал.
Икая и хрипя,
Он скреб ковер и поводил ногами,
Как бы отталкивая смерть.
Зрачки остекленевшие свои уставя
На ком-то зримом одному ему...*

.

*Так он лежал,
Весь расточенный,
Весь опустошенный
И двигал шеей,
Как бы удивлен,
Что руки смерти
Крепче рук Аттилы.
Так сердца взрывчатая полнота
Разорвала воловью оболочку —
И он погиб,
И женщина была
В его пути тем камнем, о который
Споткнулась жизнь его на всем скаку!*

Дмитрий КЕДРИН

Атиллу неоднократно пытались объявить русским князем, а гуннов сблизить со славянским племенем. Одним из первых в данном плане высказался известный в прошлом и весьма плодовитый русский писатель Александр Фомич Вельтман (1800–1870), опубликовавший в 1858 году книгу «Аттила и Русь в VI и V в.». Предположение о славянстве гуннов поддерживал и выдающийся русский мыслитель-славянофил Алексей Степанович Хомяков (1804–1860). В незавершенном историческом исследовании, получившем у современников и друзей полушутливое название «Семирамида», Хомяков высказал немало интересных соображений о «славянской стихии гуннов» и причинах возвышения гуннской державы: «Не Аттила создал гуннское царство. Он нашел царство готовое от Урала до Эльбы и до лесов Тюрингии. <...> Победы Аттилы утвердили навсегда самобытность освобожденных народов.... Его великим подвигом утверждена возможность Руси, Польши и всех исторических царств славянских...»

Горячим сторонником и пропагандистом идеи о русском происхождении гуннов был также славянский патриот и писатель Юрий Иванович Венелин (настоящая фамилия — Гуца) (1802–1839), сын православного священника из Венгрии, имевшего русско-румынские корни. Ему принадлежит специальное исследование о гуннских именах в их сопоставлении со славянскими. Для этого Венлин предпринял даже

специальную экспедицию в Болгарию, находившуюся тогда под властью Османской империи, дабы в глухих деревнях, где сохранялись еще повсюду древние нехристианизированные имена, найти подтверждение своим гипотезам. И нашел! В частности, имя Атилы он выводил из древнеславянского Тиле (Теле), еще сохранявшееся в XIX веке в Болгарии (ср. также с именами Телемаха — сына Одиссея, Телефа — сына Геракла, Тиля Уленшпигеля и др.).

В русском языке того же корня слова «тело», «телец», «тёлка», «теленки» и др. Анализ — даже поверхностный — русских ономастиконов, то есть сборников имен, выписанных из различных источников, показывает, что на Руси также были долго в ходу народные (нехристианские) имена и прозвища: Телебуг, Телелюй, Теляш, Теленчей, Телепень, Телица, Тельчак, Телюга и др. Вообще корень «тел» весьма распространен и смыслозначим в индоевропейских языках. Достаточно вспомнить, что от греческих слов *telos*, *tele-* произведено целое семейство современных понятий от «телескопа» до «телевизора», а римское имя *Telus*, *Telus Mater* принадлежит богине — Матери-Земле.

Мнение о славяно-русских корнях Атилы нередко доводилось до крайности. Типичным примером может служить популярный некогда роман «Бич божий», принадлежащий перу Ивана Кузьмича Кондратьева (1849–1904), автора, ныне совершенно забытого, хотя и известного по приписываемой ему народной песне «По диким степям Забайкалья...» Роман, первоначально назывался «Гунны» и был впервые опубликован в 1878 году. В нем гунны выведены как одно из ответвлений славянского племени венедов, а Атилла предстает как древний киевский князь (рис. 64). Такое на первый взгляд совершенно неправдоподобное предположение опирается на абсолютно бесспорные факты, заимствованные из сочинений западных средневековых историков, и в частности, уже упоминавшихся ранее Саксона Грамматика, Адама Бременского и Гельмольда, которые принимали славян и гуннов за один народ. Так, в объемном и во многом компилятивном труде последнего под названием «Славянские хроники» подчеркивается: «Все славянские земли, лежащие на восток и исполненные богатства, называются Гунигард, по бывшему в них населению гуннов». Строго говоря, Гунигард — это город, одно из латинизированных названий Киева (дословный перевод: «город гуннов»). Сама же Русская земля у ряда латинских авторов именуется Гуниланд (то есть «Страна гуннов»). Встречается и «гуннское» название Днепра — Гуннавар («Река гуннов»).

Рис. 64. Атиллa — Киевский князь. Художник В. Федоров

Мнение средневековых хронистов в XIX веке поддержали крупнейшие историки: в Чехо-Словакии — Павел Йосеф Шафарик (1795–1861), создавший классический многотомный труд «Славянские древности»; в России — Иван Егорович Забелин (1820–1908) и Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920). Последнему принадлежит специальное научное исследование по данному вопросу. Идея о славянстве и русскости гуннов отстаивается и в капитальном труде А. Нечволодова «Сказания о Русской земле».

Для всех упомянутых и им подобных выводов имеются также лингвистические основания. Например, якобы гуннское имя Аттила можно истолковать как производное от славянского «отец». Слова с аналогичным смыслом и звучанием сплошь и рядом встречаются и в других индоевропейских языках: *atta* — в греческом, латинском, готском; *at* — в албанском; *aite* — в ирландском и т. д. (между прочим, в древнеиндийском слово *atta* означает мать). Более того, точно такая же лексема, означающая отца, встречается и в неиндоевропейских языковых семьях и группах, например, в турецком и других тюркских языках. Можно также напомнить, что прозвище одного из главных героев карело-финского эпоса «Калевала» бесшабашного весельчака Лемминкяйнена — А[х]ти. Различная вокализация, чередование гласных и согласных здесь в порядке вещей: допустим, в германском эпосе «Песня о нибелунгах» собственное имя исторического Аттилы превратилось в Этцеля. Да и этноним «гунны»

претерпел значительные изменения: китайцы именовали их «сюнну», затем они превратились в «хунну» и наконец стали «гунны».

Гораздо интереснее и удивительнее другое. От всего гуннского языка, о конкретной принадлежности которого (как, впрочем, и относительно происхождения самого народа) ученые до сих пор не имеют единой точки зрения, сохранилось всего три слова — и все они **русские!** Приводят их различные источники — китайский, греческий и латинский. Китайские авторы воспроизводят с помощью иероглифов гуннское слово *сагайдак*, которое, как известно, в тюркских и славянских языках означает «колчан» (отсюда производное прилагательное и известная фамилия Сагайдачный — так звали, к примеру, одного из запорожских гетманов). Секретарь византийского посольства Приск приводит по-гречески еще одно «гуннское» слово — *мёд*, которое даже не нуждается в разъяснениях. И, наконец, Иордан, рассказывая о смерти Аттилы и захоронении его в трех гробах — золотом, серебряном и железном, над которыми был насыпан огромный курган (не найденный, кстати, до сих пор) сообщает третье «гуннское» слово — *страва*. Это — хорошо известная из русской истории славянская тризна, которую справляли по умершим прямо на кургане (рис. 65).

Рис. 65. Русская страва (тризна). Художник В.М. Васнецов

Есть еще одно поразительное совпадение, на которое, насколько мне известно, до сих пор не обращено должного внимания. По сообщению Иордана, старшего брата Атиллы звали Роас (другое написание — Руас или Руа). С учетом массовых искажений этнонимов и имен собственных в латинской передаче слово «Роас» читается как *рос* (или *рус*). Переводчики и редакторы последнего издания Иордановой Хроники сближают имя Роаса с именем гуннского вождя Ругилы — предшественника Атиллы. В таком случае остается лишь согласиться с мнением одного из наших интереснейших писателей XVIII века Василия Алексеевича Лёвшина (1746–1826), который в одной из своих сказочных повестей с добротной исторической подоплекой рисовал следующую картину русско-гуннской истории:

«По занятии великой части древней России сильным народом (г)уннов, исшедшим от пределов Китая, Роас, один из их полководцев, основал столицу свою в городе Киеве, который назывался тогда Уннигардом [(Г)уннигард — „Столица гуннов“. — В.Д.]. Сей ли Роас был строителем славного Киева, наносившего через многие веки трепет востоку и западу и иным странам, или только распорядитель оного, назвавший именем своего народа, историческое таковое изыскание не надлежит до нашего намерения: довольно ведать, что он державу свою в цветущем состоянии оставил в наследство сыну своему Баламиру». [Баламир, или Баламбер, — имя одного из гуннских вождей, упоминаемых Иорданом; высказывалось предположение, что это искаженное славянское имя Владимир. — В.Д.].

Все вышеприведенные и другие им подобные факты почему-то тщательно обходятся сторонниками противоположной (и ныне господствующей) точки зрения, согласно которой гунны являются уроженцами дальневосточных степей, тюркоязычными кочевниками-монголоидами, почти за девять веков до Чингисхана проложившими захватническую тропу от границ Китая до «Последнего моря». Данная концепция в настоящем ее виде была сформулирована историком-востоковедом Константином Александровичем Иностранцевым (1876–1941) в монографии «Хунну и гунны» (1926) и впоследствии развита в

работах Георгия Владимировича Вернадского (1877–1973), а окончательно внедрена в историческую науку в качестве непререкаемой истины Львом Николаевичем Гумилевым (1912–1992).

Никто, естественно, не возражает против подобного подхода, ибо так оно и было на самом деле. Необходимо только принять во внимание, что за время почти что трехвековой миграции сюнну-хунну-гуннов с востока на запад — сначала медленной, а затем стремительной — и сам этнос, и его язык, и культура могли претерпеть существенные изменения. А соприкосновение с более жизнестойким и высокоразвитым славянским миром закончилось серьезным обрусением былых азиатских кочевников. Гуннский кумыс в конечном счете оказался сильно разбавленным водой из великих русских рек — Волги, Дона и Днепра. Поэтому нет ничего удивительного, что армия Аттилы включала значительное число союзных ему народов (в том числе и славян). Точно так же и в римском войске Аэция варваров было гораздо больше, чем собственно римлян.

Антропологи и этнологи давно ведут спор о расовой принадлежности гуннов. Многие исследователи (среди них известный русский географ и этнограф Г.Е. Грум-Гржимайло) относили гуннов к бледнолицым, зеленоглазым и рыжеволосым сынам Евразии, о которых сохранились сведения в восточных хрониках. Восстановленный по черепу облик некоторых гуннов позволяет отчасти согласиться с подобными предположениями (рис. 66). Но тут необходимо принять во внимание один важный момент: между гуннами, которые некогда не давали покоя Китайской империи, и гуннами, которые несколько столетий спустя свирепствовали в Европе, существует огромное различие. Во-первых, за долгое время кочевой миграции с востока на запад в силу естественных и социальных закономерностей изменился и облик и язык гуннского этноса. Во-вторых, после вторжения в Европу гунны смешались с местным завоеванным населением и теми, кто был увлечен гуннским вихрем и жадой легкой наживы, а также ненавистью к римлянам и византийцам, составив основную массу людского потока, названного впоследствии Великим переселением народов.

Рис. 66. Гунн. Реконструкция М.М. Герасимова по черепу из Кенкольского могильника

Культура гуннов очень похожа на скифскую: тот же «звериный стиль», те же курганные захоронения с помещенными глубоко под землю срубными камерами (рис. 67). Скифские захоронения на Алтае (в том числе и упомянутые выше Пазырыкские курганы) во многом напоминают аналогичные гуннские могильники в Монголии. Особенно впечатляет расположенный в горах к северу от Улан-Батора ноинулинский курганный комплекс, насчитывающий свыше 200 больших курганов, которые датируются I веком до н. э. и началом 1-го тысячелетия новой эры. Открыты они были еще в 20-е годы XX века нашим знаменитым путешественником Петром Кузьмичом Козловым (1882–1935), тогда же начались раскопки, растянувшиеся на десятилетия. Многие из бесценных сокровищ, найденных в срубных камерах, просто поражают воображение зрителей. Особенно завораживает большой войлочный ковер со множеством спиралей в центре и грифонами по краям (рис. 68). Спиральный (а также близкий к нему меандровый) орнамент является лучшим свидетельством в пользу общего происхождения культур Древнего мира.

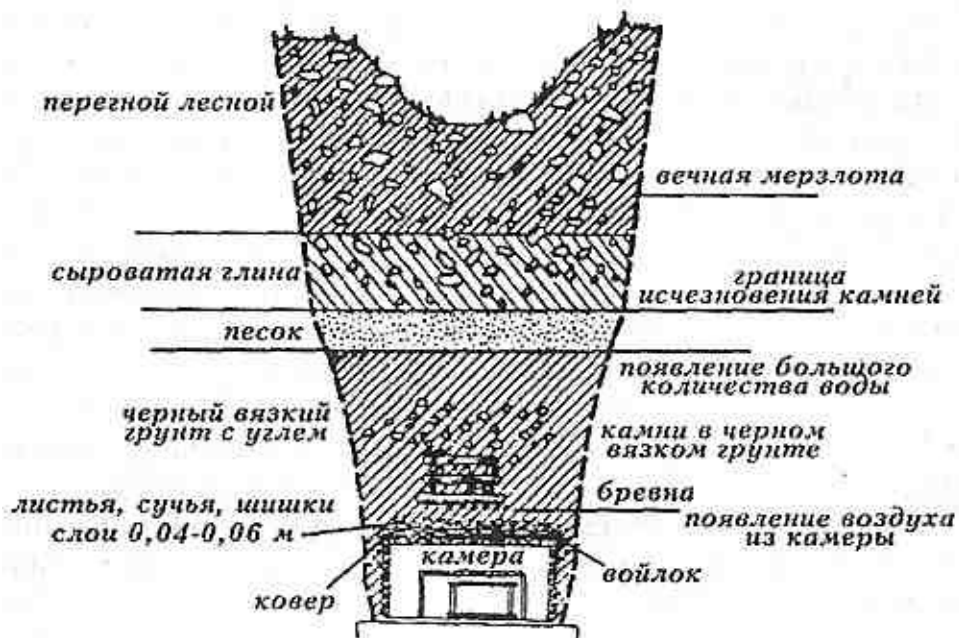

Рис. 67. Разрез по вертикали гуннского кургана

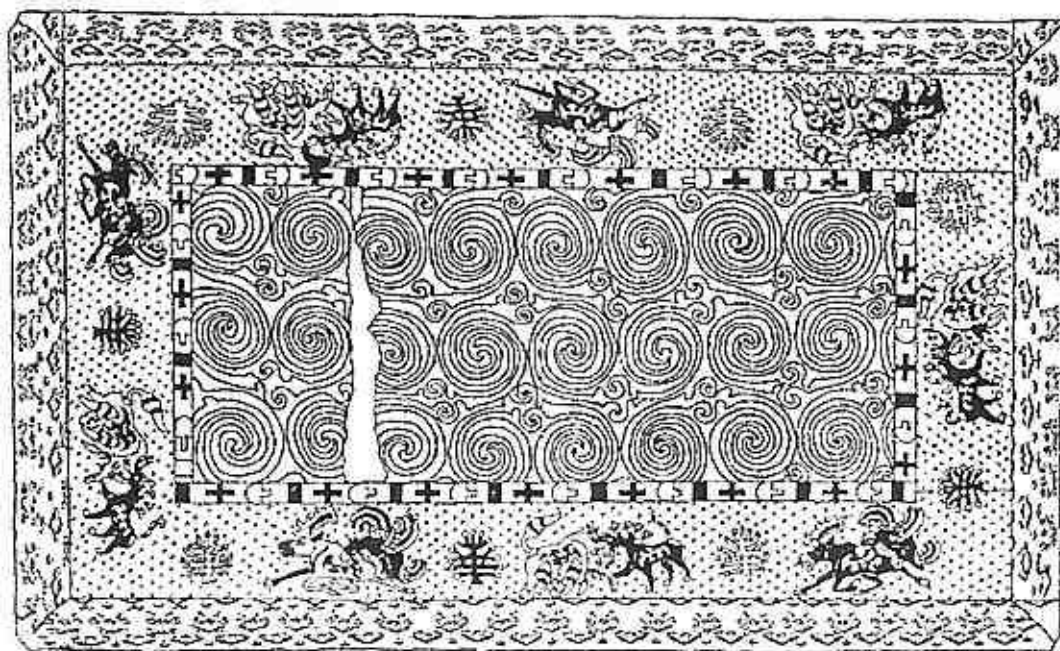

Рис. 68. Войлочный ковер со спиралями из гуннского кургана

В одном из гуннских ноинулинских могильников (курган № 25) под толстым слоем земли и бревенчатым накатом могильного сруба был

обнаружен портрет-вышивка человека, похожего на... Сталина (рис. 69), который пролежал здесь почти что две тысячи лет. Так вот, оказывается, как выглядели ужасные гунны, наводившие страх на Европу и Византию! На мой взгляд, вполне цивилизованно! Чтобы не было никаких кривотолков в отношении извлеченного на свет Божий портрета, отсылаю всех сомневающих к первоисточнику — научной монографии-альбому С.И. Руденко «Культура хуннов и Ноинулинские курганы» (М.-Л., 1962).

Рис. 69. Вышитый портрет из гуннского кургана, напоминающий изображение Сталина

Что же это за поражающий с первого же взгляда двойник? Откуда такое поразительное сходство и в целом и в деталях: тот же высокий лоб с «политзачесом», тот же пронзительный орлиный взгляд, те же усы, нет только знаменитой трубки? А может, в самом деле в горах Монголии похоронен гуннский предок, который передал свой генофонд последующим поколениям. Они-то уже и рассеивали доминантные гены по разным популяциям. И нечего особенно тут удивляться. Ведь спустя три-четыре столетия пассионарные потомки того, чей портрет сохранился нетленным в срубе одного из двухсот ноинулинских курганов, достигли предгорий Кавказа. Именно отсюда, с Таманского полуострова, гуннская орда начала

свое победное шествие по миру. И первым деянием наследников азиатских кочевников было взятие Крыма: по льду замерзшего Керченского пролива они переправились с материка на полуостров и штурмом взяли древний Иантканей, а вслед за столицей — и другие города Боспора.

* * *

Гунны не только оставили неизгладимый след в истории России и средневековой Европы, но и наподобие скифов сделались знаковым символом русской культуры. «Топчи их рай, Аттила!» — зывал Вячеслав Иванов. А Валерий Брюсов написал знаменитое программно-пророческое стихотворение, обращенное в будущее, которое так и называется — «Грядущие гунны»:

*Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.*

*На нас ордой опьянелой
Рухните с новых становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.*

*Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколосите веселое поле
На месте тронного зала.*

*Сложите книги кострами,
Пляшите в их яростном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всем неповинны, как дети!*
• • • • •

*Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.*

Надо отдать должное провидческому дару Брюсова: в начале XX века он с поразительной точностью предсказал и море крови, и рухнувшие дворцы, и «мерзость во храме», и костры из книг.

Глава 11

ГДЕ ТЫ, СТРАНА ХАЗАРИЯ?

*Помним отблеск лезвий ржавый,
Лязг колчанов, высвист стрел,
В стягах шум победной славы,
Вражьи трупы на костре.
.....*

*И в обветренных закатах,
В окровавленных снегах
Видим тенью вороватой
Отступавшего врага.*

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

Хазары — неотвратимый рок русской истории — оставили по себе особую память. Почему? Нельзя сказать, что эти соседи-кочевники были более жестоки, чем остальные. В отношении непокорной Руси все были одинаково безжалостными и ненасытными в грабеже — и авары (обры), и угры, и печенеги, и половцы, и татаро-монголы. Однако никто из них не пытался навязать свою идеологию и чуждую русскому народу религию. Одни хазары, исповедовавшие иудаизм, проявили не нужную в таких случаях активность. Себе же на голову, ибо получили такой решительный отпор, после которого уже никогда не смогли опомниться. Между прочим, хребет Хазарскому каганату сломала языческая дружина князя Святослава (рис. 70). Это они — неизвестные русичи, веровавшие в Перуна, Дажь-бога, Хорса да Мокошь, не приняли предложенный им иудаизм и сделали все, чтобы впредь такие попытки более не предпринимались.

Рис. 70. Князь Святослав с мечом 971 г. (прорисовка из Радзивилловской летописи)

Впрочем, не все обстояло так просто. Например, древнеязыческий Солнцебог Хорс, которому испокон веков поклонялись славяне, не был чужд и «неразумным хазарам». По крайней мере так считали наши пращуры. В одном из сборников Соловецкого монастыря еще в середине XIX века был найден список знаменитого и популярного на Руси апокрифа, насчитывающего десятки вариантов и версий, «Беседа трех святителей» (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста), где бог Хорс назван Жидовином. Полностью данный фрагмент (вопрос — ответ) звучит следующим образом: «Иван рече: отъ чего громъ сотворен бысть? — Василий рече: два ангела громная есть; елленский старец Перун и Хорс Жидовин, два еста ангела молнииина». Под эллинским «старцем Перуном» здесь подразумевается Зевс (римский Юпитер), а вот под Хорсом Жидовином — явно хазарское солнечное божество, ибо у правоверных иудеев — ни в Торе (Ветхом завете), ни в Талмуде — такого бога (и даже слова такого) нет.

Необходимое отступление и разъяснение: хазары известны в русской истории не только как козары (козаре), но и как «жиды хазарские» (при этом имеется в виду их иудаистическое вероисповедание). В этом облики они запечатлены и в русских былинах. Так, одним из степных

супротивников русских богатырей выступает инородец и иноверец Жидовин:

*Еще что же за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь
На эти степи Цицарския...*

(Записано в Архангельской губернии)

Ничего обидного, ругательного или уничижительного в употребляемом здесь понятии «жид» нет: слово «еврей» долгое время использовалось лишь в церковнославянском языке как переводное из греческого, а в народном и беллетристическом обиходе употреблялся его эквивалент «жид» — тоже переводное слово, но заимствованное через западноевропейские (предположительно — романские) языки. Дабы убедиться в сказанном, достаточно открыть на соответствующих страницах 5-й том «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (М., 1978) или же классические произведения Пушкина (например, «Скупой рыцарь»), Гоголя (например, «Тарас Бульба») или Лескова (например, «Жидовская кувырколлегия»). Лишь в XX веке слово приобрело оскорбительный оттенок. Нас же интересуют иные времена и иные реалии.

Однако сначала о еврействе самих хазар. Еще известный русский филолог академик Федор Евгеньевич Корш (1843–1915) высказал вполне заслуживающее внимания предположение, что пресловутое слово «жид» возникло не в романской Европе, а в хазарской среде, откуда (естественно, безо всяких негативных оттенков и смыслов) уже распространилось по всему миру. Современные историки и лингвисты пошли еще дальше: они не без основания считают, что основная масса восточноевропейских и западноевропейских евреев — выходцы из Хазарии, а их разговорный язык *идиш* — также хазарского происхождения. Казалось бы, сие противоречит самоочевидным фактам: *идиш* (в отличие от чисто семитского *иврита*) базируется на немецкой лексике и грамматике, что и служит якобы неопровержимым доказательством его германского (или, как принято говорить, франко-рейнского) происхождения.

Логика здесь такова: раз Германия находится в Европе, то и *идиш*, сформированный на германоязычной основе, возник здесь же, на европейской почве, и, следовательно, говорящие на нем евреи не могли

расселиться по Европе иначе как отсюда, из немецкого «очага». Логика железная, но далекая от реальной истории: она абсолютизирует позднее средневековье, отрывая его от раннего, то есть того конкретного отрезка времени, когда *германоязычные готы* обитали на территории нынешней России по соседству с народом (или народами), образовавшими впоследствии Хазарский каганат.

Следовательно, еврейский идиш вполне мог возникнуть в Хазарии на германской языковой основе, если под таковой понимать *готский* язык. В современном своем выражении идиш представляет собой смесь различных лексических субстратов — семитских, германских, славянских, романских и других слов, совмещенных с древнееврейским алфавитом. Но для того, чтобы возникла языковая смесь, смешаться для начала должны были их носители — конкретные народы в лице живых мужчин и женщин. Так оно и произошло. В результате многовековых гонений часть еврейской диаспоры оказалась на юге нынешней России и Украины, где вступила в непосредственный контакт с германскими (готскими), славянскими, тюркскими и прочими племенами. Так было положено начало будущей народности и языку.

Однако вернемся к поставленному вопросу: почему в апокрифе «Беседа трех святителей» русский Солнцебог Хорс назван Жидовином? Ответ здесь двоякий. Первый ответ связан с общемировыми корнями бога Хорса. Что же касается его евреизации, то И.Е. Забелин писал об этом в своем двухтомном капитальном труде «История русской жизни с древнейших времен» (М., 1876–1879) так: «Это [жидовство Хорса] подает намек на самое место, где существовало поклонение Хорсу, именно у хазар, перешедших потом в Моисеев закон и оттого известных больше под именем жидов хазарских». Вполне возможно, что так оно и было: Хорсу поклонялись и хазары и славяне, а вместе с ними и «хазаризированные» евреи, оказавшиеся в ареале воздействия древней культуры.

Второй ответ относительно «жидовства» Хорса связан с его хазарскими корнями и в свою очередь с родственно-генетическими отношениями между русскими и хазарами. У восточных авторов (например, в персидском сочинении «Собрание историй») прямо говорится, что первоначально обоих народов Рус и Хазар были одной матери и одного отца. Конечно, известия средневековых восточных авторов не для каждого убедительны; всегда можно сказать: это, дескать, из области сказок «Тысячи и одной ночи». В таком случае послушаем древнерусского автора. Вот что, к примеру, говорится по данному вопросу в одном из списков жития святого Кирилла (одного из создателей славянской азбуки), который,

как известно, прежде чем прибыть на Русь, побывал сначала у хазар: «Козары бьше народ скифский, языка славянского или русского». Кроме того, нелишне напомнить, что в «Сказании о Словене и Русе» также говорится об общем происхождении хазар и прапредков русского народа.

И удивляться сказанному особенно не приходится, если вспомнить, что в местах расселения якобы сгинувших в небытие хазар (об этом — далее) в скором времени объявились хорошо всем известные казаки, которые всегда говорили по-русски и чье самоназвание «козаки» (именно так писалось поначалу) одного и того же корня с этнонимом «козары». Еще в XVIII веке русский генерал А.И. Регельман записал на Дону народное предание о родословной казаков, ведущих свое начало от слияния воедино черкесских, роксаланских и казарских племен. Ясно, что под ро(к)саланами здесь подразумеваются славянские, проторусские племена, под черкесами — летописные *касоги*, а под казарами — *хазары*. Не случайно также, что в этническом названии казаков, казар и касогов один и тот же корень «каз» («кас»).

Но если один из корешков казацкого рода крепко связан с Северным Кавказом, то в родословной хазар обнаруживаются уже совершенно иные составные «элементы». Строго говоря, есть достаточно оснований утверждать, что хазар в каком-то первозданном и так сказать чистом виде — как единого народа, пришедшего откуда-то с востока к южным рубежам Руси, — никогда не существовало. А образовался он путем смешения трех разнородных этнических, языковых и культурных элементов: одного автохтонного (славян, испокон веков проживавших в южных областях России) и двух пришлых — кочевых тюрков, занесенных на исконно русские территории волею случая, и изгнанников-евреев, в силу трагических обстоятельств попавших сюда через Кавказ и отчасти через Крым. На конечной же стадии развития данного суперэтнуса (если пользоваться терминологией Л.Н. Гумилева) он особенно оказался разбавленным русским элементом. Однако все по порядку...

* * *

Посмотрим более внимательно, как же все это происходило на Русской Земле. Впервые о хазарах повсеместно заговорили в начале VI века н. э., когда они в царствование персидского шаха Кавада I захватили Грузию, Армению и Кавказскую Албанию (древнее государство на берегах Каспия). Они сразу же сделались грозными и несговорчивыми соседями иранских

Сасанидов, и те вынуждены были построить для защиты от них мощное каменное сооружение — знаменитую Дербентскую стену, один конец которой уходил далеко в море, а другой упирался в неприступную горную крепость. Казалось бы, грабительским амбициям кочевников должен был наступить конец. Но не тут-то было.

Любопытно, в какой мере в то время допустимо было говорить о хазарах как о кочевниках? Вот как описывает их появление на Кавказе один из фундаментальных памятников мировой историографии — «История Армении» (V в. н. э.), написанный выдающимся сыном армянского народа Мовсесом Хоренаци: «...Толпы хазар и басилов, соединившись, прошли через ворота Джора под предводительством царя своего Внасепа Сурхана, перешли Куру и рассыпались по сию сторону ее». Описываемое событие случилось еще до гуннского нашествия — либо в конце II, либо в начале III века н. э. Но дело совершенно в другом. Видел ли кто-нибудь, как кочевники ходят толпами? Можно ли представить, скажем, половцев или печенегов в виде бродящей толпы? В данном контексте напрашивается лишь один разумный вывод: при своем появлении на исторической арене хазары никакими кочевниками еще не были. Это случилось значительно позже, когда, преодолев прикаспийский Кавказ, они вышли на степной простор и соединились с тюркскими племенами, — вот они-то были типичными кочевниками (см. карту — рис. 71).

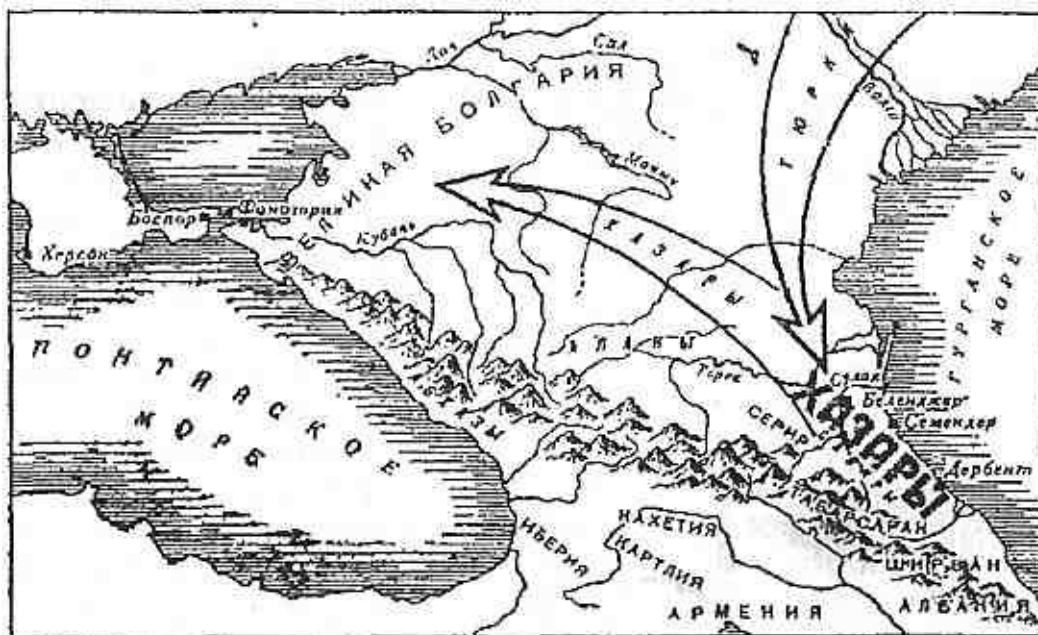

Рис. 71. Хазария в VI–VII вв.

Сами хазары представляли свою начальную историю и предысторию довольно-таки смутно. Сохранился важный документ X века, написанный на древнееврейском языке (некоторые ученые-медиевисты, впрочем, склонны считать его позднейшей подделкой). Это ответ хазарского кагана Иосифа на письмо высокого еврейского сановника, служившего в Испании при дворе Кордовского халифа. В своем послании (существующем в двух редакциях — краткой и пространной) хазарский каган продиктовал писцу следующее:

«Ты спрашиваешь в своем письме, из какого народа, какого рода и племени мы (происходим). Знай, что мы (происходим) от сынов Иафета, от сынов его сына, Тогармы. Мы нашли в родословных книгах наших предков, что у Тогармы было десять сыновей, и вот их имена: первый — Агийор, (затем) Тирас, Авар, Угин, Биз-л, Т-р-на, Хазар, З-нур, Б-л-г-д, Савир. Мы происходим от сыновей Хазара; это седьмой (из сыновей). У него записано, что в его дни предки мои были малочисленны. Но Всесвятой — благословен Он — дал им силу и крепость. Они вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью Божией прогнали их и заняли их страну. Те бежали, а они преследовали их, пока не принудили их перейти через большую реку по имени „Руна“. До настоящего дня они расположены на реке „Руна“ и поблизости от Куштантини, а хазары заняли их страну. После того прошли поколения, пока не явился у них один царь, которого имя было Булан. Он был человек мудрый и богобоязненный, уповавший всем сердцем (на Бога). Он устранил из страны гадателей и идолопоклонников и искал защиты и покровительства у Бога».

В приведенном фрагменте в точном соответствии с древнееврейским текстом перечислены названия десяти племен, для которых историки и специалисты-востоковеды нашли более-менее приемлемые соответствия, например, иверы, тавры (или туранцы?), авары, гузы, болгары, савиры и др. (рис. 72, 73). Последний этноним (савиры) особенно привлекает внимание специалистов. Считается, что речь идет об одном из ответвлений разношерстного гуннского племени, но, что самое главное, давшем название Сибири: «савир» = «сабир» = Сибирь (кстати, у российских татар и сегодня распространено имя Сабир).

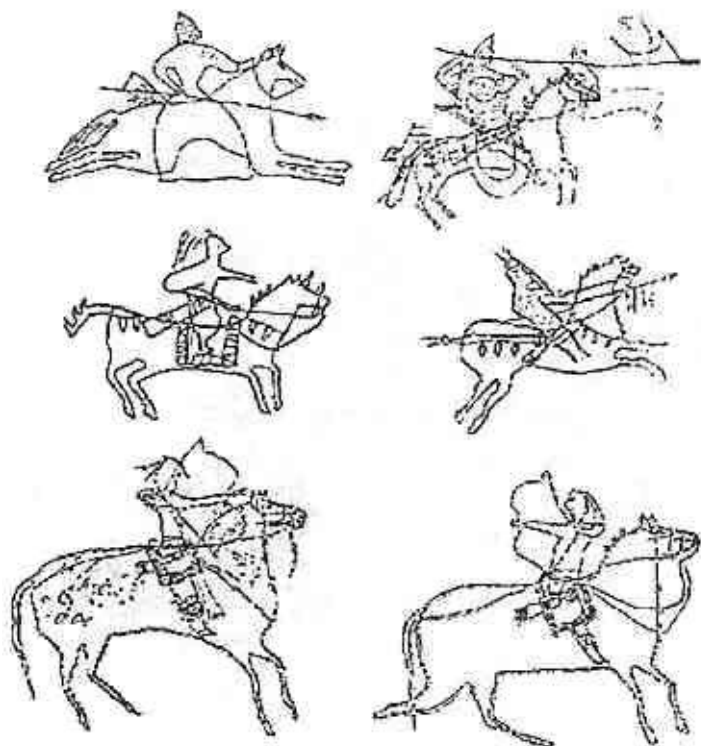

Рис. 72. Наскальные изображения хазар и представителей соседних с ними племен

Рис. 73. Вооружение кочевника

Письмо хазарского кагана написано на иврите, но на каком языке говорили сами хазары? Была ли первооснова хазарского языка тюркской? Можно предположить, что была. Но уже тогда среди народа, называвшего себя хазарами, ключевую роль играли евреи, подвергшиеся жесточайшим гонениям и погромам в сасанидском Иране и вынужденные искать в целях самосохранения новое жизненное пространство. Евреи с самого начала не только привили хазарскому этносу иудаистическую идеологию и религию, но также, вне всякого сомнения, повлияли и на становление и развитие хазарского языка.

Далее, как уже отмечалось, произошло соприкосновение (и взаимовлияние) с тюркскими, славянскими и готскими племенами, в результате чего хазарский язык обрел совершенно иное качество. Как это происходит, можно судить по аналогии с болгарским языком и возникновением болгарской нации. Общеизвестно, что до VII века предки современных болгар именовались булгарами и были кочевниками. Об этнической принадлежности протоболгар высказывались различные, в том числе и взаимоисключающие, точки зрения. Во 2-м томе авторитетного академического издания «Очерки истории СССР. III–IX вв.» (М., 1958) прапредки современных болгар отнесены «к числу сарматских племен, тюркизированных позднее гуннами, аварами и последующими волнами кочевников». Поскольку вопрос об этнической принадлежности гуннов, не говоря уже об их языке, до сих пор остается открытым, приведенное утверждение остается на совести академиков.

Так или иначе, обитали тюркоязычные кочевники-протоболгары первоначально в придонских, приазовских и причерноморских степях, примыкавших к Северному Кавказу. Здесь они основали государство Великая Болгария со столицей в ранее разграбленной и сожженной Фанагорией (современная Тамань). Здесь же они были разбиты наголову хазарами и вытеснены из степной отчины в придунайские степи. Вскоре беглая орда во главе с вождем-пассионарием Аспарухом форсировала Дунай, вторглась на Балканы и, слившись с семью автохтонными славянскими племенами, дала начало болгарской нации и Болгарскому государству.

Все это хрестоматийные факты. Вопрос же совершенно в другом: как случилось, что тюркоязычные булгары, дав свое имя безвестным балканским славянам, стали говорить на славянском языке? Ведь язык вовсе не тот феномен, с которым можно обращаться как вздумается и

менять по прихоти как перчатки. Смерть языка означает смерть народа. В Болгарии, однако, ничего подобного не произошло. Почему? Все очень просто: потому что славянский язык, с коим столкнулась орда хана Аспаруха, не был ей абсолютно чуждым. Потому что в составе орды, не скованной никакими религиозными ограничениями и запретами, было множество (если не большинство) славян. Потому что гаремы тюрко-булгар состояли из славянских пленниц, а их дети, естественно, говорили на славянском языке, который в силу чисто географических причин был проторусским.^[10] Потому-то, кстати, язык болгар, отделенных от России и Украины неславяноязычными Румынией и Молдавией, оказался более близким русскому и украинскому, чем язык, скажем, граничащих с ними поляков или словаков.

Сказанное с некоторыми оговорками вполне можно спроецировать и на хазарский социум. На протяжении многих столетий сама возможность его выживания и воспроизводства обеспечивалась за счет непрерывного пополнения гаремов прекрасными славянскими полонянками, до которых были столь охочи горячие восточные витязи. Подтверждением тому служат скупые слова Радзивилловской летописи, где говорится, что хазары предпочитали в качестве русской дани «по девице от дыма». Другими словами, от каждого двора, или «дыма», бралась в хазарский гарем красна девица, как впоследствии, спустя почти тысячу лет, брался в военную пору от каждого двора («дыма») парень-рекрут.

Правда, соответствующее место из Радзивилловской летописи считается не просто спорным, но еще и темным. Здесь дословно сказано: «А козаре имаху <...> по бели и девечи от дыма», что означает «А хазары брали по белке и девке от дыма». Раньше Радзивилловская летопись с ее изумительными красочными иллюстрациями считалась личным и бесценным достоянием литовских князей и была практически недоступна для исследователей. Долгое время она хранилась в Кёнигсбергском замке (откуда у нее и другое название — Кёнигсбергский список) и лишь после Семилетней войны в качестве трофея была доставлена в Петербург, где уже имелась копия, сделанная по заказу Петра Великого. Старанием патриотически настроенных ученых в 1767 году текст Радзивилловской летописи был впервые опубликован (как продолжение Несторовой летописи). Непосредственным исполнителем данного проекта стал скандально известный поэт-охальник Иван Семенович Барков (1732–1768), служивший копиистом и переводчиком в Академии наук: в данном своем качестве он помогал Ломоносову переписывать его исторические труды, а сам написал «Краткую российскую историю».

Нынче прекрасное факсимильное издание Радзивилловской летописи напечатано достаточным тиражом и есть во всех научных библиотеках, а кое-где еще и в продаже. Поэтому каждый, кто не поленится открыть 8-й факсимильный лист и взглянет на воспроизведенную здесь раскрашенную миниатюру, может самолично увидеть русского данника, склонившегося перед самодовольным хазарином со связкой шкурок (явно не беличьих, а скорее куньих) и каким-то горшком в руках (что в нем — не сказано), а сзади него жметя испуганная стайка круглолицых русских девушек, коим суждено стать хазарскими наложницами (рис. 74).

Рис. 74. Миниатюра Радзивилловской летописи. Хазары (слева) принимают русскую дань девушками. (Подчеркнуто в тексте слово «девеци» мной — В.Д.)

Справедливости ради необходимо отметить, что про девушек, которых

хазары требовали в качестве дани от каждого дыма и которые в конечном счете явились причиной постепенного обрусения хазарского социума, говорится лишь в Радзивилловской летописи. Во всех прочих списках, в том числе и в наиболее древних — Лаврентьевском и Ипатьевском — упоминание про девиц вообще отсутствует, а вместо слова «девицы» стоит «веверицы», что переводится и как «белки», и как «ласки», и как «горностаи». Общеизвестно, что каждый переписчик летописей вносил свой «редакторский вклад» и безбожно правил первоначальный текст (а то еще и придавал ему нужную идеологическую направленность), потому разные летописные списки так и отличаются друг от друга. Чем вызвана была замена в летописных текстах «девиц» на «вевериц» — теперь сказать трудно. Скорее всего, это связано с тем, что, когда первые русские князья освободили полян, древлян, северян и вятичей от постыдной хазарской дани, они заменили ее на традиционную для русского полюдья — шкурки куниц, белок да горностаев (вевериц).

Но и обвинять создателей Радзивилловской летописи — переписчиков и художников — в ошибке (а то и подлоге) также не пристало. Сдается, именно они как раз ближе всех к истине и, быть может, опирались на какой-то дополнительный, ныне утраченный протограф. Вдумайтесь сами: ну, что за дань такая — по белке от дыма, когда (правда, несколько позже — во времена Василия I, сына Дмитрия Донского) на Руси был установлен «штраф»: за нанесенную рану — 30 белок, а за синяк — 15. Это свои-то так брали — а тут хазары! Общеизвестно, что последние всех обдирали как липку, хорошо, если сам цел оставался. Так что с одной беличьей шкуркой здесь что-то явно не так. И горностаевая прибавка не спасает. А вот девицы — в самый раз. К тому же вскоре русские красавицы стали самым ходовым товаром на восточных невольничьих рынках.

Ну а что же происходило с детьми русских матерей и хазарских отцов — неизбежными плодами страстных гаремных утех? Естественно, они становились полноправными членами хазарского общества: юноша превращался в отважного джигита (рис. 75), девушка выходила замуж за хазарина. А на каком языке говорили такие бастарды? Разумеется, в первую очередь на том, какому их научила мать и на каком пела она своим чадам колыбельные песни! Стоит ли после этого удивляться, что хазары также постепенно русели, как перед тем болгары, а еще раньше — гунны, готы, сарматы и прочие соседи проторусских племен.

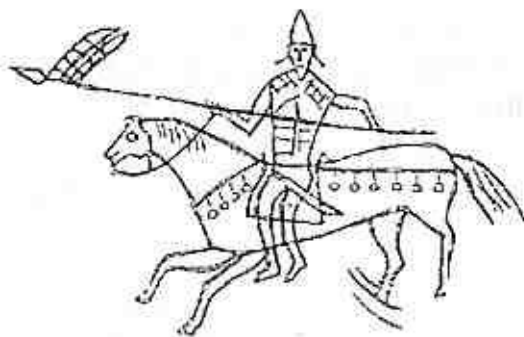

Рис. 75. Хазарский воин

Весьма показательной иллюстрацией в пользу высказанной мысли о растворении хазарского элемента в русском может послужить цикл былин о встрече и бое Ильи Муромца с богатырем-бахвальщиком, который, в конечном счете, оказывается его собственным сыном, носящим тотемное имя Сокольник. Все дело в том, что тот самый Жидовин-богатырь (то есть хазарин), о котором уже говорилось выше, по целому ряду косвенных признаков и есть неузнанный сын Ильи. К такому выводу пришел замечательный русский географ, этнограф и фольклорист Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) в специальном исследовании «Ерке: культ сына неба в Северной Азии» (Томск, 1916). На основании сопоставления различных текстов можно высказать предположение, что полюбовница Ильи Муромца и мать Сокольника оказалась в хазарском плену либо будучи беременной, либо уже с грудным ребенком на руках. Сын вырос и был воспитан в хазарской среде как необузданный джигит с жестокой моралью степняка: он и отца пытался убить, даже когда узнал, кто одержал над ним победу, и родной матери голову срубил. Однако говорил «хазарин» Сокольник по-русски.

Хазары называли своих славянских соседей *В-н-н-тр'ы* (если транскрибировать по-русски древнееврейское название). Непривычное на первый взгляд слово можно интерпретировать и как «вятичи» и как «венеды». По словам хазарского кагана Иосифа, эти *В-н-н-тр'ы* были «многочисленны, как песок у моря». Безусловно, многовековые отношения славян и хазар были разносторонни, но не безграничны.

Совсем недавно ряд исследователей — Н. Глоб и О. Прицак в Израиле, В.Н. Топоров в России — выдвинули довольно-таки экстравагантную гипотезу об основании Киева хазарами. Причем, дескать, произошло это всего-навсего какую-то тысячу лет тому назад. Опираясь на скудные и весьма туманные намеки одной арабской географической рукописи, авторы

данной гипотезы утверждают, что «мать русских городов» — Киев был заложен в IX веке на берегу Днепра как пограничная крепость Хазарского каганата неким командиром наемного хорезмийского отряда (хазарских пограничников), носившим родовое имя *Куяа*. В честь своих предков этот степной ушкуйник якобы и назвал построенный им на днепровском берегу острог Киевом (по-арабски *Куяава* или *Куяба*).

Действительно, город с таким названием встречается в арабских книгах и документах, причем написанных гораздо раньше, чем хазарский наемник Куяа побывал на берегу Днепра (впрочем, вопрос еще, побывал ли он там вообще, ибо в привлеченной в качестве довода арабской рукописи про то не говорится ни слова, а все домыслы о хазарском основателе Киева покоятся на фонетическом созвучии и чересчур богатом воображении). Кроме того, давно и хорошо известны также армянские источники VII века, введенные в научный оборот еще академиком Николаем Яковлевичем Марром (1864–1934). Здесь повторяется русская летописная история основания Киева (по-армянски *Куары*), что происходит значительно раньше, чем предполагается в «хазарской версии».

В последнее время получила достаточное распространение еще одна точка зрения, согласно которой Киев был основан в 612 году тюрко-болгарами по указанию создателя первой Булгарской империи хана Курбата, могила которого, кстати, была найдена еще в 1912 году под Полтавой. Якобы это он поручил своему младшему брату Шамбату построить на месте Старокиевской горы и днепровского перевоза военный и торговый форпост, получивший название *Башту (Город-голова)*. Однако после ссоры и разрыва между братьями младший получил от соплеменников кличку Кый (Кий), что по-тюркски значит «отщепенец», «отторгнутый от рода». В свою очередь, и принадлежащий ему город вскоре стал прозываться Кыев (Киев). (Подробнее см.: Теляшов Р.Х. От индейцев и гуннов до Золотой Орды. СПб., 2001). В древнетюркском языке немало лексем, созвучных славянским. Но сие свидетельствует лишь об одном — о едином источнике происхождения тюркских и индоевропейских языков.

* * *

В 640 году в Закавказье появилось огромное войско под зелеными знаменами ислама. Учение Корана и религия пророка Мухаммеда распространялась по странам Востока подобно степному пожару. Арабы

быстро захватили Армению, Грузию и Кавказскую Албанию. Путь в Европу через южнорусские степи был открыт. Но неожиданно неприступной стеной на пути удачливых завоевателей стали хазары. Им-то и суждено было сыграть роль точно такого же щита, каким спустя полтысячи лет стали русские полки, преградившие путь в Западную Европу татаро-монгольской орде.

Хазаро-арабские войны растянулись почти на сто лет и для обеих сторон означали реки крови и горы трупов. Кроме того, неоднократно брались штурмом, разорялись и сжигались дотла цветущие города Закавказья, а их жители становились либо хазарскими, либо арабскими рабами. Поначалу успех способствовал хазарам, но постепенно арабы после нескольких жесточайших поражений переломили ситуацию в свою пользу, вытеснили своих врагов с Кавказа и вторглись в южнорусские степи. Это случилось в 735 году. И здесь хазары применили ту же тактику, что и скифы двенадцать веков назад в отношении персидских полчищ Дария.

Сжигая все на пути отступления и не оставляя врагу никакой поживы, изрядно потрепанная хазарская армия двигалась все дальше и дальше на север, заманивая арабов в глубь незнакомой и враждебной территории. Хорошо знакомая картина: почти через одиннадцать столетий такой же маневр предпримут Барклай-де-Толли и Кутузов в отношении Великой армии Наполеона. Одновременно хазарская орда восстанавливала свои силы, пополняя свои ряды. Нетрудно представить, что это были за люди. Ну, конечно, славяне — никого другого поблизости попросту не было! Вот еще одна причина разбавления тюркоязычной массы и ее обрусения.

Правда, блестящий воинский союз вскоре обернулся трагедией для славянских племен, участвовавших в отражении арабской агрессии: почти на двести лет хазары обложили своих союзников данью. Пока не появился на юге Руси князь Олег и не освободил своих единоплеменников от хазарской дани. Что касается арабов, то с тех пор они раз и навсегда отказались от мысли присоединить Русь и Хазарию к Арабскому халифату. Впредь Волга и Дон видели только мирных арабских купцов. Один из них посетил Хазарию перед ее полным закатом по пути в процветающую Волжскую Булгарию. Это уже упоминавшийся в I части Ибн-Фадлан, составивший дневник своего путешествия на Волгу в 921–922 годах. Проехать мимо обширных владений хазарского кагана было невозможно. Любопытного араба поразили многие обычаи хазар. Как мусульманин не мог он не обратить внимания и на гарем кагана (главный катализатор и регулятор, как мы помним, этнического состава и каганата в целом):

«Еще обычай царя хазар тот, что у него двадцать пять жен, причем каждая из этих жен — дочь кого-либо из царей, соседящих с ним, которую он берет себе волей или неволей. У него шестьдесят девушек-наложниц для его постели, причем только такие, которые отличаются красотой. И каждая из свободных и наложниц находится в отдельном дворце, у нее есть помещение в виде купола, покрытое тиком [имеется в виду юрта. — В.Д.], и вокруг каждого „купола“ есть утоптанное пространство. И у каждой из них есть евнух, который ее стережет. Итак, если каган захочет использовать одну из них как наложницу, он посылает за евнухом, который ее стережет, и тот является с ней быстрее мгновения ока, чтобы положить ее в его постель, причем евнух останавливается у дверей „купола“ царя. Когда же царь использовал ее как наложницу, то евнух берет ее за руку и удаляется и не оставляет ее после этого ни на одно мгновение».

Традиции хазарских властителей переняли и первые русские князья. Если верить Нестору-летописцу (а не верить ему не приходится), только у Владимира-стольнокиевского перед принятием им христианства было не менее 800 наложниц. Надо полагать, после крещения тоже мало что изменилось: не отправил же он свой гарем на невольничий рынок. Описывает Ибн-Фадлан и похоронный обряд для высших лиц государства, и прежде всего кагана. Последнего, оказывается, могли умертвить (задушить петлей), если он переставал удовлетворять подданных из-за старости или оказывался виноватым в крупных несчастьях (например, в стратегическом поражении в ходе военных действий). Но хоронили даже умерщвленного кагана со всеми полагающимися почестями. Покойника помещали в бревенчатый сруб, расположенный в глубоком рву, а поверху пускали воду, так чтобы получилась настоящая река, и никто уже был не в силах добраться до царя и его сокровищ. Между прочим, подобным образом хоронили своих вождей и готы.

Из записей Ибн-Фадлана стало известно, на каких жестоких и бесчеловечных принципах основывалась дисциплина в хазарском войске:

«Если он [каган. — В.Д.] пошлет в поход отряд войска, то он не обращается вспять никоим образом и никаким способом, а если он обратится в бегство, то предается смерти всякий, кто из него к царю возвратится. А что касается предводителя и его

заместителя, то если они обратятся в бегство, то приведут их самих и приведут их жен и их детей и дарят их другим в их присутствии, в то время как они [предатели. — В.Д.] смотрят на это, и точно так же раздают их лошадей, и их домашние вещи, и их оружие, и их усадьбы. А иногда он [царь — В.Д.] разрежет каждого из них на два куска [то есть пополам. — В.Д.] и разопнет их, а иногда повесит их за шеи на деревьях. Иногда же, если окажет им милость, то сделает их конюхами».

Ко времени описываемых событий большинство славянских племен оказалось под ярмом Хазарского каганата (см. карту — рис. 76). Не довольствуясь эпизодическими, но сокрушительными набегами, хазары обложили полян, древлян, северян, вятичей и радимичей постоянной данью. Так продолжалось недолго. Русь крепла не по дням, а по часам, заставляя считаться с собой не только Хазарию, но и Византию. Стремительные русские ладьи стали хозяйничать на Черном, Азовском и Каспийском морях. В IX веке русский флот неоднократно появлялся у стен Царьграда. Против силы и напора русских дружин устоять было трудно — необходимо было искать другие пути, дабы обуздать и укротить Русь. Самый простой и надежный способ — идеологический дурман. И хазары засылают к всесильному киевскому князю эмиссаров-талмудистов, надеясь увлечь Владимира Красное Солнышко прелестями иудейской религии. Состоялся знаменитый диспут, обстоятельно описанный в «Повести временных лет»:

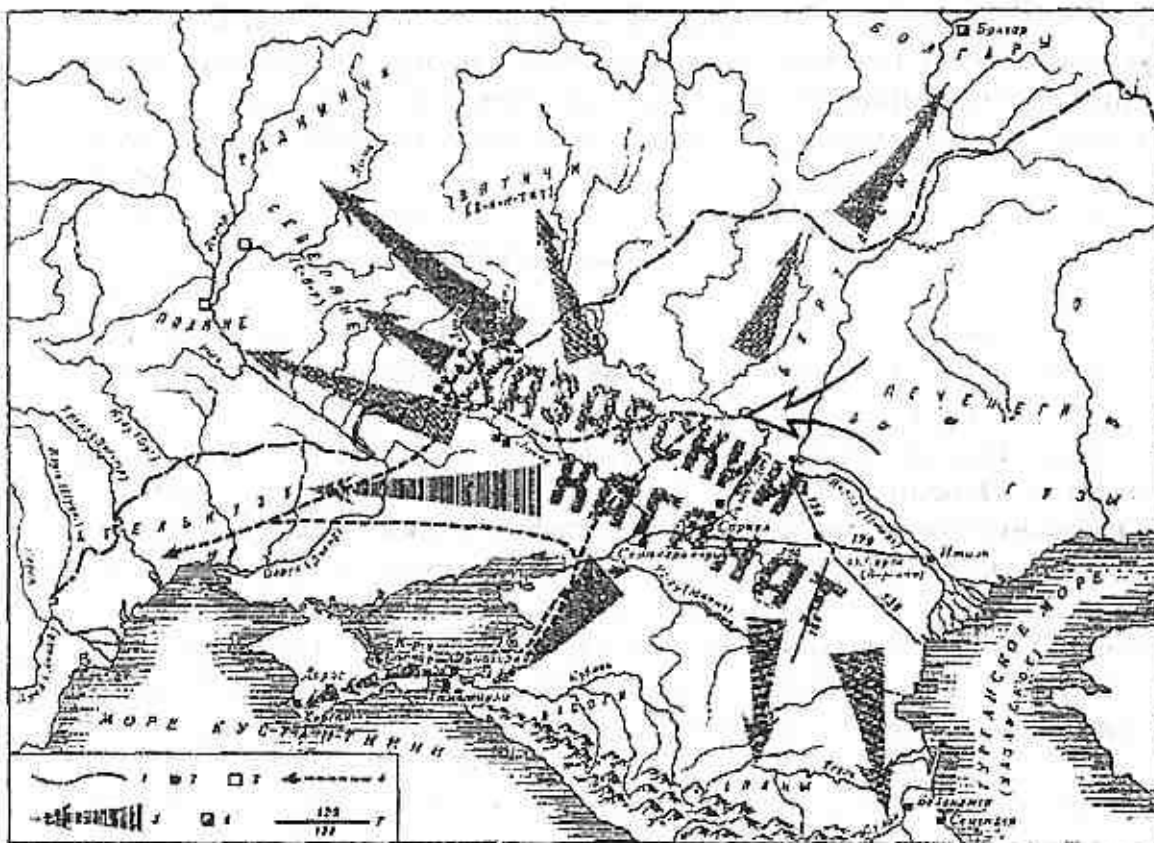

Рис. 76. Хазария в VIII–X вв.

«...Пришли хазарские иудеи [у Нестора, естественно, написано „жидове козарьстии“. — В.Д.] и сказали [князю Владимиру. — В.Д.]: „Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы верим в единого Бога Авраамова, Исаакова, Иакова“. И вопрошал Владимир: „Каков ваш закон?“ Они же ответили: „Обрезаться, не есть свинины и зайчатины, хранить субботу“. Он же спросил: „А где земля ваша?“ Они же ответили: „В Иерусалиме“. И снова спросил он: „Там ли?“ И ответили те: „Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по разным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам“. И сказал на это Владимир: „Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны. Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?“»

(Перевод А.Г. Кузьмина)

Кстати, вопреки установившемуся мнению, господство иудаизма в Хазарском каганате (то есть пребывание его в ранге общегосударственной религии) не было продолжительным, оно продлилось не более двухсот лет. Крупнейший специалист в области хазарской истории и археологии Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972), скрупулезно проанализировав письма царя Иосифа, отправленные в Испанию, пришел к выводу, что все приводимые в них даты являются позднейшей вставкой и не соответствуют действительности.

На самом деле хазары долгое время придерживались традиционных языческих верований тюрков с преобладанием шаманизма. В VIII веке начались метания и шарахания из стороны в сторону в вопросах выбора новой веры. Еще в 730–731 годы хазарский князь Булан был обращен в иудейство. Однако в 737 году арабский полководец Мерван, разгромив наголову хазарское войско, принудил кагана принять мусульманство. Но и это продолжалось недолго. По данным арабских историков, во времена правления багдадского халифа Харун-ар-Рашида (786–809) иудейская религия в Хазарии почти на два века сделалась господствующей. Так продолжалось до конца X столетия: между 977 и 985 годами Хазария была оккупирована Хорезмом и была принуждена вновь принять ислам. А вскоре начались постоянные атаки русских дружин, в результате которых Хазарский каганат был окончательно сокрушен и как государственное образование прекратил свое существование.

Каганат был разгромлен, но сами хазары выжили, рассеялись и продолжили свою деятельность на территории Руси уже не с помощью мечей и сабель, копий и стрел, арканов и захвата невольников, а путем торгово-ростовщической деятельности. Самым действенным оружием по-прежнему оставалась иудейская религия, которая, однако, никак не приживалась среди коренного русского населения. Еврейско-хазарские колонии представляли собой в то время главным образом замкнутые общины внутри больших городов. Г.В. Вернадский так описывает крупную еврейскую общину в Киеве и ее последующую эволюцию:

«Еврейская колония существовала там с хазарского периода. В двенадцатом веке одни из городских ворот Киева были известны как Еврейские ворота, что является свидетельством принадлежности евреям этой части города и значительного их количества в Киеве. Евреи играли значительную роль как в коммерческой, так и в интеллектуальной жизни Киевской Руси. По крайней мере, один из русских епископов этого периода Лука

Жидята из Новгорода был, как мы можем полагать, еврейского происхождения. Иудаизм имел сильное влияние на русских в этот период, в результате чего русские епископы, подобно Иллариону Киевскому и Кириллу Туровскому, в своих проповедях уделяли значительное внимание взаимосвязи иудаизма с христианством».

Богатая событиями история Хазарского каганата на территории современной России и его длительные связи с иудаизмом дала повод некоторым израильским идеологам и политикам поднять вопрос о второй земле обетованной и исконной прародине на юге России и Украины — с далеко идущими целями. В данном случае речь идет об обычной политической конъюнктуре. Тем не менее факт остается фактом: Россия как прямая наследница Гипербореи всегда была мощным этническим котлом, в горниле которого сформировалась не одна современная нация. Русская Земля всегда была открыта для друзей и стала приютом для многих народов — скитальцев и сидельцев. Это — незыблемая истина. Но истина также и то, что всем покушавшимся на Русскую Землю со злонамеренными, корыстными и завоевательными целями она становилась *могилой*.

Глава 12

СЛАВЯНСКАЯ РЕКА В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

*Сдается мне: весь род славян — большая
река, что путь величественный свой
хоть медленно, хоть мощно совершая,
течет упорно к цели вековой...*

Ян КОЛЛАР

Честь славянам! Пью за Север, пью за Родину мою!

Константин БАЛЬМОНТ

Славянская история полна загадок, белых пятен и нерешенных проблем. Письменных источников, касающихся происхождения этой мощной ветви общеиндоевропейского древа, почти не сохранилось, что дало основание крупнейшему чешскому слависту Любору Нидерле (1865–1944) еще сравнительно недавно утверждать:

«История сама по себе безмолвна. Нет ни одного исторического факта, ни одной достоверной традиции, ни даже мифологической генеалогии, которые помогли бы нам ответить на вопрос о происхождении славян. Славяне появляются на исторической арене неожиданно как великий и уже сформировавшийся народ; мы даже не знаем, откуда он пришел и каковы были его отношения с другими народами. Лишь одно свидетельство вносит кажущуюся ясность в интересующий нас вопрос: это известный отрывок из летописи, приписываемой Нестору и сохранившейся до нашего времени в том виде, в котором она была написана в Киеве в XII веке. Этот отрывок можно считать своего рода „свидетельством о рождении“ славян».

Сказанное — вовсе не преувеличение. Действительно, из всех историков прошлого лишь один автор «Повести временных лет» озабочен судьбой славянства как единого целого. По существу, Нестор — первый

славянофил и первый панславист, равных которому не было ни до ни после.

Славянство явно просматривается уже со времен Троянской войны, то есть с начала I тысячелетия до н. э. Причем участвовали славянские племена в знаменитой войне, воспетой Гомером, как с одной, так и с другой стороны. Славяно-скифское племя из муравьиного тотема *мирмедионов* (от греч. *myrmex* (*myrmekos*) — «муравей»), обитавшего где-то в Причерноморье (а может, и гораздо севернее), привел под стены Илиона неистовый Ахилл, присоединив свой совершенно не похожий на эллинский отряд к разномастной армии осаждавших Трою ахейцев.

Но и среди осажденных защитников Трои были славяне. Гомер называет их *энетами*. Это те самые *венеды*, которые впоследствии были известны по всей Европе и о которых речь уже шла во II части. Возглавлял троянский отряд энетов (венедов) Антенор (корневая основа «ант» тоже нам уже знакома). У Антенора и его энетов были какие-то особые отношения с греками, поэтому они позволили ему и другому счастливчику — будущему родоначальнику Римской державы Энею (рис. 77) — живыми покинуть Трою после ее взятия и поголовного уничтожения всех остальных защитников. Дальнейшее хорошо известно хотя бы по «Энеиде» Вергилия: Эней и Антерон приплыли в Италию, где положили начало будущей Римской цивилизации. Кстати, имя Эней также созвучно этнониму эне́ты (венеды), что тоже не случайно.

Рис. 77. Эней. Художник Пьер Герон

Все это прекрасно осознавал еще М.В. Ломоносов — он мощными аккордами открывал историю славянских народов:

«Величество славенского народа <...> даже до баснословных еллинских времен простирается и от Троянской войны известна. Енеты, венеты или венды народ словенского поколения, с королем своим Пилимоном бывши в Трое для ее от врагов защищения, лишились своего государя и для того, соединясь с Антенором, отъехали во внутренний конец Адриатического моря и, поселясь по берегам, где ныне Венецейское владение, далече распространились».

Сказанное косвенно подтверждает одна надгробная этрусская надпись, введенная в научный оборот еще в середине XIX века знаменитым историком Теодором Моммзеном (1817–1903). Она приводится в хорошо

известной (благодаря репринтным переизданиям) книге Егора Классена «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славянорусов дорюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова». Вып. 1 (М., 1854). Фаддей Воланский выявил в моммзеновской надписи не только имя самого Энея, но также и множество славянских корней, включая название России (Расии). Все это вместе взятое позволило Воланскому и Классену предположить, что Моммзенем была найдена могила самого Энея. Выходит, не так уж и далек от истины был Иван Котляревский: хотя он и спародировал Вергилия, но зато почувствовал в латинских гекзаметрах подлинно славянский (малоросский) аромат:

*Эней был парубок бедовый
И хлопец хоть куда казак,
На шашни прыткий, непутевый,
Затмил он записных гуляк.
Когда же Трою в битве грозной
Сровняли с кучею навозной,
Котомку сгреб и тягу дал;
С собою прихватив троянцев,
Бритоголовых голодранцев,
И грекам пятки показал.*

(Перевод с украинского Веры Потаповой)

Вообще-то Троя — тоже славянское название, хотя числительное «три» и звучит одинаково в большинстве индоевропейских языков. Еще Н.И. Костомаров в «Славянской мифологии» (а вслед за ним и академик А.Н. Веселовский) обратил внимание на сходство топонима Троя и этнонима «троянцы» с фольклорным собирательным понятием «трояны», обозначающим, как правило, трех братьев, но относящимся также и к другим лицам, родственно связанным между собой. Классическими братьями-троянами древнерусской истории были основатели Киева Кий, Щек и Хорив. Вот почему в устных народных легендах Киев иногда именовался Троей, не тождественной, естественно, малоазийской Трое-Илиону. Известно также славянское языческое божество Триглав — еще один Троян, которого помнит «Слово о полку Игореве»: «Трояновы века» и «Троянова тропа».

Во времена Гомера троянцами именовали не только защитников стольного города, но всех жителей Троянского царства. Между прочим, основателем Троянского царства и его столицы считается Дардан, сын Зевса и титаниды-плеяды Электры. В честь основателя Трои и по сей день носит свое название пролив Дарданеллы, но несомненный интерес представляет также и имя праотца многих троянских героев «Илиады»: оно состоит из двух чисто славянских корней «дар» + «дан» и не нуждается в переводе, ибо означает то, что означает — «дар дан».

После падения и разрушения Трои часть уцелевших троянцев-дарданцев рассеялась по всей земле. Это относится не только к уже упомянутым энедам (венедам), но к основателям будущей Франкской империи (о чем наперебой сообщают средневековые хронисты). Быть может, это дало основание Прокопию Кесарийскому наименовать славян по-гречески «спорами», то есть «рассеянными». Так или не так, но именно благодаря византийскому историку сохранились драгоценные свидетельства о славянском мире VI века н. э.:

«...Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву и то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, нимф и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают. Иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на

сражение с врагами. У тех и у других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные. Образ жизни у них как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но, по существу, они неплохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. В древности оба эти племена называли спорами („рассеянными“), думаю, потому, что они жили, занимая страну „спораден“, „рассеянно“, отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть Истра [Дуная], по ту сторону реки».

Другие византийские историки также зафиксировали немало важнейших подробностей о быте и обычаях славян. Среди многих свидетельств особенно выделяются заметки двух императоров — Маврикия Стратега (582–602) и Константина VII Багрянородного (908–959). Император Маврикий особое внимание обращал на воинское искусство славян, поражавшее даже многоопытных византийцев:

«Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много разнообразных способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнутыми внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, достигающие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне реки, дышат с помощью их. И это могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их присутствии. А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их за растущие в воде, лица же, знакомые с этой уловкой и распознающие камыш по его обрезу и занимаемому им положению, пронзают камышами глотки лежащих или вырывают камыши и тем самым

заставляют их вынырнуть из воды, так как они уже не в состоянии дольше оставаться в воде.

Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но труднопереносимые. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильнодействующим, если раненый не примет раньше противоядия или не воспользуется другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела.

Не имея над собой главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, не способны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти на бой, то они во время его с криком продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша помериться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются в них, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто они бросают добычу как бы под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными, придумываемыми ими способами с целью заманить противника».

Константина Багрянородного, казалось бы, интересовали совершенно иные вопросы: регулярные плаванья славян по Днепру на лодках-однодеревках, преодоление разными способами семи днепровских порогов, жертвоприношения петухов у тысячелетнего дуба на острове Хортица (где впоследствии обосновалась Запорожская Сечь), соперничество с печенегами. Но это не чисто познавательный интерес. Вот уже более трех веков Византийская империя подвергалась непрерывным атакам со стороны на первый взгляд разрозненных славянских племен, которые в решающий момент превращались в грозную, не ведающую поражений силу. Проникая повсюду, как струи дождевой воды, обрушившиеся на пересохшую степь, славяне наводили страх и ужас на подданных империи даже в пору ее наибольшего могущества и процветания. Послушаем еще раз Прокопия из Кесарии — главного хрониста царствования Юстиниана

(речь идет о набеге славян на Балканы):

«До пятнадцати тысяч мужчин они [славяне] тотчас же убили и ценности разграбили, детей же и женщин обратили в рабство. Вначале они не щадили ни возраста, ни пола; оба эти отряда с того самого момента, как ворвались в область римлян, убивали всех, не разбирая лет, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта не погребенными телами. Они убивали попадавшихся им навстречу не мечами и не копьями или какими-нибудь обычными способами, но, вбив крепко в землю колья и сделав их возможно острыми, они с великой силой насаживали на них этих несчастных, делая так, что острие этого кола входило между ягодицами, а затем под давлением (тела) проникало во внутренности человека. Вот как они считали нужным обращаться с ними. Иногда эти варвары, вбив глубоко в землю четыре толстых кола, привязывали к ним руки и ноги пленных и затем непрерывно били их палками по голове, убивая их таким образом, как собак или как змей или других каких-либо диких животных. Остальных же вместе с быками или мелким скотом, который они не могли гнать в отеческие пределы, они запирали в помещениях и сжигали без всякого сожаления. Так сначала славяне уничтожали всех встречающихся им жителей. Теперь же они и варвары из другого отряда, как бы упившись морем крови, стали некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, уводя с собой бесчисленные десятки тысяч пленных».

Славяне чувствовали свою силу и знали себе цену. Свидетельствует еще один византийский историк VI века, носивший распространенное греческое имя Менандр. Он служил в императорской гвардии, участвовал в битвах со славянами и аварами и потому получил прозвище Протектор. Так вот, по свидетельству Менандра Протектора, когда аварский князь, по «странному совпадению» носивший славянское имя Баян, пытался подчинить себе славянских вождей, утвердившихся на Балканах, те ему ответили: «Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужой землей, а не другие нашей. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и мечи» (эти слова уже приводились в I части).

Между прочим, столь решительный и непреклонный отпор авары

получили примерно в то же самое время, когда, поработив другое славянское племя — дулебов, издевались над ними как хотели. Эти дулебы жили где-то в Прикарпатье, отличались мирным нравом и думали, что смирение им поможет. Как бы не так! Пока другие славянские племена отвоевывали себе жизненное пространство на Балканах, дулебы попали под жесточайшее аварское иго, известных в русских летописях под именем *обров*. Про то, как издевались обры над дулебами, как впрягали в повозки дулебских жен (рис. 78) и насильничали над ними, нынче всяк знает. Но и урок, должно быть, не пропал даром. Славяне лишний раз на собственной шкуре познали простую и старую, как мир, истину: кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую. Недаром в дальнейшем русские люди денег и припасов на содержание княжеской дружины или царского войска не жалели. Традиция сохранилась и поныне: Россия сильна не только самой армией, но и поддержкой ее народом!

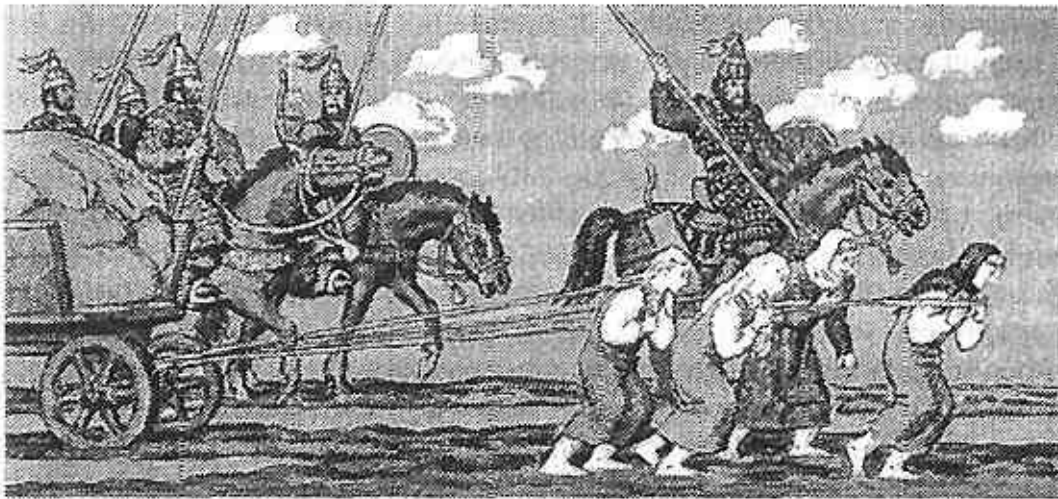

Рис. 78. Обры (авары) используют славянских (дулебских) женщин в качестве тягловой силы. Иллюстрация учебного пособия В.Я. Петрухина «Славяне»

* * *

История славян начиналась с представления об их единстве и целостности. Именно в таком облики предстают они впервые в Начальной русской летописи: «Спустя много времени сели славяне на Дунае, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по

земле и прозвались именами своими от тех мест, на которых сели». Однако о конкретном времени — когда же именно сие произошло — и древним хронистам и современным историкам мало что известно. Позади первых упоминаний о славянах зияет непреодолимая временная пропасть. Такое впечатление, будто бы до первых веков н. э. славян как таковых на исторической арене не было вовсе. Собственно, большинство историков — западных и, к сожалению, российских — так и считает.

Действительно похоже: было в славянской предыстории нечто такое, что заставило наших прапредков бросить насиженные места, долго скитаться по миру, пока наконец не занесло их на Дунай, где пришлось, как говорится, начинать жизнь сначала. При этом сведения о былой жизни, то есть о собственной предыстории, были утрачены. Так уже случалось со многими народами — и с египтянами, и с эллинами, и с этрусками, да и мало ли с кем еще. В условиях отсутствия письменности существуют сложившиеся методики сохранения и передачи от поколения к поколению устного знания. Имелись и профессиональные хранители родового знания — как правило, таковыми выступали либо жрецы, либо сказители и поэты. Впрочем, при расцвете устного творчества, песенного, обрядового и танцевального искусства весь народ становился коллективным поэтом.

Если каста профессиональных хранителей родового знания исчезает (например, при появлении и внедрении новой религии языческое жречество либо истреблялось, либо лишалось возможности влиять на паству), обрывается и нить, связывающая настоящее с прошлым, и память о былом быстро стирается. Это прекрасно видно даже на примере отдельных семей. Устные рассказы о том, как жили родители, обычно хорошо запоминаются детьми, но уже частично и выборочно помнятся внуками. Если не ведется никаких семейных летописей, правнуки уже, как правило, мало что знают о жизни прадедов и, главное (за малым исключением), мало этим интересуются.

По рассказам отца я могу рассказать своим детям и внукам о его активном участии в Великой Отечественной войне (к тому же отец успел написать и издать мемуары). Зато я сам уже ничего не знаю (и теперь никогда не узнаю) о жизни моих прадедов в прошлые времена (они были неграмотными крестьянами и мемуаров не оставили). Я могу лишь предположить на основе знания письменных источников об их возможном участии в наиболее заметных событиях реальной истории, привязать их, так сказать, к канве русской и мировой истории. Точно так же и первые славянские историки — хронисты и летописцы — не владели утраченными знаниями о событиях, предшествовавших появлению славян на Дунае и в

Подунавье.

Относительно мест, где славяне «сели» в соответствии с Несторовой летописью, среди современных историков особых разногласий нет. А вот относительно краев и времени, **откуда** славяне явились в места своего нынешнего проживания, ясности нет ни у Нестора-летописца, ни у всех последующих летописателей и исследователей. Впрочем, различного рода гипотез во все времена существовало — хоть отбавляй. Помимо уже названной «классической» балканско-дунайской версии происхождения славян, известны также концепции — балканско-иллирийская, паннонская, скифская, сарматская, вандальская, гуннская, кавказско-колхидская, черноморская, скандинавская, ну и, разумеется, — гиперборейская.

Перечисленные подходы и точки зрения обычно преподносятся, как конкурирующие и даже взаимоисключающие. В этом — трагическая ошибка историков и археологов, большинство из которых больны главной и плохо поддающейся лечению профессиональной болезнью научного сообщества: абсолютизировать и выдавать за истину в последней инстанции исключительно свое видение и понимание проблемы. Так было всегда, наше время — не исключение. На самом же деле выявленные археологами и интерпретированные историками очаги славянской культуры в плане этногенеза *не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга*. Их следует рассматривать как перевалочные пункты на зигзагообразном пути долгих скитаний прапредков славян по просторам Евразии, прежде чем они окончательно не обосновались в тех местах, где их застали последние века и тысячелетия. Достаточно соединить известные «точки» пунктирной линией, и получится схема таких миграций. Сказанное, естественно, относится и к другим праэтносам.

Несмотря на явную разногласию относительно происхождения славян, историки-гуманисты — и русские, и украинцы, и белорусы, и сербы, и хорваты, и чехи, и словаки, и поляки, и представители других славянских народов — всегда исходили из бывшего славянского единства. В «Великопольской хронике» читаем:

«У славян существует большое разнообразие в языках и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по-видимому, кое-какие различия. Языки эти берут начало от одного отца Слава, откуда и славяне. Они и до сих пор не перестают пользоваться этим именем, например, Томислав, Станислав, Янислав, Венцеслав и др. Утверждают, что от этого же Слава произошел Нимрод

[библейский великан-богатырь, инициатор строительства Вавилонской башни. — В.Д.]. Нимрод по-славянски означает „Немежа“, что и понимается по-славянски как „не мир“ или „не измеряющий мира“, от которого началось среди людей рабство, в то время как прежде у всех была незыблемая свобода. Сперва он безрассудно пытался подчинить своей власти своих братьев; дерзость его безрассудства навлекла закон рабства не только на его братьев из рода славян, но также и на весь мир».

* * *

Сохранившиеся до наших дней «канонические» летописи и хроники начинают реальную историю славян с того времени, когда они появились в Карпатах и на Дунае. Под эти территории старательно подгоняются и все обнаруженные к настоящему времени археологические памятники. И уже на данной основе стараются всеми правдами и неправдами утвердить «карпатскую теорию» этногенеза славян, дискредитируя одновременно любые конкурирующие концепции и гипотезы. Не отстают от историков и беллетристы. Вот, к примеру, как рисовались первые века славянства известному чешскому писателю Владиславу Ванчуре (1891–1942):

«Между бассейном реки по названию Висла и той рекою, чье имя — Днепр, лежит древняя родина славян. На севере спускается она к низменному берегу Балтийского моря, с полуденной стороны ограничил ее горный массив, получивший название Карпаты. Край пологих холмов, край стоячих вод, край озер, прудов и трясин, край, где трижды в год разливаются полые воды, край медленно струящихся рек, что обтекают островки и ветвятся бесчисленными протоками, изобильными рыбой. В том краю лесные чащобы во многих местах уступили водам, и болота пролегли между едва поднявшимися над ними возвышенностями, между лесами и рощами. Разнородная живность кишела в глубинах и на мелководье: лосось проплывал по стрежню, аист стоял на болоте, стаи птиц кружили над тростниками.

В лесах росли хвойные деревья: сосна, ель, кедр, густой еловый подлесок. Из лиственных деревьев встречались березы, буки, клены, бересты, вязы, грабы, ольхи, тополи, осины, ясени и

липы. Ствол жался к стволу. Тела вывороченных деревьев повисали на ветвях соседей, и новые стволы поднимались из трухлявых груд. На более открытых местах зыбились в травах колоски проса, ржи, овса, пшеницы, кустики лебеды и медунки.

Рыскал в чащобе зверь, и многослойные тени укрывали птиц. Сокол, ястреб, лунь кричали в ветвях. Стада буйволов паслись на прогалинах, и с ними — олень, серна, лось. Медведь бортничал в дуплах, рысь скакала по деревьям, выдра и бобер жили у рек, кабан продирался топью, крался волк в тени зарослей, где обитали звери помельче.

И сколь страна славян была дикой и могучей, столь диким и могучим был сам народ. Сила его переливалась через край, и множился он, возрастал и, в восхищении обильным током жизни, чтил плодородие, плодоносные дожди, землю, ветер и солнце».

Однако дунайско-карпатская деятельность славян, известная из сохранившихся летописей и хроник, — всего лишь промежуточное (причем довольно-таки позднее) звено их реального существования на исторической арене. Задолго перед тем, как осесть на Дунае и в Карпатах, а затем расширить ареал своего обитания на запад и восток, славяне имели за плечами многотысячелетнюю историю: сначала в составе нерасчлененной индоевропейской этнолингвистической общности, затем — в составе крупных культурно-языковых объединений (например, кельто-германо-славянской этнической общности) и, наконец, как единый славянский пранарод, говоривший на общем для всех славян праязыке. А до того была еще и яфетическая этнолингвистическая общность, объединявшая прапредков такие современные языковые семьи (и их носителей), как тюркская, финно-угорская, монгольская, тунгусо-маньчжурская, самодийские и некоторые кавказские языки. Но и здесь еще не достигается историческое дно, ибо начальной точкой отсчета служит эпоха полной языковой общности безотносительно к тому, какой степени развитости был в то время единый и неделимый праязык и что представлял из себя антропологически, генетически и культурно-исторически гипотетический пранарод.

В том, что Карпаты во все времена притягивали к себе людей, нет ничего удивительного. Любые горы — и одиночные, и объединенные в системы — являются естественными аккумуляторами и проводниками космопланетарной и геофизической энергии, которая, в свою очередь, имеет положительное биогенное (а иногда и отрицательное —

геопатогенное) воздействие на человека.

Если же попытаться ответить на вопрос, как и в каких географических границах происходила дифференциация некогда единого славянского пранарода и как шло развитие обособившихся славянских племен после естественного распада былой общности, в таком случае неизбежно придется вернуться в область так называемых этногенетических легенд, которые представители официальной и официозной науки упорно продолжают считать продуктом чистого домысла — хорошо, если еще не злокозненного умысла.

Я не стану скрупулезно анализировать многочисленные и похожие друг на друга, как инкубаторские цыплята, разглагольствования ученых мужей: моя книга — не диссертационное исследование. Весь необходимый материал такого рода и исчерпывающую библиографию интересующиеся могут найти в информационно ёмкой монографии Александра Сергеевича Мыльникова «Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века» (СПб., 1996), а также в продолжающей тему книге того же автора «Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начало XVIII века» (СПб., 1999). Бессмысленно сосредотачиваться на деталях, если неверны исходные методологические принципы.

Вся беда в том, что подавляющее большинство историков — крупных и мелких, отечественных и зарубежных, умерших и здравствующих — односторонне представляют связь между устной и письменной историей. В качестве документальной основы признаются, как правило, только письменные и материальные источники. Так называемая устная традиция передачи сведений о прошлом отвергается начисто, высмеивается и шельмуется. При этом в упор не замечаются самоочевидные истины: многие основополагающие исторические труды (от Геродотовой «Истории» до Несторовой «Повести временных лет») зиждятся (особенно в начальных своих частях) исключительно на устных преданиях и рассказах.

* * *

Пантеон языческих богов, которым поклонялись древние славяне, был чрезвычайно развит и разнообразен. Как и полагается, в нем соблюдалась строгая иерархия. Существовал определенный круг главных первобогов, корни которых уходили в общеарийскую древность. Среди них обязательно

выделялись солярные (солнечные) божества, бог грома и молнии (совмещавший, как правило, свои основные функции с воинскими), бог огня, богиня жизни и родовспоможения — она же нередко и вершительница людских судеб, наследница и преемница Великой богини времен матриархата.

В честь своих богов славяне воздвигали величественные храмы. Арабские купцы и путешественники свидетельствовали, что задолго до принятия христианства на территории современной России они видели большие деревянные церкви с куполами и колоколами, посвященные главным божествам, изваяния которых обычно находилось внутри храма. Наиболее известное описание подобного храма принадлежит Саксону Грамматику, он лично видел арконское святилище балтийских славян на острове Рюген (Руяне), сожженное вскоре католическими миссионерами:

«Город Аркона лежит на вершине высокой скалы; с севера, востока и юга огражден природной защитой... с западной стороны защищает его высокая насыпь в 50 локтей... Посреди города лежит открытая площадь, на которой возвышается деревянный храм, прекрасной работы, но почтенный не столько по великолепию зодчества, сколько по величию йога, которому здесь воздвигнут был кумир. Вся внешняя сторона здания блистала искусно сделанными барельефами различных фигур, но безобразно и грубо раскрашенными. Только один вход был во внутренность храма, окруженного двойною оградой. Внешняя ограда состояла из толстой стены с красною кровлею; внутренняя — из четырех крепких колонн, которые, не соединяясь твердой стеной, увешаны были коврами, достигавшими до земли, и примыкали ко внешней ограде лишь немногими арками и кровлей. В самом храме стоял большой, превосходящий рост человеческий, кумир, с четырьмя головами, на стольких же шеях, из которых две выходили из груди и две к хребту, но так, что из обеих передних и обеих задних голов одна смотрела направо, а другая налево. Волосы и борода были подстрижены коротко, и в этом, казалось, художник сообразовывался с обыкновением руян [то есть населения острова Руян. — В.Д.]. В правой руке кумир держал рог из различных металлов, который каждый год обыкновенно наполнялся вином из рук жреца для гадания о плодородии следующего года; левая рука, которой кумир опирался на бок,

уподоблялась луку. Верхняя одежда спускалась до берцов, которые составлены были из различных сортов деревьев и так искусно были соединены с коленами, что только при внимательном рассматривании можно было различать фуги. Ноги стояли наравне с землею, их фундамент сделан был под полом. В небольшом отдалении видны были узда и седло кумира с другими принадлежностями. Рассматривающего более всего поражал меч огромной величины, ножны, которого, помимо красивых резных форм, отличались серебряною отделкой... Для содержания кумира каждый житель острова обоих полов вносил монету. Ему также отдавали третью часть добычи и хищений, веря, что его защита дарует успех. Кроме того, в его распоряжении были триста лошадей и столько же всадников, которые все, добываемое ими насилем или хитростью, вручали верховному жрецу; отсюда приготавлились различные украшения храма. Прочее сохранялось в сундуках под замками; в них, кроме огромного количества золота, лежало много пурпуровых одежд, но от ветхости гнилых и худых.

Можно было видеть и множество общественных и частных даров, пожертвованных с благочестивыми обетами, просящих помощи, потому что этому кумиру давала дань вся Славянская земля. Даже соседние государи посылали ему подарки с благоговением: между прочим, король датский Свенон, для умиловления его, принес в дар чашу искуснейшей отделки...»

А что же ныне?

Там, где мрамор сверкал на дворцах громовержца Перуна,
Чернь из обломков колонн скотские строит хлева.
Там, где славянка-краса распевала в зеленой дубраве,
Песни умолкли теперь, певчие немые уста.
Где поднимала чело старославная Аркона к небу,
Башен обломки крошит гостя чужого нога...

Ян Коллар

Имена языческих богов у разных славянских племен не обязательно совпадали. У проторусов, давших начало русской, украинской и

белорусской нациям, сложился особый пантеон высших и низших божеств. В последние годы появилось множество книг, посвященных данной теме. В первую очередь следует назвать переиздания классических или незаслуженно забытых книг Александра Афанасьева, Григория Глинки, Владимира Даля, Елены Елеонской, Дмитрия Зеленина, Андрея Кайсарова, Егора Классена, Аполлона Коринфского, Николая Костомарова, Василия Лёвшина, Сергея Лесного, Алексея Лосева, Сергея Максимова, Юрия Миролубова, Михаила Погодина, Александра Потебни, Бориса Рыбакова, Ивана Сахарова, Ивана Снегирева, Алексея Соболева, Александра Терещенко, Александра Фаминцына, Михаила Чулкова, Дмитрия Шеппинга и других.

Однако по-прежнему ждут своего часа до сих пор не переизданные книги: Е.В. Аничков «Язычество и Древняя Русь»; А.А. Бобринской «Народные русские деревянные изделия»; О.М. Бодянский «О времени происхождения славянских письмен»; Г.О. Булашев «Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях»; Ф.И. Буслаев «Исторические очерки русской народной словесности и искусства»; Ю.И. Венелин «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам»; А.Н. Веселовский «Разыскания в области русского духовного стиха»; А.Я. Гаркави «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.)»; С.А. Гедеонов «Варяги и Русь»; А.Ф. Гильфердинг «История балтийских славян»; И.П. Елагин «Опыт повествования о России»; И.Е. Забелин «История русской жизни с древнейших времен»; М. Касторский «Начертания славянской мифологии»; П.Н. Крекшин «Описание о начале народа словенского»; М.В. Ломоносов «Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года»; В.И. Ламанский «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании»; В.В. Макушев «Сказания иностранцев о быте и нравах славян»; А.И. Манкиев «Ядро истории Российской»; В.Ф. Миллер «Очерки русской народной словесности»; Ф.Л. Морозкин «Историко-критические исследования о руссах и славянах»; Д.А. Ровинский «Русские народные картинки»; «Памятники отреченной русской литературы, собранные Н. Тихонравовым»; «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» (СПб., 1798); И.Я. Порфирьев «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях»; А.Н. Пыпин «История русской этнографии»; самая читаемая в прошлом книга по русской истории, выдержавшая 30 изданий, — «Синописис, или Краткое описание от различных летописцев о начале словенского народа...»

(предположительный автор — Иннокентий Гизель); П.М. Строев «Краткое обозрение мифологии славян российских»; Л. Суворецкий «Исследование начала народов славянских»; Н.С. Тихонравов «Древняя русская литература»; В.К. Тредиаковский «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: I о первенстве словенского языка над тевтоническим, II о первоначалии россов, III о варягах-руссах, словенского звания, рода и языка»; А.Д. Чертков «Очерк древнейшей истории протословен»; П.И. Шафарик «Славянские древности»; М.М. Щербатов «История Российская с древнейших времен»; работы Д.Н. Анучина, К.В. Болсуновского, А.Е. Бурцева, П.С. Ефименко, В.М. Истрина, Н. Квашнина-Самарина, М.А. Максимовича, Н.И. Надеждина, А.И. Никифорова, И.И. Срезневского, В.В. Стасова, Н.Ф. Сумцова, И.И. Толстого, А.С. Уварова, П.П. Чубинского, изданные мизерными тиражами или же разбросанные по дореволюционной периодике. Нуждаются также в переиздании сборники древнерусских сочинений, в состав которых входят фрагменты и законченные произведения, зачастую игнорируемые современными исследователями: «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русских редакций» Андрея Николаевича Попова (М., 1869) и «Предания русской начальной летописи» Федора Александровича Гилярова (М., 1878).

Необходимы также переводы (новые или же уточненные) сочинений, имеющих непосредственное отношение к древнейшей славянской истории, — Георгия Арматолы, Марцина Бельского, Адама Бременского, Саксона Грамматика, Яна Длугоша, Козьмы Пращского, Иоанна Малалы, Мацея Меховского, Мавро Орбини, Мацея Стрыйковского, Мовсеса Хоренаци и других классиков мировой исторической мысли. Русскому читателю по-прежнему недоступна и мировая культурологическая суперклассика, например, «Немецкая мифология» Якоба Гримма, «Материнское право» Иоганна Бахофена или же «Мать Земля» Альберта Дитериха. Актуальным все также остается и вопрос о переиздании классических сборников русского фольклора, нашего бесценного духовного богатства. Речь идет прежде всего о книгах, чьи титульные листы украшают имена собирателей — Е.В. Барсова, П.А. Бессонова, А.Ф. Гильфердинга, А.Д. Григорьева, П.В. Киреевского, А.В. Маркова, П.Н. Рыбникова, А.М. Смирнова-Кутаческого, П.В. Шейна и других. Невостребованными и неизданными остаются также и неисчерпаемые архивы, где хранятся фольклорные записи былин, сказок, песен, заклинаний, заговоров, которые более века собирались сотнями подвижников.^[11] Я уже не говорю о преступно медлительном издании и

переиздании русских летописей и хронографов.

После снятия запретов и искусственных ограничений на издания литературы по мифологии появился целый ряд весьма ценных работ современных авторов. Прежде всего необходимо упомянуть коллективные труды: энциклопедический словарь «Славянская мифология» (М., 1995), 5-томный этнолингвистический словарь «Славянские древности» (вышло 2 тома) и «Русский демонологический словарь» (СПб., 1995). Одновременно нельзя не отметить, что стереотипные переиздания фундаментальных энциклопедических справочников — двухтомника «Мифы народов мира» и «Мифологического словаря», принадлежащие издательству «Российская энциклопедия» (а теперь и кучкующимся вокруг него фирмам), по-прежнему страдают досадными пробелами и пренебрежением именно к славянской мифологии. Данная тенденция, полностью не преодоленная и поныне, была обусловлена однобокой политикой прошлого, а также непатриотичной ориентацией узкого круга лиц, которые монополизировали до недавнего времени разработку мифологической проблематики и ухитрились свести многоцветный анализ духовного наследия к омертвелому структурализму, схоластическому теоретизированию и беспредметному умничанию.

Признавая научные и литературные заслуги таких известных исследователей мировой мифологии, как С.С. Аверинцев, В.В. Иванов, Е.М. Мелетинский, В.Я. Пропп, В.Н. Топоров и другие, следует иметь в виду, что представляемая ими школа является лишь одной среди многих, бесспорные результаты которой нельзя отрицать, но нельзя и абсолютизировать, считая их истиной в последней инстанции и препятствуя тем самым выдвиганию иных точек зрения и развитию новых подходов. Так или иначе, идеологическая и научная монополия, существовавшая до начала 90-х годов XX века, была успешно преодолена и круг авторов, профессионально занимающихся славянской мифологией, за последние годы значительно расширился. Их усилия привели к формированию свежего взгляда на традиционные проблемы и ознаменовались появлением новых книг и статей. Заслуженное признание у значительной читательской аудитории получили публикации А. Асова, Г. Беляковой, А. Бычкова, М. Власовой, Т. Волошиной и С. Астапова, Е. Грушко и Ю. Медведева, В. Грицкова, Н. Гусевой, С. Жарниковой, Е. Лазарева, Н. Николаевой и В. Сафронова, Ю. Петухова, М. Семеновой, С. Телегина, П. Тулаева, Ю. Шилова, В. Шуклина, В. Щербакова и других. Тем не менее изучение и систематизация языческого пантеона древнерусских и славянских божеств пока еще далеки от завершенности.

Древнерусская языческая вера, уходящая своими корнями к самым истокам человеческой цивилизации и мировой культуры, рухнула и исчезла с лица Земли под ударами новой религии (рис. 79), уступив место библейской картине мира и системе христианских ценностей. Но русские боги не сгнули в небытие — они сохранились в русском духе и тех его неповторимых чертах, которые делают русского человека непохожим на любого другого. Прекрасно сказал об этом известный русский публицист Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918):

Рис. 79. Христиане и язычники. Художник С.В. Иванов

*«Ничто не умирает. Не умирают души людей и явлений. Не думайте, что умерли древние боги... Они живут гораздо ближе к нам, чем мы думаем, они живут **в нас самих**. Эти наши страсти, эти племенные свойства, созданные вместе с нашей природой. Идолы богов разрушены, имена их исчезли или послужили материалом для поэтического творчества, самое же существо богов осталось. Тот же попирающий Гнев, та же Жадность, та же Великодушие, та же Красота, та же Любовь. Не где-то в Греции, а под черепом вашим помещается Олимп,*

управляющий судьбой вашей, и хотите ли вы этого или нет, сознательно или бессознательно вы до сих пор служите древним богам — мрачным или светлым, смотря по преобладанию в вас темного или светозарного начала».

Примерно в том же духе и примерно в то же самое время высказался и известный русский мыслитель Василий Васильевич Розанов (1856–1919):

«„Языческое“, „язычники“ вовсе не умерли с Зевсом и Палладою; но живут среди нас то как странствующие люди, то как странствующее явление, то как оттенок нашей биографии, души, совести; наших идеалов, чаяний и надежд».

Таким образом, традиции и обычаи, верования и пристрастия, сложившиеся многие тысячелетия назад, однажды войдя в плоть и кровь народной жизни, сохранились там навсегда. Они впитываются русским человеком с молоком матери и передаются от поколения к поколению. Другое дело, что каждое новое поколение распоряжается этим неисчерпаемым духовным богатством по-своему и не всегда достойно.

ЧАСТЬ 2

ЛЕТОПИСНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

*И мы сохраним тебя,
Русская речь,
Великое русское слово.*

Анна АХМАТОВА

Глава 1

ЛЕТОПИСНАЯ ПАМЯТЬ РОССИИ

Но это было! Было! Было!

Николай КЛЮЕВ

Летописи — рукотворные литературные памятники русского народа, по существу — его овеществленная и навсегда сохраненная для многих поколений историческая память. Начертанные в разные времена пером на пергаменте или особо прочной, сделанной из льна бумаге, они запечатлели в документальных текстах события минувших веков и имена тех, кто творил реальную русскую историю, ковал славу или, напротив, покрывал позором Отечество. Редкие летописи сохранили имена своих создателей, но все они были живыми людьми со своими страстями и симпатиями, что неизбежно отражалось и в вышедших из-под их пера рукописных текстах. В архиве великого нашего писателя Николая Васильевича Гоголя, который одно время больше всего на свете мечтал стать профессором истории в столичном университете, сохранилось множество подготовительных заметок для будущих лекций. Среди них — размышления о безымянных русских летописцах и переписчиках:

«Переписчики и писцы составляли как бы особый цех в народе. А как те переписчики были монахи, иные вовсе неучены, а только что умели маракать, то и большие несообразности выходили. Трудились из эпитимии и для отпущения грехов, под строгим надзором своих начальников. Переписка была не в одних монастырях, она была, что ремесло поденщика. Как у турков, не разобравши, приписывали свое. Нигде столько не занимались переписываньем, как в России. Там многие ничего не делают <другого> в течение целого дня и тем только снискивают пропитание. Печатного тогда не было, не то что <теперь?>. А тот монах был правдив, писал то только, что <было>, не мудрствовал лукаво и не смотрел ни на кого. И начали последователи его раскрашивать...».

Множество безымянных переписчиков денно и нощно трудились в

A woodcut illustration of four monks in a scriptorium. They are seated at a long table, working on large sheets of parchment. The room has a vaulted ceiling and a window with a cross. The background shows a building with a tower.

[illegible]

Рис. 80. Монахи-летописцы. Миниатюра

Рис. 81. Древнерусская книжная миниатюра. Батальная сцена. Киевская рукопись 1397 г.

Рис. 82. Древнерусская книжная миниатюра. Заглавная буква «Р». «Остромирово евангелие» (1056–1057 гг.)

Литературоведы XIX и особенно XX века, преследующие собственную узкоспециальную цель, приучали читателя воспринимать шедевры русской духовности, вкрапленные в летописи, как обособленные. Их публикациями заполнены все современные изборники и собрания, создавая иллюзию какого-то особого и самостоятельного литературного процесса, протекавшего на протяжении почти что семи столетий. Но это — обман и самообман! Не говоря уж о том, что искусственно расчленяются сами летописи, — современные читатели теряют ориентацию и перестают понимать истоки культуры собственного народа в ее органической целостности и реальной последовательности.

Собирательный образ подвижника-летописца воссоздан в пушкинском «Борисе Годунове» в лице черноризца московского Чудова монастыря Пимена, посвятившего жизнь переписке старых и составлению новой хроник:

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу...

На создание подобных летописных списков уходили многие годы. Летописцы (рис. 83) трудились во славу Господа в столицах удельных княжеств, крупных монастырях, выполняя заказы светских и церковных властителей и в угоду им нередко перекраивая, вымарывая, подчищая и сокращая написанное до них. Каждый мало-мальски уважающий себя летописец, создавая новый свод, не просто копировал своих

предшественников слово в слово, а вносил посильную авторскую лепту в хартию, то есть рукопись. Поэтому-то многие летописи, описывая одни и те же события, так разнятся между собой — особенно в оценке произошедшего.

Рис. 83. Летописец (древнерусская миниатюра)

Официально летописание на Руси продолжалось чуть более шести столетий. Первые летописи по образцу византийских хронографов были созданы в XI веке, а к концу XVII века все само собой завершилось: начиналось время Петровских преобразований, и на смену рукописным творениям пришли печатные книги. За шесть столетий были созданы тысячи и тысячи летописных списков, но до нынешних времен их сохранилось около полутора тысяч. Остальные — в том числе и самые первые — погибли в результате погромов и пожаров. Самостоятельных летописных сводов не так уж и много: подавляющее большинство списков — это рукописное тиражирование одних и тех же первоисточников. Самыми старыми из сохранившихся считаются летописи: Синодальный список Новгородской первой (XIII–XIV вв.), Лаврентьевская (1377 год), Ипатьевская (XV в.), иллюстрированная Радзивилловская (XV век).

Оригинальные летописи имеют собственные названия — по именам создателей, издателей или владельцев, а также по месту написания или первоначального хранения (нынче все летописи находятся в государственных библиотеках или иных хранилищах). Например, три самые знаменитые русские летописи — Лаврентьевская, Ипатьевская и Радзивилловская — названы так: первая — по имени переписчика, монаха Лаврентия; вторая — по месту хранения, костромского Ипатьевского

монастыря; третья — по имени владельцев, литовского великокняжеского рода Радзивиллов.

* * *

Автор не намерен утомлять читателей специальными текстологическими, филологическими и историографическими вопросами. Моя задача и цель всей книги, как станет понятно чуть позже, заключается совсем в другом. Однако для лучшей ориентации читателей-неспециалистов считаю необходимым сделать некоторые терминологические разъяснения. Те, кому эти термины известны, могут их безболезненно пропустить. Те же, кому ряд понятий в новинку или в диковинку, могут обращаться к нижеприводимому пояснительному словарю всякий раз, когда потребуется.

В научном и житейском обиходе используются почти как синонимы слова «летопись», «летописец», «временник», «хронограф». Так оно, в общем, и есть, но все же некоторые различия имеются.

Летопись — историческое произведение, в котором повествование велось по годам. Отдельные части (главы) летописного текста, привязанные к конкретному году (лету), в настоящее время принято именовать *статьями* (на мой взгляд, название избрано не самое удачное). В русских летописях каждая такая новая статья начиналась словами: «В лето такое-то...», имея в виду соответствующий год. Летосчисление велось, однако, не от Рождества Христова, то есть не от новой эры, а от библейского Сотворения мира. Считалось, что это произошло в 5508 году до рождения Спасителя. Таким образом, в 2000 году наступил 7508 год от Сотворения мира. Ветхозаветная хронология в России просуществовала вплоть до петровской реформы календаря, когда был принят общеевропейский стандарт. В летописях же счет по годам велся исключительно от Сотворения мира, старое летосчисление завершилось официально 31 декабря 7208 года, за ним последовало 1 января 1700 года.^[12]

Летописец — терминологически то же, что и летопись. Например, Радзивилловская летопись начинается словами: «Сия книга — летописец» (рис. 84), а Ермолинская: «Летописец Руский весь от начала и до конца». Софийская первая летопись также именуется: «Летописец Руския земли...» (Написание же самого слова в рукописных оригиналах: в первых двух случаях с «мягким знаком», в последнем — без оногo). Другими словами, многие летописи изначально именовались летописцами, но со

временем утвердилось их иное (более солидное, что ли) название. В позднейшие времена летописец, как правило, излагает события сжато — особенно это касается начальных периодов мировой и русской истории. Хотя слова «летопись» и «летописец» являются исконно русскими, как понятия они применяются и к иностранным историческим сочинениям того же плана: так, популярный на Руси переводной компилятивный памятник, излагавший события мировой истории, именовался «Летописец елинский и римский», а название многотомного исторического труда, посвященного монгольским завоеваниям, знаменитого персидского историка Рашида ад-Дина переводится как «Сборник летописей».

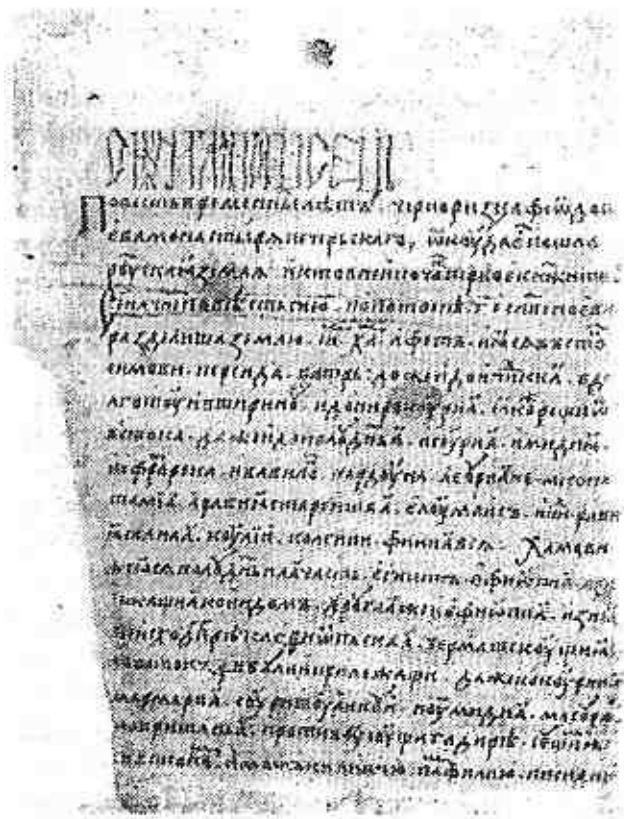

Рис. 84. Первый лист Радзивилловской летописи

Временник — раньше употреблялось в качестве синонимов слов «летопись» и «летописец» (например, «Русский временник», «Временник Ивана Тимофеева»). Так, Новгородская первая летопись младшего извода открывается словами: «Временникъ еже есть нарицается летописание князѣв и земля Руския...». Начиная с XIX века данный термин применяется, в основном, к ежегодным периодическим изданиям:

например, «Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских», «Временник Пушкинской комиссии» и др.

Хронограф — средневековое историческое сочинение в православных странах — Византии, Болгарии, Сербии, России, синоним «летописи». Некоторые поздние русские летописные сочинения также поименованы хронографами; как правило, события мировой истории, заимствованные из византийских компендиумов, излагаются более подробно, чем в обычных летописях, а отечественная история, по существу, механически пристегивается к переводным текстам.

Хроника (по-древнерусски — **кроника**) — по смыслу то же самое, что «хронограф» или «летопись», но распространена она была, главным образом, в западноевропейских странах, а также в славянских, тяготеющих к Западу (Польша, Чехия, Хорватия и др.). Но есть исключения: в Древней Руси, Болгарии и Сербии были чрезвычайно популярны переводы «Хроник» византийских историков Иоанна Малалы и Георгия Амартола, откуда черпались основные познания по мировой истории.

Полезно усвоить также еще несколько понятий.

Летописный **свод** — соединение в единое повествование разных летописных записей, документов, актов, беллетристических повестей и житийных произведений. Подавляющее большинство дошедших до нас летописей представляют собой своды.

Летописный **список** — переписанные в разное время, разными лицами (и к тому же в разных местах) одинаковые летописные тексты (рис. 85). Понятно, что одна и та же летопись может иметь множество списков. Например, Ипатьевская летопись известна в восьми списках (при этом ни одного первичного списка, именуемого **протографом**, начальных летописей ко времени, когда ими занялись историки-профессионалы, не сохранилось).

О генетической связи между различными сводами, списками, редакциями русского летописания дает представление схема, изображенная на рисунке 86. Вот почему, когда читатель берет в руки современное

издание Начальной летописи, поименованной по первой строке «Повесть временных лет», он должен помнить и понимать, что ему предстоит прочесть (или перечитать) отнюдь не оригинальное творение монаха Киево-Печерской лавры Нестора (рис. 87), которому по традиции (хотя и не всеми разделяемой) приписывается создание этого литературного и историографического шедевра. Впрочем, и у Нестора были предшественники, не говоря уж о том, что «отец русского летописания» опирался на богатейшую устную традицию. Предполагается (и это аргументированно обосновали выдающиеся исследователи русского летописания — А.А. Шахматов и М.Д. Приселков), что прежде чем обмакнуть перо в чернильницу, Нестор познакомился с тремя летописными сводами — Древнейшим (1037), сводом Никона (1073) и сводом Ивана (1093).

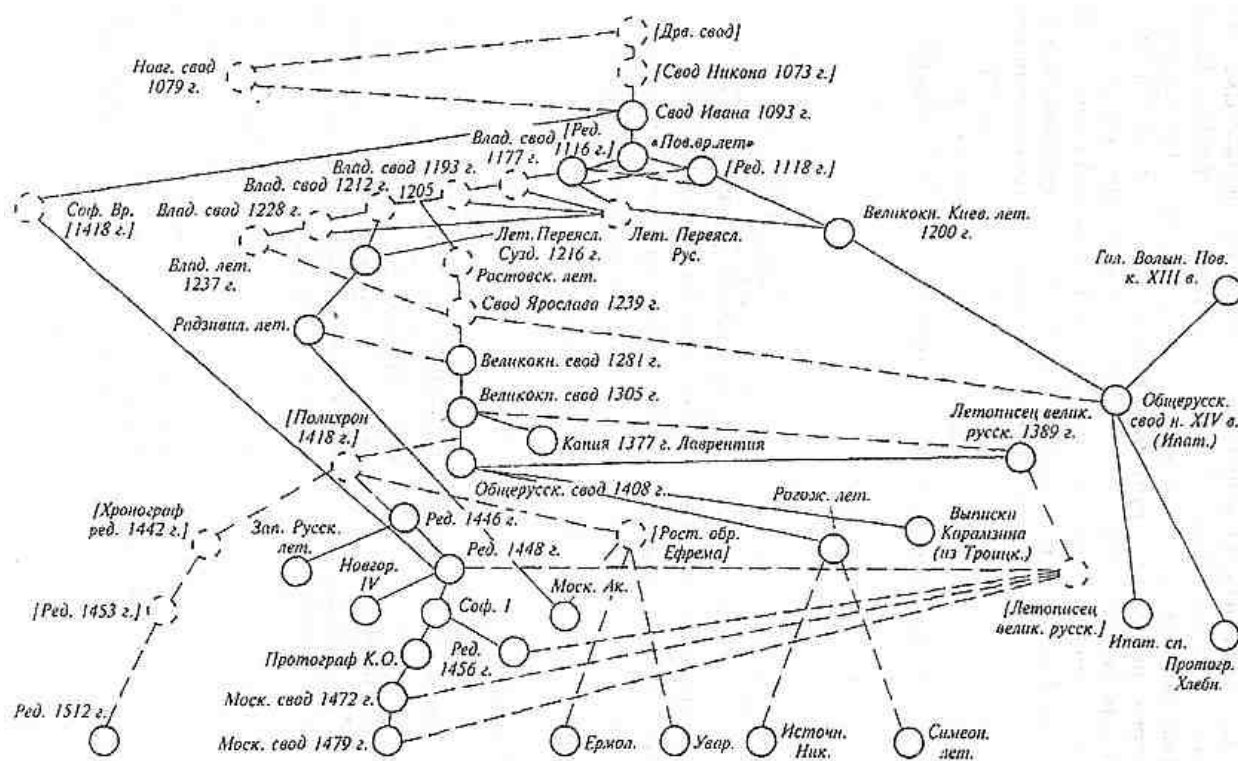

Рис. 86. Схема соотношения основных летописных сводов по М.Д. Приселкову. (Приселков М.Д. Истории русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 22)

Рис. 87. Нестор Летописец. Художник Виктор Васнецов

Кроме того, полезно не упускать из вида, что самостоятельно, то есть в отрыве от конкретных летописей, «Повесть временных лет» не существует. Современные «отдельные» издания — это продукт искусственной препарации, как правило, на основе Лаврентьевской летописи с дополнением незначительных фрагментов, фраз и слов, взятых из других летописей. По объему то же — «Повесть временных лет» не совпадает со всеми летописями, в состав которых она была включена. Так, по Лаврентьевскому списку она доведена до 1110 года (текст самого Нестора с более поздними вставками «Поучения Владимира Мономаха», «протокольной записи» об ослеплении князя Василька Тербовльского и др.) + приписка 1116 года «главного редактора» — игумена Сильвестра. На этом Лаврентьевская летопись (рис. 88) не завершается: далее следует

Михайловского Выдубецкого монастыря в Киеве, а затем епископом в Переяславле Южном. Можно представить, как постарался приближенный к великокняжескому двору черноризец, в угоду заказчику перекроивший и во многих местах заново переписавший Несторов протограф. Сильвестров свод, в свою очередь, также основательно обработанный и отредактированный (но уже в угоду другим князьям), через двести пятьдесят лет послужил основой Лаврентьевской и других летописей. Ученые-историки вычленили из множества летописных списков текстовый субстрат, предположительно принадлежащий Нестору, и сделали к нему множество дополнений, по их мнению улучшающих содержание «Повести временных лет».

Вот с этой литературной химерой (в позитивном смысле) и имеет дело современный читатель. Что удивительно: если подлинного Несторова текста теперь уж не дано увидеть и прочесть никому, то лицезреть самого Нестора может каждый желающий. Мощи первого русского летописца, обернутые в траурные одеяния, открыты для обозрения в подземных галереях Киево-Печерской лавры. Они покоятся в углубленной могильной нише, прикрытой прозрачным стеклом и освещенные приглушенным светом. Следуя традиционному экскурсионному маршрутом, можно пройти в каком-нибудь метре от родоначальника русской исторической науки. За прошедшую жизнь мне довелось трижды постоять рядом с Нестором (впервые — в 14-летнем возрасте). Не хотелось бы кощунствовать, но и истины скрывать не стану: каждый раз (особенно уже в зрелом возрасте) я ощущал ток энергии и прилив вдохновения.

Русские летописцы — одни из тех, кто на протяжении нескольких веков закладывал камни в фундамент русского мировоззрения и российского патриотизма. Без исторического самосознания не может быть ни процветающего государства, ни развитой культуры, ни здоровой морали, ни человеческого достоинства. Особенно явственно это осознается в пору всевозможных потрясений, регулярно обрушивающихся на Россию. Можно покорять все, но и тогда у народа остаются самые величайшие его достояния — язык, культура и история. Непроста в пору очередной российской смуты и тяжелейших испытаний, ниспосланных на Русскую землю, рязанский историк Александр Иванович Цепков с помощью патриотически настроенных меценатов начал переиздавать русские летописи (рис. 89). В предисловии к одному из вышедших томов русский подвижник сам рассказал о своих побудительных силах:

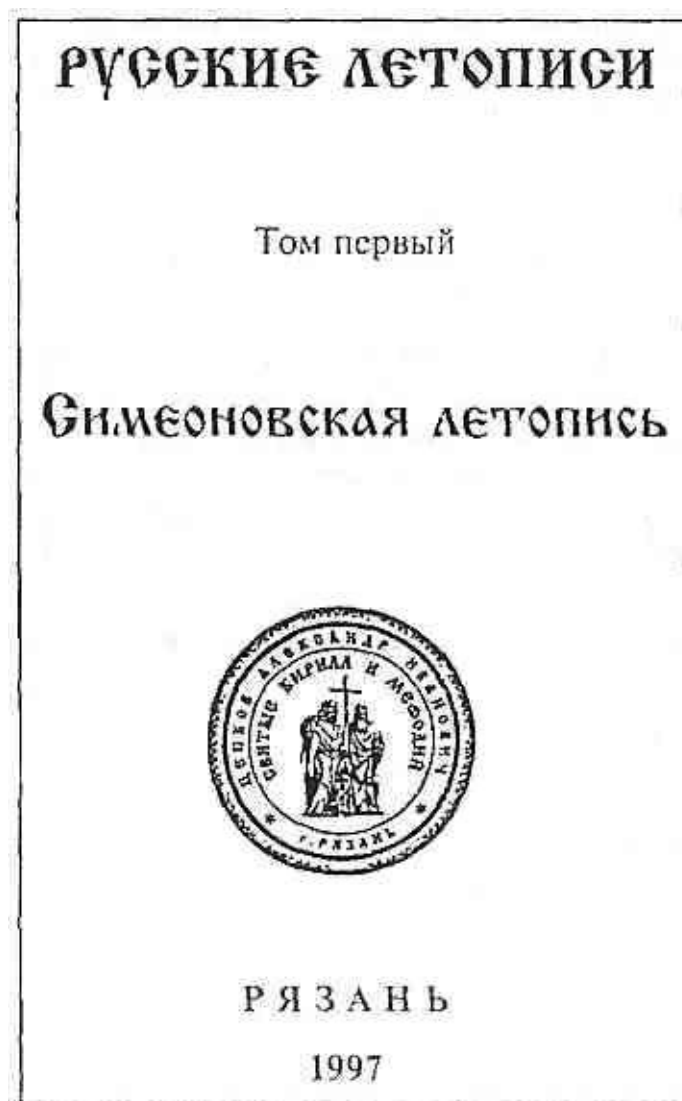

Рис. 89.

«Античный мыслитель III в. до н. э. Псевдо-Аристотель в своем парадоксографическом произведении „Рассказы о диковинах“ писал: „На пути в Сиракузы на лугу есть источник, не очень большой и не слишком обильный, однако если возле него собирается толпа людей, он начинает наполняться водой“. Источник музыки Клио в обыденной жизни также, на первый взгляд, „не очень большой и не слишком обильный“. За повседневными заботами большинство людей даже забывают о его существовании. В мирное, спокойное, размеренное время жажду из него утоляют немногие. Они продолжают преданно ухаживать за ним, очищать и облагораживать, не давая

живительной исторической памяти государств и народов иссякнуть. Настоящих жрецов музыки Клио немного, но они сильны духом. Однако, когда несчастье постигает нас во время ран и утрат, когда становится тяжело от внешних и внутренних врагов, когда страну терзают хищники, соревнуясь, кто из них больший кусок оторвет от слабейшего Русского государства, разрушив и разорив все, тогда все больше и больше людей припадает к священным стопам величайшей из муз, музе истории Клио. И что удивительно, чем больше „собирается толпа людей“, тем полноводнее становится источник. И уже не маленький, еле заметный родничок, а полноводная река преграждает путь гиенам и шакалам, мечтающим покончить с Русским государством».

С 1997 по 2001 год издано 10 томов — прекрасно оформленных, продуманно составленных и профессионально прокомментированных. Низкий поклон вам, славные сыны древней Рязанской земли! Вы делаете великое дело во имя не одного настоящего, но и будущего. Муза истории Клио, а вместе с ней все ее служители и поклонники по достоинству оценивают ваш культурно-просветительский подвиг. Сей факт сам по себе достоин того, чтобы его занесли в анналы истории. Москва тоже решила не отставать от Рязани (рис. 90): с того же 1997 года здесь на базе издательства «Языки русской культуры» при финансовой поддержке (а в наше время это главное) Российского гуманитарного научного фонда началось очередное репринтное переиздание «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ) (рис. 91).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1997

Рис. 90.

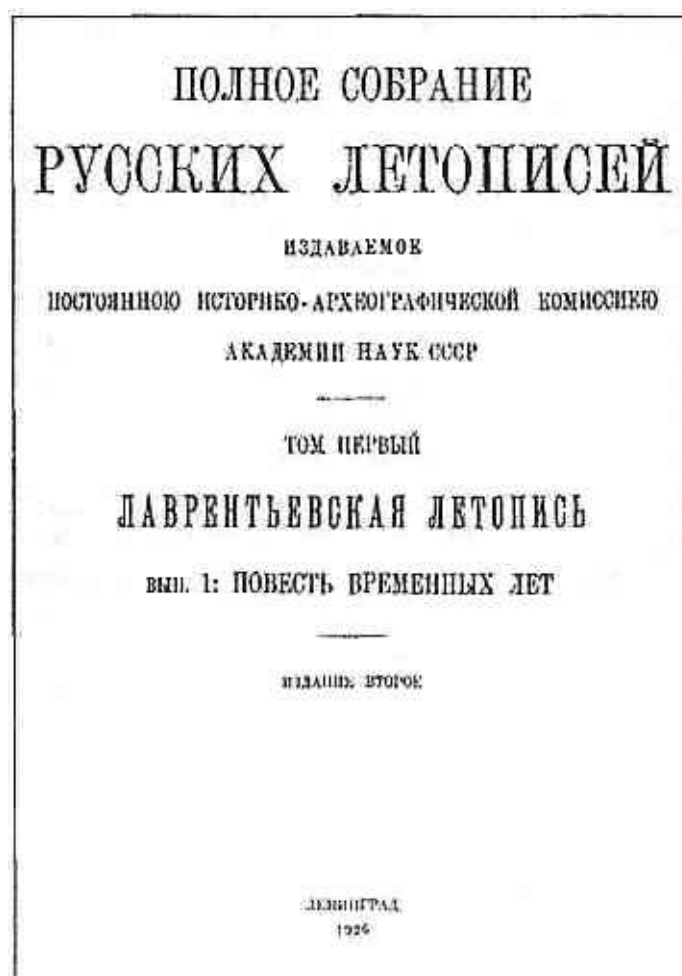

Рис. 91.

У этого фундаментального издания долгая и трудная судьба. Первый том, включавший Лаврентьевскую летопись, увидел свет в 1841 году, еще при жизни Лермонтова и Гоголя. За 160 лет вышел 41 том — не слишком впечатляющий результат для всех форм власти, которые успели смениться за указанный срок. Ведь речь идет об основах основ общероссийского мировоззрения и национального самосознания. На протяжении многих десятилетий представители разных — подчас диаметрально противоположных — идеологий предпочитали вести пустую и малорезультативную болтовню по поводу исконных духовных ценностей, вместо того чтобы изучать и пропагандировать уже давно существующие наработки, созданные предшествующими поколениями. Воистину: создать летопись — мучительно долгий труд, но издать подчас бывает не легче...

Да, трудно приходится нынче Русской земле и народам России. Но все это уже было — причем не раз, о чем бесстрастно свидетельствуют именно

летописи. Распад страны? А разве не то же самое происходило в Смутное время, когда различные антипатриотические группировки, слои и классы ради своих сиюминутных интересов готовы были продать кому угодно не то что Родину — отца с матерью и жену с детьми. Происки недругов? Их у России всегда было больше чем друзей, и чем слабее становилось государство, тем наглее и безжалостней становились внешние и внутренние враги. Криминальный беспредел? И это было всегда — только называлось по-другому. Не успели освободить Москву от интервентов и посадить на трон молодого царя Михаила Романова, как на повестку дня тотчас же встал вопрос о внутреннем криминале. Страну от южных степей до Поморья захлестнула волна не виданного ранее разбоя. Повсюду сновали шайки грабителей, отличавшиеся изощренной жестокостью. Летописцы отмечали: таких мук русские люди не испытывали ни в древние времена, ни в недавние, ни от басурман, ни от ляхов. Свой же, бывшие когда-то крестьянами или казаками, захватывали целые районы, сжигали дотла села и города и после обязательных нечеловеческих пыток истребляли поголовно все население. Очевидцы так описывают деяния «романтиков с большой дороги» где-то между Вологодчиной и Поморьем: «...Села и деревни разорили и повоевали до основания, крестьян жженных видели мы больше семидесяти человек, да мертвых больше сорока человек, мужиков и женок, которые померли от мучения и пыток, кроме замерзших». Причина же одна — и тогда, и сегодня: ослабление власти и государства. Почаще читайте летописи, друзья!

* * *

Ответы на многие животрепещущие и не потерявшие по сей день актуальности вопросы можно отыскать в древних русских летописях. Еще больше в них неразгаданных тайн. Можно смело сказать: любая летопись — сплошная тайна. И вообще: то, что мы **знаем** об истории своего Отечества, в сравнении с тем, чего мы **не знаем**, — это капля в океане. Записи летописцев — всего лишь опорные вехи, позволяющие вести исторический поиск в заданном направлении, но неизбежно оставляющие многие вопросы без ответов. А сколько здесь намеренных искажений, приписок или, наоборот, подчисток, когда ножом выскабливались целые абзацы (впрочем, можно было поступать проще — выдирать «с мясом» целые страницы, как это сделано с Новгородской первой летописью старшего извода).

В Несторовой Начальной летописи исторические сведения по многим годам отсутствуют вообще. Например, с 916 по 940 год (лета) 21 хронологическая позиция оказывается пустой: цифрами обозначены только даты, а информации никакой.^[13] Отчасти это можно объяснить утерей листов первичного текста — но только отчасти. Во всяком случае ничего общего с истиной не имеет мнение отдельных историков, что в течение пропущенных лет на Руси, дескать, ничего существенного не произошло. Ой ли! Скорее всего, наоборот: именно в эти годы произошло нечто такое, что заставило цензоров пустить в дело все свое живодерное мастерство. Не приходится особенно сомневаться, что большинство летописных лакун наверняка представляют собой следы бесславной деятельности позднейших редакторов и переписчиков, с остервенением изымавших и уничтожавших в угоду правящим властям обширные фрагменты текста. Так было всегда, и за примерами далеко ходить не надо.

Томик публицистики Ивана Алексеевича Бунина, изданный в Туле в 1992 году, интересен не своим составом или полнотой, а другим: в нем курсивом выделены те места (в ряде случаев — целые страницы), которые ранее считались «крамольными» и безжалостно купировались редакторами и составителями (в том числе и многотомных собраний сочинений), хотя касались таких светил литературы XX века, как Горький, Блок, Есенин, Маяковский, Алексей Толстой и др. Точно так же поступали и во времена Нестора-летописца, изымая целые листы ранее написанного текста или же соскабливая с пергамента неугодные имена и факты.

Таким образом, **1-я загадка летописей** — это сам летописный текст: освобожденный от позднейшей идеологической «правки», он предстает в совершенно ином свете. **2-я загадка летописей** — предшествовавшее им знание о далекой истории, ибо начало русской хронологии с двух дат — 852 год (появление русского флота у стен Царьграда) и 862 год (прибытие Рюрика с братьями в Новгородскую землю) — отнюдь не означает, что до этого события русской истории никак не фиксировались, — даже если это были в основном устные предания. Следовательно, требуется сопоставить, так сказать, писаную историю с устной традицией и установить основные вехи той, реальной истории, которая предшествовала летописной (так как без первой невозможно правильно понять последнюю).

Сохраненное в летописях и дожившее до наших дней также нуждается во внимательном (а иногда в совершенно новом) прочтении в контексте реальной истории, культурной традиции и установленных фактов. История не есть процесс, изолированный от других законов, действующих в объективном мире. Исторические события органически вписаны в контекст

планетарной и космической среды, которая оказывает непосредственное влияние на жизнь и поступки индивидов, групп, народов, общественных структур и социума в целом. Анализ истории под данным углом зрения еще не нашел должного внимания со стороны служителей музыки Клио, большинство из них относятся настороженно, даже враждебно не столько к самому эпохальному открытию XX века — теории **биосферы и ноосферы**, сколько к проникновению полученных выводов в собственно исторические исследования.

Тем не менее новая методология настойчиво стучится в дверь. Пришло время если и не совсем ее распахнуть, то хотя бы приоткрыть. Отчасти это было предпринято в некоторых моих предыдущих книгах, например, в «Тайнах Вселенной» (М., 1998) и «Загадках Урала и Сибири» (М., 2000). Примененная в них методология используется и в настоящей книге, в чем, пожалуй, и состоит одно из главных отличий ее от любых других исследований на аналогичную тему. Возможно, получившаяся при этом картина покажется многим вычурной и экстравагантной, а применяемая методология — неправомочной. Перед скептиками и критиками я не намерен оправдываться. Ибо действовал так, как мне подсказывала... Вот здесь-то как раз и следует поразмыслить: что или кто подсказывал мне искомое решение. Раньше говорили — **интуиция**. Я тоже собирался употребить именно данное понятие, наперед зная, что оно неточно. Под интуицией всегда понимались познавательные явления и открытия, которые наука и философия не могли вразумительно объяснить. Но теперь-то мы в состоянии это сделать — хотя бы в общих чертах. Ноосферный подход в корне отличен от обычного текстологического: он позволяет постичь **не букву, а дух** (в этом известном афоризме, давно ставшем поговоркой, сокрыт не метафорический — прямой смысл).

Ноосфера сама подсказывает правильный путь в лабиринтах научного поиска. Русские же летописи предоставляют благодатное поле для его археографического и эвристического применения. Летописные тексты просто перенасыщены описанием всякого рода знамений и так называемых чудесных явлений, которые при внимательном и непредвзятом рассмотрении оказываются типичными ноосферными сигналами. Летописи же беспристрастно свидетельствуют о связи таких феноменов с зафиксированными на тех же страницах историческими фактами и событиями. Являются ли они в таком случае, что называется, предопределенными некоторыми космическими закономерностями? В этом и предстоит разобраться. Отсюда **3-я загадка летописей** — их ноосферное содержание, суть и направленность. А так как подобный подход в анализе

собственно летописных известий до сих пор не применялся, стоит именно во вступительной части книги повторить то, что ранее освещалось в других моих работах.

Понятие *ноосферы* (от греч. *ноос* — «ум», «разум» + *сфера*) прочно вошло в арсенал современной науки, явилось впечатляющим достижением философской мысли, однако его содержание по сей день остается расплывчатым. В России данный термин утвердился благодаря авторитету Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945), хотя сам научный неологизм был впервые введен во Франции философами Эдуаром Леруа (1870–1954) и Тейяром де Шарденом (1881–1955), с которыми российский академик познакомился и активно общался во время научной командировки в Париж в 1922–1925 годах. Сходные идеи формулировал также о. Павел Флоренский (1882–1937) в концепции *пневматосферы*, где упор делался не столько на разум, сколько на душу.

Вернадский был одним из первых, кто поставил на естественнонаучную основу вопрос о космичности («вселенскости») человека как существа, наделенного душой, психикой и сознанием. Естественно, что такой подход рано или поздно требовал более конкретной расшифровки данных феноменов. Еще раньше Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935) всесторонне обосновал идею *живого космоса* и жизнеступности мироздания. По его мнению, «Вселенная в математическом смысле вся целиком живая, а в обычном смысле ничем не отличается от животного», а атомы наделены сознанием.

По Вернадскому же, жизнь проявляется в непрерывно идущих, в происходящих в планетарном масштабе закономерных миграциях атомов из биосферы в живое вещество и обратно. Под воздействием космической и земной энергии формируется биосфера — планетарная область распространения жизни, взятой в прошлом, настоящем и будущем. Затем под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — ноосферу (сферу разума.). При этом такая перестройка биосферы не есть случайное явление, а естественный природный процесс. Его конкретные закономерности еще предстоит установить в будущем, однако в общем плане не подлежит сомнению, что всякое творчество является реальной энергетической силой. Вернадский считал научную мысль планетным явлением, оказывающим прямое влияние на ход исторического процесса и на идеологические доминанты, а научную работу считал геологическим фактором, обуславливающим развитие биосферы. Первым, кто отважился спроецировать теорию биосферы на исторические явления, стал выдающийся ученый и мыслитель Лев Николаевич Гумилев

(1912–1992). Его концепция более подробно будет освещена в 4-й главе.

Современная наука продолжила углубленное исследование биосферы и ноосферы. По новейшим данным российских ученых (Г.И. Шипов, А.Е. Акимов, В.Н. Волченко и др.), «последней» природной стихией, лежащей в основе мироздания и уже используемой на практике, выступают так называемые торсионные («скрученные») поля, допускающие мгновенное распространение любой информации. Эти поля связывают воедино все уровни природной иерархии и позволяют естественным образом объяснить многие доселе непостижимые чудеса. Согласно торсионной теории, Вселенная как «СуперЭВМ» образует с человеческим мозгом своеобразный биокомпьютер, работающий в соответствии с торсионными законами, то есть, говоря без затей, по принципам скрученной спирали. Торсионная теория мироздания предполагает непрерывное накопление информации во Вселенной, ее мгновенное распространение и возможность считывания разумным существом в любой точке космоса. Более того, по законам голографии, любая материальная микроскопическая структура содержит и позволяет воспроизвести информацию обо всем мире. Тем самым торсионная теория дала в руки исследователей ключ для раскрытия многих ранее неразрешимых загадок природы, включая психические, духовные, мыслительные и экстрасенсорные процессы.

Жизнесфера людей, связанная с различными космическими силами (гравитация, антигравитация, фотонное и противифотонное поле — тьма), простирается в бескрайние просторы Вселенной. При этом биосфера представляет собой тот энергетический котел, общий для всего живого, из которого осуществляется подпитка и накачка всех жизненных систем и отдельных их элементов — растений, животных, людей, находящихся в рамках биосферы в неразрывном единстве. В свою очередь, ноосфера также неотделима от энергоинформационных аспектов космической реальности. Глубинные неизведанные пока силы обеспечивают генетическую преемственность поколений, прием и передачу всех видов информации в пределах целостных материальных систем, а в конечном счете — внутри «информационного банка» Вселенной.

Локальные психические образования, имеющие вакуумно-флуктуационную природу и привязанные к отдельному индивиду или группе особей, не исчезают полностью после смерти и аккумулируются в окрестностях Земли, Солнечной системы и, быть может, далеко за ее пределами. Тем самым налицо прямая связь с космосом, который изначально и сообразно с присущими ему объективными закономерностями программирует именно такую схему взаимодействия

косного, живого и психического. Следовательно, и в космосе, и разлитом в нем энергоинформационном поле есть прямые каналы постоянной взаимосвязи со всем живым и разумным. И эти каналы находятся в непрерывном рабочем состоянии. Данное явление всегда осознавалось людьми, получало закодированное выражение в разного рода видениях и знамениях, представало в виде откровений, творческих озарений и экстаза.

Глубинное энергоинформационное поле Вселенной кодирует и хранит в виде голограмм любую информацию, исходящую от живых и неживых структур. С незапамятных времен многие великие умы утверждали, что в любой точке мироздания содержится информация обо всех событиях и сущностях Вселенной. Голография — изобретение недавнего времени. Однако задолго до ее открытия и теоретического обоснования голографическое постижение мира, выработанное путем длительных тренировок, было хорошо известно, например, высшим посвященным в Тибете. Вот как объяснял данную способность тибетских провидцев далай-лама, отвечая на вопросы французской путешественницы и исследовательницы Александры Давид-Неэль: «Один бодхисатва представляет собой основу, дающую начало бесчисленным магическим формам. Сила, рождаемая совершенной концентрацией его мысли, позволит ему в миллиардах миров одновременно делать видимым подобный себе призрак. Он может создавать не только человеческие формы, но и любые другие, даже неодушевленные предметы, например дома, изгороди, леса, дороги, мосты и проч.».

Подобная информация не хранится пассивно, а отбирается, перерабатывается и передается в необходимых дозах, в необходимое время и в необходимом направлении. Процессы эти невозможны без непрерывной энергетической подпитки и информационного круговорота, в ходе которого возникают устойчивые смысловые структуры, сохраняемые и передаваемые от одних носителей (живых и неживых) к другим. Сказанное относится и к Слову. Перефразируя афоризм средневекового индийского мудреца Бхартрихари: «Бесконечный, вечный Брахман (космическое всеединство, соответствующее современному понятию энергоинформационного поля. — В.Д.) — это сущность Слова, которое неуничтожимо», можно с полной уверенностью утверждать: бесконечная, вечная Вселенная непрерывно порождает и накапливает разнокачественную информацию (включая Слово). Потому-то эта информация неуничтожима и вечна, как сама Вселенная, как весь бесконечный космос. Включая Слово. Древнерусские авторы понимали это, так же, как во все века понимали во всем мире. В «Житии Константина

Философа» (в монашестве — Кирилла) — одного из солунских братьев, создателей славянской письменности, читаем: «...Заповедь — светильник закону и свет. Скажи мудрости: „Ты сестра моя“ и разум назови родным твоим. Сияет мудрость сильнее солнца, и если ты возьмешь ее супругой — от многих зол избавишься с ее помощью».

В указанном смысле устное Слово — это направленное волевым усилием акустическое выражение внутренней энергии индивида, приводящее в движение механизм раскодирования информации на различных физических уровнях, включая глубинный, — пока во многом неизвестный и неисследованный. По-другому это называется считыванием информации с ноосферы. Являясь объективной акустико-энергосмысловой структурой, Слово непосредственно замыкается на информационный банк (поле) Вселенной и репродуцирует заложенное в нем знание. Особенно показательна в данном плане молитва — независимо от того, о какой религии идет речь. Произнося священные слова и концентрируя внимание на иконе (если таковая выступает неотъемлемой частью культа) или же на ином религиозном символе, молящийся соединяет в едином акте мысль и слово, получает возможность непосредственного вхождения в энергоинформационное поле, откуда получает необходимую психологическую и нравственную подпитку.

Давно замечено и эффективно используется также и психофизическое воздействие Слова, музыки и песнопений, концентрируемых под сводами храмов всех без исключения религиозных культов. Здесь действует одновременно и чисто внешняя сторона (купол, стены), и целенаправленное воздействие энергоинформационного поля, приводящие к таким психологически нетривиальным следствиям, как молитвенный экстаз, благодать, очищение (катарсис), успокоение и т. п. К аналогичным результатам приводят также ритуальные танцы, групповые радения, оргиастические игрища, карнавальные действия и т. п. Коллективные акции, вне всякого сомнения, усиливают эффективность контактов между впадающими в экстаз большими или малыми группами людей, с одной стороны, и возбуждаемым ими энергоинформационным полем, с другой. Во время экстатических актов человек напрямую общается с ноосферой. Оккультные способности ясновидения, прорицания, пророчества и т. п. также объясняются контактами с энергоинформационным полем Вселенной. Сей дар обретают немногие избранные, пережив, как правило, некоторую экстремальную ситуацию.

Примерно по такой же схеме в ноосфере возникает позитивная или же, напротив, негативная направленность воздействия на объективные

исторические явления. В годы суровых испытаний, когда на людей обрушиваются неисчислимые беды, в общественной среде по нарастающей аккумулируется отрицательная энергия, создается ситуация отчаяния, неуверенности, нерешительности или безразличия, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на поведение и настроение отдельных личностей и групп. Нарастает кризис и возникает неблагоприятная перспектива для развития социальных процессов и для всего хода истории. Негативные процессы могут нарастать лавинообразно, пока в ноосфере не сложится некоторая «критическая масса», угрожающая самому существованию социума. Обычно именно в такие моменты и появляется пассионарный носитель позитивного импульса. Он берет становящуюся неуправляемой ситуацию под контроль и оказывает благоприятное влияние на деморализованные массы. Постепенно ситуация нормализуется, обстановка становится стабильной и в обществе и в ноосфере.

В ноосферном плане, если так можно выразиться, летописи — не просто словесные памятники событий давно минувших эпох. Они — еще и материализованная в знаковой форме система ноосферной информации, позволяющая мысленно проникать в прошлое, сопрягая последнее с настоящим и будущим. Многие из описанных в летописях необычных явлений принято относить к разряду чудесных. На самом же деле речь идет о самых что ни на есть естественных феноменах, однако плохо вписывающихся в представления современной науки. Не будем говорить, что наши пращуры знали о них больше нас. Что ж: непонятно сегодня — станет понятным завтра.

Историки-«профессионалы» (как, впрочем, и все остальные ученые мужи) обожают игру в понятия, искренне полагая, что словечки вроде «византизм», «норманизм», «монголизм» и им подобные помогают проникнуть в самый дух истории. Не менее популярно и другое (в целом — совершенно бесплодное) занятие: подгонять историю под абстрактные схемы, якобы выражающие суть исторического процесса: «возрождение», «просвещение», «прогресс», «цивилизация» и т. п. Как будто в этом заключается соль истории, где действуют живые люди, объединенные в различные общности, с их возвышенными страстями, низменными желаниями, личными потребностями, субъективными интересами и где подчас ради собственного благополучия, сытной еды, новой иномарки, евроремонта в квартире или даже ради комфорта любимой собаки они готовы принести в жертву любые достижения и наработки предшественников. Большинству обывателей во все времена были ближе собственный желудок, собственная шкура, собственный уют и глубоко

безразличны нужды человечества в целом — безотносительно к тому, идет ли речь о прошлом, настоящем или будущем. Реальная история — это не схемы и абстракции, а пусть даже неприглядная, но всегда **живая, хотя и прошедшая, жизнь**, обуславливаемая не жонглированием понятиями в головах профессиональных историков и философов, а в первую очередь — ноосферными закономерностями.

Итак, ноосфера и есть та подлинная природная реальность, ориентируясь на которую удастся проникнуть в самые сокровенные глубины действительности независимо от того, идет ли речь о космической, физической, биологической, информационной либо иной среде, или же об историческом процессе, в его проекции в прошлое, настоящее и будущее.

Глава 2

ПРОБУЖДЕНИЕ ДЕРЖАВЫ

(Эпоха первых Рюриковичей)

*Близкой сечи душа не дождется,
Как трава грозы и дождя.
В нетерпенье радостном бьется
Соколиное сердце вождя.*

Сергей МАРКОВ

*И на берег вышел, душой возрожден,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внес он закон —
Дела стародавних, далеких времен,
Преданья невянущей славы!*

Алексей К. ТОЛСТОЙ

События, схематично очерченные на первых листах большинства летописей, куда они переписаны из единого источника — «Повести временных лет», были, по существу, канонизированы и растиражированы в бесчисленных изданиях последующих лет. Но нерешенных проблем и загадок от этого нисколько не убавилось.

Начальная русская летопись (иначе «Повесть временных лет»), созданная Нестором-летописцем и в дальнейшем основательно «обработанная» епископом Сильвестром и другими «правщиками», рисует величественную (а подчас трагическую) панораму событий русской истории, связанных преимущественно с первыми двумя веками правления киевской великокняжеской династии Рюриковичей. Когда «отец русской истории» приступил к своему труду, с момента принятия христианства на Руси не прошл и ста лет, а славянская письменность едва насчитывала два века.

На страницах самой «Повести временных лет» имя Нестора не сохранилось, и авторство установлено косвенным путем на основе несложных логических умозаключений. Так, текст «Повести» в составе Ипатьевской летописи начинается с безымянного упоминания ее автора —

черноризца Печерского монастыря, а в послании другого печерского монаха, Поликарпа, к архимандриту Акиндину, датируемом XIII веком, прямо указывается на Нестора как автора Начальной летописи. То же самое говорится и в «Житии преподобного Антония», составленном несколько позже, но опирающемся на устные монастырские предания, в точности которых на сей счет сомневаться не приходится.

Уже при жизни Нестор был известным и общепризнанным автором «Жития преподобного Феодосия, игумена Печерского» и «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба». Возможно, и в авторском варианте «Повести временных лет» значилось его имя, но было выскоблено (случайно или намерено) при последующем редактировании. Но живой дух «отца русской истории» зримо присутствует на страницах его бессмертного летописного произведения. Некоторые пассажи написаны от первого лица и свидетельствуют: автор был очевидцем излагаемых событий, причем очевидцем далеко не бесстрастным. «Вот и я, грешный, много и часто Бога гневлю и часто согрешаю во все дни!» — искренне сокрушается Нестор, рассказывая о неисчислимых бедах русского народа и не отделяя себя от его судьбы.

Современным читателям «Повести временных лет» Нестор-летописец наверняка представляется таким седовласым старцем с окладистой бородой, облаченным в монашеское одеяние и склоненным над пергаментными листами своего бессмертного манускрипта. В плане обобщенной символики, это, конечно, так и должно быть. Но великий монах прожил еще и обычную человеческую жизнь: был ребенком, отроком, вьюношей (как иногда принято еще говорить), зрелым мужем и, наконец, почтенным старцем. Впрочем, даже последняя возрастная стадия достаточно условна — и объективно, и субъективно. Автору этой книги исполнилось 58 лет — ровно столько, сколько, предположительно, прожил на свете Нестор-летописец, но я пока что никаким старцем себя не ощущаю, седой бороды не имею и не чувствую свою жизнь завершенной (намерен написать еще не одну книгу).

Таким образом, точных сведений о годе и месте рождения «отца русской истории» не сохранилось, нигде не записана и точная дата его смерти. Разные исследователи и в разные времена пытались по косвенным намекам установить точные даты жизни летописца. На основании скрупулезных разысканий плеяды русских историков в знаменитом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона они были указаны совершенно определенно: 1056–1114. Однако последующая «исследовательская» деятельность ученых-крохоборов привела к полному

отрицанию обеих (нижней и верхней) хронологических планок. Они «доисследовались» до того, что, скажем, в 3-м издании Большой советской энциклопедии вслед за именем Нестора уже напечатано: *годы рождения и смерти неизвестны*.

Лично я склонен согласиться с датировкой Брокгауза и Ефрона, отразившей авторитетное мнение дореволюционной русской историографической школы, и именно данной хронологии намерен придерживаться в последующем изложении. Имеется еще точка зрения школы академика Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999), возобладавшая ныне благодаря своему монопольному положению: она отрицает конкретные даты Несторова рождения и смерти, ограничиваясь указанием: 1050-е годы — начало XII века. В любом случае все сходятся на том, что преподобный Нестор прожил около шестидесяти лет. Тоже, согласитесь, возраст не слишком подходящий для «старца» — в его годы Владимир Мономах, например, только что получил право на Киевский престол и начал править на благо Руси.

Хотя Нестор и начинал свое летописное повествование с «послепотопных времен» и пытался сопрячь его с некоторыми событиями мировой истории, появление славян на исторической арене он смог проследить только с момента появления их на Дунае (то есть после длительного периода общеиндоевропейской миграции, о чем русские летописцы не имели ни малейшего понятия). Покрыты густым туманом для отца отечественной историографии и начальные события, происходившие собственно на Русской земле. Князя Кия — основателя Киева, его братьев Хорива и Щека и сестру Лыбедь (рис. 92) он не в состоянии привязать к какой-либо надежной дате и целиком оставляет во власти легенд.

Рис. 92. Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. Художник Надежда Антипова

Ранняя хронология «Повести временных лет» увязана с византийским летописанием и собственными расчетами русского хрониста. Первая реальная дата, как уже неоднократно упоминалось, относится к 852 году, когда у стен Царьграда появился мощный русский флот (мощным он был, скорее, в количественном, чем качественном отношении, ибо русские воины испокон веков достигали берегов Мраморного моря не на больших кораблях, а на челнах и лодках-однодеревках (по-гречески — *моноксилах*).

Далее на страницах Несторовой летописи появляются загадочные исторические персонажи, которые не скоро отсюда исчезнут. Конечно же, имеются в виду варяги. В 859 году они прибыли «из заморья», дабы собрать со славянских и финских племен причитавшуюся им дань, в 862 году их изгнали — снова «за море» (должно быть, за злоупотребления), но ненадолго: в том же году варяги вновь вернулись, и трое из них —

Рюрик, Синеус и Трувор (рис. 93) — стали княжить в Новгородских землях. Синеус и Трувор вскоре умерли (или же были убиты — летопись о том многозначительно умалчивает), а Рюрик положил начало правящей династии, с чьей судьбой история России оказалась связанной на долгие семь с половиной веков.

Рис. 93. Рюрик, Синеус и Трувор. Художник Надежда Антипова

Кто же такие варяги? В XVIII–XIX веках возобладала точка зрения, согласно которой варяги — русское название знаменитых скандинавских викингов (норвежцы, шведы, датчане), терроризировавших Западную Европу на протяжении нескольких столетий. Мнение это преобладает и по сей день. Однако ни Начальная русская летопись, ни скандинавские саги и хроники достаточных оснований для подобных выводов не дают. Обратимся к Нестору. Первый раз варяги упоминаются в «Повести

временных лет» на ее первых же страницах: в Лаврентьевской — на 2-м, в Ипатьевской — на обороте 3-го рукописных листов. Более того, они открывают список из 13 народов, продолживших после потопа род Иафета. По-древнерусски это звучит так:

«Афетово бо и то колено: варязи, свеи [шведы], урмане [обычно переводится как „норманны“, но здесь явно имеются в виду „мурмане“, то есть норвеги, которые, впрочем, тоже были норманнами], готе [готы], русь, агняне [англичане], галичане, волхъва [обычно переводят „валахи“, то есть предки современных румын и молдаван, хотя для их обозначения Нестор пользуется совсем другим понятием — норци (норики)], римляне, немци, корлязи [убедительного объяснения, кого здесь имел в виду русский летописец, нет], веньдици [венецианцы], фрягове [итальянцы] и прочие...»

Какой вывод напрашивается первым из этого хрестоматийного отрывка? Прежде всего: варяги — какой-то совершенно самостоятельный этнос в ряду других народов, перечисленных Нестором. И уж никак не норманны — не шведы и не норвежцы, которые были на Руси хорошо известны, но только не под именем варягов. Сами *свеи* и *урмане* также никогда себя варягами не называли (а именовались *викингами*), и в шведском, норвежском и датском языках такого слова вообще нет. Тем не менее на основании в основном косвенных данных в умы россиян была внедрена, в общем-то, совершенно необоснованная и по существу нелепая мысль, что варяги — это не кто иные, как германоязычные викинг-скандинавы.

Дальше — больше: поскольку в «Повести временных лет» варяги сближались с русью («...Зваху тьи варязи русь», — говорит Нестор), постольку и этноним «русь» первоначально относился к какому-то германоязычному скандинавскому племени, а ни к какому не славянскому. Что-либо более абсурдное за триста лет существования русской историографии трудно было придумать. Летописцы до такой глупости не додумались; они вслед за Нестором писали только то, что было на самом деле: варяги — это русь, и от них пошло название (прозвася) Русская земля. Что сие означает? Только то, что написано: **варяги были русскими**. Какие бы то ни было скандинавские викинги здесь ни при чем.

И говорили варяги по-русски или почти что по-русски. Во всяком случае переводчика для общения с полянами, древлянами, дреговичами,

кривичами, вятичами и прочими им не требовалось. Образец живой варяжской речи сохранила и «Повесть временных лет». В статье под 983-м годом рассказывается, как после победы Владимира Святого над литовским племенем *ятвягов* было решено принести в Киеве человеческую жертву языческим богам (дело было за пять лет до принятия христианства). Жребий пал на двух варягов — отца и сына. Но прежде чем пролилась их кровь, состоялась перепалка между пытавшимися защититься варягами и посланниками жрецов. Экспрессивный диалог между обреченными на смерть варягами и их палачами с протокольными подробностями воспроизведен в летописи. Перед нами *живая* русская речь, вполне достойная того, чтобы найти отражение в словаре Владимира Даля. И никакая это не поздняя выдумка (как пытаются представить современные толкователи) — в таком случае придется большую часть Несторова труда объявить выдумкой.

Почему до сих пор не выявлено и не зафиксировано ни одного варяжского слова? Ответ более чем прост: какой-то варяжской лексики не было в принципе, ибо варяжский язык мало чем отличался от русского. Впрочем, одно слово имеется: «варежка» (раньше говорилось «варяжка») — типичная часть традиционной зимней варяжской (и русской) одежды. Но данный случай, как говорится, в комментариях не нуждается.

Особый разговор о варяжских именах. В летописи их приведено немало. Они во многом отличаются от традиционных русских имен (о причинах этого будет сказано ниже). Но они в такой же степени отличаются и от скандинавских имен, где не встретишь ни Рюрика, ни Трувора, ни Синеуса, ни Аскольда, ни Дира. Нет там и Олега с Ольгой, сопряжение последнего русско-варяжского имени с какой-нибудь Хельгой — всего лишь искусственная натяжка и выдача желаемого за действительное. В договоре 945 года Игоря Старого с греками, заключенном при византийских царях Романе, Константине и Стефане, приводится целый список русских посланцев, присутствовавших при подписании документа. Большинство имен — варяжские (нередко с прибавлением чисто русских прозвищ). Посудите сами:

«Мы — от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря; Искусеви от княгини Ольги; Слуды от Игоря, племянник Игорев; Улеб от Володислава; Каницар от Педславы; Шихберн Сфандр от жены Улеба; Прастен Тудоров; Либиар Фастов; Грим Сфирьков, Прастен Акун, племянник Игорев;

Кары Тудков; Каршев Тудоров; Егри Евлисков; Воист Войков; Истр Аминодов; Прастен Бернов; Ятвяг Гунарев; Шибрид Алдан; Кол Клеков; Стегги Етонов; Сфирка...; Алвал Гудов; Фудри Туадов; Мутур Утин; купцы Адунь, Адульб, Иггивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Туробид, Фуростен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Игелд, Турбен, Моне, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилен, Апубексарь, Вузлев, Синко, Борич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжся, и от всех людей Русской земли. И им поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими...»^[14]

Обратите внимание, сколько раз в первом абзаце (а всего в договоре их 23) повторено в разных вариантах слово «русский». Сие, надо полагать, точнейшим образом соответствовало реальному положению дел: варяги считали себя такими же русскими, как и днепровские или новгородские славяне. О том же свидетельствует и исходная формула договора: «Мы — от рода русского...» Так не без гордости заявляют о себе **одновременно** люди, носящие как варяжские, так и чисто славянские имена. И надо полагать, сами они прекрасно осознавали свою языковую и этническую тождественность.

А теперь пусть кто-нибудь попытается отыскать вышеперечисленные русско-варяжские имена в скандинавских хрониках или сагах среди их героев и персонажей — шведов, норвегов, датчан, исландцев. Кое-что там, конечно, есть. Но совсем не то, как это обычно представляется. Дело в том, что скандинавские викинги тоже общались с варягами, более того, практически не отделяли их от новгородских или киевских славян. Во всяком случае скандинавы прекрасно знали: у всех у них язык общий, этот язык — русский и сами они — русские. Поэтому многие имена и названия, которые традиционно встречаются в скандинавских хрониках или сагах, являясь русскими по своему происхождению, относятся прежде всего к варягам. Рассмотрим повнимательнее под данным углом зрения один из наиболее известных и часто цитируемых фрагментов «Саги об Олаве Трюггвасоне» (ибо, по распространенной версии, здесь речь идет о Киевской Руси во времена правления Владимира Святого):

«[972–983 годы] В то время правил на востоке в Гардарики Вальдамар конунг, и был он славный муж. Мать его была

пророчицей и предвидела многое, и исполнялось то, что она говорила. Она была уже слаба от старости, и такой был у нее обычай, что ее приносили в палату каждый вечер Йоля и она должна была говорить, что случится в мире, и сидела она в кресле перед „высоким местом“ конунга, и когда люди сели на свои места и собрались пить, сказал конунг: „Что ты видишь, мать, — нет ли чего-нибудь опасного для моей земли?“ Она сказала: „Не вижу я ничего, в чем не было ей чести и славы. Вижу я то, что родился ныне в Норвегии сын конунга со светлыми духами-хранителями, и над ним великий свет. Он будет воспитан здесь, в этой стране, и во многом поможет своей стране, а после вернется в свои родные земли и будет там конунгом славным и знаменитым, но скоро его потеряют, а когда он будет призван из мира, будет ему большая слава, чем я могу сказать. А теперь унесите меня — дальше я ничего не скажу“. Этот Вальдамар был отцом Ярицлейва, отца Хольти, отца Вальдмара, отца Харальда, отца Ингибьёрг, матери Вальдмара, конунга данов».

(Перевод Е.А. Рыдзевской)

В приведенном отрывке масса удивительных подробностей. Но нет ничего такого, что бы стопроцентно доказывало: здесь речь идет о Киевской Руси, а Вальдамар-конунг — князь Владимир Стольнокиевский (достаточно взглянуть на приводимую в конце родословную, чтобы понять: речь может идти о ком угодно, только не о крестителе Руси). География же процитированного фрагмента (как, впрочем, и саги в целом, а также любых других саг) такова, что речь здесь идет не о Новгородско-Киевской Руси, а о Руси другой — Варяжской, в коей и правит конунг Вальдамар. Эта Варяжская Русь (как следует из текста саги) находилась где-то поблизости от Норвегии, но ничего общего (в смысле тождественности территории, языка или культуры) с ней не имела. Отсюда и знаменитая скандинавская *Гардарика* — конечно же, Русь, но не только Новгородско-Киевская, а еще и Варяжская, ибо по языку для скандинавов они ничем особо не отличались, территории их сопрягались и пересекались, а сами варяги были «в доску своими» что в Киеве, что в Смоленске, что в Новгороде.

Скандинавы путали не только варягов и славян, но и их поселения. Новгород Великий, по скандинавской традиции и в германоязычной вокализации, именовался *Хольмгард*. Но не лишено вероятности, что здесь

смешались различные топонимы. Подтверждение тому обнаруживается в Иоакимовской летописи, где приводится русское название Хольмгарда — *Колмогард*. Очевидно, раньше название этого древнеславянского города произносилось как Колмоград или Коло-город, а затем произошло переименование — наподобие того, как красивые и поэтичные имена древних русских городов *Плесков* и *Твердь* превратились в *Псков* и *Тверь* (*Тферь*). Из контекста Иоакимовской летописи совершенно определенно следует *нетождественность* Колмогарда и Великого Новгорода, так как здесь рассказано о том, как новгородский старейшина (в Ермолинской летописи он, как и полагается, назван посадником) Гостомысл, оказавшийся без сына-наследника, прежде чем выбрать жениха для своей дочери Умилы, решил принести жертву древним богам и отправился *из Новгорода в Колмогард*, где находилось языческое святилище. Возможно, ехать не пришлось слишком далеко, но для русских это были разные понятия. А вот у скандинавов они смешались, и Новгород стал Хольмгардом.

В Лаврентьевской летописи, если читать по оригиналу, а не по «уточненному» (то есть по подправленному) тексту, сказано: «И от техъ прозвася Руская земля ноугородъци ти суть людье ноугородъци от рода варяжска · прежде бо беша словени». Написано, естественно, без пробелов и заглавных букв, только в одном месте «цельнолитая» строка разбита разделительной точкой. Исключительно важное свидетельство, но на него историки почему-то внимания не обращают. А зря! Здесь ведь черным по белому прописано: род варяжский изначально был славянским, и варяги вместе с новгородцами говорили на русском языке! Ибо в противном случае получится, что население Великого Новгорода (оно ведь «от рода варяжского») и до призвания Рюрика, и в дальнейшем, надо полагать, пользовалось одним из скандинавских языков (если, конечно, придерживаться тупиковой формулы «варяги = скандинавы»). Абсурд? В самом деле — другого слова не подберешь!

Почему Нестор-летописец, перечисляя через запятую «потомство Иафетово»: варяги, шведы, норвеги, готы, русь, англъ, галичане, волохи, римляне, немцы, венецианцы и прочие, — не объявляет варягов шведами или норвегами (хотя в летописном перечне они названы раньше руси) и не утверждает, что варяги говорили по-шведски или по-норвежски? Да потому, что для русского летописца, как и для всех русских людей той эпохи, было абсолютно ясно: варяги — никакие не шведы и не норвеги, а такие же русские, как они сами, — коль скоро даже переводчиков для общения не требовалось. Но то, что было самоочевидным еще в XII веке

для Нестора и его современников, впоследствии оказалось камнем преткновения для большинства читателей и исследователей «Повести временных лет».

Но главный интерес, конечно, представляет смысл вышеприведенной сакраментальной фразы, на которой споткнулась не одна сотня великих и мелких историков и которая сделалась отправным пунктом бесславной норманнской теории. Тезис о прозвании Русской земли вмещает очень емкую и исключительно важную информацию.

Во-первых, «от тех» относится не к варягам вообще, а к братьям Рюрику, Синеусу и Трувору, о которых речь идет в предыдущем предложении (слово «варяг(ов)» добавили позднее, и оно существенно изменило смысл всего сказанного).

Во-вторых, Рюрик и его братья называли Русской землей не всю, так сказать, будущую Россию, а в первую очередь отнесли к ней новгородцев, жителей Новгорода, то есть нового города, построенного на месте старого Словенска, первой русской столицы, находившейся тут же поблизости на Волхове и названной так по имени князя Словена. Потому-то и потребовалось уточнить, кем теперь стали новгородцы, которые «прежде бо беша словени», то есть являлись жителями (населением) города Словенска.

В-третьих, ключевым во всей разбираемой фразе является упоминание не о прежнем прозвании новгородцев — «словени», то есть «жители Словенска», а о том, что они являются **соплеменниками варягов** («ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска»). Другими словами, если рассуждать, так сказать, «от противного», получается, что и сами варяги, и Рюрик с братьями были обыкновенными русскими людьми (хоть и жили в Заморье) и говорили на обычном русском языке, а не на каком-либо из скандинавских. В противном случае получится, что на норвежском, шведском или датском языке говорили новгородцы, ибо были они, как и Рюрикова семья, «от рода варяжьска». (Подробнее см. мои статьи и книги: Варяги — русские витязи Севера // Мир Севера. 1999. № 3–4; Сколько лет Русской земле? // Литературная Россия. 1999. № 47; Тайны земли русской. М., 2000).

Почему же варяги сыграли столь выдающуюся роль в мировой истории — причем не разрушительную, а созидательную и объединительную? Такая задача под силу только энергонесущей популяции, сплоченному сообществу целеустремленных пассионариев. Наделенные мощным энергетическим потенциалом и повышенной активностью, они по природе своей обречены были быть вожатыми,

воодушевляя доверившиеся им народные массы на уготовленные им подвиги и волею судеб становясь движущей силой исторического прогресса.

Конечно, можно назвать варягов и племенем, но с достаточной долей условности. Скорее всего, они представляли собой особое воинское братство — прообраз будущих рыцарских орденов. Жили в основном на побережье Балтийского (Варяжского) моря, летопись, однако, говорит о Заморье, а таковым вполне могли быть и арктические территории Ледовитого океана, находящиеся по отношению к европейской России севернее Балтики и Беломорья.^[15] Подтверждения тому можно легко отыскать и по сей день. Так, в Баренцевом море сохранились недвусмысленные топонимические следы бывшего и длительного пребывания здесь варягов. Это — Варангский (то есть Варяжский) залив (Варангер-фьорд), омывающий с запада российский полуостров Рыбачий, а с востока — норвежский полуостров Варангер. Кстати, следующий на запад залив именуется Яр-фьордом: первая часть этого составного слова чисто русская и гиперборейская, связанная, скорее всего, с именем языческого солнцезбога Ярилы.

Были варяги хорошо организованы, обладали богатым опытом во всех областях хозяйственной жизни, торговли, государственного управления и особенно — воинского искусства. Потому-то и обратились в 862 году новгородцы к Рюрику с братьями, как бы сказали сейчас, за организационной помощью. И русские варяги быстро и охотно откликнулись, а затем плодотворно поучаствовали в становлении Руси и российской государственности. Конечно, наивно полагать, что отношения между варягами, с одной стороны, и новгородцами (а также псковичами, киевлянами, смолянами и т. д.), с другой, были всегда идиллическими и безоблачными. Варяги бесцеремонно грабили соседей, те не оставались в долгу. Время было жестокое, а люди и подавно...

Варяжские общины чем-то напоминали будущую структуру казачества — только в более архаичном и уж, конечно, не южном, а северном варианте. Не исключено, что именно варяги (или какая-то их часть) заложили основу русского казачества, включая и Запорожскую Сечь. По крайней мере, потомки варягов наверняка могли стать организаторами, наставниками казачьего воинства. Судя по всему, варяги (как впоследствии и запорожцы) не обременяли себя узами постоянного брака. Женщины, скорее всего, составляли неотъемлемую часть военной добычи, использовались как наложницы, а затем вместе с детьми, рожденными от варягов, расселялись по разным территориям. Появлялись семьи

(временные и постоянные) и в крупных городах: в летописях говорится о кровавых конфликтах между варягами и новгородцами по поводу женщин. Рассказывая о варяжской дружине Ярослава (Мудрого) перед началом его борьбы за киевский престол, Нестор сокрушается: «...Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женам их». Естественно, новгородские мужики такой обиды не стерпели и подчистую перебили всех Ярославовых варягов, охотников до чужих жен.

В описанном эпизоде интересно еще и другое: несмотря на то, что цвет варяжского рода бесславно погиб в новгородской поножовщине, Ярослав очень быстро набрал новую дружину в количестве тысячи человек и вместе с новгородским ополчением повел ее на Святополка Окаянного — убийцу Бориса и Глеба. (Можно представить, сколько же было на Русской земле варягов, если, что называется, в одночасье удавалось собрать тысячу отборных воинов, и для этого не нужно было даже никуда ездить или плыть!) В этой битве Ярослав победил, но сражение не стало последним, и из занятого Киева вскоре пришлось бежать, ибо разгромленный поначалу Святополк вскоре навел на Русь иноземные полчища — польское войско во главе со своим тестем, королем Болеславом, а вслед за тем и печенежскую орду.

Окончательная победа в конечном счете досталась Ярославу. И повсюду его сопровождала варяжская дружина. Называется даже имя ее предводителя — Якун (как видим, ничего общего со скандинавскими германоязычными именами не имеющая). Нестор сообщает еще одну интересную деталь: Якун носил золотой плащ, который потерял во время одной, неблагоприятной для Ярослава и его войска, битвы. Описание этой битвы с Мстиславом — при свете молний, в сплошной пелене дождя (после чего на Руси, наконец, наступил долгожданный мир) — одна из впечатляющих картин «Повести временных лет»: «И бысть сеча сильна, яко посветяше молонья, блещашеться оружие, и бе гроза велика и сеча сильна и страшна...»

В дальнейшем загадочные пассионарии Севера без лишнего шума исчезли с горизонта отечественной истории. Часть из них, безусловно, ассимилировалась, растворилась в безбрежном славянском море и окончательно обрусела. Некоторая часть, быть может, сохранила традиции воинского братства и, как уже было сказано, стала ядром будущей Запорожской Сечи.^[16] Часть же перешла на службу к византийским императорам, где составила костяк дворцовой гвардии. Варяжская дружина насчитывала подчас до шести тысяч стойких витязей и отменных рубак. Благодаря им византийское войско одержало немало важных побед.

Показательно и другое: в Царьграде варягов всегда считали русскими, и только русскими. Безусловно, значились в составе русско-варяжского войска и скандинавы, но, как нынче принято выражаться, на контрактной основе. Сами же европейские норманны никогда себя варягами не называли и становились таковыми, только вступая в русскую варяжскую дружину; когда срок контракта истекал, они вновь превращались в викингов.

Так что тесное взаимодействие между варягами и скандинавами, безусловно, было, но кто на кого больше влиял — еще вопрос. То же относится и к так называемым скандинавским заимствованиям в русской культуре. Да, в одежде, оружии, культовых предметах, утвари, украшениях, открытых археологами, много варяжской специфики. Вот только почему обязательно ее считать скандинавской? Почему бы не рассмотреть совершенно другой вариант — заимствования скандинавами достижений более развитой варяжской культуры.

Ведь когда дотошные греки спрашивали наших соотечественников, служивших в императорской гвардии: «Откуда вы, варяги?», — те, не задумываясь, отвечали: «Из Тулы...» Ничего себе ответ, если вдуматься. Впрочем, под Тулой подразумевался вовсе не город в центральной части России, а древняя Гиперборея, по другому — Туле, по имени таинственной полярной страны из знаменитой «Географии» Страбона и сочинений других древних авторов. Византийцы же, как и арабы, говорили об «огромном острове Тула», расположенном посреди Ледовитого океана, о чем уже говорилось в 1-й части.

Быть может, в социальной структуре варяжского воинского братства (ордена) отчасти сохранились и архаичные черты древнеарийского кастового сословия. Почему бы не предположить, что варяги — это трансформированный вариант одной из классических каст *кшатриев*? Ведь она как раз и объединяла правителей, воинскую аристократию и дружинников! Корни Руси уходят в недостижимые глубины индоевропейского прошлого. Оно зародилось, пережило расцвет, катастрофические потрясения и упадок на Севере, где климат в те времена был иным, нежели теперь. Постепенно мигрировали на юг из-за неблагоприятных условий жизни многие индоевропейские прапредки современных этносов (индийцев, иранцев, греков, испанцев, итальянцев, армян, осетин и др.). Ближе к северным широтам обосновалась часть славян, из которых впоследствии вычленилась и русская нация.

Разобравшись более или менее с варягами, можно двигаться дальше (точнее — вернуться назад) по следам, оставленным ими в русской истории. Но и тут нас поджидает множество неожиданностей. И главная — текст Нестора о призвании варяжских князей не совпадает в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Не менее любопытен данный отрывок и в факсимиле Радзивилловской летописи, где соответствующий 8-й лист (с четырьмя миниатюрами на аверсе и на реверсе) является самым зачитанным — с текстом частично вообще утраченным, оборванным по краям и замусоленным от прикосновений пальцев тех, кто пытался разгадать тайну первой царской династии Рюриковичей. Вот как звучит знаменитый сакраментальный фрагмент в передаче Ипатьевской летописи (точнее — по Ипатьевскому списку «Повести временных лет»):

«В год 6370 (862). И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали: „Поищем сами себе князя, который бы владел нами и рядил по ряду и по закону“. Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные — норманны и англы, а еще иные готы — вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам. И поставили город Ладогу. И сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой, Синеус, — на Белом озере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и пришел к Ильменю, и поставил город над Волховом, и назвал его Новгород, и сел тут княжить, и стал раздавать мужам своим волости и города ставить — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренные жители в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик».

(Перевод здесь и далее, кроме оговоренных случаев, О.В. Творогова)

К сожалению, переводчик слукавил. Он перевел слово «наряд» не в соответствии со смыслом оригинала летописи, а следуя дурной традиции, заложенной еще два века назад норманистами-русофобами, для коих важно было подчеркнуть одно: на Руси «порядка нет» с подразумеванием — «никогда не было и не будет». Дабы убедиться, что перед нами прямая и неуклюжая фальсификация, достаточно заглянуть в 10-й том академического «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (М., 1983. С. 227–230). Оказывается, понятие «нарядъ» в древнерусском языке имеет шестнадцать значений: 1. устройство, правопорядок, <...>; 2. руководство, управление, надзор, <...>; 3. оснащение, снаряжение, вооружение, <...>; 4. артиллерия, пушки, <...>; 5. заряд, снаряд <...>; 6. набор вещей, одежды, украшений, <...>; 7. парадная, церемониальная, нарядная одежда, <...>; 8. уборка, украшение (как действие), <...>; 9. убранство, внутренняя отделка, <...>; 10. совокупность вспомогательных деталей для оформления (застежки, пряжки и т. п.), <...>; 11. подкладка (обуви); 12. нашивки и кружево по полам одежды, <...>; 13. приказание о посылке людей на работу, службу и т. п. <...>; 14. комплект некоторых предметов, <...>; 15. состав, смесь; 16. подлог, сфабрикованное дело, <...>.

Однако большинство отечественных историков (не говоря уж об иноземных), клюнувшие на пустой норманистский крючок, могли бы и сообразить, что подлинный смысл Несторовой фразы связан с управлением и организацией. Их-то и не доставало рассорившимся новгородцам, почему они и обратились за помощью к близким по происхождению и языку варягам. Другими словами, требовался распорядитель, начальник, руководитель, управляющий (сегодня бы мы сказали: объявлен конкурс на вакантную должность). Для обозначения данных понятий в древнерусском языке и миропонимании существовало одно-единственное слово — «нарядникъ», образованное от однокоренного «нарядъ». Об этом, собственно, и говорится у Нестора, а вовсе не о каком-то беспорядке-хаосе, извечно присущем безалаберным русским людям.

Что дело обстояло именно так, а не иначе, доказывают и более поздние русские летописи, в которые традиционно, но с некоторыми уточнениями включалась «Повесть временных лет». Так, в Тверской, Львовской, Никифоровской и др. летописях (в точном соответствии с действительным смыслом) вместо слова «наряд» поставлено «нарядник». «Вся земля наша добра есть и велика, изобильна всем, а нарядника в ней несть, поидете к нам княжити и владети нами», — записано, к примеру, в Холмогорской летописи. Еще более удачная формулировка содержится в Густинской летописи, где вместо спорного «наряда» прописана развернутая фраза «...

но строения доброго несть в ней».

Конечно, сам Нестор также освещал вопрос о призвании варягов не по документам, а понаслышке — на основе тех устных преданий, которые сложились ко времени начала работы над «Повестью временных лет» в дружинной среде. Историю, связанную с Новгородом (не говоря уж о предыстории), он знал плохо, фрагментарно и в основном в тех аспектах, которые имели непосредственное отношение к киевской великокняжеской династии. Это отмечает и В.Н. Татищев, приступая к изложению начальных страниц русской истории в соответствии с Иоакимовской летописью. Точнее — он присоединяется к мнению тверского монаха Вениамина, сделавшего необходимые выписки из в дальнейшем утраченной Новгородской летописи, составленной епископом новгородским Иоакимом в основном во времена Ярослава Мудрого. «О князех русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе, что ся деяло у нас славян во Новеграде...» — таков приговор автору «Повести временных лет» в отношении знания им фактов ранней истории своего Отечества.

К любопытным соображениям могут привести также записки «О государстве Русском» английского посланника Джильса Флетчера. Он посетил Москву в 1588 году, в царствование последнего представителя династии Рюриковичей — Федора Иоанновича. Флетчера интересовала не только политическая ситуация, сложившаяся в России в конце XVI века, накануне Смуты, но также истоки и корни русской истории. Собирая в Москве материалы для будущей книги, он, судя по всему, пользовался какими-то не дошедшими до нас источниками или же устной информацией знатоков данного вопроса. В пользу последнего предположения свидетельствует фраза из трактата Флетчера: «Русские рассказывают...» Оказывается, в то время в Москве начальную историю Руси излагали несколько иначе, чем это сегодня можно прочесть в «Повести временных лет». Согласно сведениям, полученным Флетчером от устных информаторов, братьев, призванных на княжение в Новгород, было изначально не трое, а четверо. И четвертого звали Варяг. Другими словами, Варяг оказывается именем не этноса или социума, не рода или военно-торгового объединения, а верховного вождя, по имени которого прозывались и все остальные.

Но и это еще не все. По Флетчеру, в первоначальном распределении власти участвовали не трое братьев-варягов, как у Нестора, а целых восемь претендентов на управление Русской землей. Помимо Рюрика, Синеуса, Трувора и Варяга то были еще хорошо знакомые нам братья Кий, Щек, Хорив и сестра Лыбедь. Выходит, в Москве, предоставляя англичанину

такую информацию, считали всех восьмерых современниками, а акт распределения земель и сфер влияния — единовременным. Из сказанного следует также, что первой русской правительницей-женщиной была не благоверная княгиня Ольга, а легендарная язычница Лыбедь, к которой восходит фольклорный образ прекрасной царевны Лебеди. Конечно, когда писалась христианизированная история Руси (а процесс непрерывного «редактирования», купюр и подчисток продолжался и в XVI веке, например при составлении Степенной книги и Никоновой летописи), таким деталям уже не придавали серьезного значения — их просто опускали за ненужностью.

В свете всего вышесказанного интересно сравнить Несторову историю с утерянной Иоакимовской (см. Приложение 2). Естественно, после такого сравнения многие начальные страницы Несторовой летописи никакой критики не выдерживают. Иоаким начинает с хорошо знакомой ему легендарной истории Словена и Руса и далее рассказывает о новгородских князьях, правивших в дорюрикову эпоху. Их имена — Вандал, Избор, Столпосвят, Владимир (не путать с Владимиром Святым), Буривой. Правление последнего особенно интересно. По сообщению летописца, Буривой правил на обширной северной территории, по древней традиции именуемой Биармией (от этого слова происходит современное название *Пермь*). Столь огромные владения он приобрел в результате кровопролитной войны с варягами, которую развязал на свою же голову. Ибо в конечном счете варяги взяли реванш, наголову разгромили Буривою, обратили его в постыдное бегство, а Новгород обложили огромной данью. Отголоски этой войны и ее последствий нашли свое отражение уже на страницах «Повести временных лет», где рассказывается о последующем изгнании варягов «за море».

Любопытно и загадочно сообщение о столице Биармии, куда бежал Буривой. Она носит то же название, что и вся страна и располагалась на острове в неприступной крепости. Что это за остров, в каком море или озере он находится, какие следы далекого и великого прошлого сохранились там по сей день — про то можно лишь догадываться. Татищев считал, что упомянутым местом, где скрывался Буривой, можно считать остров между двумя рукавами реки Вуокса, впадающей в Ладожское озеро: здесь, согласно летописям, еще в конце XIII века была построена русская крепость Корела, переименованная захватившими ее впоследствии шведами в Кексгольм, которые переименовали таким макаром карелофинский топоним *Кекки-саари*, что переводится как *Кукушкин остров* (ныне это город Приозерск Ленинградской области).

Более чем вероятно, что на месте древней столицы Биармии впоследствии воздвигли другую крепость или даже монастырь. Такова вообще традиция — воздвигать рукотворную твердыню на месте поверженной святыни прошлого — тем более что речь, как правило, идет об энергоемких, биогенных и пассионаротворных местах, определенных самой природой и избранной людьми для укрепления, преобразования и торжества своего духа. К подобным сакральным точкам северо-западной Руси традиционно относятся две российские святыни — остров Валаам и Соловецкие острова. Всемирно знаменитые монастыри появились здесь только в последнее тысячелетие: Валаамский — по разным данным — не ранее XI и не позже XIV века (но мы помним, что еще в I веке остров посетил и благословил апостол Андрей Первозванный); Соловецкий же был основан в 20–30 годы XV века. А сколько тысячелетий перед тем привлекали людей сии островные «чудеса света»? И какие сооружения воздвигались здесь нашими далекими пращурами, чьи корни уходят в глубины индоевропейской и общемировой культуры? Возможно, именно на обломках былой истории (и из обломков древних стен — в прямом смысле) были построены первоначально и Валаамский, и Соловецкий монастыри. Так ли это или не так — предстоит определить будущим исследователям, и останки столицы Биармии еще ждут своих первооткрывателей.

Наконец, Иоакимовская летопись переходит к развернутому освещению истории приглашения варяго-русов, где решающую роль сыграл уже упоминавшийся новгородский старейшина (воевода) Гостомысл. Историки XIX века, начиная с Карамзина, приклеившего последнему представителю Новгородской династии ярлык «мнимый», не слишком жаловали его своим ученым вниманием, считая личностью фольклорной, которой нет места в истории, построенной в соответствии с собственными субъективными представлениями.

В дальнейшем эта странная позиция была закреплена. Советские историки Гостомысла всерьез не принимали и почти не упоминали. Этого имени не найти ни в Большой советской энциклопедии, ни в более объективной (по крайней мере претендующей на большую объективность) 5-томной энциклопедии «Отечественная история», начавшей выходить на волне «перестройки» (а между тем знаменитый и до сих пор во многом непревзойденный многотомный Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона содержал обстоятельную и некарикатурную статью о Гостомысле). Позиция историков непонятна и неоправдана (пускай она и остается на их совести!), каких-либо заслуживающих внимания аргументов у них попросту нет (а потому они вообще не удосуживаются их приводить).

Между тем Гостомысл — лицо не фольклорное, а абсолютно историческое: начиная с XV века он упоминается в летописях (например, в Софийских, а также в Рогожском летописце), не говоря уже о последующих. Вполне объяснимо, почему крамольное имя было вычеркнуто (вычищено) из более ранних летописных источников — он не вписывался в канонизированную и политизированную историю династии Рюриковичей.

Переписывать историю или подстраивать ее под свое субъективное мнение — дело безнадежное и неблагодарное. Не лучше ли беспристрастно анализировать имеющиеся факты? В изобилии их как раз и предоставляет Иоакимовская летопись. История «призвания варягов» изложена здесь не столь упрощенно, как у Нестора, не обладавшего, как бы теперь выразились, всей полнотой информации. По Иоакиму (и соответственно — по Татищеву), Гостомысл — сын Буриvoja (возможно, это даже не имя, а прозвище неистового новгородского князя, данное за его необузданный характер) — быстро смекнул, что худой мир с варягами лучше хорошей войны, и вновь наладил с ними нормальные отношения. Тут впервые в русской историографии появляется формулировка, ставшая, начиная с Ивана Калиты, чуть ли не афоризмом: «И бысть тишина по всей земли...»

У Гостомысла было четыре сына и три дочери. Но сыновья поумирали — кто своей смертью, кто пал в бою. Дочери вышли замуж за соседних князей (варягов). Одной из них — Умиле — и суждено было не дать угаснуть древнему роду и «дати ему наследие от ложеси его». На сей счет Гостомыслу было чудесное видение во сне (явный контакт с ноосферой!): из чрева Умилы вырастает великое древо и укрывает своей огромной кроной с плодами Новгород.^[17] Чувствуя приближение смерти (рис. 94), Гостомысл повелел новгородцам не помнить старого зла и пригласить на княжение в Великий град достойнейшего из варягов, сына Умилы, и сделать верховным правителем. Так на берегах Волхова появился Рюрик с братьями Синеусом и Трувором.

Рис. 94. Кончина Гостомысла. 860 год (из иллюстрированной «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина)

Далее Иоакимовская летопись сообщает нечто совсем неожиданное: вообще-то, Рюрик давно был женат, и жен у него было несколько. А паче других любил урманку Ефанду («урманка» можно перевести и как «мурманка», то есть уроженка Мурманской земли, где наверняка также жили варяги, или же как «норманнка», то есть «норвежка»; лично я склоняюсь к первой трактовке). Именно Ефанда и родила того самого Игоря (Старого), коему суждено было продолжить династию Рюриковичей.

Татищев попытался разобраться в запутанных и невнятных сведениях, почерпнутых в Иоакимовской летописи. Он высказал предположение, что легендарный Вадим, предводитель антирюриковского восстания в Новгороде (об этом на основе утраченных источников рассказывается только в одной — Никоновской — летописи), был внуком новгородского

старейшины (от одной из безымянных дочерей) и, следовательно, двоюродным братом Рюрика. Одним словом, Рюрик вовсе не был лицом невесты откуда взявшимся: в Новгороде его давно и хорошо знали.

Не приходится сомневаться, что родословное древо Рюрика первоначально выглядело вовсе не так, как оно представлялось спустя тысячелетие. Нетрудно предположить: раз у основателя первой российской великокняжеской и царской династии было много жен, то, следовательно, было и немало детей (во всяком случае не один Игорь, как это следует из подчищенной и «исправленной» «Повести временных лет» или официальной истории). Сказанное подтверждает и один из немногих подлинных документов, сохранившихся в составе Несторовой летописи, — уже цитированный договор Игоря с византийцами. Последующие «редакторы» сплеховали и не обратили внимания на перечень имен: по поводу двух — Слуды и Акуна, присутствовавших при подписании договора в Царьграде, сказано, что они являются племянниками Игоря, то есть детьми его брата (братьев) или сестры (сестер). Участие в дипломатической миссии свидетельствует о достаточно высоком и прочном месте Игоревых племянников (и Рюриковых внуков) при великокняжеском дворе. К сожалению, ничего не известно об их дальнейшей судьбе, а также о судьбе их потомков (если ветвь вскоре не прервалась).

* * *

Следующее важнейшее событие русской истории, последовавшее за летописным рассказом о «призвании князей», связано с созданием Рюриком первого очага российской государственности. Здесь вновь нас ожидает полная разногласия летописцев и нестыковка сообщаемых ими фактов. В первую очередь это касается вопроса о первой Рюриковой столице. Сколь вольно и беззастенчиво обращались с летописными текстами последующие редакторы и переписчики, видно хотя бы по одной-единственной, но принципиально важной фразе, касающейся распределения русских земель после призвания князей. Во всех современных переводах «Повести временных лет», в хрестоматиях, научных компиляциях и учебниках говорится, что после прибытия на Русь Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус — на Белоозере, а Трувор — в Изборске. В действительности же в наиболее древних и авторитетных летописях про Рюрика сказано нечто **совсем другое**. В Ипатьевской (см. ее фрагмент, приведенный выше) и Радзивилловской летописях говорится, что,

придя в Новгородскую землю, братья-варяги первым делом «срубили» город Ладогу. В нем-то «сел» и стал править Рюрик. Следовательно, Ладога является первой столицей новой правящей династии Рюриковичей. Между прочим, в одном из списков «Сказания о Словене и Русе» есть любопытное уточнение: Рюрик «срубил» первую столицу державы Рюриковичей не на том месте, где долгое время находилась всем хорошо известная Старая Ладога — на левом берегу Волхова в 12 километрах от Ладожского озера, а *на острове* посреди озера: «...А столицу свою Рюрик на острове езера Ладоги заложил...» (это известие вряд ли случайно и требует особого внимания и осмысления).

Про то, что Новгород Великий был избран Рюриком в качестве стольного града, в данном фрагменте летописей вообще ничего не говорится. В Лаврентьевском списке на этом самом месте вообще зияет **пробел**. Вот эту-то лакуну Карамзин и заполнил Новгородом. Новгород же создатель «Истории Государства Российского» позаимствовал из никому не доступной теперь более поздней Троицкой летописи, которая сгорела вместе с другими бесценными реликвиями русской культуры во время знаменитого Московского пожара 1812 года. Карамзин успел сделать из утраченного списка обширные выписки. Но что любопытно: в самом тексте Троицкой летописи так же, как и в Лаврентьевском списке, на месте упоминания первой столицы Рюрика значился пробел. Зато на полях рукой какого-то позднего читателя была сделана приписка: «Новгород» (в те времена украшать поля древних книг собственными замечаниями считалось в порядке вещей). Вот эту-то чужую приписку XVIII века Карамзин ничтоже сумняшеся и выбрал в качестве шаблона для своей версии эпизода с «призванием князей», что стало каноном и для большинства последующих трактовок.

Упоминание Новгорода в конспекте Карамзина, не имеющее никакого отношения к Нестору-летописцу, было немедленно канонизировано, абсолютизировано и объявлено истиной в последней инстанции. Так вроде бы из благих побуждений происходит элементарный подлог и фальсификация истории. Карамзина по сей день выдают за Нестора, а неискушенному читателю и в голову не приходит, что все это шито белыми нитками. Кстати, самый выдающийся исследователь русского летописания академик Алексей Александрович Шахматов, являвшийся таким же ярким норманистом, как и Карамзин, нигде Ладогу на Новгород не заменял, хотя и не понимал истинной политической и идеологической подоплеки летописных метаморфоз. Не может не удивлять также и странная разборчивость в выборе кумиров: выписки Карамзина из утраченной

Троицкой летописи признаются более достоверными чем текст самого Нестора-летописца, а вот аналогичный конспективный пересказ Татищевым утраченной Иоакимовской летописи, не совпадающей с официальной и официозной точками зрения, считается сомнительным и чуть ли не поддельным.

Имя Гостомысла всплывает в Иоакимовской летописи еще один раз в связи с женитьбой Игоря, воспитателем которого, как хорошо известно уже из «Повести временных лет», стал Олег (Вещий). У Нестора он назван просто родичем («от рода ему суца»), Иоаким уточняет: Олег — шурин, то есть брат одной из Рюриковых жен, скорее всего все той же Ефанды (чужаку доверять сына-наследника было рискованно). Он-то и подыскал жену Игорю на Псковщине. Звали будущую русскую святую Прекраса. Но Олег по какой-то неясной до конца причине переименовал ее и назвал в соответствии со своим собственным именем Ольгой (в «Повести временных лет» она поименована еще и Вольгой). Так вот, у Иоакима подчеркивается, что была Ольга-Прекраса не простого звания, а из Гостомыслова рода (Татищев в примечании уточняет: Ольга — внучка Гостомысла и родилась от его старшей дочери где-то под Изборском).

Истинный свет на все эти загадки и нестыковки проливает известие Типографской летописи, названной так потому, что один из ее наиболее известных списков первоначально принадлежал Синодальной типографии. Здесь прямо сказано, что будущая княгиня Ольга была родной дочерью Олега Вещего. В таком случае вновь встает вопрос о степени родства и правах наследования власти между Гостомыслом и Олегом — одним из самых выдающихся деятелей начальной русской истории (рис. 95). Если принять интерпретацию Татищева: Ольга — Гостомыслова внучка от его старшей дочери, то неизбежно выходит: отец этой дочери и есть Вещий Олег, чья фигура сравнима с любым из представителей князей Рюриковичей и подавляющее большинство из них оставляет далеко позади. Отсюда и его законные права на княжение. Так, может быть, именно данный факт старательно изымался из летописей последующими цензорами, дабы у новгородцев не возник соблазн заявить о своих правах на приоритет в верховной власти?

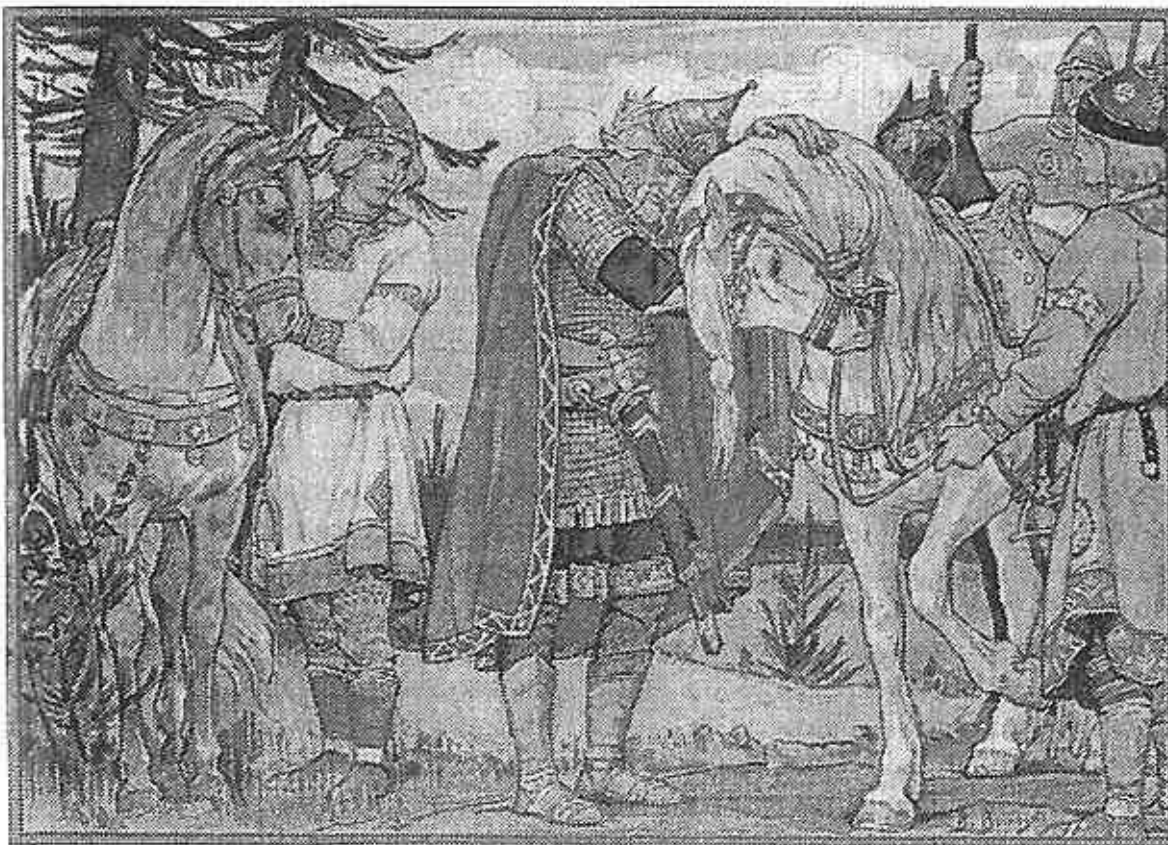

Рис. 95. Олег Вещий. Художник Виктор Васнецов

В знаменитом договоре Олега с греками 912 года, заключенном после блистательной осады Царьграда и капитуляции византийцев, нет ни слова о князе Игоре (Старом) — номинальном властителе Киевской Руси, опекуном которого якобы был Олег. Из 33 лет его княжения поздние редакторы полностью вычеркнули из летописей записи, касающиеся 21 (!) года. Как будто в эти годы ничего не происходило! Происходило — да еще как! Только вот Олеговым престолонаследникам что-то не понравилось в его деяниях или родословной. Последнее более вероятно, ибо, если следовать логике Иоакимовской летописи, Олег мог относиться к собственно Гостомыслову и исконно новгородскому роду. Этому несколько не противоречит и сообщение Нестора о том, что Олег, которому Рюрик перед смертью передал на руки и поручил воспитание малолетнего наследника Игоря, был родственником («от рода ему суща») основоположника династии. Родственником можно быть и по линии жены. Таким образом, и линия новгородского старейшины Гостомысла — главного инициатора приглашения в правители Рюрика — не прерывалась.

Что же стало с другими детьми Рюрика (если таковые вообще появились на свет)? Гипотезы возможны самые невероятные. Для фантазии беллетристов здесь вообще безграничное поле деятельности. В целом же перед нами одна из волнующих и нераскрытых загадок далекого прошлого.

То, что Олег Вещий — первый подлинный строитель Русской державы, прекрасно осознавали во все времена. Он расширил ее пределы, утвердил власть новой династии в Киеве, отстаивал легитимность Рюрикова престолонаследника, нанес первый ощутимый удар по всевластию Хазарского каганата. До появления на берегах Днепра Олега и его дружины «неразумные хазары» безнаказанно собирали дань с соседних славянских племен. Несколько веков сосали они русскую кровь, а под конец попытались даже навязать и совершенно чуждую русскому народу идеологию — исповедуемый хазарами иудаизм. (Обо всем этом подробно говорилось в 1-й части.)

Со временем правления Олега Вещего совпадает еще одна загадка начального русского летописания. Как уже было отмечено, один из самых больших пробелов «Повести временных лет» падает на годы княжения Олега. С 885 года (покорение радимичей и начало похода против хазар, о чем первоначального текста не сохранилось) и по 907 год (первый поход на Царьград) в летописи зафиксированы всего лишь три события, относящиеся собственно к истории Руси. Остальное — либо «пустые» лета (что они означают, нам уже понятно), либо же два эпизода, заимствованные из византийских хроник и касающиеся правления константинопольских императоров.

Какие же чисто русские реалии остались в летописи? Первая — прохождение в 898 году мимо Киева мигрирующих угров (венгров). Вторая — знакомство Игоря со своей будущей женой — псковитянкой Ольгой. Согласно Нестору, сие случилось в лето 6411-е, то есть в 903 году. Наконец, третье событие, воистину эпохальное, появление письменности на Руси. Имена солунских братьев — Кирилла и Мефодия, создателей славянской письменности, появляются в «Повести временных лет» также под 898 годом. Вокруг — лакуны в 10 лет (сверху) и 3 года (снизу). Будоражащая ум загадка — не только в этих «пустых» годах, но и в том, что *летописец сопряг появление письменности на Руси со временем княжения Олега*. Случайно ли это? Безусловно, не случайно! По-видимому, князю Олегу мы обязаны не только утверждением авторитета державы, но и величайшим деянием, значение которого сравнимо разве что со свершившимся спустя 90 лет принятием христианства. Это деяние — утверждение грамотности на Руси, реформа письменности, принятие новой азбуки на основе

кириллического алфавита, коим мы пользуемся и по сей день.

Само создание славянской письменности совпало (не знаковое ли совпадение!) с появлением на Ладоге и в Новгороде Рюрика с братьями. Разница же — не во времени, а в пространстве: русские варяги объявились на северо-западе, а византийский грек Кирилл (в миру Константин) начал свою миссионерскую деятельность на юге. Ориентировочно в 860–861 годах он отправился проповедовать в Хазарский каганат, под властью которого в то время находилось большинство русских племен, а по окончании миссии удалился в малоазийский монастырь, где и разработал славянскую азбуку. Произошло это, скорее всего, в том же самом 862 году, когда в русской летописи зафиксировано пресловутое призвание князей. Просто мистика какая-то!

862 год не может подвергаться сомнению, ибо именно тогда Кирилл и Мефодий отправились в Моравию, уже имея на руках разработанную азбуку. В дальнейшем славянская письменность распространилась на Болгарию, Сербию и Русь. На это ушло почти четверть века. Какими путями и темпами это происходило на Руси — остается только догадываться. Но для повсеместного утверждения новой письменности одного «самотека», разумеется, было недостаточно. Требовалось государственное решение и воля авторитетного правителя. По счастью, такой правитель на Руси к тому времени уже был, и воли ему было не занимать. А потому отдадим должное князю Олегу за его воистину вещее решение.

Смерть Олега (рис. 96) окутана такой же непроницаемой тайной, как и его жизнь. Легенда о «гробовой змее», вдохновившая Пушкина на хрестоматийную балладу, — лишь часть этой загадки. В отношении смертельного укуса змеи давно уже высказывалось сомнение — в Приднепровье нет таких змей, чей укус в ногу мог бы привести к смерти. Чтобы человек умер, гадюка должна укусить по меньшей мере в шею и прямо в сонную артерию. (Несмотря на кажущуюся маловероятность такого укуса, в «гадючных местах» постоянно фиксируются именно такие смертельные исходы среди тех, кто необдуманно ложится на свежескошенную траву или в копны собранного сена.) «Ну, хорошо, — скажет иной читатель с богатым воображением. — Те, кто замыслил изощренное убийство князя, могли специально приобрести какого-нибудь заморского аспида и заранее спрятать его в черепе любимого Олегова коня». Но загадка смерти князя заключается совсем в другом. Дело в том, что в Новгородской Первой летописи младшего извода история смерти Вещего Олега излагается иначе. Чтобы не быть голословным, процитирую

данный фрагмент полностью:

Рис. 96. Смерть Олега. Художник Надежда Антипова

«И прозваша и Олга вещии; и бяху людие погани и невегласи. Иде Олег к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же скажутъ, яко идущую ему за море, и уклюну [укусила] змиа в ногу, и с того умре: есть могила его в Ладозе».

В этих трех строчках — целый букет невероятных загадок. Оказывается, умер князь Олег в Ладоге по дороге в Новгород. Напомним, Старая Ладога — первая столица Рюриковичей, и именно здесь похоронили Олега, коему Рюриковичи обязаны укреплением собственной власти и распространением ее на другие русские земли. Здесь же и его могила, которую, кстати, экскурсоводы показывают немногочисленным туристам и поныне (правда, археологические раскопки на сем месте не производились, и сама «могила» носит, скорее, символический характер). Далее:

новгородский летописец не отрицает смерти Олега от укуса змеи, но делает важное уточнение, которого нет у Нестора: змея укусила («уклюнула») Олега не на днепровском или волховском берегу, а «за морем»! Действительно, «за морем» — но только не Балтийским (Варяжским) или Белым — есть немало змей (не чета нашим гадюкам), от укуса которых можно скончаться на месте. В Новгородской летописи, однако, сказано, что после укуса Олег «разболелся». Если совместить Несторову летопись с Новгородской, то получится: князя привезли из-за моря смертельно больным, и он пожелал умереть на родине.

В таком случае возникает вопрос: за каким таким далеким и теплым морем пребывал князь Олег и что он вообще там делал? В общем-то, на сей счет гадать особенно не приходится: путь «из варяг в греки» был проложен давно, и шел он через Черное море в Византию. Олег не раз осаждал Царьград, над воротами которого был прибит щит князя (рис. 97), здесь он подписал (и именно в год смерти) и знаменитый договор с греками. Так не подпустили ли русскому князю хитроумные потомки Одиссея аспиды вместе с текстом договора? Впрочем, излюбленным и хорошо апробированным оружием византийцев для расправы с неугодными был обыкновенный яд, который подсыпался в пищу или накапывался в вино. Ну а потом уже все можно было свалить и на аспиды.

Рис. 97. Русские прибивают щиты на ворота побежденного Царьграда. Художник Федор Бруни

Но и на этом загадки Олеговой смерти не исчерпываются, ибо ее конкретные даты в Новгородской и Несторовой летописях абсолютно не совпадают. Разница — трудно поверить! — в целых десять лет: по Нестору Олег умер в лето 6420-е (912 год), а согласно Новгородскому летописцу — в лето 6430-е (922 год). Сколько же потрясающих событий наверняка вмещало это «потерянное десятилетие»! Так кому прикажете верить? Лично я верю Новгородской летописи и сейчас объясню почему. Первоначальный текст Несторовой летописи в месте, касающемся смерти Олега, сильно подпорчен. Он испорчен и во многих других местах, но именно здесь удастся схватить позднейшего «правщика» за руку. Ибо мало ему было вырезать подчистую рассказ о 21 годе Олегова правления и подчистить остальные, так нет — после сообщения о гибели князя «от змеи» он вдруг вставляет обширный текст, не имеющий совершенно никакого отношения к русской истории. При жесточайшем дефиците пергамента, на котором писали летописцы, незванный редактор вдруг вставляет поучительную историю об Аполлонии Тианском, эллинском

философе-неопифагорейце, жившем в I веке н. э.

Но ради чего, скажите на милость, русский читатель, вместо того чтобы узнать дополнительные подробности о княжении одного из блистательных правителей Древней Руси, должен знакомится с нравоучительной сентенцией об античном маге и чародее времен римского императора Домициана? С точки зрения доброхота, которому мы обязаны этой вставкой, резон укорить Олега историей Аполлония был, да еще какой. Многострадальный же читатель должен был для себя извлечь поучительный урок. Это нам с вами вроде бы без разницы. А с точки зрения христианского ортодокса, дополнившего летопись душеспасительной историей, он совершал богоугодное дело, порицая князя Олега за язычество и ведовство. В чем же тут дело?

Как установили специалисты-филологи, прозвище Олега — «вещий» — во времена Нестора отнюдь не означало «мудрый», а относилось исключительно к его склонности к *волхвованию*. Другими словами, князь Олег как верховный правитель и предводитель дружины одновременно выполнял еще и функции жреца, волхва, кудесника, чародея. За то, с точки зрения христианского ортодокса, и постигла его Божья кара. Точно таким же волхвом, с точки зрения автора вставки, и был «творящий бесовские чудеса» Аполлоний Тианский, искусственно привязанный к событиям русской истории. Быть может, вся сентенция, нарушившая летописную логику и, скорее всего, написанная поверх соскобленного летописного текста, потребовалась книжному герострату ради последней фразы: «Не чудесами прельщать...»

Легко «вычислить», отчего такая нелюбовь у «соавтора» Нестора именно к Олегу. Видимо, в утраченных статьях достаточно подробно говорилось не только о полководческой или управительской, но также и о его жреческой деятельности. Суровый и непреклонный волхв, облеченный властью, он, надо полагать, весьма нетерпимо относился к христианским миссионерам. Олег взял у них азбуку, но не принял учения. Как вообще относились в те времена к христианским проповедникам славяне-язычники, хорошо известно из западноевропейских хроник. Балтийские славяне до обращения их в христианство расправлялись с католическими миссионерами жесточайшим способом. Не приходится сомневаться, что борьба не на жизнь, а на смерть происходила и на территории Руси. Возможно, не последнюю роль играл в этом и князь-жрец Олег. Вот и отыгрались на нем спустя полтора столетия...

Однако вычеркнутое из летописей невозможно было вытравить из памяти народной. Образ Вещего князя воплотился в таинственном

былинном богатыре Вольге, чьи имена — (В)ольга и Олег — фактически совпадают. По чудесному дару оборотничества, которым обладал былинный Вольга, можно судить, какие способности приписывались и историческому Олегу, тем более что в некоторых вариантах былины Вольга именуется Волх(в)ом, в полном соответствии с точным смыслом прозвища князя Олега Вещего.

*...А в тапory княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветил светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молодой Волх Всеславьевич;
Подрожала сыра земля,
Стряслось славно царство Индейское,
А и синее море сколыбалось
Для-ради рожденья богатырского
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.
А и будет Волх в полтора часа,
Волх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не поясай во поесья шелковые, —
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку — палицу,
А и тяжску палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд».
А и будет Волх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учиться,
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать,*

*Письмо ему в наук пошло.
А и будет Волх десяти годов,
Втапоры поучился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обертываться ясным соколом;
А и другой-то мудрости учился он, Волх,
Обертываться серым волком;
А и третей мудрости-то учился Волх
Обертываться гнедым туром — золотые рога....*

Да, воистину было за что недолгобловать христианским цензорам князя Олега. Они могли соскоблить с пергамента записи за 21 год, но не в силах были уничтожить образ князя-волхва в устном былинном песнопении. Деяния Олега Вещего, верховного правителя созданной им державы, сплошная череда героических подвигов, которая увенчалась беспримерными событиями в истории Руси: и тем, что вещий князь прибил щит победителя над воротами поверженного Царьграда, и тем, что именно во время его правления получила хождение русская азбука. После его смерти процесс дальнейшего формирования державы Рюриковичей сделался уже необратимым. Его заслуги в этом деле неоспоримы. Думается, лучше всего о них сказал Карамзин: «Мудростью Правителя цветут государства образованные; но только сильная рука Героя основывает великие Империи и служит им надежною опорою в их опасной новости. Древняя Россия славится не одним Героем: никто из них не мог сравняться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили ее бытие могущественное». Сильно сказано! И главное — правильно! Вот только где же эти герои в наши дни? Где созидатели? К несчастью, последнее время у нас перед глазами мелькали одни разрушители...

Так склоним же голову в знак неоплатной признательности перед великим сыном земли Русской — Вещим Олегом: одиннадцать веков назад князь-язычник и воитель-жрец сумел подняться над собственной религиозно-идеологической ограниченностью во имя культуры, просвещения и великого будущего народов России, которое стало неизбежным после обретения ими своего священного сокровища — славянской письменности и русской азбуки.

Святая княгиня Ольга (рис. 98) (ок. 890–969) — будем считать ее вслед за Иоакимовской летописью дочерью Олега и внучкой Гостомысла — одна из самых выдающихся личностей ранней русской истории. Житийная биография блаженной княгини, нареченной во святом крещении Еленою, может посоперничать с самыми лиричными и романтическими картинами древнерусской литературы. Агиографы точно называют место рождения будущей святой — село Выдубицы (или Выбутцы) близ Пскова — и прямо указывают, что все подробности, касающиеся ее юности и знакомства с будущим мужем, княжичем Игорем, почерпнуты из устных рассказов.

Рис. 98. Княгиня Ольга. Художник И. Сайко

«Происходила княгиня Ольга <...> не от княжеского рода, не из вельмож, а от простых людей. Вот что рассказывает некое древнее предание. Однажды князь Игорь, тогда еще совсем

юный, в Псковской земле тешился охотой и увидел на другой стороне реки хорошую добычу, и не мог он перебраться через реку, не было у него лодки. И увидел он, что кто-то плывет по реке на лодке, и позвал лодочника, и велел перевезти себя через реку. И когда плыли они, взглянул на гребца того и увидел, что это девица (а это и была блаженная Ольга) юная, красивая и отважная. И разгорелась в нем страсть, и обратился он к ней с бесстыдными словами. Она же, пресекая его непристойные речи, сказала ему, проявив мудрость и обличая его: „Зачем напрасно позоришь себя, о князь, склоняя меня на срам? Не обольщайся, видя меня, молодую девушку, совсем одну, и не надейся — не возьмешь меня силой. Подумай о себе, откажись от своего помысла. Пока ты юн, блюди себя, чтобы не победило тебя неразумие, чтобы самому не пострадать. Если ты станешь рабом постыдных побуждений, как же ты сможешь другим запрещать несправедливые поступки и праведно управлять державой своей? Знай, что если ты не перестанешь соблазняться моей беззащитностью, то глубина реки поглотит меня, — и я избегну позора, и ты не впадешь в соблазн из-за меня“.

Это первое благое достойное удивления проявление благоразумия и целомудрия блаженной Ольги, еще не знавшей Бога и заповедей Его. Удивился князь Игорь зрелому разуму и благоразумным ее речам. И отказался от своего юношеского порыва, и, устыдившись, в молчании перебрался через реку, запечатлев все это в сердце своем до времени, и вернулся в Киев. Когда же пришло время, повелел он, чтобы нашли ему невесту: и стали ему подыскивать невесту, как это было в обычае у властителей. И многими он пренебрег и вспомнил Ольгу, отвагу и красоту которой видел и из уст которой слышал речи разумные и целомудренные, нрав которой узнал. И послал за ней родича своего князя Олега, и взял ее в жены с подобающей честью, и сочетались они законным браком. <...> И родился у них сын Святослав...»

Дальнейшее хорошо известно из «Повести временных лет»: недолгое семейное счастье, трагическая смерть князя Игоря, ужасная месть убийцам мужа — древлянским князьям и всему народу древлянскому, поездка в Царьград и принятие святого крещения, разногласия с единственным

сыном Святославом — самым отважным воителем-пассионарием среди первых Рюриковичей, осадное сидение с малолетними внуками в Киевской цитадели, окруженной печенегами, счастливое избавление от степняков, скоропостижная смерть и причисление к лику святых. Нестора-летописца блаженная княгиня сподвигла на высочайшую патетику: «Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи...»

В летописях и тем более в последующей живой памяти княгиня Ольга как бы заслоняет фигуру своего супруга. Симпатии летописцев, вне всякого сомнения, на стороне женщины, вопреки господствующим языческим обычаям принявшей христианство. Напротив, ее муж язычник рисуется как непредсказуемая личность с необузданными страстями, что, в конечном счете, и послужило причиной его насильственной смерти при попытке получить повторную дань с древлян. Более подробно, выпукло и с симпатиями рассказывается о великом князе Святославе (год рождения неизвестен — погиб в 972 или 973 году), пытавшемся расширить пределы Российской державы до Дуная и дальше на Балканы. Образ отважного князя-пассионария, воссозданный Нестором, давно стал хрестоматийным.

«В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. Был ведь и сам он храбр, и ходил легко, как пардус, и много воевал. Не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел, не имел он шатра, но спал, настилая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: „Хочу на вас идти“. <...> В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву со Святославом, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: „Здесь нам и умереть: постоим же мужественно, братья и дружина“. И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, сказав: „Это мой город!“ И послал к грекам со словами „Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город“. И сказали греки: „Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, и дадим мы по числу дружинников твоих“. Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки мудры и до наших дней. И сказал им

Святослав: „Нас двадцать тысяч“, и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: „Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвым не ведом позор. Если же победим — позор нам будет. Так не победим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о себе сами позаботьтесь“. И ответили воины: „Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим“. И исполнились русские и греки друг на друга. И сразились полки, и окружили греки русских, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разрушая другие города, что стоят и доныне пусты».

Представления о великом князе-пассионарии дополняют подробности, сообщаемые византийскими хронистами. Известный историк Лев Диакон стал свидетелем достопамятной встречи русского князя с императором Иоанном Цимисхием (рис. 99) и описал ее во всех деталях.

Рис. 99. Свидание великого князя Святослава с Иоанном Цимисхием. Художник Ф.Г. Солнцев

«Государь, <...> покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав [так греки переименовали русское имя. — В.Д.], приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдетая золотая серьга: она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для

гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал...».

Изложение упомянутых и прочих событий в утраченной Иоакимовской летописи практически совпадает с тем, что дошло до нас от Нестора-летописца. Рюрик, Олег Вещий, Игорь Старый и Ольга, Святослав начали строительство новой державы. Успешно завершить начатое дело и решить одну из сложнейших геополитических задач довелось уже их двум великим продолжателям — Владимиру Святому и Ярославу Мудрому.

* * *

За эпохальное деяние — введение христианства на Руси — великий князь Владимир Святославич (ок. 962—1015) (рис. 100) обрел звание не только святого, но и равноапостольного. Хотя на канонических иконописных изображениях Владимир предстает зрелым длиннобородым мужем (с проседью в бороде и волосах), в действительности официальное крещение Руси (рис. 101) произошло, когда стольнокиевскому князю было всего-навсего двадцать шесть лет. Однако к тому времени за плечами будущего русского святого была бурная и не обделенная яркими событиями жизнь. Восьмилетние скитания под постоянной угрозой смерти, борьба со старшим братом — великим князем Ярополком, унаследовавшим киевский престол после трагической смерти Святослава, и коварное убийство его с помощью предательства и обмана, единоличное восцарение в Киеве, победоносные походы и присоединение новых земель, языческая реформа, ориентация на стратегическое партнерство с Византией и окончательный «выбор веры» в пользу православия (конкурирующими религиями, согласно «Повести временных лет», выступали ислам, иудаизм и католицизм).

Рис. 100. Владимир Святой (икона)

Рис. 101. Крещение Руси. Художник Надежда Антипова

Летописец не жалеет красок в описании личности князя, впоследствии прозванного Красным Солнышком (ни в одной летописи, кстати, такого эпитета нет). Отчасти это чисто литературный прием, смысл которого — контрастно противопоставить необузданного язычника благоверному христианину. Но именно благодаря этому в летописи и сохранились колоритные подробности разгульной жизни князя, его беспросветного блуда и вызывающей сексуальной жестокости. Еще в 18-летнем возрасте он не просто насильно овладел юной полоцкой княжной Рогнедой, но предпочел сделать это демонстративно на глазах ее родителей. Так, по крайней мере, свидетельствовала народная молва. И вряд ли это было преувеличение, ведь известен и другой случай, произошедший уже после принятия крещения. Речь идет о знаменитом корсунском походе Владимира. В крымской крепости Корсуни (Херсонес), принадлежавшей Византии, находился императорский наместник и греческий гарнизон.

После изнурительной осады византийцы вынуждены были сдаться на милость победителя. Каковой же оказалась «милость» новокрещеного великого князя (названного, как известно, в святом крещении Василием) — рассказывается в его Житии особого состава:

«А князя Корсунского и с княгинею поимал, а дочь их к себе взял в шатер, а князя и княгиню привязал у шатерной сохи и с дщерию их перед ними беззаконство сотворил. И по трех днях повелел князя и княгиню убить, а дочь их за боярина Ижберна дал со многим именем, а в Корсуні наместником его поставил...».

Когда Владимир вероломно умертвил старшего брата Ярополка, первое же, что он сделал, согласно повествованию летописца, это овладел вдовой великого киевского князя, красавицей гречанкой (имени которой история для нас не сохранила). «И была она беременна, и родился от нее Святополк», — сообщает далее «Повесть временных лет», подчеркивая изначальность каиновой печати, наложенной на будущего убийцу святых мучеников Бориса и Глеба. Из сообщения летописца неясно также, была ли гречанка уже беременна, когда стала наложницей Владимира (и тогда Святополк Окаянный — не родной его сын), или же зачала во грехе будущее «исчадие ада» русской истории. Помимо множества жен имел Владимир также бесчисленный гарем, его можно сравнить разве что с гаремом царя Соломона. Естественно, летописец не преминул сие сделать:

«Был же Владимир побежден похотью. Были у него жены. Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится село Предславино. От нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей, от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, и наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести в Берестове, в селе, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растлевая девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. „Велик Господь, и велико могущество его, и разуму его

нет конца!“ Женское прельщение — зло; вот как, покаявшись, сказал Соломон о женах: „Не внимай злой жене, ибо мед каплет с уст ее, жены прелюбодейцы, на мгновение только наслаждает гортань твою, после горчее желчи станет... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоприятна“. Вот что сказал Соломон о прелюбодейках, а о хороших женах сказал он так: „Дороже она многоценного камня. Радует на нее муж ее. Ведь делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, создает все потребное руками своими. Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издали собирает себе богатство и встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и дело рабыням своим. Увидев поле — покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит руки свои на дело. И вкусила она, что благо — трудиться, и не угасает светильник ее всю ночь. Руки свои простирала к полезному, локти свои возлагает на веретено. Руки свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о доме своем, потому что, где бы он ни был, — все домашние ее одеты будут. Двойные одежды сделает мужу своему, а червлёные и багряные одеяния — для самой себя. Муж ее замечен всем у ворот, когда сядет на совете со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст в продажу. Уста же свои открывает с мудростью, с достоинством говорит языком своим. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносят дети ее и ублажают ее, муж хвалит ее. Благословенна разумная жена, ибо хвалит она страх Божий. Дайте ей от плода уст ее, и да прославят мужа ее у ворот“».

Похоже, на современников (и не только на них) альковные подвиги, а также знаменитые княжеские пиры Владимира производили не меньшее впечатление, чем духовные деяния или ратные дела. Великий князь был целеустремлен и непреклонен, жесток и коварен. Его отношения с двенадцатью признанными сыновьями (сколько же было непризнанных детей от 800-душного гарема да несметного количества обесчещенных жен и девиц — одному Богу известно) особой теплотой не отличались. В конце концов дело дошло до того, что незадолго до смерти Владимир Святославич вынужден был пойти войной на собственного сына Ярослава, княжившего в Новгороде и не посылавшего положенной дани в Киев.

Впрочем, того, что смерть — безглазая старуха с косой — притаилась за плечами крестителя Руси, тогда еще не ведал никто. Про те события, ставшие переломным этапом русской истории, Нестор-летописец сообщает как всегда — скупно и бесстрастно:

«В год 6522 (1014). Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав перестал платить в Киев отцу своему. И сказал Владимир: „Расчищайте пути и мостите мосты“. Ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся. В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего, но Бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис, а тем временем печенег пошли походом на Русь, и Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся, в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер же князь великий Владимир на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем великим».

Здесь за каждой фразой и даже словом скрывается бездна страстей, потрясений и сюжетов для трагедий шекспировского масштаба. Многие недоговоренные (или намеренно усеченные) фразы породили самые невероятные домыслы. Зачем надо было скрывать смерть всесильного князя, прятать его тело и тайно перемещать глубокой ночью? Почему опальный Святополк вдруг оказался в Киеве? Был ли он заинтересован в смерти отца? Еще бы! Но разве не был точно так же заинтересован в устранении Владимира другой сын — Ярослав, правивший в Новгороде и на которого отец шел войной? А затаившиеся языческие жрецы и их не смирившаяся с новой религией паства? Словом, уже не раз высказывалось предположение, что смерть крестителя Руси была насильственной.

Конечно, проще всего было незаметно подсыпать яду. Однако, когда в 30-е годы XVII века по указанию митрополита Петра Могилы в Киеве производились раскопки Десятинной церкви, разрушенной еще во времена Батыева нашествия, был найден мраморный саркофаг-гробница с именем Владимира Святославича, а в нем — кости со следами глубоких разрубов и отсеченной головой, при этом некоторые части скелета вообще отсутствовали...

Вслед за кончиной последовал ряд других, не менее ужасных смертей и братоубийств. Святополк (Окаянный), захвативший власть в Киеве, принялся с методичной последовательностью устранять конкурентов-соперников и возможных претендентов на престол. Первыми жертвами стали святые мученики Борис и Глеб (за ними брат от другой матери — Святослав). Высказывалось предположение, что убийством Бориса и Глеба, которое потрясло и всколыхнуло всю Русскую землю, Святополк всего лишь нанес упреждающий удар. Будущих святых братьев родила Владимиру жена-«болгарыня», но была она не дунайской славянкой, как полагает большинство читателей, а волжской булгаркой. Для укрепления своих позиций Бориис и Глеб намеревались воспользоваться услугами родичей по материнской линии и привести к Киеву в противовес полякам — союзникам Святополка (его тестем был могущественный король Болеслав), а также наемным варягам — союзникам Ярослава — тюркскую орду. Для того и отправились на родину своих предков, но по пути их настигли убийцы, посланные Святополком.

Это — по летописи и каноническому житию. Но опять-таки: нельзя не учитывать, что Ярослав, приведший под стены Киева 40-тысячное новгородское ополчение да еще тысячу профессиональных воинов-варягов, не менее Святополка был заинтересован в устранении любых конкурентов. Никаких сентиментальных чувств ни к братьям, ни к отцу с матерью, ни к какой-либо другой родне он не питал. Перед описываемыми событиями довел накал и без того напряженных семейных отношений до предела — так что отец намеревался проучить строптивого сына с помощью карательной дружины и сам ее возглавил.

Это потом, когда вокруг не осталось соперников, Ярослав, что называется, поуменел и прослыл Мудрым. Таковым, кстати, ни современники, ни летописцы его не величали, а эпитет придуман Карамзиным: он стремился прежде всего уловить в хаотичных летописных событиях Логiku истории и Божественное провидение. В общем-то, Карамзин не ошибся. Сын Владимира Святого, сначала новгородский, а затем и киевский князь Ярослав Владимирович (ок. 980—1054) (рис. 102)

действительно оказался мудрым, оказался достойным продолжателем дела своего великого отца и стал одним из выдающихся деятелей русской истории. К этому его побудили, конечно, как личные волевые и пассионарные качества, так и объективная необходимость. Он быстро уразумел, что подлинное могущество государства достигается вовсе не в беспрестанной гражданской войне, а путем мира и стабильности. Активную энергию, скопившуюся в массах, следует направлять не на агрессию друг против друга, а на хозяйственное процветание, оборотистую и взаимовыгодную торговлю, дружбу с соседями, основанную на внушительной военной силе, на укрепление веры и духа, поощрение строительства, искусств и ремесел. В этом и состоит истинная государственная мудрость. Вот почему и Карамзин попал в самую точку, присвоив хромому князю Ярославу эпитет Мудрый.

Рис. 102. Ярослав Мудрый. Художник Николай Калита

Его деяния хорошо известны по «Повести временных лет» и другим источникам. Одолев с двух попыток Святополка Окаянного, а заодно и печенежскую орду, которую брат-убийца навел на Русь, Ярослав окончательно «сел в Киеве» и, как говорится в летописи, «утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик». Был Ярослав князем не только мудрым, но и боголюбивым, за что особо чтится православной церковью.

«И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы, попов любил

немало, особенно же любил черноризцев, и к книгам имел пристрастие, читая их часто и ночью, и днем. И собрал писцов многих, и перелагали они с греческого на славянский язык и на письмо. Переписали они и собрали множество книг, которые наставляют верующих людей, и наслаждаются они учением Божественного слова. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, — так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же Ярослав, сын Владимиров, посеял книжные слова в сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.

Велика ведь бывает польза людям от учения книжного, книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь — реки, напоющие всю вселенную, это источники мудрости: в книгах ведь неизмеримая глубина, ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. Велика есть мудрость: ведь и Соломон, прославляя ее, говорил: „Я, премудрость, вселила свет и разум, и смысл я призвала. Страх Господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение. Мною цесари царствуют, и сильные узаконяют правду. Мною вельможи величаются и мучители управляют землею. Любящих меня люблю, ищущие меня найдут“. Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или со святыми мужами. Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские и апостольские поучения, и жития святых отцов, обретает душе великую пользу.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви Святой Софии, которую создал сам. Украсил ее иконами бесценными, и золотом, и серебром, и сосудами церковными, и возносят в ней к Богу положенные песнопения в назначенное время. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей и постоянно пребывать в церкви, потому что попам достоин всегда наставлять людей, ибо им поручено это Богом. И умножились пресвитеры и люди христиане. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христиан, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми

христианскими».

Но не все во взаимоотношениях Ярослава Мудрого с церковью было так безоблачно, как могло бы показаться на первый взгляд. Особенно после смерти великого князя. Подтверждением тому служит судьба первого русского митрополита и церковно-политического деятеля, одновременно также и первого русского писателя, философа, оратора Илариона (рис. 103) (в летописи он зовется Ларион, почему, вопреки правилам орфографии, пишется через одно «л»). В «Повести временных лет» говорится: «В год 6559 (1051). Поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом в Святой Софии собрав епископов». Ярослав хорошо знал первого предстоятеля Русской православной церкви по пригородному местечку Берестово — любимой вотчине великих киевских князей. Лаврентьевская летопись поясняет: «Боголюбивому бо князю Ярославу, любящую Берестовое и церковь ту сущую святых апостолов и попы многы набдящую, в них же презвутер именем Ларион — муж благ, книжен и постник». Уже до того, как стать митрополитом, Иларион был известен в Киеве: он первым вырыл молитвенную пещерку в уединенном месте за городом, положив тем самым начало будущему Печерскому монастырю.

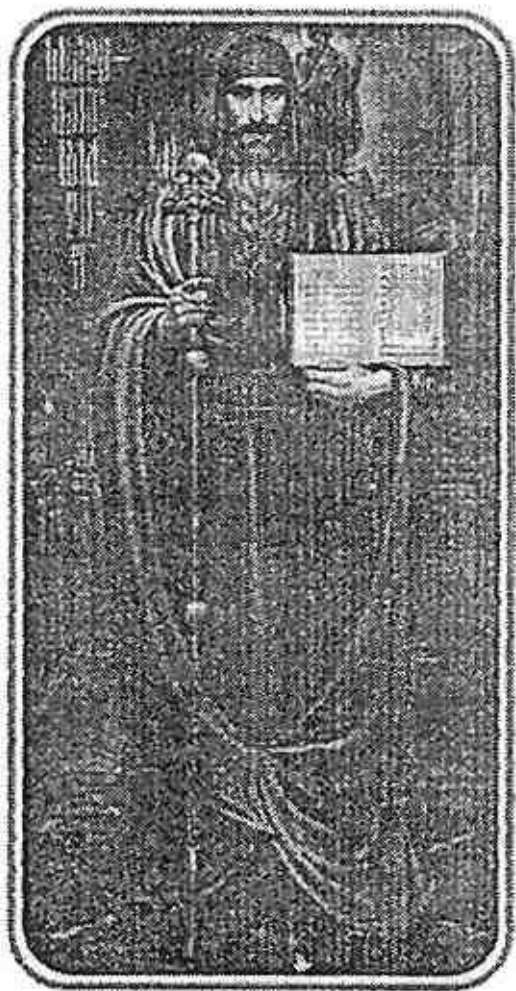

Рис. 103. Митрополит Иларион. Художник Ю.Г. Шмелев

На пасхальной неделе новоизбранный русский митрополит произнес в соборе Святой Софии торжественную речь, известную под названием «Слово о законе и благодати» (полное название — «О законе, данном Моисеем, и о благодати и истине, явленной Иисусом Христом, и как закон миновал, а благодать и истина наполнили всю землю, и вера распространилась во всех народах вплоть до нашего народа русского, и похвала великому князю нашему Владимиру, коим мы были крещены, и молитва к Богу от всей земли нашей»). Двухчасовая речь, с пафосом произнесенная в присутствии великого князя, его семейства, дружинников, знати и представителей всех слоев населения, была предварительно написана на пергаменте и на всегда стала программной ориентацией для русской мысли и русского духа.

О чем же говорил митрополит Иларион? Да о самом главном, что есть,

было и будет во Вселенной! О вечном противостоянии Света и Тьмы, Добра и Зла. Формально речь о противоположности ветхозаветных принципов жизни и новозаветного (евангельского) мироощущения. Первое кратко именуется Законом, второе — Благодатью. Но к этим полюсам стягиваются все феномены бытия — вся природа, человеческий мир, идеи, Божественность. В этом все начала и концы... Не слабый зачин для будущей величайшей словесности и боговдохновенной философии!

Закон и Благодать противоположны, но, по Илариону, эта противоположность не простая. Как и апостол Павел, он считает, что Ветхий Завет — неотъемлемая часть общего развития мира, приготовление человечества к более высокой ступени. Но Закон, делая богоизбранными одни народы и племена, принижает другие и сеет тем самым семена разобщения и неурядиц в мире. И поэтому должна восторжествовать Благодать, которая и есть сама Истина. Она — для всех народов Земли и для каждого человека. С появлением Нового Завета заканчивается рабство и открывается путь к Истине и Свободе.

Любопытна мысль русского автора о том, что язычество достаточно открыто для Истины, и поэтому язычники русы безболезненно перешли от идолов к православию. Далее (условно во второй части) говорится о принятии христианства на Руси, значении этого события для мира и для самих русских. Очень аккуратно и дипломатично Иларион, подчеркивая всемерно роль и величие православного Константинополя, тем не менее говорит о самостоянии и независимости Киевского государства. У молодого государства еще впереди все подвиги во славу Христа. Эта тема звучит оптимистично и изложена необычайно ярко. Вообще язык «Слова о законе и благодати» удивительно образный. Не может быть того, что он родился только в этом творении. Это — язык зрелого художника и оратора.

Далее в «Слове о законе и благодати» следует похвала князю Владимиру — крестителю Руси:

*«Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Пав.,
коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия,
<восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия —
Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и
славят каждого своего учителя, коим научены православной вере.
Восхвалим же и мы — по немощи нашей <хотя бы и> малыми
похвалами — свершившего великие и чудные деяния учителя и
наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира,
внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые,*

во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преемного Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое».

Далее Иларион обращается непосредственно к Ярославу Мудрому, нареченному в святом крещении Георгием, который находился тут же перед вдохновенным оратором и внимал каждому его слову:

«Доброе же весьма и верное свидетельство <тому> — и сын твой Георгий, которого соделал Господь преемником власти твоей по тебе, не нарушающим уставов твоих, но утверждающим, не сокращающим учреждений твоего благоверия, но более прилагающим, не разрушающим, но созидаящим. Недоконченное тобою он dokonчил, как Соломон — <предпринятое> Давидом. Он создал дом Божий, великий и святой, <церковь> Премудрости его, — в святость и освящение граду твоему, — украсив ее всякою красотою: и золотом, и серебром, и драгоценными камнями, и дорогими сосудами. И церковь эта вызывает удивление и восхищение во всех окрестных народах, ибо вряд ли найдется иная такая во всей полунощной стране с востока до запада.

И славный град твой Киев он окружил величием, как венцом, и народ твой и град святой предал <в покровительство> скорой помощнице христианам Пресвятой и Преславной Богородице, которой на Великих вратах и церковь воздвиг во имя первого

Господского праздника — святого Благовещения, чтобы приветствие, возвещенное архангелом Деве, прилагалось и к граду сему. И если той <возвещено было>: „Радуйся, благодатная! Господь с тобою!“, то граду: „Радуйся, град православный! Господь с тобою!“

Восстань, о честная глава, из гроба твоего! Встань, отряси сон! Ибо не умер ты, но спишь до всеобщего восстания. Встань, не умер ты! Не надлежало умереть тебе, уверовавшему во Христа, <который есть> жизнь, дарованная всему миру. Отряси сон <свой>, возведи взор и узришь, что Господь, таких почестей сподобив тебя там, <на небесах>, и на земле не без памяти оставил в сыне твоем. Восстань, посмотри на чадое свое, Георгия, посмотри на возлюбленного своего, посмотри на того, что Господь извел от чресл твоих, посмотри на украшающего престол земли твоей — и возрадуйся и возвеселись!

Посмотри же и на благоверную сноху твою Ирину, посмотри на внуков твоих и правнуков; как они живут, как хранимы Господом, как соблюдают правую веру, данную <им> тобой, как прилежат к святым церквам, как славят Христа, как поклоняются имени его.

Посмотри же и на град <твой>, величием сияющий, посмотри на церкви процветающие, посмотри на христианство возрастающее, посмотри на град, иконами святых блистающий и <ими> освящаемый, фимиамом благоухающий, славословиями божественными <исполненный> и песнопениями святыми оглашаемый. И, все это видев, возрадуйся и возвеселись и восхвали преемного Бога, устроителя всего!»

(Перевод диакона Андрея Юрченко)

Как ни парадоксально, о дальнейшей судьбе первого русского митрополита Илариона ничего не известно. На страницах летописей имя его больше не появляется — ни в какой связи. Странно, не правда ли? Прямо наваждение какое-то! Иларион — фигура воистину Дантова масштаба: первый русский митрополит, первый русский писатель и философ, выдающийся общественный деятель, сподвижник Ярослава Мудрого, надежная опора всех его славных дел и начинаний, он вдруг оказался изгнанным, вычеркнутым со всех летописных страниц. Просто

так сие произойти не могло. Значит, было сделано умышленно. Перед нами почти что детективная история. Но она отчетливо читается между строк — тех самых летописных строк, которые были тщательно вымараны и выскоблены последующими «правщиками».

Что же произошло? Дабы понять это, необходимо вспомнить рассказ летописи о том, что Иларион был первым, кто вырыл пещерку на месте будущего Печерского монастыря. Став митрополитом, он продолжал — и не так уж редко — посещать место своих уединенных молитв. Но вот через некоторое время, а именно в 1054 году, Ярослав Мудрый умирает. Иларион лишается могучего покровителя и в результате политических и церковных интриг вынужден оставить митрополичью кафедру. С тех пор о нем ни слуху, ни духу — ни на страницах летописи, ни в церковных анналах.

Ситуация примерно такая же, как если бы сегодня вдруг неожиданно исчез неведомо куда Патриарх всея Руси или Папа Римский. Куда же он мог деться? Ломать голову особенно не приходится: Иларион ушел в монастырь, начало коему сам же и положил, и принял постриг, получив при этом, как и подобает, новое иноческое имя. И в самом деле — именно в это самое время среди братии Киево-Печерского монастыря появляется новое лицо — мних Никон, ставший выдающимся деятелем отечественной истории, настолько выдающимся, что получил прозвание Никона Великого. С 1078 года и до самой смерти, последовавшей в 1088 году, Никон был игуменом Киево-Печерского монастыря. Все это вместе взятое и дало основание выдающемуся ученику академика А.А. Шахматова Михаилу Дмитриевичу Приселкову (1881–1941) выдвинуть вполне приемлемую гипотезу: под именем Никона скрывается таинственным образом исчезнувший со страниц летописей Иларион.

Но и это еще не все. Задолго до Приселкова сам Шахматов путем скрупулезного текстологического анализа и сопоставления фактов установил, что Никон-Иларион является также и автором Начального летописного свода, составленного примерно в 1073 году (с учетом уже существовавшего древнейшего свода 1037 года) и использованного Нестором при написании «Повести временных лет». Собственно, Никон — главный идейный вдохновитель Нестора — с полным основанием может считаться соавтором Начальной русской летописи. Гипотеза Шахматова считается общепризнанной. За девяносто лет своего существования она была подкреплена дополнительными аргументами. Д.С. Лихачев считал, что многие недоступные ему сведения — особенно касающиеся новгородских событий (в частности, эпизод «призвания варягов») — Никон-Иларион узнал в 1064 году от боярина Вышаты в Тмутаракани, где

оба оказались в качестве изгнанников.

О летописной и писательской деятельности Никона-Илариона сохранились сведения и в «Житии Феодосия Печерского» (автором коего, кстати, также был Нестор), где рассказано, как «многожды» бывало: сидит, дескать, Никон и «делает книги», а рядом Феодосий «прядет нити, еже на потребу таковому делу». Можно только гадать, какие исторические материалы передал Нестору его наставник. Не приходится сомневаться, однако: это были тексты высочайшей пробы — на уровне «Слова о законе и благодати». И думается, включали они не одно лишь сухое изложение фактов, но также их оценки. Кроме того — характеристику главных действующих лиц на авансцене русской истории. Не требуется особого воображения, чтобы представить: отечественные «сравнительные жизнеописания» в значительной своей части оказались полемичными, политически заостренными и нелюбимыми для многих героев летописи.

Стоит ли после этого удивляться, что именно Иларионовы тексты выбросили из «Повести временных лет» в первую очередь при ближайшей же великокняжеской ревизии и тщательном «редактировании». Опальный автор был еще жив, но разве имел он хоть малейшую возможность предотвратить издевательство над летописью, зияющей ныне, точно пустыми глазницами, следами инквизиторской деятельности великокняжеских «правщиков» (о причинах — в следующей главе). Невозможно согласиться со странным мнением: будто бы летописные пустоты появились, дескать, оттого, что в «пустые лета» ничего не происходило, и летописцам нечего было записать под соответствующими годами. Да нет же! Вовсе не так все складывалось! Перед нами незаживающие раны, оставленные живодерами-цензорами. Точно кладбищенские надгробия, напоминают они последующим поколениям: «Смотрите, здесь погребена русская история...»

Глава 3

«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...» (Эпоха Нестора Летописца)

*...А все перед лампадой
Старик сидит да пишет — и дремотой,
Знать, во всю ночь он не смыкал очей.*

Александр ПУШКИН

Следует четко различать время жизни и творчества Нестора-летописца и те стародавние времена, которые отстоят от времени создания его бессмертного труда на многие века, а то и тысячелетия (о чем говорилось в предыдущих главах). Конкретная дата предположительного рождения автора «Повести временных лет» интересна сама по себе: ведь она имеется и в самом Несторовом труде. Правда, на этом месте, как рваная рана, зияет лакуна. Но ведь и она говорит сама за себя: кому-то было очень нужно изъять и уничтожить все, что начертало там перо черноризца. А в том, что под 1056 годом (летом 6564-м) имелась определенная информация, сомневаться особенно не приходится. Просто человеческая природа такова: не мог никак Нестор пропустить год собственного рождения, не вспомнить или не расспросить о событиях, которые совпали с его появлением на свет. Нет, про себя, безусловно, он писать ничего не стал, но и того, что свершилось в тот год, пропустить никак не мог. Поскольку же статья оказалась вычищенной, постольку есть все основания предположить: сделанная запись имела отнюдь не нейтральное содержание.

Зато многие последующие события Нестору довелось увидеть уже собственными глазами, а в некоторых из них, быть может, даже и поучаствовать. Если же и нет, то вокруг имелось великое множество очевидцев. Как бы то ни было, жизнь в «век Нестора» (впрочем, как и в предыдущий и последующий) концентрировалась вокруг Киева. И все три века «мать русских городов» походила на растревоженный улей, а если уж быть совсем точным — на разворошенное осиное гнездо. Князья беспрерывно враждовали между собой и, если представлялась хоть малейшая возможность, любыми способами отправляли друг друга к праотцам; народ, как всегда, страдал, периодически бунтовал и при каждом

удобном случае подчистую грабил тех, кого на данный момент считал виновником собственных бед. Закордонный враг тоже не дремал: хотя до татаромонгольского нашествия было еще далеко, на ослабленную внутренними раздорами Русь непрерывными волнами вперемежку с налетами всепожирающей саранчи накатывались не менее ненасытные хазары, печенег и половцы с юго-востока, а ляхи (поляки) и угры (венгры) с запада. Дряхлеющая Византия тоже не забывала своих православных братьев, посылая в Киев не только священные книги, послов и митрополитов, но и тучу лазутчиков, политических интриганов и профессиональных умельцев по части заказных убийств и отравлений заморскими ядами.

Нестору не исполнилось еще и пяти лет, когда впервые на Русскую землю обрушилась доселе неведомая и невиданная сила — половцы, тюрки-кочевники — по происхождению, языку, степным обычаям, шаманским верованиям и грабительскому менталитету. Более полутора веков им предстоит терзать Русь, пока их самих наголову не разгромит в Диком поле другая, татаромонгольская орда, прежде чем обрушиться потом всей своей мощью на ничего не подозревающие русские княжества (но это случится в 1237 году).

Для Нестора же и его летописных преемников отражение половецких набегов становится отныне одной из важнейших тем, сопряженных с ходом русской истории. Важной, но не главной — ибо в центре внимания летописца-патриота по-прежнему остается судьба Русской земли, неотделимая от процессов мировой истории. По существу, Нестор — не только первый русский историк, но одновременно и первый русский философ, который вписывает события отечественной истории в глобальный исторический процесс в библейском контексте мира и человека.

Но Нестор еще и первый идеолог славянофильства и панславизма, равного которому не было ни до, ни после. Славянская история полна загадок, белых пятен и нерешенных проблем. Письменных источников, касающихся происхождения этой мощной ветви общиндоевропейского древа, почти не сохранилось, что дало основание крупнейшему чешскому слависту Любору Нидерле (1865–1944) еще сравнительно недавно утверждать:

«История сама по себе безмолвна. Нет ни одного исторического факта, ни одной достоверной традиции, ни даже мифологической генеалогии, которые помогли бы нам ответить

на вопрос о происхождении славян. Славяне появляются на исторической арене неожиданно как великий и уже сформировавшийся народ; мы даже не знаем, откуда он пришел и каковы были его отношения с другими народами. Лишь одно свидетельство вносит кажущуюся ясность в интересующий нас вопрос: это известный отрывок из летописи, приписываемой Нестору и сохранившейся до нашего времени в том виде, в котором она была написана в Киеве в XII веке. Этот отрывок можно считать своего рода „свидетельством о рождении“ славян».

Сказанное — вовсе не преувеличение. Действительно, из всех историков прошлого лишь один автор «Повести временных лет» был озабочен судьбой славянства как единого целого. Но такое вселенское видение мировой истории сформировалось не сразу, а после суровой многолетней жизни, проведенной в Киево-Печерском монастыре. Нестор явился туда и был пострижен в иноки 17-летним юношей. Уже не было в живых основателя пещерного монастыря преподобного Антония (рис. 104). Будущего летописца принял его преемник — игумен Стефан, он, видимо, осуществил и постриг, присвоив неопиту монашеское имя (как звали «отца русской истории» в миру, осталось тайной).

Рис. 104. Антоний Печерский. Художник И. Сайко

В те времена на территории нынешней Киево-Печерской лавры не было еще ни одного строения; первую церковь заложили лишь спустя десять лет после пострижения Нестора. Монахи жили в глубоких ими же самими вырытых пещерах в стороне от городской суеты. Так продолжалось уже более двадцати лет, с того самого 1051 года, когда вернулся с Афона в рваном рубище и с неземным светом в очах преподобный Антоний и принялся обходить окрестные обители со смиренной просьбой о приюте. Но никто не принял его по причине полнейшей бедности и невозможности внести необходимый вклад, полагающийся по монастырскому уставу. И тут Антоний нашел в отдалении от крепостной стены двусаженную пещерку, выкопанную незадолго перед тем Иларионом (рис. 105), и стал в ней жить, «возлюбил место се», как выразился впоследствии Нестор, заключив свой рассказ: «Антоний же прославленъ бысть в Русьской земли».

Рис. 105. Страница Радзивилловской летописи,

рассказывающая об основании Печерского монастыря и духовных подвигах преподобного Антония

Вскоре к подвижнику присоединились другие светочи русского православия, среди них — преподобный Феодосий, чьи благочестивая подвижническая жизнь в монастыре и религиозные деяния были изложены впоследствии Нестором в собственноручно написанном им житии русского праведника. Не менее важные подробности содержатся в «Киево-Печерском патерике». Но нас интересует не религиозный, а исторический и политический аспекты. Ибо объективно, то есть независимо от воли и желания отдельных личностей, Антониевы пещеры сделали место концентрации русской оппозиции. Оппозиции в отношении кого? О, это отдельная и непростая история...

Появление Антония на берегах Днепра совпало с наивысшей точкой расцвета Киевской Руси в правление Ярослава Мудрого, достигшего к тому времени 80-летнего возраста. Одним из важнейших шагов киевского властителя, подтверждавших твердость и независимость его политики, стало утверждение на посту церковного главы не грека, присланного из Византии (как было до сих пор), а русского человека. Как уже говорилось, им стал ближайший сподвижник князя, пресвитер его домашней церкви в Берестове и, несомненно, семейный духовник Иларион. Все в том же 1051 году (когда Антоний возвратился с Афона домой) Иларион был поставлен собором епископов и без разрешения Константинопольского патриарха главой Русской православной церкви.

Событие из ряда вон выходящее! Думается, в Царьграде оно произвело эффект разорвавшейся бомбы. Но не надо было забывать, с кем имеешь дело: Византия — не Тмутараканское княжество, с которым можно было поступать сегодня так, а завтра этак. Способов справиться с непокорными, а если надо, то и избавиться от таковых, там всегда было с избытком. Церковная иерархия — вещь вообще нешуточная. Потому-то со смертью Ярослава Мудрого в Константинополе быстро решили судьбу русского митрополита: Иларион был отстранен от власти. А в Киево-Печерском монастыре, представлявшем тогда всего лишь одну пещеру с единственным насельником Антонием, появляется его первый сподвижник — чернец Никон (прозванный впоследствии Великим). Это и был опальный митрополит Иларион.

Так сложилась русская оппозиция — под самым боком у великого князя, его дворца и резиденции Киевского митрополита. Вакансия последнего была немедленно заполнена очередным греком по имени

Ефрем, присланным из Византии. Но если бы дело ограничивалось только им одним. Вокруг византийского эмиссара неизбежно концентрировалась византийская партия. Ее интересы выходили за рамки церковных дел. В пользу заморской империи постоянно лоббировалось решение политических, стратегических, дипломатических, военных, экономических, финансовых, торговых, хозяйственных и просто житейско-бытовых вопросов. На это никогда не жалели золота и, если требовалось, пускали в ход яд и кинжал. Но, как известно, самое надежное и проверенное оружие в подобных делах — ложь, клевета и интриги. Здесь уж греки не знали равных.

Каналов влияния на князей и бояр имелось всегда превеликое множество. Один из них — чисто семейный. В 1052 году сын Ярослава Мудрого Всеволод женился на греческой царевне — дочери византийского императора Константина Мономаха (как ни странно, ни русские, ни греческие источники имени прекрасной избранницы не сохранили). Через год у молодой четы родился первенец, нареченный Владимиром. Лишь спустя 60 лет довелось ему взойти на киевский престол, но зато и стал он одним из выдающихся лиц русской истории, получив к тому же от своего венценосного деда еще и звучное прозвище — Владимир Мономах (1053–1125) (рис. 106).

Рис. 106. Владимир Мономах. Художник Надежда Антипова

Его фигура на фоне сотен и тысяч безликих князей, промелькнувших на горизонте русской истории, представляется, безусловно, почти Монбланом. Консолидирующая роль князя в отражении половецкой агрессии сомнению не подлежит. Однако его деяния, да и саму личность, вопреки стараниям летописцев и последующих историков, однозначно оценить невозможно. Ибо он и есть тот конкретный заказчик, который, взойдя на киевский трон, немедленно приказал переписать Несторову «Повесть временных лет», изъяв из нее неприемлемые, с его великокняжеской точки зрения, неприглядные факты и их оценки.

Но все это будет потом, когда тело преподобного Нестора будет уже покоиться в одной из пещерных могил Киево-Печерского монастыря. Причины же следует искать в самом начале 50-х годов XI столетия, когда в Киеве произошло несколько не связанных между собой, событий: появился

Антоний и дал мощный импульс для развития пещерного монастыря, епископский собор избрал первого русского митрополита Илариона, а в далеком Царьграде благополучно завершились переговоры о династическом браке между древним константинопольским и молодым киевским дворами. С приездом греческой царевны в Киев незамедлительно усилилась и активизировалась византийская партия. Ее целью, как и во все времена у тех кто оказался у власти, было как можно больше и скорее прибрать эту власть к рукам.

Русские сопротивлялись как могли, но силы были неравные. Византийцы получили прямые рычаги воздействия на князя, его ближайшее окружение, на церковь, а через нее — и на неустойчивую паству. Князь Владимир Мономах появился на свет в разгар византийских козней и смуты. Его мать-гречанка русским языком не владела. Зато отец говорил на пяти языках: надо полагать, и с супругой своей объяснялся по-гречески. Варварская, холодная Россия, страна необузданных и непредсказуемых страстей, представлялась горделивой дочери византийского императора, скорее, местом вынужденной ссылки, чем вторым отечеством. Чем же еще заняться, как не окунуться с головой в дворцовые интриги?

Кто же в таком случае вдохнул в сердце киевского наследника Мономахов русский дух? И был ли этот дух до конца русским? Не свила ли в его груди с самого рождения гнездо коварная византийская змея? Во всяком случае любовь к иноземщине прослеживается в судьбе князя на протяжении всей жизни, что бы он потом ни говорил в своем «Поучении». Сам Владимир Мономах женился на Гите — дочери англосаксонского короля Гаральда и имел от нее восемь детей. Надо полагать, у всех этих Мономаховичей — на половину англосаксов, на четверть византийских греков — кровная привязанность к Русской земле и к русской культуре была относительной и имела преимущественно территориальный характер. Кроме того, одна из сестер родоначальника русского Мономахова гнезда была замужем за германским королем, другая — за венгерским; связи с венгерской династией были в дальнейшем закреплены и с помощью собственной дочери.

Без знания этих генеалогических деталей трудно понять феномен Владимира Мономаха, направленность его внешней и внутренней политики, а также мотивы противоречивой деятельности. Если называть вещи своими именами, то чаяния Русской земли были весьма далеки от личных амбиций наследника угасающей ветви византийских императоров. Ведь у русского князя были достаточно реальные шансы сесть на

константинопольский трон. Потому-то мысленный взор его был постоянно устремлен к Византии. Стать императором? Но ведь это было возможно только за счет интересов Русской державы. Разве Византия присоединилась бы к Киевской Руси, стань наследник Мономахов легитимным правителем новой империи? Смешно даже подумать! Конечно же, великий князь сделал бы все от него зависящее, чтобы русские земли превратились в третьестепенные провинции Византии. Именно это прекрасно осознавали печерские патриоты, на себе испытывавшие жестокий деспотизм церковных греческих иерархов. Не надо было иметь семь пядей во лбу, дабы понять, что ожидало бы русский народ и русскую государственность в политическом и экономическом плане — *татаромонгольское иго с византийским лицом*.

Однако обстановка на самой Руси и вокруг нее мало благоприятствовала Владимиру Мономаху. Страна, как в топком болоте, погрязла в непрерывных междоусобицах. Потомки крестителя Руси Владимира Святого и наследники Ярослава Мудрого пребывали в состоянии «войны всех против всех». Брат поднимал меч на брата, сын не доверял отцу, а отец сыну. Жизнь людей — от князя до смерда — не стоила ничего, данное слово или достигнутый договор — тем более. Владимир Мономах был плоть от плоти своего времени. Несколько десятилетий подряд он находился в самом эпицентре междоусобной борьбы: плел интриги, затевал коалиции против одних, заговоры — против других, физическое устранение — в отношении третьих. Цель одна — великокняжеский трон. Но до него было, ой, как далеко и добраться, ох, как не просто. После смерти отца — великого князя Всеволода, сына Ярослава Мудрого — престол достался двоюродному брату Святополку, тот сумел удержаться у власти целых двадцать лет. Желающих любыми путями сократить княжение Святополка до минимума и занять освободившееся место было хоть пруд пруди, но смерти не потребовались помощники — она пришла, когда пробил урочный час.

Все это происходило на глазах черноризца Нестора, бывшего всего на три года младше русского Мономаха. В каком возрасте они соприкоснулись впервые, как это случилось и где — теперь вряд ли когда-нибудь станет известно. Да и так ли сие важно? Ясно одно: Нестор прекрасно знал не только внешнюю канву событий, но ее подноготную, легко ориентировался в расстановке сил и интересах различных группировок. Ибо монах, как и вся киево-печерская братия, не являлся сторонним и тем более безучастным наблюдателем, ему было совсем не безразлично, куда заведет Русь безответственная политика князей и их беспрестанные междоусобицы. Как

духовно-идеологический центр Древней Руси Киево-Печерский монастырь занимал совершенно четкую государственническую позицию по всем вопросам внешней и внутренней жизни, и именно данная позиция с самого начала оказалась противоречащей по многим пунктам точке зрения Владимира Мономаха.

Подвижники отстаивали свою правоту пером и словом, князь — мечом и кознями. Лет сорок шла позиционная борьба — почти на равных и с переменным успехом. Но придет время, 60-летний Мономах дождется вождя часа, займет киевский престол (рис. 107) и отомстит нестигаемой братии. Что там люди: одним десятком казненных, утопленных, задушенных больше или меньше — разве в этом дело? Главное — манускрипты, пергаментные свидетели его неблагоприятных дел и предательств, бесстрастные обвинители нескончаемой череды преступлений против братьев, семьи и народа. И Владимир Мономах приказывает печерским монахам выдать ему летописные хартии, засаживает за них доверенное лицо — выдубицкого игумена Сильвестра, и тот под личным контролем князя осуществляет безжалостную обработку Начальной русской летописи. Наиболее крамольные части ее были переделаны до неузнаваемости, выскоблены разоблачительные факты, вырезаны целые главы, концовка, посвященная трем годам перед воцарением Владимира Мономаха, выброшена совсем, на ее месте появилась приписка, сделанная рукой Сильвестра:

Рис. 107. Венчание на царство князя Владимира Мономаха (из иллюстрированной «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина)

«Игумен Силивестр святого Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся на Бога милости прияти, при князи Володимире, княжашу ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624, индикта 9 лета; а иже четьь книги сия, то буди ми въ молитвах».

Далее первоначальный (и изуродованный) текст Несторова труда обрывался вообще и начинался другой, подобострастно восхваляющий нового киевского князя. Сюда же чисто механически (без органической

увязки с летописным контекстом) вставлены собственноручно написанные великокняжеские «Поучения», что как раз и доказывает: Владимир Мономах лично участвовал в «редакторской работе» Сильвестра и указывал, что надо убрать, а что добавить. Нечто подобное происходило совсем недавно, на глазах, так сказать, некоторых еще живых людей, когда всего через двадцать лет после Октябрьской революции И.В. Сталин задумал переписать историю партии. В результате очень быстро и при непосредственном участии инициатора появился печально знаменитый труд под названием «Краткий курс ВКП(б)», где все было поставлено с ног на голову: переиначены до неузнаваемости основные события и факты, объявлены преступниками и «врагами народа» главные участники революции и вожди партии, воздвигнута целая система псевдооправданий и т. п. Примерно такой же «краткий курс» (только уже — всей русской истории) и вышел из-под пера выдубицкого игумена Сильвестра (кстати, за свое рвение и усердие тот вскоре получил хлебную должность епископа в Переяславле Южном) под неусыпным оком самого заказчика — Владимира Мономаха.

* * *

Теперь, разобравшись «кто есть кто», вновь вернемся к самому началу событий, в стольнокиевский княжеский дворец, где провизантийская партия продолжает плести интриги против печерских монахов-подвижников. Более всего коварных греков беспокоил бывший русский митрополит Никон-Иларион: знал все тайные пружины власти и за себя умел постоять. Решено было действовать без излишнего шума, но наверняка. Особенно хорошо срабатывают и изматывают противников в подобных случаях бюрократические придирки — разумеется, если таковые имеются. В истории же Киево-Печерского монастыря их было хоть отбавляй. Прежде всего, выражаясь современным юридическим языком, святое прибежище Антония, Никона-Илариона и Феодосия *не было зарегистрировано*. Не имея официального решения и разрешения епархиальных греческих властей, пещерный монастырь официально как бы вообще и не существовал — со всеми вытекающими бюрократическими последствиями.

Взамен на благоприятное решение вопроса клерикальные бюрократы потребовали голову Никона — для начала только удаления его из пещер и вообще из Киева. Скрепя сердце монастырская братия вынуждена была

согласиться. Никон бежал аж в Тмутаракань (далее в те времена ехать было некуда). Но противоречия между русской и провизантийской партиями с сим не исчезли, а лишь изменили форму. Как всегда, сложная политическая ситуация в стране открывала для этого неограниченные возможности. В 1068 году Никон вернулся в Киев, когда над пещерами уже воздвигли первый храмовый комплекс. Но вернулся не по доброй воле князя (и тем более церковных иерархов) — в столице Древней Руси вспыхнуло народное восстание! Конечно, проще всего свалить все на анархическую стихию масс (рис. 108). Но в данном конкретном случае такое стереотипное объяснение вряд ли подходит.

Рис. 108. Восстание в Киеве в 1068 г. и освобождение Всеслава из поруба. Миниатюра Радзивилловской летописи

В «Повести временных лет» все зафиксировано с протокольной точностью:

«В год 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы. <...> Когда Изяслав со Всеволодом пришли в Киев, а Святослав — в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к

князю сказать: „Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще сразимся с ними“. Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка, пошли с веча на гору и пришли на двор Коснячков и, не найдя его, стали у двора Брячиславова и сказали: „Пойдем освободим дружину свою из темницы“. И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сенях совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Туки, брат Чудина, Изяславу: „Видишь, князь, люди расшумелись, пошли, пусть постерегут Всеслава“. И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: „Не к добру это: пошли ко Всеславу, пусть, подозвав его к оконцу, пронзят мечом“. И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же освободили Всеслава из поруба — в 15-й день сентября — и поставили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили — бесчисленное множество золота и серебра, и монеты, и меха. Изяслав же бежал в Польшу.

Продолжали половцы разорять землю Русскую, а Святослав был в Чернигове, и стали они воевать около Чернигова. Святослав же, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущих воинов, и изготовились к бою. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: „Сразимся, некуда уже нам деться“. И припустили коней, и одолел Святослав с тремя тысячами, а половцев было двенадцать тысяч: и так их перебили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли в первый день ноября. И возвратился с победой в город свой Чернигов Святослав.

Всеслав же сел в Киеве. Этим Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел Бог поганных. Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: „О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от рва этого“. Бог же явил силу креста в назидание земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его: если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь, и в будущем

веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная: крестом бывают побеждаемы силы бесовские, крестом Господь князьям в сражениях помогает, крестом ограждаемы, верующие люди побеждают супостатов, крест же быстро избавляет от напастей призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если бывают от бесов наваждения, то, осенив лицо крестом, их отгоняют. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

В год 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава, Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду Всеслав и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: „Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю, идите же в город отца своего; если же не хотите, то поневоле придется нам поджечь город свой и уйти в Греческую землю“. И сказал им Святослав: „Мы пошлем к брату своему: если пойдет с поляками губить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим погубить город отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной“. И утешили киевлян. Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: „Всеслав бежал, не води поляков на Киев. Здесь ведь врагов у тебя нет: если же хочешь дать волю гневу и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола“. Слышав то, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а вперед себя послал к Киеву сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил киевлян, освободивших Всеслава, числом семьдесят человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил, без следствия (рис. 109). Когда же Изяслав подошел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне; и сел Изяслав на столе своем, месяца мая во второй день. И распустил поляков на покорм, и избивали их тайно. И возвратился Болеслав в землю свою. Изяслав же перевел торг на гору и, выгнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на место его брата Святополка, Всеслав же бежал».

Рис. 109. Расправа Мстислава с восставшими киевлянами. Миниатюра Радзивилловской летописи

Конечно, кто не знает расстановку сил в Киевской Руси после смерти Ярослава Мудрого, может ничего не понять из краткого, но информационно насыщенного летописного текста. Умирая, строитель Русской державы оставил завещание своим сыновьям, в котором повелевал пуще зеницы ока хранить мир и согласие между собой, не допускать междоусобий и распрей между кровными родственниками.

«В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: „Вот я покидаю мир этот, а вы, сыновья мои, имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет с вами и покорит вам врагов. И будете жить в мире. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которые добыли ее трудом своим великим; но слушайтесь брат брата, живите мирно. Вот я поручаю престол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу

даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смоленск“. И так разделил между ними города, завещав им не переступать границы уделов других братьев и не изгонять их, и сказал Изяславу: „Если кто захочет обидеть своего брата, ты помогай тому, кого обижают“. И так наставил сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда княжил в Турове, а Святослав во Владимире, а Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его при себе».

Все вышло с точностью до наоборот. Первоначально три Ярославова сына-престолонаследника — Изяслав, Святослав и Всеволод — вроде бы порешили следовать заветам отца, попытались править державой вместе и образовали классический *триумвират*. Но законодательно оформленной традиции передачи власти на Руси еще не было, поэтому незамедлительно объявился еще один легитимный претендент. То был полоцкий князь Всеслав (год рождения неизвестен, умер в 1101 году) — представитель одной из ветвей древа Владимира Святого, его правнук (внук первенца Владимирова Изяслава от насильственного брака любвеобильного князя с Рогнедой). Всеслав (рис. 110) — исключительно колоритная и запоминающаяся личность. Ему как бы передался самый дух неукротимой эпохи и необузданные страсти его прадеда и прабабки-полочанки (как известно, после надругательства над нею князя Владимира Рогнеда попыталась зарезать насильника). Даже спустя сто лет после описываемых событий законный наследник Владимирова престола, обойденный более удачливыми родичами, выступает как один из ярких эпических персонажей в «Слове о полку Игореве», где представлен не как обычный русский князь, но еще и как волхв или даже волк-оборотень:

Рис. 110. Всеслав Полоцкий. Художник М.С. Басальга

«Всеслав-князь людям суд правил, князьям город рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до рассвета дорыскивал до Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перебежал. Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано у Святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку молвил, мудрый: „Ни хитрому, ни удачливому... суда Божьего не избежать!“»

(Перевод О.В. Творогова)

Данный фрагмент получил бесчисленные истолкования и был многократно фальсифицирован переводчиками. Так, большинство интерпретаторов связывают прорицание Бояна с каким-то отдаленным (по отношению к Всеславу) прошлым. Для этого переводчики считают своим долгом дополнить переиначенный текст словами, которых и в помине нет в оригинале. В частности, в вышеприведенном переводе О.В. Творогова слова «еще давно», отсутствующие в древнерусском тексте, должны подчеркнуть, что легендарный Боян жил и творил задолго до Всеслава, а прорицание свое высказал как бы впрок. Из подлинного же текста «Слова о

полку Игореве» следует совсем другое: Боян был современником и, возможно, советником полоцкого князя, а свои пророческие слова сказал, находясь в самой гуще событий, и первым предрек мятежному претенденту на трон грядущие беды.

Сам же Всеслав, бросивший вызов языческому солнцезащитнику Хорсу, помимо дара оборотничества обладал еще и способностью телепортации — мог мгновенно перемещаться с берегов Днепра (в недолгую свою бытность на стольнокиевском престоле) на берега Черного моря, в Тмутаракань. Таким образом, князь Всеслав в глазах его современников (и тем более потомков) был тесно связан со сверхъестественными силами. «Повесть временных лет» не зафиксировала год рождения сиятельного колдуна (а быть может, и экстрасенса), зато здесь четко прописано, что родился он с помощью волхвования и с нехорошими предзнаменованиями: на голове у новорожденного обнаружилось нечто «язвенное» — то ли «сорочка», то ли большое родимое пятно, то ли всамделишная язва. И летописец безжалостно констатирует: «Сего ради немилостлив есть на кровьпролитие». Похоже, однако, что последний «ярлык» — результат позднейшей приписки, когда Начальная летопись подверглась политической обработке в угоду Владимиру Мономаху, не перестававшему видеть в «колоне Всеславовом» угрозу власти — своей собственной и своих наследников.

Академик Борис Александрович Рыбаков считает, что в приведенном выше фрагменте содержатся остатки утраченной Полоцкой летописи, сочувственной к собственным князьям и настороженной к киевским. В таком случае это свидетельствует очень о многом — и прежде всего о доверии со стороны Всеславовой партии к киево-печерской группировке и о симпатии Несторова окружения к Всеславу. Вполне возможно, что в первоизданном (неурезанном и неотредактированном) летописном тексте содержалось гораздо больше подробностей и оценок (все говорит за то, что было именно так!): даже после тщательной дезактивационной работы цензоров из «Повести временных лет» не исчезло благожелательное отношение к незаурядной личности «очарованного князя».

Всеслав прекрасно осознавал собственные права на киевский стол — они были ничуть не меньшими, чем претензии «триумвирата». Поначалу, однако, конкуренты сумели договориться на княжеском съезде о совместных действиях против степных кочевников, которые, как всегда, не замедлили воспользоваться смутой на Руси. Объединенные силы князей нанесли сокрушительное поражение одному из тюркских племен — *торкам*. Но вскоре Всеслав, почувствовав, видимо, неискренность князей-

триумвиров, порвал с ними и начал собственную игру — за захват власти. Стратегически он рассчитал правильно и начал не с Киева, вокруг которого были сосредоточены основные силы соперников, а с Пскова и Великого Новгорода. Псковичи отбились, а вот новгородцам не повезло: город был захвачен, разграблен и сожжен. Не пощадили и главной святыни — Софийского собора, откуда сняли и увезли даже колокола, что лишний раз доказывает: христианское благочестие и послушание в исконно языческой душе князя Всеслава и не ночевали.

Триумвиры тоже не сидели сложа руки. С огнем и мечом они прошли по Полоцкой (ныне белорусской) земле, «взяли на щит» Минск и в битве при реке Немиге в 1067 году разгромили строптивого князя. Самого же пригласили на очередные переговоры, дав клятвенное обещание не причинять никакого зла. Княжья клятва — что ветер в чистом поле. Как только Всеслав переправился через Днепр близ Смоленска, он был вероломно схвачен, вместе с двумя сыновьями отправлен в Киев, заточен в темницу и обвинен в чародействе, что по ортодоксальным понятиям было хуже всякой ереси. Но ненадолго — подняв восстание, киевляне освободили узника и провозгласили его великим князем. Полновластным хозяином Киева Всеслав пробыл всего лишь семь месяцев — вернулся его изгнанный предшественник Изяслав со своим тестем — польским королем Болеславом и армией мародеров. Князь-волхв бежал, и междоусобица на Руси вспыхнула с удвоенной силой.

Нас, однако, интересуют не запутанные княжеские распри и не тонкости их родственных взаимоотношений, а та роль, которую играли в сложных и непредсказуемых политических играх насельники Печерского монастыря — Антоний, Никон-Иларион и Феодосий. Невозможно представить, что печерские подвижники стояли в стороне от трагических событий той бурной эпохи. Более того, есть все основания предположить, что на какое-то время «русская партия» сделала ставку не на сыновей Ярослава Мудрого, а на их конкурента — полоцкого князя Всеслава, хотя и уличенного в волховстве и языческих пристрастиях, но зато и не страдавшего пагубным для Руси грекофильством. Косвенным подтверждением тому служит заступничество преподобного Антония перед вероломными князьями Ярославичами за брошенного ими в темницу Всеслава. Не исключено, что, когда увещевания не возымели действия, печерцы перешли к иным аргументам — возбуждению общественных страстей. В конечном счете это привело к всенародному бунту, осаде тюрьмы, вызволению Всеслава и возведению его на престол предков.

В дальнейшем ситуация изменилась: Всеслав не выдержал испытания

властью, в самый опасный и ответственный момент не сумел мобилизовать собственную волю и поверивших в него людей. Вместо того чтобы организовать оборону Киева, где у него было множество сторонников, он предпочел принять бой за пределами города, но смалодушничал: бросив войско и ополчение, он под покровом ночи тайно бежал в родной Полоцк. Киев остался незащищенным, и репрессалии не заставили себя ждать. Со сторонниками Всеслава поступили по обыкновению: одних казнили, других ослепили, третьих «без вины погубили» просто так, для острастки. Печерский монастырь не тронули. Тем более что любовь монахов к «узурпатору» Всеславу после его коварного бегства испарилась, как дым угасшего костра.

Загадочная личность князя Всеслава и не менее таинственная судьба его со временем превратились в некий эзотерический символ, притягивающий своей неординарностью читателей и поэтов:

*Князь Всеслав в железы был закован,
В яму брошен братскою рукой:
Князю был жестокий уготован
Жребий, по жестокости людской.
Русь, его призвав к великой чести,
В Киев из темницы извела.
Да не в час он сел на княжьем месте:
Лишь копьем дотронулся стола.
.
В Полоцке звонят, а он иное
Слышит в тонкой грезе... Что года
Горестей, изгнанья! Неземное
Сердцем он запомнил навсегда.*

Иван БУНИН

Истинные симпатии и антипатии печерской братии вряд ли являлись тайной для великокняжеского двора. Отсюда постоянные трения между хозяевами стольнокиевского дворца и пещерной обителью, быстро превратившейся в оплот русского духа. Конечно же, Нестор, в силу своего юного возраста, непосредственного участия в киевской революции не принимал. Однако в 12-летнем возрасте он мог быть их очевидцем, а впоследствии, как верный последователь своих наставников, отразить

общерусские патриотические идеи на пергаментных страницах своего бессмертного труда. Ему наверняка также были доступны документы из монастырского архива, не говоря уж о том, что, судя по всему, Иларион-Никон передал будущему «отцу русской истории» собственноручные наброски Начальной летописи.

* * *

Княжеский двор быстро примирился с печерско-монашеской партией. К тому же и случай подходящий представился — перенесение в новую церковь мощей святых мучеников Бориса и Глеба. Митрополит-грек противился до последнего. Византиец вообще сомневался в оправданности причисления к лику святых каких-то безвинно убиенных русских князей. Но случилось чудо, храм наполнился благоуханием, митрополита объял ужас, и он «падъ ниць, просяше прощенья». Одним словом, политические страсти продолжали бушевать даже над гробом святых страстотерпцев. Степным пожаром полыхали они и за церковными стенами. Половцы продолжали совершать набеги на Русь — один опустошительней другого (рис. 111). Только реальная опасность полного порабощения заставила давно трещащий по швам триумвират князей забыть о собственных обидах и подумать о судьбе страны и народа. Впрочем, многим, как всегда, было наплевать на все, кроме собственного благополучия. Ради этого некоторые готовы были даже дьяволу душу заложить. Но сатана не требовался — под боком были степняки. Их ничего не стоило уговорить в очередной раз «проведать» Русь и поживиться тем, что еще уцелело. Уже потом Нестор расскажет обо всем увиденном и пережитом:

Рис. 111. Набег половцев. Художник Никита Калита

«...А ныне все полно слез. Где у нас было воздыхание? А ныне плач умножился по всем улицам из-за убитых, которых избili незаконные. Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с бледными лицами, почерневшие телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бредя и босые, с ногами, исколотыми тернием, отвечали они друг другу, говоря: „Я был из этого города“, а другой: „А я — из того села“; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя к Вышнему, ведающему сокровенное».

Любопытная деталь: Нестор рассказывает об осаде и взятии Торческа, населенного в основном *торками*, которые в описываемый момент были союзниками и подданными киевского князя. Однако они были этническими и оседлыми тюрками, то есть по языку — сродственниками половцев, но данное обстоятельство несколько не смягчило их участи. Их ждали такая же безысходная судьба и рабство, как и любых других пленников. Спустя

три года после описанных событий половцы разграбили незащищенный Киево-Печерский монастырь, расположенный вне крепостных стен, спалили храм Богородицы, растащили наиболее ценные иконы и утварь, перебили монахов, кто не успел убежать скрытно или спрятаться в тайных убежищах. Нестор описывает половецкий погром как очевидец; в ту пору ему было уже около сорока лет, и почти половину из них он провел в монастыре. Трагическая картина навела летописца на философские раздумья. Опьяненные кровью половцы кричали: «Где же ваш Бог? Почему он вас не защитит?» Нестор ответил, когда весь ужас остался позади: «Бог послал нам сие испытание, именно потому, что любит больше других». Объяснение хорошее — ничего не скажешь, но в борьбе с врагами помогает плохо.

Стремительное, хотя и вполне предсказуемое, нашествие явилось неотвратимым возмездием за вероломство русских князей. Двое из членов киевского триумvirата — Изяслав, старший из братьев Ярославичей, и правивший недолго Всеволод, отец Владимира Мономаха, — скончались, и бразды правления по старшинству и негласной очередности перешли к Святополку — двоюродному брату Мономаха, который перед угрозой половецкой опасности не стал затевать кровопролитную распрю (хотя первоначально подобное развитие событий и не исключалось). Нужно было во что бы то ни стало справиться с внешней опасностью. Но не тут-то было: весной 1093 года половцы нанесли объединенным силам русских князей сокрушительное поражение на реке Стугне. Во время отступления русских полков на глазах дружины утонул любимый брат Владимира — Ростислав. Да и сам Мономах едва не погиб, спасая брата.

Воинственный пыл великого князя Святополка быстро поостыл, и он предпочел в дальнейшем решать дело иными путями и заключил мир с половцами, взяв себе в жены дочь половецкого хана Тугоркана. Видимость дружбы, может быть, и наступила, но до желанного мира было, ох, как далеко. Теперь супротив брата стал действовать Владимир Мономах. Поддавшись искушению обойтись без кровопролитной сечи, он не воспрепятствовал уничтожению половецкого отряда, гостившего у русских князей, что в конечном счете обернулось жестокой местью со стороны кочевников и неисчислимыми бедами для Руси. Мономаху поневоле пришлось стать во главе русских сил, противостоящих половецкой агрессии.

Бороться, однако, пришлось на два фронта: удельные русские князья бесчинствовали на просторах Руси почище иноземных полчищ. Многие считали себя обойденными более хитрыми и удачливыми наследниками

Ярослава Мудрого. Каждый претендовал на большее, считая себя вправе возглавить династию. Но киевский стол был всего один, а в великокняжеском кресле и двоим было тесно. Потенциальные же претенденты насчитывались десятками. Ярko выраженной пассионарной импульсивностью отличался князь тмутараканский и черниговский Олег, прозванный в «Слове о полку Игореве», где ему уделяется весьма значительное внимание, Гориславичем. И неудивительно, ибо был он родным дедом главного героя «Слова» — князя Игоря. Последний по своей горячности и нетерпимости был точной копией деда (недаром ведь считается, что генетические доминантные признаки лучше всего передаются через поколение).

Сам Олег был внуком Ярослава Мудрого. Его отец — великий князь Святослав неполных три года провластвовал в Киеве после того, как они вместе с братом Всеволодом нарушили отцовское завещание жить в добром согласии и согнали с великокняжеского стола явно засидевшегося там старшего Изяслава. Формально Олег Святославич мог унаследовать власть сразу после смерти отца, последовавшей в 1057 году. Но в политике никто и никогда по формальным правилам не играет: великокняжеский стол достался сначала дяде Всеволоду Ярославичу, а затем — уже в обход всяких правил — двоюродному брату Владимиру Всеволодовичу Мономаху. С последним неистовый Олег смириться уже никак не мог, а его потомки, еще сильнее ущемленные в правах, — тем более: отсюда извечное соперничество и неприязнь между Мономаховичами и Ольговичами.

Вся жизнь Гориславича прошла в битвах, бегствах и невзгодах. Он успел побывать в хазарском плену, в изгнании в Византии, четыре года прожив на овеянном древними легендами острове Родос, женился на знатной гречанке и красавице Феофано Музалониссе, которая родила ему четырех сыновей (следовательно, князь Игорь тоже был греческих кровей). Его меч сверкал в Польской и Чешской землях, где молодой князь подвизался в качестве наемника (и только от чешского короля получил за свою «работу» 1000 гривен). Он захватывал Чернигов, Тмутаракань, Суздаль, Муром, Рязань, приводил на Русь половецкую орду и успокоился лишь на исходе жизни, примирившись с Владимиром Мономахом. Несмотря на то, что Олег стал виновником гибели Мономахова сына в бою под Муромом, убеленный сединами и умудренный жизненным опытом киевский князь первым обратился к своему извечному сопернику с миролюбивым посланием:

«...Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой,

крещенный тобою, что сидит близко от тебя, прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: „Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим“. И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: „Он по молодости своей и неразумению так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей“.

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары, и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды. Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: „Увы мне, что я сделал. И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы“.

Надо было бы сказать тебе словами Давида: „Знаю, грех мой всегда передо мной“. Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплавав с нею, поселил у себя и села бы она как

горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге».

Олег Гориславич — одна из трагических фигур русского средневековья, оплеванная и оболганная его более удачливыми, но оттого вовсе не более честными политическими конкурентами. Его прозвище можно истолковывать по-разному. Общепринятым считается мнение: так его якобы заклеили в народе за развязанное междоусобие и обращение за помощью к половцам. Но в непрерывной гражданской войне друг с другом участвовали все наследники и потомки Ярослава Мудрого, русской крови каждый из них пролил немерено. Предложение же иноплеменникам — сначала варягам, полякам, половцам, а потом и татарам — поучаствовать в княжеских разборках являлось излюбленным «дипломатическим ходом» русских князей на протяжении многих столетий. Потому-то вполне оправданна совершенно иная трактовка прозвища соперника Владимира Мономаха — не в плане принесенного горя, а в плане его собственной горькой судьбы: в таком случае «Гориславич» может означать «Горемыка».

Еще раньше, в 1097 году, разыгралась одна из самых драматических коллизий тогдашней истории: по наущению волынского князя Давыда был ослеплен его родич — теребовльский князь Василько Ростиславич. На его месте вполне мог бы оказаться и Владимир Мономах, которого вместе с несчастным Василько заподозрили в подготовке заговора с целью захвата и перераспределения власти. В летописи о том сказано очень скупо — при выдвигании обвинений в злом умысле против захваченного в плен Василька. И данное повествование Нестору уже не принадлежит; оно было механически добавлено при последующей обработке исходного текста и есть только в Ипатьевской летописи (а в Лаврентьевской нет). Вся история с ослеплением Василька по стилю напоминает, скорее, протокол допроса непосредственного участника событий, настолько прописаны здесь малейшие детали, о которых мог сообщить лишь очевидец. Но вместо каких подробностей появился сей протокол? — вот в чем вопрос.

Изъятое из Несторовой летописи безвозвратно утеряно. Все последующие добавления, сделанные чужой рукой, так или иначе связаны с восхвалением Владимира Мономаха, получившего наконец в 1113 году великокняжеский стол. На излете жизни пришло время и ему подумать о вечном. Какая память сохранится о нем в веках, все ли тайные злодеяния удастся скрыть — состарившемуся великому князю было далеко не безразлично. Что касается коварных козней, что плелись на протяжении почти семи десятилетий против конкурентов-сородичей, то за это ему отвечать перед Богом. Что же касается благих деяний и помыслов, то их

можно суммировать в некотором эссе, назвать «Поучением» и как бы невзначай вставить в «Повесть временных лет»: пускай доверчивые потомки считают, что обширная вставка принадлежит самому Нестору.

«Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов, и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед. Сидя на саях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на саях сидя, безделицу молвил. <...> Поистине, дети мои, разумеите, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь, а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, нетяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться. <...>

Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте, не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не

предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего. Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: „Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный“. И еще: „Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покайся, исправил жизнь свою“, так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: спанье в полдень назначено Богом, по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди».

Операция по «улучшению» летописи получилась, однако, топорной: «Поучение Владимира Мономаха» вставили в летопись самым несуразным образом, поместив его безо всякой логики между Несторовыми

размышлениями о происхождении половцев и одним из самых загадочных фрагментов «Повести временных лет» — рассказом новгородца Гюряты Роговича о подземных обитателях Югорской земли на Крайнем Севере.

Собственноручные же записи Нестора в «Повести временных лет» обрываются на дате 11 февраля 1110 года — причем неожиданно: Нестор сообщает о появлении над Печерским монастырем грозного знамения — «столпа огнена от земли до небеси», заслонившего крест (рис. 112):

Рис. 112. Огненный столп в Печерском монастыре, описанием которого заканчивается «Повесть временных лет». Миниатюра Радзивилловской летописи

«Том же лете бысть знамение в Печерьстем монастыре въ 11 день февралѣя месяца: явился столпъ огненъ от земля до небеси, а молнья осветиша всю землю, и в небеси прогреме в час 1 ноци; и весь мир виде. Сей же столпъ первее ста на трапезници каменей, яко не видети бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста над гробомъ Федосьевым, и потому ступи на верхъ акы ко востоку лицомъ, и потом невидим бысть. Се же беаше не огненный столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпом огненным, ово же пламенем...»

Вот и вся «Повесть временных лет», если, конечно, говорить об исторических событиях. Случайно ли все это? Случайна ли дата и само

небывалое небесное явление? Если хорошенько вдуматься, ничего случайного в данном эпизоде нет — ни в смысле самого необъяснимого природного явления, ни в смысле отображения его на страницах Несторова труда. Разного рода небесным знамениям в русских летописях придавалось исключительное значение. Сообщениями о чудесных явлениях переполнены и страницы «Повести временных лет». Они не просто протоколочно фиксируются, но и не всегда приемлемым образом объясняются:

«В те же времена [1065 год] было знаменье на западе: звезда великая, с лучами как бы кровавыми, с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было семь дней. Знамение это было не к добру. После того были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю, ибо эта звезда, как бы кровавая, предвещала кровопролитье. В те же времена ребенок был брошен в Сетомль: этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, и рассматривали мы его до вечера, но опять бросили в воду. Был же он такой: на лице у него были срамные части, а иного нельзя и сказать срама ради. Перед тем временем и солнце изменилось и не стало светлым, но было как месяц, о таком солнце невежды говорят, что оно съедается. Знамения эти бывают не к добру, мы вот почему так думаем. Так же случилось в древности, при Антиохе, в Иерусалиме: внезапно по всему городу в течение сорока дней стали являться в воздухе всадники скачущие, с оружием, в золотых одеждах, два полка являлись, потрясая оружием: и это предвещало нападение Антиоха, нашествие рати на Иерусалим. Потом при Нероне цесаре в том же Иерусалиме над городом воссияла звезда в виде копья: это предвещало нашествие римского войска. Так же было при Юстиниане цесаре: звезда воссияла на западе, испускавшая лучи, и прозвали ее лампадой, и так блистала она дней двадцать; после же того было звездотечение на небе с вечера до утра, так что все думали, будто падают звезды, и вновь солнце сияло без лучей: это предвещало крамолы, болезни, смерть людей. Снова, уже при Маврикии цесаре, было так: жена родила ребенка без глаз и без рук, и к бедрам его рыбий хвост прирос; и пес родился шестиногий; в Африке же двое детей родились: один о четырех ногах, а другой о двух головах. Потом же было при Константине Иконоборце, сыне Леонове, звездотечение на небе, звезды

срывались на землю, так что видевшие думали, что конец мира; тогда же воздухотечение было сильное. В Сирии же было землетрясение великое, так что земля разверзлась на три поприща, и чудесным образом из земли вышел мул, говоривший человеческим голосом и предсказавший нашествие иноземцев, как и случилось потом: напали сарацины на Палестинскую землю. Знамена ведь на небе, или в звездах, или в солнце, или в птицах, или в чем ином не к добру бывают; но знамена эти ко злу бывают: или войну предвещают, или голод, или смерть».

Не стану касаться вопроса о природе света как такового. Данный вопрос также не относится к числу простых и ясных. Недаром физики горько шутят: «Самое темное в природе — это свет». Но то, что свет сопряжен с пассионарностью и ее носителями, особого сомнения не вызывает. Огненные и световые знамения появляются и при рождении, и при жизни, и после смерти выдающихся людей, отмеченных печатью святости. Наука и подавляющее большинство ее представителей, как правило, отмахиваются от сотен и тысяч фактов, получивших описание в литературе: так как объяснить подобные «аномалии» ученые не в состоянии, они попросту предпочитают их не замечать или, что еще хуже, объявляют вымыслом, обманом или галлюцинациями. Но факты — вещь упрямая, и они требуют объяснения. Не вдаваясь в конкретные физические механизмы и закономерности (которые пока что не познаны), огненные столбы в общем виде можно интерпретировать как временную световую материализацию постоянно действующего (но невидимого с помощью обычных органов чувств) канала связи между ноосферой (энергоинформационным полем) и Землей (точнее, находящимися на земле индивидами или сообществами людей). Иными словами: огненный столб — чисто биосферный или же ноосферный феномен.

Так имеем ли мы право увязывать конкретные факты отечественной истории с многократно описанными в летописях знамениями и необычными природными явлениями? А как же! История ноосферы неотделима от реальной человеческой истории. Обе они не просто случайно сопрягаются или переплетаются, а вообще немыслимы одна без другой. Ниже это будет проиллюстрировано на примере ряда следовавших после смерти Нестора-летописца исторических событий. Наиболее показательный среди них — на первый взгляд малозначительный эпизод, связанный с неудачной битвой, заурядным поражением и позорным пленением совершенно второстепенного в масштабах отечественной

истории новгород-северского князя — в крещении Георгия, известного, однако, всем под своим мирским именем Игорь (1151–1202) (рис. 113). Благодаря небольшой поэме, написанной по горячим следам событий и вскоре надолго утерянной, фигура ее главного героя стала для многих читателей своеобразным символом нестигаемого русского духа и трагичной русской судьбы. Одновременно неудачный поход и несчастливая битва получили всестороннее освещение в русских летописях (рис. 114).

Рис. 113. Князь Игорь. Художник Г. Г. Поплавский

Рис. 114. Миниатюры Радзивилловской летописи, посвященные походу князя Игоря против половцев

Глава 4

СПОЛОШНЫЕ КОЛОКОЛА

(Эпоха «Слова о полку Игореве» и нашествий степняков)

*Вы, курганы, курганы седые!
Насыпные курганы, степные!
Вы над кем, подгорюнившись, стонете,
Чьи вы белые кости хороните?
Расскажите, как русскую силу
Клала русская удаль в могилу!..*

Лев МЕЙ

*«Слово о полку Игореве» — это
как бы Пушкин ранней России.*

Василий РОЗАНОВ

*Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар.
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.*

Александр БЛОК

Есть творения — литературные, живописные, музыкальные, архитектурные, — которые как бы аккумулируют дух народа. Для русской культуры таковым является «Слово о полку Игореве». Единственный список его был случайно найден в монастырской библиотеке в конце XVIII века, издан в 1800 году и погиб в огне московского пожара во время Наполеонова нашествия. Но бессмертный дух «Слова» возродился, как Феникс из пепла, и теперь уже навсегда остался в памяти и душе народа. Ибо безвестный автор семь столетий назад сумел не только вложить в немногие неповторимые страницы свое видение мира и человека, но и передать свою внутреннюю энергию в качестве завета потомкам.

Древнерусский шедевр, поводом для которого стали многострадальная

судьба новгород-северского князя Игоря и его позорное пленение, — не просто книга, поэма, песнь, повествование. Это — целое и целостное мировоззрение. Это — прошлое, настоящее и будущее, сплавленные воедино. Это — дыхание жизни и смерти, любви и ненависти, позора и торжества, отчаяния и прозрения, надежды и веры. В каждой фразе памятника, а кое-где даже и между строк закодирован бездонный философский смысл. Образы «Слова» — сплошь символы, наполненные неисчерпаемым смыслом. Судьба и доля, добро и зло, честь и слава, верность и коварство, красота и добродетель — сквозь призму любого из этих понятий, как через магический кристалл, можно увидеть буйную жизнь наших предков, а в них — самих себя.

Что же это за универсальный код, позволяющий проникнуть в самые сокровенные тайники человеческого духа? Да и само обретение памятника — не сродни ли оно явлению чудотворной иконы? Пролежав практически не востребуемым более пяти веков, он был счастливым образом открыт для русской литературы как раз накануне ее небывалого расцвета. И с самого момента открытия и последующего опубликования «Слово» стало своеобразным талисманом русской культуры, вдохновляя на творческие взлеты все новые и новые поколения писателей, композиторов, художников и, главное, — широкие массы читателей.

Поэтический текст «Слова» врезается в память, точно высеченные в камне письмена, — такие же лапидарные и такие же неуничтожимые. И каждому при этом дано самому пережить «оптимистическую трагедию» памятника, черпая из этого кладезя народной мудрости и поэтического вдохновения силу и воодушевление. Следуя по словесной тропе, проложенной семь веков назад безымянным автором, читатель как бы сам наяву переживает все перипетии Игорева похода — от самого его начала, сопровождавшегося зловещими предзнаменованиями:

«Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрыто. И сказал Игорь дружине своей: „Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем пленным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон“. Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. „Хочу, — сказал, — копьё преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона“».

«Слово» наполнено (даже переполнено) разными звуками и голосами, таинственно проникающими к нам из прошлого:

*«Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями?
Игорь полки заворачивает, ибо жаль ему милого брата
Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню
пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой
Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир dokonчили
храбрые русичи: сватов напоили, а сами легли за землю
Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево в печали к земле
приклонилось.*

*Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня
войско прикрыла. Поднялась Обида в силах Дажь-Божьего внука,
вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными
крылами на синем море у Дона. <...> Затихла борьба князей с
погаными, ибо сказал брат брату: „Это мое, и то мое же“. И
стали князья про малое „это великое“ молвить и сами себе беды
ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю
Русскую».*

А рокочущие струны Бояновых гуслей — разве не звучат они и сей день в сердце каждого русского человека? А звон мечей, храп коней, стон раненых на Каяле? А проникновенный призыв киевского князя Святослава? А вздох самого автора: «О Русская земля! Ты уже за холмом!»? И, наконец, самый пронзительный «голос» — плач Ярославны (рис. 115) — жены князя Игоря, вошедшей в историю по своему отчеству (собственное имя княгини, как известно, было Ефросинья).

Рис. 115. Плач Ярославны. Художник В.А. Фаворский

«На Дунае Ярославнин голос слышится, одна-одинешенька спозаранку, как чайка, кличет. „Полечу, — говорит, — чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле“.

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: „О ветер, ветрило! Зачем, господин, так сильно веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?“

Ярославна с утра плачет на стене города Путивля, причитая: „О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе лады Святославовы до стана Кобякова. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море“.

Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: „Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыка, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки расслабило, горем им колчаны заткнуло“».

«Слово о полку Игореве» — величайший памятник мировой литературы, выплеснутый когда-то из кровоточащего сердца его автора, — ныне принадлежит всему человечеству, его настоящему и будущему. И через тысячи лет в нем все так же будет лучезарно сверкать неистребимая мощь русского духа! Авторство гениального памятника русской литературы — одна из волнующих загадок истории. На данную тему написаны десятки работ и выдвинуто множество самых невероятных версий. Среди них и самая простая: автором «Слова» был сам князь Игорь (В. Чивилихин, В. Буйначев, А. Портнов и др.). Такое решение проблемы содержится в полном названии «Игоревой песни»: «Слово о полку Игореве — Игоря, сына Святослава, внука Олегова». Достаточно проставить правильно знаки препинания (в древнерусском тексте их, естественно, нет), как проступает самоочевидный смысл: «Слово... Игоря...» — значит, «Слово», сочиненное и написанное Игорем. Та же смысловая конструкция — только в вопросительной форме — повторяется в начальной фразе «Слова», поименованного здесь повестью: «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудных повести о полку Игореве — Игоря Святославлича?» Здесь попросту повторяется устойчивая схема, присущая многим древнерусским текстам: например, «Слово Серапиона [Владимирского]» означает «Слово», принадлежащее старцу Серапиону, сложенное и написанное им.

* * *

Но история, запечатленная в «Слове о полку Игореве», известна, так сказать, и в чистом виде. Рассказ Лаврентьевской летописи о тех же самых событиях скуп и суров:

«В год 6694 (1186). Месяца мая в первый день, в день памяти святого пророка Иеремии, в среду, под вечер было знамение на солнце, и так сильно потемнело, что можно было людям увидеть звезды, и в глазах все позеленело, а солнце превратилось как бы в месяц, а в рогах его словно горящие угли. Страшно было видеть людям знамение Божие.

В тот же год, того же месяца в восемнадцатый день, в день памяти святого мученика Потопия, в субботу, родился сын у великого князя Всеволода, и нарекли имя ему в святом крещении Константин.

В том же году надумали внуки Ольговы пойти на половцев, так как не ходили в прошлом году со всеми князьями, но сами по себе пошли, говоря: „А что, мы разве не князья? Такую же себе славу добудем“. И встретились у Переяславля Игорь с двумя сыновьями из Новгорода-Северского, брат его Всеволод из Трубчевска, Святослав Ольгович из Рыльска и пришедшие на помощь к ним из Чернигова. И вошли в землю половцев. Те же, услышав, пошли навстречу, говоря: „Братия наша перебита и отцы наши, а другие в плену, а теперь вот на нас идут“. Послали весть по всей земле своей, а сами пошли навстречу и поджидали войска свои, а наши к ним идут, к везжам их. Половцы встретили их, не подпустив к везжам, и, не дожидаясь остальных войск, сошлись в битве. И побеждены были половцы, и гнали их до везж, и взяли русские полон — жен и детей, и стояли три дня в везжах их, веселясь и говоря: „Братия наша ходила со Святославом, великим князем, и бились с половцами на виду у Переяславля, те сами к ним пришли, а в землю Половецкую не посмели за ними пойти. А мы в земле их, и самих перебили, и жены их полонены, и дети их у нас. А теперь пойдем следом за ними за Дон и перебьем их всех без остатка. Если же и тут одержим победу, то пойдем вслед за ними и до лукоморья, куда не ходили и деды наши, а славу и честь свою всю возьмем до конца“. Но не знали о предначертании Божьем.

А остатки разбитых половцев бежали к войску своему, куда прежде весть посылали, и рассказали им о своем поражении. Те же, услышав, пришли к ним на помощь и за другими послали. И сошлись с русскими стрельцы, и бились три дня стрельцы, а в копийном бою не сходились, ожидая свою дружину, а к воде не дали им подойти.

А подошло к ним войско все, бесчисленное множество. Наши же, увидев их, ужаснулись и забыли о похвальбе своей, ибо не ведали сказанного пророком: „Тщетны человеку и мудрость, и мужество, и замысел, если Бог противится“. Изнемогли от безводия и кони и сами, на жаре и в муках, и наконец пробились к воде, а то три дня не подпускали их к воде. Видев это, враги устремились на них, и прижали их к воде, и яростно бились с ними, и лютая была битва. Сменили половцы коней своих, а у наших кони изнемогли, и были побеждены наши гневом Божьим. Князей всех в плен взяли, а из бояр и вельмож и дружины всей —

кто убит, другие в плен взяты или ранены. И возвратились с победой великой половцы, а о наших неведомо кто и весть принес, а все за грехи наши.

Где же радость наша — теперь вздохи и плач повсюду. Исаия же пророк говорит: „Господи, в печали вспомнил тебя“, и прочее.

Шел своей дорогой купец, и половцы приказали ему передать: „Идите за своей братией, или мы идем за своей братией к вам“. Князя же все, услышав о таком несчастье с братией своей и с боярами, застенали все, и повсюду был плач и рыдания: у одних братья погибли или в плен попали, у других отцы или близкие. А князь Святослав послал за сыновьями своими и за всеми князьями. И собрались к нему в Киев, и выступили к Каневу. Половцы же, услышав, что вся земля Русская идет против них, бежали за Дон. Святослав же, узнав, что они бежали, возвратился со всеми князьями к Киеву, и разошлись все по своим землям. А половцы, услышав, что они отошли, внезапно напали на Переяславль, и взяли все города по Суде, и у Переяславля бились весь день. Владимир же Глебович, видя, что они сейчас захватят острог, выехал из города с небольшой дружиной, и напал на них, и смело сразился с ними, они же, на беду, окружили князя. Но горожане, видя, что свои изнемогают в бою, выскочили из города и в бою едва отняли князя, раненного тремя копьями. А из дружины его многие погибли. И поспешили в город, и затворились в нем. А половцы возвратились с большим полоном в вежи.

Вскоре бежал Игорь от половцев — ибо Господь не оставит праведника в руках грешников: взирает Господь на тех, кто боится его, и прислушивается к молитвам их! Гнались за ним и не догнали, как Саул преследовал Давида, но Бог избавил того, так и Игоря Бог избавил от рук поганных половцев. А остальных держали строго и сторожили, угрожая цепями и муками.

Все это свершилось из-за грехов наших, так как умножились грехи наши и преступления. Бог ведь казнит рабов своих различными напастями, и огнем, и водой, и войной, и иными различными бедами; христианам, многое перенесшим, суждено будет войти в царство небесное. Согрешили и казнимы, как поступали, за то и получили, но наказывает нас справедливо Господь наш, и пусть никто не посмеет сказать, что ненавидит

нас Бог, — не будет этого. Так любит, как возлюбил нас, когда муки принял нас ради, чтобы избавить нас от дьявола».

И в литературном, и в летописном тексте с явной тревогой описывается зловещее предзнаменование — затмение солнца (рис. 116). Какова его роль в трагическом исходе Игорева похода? Вообще-то затмение солнца (как и луны) — явление закономерное и с точки зрения науки заранее предсказуемое. Правда, ни русские, ни половцы о конкретном затмении дневного светила 1 мая 1186 года ничего не ведали. То есть для Игоревых полков оно явилось полной неожиданностью. Но не для ноосферы! Для нее затмение стало просто удобным каналом предостережения. Еще раз обращаю внимание на летописные детали, которых нет в тексте поэмы: «...Въ солнци учинися яко месяцъ, из рогъ его яко уголь жаровъ исходяше». То есть на заслоненной лунной тенью солнечной дужке, как на рогах, светились два огня, похожих на раскаленные угли.

Рис. 116. Затмение Солнца. Художник В.А. Фаворский

Солнце является одновременно эпическим и лирическим героем великой поэмы, точно предвосхищая космистские идеи гелиобиологии, разработанные в XX веке Александром Леонидовичем Чижевским (1897–1964). Герои «Слова» — внуки Дажьбога, то есть прямые потомки солнца, названного здесь своим языческим именем. К «светлому и тресветлому солнцу» обращается с мольбой Ярославна, надеясь на заступничество и помощь высших небесных сил. Такое ощущение, что летописный Игорь

полностью осознает свою пассионарность и действует в соответствии с закономерным космическим предначертанием.

В соответствии с теорией биосферы и ноосферы, разработанной В.И. Вернадским, избытки биохимической энергии под воздействием, главным образом, космических факторов непосредственно влияют на поведение конкретных индивидов. Отдельные личности, получая избыточный энергетический импульс, становятся активным организующим началом различных социальных структур. Данный феномен, позволяющий преодолеть инстинкт самосохранения и приводящий к физиологическому, психическому и социальному сверхнапряжению, был назван Львом Николаевичем Гумилевым *пассионарностью* (от латинского слова *passio* — «страсть»), а люди, наделенные соответствующим энергетическим зарядом и обладающие повышенной тягой к действию, — *пассионариями*. Пассионарии, когда в их поле притяжения оказываются массы людей, становятся главными двигателями истории.

«...Что же происходит в случае, если пассионарное напряжение выше инстинктивного? Тогда появляются конкистадоры и землепроходцы, поэты и ересиархи или, наконец, инициативные фигуры вроде Цезаря и Наполеона. Как правило, таких людей немного, но их энергия позволяет им развивать и стимулировать активную деятельность, фиксируемую везде, где есть история. Сравнительное изучение напряженности и массовости событий дает определение величины пассионарного напряжения в первом приближении».

Концепцию Гумилева убедительно подтверждает жизнь и деятельность многих выдающихся исторических личностей: Александра Македонского, Ганнибала, Атилы, Чингисхана, Тамерлана, Жанны д'Арк, Яна Гуса, Наполеона. Русская история также переполнена пассионарными личностями: Александр Невский, Козьма Минин, протопоп Аввакум, Петр I, Екатерина Великая, Суворов, Ломоносов, Пушкин и др. Точно такой же пассионарностью обладали в свое время русские первооткрыватели-землепроходцы, начиная с Ермака, Семена Дежнева и Ерофея Хабарова и кончая арктическими и тихоокеанскими мореплавателями, — все, кому Россия была обязана присоединением сначала Сибири, а затем Русской Америки (первой — навсегда, второй — временно). Энергетика русских пассионариев не в последнюю очередь обуславливалась биосферными и ноосферными явлениями. Типичным пассионарием был и князь Игорь —

герой поэмы, посвященной его неудачному походу на половцев. Он получил необходимую энергетическую подпитку, сумел передать свой энергетический импульс окружающим, но не смог правильно распорядиться шансом, данным ему самой природой.

Он находился в постоянном контакте с ноосферой, а поэма (по крайней мере в отдельных и наиболее показательных ее частях) похожа на протокол такого космического общения. Например, знаменитый «мутен сон» великого князя Святослава:

«А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах. „Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черною наполюмою на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганных и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, и из дебри Кисановой понесли к синему морю“.

И сказали бояре князю: „Уже, князь, горе разум нам застигает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмутаракани либо испить шеломом Дону. Уже соколам крылья подрезали саблями поганных, а самих опутали в путы железные. Темно стало на третий день; два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними два молодых месяца тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла: по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великую радость пробудили в хинове. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилие по воле, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана. А мы, дружина, лишились веселия“».

Без обращения к ноосфере символика этого странного сна представляется пугающе мистической. Закодированный сигнал ноосферы, протоколно зафиксированный в «Слове о полку Игореве», вообще никому не понятен — ни князю Святославу, ни его боярам, ни читателям, ни исследователям и толкователям. Что такое, скажем, «доски без конька в тереме златоверхом»? Попробуйте представить, а затем объяснить! Недаром шесть картин «темного сна» породили бесчисленную вереницу публикаций и интерпретаций на сей счет. А все потому, что никому не

известно точно, что есть человеческий сон как психическое явление и каким образом связан он с физическими и биокосмическими закономерностями.

Еще Шеллинг задавал каверзный вопрос Владимиру Одоевскому, на который и по сей день не в состоянии вразумительно ответить ни один ученый: «...Что такое сон, или, лучше сказать, где мы бываем во сне, а мы где-то бываем, ибо оттуда приносим новые силы. Когда мне случится что-нибудь позабыть, мне стоит заснуть хотя бы на пять минут, и я вспоминаю забытое». Потому-то многие ученые предпочитают самый простой, но не делающий им чести путь: вообще отрицают реальность или возможность существования отдельных психофизических явлений, рассуждая по странному для науки принципу: «Раз нет объяснения факту — значит, нет и самого факта». В свою очередь, исследователи, пытающиеся осмыслить парафизические и парапсихические явления, наталкиваясь на брезгливо-насмешливое отношение своих эмпирически настроенных коллег, предпочитают уйти в себя и начинают изобретать теории, которые еще больше отдаляют их от господствующих концепций и парадигм.

Во сне обычно происходит неупорядоченная (или же напротив — упорядоченная и направленная) подпитка психических структур. Разве не актуально звучат слова Шекспира:

*Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь...*

Кальдерон выразился еще лапидарней: «Жизнь есть сон». Уместно также напомнить, что многие описанные случаи общения людей с конкретными божествами или божественными явлениями также происходили во сне. Классическим примером в данном плане может служить явление Зевса спящему Агамемнону, воссозданное Гомером в «Илиаде». В «темном сне» киевского князя Святослава тоже содержатся намеки на присутствие каких-то неопознанных существ: о них говорится в безличной форме — «одевали», «черпали», «осыпали» и т. п. Есть и более свежие и надежные свидетельства: великий ученый и мыслитель-провидец XX века К.Э. Циолковский признавался писателю Виктору Шкловскому, что по ночам он разговаривает с «ангелами» (другого слова для обозначения являвшихся ему существ калужский гений подобрать не смог).

В 1634 году (спустя четыре года после смерти) во Франкфурте была

издана книга одного из корифеев астрономии Нового времени Иоганна Кеплера, в которой он рассказывает о своем полете на Луну во сне. Интересна, если только так можно выразиться в данном конкретном случае, сама «методика» космического полета, о которой рассказывает Кеплер: «В 1608 году я случайно прочел историю одной чародейки — Либуссы, — и, согласно совету, данному в этой книге, я сначала усиленно в течение нескольких часов размышлял о звездах и Луне, а затем заснул и во сне испытал ряд впечатлений, как будто я был на Луне». Вся книга, собственно, и посвящена описанию пережитых впечатлений. Возникает вопрос: не почерпнуты ли они из той трансперсональной копилки знания, которая составляет один из важнейших аспектов ноосферы Земли? Лучшим доказательством тому, что сон не есть исключительно внутренний и призрачный феномен психики, может служить факт, известный любому человеку: во сне, вопреки всем закономерностям ощущений и восприятий, мы видим себя *со стороны*, то есть как бы глядя из ноосферы и находясь с ней в непосредственном контакте.

Сон — такой же неотъемлемый компонент бытия животного существа, как и явь. Бессмысленно спорить, что важнее (тем более что этого никто не знает!). Они как день и ночь, закономерно сменяющие друг друга. И на ум как-то невольно приходят слова некогда знаменитой (а ныне почти совсем забытой) русской писательницы В.И. Крыжановской: «Мысль человеческая не может изобрести чего-либо несуществующего. Невозможное не может зародиться в мысли; всякая идея, какой бы странной она ни казалась, где-нибудь существует, иначе мысль не могла бы формулировать ее...». Что ж, современная наука вплотную подошла к выводу о возможности непосредственной объективации мысли в виде так называемых *мыслеформ*. Мыслеформы — это некие информационно-энергетические сгустки, порожденные мыслями или эмоциональными всплесками. Опосредованными разновидностями мыслеформ являются знаки, символы, рисунки, графические схемы, буквы алфавита, иероглифы и т. п. Однако возможна также и непосредственная материализация, которая с наибольшей вероятностью случается в немногих подходящих для этого местах планеты.

Все сказанное выше в значительной мере распространяется и на человеческую душу (психею) — энергетическую структуру более локального порядка (то есть привязанную к конкретному индивиду), но подчиняющуюся таким же объективным закономерностям, какие были коротко очерчены выше. После смерти человека такая энергетическая структура (душа) покидает тело, некоторое время (9 дней) пребывает

вблизи него, продолжая жить полусамостоятельной жизнью, а спустя 40 дней сливается с общим энергоинформационным полем Вселенной.

Но ноосферный сон Святослава в «Слове о полку Игореве» важен не сам по себе, а рожденным им «золотым словом». Ноосфера сначала настроила во сне на прием важной и нужной информации, а затем и продиктовала ее:

«Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: „О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в дерзости закалены. Что же учинили вы моим серебряным седидам. А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Все они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедней славой. Но сказали вы: „Помужествуем сами: мы и прежнюю славу поддержим, а нынешнюю меж собой разделим“. Но не диво ли, братия, старику помолодеть! Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот мне беда — княжеская непокорность, вспять времена повернули. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!“»

Далее следуют поименные обращения к другим русским князьям. Что же они собой представляют? Не дошедший до адресата «глас вопиющего в пустыне»? Поэтический прием, интересный только одному безымянному автору? Не думаю! Призывы обязательно должны были дойти до тех, к кому были обращены. И дошли! Весь вопрос: по каким каналам? Не похоже, что помчались гонцы во все концы, хороня за пазухой пергаментные свитки. Тогда каким именно образом? Через ноосферу и тот же сон? Пути передачи ноосферной информации неисповедимы. Важно, чтобы были подходящие условия и соответствующий настрой.

Считается, что природа, воссозданная в «Слове о полку Игореве», является вершиной поэтического вдохновения. Описывая грозные предзнаменования, автор якобы передает собственную тревогу за судьбу главного героя, его войска, да и всей Русской земли. С автором — кто бы он

ни был — ясно, но при чем же здесь природа? В поэме воссоздана апокалипсическая картина «ноосферной бури»:

*«Солнце ему тьмою путь заступаше, ночь стонуци ему
грозою птицъ убуди, свистъ зверинъ вѣста, збися Дивъ, кличетъ
врѣху древа, велитъ послушати земли незнаеме. <...> Кровавыя
зори светъ поведаетъ, чрѣныя туча съ моря идутъ, хотятъ
прикрыти четыре солнца, а в нихъ трепещутъ синии мѣнии.
Быти грому великому, идти дождю стрелами...».*

Да, ноосфера говорит здесь устами природы, но многие из зафиксированных очевидцем феноменов слабо поддаются объяснению с точки зрения знакомых атмосферных явлений и привычного здравого смысла. И поэтика здесь ни при чем! И мифология! Даже знаменитый и никому не ведомый Див — типичное ноосферное знамение. А четыре солнца! Они — такое же ноосферное знамение, как и огненный столп из «Повести временных лет». Кстати, в первичном и не дошедшем до нас варианте Начальной летописи в записи за 1110 год, последней из принадлежавших самому Нестору, говорилось не об одном, а о целых трех столпах, воссиявших над Киево-Печерским монастырем. Об этом поведал уже упоминавшийся выше монах Поликарп, который читал Несторову летопись еще до того как ее коснулись безжалостные руки идеологических «костоправов».

В роковые минуты истории, например когда в преддверии битвы и в ходе боевых действий противостояние противоборствующих сторон и концентрируемая в людях энергия достигают наивысшего напряжения, ноосфера начинает проявляться самым непредсказуемым и непонятным для людей образом. Для самой же ноосферы, напротив, это абсолютно предсказуемые и объяснимые даже с точки зрения обычной физики феномены: избыток энергии и нарушение энергетического равновесия приводят к вполне закономерным последствиям, в том числе и таким, какие воспроизведены с протокольной точностью в «Слове о полку Игореве». О грядущих потрясениях ноосфера предупреждает отнюдь не как сторонний наблюдатель, ибо она аккумулирует энергетические потенциалы всех действующих лиц, участвующих в исторической драме. Так, пассионарная вспышка подобно сферической волне охватывает все новые и новые событийные точки и связанных с ними людей, заряжая одних и предупреждая (например, о грядущих бедах) других.

В литературных памятниках, особенно в летописях, знамения и другие

неопознанные явления принято истолковывать в плане проявления Божественной воли или Божественного промысла. В действительности же на 99 процентов здесь речь идет все о той же ноосфере и лишь 1 процент составляют всякого рода погрешности или же иллюзии восприятия. Это значит, что многочисленные чудеса, многократно засвидетельствованные в различных религиозных источниках, имеют непосредственное отношение к ноосфере и биосфере. Однако и та, и другая — понятия чисто научные, вторгаться с их помощью в область религиозного таинства по меньшей мере некорректно. Такое допустимо лишь применительно к реальным историческим событиям и фактам, получившим — за неимением лучшего — исключительно религиозную интерпретацию. Поневоле приходится отделять зерна от плевел, сохраняя при этом самое уважительное отношение к чувствам верующих.

Так какие же из всего сказанного следуют выводы? Все те же — ноосферные. Творческое вдохновение также представляет собой явление прежде всего ноосферного порядка. Если называть вещи своими именами — без участия ноосферы (или точнее — без подключения к ней) невозможно творчество ни поэта, ни художника, ни музыканта, ни ученого (конечно, если речь идет о подлинных мастерах своего дела).

* * *

Если непрерывные набеги степняков разъедали Русское государство, как ржа, то непрекращающиеся княжеские раздоры разъедали его изнутри, как гниль. Автора «Слова о полку Игореве» душевная боль от бедствий, принесенных Руси удельными князьями, волнует не меньше, чем половецкая угроза.

«Тогда ... засевалось и проростало усобицами, гибло достояние даждьбожьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили, собираясь лететь на поживу».

Княжеские междоусобицы, точно Божия кара, преследовали Рюриковичей начиная с первых правителей. По мере разрастания Рюрикова гнезда все больше и больше появлялось обиженных и ущемленных изгоев, которые считали себя достойными лучшей доли и вступали в

непримиримую борьбу с более удачливыми конкурентами. Сильные и умные в конце концов побеждали. Страданий оттого меньше не становилось, а реки безвинной крови лишь на непродолжительное время превращались в слабые ручейки — пока очередной властитель удерживал в узде строптивых родичей. Судьба наследников и потомков Владимира Мономаха — лучшее тому подтверждение, получившее подробное освещение в Лаврентьевской, Ипатьевской и других летописях.

Наибольшую активность в борьбе за великокняжеский стол проявил шестой сын Владимира Мономаха Юрий, прозванный Долгоруким (90-е годы XI века — 1157) (рис. 117). Прозвище ему было присвоено именно за настойчивую политику по укреплению своих владений. Скромные границы Ростово-Суздальского княжества казались для него слишком узкими. Но отобрать великокняжеский стол у брата Мстислава, а затем у племянника Изяслава оказалось не так-то просто. Юрий Долгорукий считается основателем Москвы. На самом деле к основанию нынешней столицы России он никакого отношения не имеет. Просто первое летописное упоминание Москвы, входившей тогда в Суздальское княжество, под 1147 годом связано с посещением ее Юрием Долгоруким. Москва же как поселение насчитывала к тому времени, быть может, даже не десятки, а сотни лет. Сам город для князя в то время значил очень мало — его заветной мечтой оставался Киев. Он дважды его брал штурмом, был провозглашен великим князем, здесь же умер и был похоронен. Могила его, однако, была вскрыта, и кости того, чей памятник красуется в центре Москвы, сегодня хранятся не преданные земле в одном из киевских казенных учреждений. Обычный парадокс истории!

Рис. 117. Юрий Долгорукий. Художник Надежда Антипова

Если для Игоря Святославича Новгород-Северского половцы — злейшие враги, то для Юрия Долгорукого они же — лучшие друзья и союзники в его длительной борьбе за киевский престол. И Русскую землю они уже топтали, жгли и грабили вместе. Лаврентьевская летопись сохранила для потомков перечень их «славных дел».

«В лето 6659 (1151). <...> Пришли половцы на помощь Юрию против Изяслава; Юрий же соединился с Ольговичами и с Владимиром Давыдовичем, и с половцами на Изяслава, пришли к Киеву и поставили шатры против Киева на луга. Изяслав же стерег их и не давал зайти в брод в Днепр, и бились между собой, разъезжая в ладьях. И не могли ничего сделать киевлянам, ибо Изяслав ухитрился сделать удивительные ладьи: гребцы в них

гребут невидимо, видны только весла, а людей не видно, ибо ладьи покрыты досками; воины же стоят наверху, одетые в броню, и стреляют, а два кормчих — один на корме, а другой на носу, идут куда захотят, не разворачивая ладьи. Юрий же с Ольговичами захотели спуститься вниз к Витичевскому броду и не посмели пустить ладьи мимо Киева, но завели их в Долобское озеро и оттуда волочили их берегом в Золотчу, а по Золотче ладьи их вошли в Днепр. Полки же Юрия шли по лугу, а Изяслав шел по той стороне Днепра, по горе, а ладьи его — по Днепру. Пришли они к Витичеву, стали друг против друга и стали биться в ладьях из-за брода. Изяслав же и здесь не дал им зайти в брод. Ольговичи же, сговорившись с половцами, оставили князя Юрия с Владимиром Давыдовичем и с обозом против Витичева, а сами поехали к Зарубу. Сторожки Изяслава стояли на той стороне со Шварном и не давали зайти в брод. Тогда половцы сели на коней, защищенные броней и щитами, с копьями, изготовленными к бою, устремились в Днепр и закрыли Днепр множеством воинов. Сторожка же Изяслава испугались и бежали; как раз в то время послал Изяслав сына своего Мстислава в Венгрию, и потому брод был слабо укреплен, поскольку князя здесь не было, а боярина не все слушают. Оба Святослава перебрали с половцами Днепр и послали весть к Юрию, говоря: „Пойди скорее, мы уже перебрали Днепр, как бы не ударил на нас Изяслав“, Юрий же с Владимиром и с детьми скоро пришел к Зарубу и перешли вброд через Днепр. Изяслав, услышав об этом, вернулся к Киеву, а Юрий пошел за ним следом к Киеву. Подойдя к Белгороду, он изготовился к бою, двинулся к Киеву и стал возле Лыбеди; Изяслав же стал против него перед Золотыми воротами с дядей своим Вячеславом, и с братом своим Ростиславом, и с Изяславом Давыдовичем. Стрельцы перестреливались через Лыбедь, а в это время берендичи с везжами, и торки, и все черные клобуки прибежали сюда и причинили большое зло: в одних случаях ратники, а в других — свои, и монастыри разрушили, и села пожгли, и огороды порушили».

(Перевод А.Г. Кузьмина)

Уже при Юрии Долгоруком центр русской государственности стал

постепенно перемещаться с юга на северо-восток. Этот необратимый процесс продолжился при его сыне — владимиро-суздальском князе Андрее Юрьевиче, прозванном Боголюбским (ок. 1111–1174) (рис. 118). Позднейшая историографическая и религиозная традиция сильно приукрасила и идеализировала его персону. В действительности же это была противоречивая, властолюбивая, бескомпромиссная и жестокая личность. Его отношения с половцами были крепки как никогда: еще бы — его матерью была княжна-половчанка (история, правда, не сохранила ее имени). Стремясь к укреплению самовластия, Андрей Боголюбский развивал политическую экспансию на двух направлениях — новгородском и киевском. В 1171 году он послал к Киеву громадную рать во главе с сыном Мстиславом. Город был осажден, взят штурмом и отдан на разграбление разношерстному владимиро-суздальскому войску, в состав которого входили и тюркские союзники. Действия победителей в поверженном городе ничем не отличались от поведения любых других захватчиков. Читатели Ипатьевской летописи имеют редкую возможность сопоставить два описания захвата Киева, данных в одном и том же источнике: первое касается войска Андрея Боголюбского, второе — Батыевой орды, взявшей стольный град спустя неполных семь десятилетий.

Рис. 118. Андрей Боголюбский. Скульптурный портрет,

восстановленный по черепу М.М. Герасимовым

«В лето 6679 (1171). <...> Взят Киев, месяца марта в восьмой день, на второй неделе поста в среду, и грабили в течение двух дней весь город, Подолье и Гору, монастыри, Св. Софию, Десятинную Богородицу, и никому не было пощады: церкви горели, христиан убивали, других вязали, жен уводили в плен, насильно разлучая от мужей своих, младенцы плакали, смотря на своих матерей, захватили множество добра, в церквях ограбили иконы, ризы и книги и все колокола вынесли смоляне, суздальцы, черниговцы и Олегова дружина; были захвачены все святыни; погаными был зажжен Печерский монастырь, но Бог сохранил его от такого зла. В Киеве у всех людей стоял стон, горе и скорбь неутешная и слезы непрестанные. Это все случилось ради наших грехов».

Действия татаромонголов в той же Ипатьевской летописи описаны более сдержанно:

«В лето 6748 (1240). Пришел Батый к Киеву с большой силой, со множеством своих воинов окружил город. <...> Поставил Батый стенобитные орудия к городу подле Ляшских ворот (туда подступали дебри). Орудия били беспрестанно день и ночь, пробili стены; взошли горожане на разбитые стены, и было там видно, как ломались копья, как разбивались на куски щиты и стрелы помрачали свет. [Горожане] были побеждены, а Дмитр [воевода] был ранен. Татары взошли на стены и сидели там; в тот день и ночь горожане построили снова другую стену около Богородицы [Десятинной церкви]; на другой день [татары] пошли приступом на них, и был между ними сильный бой; люди взбежали на церковь и на церковные своды со своим имуществом; от тяжести завалились с ними церковные стены; город был захвачен. Дмитра вывели раненым и не убили по причине храбрости».

(Перевод В. Панова)

Трудно сказать, какой эпизод красноречивей, — жестокости явно больше в первом. А проявленное Батыем милосердие к воеводе Дмитру

вообще выглядит поступком героя рыцарского романа: от соплеменников он вряд ли бы дождался такого благородства. Кончина Андрея Боголюбского тоже была жестокой: его беспощадно убили заговорщики из ближайшего окружения — обиженные слуги и родичи. Рассказ об убийении князя по накалу страстей и обилию крови напоминает шекспировскую трагедию (рис. 119). Предполагается, что ужасающие подробности записаны летописцем со слов очевидца:

Рис. 119. Убийство князя Боголюбского. Миниатюра Радзивилловской летописи

«...Лишь настала ночь, прибежав и схвативши оружие, пошли на князя, как дикие звери, но, пока они шли к его спальне, пронзил их и страх, и трепет. И бежали с крыльца, спустясь в погреба, упились вином. Сатана возбуждал их в погребе и, служа им незримо, помогал укрепиться в том, что они обещали ему. И так, упившись вином, вошли они на крыльцо. Главарем же убийц был Петр, зять Кучки, Анбал, яс [осетин] родом, ключник, да Яким, да Кучковичи — всего числом двадцать зловердных убийц,

вошедших в греховный сговор в тот день у Петра, у Кучкова зятя, когда настала субботняя ночь на память святых апостолов Петра и Павла.

Когда, схватив оружие, как звери свирепые, приблизились они к спальне, где блаженный князь Андрей возлежал, позвал один, став у дверей: „Господин мой! Господин мой...“. И князь отозвался: „Кто здесь?“, тот же сказал: „Прокопий...“, но в сомненье князь произнес: „О, малый, ты не Прокопий“. Те же, подскочив к дверям и поняв, что здесь князь, начали бить в двери и силой выломали их. Блаженный же вскочил, хотел схватить меч, но не было тут меча, ибо в тот день взял его Анбал-ключник, а был его меч мечом святого Бориса. И ворвались двое убийц, и набросились на него, и князь швырнул одного под себя, а другие, решив, что повержен князь, впотьмах поразили своего; но после, разглядев князя, схватились с ним, ибо он был силен. И рубили его мечами и саблями, и раны копьем ему нанесли, и воскликнул он: „О, горе вам, бесчестные, зачем уподобились вы Горясеру [убийца святого Глеба]? Какое вам зло я нанес? Если кровь мою прольете на земле, пусть Бог отомстит вам за мой хлеб“. Бесчестные же эти, решив, что убили его окончательно, взяв раненого своего, понесли его вон и дрожа ушли. Князь же, внезапно выйдя за ними, начал рыгать и стонать от внутренней боли, пробираясь к крыльцу. Те же, услышав голос, воротились снова к нему. И пока они были там, сказал один: „Стоя там, я видел в окно князя, как шел он с крыльца вниз“. И воскликнули все: „Ищите его!“ — и бросились все взглянуть, нет ли князя там, где, убив его, бросили. И сказали: „Теперь мы погибли. Скорее ищите его“. И так, запалив свечи, отыскиали его по кровавому следу. <...> Заговорщики долго искали его — и увидели сидящим [за лестничным столбом], подобно непорочному агнцу. И тут проклятые подскочили и прикончили его. Петр же отсек ему правую руку. А князь, на небо взглянув, сказал: „Господи, в руки тебе предаю душу мою“, — и умер. Убит был с субботы в ночь, на рассвете, под утро уже воскресенья — день памяти двенадцати апостолов».

(Перевод В.В. Колесова)

В Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской и других летописях несчастливый поход князя Игоря на половцев — обычный проходной эпизод в ряду множества других событий. Тем более что еще большие, не сравнимые ни с чем потрясения ждали Русскую землю впереди. До первого столкновения с татаромонголами и разгрома объединенного русско-половецкого войска на Калке в 1223 году оставалось менее 40 лет. (Для половцев, которых жестокая необходимость заставила пойти на союз с русскими, это сражение стало началом конца: во время следующего похода на Русь в 1237 году татаромонголы первым делом добились половцев и ликвидировали их как этнос — раз и навсегда). Некоторым ветеранам Игорева похода суждено было еще застать зарождение новой беды, куда более страшной, чем половецкие набеги. Ее сулили и знамения ноосферы. Лаврентьевская летопись зафиксировала и сами угрожающие явления (совпавшие к тому же с пасхальными празднествами), и тревожное предчувствие, охватившее всех от мала до велика:

«В лето 6738 (1230) <...> 3 мая, на память святого Феодосия, игумена Печерского, в пятницу, во время святой литургии при чтении святого Евангелия в соборной церкви Святой Богородицы во Владимире, затряслась земля, и церковь, и трапезная, и иконы задвигались по стенам, и паникадила со свечами и светильниками заколебались, и люди многие изумились, и думали каждый, что закружилась голова, и говорили об этом друг другу, ибо не все поняли это удивительное чудо; было же это во многих церквах и домах господских, было и в других городах, и в Киеве было еще большее потрясение. А в Печерском монастыре каменная церковь Святой Богородицы расступилась на четыре части; и находились здесь митрополит Кирилл, и князь Владимир, и бояре, и множество киевлян, и люди сошлись: ибо был праздник дня святого Феодосия; и трапезная каменная была потрясена, яства и питье были снесены, все то было раздроблено падающими сверху осколками камней, также столы и скамьи; однако ни вся трапезница, ни верх ее не обрушились. Также и Переяславле Русском церковь Святого Михаила расступилась надвое, и пали своды трех закомар, и разбились иконы и паникадила со свечами и светильники. И то все было по

всей земле в один день, один час, в час святой литургии, 3 мая, в пятницу 4-й недели по Пасхе; так слышал от очевидцев, бывших там в это время.

Того же месяца в 10 день, в пятницу 5-й недели по Пасхе, некоторые видели, что восходящее солнце имело три угла, как коврига, потом казалось как звезда, и так исчезло, потом через некоторое время вновь взошло своим чередом. Того же месяца в 14 день, во вторник 6-й недели по Пасхе, во втором часу, солнце начало исчезать на глазах у всех людей, и осталось его мало, как месяц трех дней, и начало снова наполняться, и многие думали, что по небу идет месяц, поскольку было полнолуние, а другие думали, что солнце идет вспять, поскольку с севера на солнце набегали в южном направлении небольшие и частые облака. В тот же день и час так же и еще более грозно было в Киеве: все видели, что солнце стало месяцем и появились столпы красные, зеленые, синие, по обе стороны солнца, также с неба сошел огонь, как большое облако над ручьем Лыбедью; люди все уже не надеялись сохранить жизнь, думали, что уже наступил конец, целуя друг друга и прося друг у друга прощения, и горько плакали, и возопили к Богу со слезами; и милостью своей Бог перевел страшный тот огонь через весь город без вреда, и пал он в реку Днепр, где и погиб; так сказал бывший там очевидец».

(Перевод А.Г. Кузьмина)

За исключением солнечного затмения все из описанного летописцем можно отнести к ноосферным предзнаменованиям; затмение же просто стало удобным каналом трансляции и световых треугольников, и огненных столпов, и зелено-красно-синих радуг, и всего остального тоже. Только не надо уверять, что здесь описаны ничего не означающие явления. И что землетрясения в Киеве вполне типичны и заурядны: когда храмы, построенные на века, наподобие карточных домиков распадаются на четыре части. Ничего подобного здесь не случалось ни раньше, ни позже. И никаких случайных совпадений — все более чем закономерно. Но это закономерности не бытового, а ноосферного порядка. Летописец интуитивно составил столь детальное описание, бессознательно полагая, что когда-нибудь кто-то, быть может, и расшифрует загадочные предзнаменования.

И вот пришло это страшное время. Ноосферное предупреждение 1230

года не замедлило реализоваться самым что ни на есть жесточайшим образом: спустя два года татаромонгольская конница уже топтала Русскую землю. Сначала была Калка, затем в «Калку» превратились большинство русских удельных княжеств. Тверская летопись, суммируя сведения, почерпнутые из других источников, так рассказывает о катастрофическом поражении объединенных русских и половецких сил на реке Калке 31 мая 1223 года:

«И так встретились полки, а выехали вперед против татар Даниил Романович, и Семен Ольевич, и Василек Гаврилович. Тут Василька поразили копьем, а Даниил был ранен в грудь, но он не ощутил раны из-за смелости и мужества, ведь он был молод, восемнадцати лет, но силен был в сражении и мужественно избивал татар со своим полком. Мстислав Немой также вступил в бой с татарами, и был он также силен, особенно когда увидел, что Даниила ранили копьем. Был ведь Даниил родственником его отца, и Мстислав очень любил его и завещал ему свои владения. Также и Олег Курский мужественно сражался, также и Ярун с половцами подоспел и напал на татар, желая с ними сразиться. Но вскоре половцы обратились в бегство, ничего не достигнув, и во время бегства потоптали станы русских князей. А князья не успели вооружиться против них; и пришли в смятение русские полки, и было сражение гибельным, грехов наших ради. И были побеждены русские князья, и не бывало такого от начала Русской земли. Князь же великий Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, правнук Мстислава, который был сыном Владимира Мономаха, и князь Андрей, зять Мстислава, и Александр Дубровский, видя это несчастье, никуда не двинулись с места. Разбили они стан на горе над рекой Калкой, так как место было каменистое, и устроили они ограду из кольев. И сражались из-за этой ограды с татарами три дня. А татары наступали на русских князей и преследовали их, избивая, до Днепра. А около ограды остались два воеводы, Чегирхан и Тешухан, против Мстислава Романовича, и его зятя Андрея, и Александра Дубровского; с Мстиславом были только эти два князя. Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них Плоския. Этот окаянный воевода целовал крест великому князю Мстиславу, и двум другим князьям, и всем, кто был с ними, что татары не

убьют их, а возьмут за них выкуп, но солгал окаянный: передал их, связав, татарам. Татары взяли укрепление и людей перебили, все полегли они здесь костьми. А князей придавили, положив их под доски, а татары наверху сели обедать; так задохнулись князья и окончили свою жизнь.

А других князей, которых татары преследовали до Днепра, было убито шесть: князь Святослав Каневский, Изяслав Ингваревич, Святослав Шумский, Мстислав Черниговский с сыном, Юрий Несвижский, а из воинов только десятый вернулся домой. И Александр Попович тут был убит вместе с другими семьюдесятью богатырями. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий раньше всех переправился через Днепр, велел сжечь лабды, а другие оттолкнуть от берега, боясь погони, а сам он едва убежал в Галич. А Владимир Рюрикович, племянник Романа, внук Ростислава Мстиславича, сел на престоле в Киеве месяца июня в шестнадцатый день. А случилось это несчастье месяца мая в тридцатый день, на память святого мученика Ермия. Только десятая часть войска вернулась домой, а у некоторых половцы отняли коня, а у других одежду. Так за грехи наши Бог отнял у нас разум, и погибло бесчисленное множество людей. Татары же гнались за русскими до Новгорода-Святополча. Христиане, не зная коварства татар, выходили им навстречу с крестами, и все были избиты. Говорили, что одних киевлян погибло тогда тридцать тысяч».

(Перевод Д.М. Буланина)

Последующие события оказались еще более ужасными. Они полностью изменили течение русской истории, направили его в совершенно иное русло. Летописи с кинематографической точностью превращают современных читателей в зрителей. Даже сквозь скупые строки чувствуешь затаенную боль безвестного хрониста, воочию видишь, как стискивает он зубы и утирает слезы рукавом монашеской рясы.

«В год 6745 (1237). При благоверном великом князе Георгии благоверный епископ Митрофан поставил над трапезой в святом соборном храме Богородицы киот и украсил его золотом и серебром. В тот же год был расписан придел церкви Святой Богородицы.

В тот же год зимой пришли из восточных стран на Рязанскую землю лесом безбожные татары, и начали завоевывать Рязанскую землю, и пленили ее до Пронска, и взяли все Рязанское княжество, и сожгли город, и князя их убили. А пленников одних распинали, других — расстреливали стрелами, а иным связывали сзади руки. Много святых церквей предали они огню, и монастыри сожгли, и села, и взяли отовсюду немалую добычу; потом татары пошли к Коломне. В ту же зиму выступил Всеволод, сын Юрия, внук Всеволода, против татар. И встретились они у Коломны, и была битва великая. И убили воеводу Всеволодова Еремея Глебовича, и многих других мужей Всеволода убили, а Всеволод прибежал во Владимир с малой дружиной. А татары пошли к Москве. В ту же зиму взяли татары Москву, и воеводу убили Филиппа Няньку за правоверную христианскую веру, а князя Владимира, сына Юрия, взяли в плен. А людей избили от старца до грудного младенца, а город и церкви святые огню предали, и все монастыри и села сожгли, и, захватив много добра, ушли.

В ту же зиму выехал Юрий из Владимира с небольшой дружиной, оставив своих сыновей, Всеволода и Мстислава, вместо себя. И поехал он на Волгу с племянниками своими, с Васильком, и со Всеволодом, и с Владимиром, и расположился на реке Сити лагерем, ожидая братьев своих Ярослава с полками и Святослава с дружиной. И начал князь великий Юрий собирать воинов против татар, а Жирослава Михайловича назначил воеводой в своей дружине.

В ту же зиму пришли татары к Владимиру, месяца февраля в третий день, на память святого Симеона, во вторник, за неделю до мясопуста. Владимирцы затворились в городе, Всеволод и Мстислав были в нем, а воеводой был Петр Ослядюкович. Увидев, что владимирцы не открывают ворот, подъехали татары к Золотым воротам, ведя с собой Владимира Юрьевича, брата Всеволода и Мстислава. И начали спрашивать татары, есть ли в городе великий князь Юрий. Владимирцы пустили в татар по стреле, и татары также пустили по стреле на Золотые ворота, и затем сказали татары владимирцам: „Не стреляйте!“ Те перестали. И подъехали татары близко к воротам, и начали спрашивать: „Узнаете ли княжича вашего Владимира?“ И был Владимир печален лицом.

Всеволод же и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. О горестное и достойное слез зрелище! Всеволод и Мстислав с дружиной своей и все горожане плакали, глядя на Владимира.

А татары отошли от Золотых ворот, и объехали весь город, и расположились лагерем на видимом расстоянии перед Золотыми воротами — бесчисленное множество воинов вокруг всего города. Всеволод же и Мстислав пожалели брата своего Владимира и сказали дружине своей и Петру-воеводе: „Братья, лучше нам умереть перед Золотыми воротами за Святую Богородицу и за правоверную веру христианскую“; но не разрешил им этого Петр Ослядюкович. И сказали оба князя: „Это все навел на нас Бог за грехи наши, ведь говорит пророк: „Нет у человека мудрости, и нет мужества, и нет разума, чтобы противиться Господу“. Как угодно Господу, так и будет. Да будет имя Господа благословенно в веках“. Свершилось великое зло в Суздальской земле, и не было такого зла от крещения, какое сейчас произошло; по оставим это.

Татары станы свои разбили у города Владимира, а сами пошли и взяли Суздаль, и разграбили церковь Святой Богородицы, и двор княжеский огнем сожгли, и монастырь Святого Дмитрия сожгли, а другие разграбили. Старых монахов, и монахинь, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и всех людей убили, а юных монахов, и монахинь, и попов, и попадей, и дьяконов, и жен их, и дочерей, и сыновей — всех увели в станы свои, а сами пошли к Владимиру. В субботу мясопустную начали татары готовить леса, и пороки устанавливали до вечера, а на ночь поставили ограду вокруг всего города Владимира. В воскресенье мясопустное после заутрени пошли они на приступ к городу, месяца февраля в седьмой день, на память святого мученика Федора Стратилата.

И стоял в городе из-за наших грехов и несправедливости великий плач, а не радость. За умножение беззаконий наших привел на нас Бог поганных, не им покровительствуя, но нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Такими карами казнит нас Бог — нашествием поганных, ведь это бич его, чтобы мы свернули с нашего дурного пути. Поэтому и в праздники Бог насылает на нас печаль, как говорит пророк: „Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание“. Взяли татары город до

обеда от Золотых ворот; у церкви Святого Спаса они перешли по примету через стену, а с севера от Лыбеди подошли к Ирининым воротам и к Медным, а от Клязьмы подступили к Волжским воротам и так вскоре взяли Новый город. Всеволод и Мстислав и все люди бежали в Печерный город. А епископ Митрофан, и княгиня Юрия с дочерью, и со снохами, и с внучатами, и другие, княгиня Владимира с детьми, и многое множество бояр и простых людей заперлись в церкви Святой Богородицы. И были они здесь без милости сожжены. И помолился боголюбивый епископ Митрофан, говоря так: „Господи Боже, податель света, сидящий на херувимах, и научивший Иосифа, и укрепивший своего пророка Давида на Голиафа, и воскресивший на четвертый день из мертвых Лазаря, протяни руку свою невидимо и прими с миром души рабов твоих“; и так он скончался. Татары же силой выбили двери церковные и увидели: некоторые в огне скончались, других они оружием добились.

Церковь святой Богородицы татары разграбили, сорвали оклад с чудотворной иконы, украшенный золотом, и серебром, и камнями драгоценными, разграбили все монастыри и иконы ободрали, а другие разрубили, а некоторые взяли себе вместе с честными крестами и сосудами священными, и книги ободрали, и разграбили одежды блаженных первых князей, которые те повесили в святых церквях на память о себе. Все это татары взяли с собой, а пророк так говорит: „Боже, пришли язычники в наследие твое, осквернили церковь святую твою, Иерусалим превратили в хранилище овощей, трупы рабов твоих отдали на съедение птицам небесным, тела преподобных твоих — зверям земным, пролили кровь их, как воду“. Убит был Пахомий, архимандрит монастыря Рождества Святой Богородицы, и игумен Успенский, Феодосий Спасский, и другие игумены, и монахи, и монахини, и попы, и дьяконы, начиная с юных и кончая старцами и грудными младенцами. Расправились татары со всеми, убивая одних, а других уводя босых и раздетых, умирающих от холода, в станы свои.

И было видеть страшно и трепетно, как в христианском роде страх, и сомнение, и несчастье распространялись. Мы согрешили — и наказаны, так что жалко было видеть нас в такой беде. И вот радость наша превратилась в скорбь, так

что и помимо своей воли мы будем помилованы в будущей жизни. Ведь душа, всячески наказанная в этом мире, на будущем суде обретет помилование и облегчение от муки. О, сколь неизреченно, Боже, твое человеколюбие. Именно так должен наказывать добрый владыка. И я, грешный, также много и часто Бога гневлю и грешу часто каждодневно; но теперь вернемся к нашему рассказу...».

И так продолжалось долгих триста лет, а если принять во внимание и набеги крымских татар, не раз осаждавших Москву, то в два раза больше — до XVIII века. Пассионарная вспышка одного суперэтнуса обернулась смертельным ожогом для других народов. Однако, как ни странно, поражение, унижение и порабощение русского народа имели не одни только отрицательные, но и положительные политические последствия. Раздробленные и малосильные русские удельные княжества под властью монгольских ханов постепенно обретали цементирующее общегосударственное начало, единоначальную власть и централизованное управление. К такому выводу еще в 20-е годы XX века пришла плеяда русских историков-евразийцев, опиравшихся, впрочем, на давно известный тезис Н.К. Карамзина: «Москва обязана своим величием ханам».

«Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще „собрания Русской земли“, стали собирать земли западного улуса Великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. „Свержение татарского ига“ свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати. Русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской, и вряд ли правы те историки, которые закрывают глаза на это обстоятельство или стараются преуменьшить его значение».

Приведенные слова принадлежат уже одному из основоположников евразийского движения — выдающемуся русскому филологу, лингвисту с мировым именем, историку и мыслителю Николаю Сергеевичу Трубецкому

(1890–1938). Ему вторит другой историк-евразиец — Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): «В лоне монгольской державы сложилась **новая Русь**. Едва ли не этим определилась и определяется вся дальнейшая судьба человечества». Среди советских историков концепция евразийцев не встретила особой поддержки. Долгое время, заняв круговую оборону и практически в одиночку, ее отстаивал только Л.Н. Гумилев. Его взгляды по этому вопросу, как всегда отличались страстностью. «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы...», — незадолго до смерти говорил он в одном из интервью. И был прав: история людей — и тем более их мировоззрения — не всегда совпадает с историей биосферы и ноосферы, которые в любом случае выступают в качестве решающего и определяющего начала.

Еще раньше другой видный историк из плеяды мыслителей-евразийцев — Георгий Владимирович Вернадский (1877–1973) — посвятил эпохе так называемого татаромонгольского ига программную статью «Два подвига св. Александра Невского» (1925), в которой сопоставил массовую пассионарность степной орды с индивидуальной пассионарностью русского полководца и подвижника. Окажись он во главе раздробленных русских дружин, растерявшихся перед внезапным и мощнейшим натиском степняков, неизвестно еще, как бы сложилась русская история, но судьба уготовила Александру Невскому (ок. 1220–1263) (рис. 120) иную миссию — остановить вражескую экспансию с Запада и, что не менее важно, сплотить и сохранить русский дух внутри Русского государства. Для этого Александру Ярославичу пришлось искать компромисса с поработителями Русской земли — во имя ее же сохранения и будущего возрождения. Г.В. Вернадский подчеркивает: «Александр выделил в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую культурную самобытность от латинского Запада. <...> Христианский подвиг не всегда есть мученичество внешнее, а иногда наоборот — внутреннее: не только брань видимая, но и „брань невидимая“, борьба с соблазнами душевными, подвиг самодисциплины и смирения...». Таким образом, два подвига, которым посвящена программная статья Вернадского (первый — подвиг брани, второй — подвиг смирения) имели единую цель — сохранение нравственно-политической силы русского народа.

Рис. 120. Александр Невский

Основы национального самосознания, заложенные святым князем-пассионарием, живы и поныне в сердцах и душах его потомков, ибо гарантия благих и незыблемых принципов русского менталитета обеспечивается не только на личностном, но и на ноосферном уровне. Сказанное относится и к подвигу, как он понимался на Руси испокон веков. Русское понимание подвига как подвижничества лучше всего передает хрестоматийное стихотворение Алексея Степановича Хомякова (1804–1860):

*Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.*

*Если сердце зануло
Перед злобой людской,
Иль насилье схватило*

*Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились, —
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилия
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.*

Статья Г.В. Вернадского явилась как бы полемикой с пресловутым русофобским опусом маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», в котором очередной французский мюнхгаузен попытался не только исказить историю современной ему России, но и густым дегтем перепачкать ее достославное прошлое. Казалось бы, время де кюстинов безвозвратно ушло. Но нет, злопахательский пыл разнокалиберных фальсификаторов русской истории за полтора века нисколько не поубавился. В 1983 году в Лондоне была издана очередная монография крупнейшего европейского специалиста по русской истории Джона Феннела «Кризис средневековой Руси: 1200–1304», через шесть лет книга увидела свет на русском языке. Английский «специалист» не просто принижает значение личности Александра Невского в отечественной истории — он отрицает фактическую сторону выигранных им сражений, называя Невскую битву и Ледовое побоище мелкими, случайными и малосущественными, о которых не сохранилось никаких достоверных известий, кроме агиографического «Жития святого благоверного и великого князя Александра», написанного более чем через сто лет после его смерти (рис. 121).

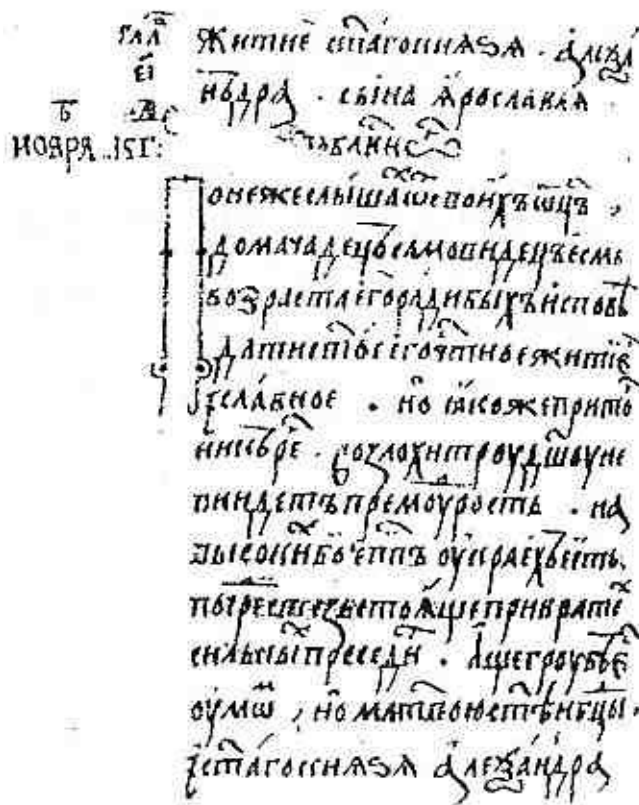

Рис. 121. Начало «Жития» Александра Невского

Действительно, западноевропейские хроники умалчивают о битвах на Неве и Чудском озере. О первой из них умалчивают и современники — русские летописцы. Лишь о событиях, связанных с экспансией Ливонского ордена, сохранилась краткая запись в Лаврентьевской летописи. Да и в ней на первый план выдвигается не князь Александр, а его брат Андрей: «В лето 6750 (1242). Великий князь Ярослав послал сына своего Андрея в Новгород Великий в помощь Александру против немцев, и победили их на Плесковском (Псковском) озере и взяли большой полон; и возвратился Андрей к отцу своему с честью». Вот и все, что можно узнать из ранних русских летописей об эпохальных событиях, в ходе которых решалась судьба России. В более поздних летописях появляются подробности, хорошо известные по школьным учебникам, художественным произведениям и классическому фильму Сергея Эйзенштейна. Откуда они взялись?

Как уже подчеркивалось, огромное количество древнерусских рукописных книг и документов погибло. Среди них множество ранних летописей, о содержании которых теперь можно только догадываться.

Однако нельзя полностью игнорировать и стойкую устную традицию: народ присвоил любимому князю прозвание Невского, народ свято хранил в памяти основные факты его героических деяний. Это ведь только «специалисты» вроде Джона Феннела считают, что отсутствие соответствующей записи в какой-нибудь шведской или эстонской хронике может служить аргументом в пользу того, что случайная стычка на Неве не имела никакого значения для хода истории, а юный князь Александр получил свое прозвище неизвестно за что (рис. 122). По счастью, народ не состоит из одних только феннелов: в противном случае на Британских островах не сохранилось бы ни баллад о Робине Гуде, ни цикла сказаний о короле Артуре и рыцарях «круглого стола», ни волшебных легенд Уэльса «Мабиногион», в которых в «снятом виде», как выражаются философы, сохранились факты реальной, хотя и очень далекой, истории или же предыстории.

Рис. 122. Битва на Неве. Художник Н.К. Рерих

Устные рассказы сподвижников Александра Невского, вошедшие затем в летописи и в житийное повествование, донесли до нас и факты ноосферных явлений, сопутствовавших всей жизни благоверного и великого князя. Наиболее известными и показательными являются видения

в решающие минуты святых русских мучеников Бориса и Глеба. Впервые они явились перед Невской битвой ижорскому старейшине Пелугию (в крещении Филиппу). Он стоял в ночном дозоре, и когда начало всходить солнце, он вдруг «слыша шюм страшень по морю и виде насадъ [речное судно] един гребущъ по морю, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глеба въ одеждах чръвлєных, и бєста руки дръжаща на рамєх. Гребци же седяху, акы мглюю одеани. Рече Борисъ: „Братє Глебє, вели грєсти, да поможемь сроднику своему князю Александру“». Перед нами не вымысел, галлюцинация от бессонницы, а типичное ноосферное явление, пробуждающееся в экстремальной ситуации, когда чувства и сознание человека до предела обострены.

Александр принял ноосферное знамение как благословение, и с тех пор сродники Борис и Глеб окрыляли знамя его побед. В особенности это проявилось во время Ледового побоища, когда уже множество воинов увидели (понятно, что речь идет о внутреннем видении, то есть подключении к информационному полю ноосферы), как святые покровители Руси Борис и Глеб «даша ратнии плєщи свои и сєчахут их и гоняхут, яко по яєру, и не бє им камо утечи, и биша их 7 верст по лєду до Суболичєского бєрєга; и паде немєць 500, а чюдєи числа нєт». Так говорится в так называемом Московском летописном своде конца XV века.

Глава 5

ТВЕРДЬ РОССИИ

(Эпоха Московского царства)

*Бог благословит тебя и распространит
город этот паче всех других городов;
и будет род твой обладать местом сим
во веки; и руки его взыдут на плечи
врагов ваших...*

Св. митрополит ПЕТР

*..Два Рима падоша, а третей стоит,
а четвертому не быти.*

Старец ФИЛОФЕЙ

*Мой взор мечтанья оросили:
Вновь — там, за башнями Кремля, —
Неподражаемой России
Незаменимая земля.*

Игорь СЕВЕРЯНИН

В истории России можно обнаружить названия семи городов, которые в разное время так или иначе являлись столицами государства. Первым стольным градом, согласно легендарной истории, стал Словенок Великий, построенный праотцем Словеном на берегах Волхова. Неподалеку его брат Рус воздвиг другой древний город — Русу (нынешняя Старая Русса), которая столицей не стала. Как мы помним, это случилось в 2409 году до новой эры. Сколько простоял процветающий град Словенок на Русской земле — про то мы теперь не знаем. Известно лишь одно: город погиб в огне пожара, сгорел дотла, и на его месте вскоре был построен другой город, названный Новым, Новоградом (нынешний Новгород Великий). Случилось это, скорее всего, уже в новое время, но столицей он сделался — причем очень не надолго — лишь в 862 году, когда сюда был призван князь Рюрик, положивший начало первой царской династии Рюриковичей.

Но до Новгорода у Рюрика уже была столица: как сообщает Ипатьевская летопись, князь срубил ее в Старой Ладогe, город, и по сей день сохранившийся на карте России. Но и это еще не все: по глухому упоминанию в летописях, у Рюрика до того была еще одна столица. Название ее не сохранилось, но известно, что она располагалась на одном из островов Ладожского озера. Карамзин считал, что это был остров в устье реки Воксы, где первоначально находился древний русский город Корела, переименованный после шведской аннексии в Кексгольм, а после временного захвата буржуазной Финляндией — в Какисалми, но в 1940 году после советско-финской войны вернувшийся в состав Ленинградской области под названием Приозерск. Действительно, здесь на острове в устье Вуоксы сохранились развалины древней крепости, но можно ли их считать останками первой столицы Рюрика, сказать трудно. А островов на Ладогe (поименованной так в честь древнеславянской языческой богини любви Лады) более чем достаточно — в их числе и Святой остров Валаам (по имени другого языческого божества — Ваала-Велеса).

Так или иначе, с именем Рюрика связано две или три столицы. Дальнейшая история известна. После захвата Киева Олегом Вещим столица Древней Руси была перенесена с берегов Волхова на берега Днепра, оттуда переместилась во Владимир-на-Клязьме и, наконец, — в Москву. Известны две попытки дальнейшего перенесения столиц. Сначала царь Иван IV Грозный на несколько лет (с 1568 по 1576 год) объявил главным городом России Александровскую слободу, но в роли столицы она продержалась всего несколько лет. Царь Петр I построил новую столицу на берегах Невы, но в качестве стольного града Санкт-Петербург просуществовал чуть более двух столетий, к тому же разделяя свое звание с прежней столицей — Москвой, — пока не потерял его окончательно.

Возникает вполне естественный вопрос — почему? Почему именно Москва на протяжении вот уже более полутысячелетия остается центром притяжения не только всех российских земель и народов, но и концентрацией государственности, культуры, пассионарности и негибемого духа? Случайно это или не случайно? Безусловно — не случайно.

Начиная с XIV века полюс российской пассионарности постепенно перемещается в Москву. Москве просто на роду было написано стать ноосферным и геополитическим центром Русского государства, что обусловлено ее географическим, геофизическим и космопланетарным положением. Все остальное — производное от данного факта и сопутствующих ему обстоятельств.

Еще в XIX веке естествоиспытатели Московского университета выдвинули идею: само географическое положение Москвы, связанное с котловинообразным характером природного ландшафта, сыграло решающую роль в превращении ее в столицу — сначала княжества, а затем царства и империи. Наибольший вклад в обоснование данной концепции, к которой благосклонно отнеслись историки, внес известный биолог-эволюционист, еще при жизни прозванный русским Кювье, Карл Францевич Рулье (1814–1858). В начале своей блестящей научной и профессорской карьеры он занимался геологическими и палеонтологическими исследованиями Подмосквового бассейна и пришел к выводу, что Московская геологическая котловина, расположенная между Валдайской возвышенностью и началом Черноземной зоны, когда-то являлась дном обширного древнейшего моря. Характер ландшафта, горизонтальных пластов, залегающих здесь однородных пород и иные естественные и социальные причины и обусловили появление на этой территории Московской державы и ее столицы, уже тогда называемой «сердцем России».

В XX веке эту идею развил и наполнил «энергетическим содержанием» известный геолог и планетолог Геннадий Григорьевич Кочемасов. На основе скрупулезного анализа современных геологических данных и использования метода волновой тектоники он показал, что Москва является центром восточноевропейской платформы, а также местом пересечения геофизических полей и тектонических линий, неразрывно связанных с энергетикой космоса (см.: Кочемасов Г.Г. Москвы священные пределы // Наука и религия, 1998, № 8). На языке геологии, усиленном публицистическим дарованием автора, это звучит следующим образом:

«Откройте карты Земли, взгляните на глобус — и вы увидите, что наша планета не есть некое безликое творение. Она — со своей неповторимой изюминкой, явной печатью космических сил. Земля, как, впрочем, и другие небесные тела, пребывая в извечном движении, принимает на себя могучую волновую энергетику космоса. Потому она и деформируется, коробится. На ее поверхности обязательно что-то возвышается, втягивается, опускается... Так и только так формируется геологический, литосферный лик Земли, отсюда симметричное и антисимметричное строение геосфер, неодинаковый вид полушарии, „лоскутный“ облик коры. Под

мощным воздействием планетарных волн сформировались и другие физические примечательности, к примеру прилегающие друг к другу кольцевые геосуперструктуры, диаметром около 500 километров. Одна из них — Восточно-Европейская, охватывающая территории Европы, Западной Сибири, части Северного Ледовитого океана, Северной Африки и Ближнего Востока, а ядром этой структуры является геологически устойчивая Русская плита, в самом центре которой — Москва. Да-да, наша столица оказалась на пересечении двух тектонически ослабленных зон, образующих четыре главных разноподнятых сектора».

Полученных выводов (особенно с учетом других геофизических и геокосмических факторов) вполне достаточно для убедительного объяснения многих феноменов пассионарных вспышек, происходивших когда-либо и происходящих поныне в границах Московского региона. Любопытно также отметить, что столицы подавляющего большинства древних и современных государств располагаются не на берегах морей и океанов (хотя исключения есть, и они общеизвестны), а в глубине суши.

Кроме того, специалисты давно обратили внимание на резкие перепады гравитационного поля в Москве, связанные, по их мнению, с ее центральным положением. В фундаменте Русской плиты — как раз под Москвой — имеется узкая и глубокая (до 25 000 метров) впадина. Геофизик Михаил Лоджевский считает, что именно ее очертания и направленность вектора влияют на изменение силы тяжести в столице. Это интуитивно учитывали строители церквей в старой Москве, что вполне можно расценивать, как интуитивную реализацию Божественного космического предназначения (я бы еще добавил: и своевременную ноосферную подсказку).

Геолог Сергей Белов, опираясь на проведенную недавно высокоточную гравитационную и сейсмическую разведку столичных недр, отмечает, что положение Москвы уникально, ибо она располагается в пределах ярко выраженного гравитационного минимума, причем территория Кремля находится в области наибольших перепадов силы тяжести, и наивысший из них сконцентрирован как раз там, где взметнулась ввысь колокольня «Иван Великий». Хотя многие древнерусские города — Новгород, Рязань, Смоленск, Калуга, Вологда, Белозерск и другие — тоже располагаются в пределах аномальных участков, — перепады изменений гравитационного поля, как показывают измерения, там несравненно ниже. Таким образом, по

геологическим и геофизическим данным Москва объективно занимает первое место среди всех городов Древней и Средневековой Руси.

Геологи не устают подчеркивать, что Москва располагается в пределах широтновытянутого древнего рифта, проходящего через район Теплого Стана. Именно тут нередко провалы грунта и разрушения зданий, и еще в 1841 году здесь отмечались подземные удары, языки багрового пламени над поверхностью, ложные солнца и другие аномальные атмосферные явления. Недаром один из районов данной аномальной территории издавна получил в народе недобрую славу и назван из-за постоянно наблюдаемой чертовщины Чертановом. То же, по-видимому, и с Чертольем, названным так по «гиблему месту» — оврагу Черторыл (то есть, который «черт рыл») — в центре Москвы, почти что у самого Кремля: именно здесь облюбовали себе место опричники Ивана Грозного и устраивал кровавые вакханалии Малюта Скуратов. Не подлежит сомнению, что аномальная эндогенная активность земных недр и повышенные земные энергопотоки непосредственно и опосредованно влияют на активность и духовную энергию отдельных людей и населения в целом, обуславливая в том числе пассионарность выдающихся личностей или же всего этноса. (См.: Белов С. Судьба народов — предначертание недр // Чудеса и приключения, 2000, № 4).

Известный исследователь и популяризатор науки Евгений Лазарев увидел в компьютерных расчетах Кочемасова и математических расчетах других ученых глубокий сакральный смысл: если слегка упростить контуры всех описанных разломов в кристаллической платформе Русской равнины, а также кольцевых структур, окружающих нашу столицу, то получится священное число «семь»! Москва как бы располагается за семью незримыми (я бы добавил — ноосферными) стенами или на вершине символической семиступенчатой горы (рис. 123).

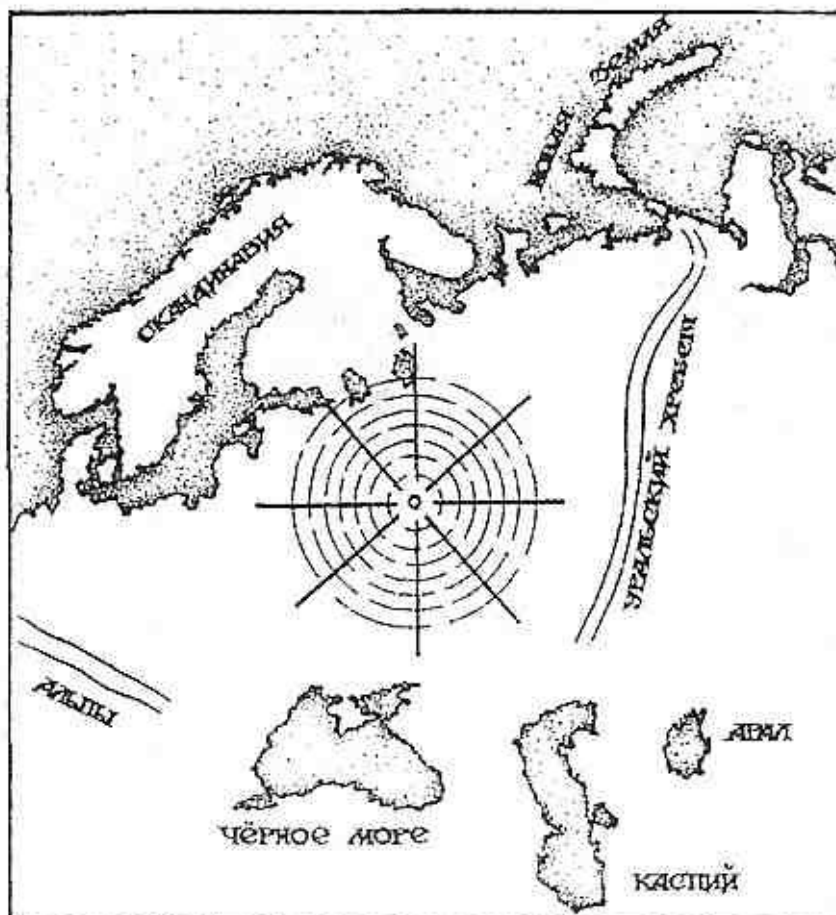

Рис. 123. Рисунок О. Коновалова

Современные ученые (С.Н. Смирнов и др.) пошли еще дальше, отметив повышенный уровень теллурического («земного») излучения в Московском регионе. Это связано в первую очередь с тем, что именно здесь проходят два трансконтинентальных разлома: один из них ориентирован с юго-запада на северо-восток, другой — с северо-запада на юго-восток; оба пересекаются на северо-западе столицы (рис. 124). Усилению теллурического излучения способствует и холмистый рельеф местности (знаменитые семь холмов и другие возвышенности в черте Москвы), а также реки и связанные с ними подземные воды. Особая энергетика Москвы подпитывает и ее жителей, определяя их облик и поведение. Последнее бросается в глаза и сегодня. Московский ритм жизни разительно отличается от любого другого. Даже субъективно: любому приезжему жизнь в столичном мегаполисе представляется как на ускоренной киноленте. Напротив, коренному москвичу, приехавшему в любой другой российский город, тамошний темп жизни кажется замедленным.

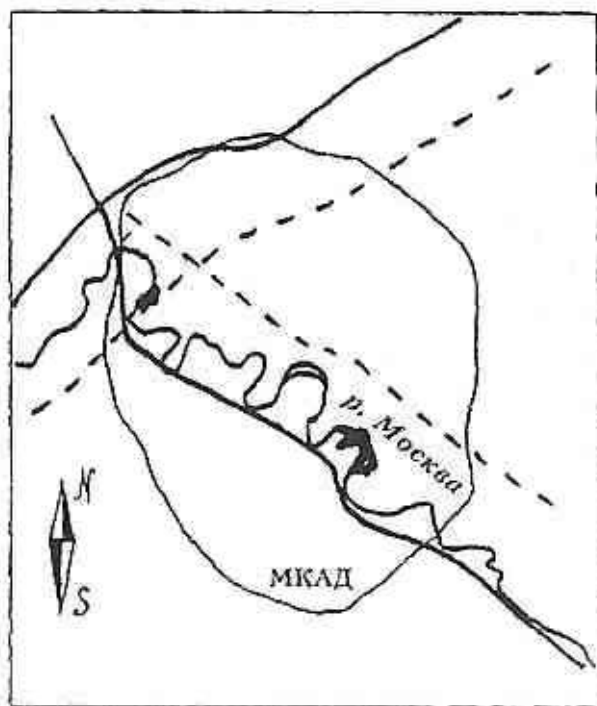

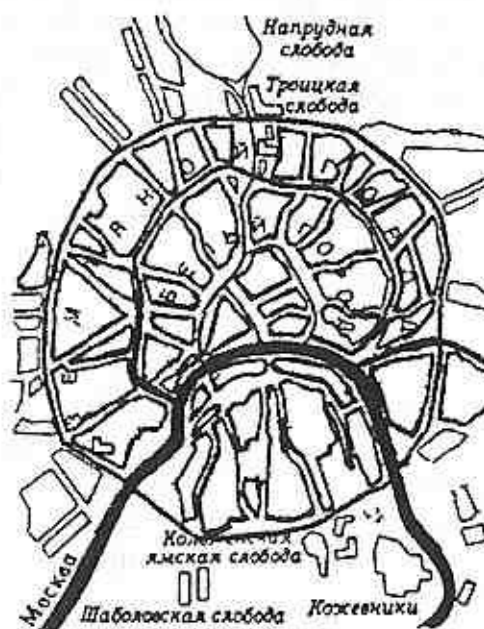
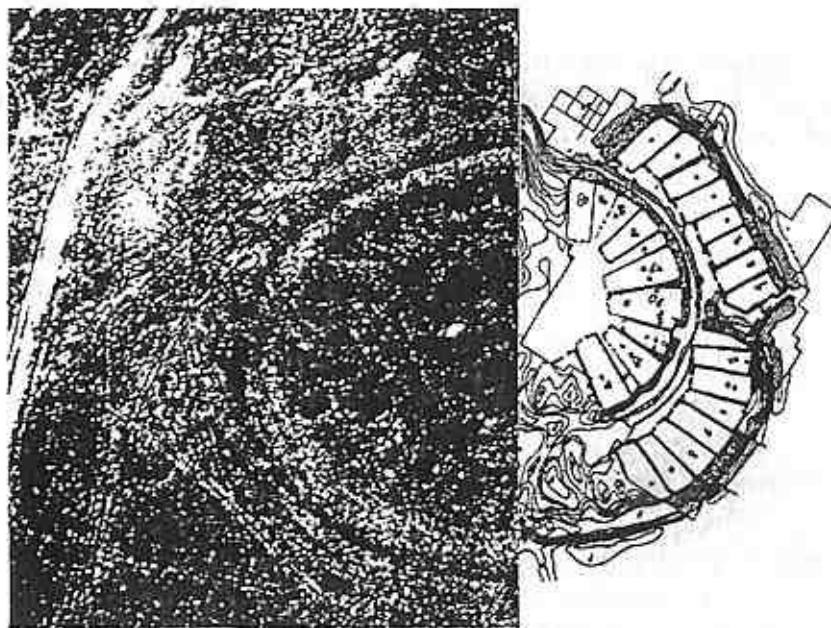
Рис. 124. Трансконтинентальные разломы в Московском регионе

Сакральные геомагнитные «точки» Москвы и прилегающей области были известны с незапамятных времен и использовались для отправления религиозного культа. В некоторых издревле священных местах (например, на Красном холме за Яузой) археологи обнаружили останки языческого святилища. Геоактивные точки, связанные с тектонической структурой города, обусловили и его архитектурно-строительный облик. Общеизвестно, что исторический центр российской столицы сформировался на основе кольцевидного принципа. Но это в проекции, если смотреть сверху. В других же проекциях, например, если смотреть сбоку, кольцеобразные структуры становятся *куполообразными*. На вершине самого большого из таких куполов, к тому же находящегося в центре, построена главная русская святыня — Кремль с его храмами, дворцами, стенами и башнями. И это отнюдь не случайно!

От себя добавлю также, что слабоогнутая московская котловина является естественной антенной не только для теллурического и геофизического излучения, но и для приема ноосферной информации. Аналогичную роль, по-видимому, играла слабоогнутая степная котловина, в центре которой был построен знаменитый спиралеобразный город-

крепость Аркаим. Археологи и многочисленные посетители Аркаимского комплекса обычно обращают внимание лишь на останки уникального сооружения (в настоящее время они засыпаны и находятся под землей). Однако стоит оглядеться окрест и тотчас же становится понятным, почему именно здесь устроили некогда перевалочный пункт индоарии, мигрировавшие в свое время с севера на юг. Аркаим был построен почти в самом центре огромного и величественного поля, по окружности которого возвышаются холмы и сопки, издали похожие на курганы. Все вместе это создает образ гигантского слабовогнутого блюда или своеобразной ландшафтной антенны, улавливающей и усиливающей ноосферную информацию. Не это ли предопределило выбор арийских жрецов и вождей, повелевших много тысяч лет тому назад: быть здесь городу!

Подсознательная приверженность древних ариев (а славяне и русские являются их прямыми наследниками) к спиралевидным символам генетически обусловлена их северным происхождением (считается, что распространенные по всему северу спирали и лабиринты — позже они проникли на юг — являются проекцией движения некоторых светил на полярном небе). В дальнейшем «спиральные предпочтения» нашли свое отображение и в градостроительной практике, что, в конечном счете, отразилось и в исторической планировке Москвы. Александр Асов совершенно справедливо усмотрел в схеме расположения укреплений российской столицы (а ныне и расположения ее улиц и застроек) изоморфное воспроизведение все того же Аркаима (рис. 125) (см.: Асов А. Москва — третий Аркаим. — Наука и религия, 1997, № 8).

**Рис. 125. Схема построек Аркаима (вверху)
и схема укреплений Москвы (внизу)**

В летописях очень скупо освещаются начальные этапы Московского княжества. Здесь много пробелов, недоговоренностей, нестыковок с

другими источниками, подчисток, позднейших вставок и восхвалений в угоду конкретным лицам великокняжеского или же царского звания. В период с 1568 по 1576 год в Александровой слободе — политическом центре царской опричнины — по личному заказу Ивана Грозного был создан грандиозный Лицевой летописный свод. До наших дней дошло десять томов (ныне рассредоточенных по разным хранилищам) этого беспримерного в истории русской книжности труда, украшенного шестнадцатью тысячами (!) великолепных миниатюр (рис. 126), наиболее показательные из которых традиционно воспроизводятся в учебниках, энциклопедиях и книгах исторического содержания. Некоторые из томов Лицевого свода безвозвратно утрачены; среди них и том, посвященный начальной русской истории. Нет нужды говорить, что это рукописное творение носило сугубо официальный характер: все, относящееся к историографии Московского государства, было подвергнуто в нем откровенной лакировке.

Писмо собѣщаше и дошася кнѣзю
 Юрию Владимировичу Долгорукому
 и кнѣзю Святославу Ольговичу
 срезанни зѣмѣши доша . тѣмъ
 спомѣи доша .
 цесѣи земѣ
 полове
 роуто
 цѣнѣ ;

Рис. 126. Миниатюра Лицевого свода, иллюстрирующая первое упоминание Москвы в русских летописях — встречу Юрия Владимировича Долгорукого с князем Святославом Ольговичем 4 апреля 1147 года

Точно такой же тенденциозностью в пользу московских правителей грешит и знаменитая Степенная книга, авторство которой приписывают митрополиту московскому Афанасию (родился в начале XVI века — умер между 1568 и 1575 годами) — современнику и поначалу сподвижнику Ивана Грозного, в конце жизни, однако, подвергнувшемуся опале. В этом

компилятивном летописном памятнике русская история разбита на 17 степеней (ступеней), наиболее значительных с точки зрения создателя книги, откуда и ее название — Степенная.^[18] По закреплённой здесь традиции Московский царствующий дом Рюриковичей ведет свое начало от Александра Невского.

Выше уже говорилось, что первое летописное упоминание нынешней столицы России под 1147 годом не может считаться датой ее основания. Семь сакральных холмов, на коих во времена Рюриковичей построили крепостные стены (сначала деревянные, а затем и каменные), издревле, как магнит, притягивали к себе людей. Причина — их сопряженность с энергетическими потоками (подземными и надземными), оказывающими благотворно-активизирующее воздействие на человека. Но не всегда и не на всех!

Памятник Юрию Долгорукому, воздвигнутый в центре Москвы в ознаменование ее якобы 800-летия, не имеет ничего общего с исторической действительностью. Сын Владимира Мономаха, сидя на коне, не простирает десницы и не изрекает сакраментальной фразы: «Здесь будет город заложен...» Град Москва существовал давным-давно, да и прозывался до 1147 года совсем по-другому: Кучковом — по имени суздальского боярина и вассала Юрия Долгорукого Степана Ивановича Кучки (Кучко), владевшего ею в те времена. Встреча великого князя со своим подданным на берегу Москвы-реки^[19] закончилась трагически: князь приказал убить боярина за какую-то грубость. Подробности этой неловкой истории из летописей были тщательно вычищены. Но еще В.Н. Татищев располагал сведениями, что весь сыр-бор разгорелся из-за любовной связи между похотливым князем, имевшим повсюду множество любовниц, и Кучковой женой.

В Татищевой «Истории Российской» рассказано:

«Юрий, хотя имел княгиню любви достойную и ее любил, но при том многих жен подданных часто навесчал и с ними более, нежели с княгинею, веселился, ночи, сквозь на скомонех [музыка — В.Д.] проигрывая пия, препровождал, чим многие вельможи его оскорблялись, а младыя... в том ему советом и делом служили. Междо всеми полюбовницами жена тысяцкого суздальского Кучка наиболее им владела, и он все по ее хотению делал».

Собственно-то, и причиной появления Долгорукого на Москве явилось сведение счетов с мужем любимой наложницы, который попытался положить конец откровенному прелюбодеянию:

«Юрий, уведав о том, что Кучко жену посадил в заточение, оставя войско, безо всякого определения, сам с великою яростию наскоро ехал с малыми людьми на реку Москву, где Кучко жил. И, пришед, не испытую ни о чем, Кучка тотчас убил...»

Однако на этом кровавая история не закончилась. Двое сыновей Кучки были отправлены в Суздаль, а дочь Улита насильственно выдана замуж за Андрея Боголюбского. Брак оказался недолговечным, его вскоре расторгли (каким именно образом — летописи умалчивают), а Андрей женился вторично. Впоследствии вместе с братом Якимом княгиня Улита явилась вдохновительницей заговора против своего бывшего мужа, завершившегося его мученическим убиением. Так она отомстила и за смерть отца, и за отвергнутую любовь, и за смерть второго брата, ранее казненного по приказу Андрея Боголюбского. Но это уже совсем другой сюжет, не имеющий прямого отношения к поставленному вопросу: почему с XIV века именно Москва стала эпицентром судьбоносных событий русской истории.

Начальная история Москвы, как и начальная история всей Руси, покрыта непроницаемым мраком. Утвердившаяся в XV–XVI веках и благополучно дожившая до нынешних времен официозная версия об основании российской столицы Юрием Долгоруким (чей образ также был тщательно отлакирован и подсахарен) раз и навсегда поставила крест на более древних сведениях. Однако память о действительных, а не вымышленных фактах продолжала жить в устных преданиях, которые после угасания династии Рюриковичей получили письменное оформление — правда, в немало искаженной и сильно беллетризированной форме.

Речь идет о цикле так называемых повестей о начале Москвы: «Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии», «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», «О зачале царствующего града Москвы» и др. Даже Карамзин, почти безразлично относившийся к подобного рода источникам, вынужден был признать, что они основываются на живучих народных преданиях и в них содержатся несомненные остатки подлинных фактов. Впрочем, главной задачей самого Карамзина являлась вовсе не реконструкция действительной истории, преломленной сквозь призму народного сознания, а создание еще более

безупречной (в смысле ретуширования и лакировки) картины династий Рюриковичей и Романовых. Истинные же факты, которые скрепя сердце не мог отрицать даже скептически настроенный Карамзин, как раз и касаются додолгоруковского владельца Москвы Степана Ивановича Кучки (боярина, тысяцкого или кого-либо другого — в данном случае совершенно безразлично; возможно, и того и другого одновременно).

В народном сознании за три столетия перемешались и последовательность событий и даже их участники. Не изгладилось лишь ясное понимание: лютая вражда Кучковичей и Рюриковичей началась еще до появления на берегах Москвы-реки Юрия Долгорукого и не закончилась со смертью Андрея Боголюбского. Весьма вероятно, что затухающие волны былой вражды захватили и многих правителей Московского княжества, ведших свою родословную от Александра Невского, чей младший сын Даниил Александрович (1261–1303) (рис. 127) и открывает список князей Московских.

Рис. 127. Даниил Александрович, князь Московский. Миниатюра XVII века из «Титулярника»

Впоследствии боголюбивый князь Даниил был причислен к лику святых, орден, носящий его имя, по сей день считается высшей наградой Русской православной церкви, а основанный им Свято-Данилов монастырь является официальной резиденцией Патриарха Московского и всея Руси. Канонизированная биография (житие) и летописи дают лишь самые общие (и, естественно, без излишних подробностей) сведения о жизни и деяниях Даниила. Всяческие неудобные факты, как водится, были исключены безо всяких колебаний. Но осталась народная память. И пусть в ней смешаны исторические события, относящиеся к разным эпохам и лицам, — тенденции борьбы за власть и расстановка сил прослеживаются достаточно определенно.

Народные предания стоят того, чтобы хотя бы вкратце быть прокомментированными. До настоящего времени дожили и опубликованы шесть версий (редакций), и не во всех великий князь Даниил правильно величается по отчеству. Впрочем, последнее обстоятельство как раз ни о чем и не свидетельствует, ибо подобные ошибки или опiski (по незнанию либо же по рассеянности) сплошь и рядом встречаются и в обычных летописных записях: например, одна из самых популярных на Руси — Софийская первая летопись старшего извода, известная во множестве списков, говоря о смерти Даниила Александровича, называет его Ярославичем.

В народе издревле в открытую говорили об убийстве первого покровителя Москвы. Похоже, что в данном случае мы сталкиваемся с одной из неразгаданных тайн русской легендарной истории, концы которой глубоко упрятаны в воду, и, надо полагать, теперь уже навсегда. Народная легенда просуществовала в устной форме не менее трехсот лет. За это время в ней неизбежно произошло такое же художественное переосмысление и переименование исторических фактов, какое происходит во всяком произведении устного народного творчества, например в былинах. Но суть этой драматической истории сохранилась: в записанном сказании речь идет не о чем-нибудь, а именно об **убиении** князя Даниила.

Начинается сказание почти как пушкинская «Полтава»: «Богат и славен Кочубей. // Его луга необозримы...» Только в народной легенде поминается не малоросский, а московский магнат — Степан Иванович Кучка, чьи богатые владения раскинулись по берегам Москвы-реки. «И бысть у Кучка боярина, — продолжает предание — два сына красны, и не было столь хороших во всей Русской земле». Князю Даниилу понравились Кучковы сыновья, и он взял их к себе в свиту. Но одновременно юноши-красавцы приглянулись и Данииловой жене — княгине Улите,

воспылавшей к ним «блудной похотью» и склонившей к любовной связи. А чтобы муж не мешал сладким утехам, порешили любовники вообще от него избавиться — «предати злой смерти».

Случай представился очень скоро — на охоте. Как только братья остались наедине с князем, они попытались его убить, но тому удалось вывернуться и ускакать от убийц по берегу Оки, а затем, переплыв реку, спрятаться в заброшенном срубе. Над заговорщиками нависла угроза неотвратимого возмездия. Как всегда, изощренный выход нашла женщина: «Злая же та княгиня Улита (это одна из смягченных характеристик неверной жены; вообще-то, в большинстве списков она прозывается нецензурно — „блядью“. — В.Д.) наполни ей дьявол в сердце злые мысли на мужа своего, князя Даниила Александровича, аки ярому змею яда лютаго, а дьявольским и сотонинным навождением блудною похотью возлюбив милодобрых и наложников и сказала им, Кучковым детям, своим любовникам все по ряду...» А предложила коварная Улита пустить по следу приговоренного к смертоубийству князя его любимую охотничью собаку. Надо ли говорить, что верный пес очень скоро отыскал заброшенный сруб и стал перед ним вилять хвостом. Безжалостные же убийцы сначала искололи Даниила копьями, а затем отсеки ему голову.

Нетрудно убедиться, что в «Сказании об убиении Даниила» его собственная история смешана с двумя другими: во-первых, с любовными похождениями Юрия Долгорукого и убийством им в данной связи бывшего хозяина Москвы, боярина Кучки, в 1147 году (дата убийства по странной случайности стала считаться годом основания города); во-вторых, с мученической смертью Андрея Боголюбского в 1174 году (заговор против князя, как помнит читатель, был организован детьми и родичами погибшего Кучки). И наконец, третья — скоропостижная (летописи этого не отрицают) смерть 42-летнего Московского великого князя: она в народной памяти также прочно соединилась со зловещим образом все тех же Кучковичей.

Таким образом, согласно народным легендам Даниил Александрович умер насильственной смертью. Летописи же данного факта никоим образом не подтверждают, а говорят о кончине великого князя стереотипно: перед смертью, дескать, постригся в чернецы и принял схиму. Зато летописи подбрасывают совсем иную загадку: согласно общепринятой дате великий князь умер в 1303 году (лета 6811) — под сим числом его кончина зафиксирована, например, в Софийской летописи. А вот в Симеоновской летописи можно увидеть совсем другую дату — 1304 (6812) год, в Степенной книге — 1305 (6813) год. Не слишком ли большие расхождения?

И главное, никем и никак вразумительно не объясненные! Разве это не противоестественно — три совершенно разные летописные даты, касающиеся одного и того же события (смерти), которое по церковным правилам фиксировалось исключительно точно. Да и с точки зрения житейской логики: можно ли представить, что дата смерти какого-либо выдающегося деятеля XX века спустя семьсот лет будет не совпадать в различных источниках! Невольно закрадываются подозрения: со смертью князя Даниила связаны какие-то события, кои всячески пытались скрыть (а позже фальсифицировать). Народные легенды как раз и проливают достаточный свет на перипетии неясной и запутанной летописной истории.

Где похоронен князь Данила (так несколько фамильярно именует его Степенная книга) — про то также рассказано по-разному, а в некоторых ранних летописных списках сей факт почему-то вообще умалчивается. И не странно ли: оказывается, уже ко времени воцарения великого государя Ивана III могила его прапрапрадеда считалась утерянной (и это несмотря на святость усопшего), хотя и находилась не где-нибудь в Тмутаракани, а в черте стольного града Москвы. С обнаружением могилы, собственно, и связаны все чудесные знамения, о которых сообщается в летописи и в житии преподобного и благоверного князя.

В летописной Степенной книге рассказывается, как однажды великий князь Иван Васильевич (Иван III) проезжал мимо Даниловского монастыря, и вдруг конь одного из сопровождавших его телохранителей споткнулся и встал как вкопанный. Юноша опешил — перед ним возникло видение: появился незнакомый человек и изрек: «Не бойся меня, я князь Даниил Московский. Твой конь наступил копытом на место, где зарыты мои мощи. Ступай к своему господину, великому князю Иоанну и спроси у него, почему предал меня забвению?» Сказал и исчез, а юноша догнал княжий отряд и передал Иоанну волю его венценосного предка.

Что-то здесь явно не так. Не сходятся концы с концами. Может ли кто-нибудь вразумительно ответить, почему спустя полтора века никто в Первопрестольной понятия не имел, где находится могила родоначальника Московского дома? И хотя, согласно Степенной книге, Иван III велел отслужить панихиду в память о князе Данииле, место захоронения последнего по-прежнему оставалось неизвестным. Ибо через некоторое время чудо на его могиле повторилось вновь.

Как поведал летописец, спустя много лет новый великий князь Василий Иванович (сын Ивана III и отец Ивана Грозного) с большой свитой вновь проезжал мимо Даниловского монастыря. Зашли помолиться в церковь, а когда вышли назад, один из приближенных — князь Иван

Михайлович Шуйский, — садясь на лошадь, решил воспользоваться лежащим рядом валуном. Но тут стоявший поблизости крестьянин вдруг сказал ему: «Господин, не дерзай садиться с сего камня на коня своего. Знай, что здесь покоится блаженный князь Даниил Московский». Поразительна реакция государя Василия Ивановича. «Мало ли тут князей!» — сказал он, и его слова сохранились в каноническом житии. Помимо элементарного неуважения к своему предку пренебрежительная фраза свидетельствует также и о том, что могила Даниила для царственных особ и боярской элиты все также оставалась неизвестной. ***Зато в народе хорошо знали, кто погребен под заветным камнем.***

Между тем Шуйский, ободренный великокняжеской бестактностью, ступил сапогом на валун и попытался сесть на коня. Но тот вдруг стал на дыбы, а затем неожиданно пал на землю и испустил дух. Шуйского еле живого вытащили из-под коня. Он долго хворал, но когда раскаялся в дерзости своей, выздоровел. Сомневаться в приведенных в летописи и житии фактах не приходится, ибо свидетелями их были десятки (а во втором случае — может быть, и сотни людей). Помимо событийно-хронологического аспекта летописные сведения имеют, безусловно, и ноосферный аспект. Место, выбранное в свое время князем Даниилом для монастыря, ныне носящего его имя, — одна из древнейших святых, священных и эзотерических точек Москвы. Ее сакральная топология обусловлена не только географическим расположением, но также и геологической, гидрографической и геофизической природой, замыкающейся на космические закономерности.

* * *

Мужание Московского княжества, собирание вокруг него других русских земель и появление на карте мира новой великой державы пришлось на очень трудные времена в истории России. Русь под ярмом Орды. Большинство русских княжеств утратили независимость. Ярлык на великое княжение утверждается в ханской ставке, что сразу же породило нескончаемую вереницу интриг. Помимо ежегодной обременительной дани частые набеги монгольских карательных отрядов, после чего от только что отстроенных сел и городов вновь оставалось одно пепелище, а уцелевшие после резни люди угонялись в полон. Причем нередко во главе карательного войска стояли русские князья, которые и провоцировали очередную набег.

На первых порах Москва оказалась в эпицентре продолжавшихся княжеских междоусобиц, многократно усиленных теперь, однако, безжалостностью татарских репрессалий. Впервые Москву сожгли и разграбили еще в 1237 году во времена ужасающего Батыева нашествия (рис. 128). Великий погубитель Руси самолично наблюдал за штурмом и агонией города. Ах, если бы этот страшный миг оказался последним! В последующие три века татаромонголы неоднократно сжигали ее новую столицу, непрерывно возрождающуюся, подобно Фениксу из пепла. Последний раз Москва дотла сжигалась уже при Иване Грозном весной 1571 года, когда крымский хан Девлет-Гирей, воспользовавшись российскими неудачами в Ливонской войне, во главе 120-тысячного войска совершил молниеносный набег на Москву. Татары появлялись под стенами Белокаменной настолько регулярно, что две из старых улиц Замоскворечья по сей день прозываются Ордынками: по ним татарская рать двигалась к переправам через реку и знаменитому Крымскому броду (также названному по их имени), где нынче красуется Крымский мост.

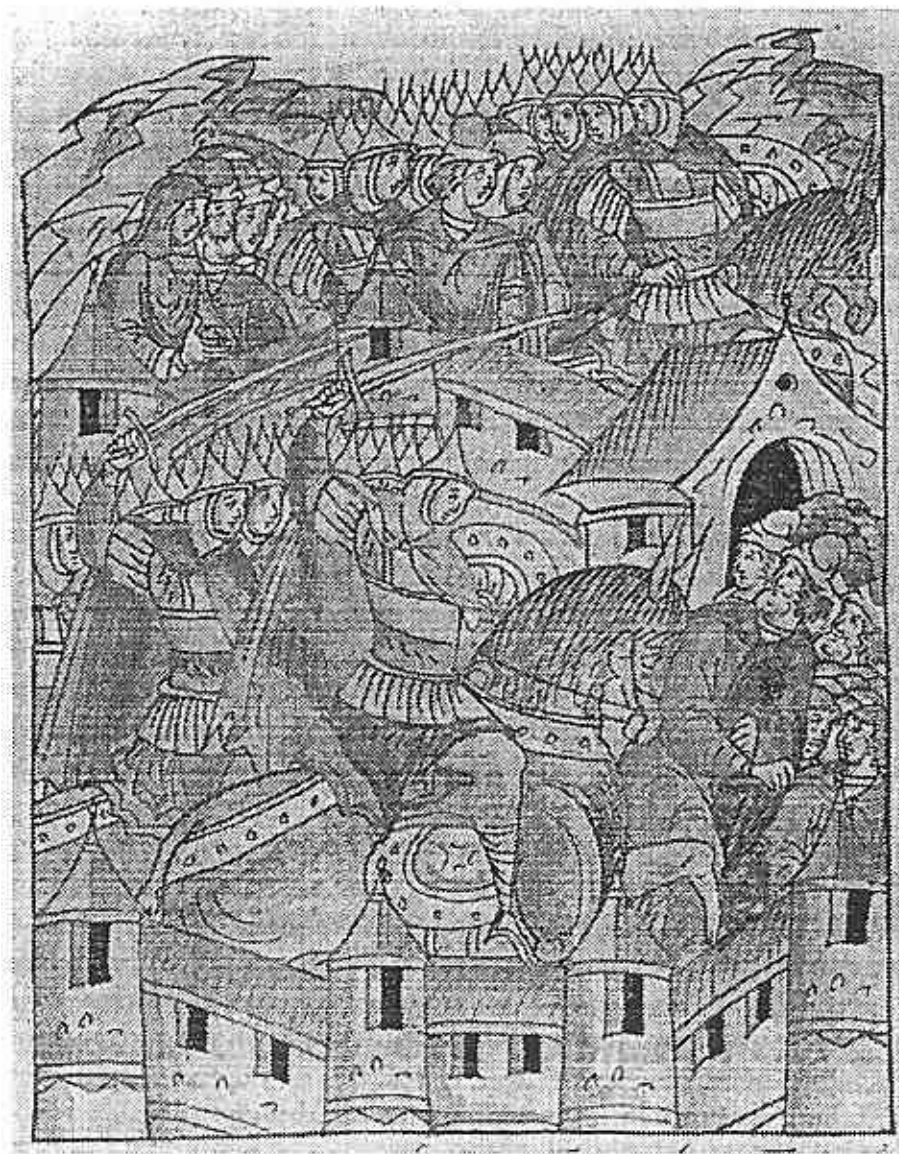

Рис. 128. Взятие и разорение Москвы Батыевой ратью в 1237 году. Миниатюра Лицевого свода

Один из самых опустошительных набегов Москва и другие русские города испытали в 1292 году. И это был как раз тот случай, когда татар на Русь привели сами же русские князья. К вящему позору возглавил их третий сын Александра Невского и старший брат московского князя Даниила — Андрей Городецкий. Поссорившись с другим своим братом — Дмитрием Переславским, он не нашел ничего лучшего как решить обычную семейную дразгу с помощью Орды. Хана Тохте долго уговаривать не пришлось, и он дал в помощь Андрею своего брата Дюденыя.

«Сопровождать» их вызвалась чуть ли не вся орда; и на сей раз ее «прогулка» по Руси во главе с русскими князьями превзошла все ужасы Батыева погрома. Симеоновская летопись сохранила подробности этой «экспедиции»:

«В лето 6801 (1292) бысть в русской земли Дюденева рать на великаго князя Дмитрея Александровичя, и взяша стольныи градъ славныи Володимеръ и Суждаль, и Муромъ, Юрьевъ, Переяславль, Коломну, Москву, Можаетскъ, Волокъ, Дмитровъ, Углече поле, а всехъ городовъ взяша Татарове 14. Скажем же, каково зло учинися русской земли. <...> Рать же Татарская съ княземъ Андреемъ и Федоромъ, пришедше въ Суждаль, и градъ весь взяша, такоже и Володимеръ взяша и церкви пограбиша, дно [пол] чюдное медяное выдраша, и книги, и иконы, и кресты честныя, и сосуды священныя, и всяко узорчье пограбиша, в села и волости, и погосты, и монастыри повоеваша и мнишьскому чину поругашася, попадьи жены оскверниша. Тако потомъ взяша Юрьевъ, и села и люди, и кони, и скоты, и имение все то пограбиша. <...> И поидоша къ Москве, и Московскаго Данила обольстиша, и тако въехаха въ Москву, и сътвориша такоже, якоже и Суждалю и Володимерю, и прочимъ городомъ, и взяша Москву всю и волости, и села...».

Другими словами, русские вместе с татарами творили в Москве такие же гнусности, как повсюду: грабили подчистую церкви, обдирали с них обшивку и до последнего гвоздя пускали на продажу, издевались всячески над священнослужителями, насиловали скопом монахинь и попадей, не говоря уж о прочих. Обычные «прелести» гражданской войны... Интересна, однако, в этом апокалипсическом действе роль московского князя Даниила. Согласно летописцу, татары его «обольстили», то есть обманули. Как именно обманули — про то теперь можно только догадываться. Но подлого обмана и погрома Москвы Даниил татарам не простил.

И здесь летописи, как всегда не слишком щедрые на подробности, преподносят еще одну загадку отечественной истории. В Воскресенской летописи содержится уникальный и исключительный по своему значению факт, который, как ни странно, игнорируется позднейшими историками либо же относится ими к разряду малосущественных или невнятных. Речь идет не больше не меньше как о разгроме большой татарской рати во время

похода на Рязань осенью 1300 года. «Одоле князь Данило и много татар изби», — повествует летописец. Официозная Степенная книга, которая, тем не менее, вобрала в себя немало фактов из ныне утраченных первоисточников, детализирует это поразительное известие: «Князь Данила Александрович некогда слыша, яко у града Рязани множество безбожных татар сбирахуся, и тамо шестова с воинством своим возбранити устремление варварское, дондеже не приидут озлобити отечество его. Переяславля Рязаньскаго множество татар победи и князя рязанского Константина изымав на Москву привиде».^[20]

Рязанский князь Константин Романович почти пять лет провел в московских застенках и был лично умерщвлен сыном Даниила Юрием, ставшим после смерти отца великим князем. Но сейчас речь пойдет не о бесчисленных нескончаемых княжеских распрях, где сильный и хитрый часто стремился, опередив соперника, физически уничтожить слабого и доверчивого. Речь пойдет о разгроме князем Даниилом татарского войска под Рязанью. Теперь можно только догадываться, насколько велико было это войско, какими судьбами оно оказалось на берегах Оки и почему после его позорного разгрома не последовало обычных в таких случаях репрессий со стороны Орды.

Главное же — совсем в другом. Оказывается, формально находясь под пятой Золотой Орды, Русь не переставала оказывать ей организованное сопротивление. Спорадические восстания вспыхивали постоянно, но в битве под Рязанью с обеих сторон участвовали, выражаясь современным языком, регулярные войска, а само побоище, как в те времена выражались летописцы, пусть в самом общем, слабом и зачаточном виде может считаться прологом Куликовской битвы. Хотя бы в психологическом плане. Последнее исключительно важно, ибо опрокидывает заезжанные, доходящие до мазохизма схемы отечественных историков. Например, В.О. Ключевского, следующим образом характеризовавшего татаромонгольское иго:

«Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала непокойного ребенка лихим татаринном,

услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиться в народную робость, в черту национального характера».

Русские хроники, казалось бы, подтверждают сказанное. Симеоновская летопись свидетельствует:

«Да еще явится где единъ татаринъ, то мнози наши не смеяхуть противитися ему; аще ли два или три, то мнози руси жены и дети мечюще, на бег обращаются».

Безусловно, многие находились в состоянии полного оцепенения и парализующего страха. Но закономерности биосферы и ноосферы неизбежно брали свое. Пассионарные очаги и отдельные вспышки русского сопротивления еще были не в состоянии преодолеть мощную пассионарную доминанту большой чужеземной орды. Но время и энергетика родной земли с центром в Москве неумолимо работали на русский народ, его вождей и духовных вдохновителей. Пройдет еще немного времени — и количество неизбежно перейдет в качество. Куликовская битва была не за горами...

* * *

Начальная история Московского княжества, а впоследствии — царства таит великое множество по сей день не разгаданных загадок. Взять, к примеру, вопрос о, так сказать, первоначальном накоплении капитала. Во главе угла данной проблемы — да и в центре ее тоже — по праву стоит одна из самых незаурядных личностей русской истории — великий князь Иван Данилович (Иван I), по прозвищу Калита (год рождения неизвестен [хороши же наши летописцы, ничего не скажешь: со смертью отца напутали, а когда родился знаменитый сын, вообще ничего не сообщили!]) — умер в 1340) (рис. 129). Кстати, имя матери Ивана Калиты, жены Даниила Александровича, в русских летописях также не сообщается. Быть может, это связано с упомянутой выше легендарной историей о ее супружеской неверности? В таком случае это лишний аргумент в пользу исторической правды, которая подчас в скрытом и иносказательном виде

сохраняется в фольклоре.

**Рис. 129. Иван Калита (современное изображение).
Художник В. Бобров**

А еще Калита считается чуть ли не первым *Тишайшим* российским правителем, хотя кровь при нем на Руси лилась так же обильно, как до него или же после. По данному поводу московские летописцы в один голос отмечали: «Седе на великомъ княженъи великии князь Иоан Даниловичъ, и бысть тишина велика христианом по всеи Руской земли на мьнога лета». Приведенный отрывок заимствован из Московского летописного свода конца XV века. Составленный примерно тогда же Рогожский летописец дает более развернутую характеристику ситуации на Русской земле: «... Бысть оттоль тишина велика 40 летъ и пересташа погании воевати Русскую землю и закалат[и] христиан и отдохнуша и упочинуша христиане отъ великыя истомы и многыя тягости и от насилия татарскаго и бысть оттоль тишина велика по всеи земли».

Хотя летописец, подобно былинному сказителю, дважды повторился насчет тишины на всей Русской земле, пассаж сей является преувеличением. Тишайшим Ивана Даниловича назвать можно только при очень богатом воображении. Не с его ли молчаливого согласия были зарезаны и обезглавлены тверские соперники — князь Александр Михайлович и его сын Федор? И разве не Калита после убийства

тверичами ханского наместника и царевича Шевкала (Чолхана) — более известного из русского фольклора под именем Щелкана Дюдентевича — привел на Русь из Орды пятидесятитысячный карательный отряд и вместе с московской дружиной учинил такой погром в Твери, что в городе несколько лет вообще нельзя было жить? А разорение Ростова Великого и расправа с его населением, замешкавшимся в силу полнейшего обнищания со сбором татарской дани? О «подвигах» посланных Калитой воевод спустя много-много лет с содроганием повествовал со слов очевидцев Епифаний Премудрый в «Житии Сергия Радонежского»:

«И когда они вошли в город Ростов, то принесли великое несчастье в город и всем живущим в нем, и многие гонения в Ростове умножились. И многие из ростовцев москвичам имущество свое поневоле отдавали, а сами вместо этого удары по телам своим с укором получали и с пустыми руками уходили, являя собой образ крайнего бедствия, так как не только имущества лишались, но удары по телу своему получали и со следами побоев печально ходили и терпели это. Да к чему много говорить? Так осмелели в Ростове москвичи, что и самого градоначальника, старейшего боярина ростовского, по имени Аверкий, повесили вниз головой, и подняли на него руки свои, и оставили, надругавшись. И страх великий объял всех, кто видел и слышал это, — не только в Ростове, но и во всех окрестностях его».

(Перевод М.Ф. Антоновой и Д.М. Буланина)

О происхождении богатства Ивана Калиты, а следовательно — и могущества Московской державы чего только не понаписано. Дескать, и самым прижимистым из всех известных князей был — другого такого вообще трудно сыскать в русской истории: каждую копейку считал, на ветер не бросал, в сундук складывал — истинный прототип пушкинского Скупого рыцаря. И из зависимых от него князей мог выжать последние соки (даже после того, как татары уже выжали вроде бы все без остатка), дабы вовремя доставить положенную дань в Орду и не вызвать гнева великого хана. А то и еще — чего проще: утаивал каким-то непонятным образом хитрющий Калита часть дани, предназначенной для ненасытной Орды (или, как бы сегодня сказали, ловко уходил от налогообложения). В недавние годы из Ивана Калиты пытались сделать даже чуть ли не

родоначальника отечественного фермерства: якобы дал он свободу (относительную, разумеется) крестьянам, а те вдохновленные неожиданно свалившимся на их голову счастьем, засыпали московские закрома хлебом, а кремлевскую казну — серебром (не чета горбачевско-ельцинскому эксперименту по созданию российских фермерских хозяйств, который обернулся для страны полным крахом и дополнительными бедами). А то вот еще экстравагантная гипотеза: оказывается, после разгрома Филиппом Красивым (при содействии Папы Римского) ордена тамплиеров в 1310 году и поголовного истребления его членов некоторые рыцари уцелели и бежали во владения Московской Руси, где правил в то время Иван Калита. И не просто бежали, но и прихватили с собой часть несметных сокровищ ордена, которые и стали основой таинственных богатств великого князя.

Не учитывается (хотя и постоянно упоминается) только один интересный источник, упомянутый в летописях, — так называемое «закамское серебро». В Новгородской первой летописи младшего извода читаем: «В лето 6840 [1332 год] <...> великий князь Иванъ прииде из Орды и възверже гневъ на Новъград, прося у них серебра закамское...». Конфликт был с трудом улажен. После внушительной демонстрации силы, в ходе которой воеводы Калиты захватили Торжок и Бежецк, новгородцы предпочли уступить. Точно так же в свое время откупились они с помощью «бесчисленного множества даров» (в Никоновской летописи данная формулировка приведена дважды) от карательной орды Дюдени, того самого ханского брата, что спалил дотла и ограбил четырнадцать городов Северо-Восточной Руси, включая Москву. Не приходится сомневаться, что львиную долю сих бесчисленных даров составляло неисчерпаемое «серебро закамское». Так что же оно, в таком случае, есть на самом деле? (В Воскресенской летописи написано несколько по-иному — «сребро Закаменьское», но это мало что меняет, ибо переносит местонахождение «серебра» в Югорскую землю, то есть в Северное Приобье, за Урал: Уральские горы в старину именовались Камнем, поэтому «Закаменьское» означает «Зауральское»).

В Новгородской первой летописи приведен и известный рассказ о походе новгородцев в Югру, то есть в то самое Закамье, откуда поступало к ним «закамское серебро»:

«[1193 г.]... В то же лето пошла из Новгорода к Югру рать с воеводой Ядреем. И пришли в Югру, и взяли город, и пришли к другому городу. И заперлись [югричи] в городе, и стояли [новгородцы] под городом 5 недель. И выслала к ним югра

[парламентеров], обманом говоря так: мы-де собираем [для вас] серебро и соболей, и иные богатства, поэтому не губите своих смердов и своей дани. Так обманывали их, а сами воинов собирали. И как собрали воинов, то выслали из города к воеводе [приглашение]: „Приходи в город, взяв с собою 12 мужей лучших“. И пошел в город воевода, взяв с собою попа Иванка Легена и иных лучших. Изрубили их [югричи в городе] накануне [праздника] святой Варвары. И выслали [приглашение] вновь, и захватили еще 30 мужей лучших, и тех изрубили, а потом еще 50. После этого сказал Савка князю югорскому: „Если, князь, не убьешь Якова Прокшинича ипустишь его в Новгород живого, то ему, князь, удастся опять воинов привести сюда и землю твою опустошить“. И повелел [князь] убить его. И сказал Яков [перед смертью] Савке: „Брат, судит тебя Бог и святая София, так как предал ты своих братьев, и встанешь с нами перед Богом, и ответ дашь за кровь нашу“. И после этих слов он был убит. А тот Савка связи поддерживал тайно с князем югорским. Тем временем изнемогли [новгородцы] от голода, поскольку стояли уже 6 недель, поддавшись на обман. А на праздник святого Николы [югричи] сделали вылазку из города и изрубили их всех. И была печаль и беда оставшимся в живых, ибо уцелело их 80 мужей. И не было вестей о них всю зиму в Новгороде...»

Исключительно важное сообщение — по всем параметрам. Одно известие о существовании в северном Приуралье и Приобье неприступной крепости, которую не могла взять новгородская рать, чего стоит. Любопытно, однако: у кого же это югричи собирали серебро? И почему именно *собирали*? Понять нетрудно: подвластные югричам северные народы выплавкой какого бы то ни было металла не занимались, так как никакими металлургическими навыками вообще не владели. Следовательно, данники именно собирали это загадочное серебро. Где? Почему? Свою версию я уже однажды высказывал — в книге «Загадки Урала и Сибири» (М., 2000). Повторю ее еще раз.

В прошлом восточные сокровища находили на Русском Севере не просто в больших, а в огромных количествах. И есть все основания полагать, что в русских летописях речь идет о великолепной коллекции иранских (главным образом) ювелирных изделий эпохи Сасанидов (III–VII века н. э.) (так называемое *сасанидское серебро*), хранящейся и экспонируемой ныне в Государственном Эрмитаже. Однако **как и почему**

старинные блюда и кувшины, бокалы и геммы попали из дворцов персидских царей и вельмож сначала на Русский Север, а оттуда в коллекцию Эрмитажа? Знают ли посетители музея, что, прежде чем оказаться на берегах Невы, бесценные сокровища долгое время находились совсем на других берегах — Оби, Вишеры, Колвы, Камы и даже Ледовитого океана (а также прилегающих к ним территорий)? Впрочем, узнать это несложно: подскажут музейные таблички. Но объяснят ли правильно сей парадокс?

В дальнейшем иранского серебра не стало на Русском Севере намного меньше. Оно-то и составило основу личной коллекции Строгановых, которая в конечном итоге незадолго до революции поступила в Эрмитаж. До этого будущие музейные экспонаты находились в Италии, и владельцы их опасались, что разразившаяся Первая мировая война отрезет им путь в Россию. Но и строгановские сокровища — всего лишь малая толика того, что в разное время было обнаружено в приполярных областях. И коллекция Строгановых — когда-то некоронованных королей этих краев — отнюдь не была самой большой. Сибирские и уральские древности собирали все кому не лень, ибо попадались они повсюду. Среди местных любителей старины особенно славилось собрание одного из чердынских купцов по фамилии Алин. Как истинный коллекционер, одержимый навязчивой идеей, он скупал и выменивал восточное серебро где только мог, не жалея никаких денег. Полубоваться восточными сокровищами стекались обыватели со всей округи, тем более что это доставляло удовольствие тщеславному хозяину. Но в самом начале XX века случился в Чердыни пожар, и дом купца Алины дотла сгорел вместе со всем добром. Сгорело все, кроме серебра, но, увы, оно расплавилось и превратилось в слитки металла. Сколько, как вы думаете, его оказалось по весу? 16 пудов! Сколько же шедевров искусства навсегда было утеряно для будущих поколений!..

Нетерпеливый читатель, наверное, недоумевает: «Позвольте, но каким же образом появилось на Русском Севере такое огромное количество сасанидского серебра, относящегося к династии персидских шахов, переставшей существовать еще в VII веке, почти за 300 лет до принятия христианства на Руси?» Хороший вопрос — ничего не скажешь! Обычно на него отвечают не задумываясь и стереотипно: «Серебряные изделия привозили для обмена на меха, высоко ценившиеся на Востоке, — вот и скопилось его здесь, в Приуралье и Приобье, такое невероятное количество». Быть может, отчасти так и было. Но вот ведь в чем незадача: не сохранилось никаких данных о персидских караванах, груженых серебром, — ни речных, ни сухопутных, — которые бы устремлялись

регулярно и на протяжении многих десятилетий (а то и веков) с Юга на Крайний Север. Не сохранилось на сей счет и никаких карт, маршрутных или географических описаний.

Более того, когда арабы низложили династию Сасанидов и включили Иран в Багдадский халифат, они стали активно использовать и давно освоенные персидскими купцами торговые пути. Собственно, и персам, принявшим ислам и ставшим подданными халифа, дорога на Север оставалась открытой. Торговые караваны мусульман по-прежнему следовали по проторенным путям, доходили до столицы Великой Булгарии на Волге, но территории на Севере оставались для них — из-за царящей в тех краях полярной ночи — сплошной Страной Мрака, населенной к тому же свирепыми племенами йаджудж и маджудж. Так что ни о каких проторенных путях на Север арабским путешественникам ничего не было известно, равно как и географам, использовавшим опыт своих персидских предшественников.

Ничего не помнят о восточных гостях и коренные жители Югры — ханты, манси, ненцы, селькупы. В их героическом эпосе, мифологических сказаниях, древних, как сам мир, песнях нет и намека на визиты арабских и, тем более, персидских синдбадов-мореходов, благодаря которым весь Обский и Приуральский Север оказался засеянным, как зубами дракона, серебряными блюдами да кувшинами. Нет, о самих предметах они знали, поскольку постоянно на них натывались, не знали только ничего об их происхождении и баснословной ценности (иначе давно бы уже нашли сокровищам, валявшимся у них под ногами, достойное применение). Да, использовали вогулы и остяки сасанидское серебро, но отнюдь не по назначению. В лучшем случае превращали его в амулеты, завертывали в холст и прятали от посторонних глаз, в худшем же — превращали в кормушку для скотины (я не утрирую — это документально зафиксированные факты). А случалось еще и так: процарапывали поверх древних рисунков изображения своих божков и духов.

Обычно происхождение закамского серебра объясняется очень просто: югричи, дескать, сами его не добывали, а получали от производителей. Но кто же тогда эти производители? Северные народы металл не выплавляли и металлургических навыков не имели. Обнаруженные повсюду на Урале следы древней добычи и переплавки руды, а также изделия из металла относятся к предшествовавшей древней цивилизации. Но самое главное даже не в этом. Дело в том, что на Урале месторождений серебра нет (в изобилии только медь и железо, не говоря уж о золоте, драгоценных камнях и самоцветах). Ближайшие месторождения серебра находятся на Таймыре,

Алтае и в Восточной Сибири (знаменитые каторжные Нерчинские рудники). Древние пути отсюда в Югру просматриваются только гипотетически. Известно, правда, еще месторождение на Печоре, но его освоение началось лишь при Иване III. Поэтому вопрос: «Откуда серебро взялось в Югре?» — остается без ответа; напротив, порождает множество новых вопросов.

В чем же в таком случае разгадка закамского серебра, если принять версию о его сасанидском происхождении? Сасаниды — последняя персидская династия, сохранявшая верность древнейшей зороастрийской религии, уничтоженной в ходе мусульманской экспансии и всепоглощающего арабского нашествия. Древние же иранцы пришли в места своего нынешнего обитания с севера после глобального катаклизма и резкого похолодания (о чем рассказывается в «Географической поэме», включенной в Авесту). Сам основатель зороастризма — пророк Заратуштра, по одной из древнейших версий, также прибыл в Иран с севера, переплыв «великое море». Следовательно, древним иранцам путь на север был известен давно и, как говорится, хорошо обкатан. Хранителями тайного знания в Древней Персии являлись зороастрийские жрецы-маги, которые — как язычники и еретики — были поголовно (и в прямом смысле — физически) уничтожены в ходе утверждения новой религии — ислама. Понятно, что наиболее секретные знания маги унесли вместе с собой в могилу. Потому-то ничего и не досталось мусульманским географам и картографам.

Но остались следы — вещественные и неуничтожимые: то самое сасанидское серебро, которое каждый теперь может увидеть в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Вопрос, однако, остается все тот же: каким образом это серебро оказалось на севере? А что если последние приверженцы зороастризма пытались спастись, захватив с собой свои сокровища и реликвии, от беспощадных мусульманских сабель и отыскать убежище на своей древней прародине, но застряли где-нибудь в Приобье и Приуралье? Так или иначе в одно прекрасное время Русский Север превратился в арктическое подобие сокровищницы легендарного царя Креза. А Господин Великий Новгород на каком-то этапе прознал про те неисчерпаемые и вполне доступные богатства. И не только прознал, но и на долгие годы (по существу — века) присосался к практически даровому источнику пополнения своей и без того не скудной казны.

Шума особого по данному поводу новгородцы никогда не устраивали, получали по договоренности с приуральскими и приобскими аборигенами изрядную толику серебряной дани, а если те забывали о долге —

направляли в Югру карательные отряды, вроде того, про который рассказывает в приведенном выше отрывке летописец. Тайну свою как могли оберегали от чужих завистливых очей, дабы не объявились другие охотники до «закамского серебра». Но, как видно из летописей, нашелся все-таки на новгородских хитрецов московский простец — по имени Иван, по прозвищу Калита, — пригрозил богатеньким новгородцам войною и вскорости получил от них все, что требовал: и собственную казну пополнил, и с золото-ордынским ханом Узбеком расплатился.

Как и все выдающиеся москвичи эпохи становления нового царства, Иван Калита получал несомненную пассионарную подпитку. Его ноосферные контакты нашли отражение и в литературе того времени. В летописях, правда, сохранились более чем скудные сведения. Зато интересные факты приведены в «Житии» русского святого — митрополита Петра (год рождения неизвестен — умер в 1326 году), ближайшего сподвижника великого князя. Именно при Калите митрополичья кафедра была переведена из Владимира в Москву, и Петр стал первым московским главой Русской православной церкви. При нем же был заложен Кремлевский Успенский собор.

Так вот, незадолго до близкой кончины митрополита Петра Ивану Калите приснился символический сон — высокая гора с вершиной, покрытой снегом. Хорошо известно, что контакты с ноосферой по большей части происходят во сне. Видение Калиты тем более знаменательно, что он в горных краях отродясь не бывал и снежных вершин никогда не видел. Неудивительно, что князь поделился странным видением со святителем Петром. Тот расшифровал сон следующим образом: «Высокая гора — ты, князь, а снег — я, смиренный, который скоро должен отойти из сей жизни в жизнь вечную». О прочем «Житие» умалчивает. Но и сказанного вполне достаточно, чтобы убедиться в ноосферной насыщенности и предопределенности многотрудного бытия московских властителей.

* * *

Итак, с местоположением, энергетическими особенностями Москвы и связанными с этим загадками более-менее ясно. Но одной географии или геофизики мало. Нужны еще люди и выдвинувшиеся из их среды пассионарные личности, способные вдохновить народ на великие деяния и подвиги. Пассионарная вспышка, помноженная на энергетику сакрального места, и привела к тому уникальному социуму, который вошел в мировую

историю под названием Московского царства. Скажем, все хорошо было во Владимире: и город великолепный, и столицей великого князя стал, и пассионарных личностей породил немало, а вот сплотить Русь против ордынской экспансии и вывести ее на передовые рубежи мировой истории не смог. Чего-то чуть-чуть не хватило. Это неуловимое чуть-чуть чувствовалось во все времена: в конце XIX века Чехов в одном из писем называл Владимир самым скучным губернским городом Российской империи. И таковым, судя по всему, он был с самого начала, ибо оказался в стороне от течения и пересечения мощных энергетических потоков.

Потенциальных же и реальных пассионариев (князей, духовных пастырей, вдохновенных художников и подвижников), которые подсознательно ощущают внутреннюю энергетику матери-земли и благотворное излучение космоса, постепенно, как магнитом, перетянуло в Московский геоактивный регион с его повышенной теллурической энергетикой и оптимальными возможностями ноосферных контактов. Сравниться с Москвой по пассионарному потенциалу могут только Урал и Сибирь — однако они появились в ожерелье современной России позднее. Даже Санкт-Петербург, хотя и расположен в зоне сочленения Фенноскандии с Русской равниной, в силу скорее исторических, чем геофизических и космоэнергетических причин не смог более двух столетий удержать звание столицы и геополитического центра страны (чаша Москвы, так сказать, на весах истории попросту перетянула). Кроме того, многие из великих деятелей русской культуры, чье творчество было так или иначе связано с Северной столицей, родились — за малым исключением — за ее пределами: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Достоевский, к примеру, так же, как и самый блестящий русский полководец-пассионарий — Суворов, по рождению москвичи.

С Москвой так было всегда: стоило только здесь появиться пассионарной личности, как она находила благодатную почву для великих дел. Лучший (но не единственный) пример — великий князь Дмитрий Иванович Донской (1350–1389) (рис. 130). Типичный пассионарий, рожденный в Москве (и умерший тут же), он подпитывался энергетикой своего родного города. Именно он — и никто другой — оказался единственным вождем, способным сплотить русских людей вокруг Москвы и привести их к победе над Золотой Ордой. Хрестоматийные примеры лучшее тому подтверждение.

Рис. 130. Дмитрий Донской

Как известно, за три года до Куликовской битвы великому князю Дмитрию Ивановичу (тогда еще не имевшему прозвание Донского) удалось убедить других князей выступить против золотоордынского воинства. На нижегородскую землю он привел дружины из Москвы, Владимира, Ярославля, Юрьева, Муром, Переяславля, но сам вскоре возвратился домой, доверив управление своему тестю — нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу. То, что случилось потом, вошло в историю как побоище на реке Пьяне (приток Суры, впадающей в Волгу). Река Пьяна вообще имеет какой-то настораживающе-мистический облик: на местности (и, соответственно, на карте) она образует петлю — так, что исток оказывается почти вблизи устья. Роковое же сражение, произошедшее в этой «петле», подробно описано в Симеоновской летописи под годом 6885 (1377):

«И собралось великое войско, и пошли они за реку за Пьяну. И пришла к ним весть о том, что царевич Арапша на Волчьей Воде. Они же повели себя беспечно, не помышляя об опасности: одни — доспехи свои на телеги сложили, а другие — держали их во вьюках, у иных сулицы оставались не насаженными на древко, а щиты и копья не приготовлены к бою были. А ездили все,

растегнув застёжки и одежды с плеч спустив, разопрёв от жары, ибо стояло знойное время. А если находили по зажитиям мед или пиво, то пили без меры, и напивались допьяна, и ездили пьяными. Поистине — за Пьяною пьяные. А старейшины, и князья их, и бояре старшие, и вельможи, и воеводы, те все разъехались, чтобы поохотиться, утеху себе устроили, словно они дома у себя были.

А в это самое время поганые князья мордовские подвели тайно рать татарскую из Мамаевой Орды на князей наших. А князья ничего не знали, и не было им никакой вести об этом. И когда дошли (наши) до Шипары, то поганые, быстро разделившись на пять полков, стремительно и неожиданно ударили в тыл нашим и стали безжалостно рубить, колоть и сечь. Наши же не успели приготовиться к бою и, не в силах ничего сделать, побежали к реке к Пьяне, а татары преследовали их и избивали. И тогда убили князя Семена Михайловича и множество бояр. Князь же Иван Дмитриевич, жестоко преследуемый, прибежал в оторопи к реке Пьяне, бросился на коне в реку и утонул, и с ним утонули в реке многие бояре и воины, и народа без числа погибло. Это несчастье свершилось второго августа, в день памяти святого мученика Стефана, в воскресенье, в шестом часу пополудни.

Татары же, одолев христиан, стали на костях и весь полон и все награбленные богатства здесь оставили, а сами пошли изгоном, не подавая вестей, на Нижним Новгород. У князя же Дмитрия Константиновича не было войск, чтобы выйти на бой с ними, и он побежал в Суздаль. А новгородские жители убежали на судах вверх по Волге к Городцу.

Татары же пришли к Нижнему Новгороду пятого августа, в среду, в день памяти святого мученика Евсигния, накануне Спасова дня, и оставшихся в городе людей перебили, а город весь, и церкви, и монастыри сожгли, и сгорело тогда в городе тридцать две церкви. Ушли же поганые иноплеменники из города в пятницу, разоряя нижегородские волости, сжигая села, и множество людей посекали, и бесчисленное количество женщин, и детей, и девиц повели в полон».

(Перевод Л.А. Дмитриева)

Практически то же самое повторилось спустя пять лет, то есть через два года после Куликовской битвы, когда в 1382 году на Русь двинулась орда хана Тохтамыша. Дмитрий (уже Донской) срочно выехал из Москвы на сбор рати, но татары, не без помощи предателей-князей обойдя русские поиски, неожиданно появились под московскими стенами и осадили город. В отсутствие великого князя москвичи растерялись, проявили малодушие, поверили лживым обещаниям Тохтамыша, который поклялся через русских посредников не трогать города, и отворили ворота. Что произошло дальше, с протокольной точностью фиксирует Новгородская (Карамзинская) летопись:

«И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них убит был князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, игуменов, хотя и были они в ризах и с крестами, и черных людей. И можно было тут видеть святые иконы, поверженные и на земле лежащие, и кресты святые валялись поруганные, ногами попираемые, обобранные и ободранные. Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на заборках, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили — лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и негде от острия меча укрыться. Лишились всего и князья, и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных затворились, но и там не спаслись, так как безбожные проломали двери церковные и людей мечами иссекли. Везде крик и вопль был ужасный, так что кричащие не слышали друг друга из-за воплей множества народа. Татары же христиан, выволакивая из церквей, грабя и раздевая донага, убивали, а церкви соборные грабили, и алтарные святые места топтали, и кресты святые и чудотворные иконы обдирали, украшенные золотом и серебром, и жемчугом, и бисером, и драгоценными камнями: и пелены, золотом шитые и жемчугом сажженные, срывали, и, со святых икон оклад содрав, те святые иконы топтали, и сосуды церковные, служебные,

священные, златокованные и серебряные, драгоценные позабирали, и ризы поповские многоценные расхитили. Книги же, в бесчисленном множестве снесенные со всего города и из сел и в соборных церквах до самых стропил наложенные, отправленные сюда сохранения ради, — те все до единой погубили. Что же говорить о казне великого князя, — то многосокровенное сокровище в момент исчезло и тщательно сохранявшееся богатство и богатотворное имение быстро расхищено было».

(Перевод М.А. Салминой)

Будет ли кто после этого оспаривать, что стержнем и нервом исторического процесса всегда выступает пассионарная личность? Это доказывает практически каждый шаг Дмитрия Донского. Но его звездным часом и кульминацией всей подвижнической и полководческой деятельности, безусловно, стала Куликовская битва (рис. 131) — судьбоносное событие русской истории.

Рис. 131. Куликовская битва. Художник В.П. Криворучко

Сама Куликовская битва (как, впрочем, и другие ей подобные эпохальные события, сконцентрировавшие максимум людской воли и энергии) принадлежит не только далекому прошлому, но также настоящему и будущему. Она оставила неизгладимый ноосферный след, скорректировав по крайней мере, если только не направив в другое русло, самый характер ноосферного воздействия космоэнергетической, психофизической и биосферной реальности на конкретные поступки отдельных людей и народных масс. Это, как никто другой, чувствовал Александр Блок. В пояснениях 1912 года к своему гениальному стихотворному циклу «На поле Куликовом» поэт писал (в многочисленных последующих изданиях эти слова, имеющие принципиальное философское значение, обычно опускались): «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди...»

Вдумайтесь только: Куликовской битве не просто суждено периодически повторяться — ей суждено повторяться в каждом из нас. Величайшая тайна духа! Вечное возвращение! Покой нам только снится! Эта мысль рефреном проходит и через блоковские строфы. «*И вечный бой!.. И нет конца!*» — вот подлинный девиз бессмертного цикла, выражающий и сакральную суть поворотного события русской истории, и его сопряженность с последующими эпохами и поколениями — ныне живущими и грядущими. Блок рисует картины великой битвы так, как будто они свершаются не в прошлом, а в настоящем и автор является их реальным участником:

*И я с вековою тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!*

*Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.*

*Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мгlistой ночной вышине.*

*Вздыхаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...*

Таков поэтический итог приобщения творческой личности к информации, навечно запечатленной в ноосфере, подсказавшей поэту родившиеся в его голове образы. Уместно сравнить с летописной записью:

«И сошлись грозно обе силы великие, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, испускали дух не только от оружия, но и от ужасной тесноты — под конскими копытами, ибо невозможно было вместиться всем на том поле Куликове: было поле то тесное между Доном и Мечею. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был треск и гром великий от преломленных копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час никак обозреть то свирепое побоище. Ибо в один только час, в мановение ока, сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий Божьих!»

(Перевод В.В. Колесова)

Ноосферную предустановленность и обусловленность Куликовской битвы ощущали и ее современники. В процитированном выше «Сказании о Мамаевом побоище», написанном почти что по горячим следам, содержится поразительный по своей ноосферной проникновенности и беспримерному гуманизму фрагмент, когда мать-земля перед Куликовской битвой плачет о детях своих — русских и татарах, которым только еще предстоит погибнуть в кровавой сече. Один из сподвижников князя Дмитрия Донского — Дмитрий Волынец — приник к земле правым ухом и услышал «землю, рыдающую двояко: одна сторона точно женщина громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень». Найдется ли в мировой литературе аналогичный образ, где бы будущие победители жалели своих лютых врагов? Не припоминается что-то. Но главное в другом: подобная мысль

могла родиться, только пройдя через глубины ноосферы и через прямое взаимодействие с ней.

* * *

Куликовская битва — яркий маяк отечественной истории, видимый отовсюду, с любой ее близкой или отдаленной точки. В дальнейшем своем социальном, политическом и экономическом развитии Московская Русь постепенно двигалась к укреплению великокняжеской власти и централизации государства, хотя бывали в этом процессе и периоды застоя, и отклонения в сторону, и катастрофические падения. Почти три четверти века длилось царствование двух следующих за Дмитрием Донским правителей России: его сына Василия I (1371–1425) и его внука Василия II, прозванного Темным (1415–1462) после своего ослепления от рук собственных братьев (правда, двоюродных) — Василия Косого и Дмитрия Шемяки. Факт отвратительный, но, к сожалению, не из ряда вон выходящий:^[21] начало непрерывной полосы ослепления неудобных конкурентов и обидчиков положил сам Василий Васильевич, приказавший выколоть глаза нескольким оппозиционерам. Изуверский способ расправы над неудобными противниками и диссидентами существовал практически на протяжении всего правления князей и царей из династии Рюриковичей. Летописи протокольно фиксировали эти события наряду с рожденьями и смертями многочисленных князей, регулярными татарскими набегами, неурожаями, небесными знамениями и т. п.

Изнурительная гражданская война, полыхавшая в те годы на просторах России не только обескровила население и элиту, доведя страну до полнейшей разрухи, но одновременно показала и полную бесперспективность для ее дальнейшего развития членения на удельные княжества и дремучего, убийственного для самого существования Руси сепаратизма — новгородского, псковского, тверского, рязанского и прочих. Во имя призрачных преимуществ феодальной демократии фанатичные приверженцы этого фантома готовы были «отложиться» от России и стать провинцией (или даже колонией) безразлично чьей: Литвы, Польши, Швеции, Ливонского ордена — лишь бы не Москвы. По существу, решался вопрос жизни и смерти России, ибо без ликвидации раздробленности страна могла бы попросту исчезнуть с карты мира как самостоятельная держава. Лекарство от застарелых сепаратистских болезней и удельнокняжеской спеси было только одно — создание мощного, единого,

централизованного государства с крепкой самодержавной властью. Эту задачу успешно решил первый государь всея Руси Иван III, а закрепил его внук Иван IV.

Глава 6

ДВА ИВАНА

(Эпоха геополитического Возрождения)

*Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:
То за трапезой сидит во золотом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич...*

Михаил ЛЕРМОНТОВ

*Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.*

Александр БЛОК

Оба — Иваны, дед и внук, оба — Васильевичи, оба — Грозные, оба — Великие, оба — жестокие пассионарии, оба — упорные строители геополитической мощи Российской державы. Их величие особенно впечатляет и наводит на философские раздумья в сравнении с тем чудовищным предательством и надругательством над их усилиями и деяниями других предков, которые позволили себе несколько политических геростратов, в одночасье и в пьяном угаре разрушивших великую державу, создававшуюся на протяжении тысячелетия двумя правящими династиями, а также талантом, потом и кровью тысяч и миллионов выдающихся или же безвестных русских людей. Даже в кошмарном сне невозможно представить, что кто-нибудь из двух Иванов вдруг взял бы и предложил удельным князьям да боярам: берите, дескать, суверенитета — сколько хотите. Да они и сегодня от одной такой мысли в гробах перевернулись бы, а каменные надгробия над их могилами в Архангельском соборе Московского Кремля заходили бы ходуном. Созидателям и собирателям — слава во веки веков! Разрушителям и транжирам не ими созданного величия и богатства — вечный и несмываемый позор!

Русская история знает шестерых Иванов, причастных к царствующим домам: Ивана I Калиту, Ивана II Красного, Ивана III Великого, Ивана IV

Грозного, Ивана Алексеевича V — сводного брата и недолгого соправителя Петра I, Ивана Антоновича VI — номинального российского императора, заключенного в Шлиссельбургскую крепость и убитого там при неудачной попытке освобождения и возведения на престол. Из шестерых два Ивана — Иван Васильевич III и его внук Иван IV, — вне всякого сомнения, могут быть смело включены в «золотую десятку» правителей России, которые внесли наибольший вклад в укрепление ее геополитического величия. (Мне лично «золотая десятка» представляется в такой последовательности: Олег Вещий, Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Александр Невский, Иван III Великий, Ивана IV Грозный, Петр I Великий, Екатерина II Великая, Владимир Ленин и Иосиф Сталин. Конечно, почти за каждым тянется бесконечная вереница теней невинно убиенных, замученных и опозоренных людей при прямом попустительстве сих властителей земли Русской; тем не менее каждый внес неоспоримый вклад в укрепление величия и процветания державы.)

* * *

Царствование Ивана III (рис. 132) подробно освещено во многих летописях — как промосковских, так и антимосковских. Среди них особняком стоит Ермолинская, названная так по имени ее заказчика и первого владельца Василия Ермолина, строительного подрядчика во времена упомянутого царствования. Он оказался очевидцем многих событий, а на страницах летописи, названной по его имени, велел отразить не только хронологию той бурной эпохи, но и собственную строительную деятельность (откуда нам известно до мельчайших подробностей: что, когда и как строилось, например, на Москве). О воцарении великого собирателя Руси и создателя мощной Российской державы здесь говорится скупко и буднично: «[1462 год]. Преставися князь великий Василей Васильевич и погребень бысть въ церкви архагела [так!] Михаила на Москве. И седе по немъ на великомъ княжении по его благословению сынъ его старейший, князь великий Иванъ...»

Рис. 132. Иван III. Немецкая гравюра

И далее более чем сорокалетнее царствование Ивана III освещается во всех подробностях и деталях. Казалось бы, ничего не упущено, все попало в поле зрения летописца. Но нет — остается очень много недоговоренностей и неясностей, иногда приходится читать между строк. Не в последнюю очередь это касается семейной жизни нового царя и его сложных отношений с многочисленной родней. Первой женой царя Ивана стала княжна Мария Тверская. Брак преследовал прежде всего политическую цель — окончательное замирение строптивой Твери и нейтрализацию ее великокняжеских амбиций. Венчание молодых состоялось, когда жениху было всего двенадцать лет (о возрасте невесты летописи умалчивают, но, надо полагать, она не была старше суженого). Через пять лет родился первенец, названный в честь отца Иваном. Вскоре он стал официальным престолонаследником и получил династическое прибавление к своему имени — Молодой.

Любил ли царь Иван свою супругу-тверичанку, сказать теперь доподлинно трудно. Во всяком случае, когда она скоропостижно скончалась через пятнадцать лет после свадьбы, муж на похороны в Москву не приехал, хотя находился совсем рядом — в Коломне. Спустя пять лет, в ноябре 1472 года, Иван III женился вторично, избрав себе в невесты

царевну Зою — племянницу последнего византийского императора Константина Палеолога, убитого турками после взятия Царьграда. Вместе с уцелевшими членами императорской семьи Зоя жила в Италии под покровительством Папы Римского, но православной веры не меняла и быстро согласилась на предложение выйти замуж за русского царя. В России Зоя получила имя Софьи, а по имени отца еще и отчество — Фоминична. Имея такую родословную, да еще и европейское воспитание, была Софья Фоминична Палеолог, безусловно, женщиной властной, гордой, заносчивой и норовистой, чувствовала себя в «варварской» России не вполне в своей тарелке и, естественно, компенсировала моральный ущерб дворцовыми интригами — в духе византийских традиций.

Поводов поинтриговать в столице Московского царства было предостаточно. Но главным камнем преткновения неизбежно стал вопрос о наследнике престола. Софья Фоминична нарожала русскому царю кучу детей — пятерых сыновей и несколько дочерей. Между тем официальными престолонаследниками долгое время оставались дети и внуки по линии первой жены: сначала Иван Молодой, затем (после его неожиданной смерти) — его сын и внук царя Дмитрий. Странно было бы предположить, что Софья Палеолог, в чьих жилах текла кровь коварных византийских императоров, могла безучастно относиться к сложившейся ситуации. В начале 1498 года 14-летний Дмитрий-внук был торжественно коронован («венчан на царство») в Успенском соборе Московского Кремля. Царица Софья и ее многочисленные сторонники пытались предотвратить нежелательную для них акцию. Быстро созрел и оформился заговор в пользу Василия — старшего сына от второго брака, чье рождение сопровождалось чудесными знаменами.^[22] Предполагалось убить Дмитрия-внука, а Василия перевезти в Вологду вместе с государственной казной и вынудить царя Ивана пойти на условия, продиктованные заговорщиками.

Однако заговор был раскрыт (не обошлось, как всегда, без «стукачей»). Потенциальные исполнители были четвертованы на льду Москвы-реки (некоторым в виде особой милости было позволено отрубить только головы). Несколько женщин из окружения царицы, коим вменялось колдовство с целью извести законного наследника, утопили в проруби, царевича Василия посадили под стражу, а главную вдохновительницу заговора царицу Софью прогнали из Кремля — с глаз долой. Но царь Иван, видимо, позабыл, что имеет дело не с совестливой русской женщиной, а с беспринципной византийкой и хитроумной гречанкой.

Не прошло и года, как ситуация изменилась коренным образом. К

сожалению, летописцы умалчивают (и это до сих пор одна из неразгаданных тайн русского летописания), каким именно образом Софье удалось убедить мужа, что ее оклеветали. Надо полагать, аргументы показались более чем убедительными, ибо уже в следующую за коронованием наследника зиму на лед Москвы-реки скатились совсем другие головы. Иван не пощадил даже рода князя Рязановского, которому был обязан жизнью: в год ослепления отца — Василия Темного — Рязановские укрыли и спасли малолетнего княжича Ивана от посланных Дмитрием Шемякой убийц. Софья Палеолог снова торжествовала: царь вернул ей свою любовь, а их сына Василия сделал своим официальным преемником. Судьба же Дмитрия-внука оказалась печальной: он подвергся опале, а после смерти Ивана III, последовавшей в 1505 году, по приказу нового царя и сводного брата Василия был схвачен, закован в цепи и брошен в темницу, где спустя четыре года скончался при невыясненных обстоятельствах.

Вообще-то московские летописцы старательно обходят скользкие моменты, связанные как с этим, так и с последующими царствованиями. Зато уж они не жалели ярких красок и эпитетов для восхваления грозного властителя государства Российского. Они точно прониклись тем общим пассионарным духом, который был присущ самому царю Ивану, его ближайшим сподвижникам и всему московскому люду, что ковал мощь и величие Российской державы. В частности, это проявилось во время борьбы с новгородским сепаратизмом. Независимая и богатая Новгородская республика, не знавшая татаромонгольского ига, в своем соперничестве с Москвой дошла до последнего предела: готова была поступиться общерусскими интересами и перейти в подданство польского короля. Вождем и идейным вдохновителем антимосковской партии волею случая стала вдова новгородского посадника Марфа Борецкая и ее дети. Правда редко бывает на стороне государственных изменников и предателей. Так случилось и с новгородскими самостийниками. Они не вняли даже небесным знамениям и ноосферным предупреждениям, явственно предупреждавших о плачевном исходе их черных замыслов. Одна из псковских летописей сообщает:

«...И в четверг (30 ноября 1475 года) на ту ночь бысть чудо дивно и страха исполнено: стряхнувшиеся Великои Новгород против князя великого, и бысть пополох во всю ночь сильнее по всему Новуграду. И ту же ночь видеша и слыша мнози вернии, как столп огня стоящ над Городищем от небеси до

земля, тако же и гром небеси, и по сих ко свету не бысть ничто же, вся си Бог укроти своею милостью; яко же рече пророк: не хочет бо Бог смерти грешничи, но ждет обращения».

Во ту же пору случилось страшное видение и у Савватия Соловецкого: оказавшись по делам монастыря в Новгороде и попав на пир в терем Марфы Борецкой, он вдруг увидел бояр, сидевших за столом, безголовыми, и предсказал их скорую гибель. Рядовые новгородцы не желали сражаться за неправо дело и не считали Москву смертельным врагом: их гнали в бой насильно и путем устрашения: «А новгородские посадники, и тысяцкие, и с купцами, и с житыми людьми, и мастера всякие или, проще сказать, плотники и гончары, и прочие, которые отродясь на лошади не сидели и в мыслях у которых того не бывало, чтобы руку поднять на великого князя, — всех их те изменники силой погнали, а кто не желал выходить на бой, тех они сами грабили и убивали, а иных в реку Волхов бросали...»

В новгородской эпопее пассионарное воодушевление москвичей переломило апатию во много раз превосходящего большинства новгородцев. Последние думали прежде всего о своей мощи, первые — об интересах Родины. Во всех летописях с разными подробностями описывается знаменитая битва на реке Шелони 14 июля 1471 года, где немногочисленная московская рать под водительством князя-пассионария Данилы Холмского наголову разгромила многократно превосходящее ее новгородское ополчение. Карамзин суммировал рассказы различных летописей в общую впечатляющую картину (6-й том, целиком посвященный царствованию Ивана III, многими признавался лучшим во всей 12-томной «Истории Государства Российского»):

*«В самое то время, когда Холмский думал переправляться на другую сторону реки, он увидел неприятеля столь многочисленного, что Москвитяне изумились. Их было 5000, а Новгородцев от 30 000 до 40 000: ибо друзья Борецких еще успели набрать и выслать несколько полков, чтобы усилить свою конную рать. [Июля 14]. Но Воеводы Иоанновы, сказав дружине: „настало время послужить Государю; не убоимся ни трехсот тысяч мятежников; за нас правда и Господь Вседержитель“, бросились на конях в Шелонь, с крутого берега, и в глубоком месте; однако ж никто из Москвитян не усомнился следовать их примеру; никто не утонул; и все, благополучно переехав на другую сторону, устремились в бой с восклицанием: **Москва!***

*Новгородский летописец говорит, что соотечественники его бились мужественно и принудили Москвитян отступить, но что конница татарская [татары были союзниками царя Ивана во время первого похода на Новгород. — В.Д.], быв в засаде, нечаянным нападением расстроила первых и решила дело. Но по другим известиям [в большинстве летописей. — В.Д.] Новгородцы не стояли ни часу: лошади их, язвимые стрелами, начали сбивать с себя всадников; ужас объял Воевод малодушных и войско неопытное; обратили тыл; скакали без памяти и топтали друг друга, гонимые, истребляемые победителем; утомив коней, бросались в воду, в тину болотную; не находили пути в лесах своих, тонули или умирали от ран; иные же проскакали мимо Новгорода, думая, что он уже взят Иоанном. В безумии страха им везде казался неприятель, везде слышался крик: **Москва! Москва!** На пространстве двенадцати верст полки Великокняжеские гнали их, убили 12 000 человек, взяли 17 000 пленников, и в том числе двух знатнейших Посадников, Василия Казимера с Дмитрием Исаковым Борецким; наконец утомленные возвратились на место битвы...»*

Усмирение и умиротворение Новгорода сопровождалось жесточайшими репрессиями. Летописцы сообщают о них с леденящими душу подробностями. После Шелонской битвы на пепелище Старой Руссы великий князь Московский самолично учинил показательную расправу над приверженцами новгородской самостийности и сторонниками Марфы Посадницы. Для начала у рядовых пленных отрезали носы, губы и уши и в таком виде отпустили по домам, чтобы всем показать, что впредь ожидает тех, кто осмелится восстать против верховной московской власти. Пленных же воевод вывели на старорусскую площадь, и, прежде чем отрубить им головы, у каждого предварительно вырезали язык и бросили на съедение голодным псам. Страшно? Конечно! Жестоко? Безусловно! Бессмысленно? Но ведь новгородцы не внимали словам разума и убеждения. Увещательных грамот им было отправлено предостаточно. И если бы царь Иван и дальше продолжал слать грамоты и ждать, когда их обсудит вече и примет решение путем голосования, то сегодня Новгород (а за ним и Псков) являлись бы шведскими или польскими городами, а внешняя-граница России проходила бы негде-то от Москвы, где-нибудь под Можайском (как это и было в середине XV века).^[23]

Победоносный клич «**Москва! Москва!**», прозвучавший впервые на

Шелони, впоследствии распространится по всей необъятной территории новой и разрастающейся вширь России. А пока что великому государю Ивану Васильевичу приходилось железной рукой бороться на два фронта: изнутри державу расшатывали удельные князья и новгородские сепаратисты, извне непрерывно досаждали традиционные враги Руси, и в первую очередь — татары. О том каково приходилось в ту пору русским людям, поведано в бесхитростном рассказе Афанасия Никитина, предпринявшего свое беспримерное «хождение за три моря» в Индию как раз в то самое время, когда Иван вступил в смертельную схватку с Марфой Посадницей (и до татар у него еще не доходили руки):

«Плывем мы мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: „Качма — не бегите!“ А мы этого ничего не слыхали и бежим себе под парусом. За грехи наши послал царь за нами всех своих людей. Настигли они нас на Богуне и начали в нас стрелять. У нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили. А меньшее наше судно у еза застряло, и они его тут же взяли да разграбили, а моя вся поклажа была на том судне.

Дошли мы до моря на большом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут они нас настигли и велели судно тянуть вверх по реке до еза. И судно наше большое тут пограбили и четыре человека русских в плен взяли, а нас отпустили голыми головами за море, а назад, вверх по реке, не пропустили, чтобы вести не подали.

И пошли мы, заплакав, на двух судах в Дербент; в одном судне посол Хасан-бек, да тезики, да нас, русских, десять человек, а в другом судне — шесть москвичей, да шесть тверичей, да коровы, да корм наш. И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег. И тут стоит городок Тарки, вышли люди на берег, да пришли кайтаки и всех взяли в плен...».

(Перевод Л.С. Скеменова)

Отвлекаясь от общей линии рассказа о царствовании Ивана III, нельзя не подивиться и дальнейшему повествованию Афанасия Никитина — хотя бы потому, что его знаменитое «Хождение» — вовсе не отдельная и самостоятельная книга, а органические летописные вставки: наиболее ранние тексты включены в Софийскую вторую и Львовскую летописи.

Русские люди всегда стремились открыть для себя иные миры и сами всегда были открыты для остального мира. Поэтому так живо и по сей день читается Афанасьев дневник (как будто видишь «чудеса Индии» собственными глазами):

«И тут Индийская страна, и люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети рождаются каждый год, а детей у них много. И мужчины, и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много — дивятся белому человеку. У тамошнего князя — фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних — фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят — фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А женщины ходят — голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт.

Из Чаула пошли посуху, шли до Пали восемь дней, до Индийских гор. А от Пали шли десять дней до Умри, то город индийский. А от Умри семь дней пути до Джуннара.

Правит тут индийский хан — Асад-хан джуннарский, а служит он мелик-ат-туджару. Войска ему дано от мелик-ат-туджара, говорят, семьдесят тысяч. А у мелик-ат-туджара под началом двести тысяч войска, и воюет он с кафарами двадцать лет: и они его не раз побеждали, и он их много раз побеждал. Ездит же Асад-хан на людях. А слонов у него много, и коней у него много добрых, и воинов, хорасанцев, у него много. А коней привозят из Хорасанской земли, иных из Арабской земли, иных из Туркменской земли, иных из Чаготайской земли, а привозят их все морем в тавах — индийских кораблях.

И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю, и дошел с ним до Джуннара, с Божьей помощью, здоровым, и стал он мне во сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня. Зимовал я в Джуннаре, жил тут два месяца. Каждый день и ночь — целых четыре месяца — всюду вода да грязь. В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все съестное. Вино у них делают из больших орехов, кози гундустанские называются, а

брагу — из татны. Коней тут кормят горохом, да варят кхичри с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни. В Индийской земле кони не водятся, в их земле рождаются быки да буйволы — на них ездят и товар и иное возят, все делают.

Джуннар-град стоит на скале каменной, не укреплен ничем, Богом огражден. И пути на ту гору день, ходят по одному человеку; дорога узка, двоим пройти нельзя.

В Индийской земле купцов поселяют на подворьях. Варят гостям хозяйки, и постель стелют хозяйки, и спят с гостями. Если имеешь с ней тесную связь, давай два жителя, если не имеешь тесной-связи, даешь один житель. Много тут жен по правилу временного брака, и тогда тесная связь даром, а любят белых людей».

Во времена Ивана III Россия и сама в полную силу, во всей своей необъятности и величии, открылась остальному миру, который с удивлением обнаружил в недавнем татарском улусе мощнейшую европейскую державу и удачливого соперника. Заслуга эта опять-таки бесспорно принадлежит Ивану III. С владычеством Орды, как хорошо известно из любого учебника, было покончено осенью 1480 года во время знаменитого стояния на Угре. Тогда две огромные рати — русская и татарская — застыли в немом оцепенении на разных берегах притока Оки, по странной прихоти судьбы запечатлевшем в своем названии другое страшное нашествие полутысячелетней давности — угорской (венгерской) миграции из Северного Приобья в Подунавье через территорию Руси.

Конец общеизвестен — он воодушевленно описан во всех летописях того времени. В Типографской летописи про то говорится так: «Тогда-то и свершилось преславное чудо пречистой Богородицы: когда наши отступали от берега, татары, думая, что русские уступают им берег, чтобы с ними сражаться, одержимые страхом, побежали». (Софийская первая летопись добавляет: «ведь были татары нагие и босые, ободрались все».) В заключение пафос летописца достигает апогея:

«О храбрые, мужественные сыновья русские! Потрудитесь, чтобы спасти свое отечество, Русскую землю, от неверных, не пощадите своей жизни, да не узрят ваши очи пленения и разграбления домов ваших, и убиения детей ваших, и поруганья над женами и детьми вашими, как пострадали иные великие и

славные земли от турок. Назову их: болгары, и сербы, и греки, и Трапезунд, и Морея, и албанцы, и хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа, и другие многие земли, которые не обрели мужества и погибли, отечество загубили, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам, воистину несчастные и бездомные, и много плача, и слез достойные, укоряемые и поносимые, оплевываемые за отсутствие мужества. Люди, которые сбежали с многим имуществом, и с женами, и с детьми в чужие страны, не только золото потеряли, но и души и тела свои погубили и завидуют тем, кто тогда умер и не должен теперь скитаться по чужим странам бездомными. Ей-богу, видел я своими грешными очами великих государей, бежавших от турок с имением, и скитающихся, как странники, и смерти у Бога просящих, как избавления от такой беды. И пощади, Господи, нас, православных христиан, молитвами Богородицы и всех святых. Аминь».

(Перевод Я.С. Лурье)

Победа над Ордой видится летописцу в живом контексте всемирной истории и теснейшим образом увязывается с общей судьбой славянства, когда после взятия Константинополя турками в мае 1453 года у православного мира осталась последняя надежда — Россия.

* * *

Именно в царствование Ивана III окончательно оформилась объединительная — во всероссийском и всемирном масштабе — национальная идея: «Москва — третий Рим». Символично и знаменательно, что родилась она не на берегах Москвы-реки, а в Пскове — одном из главных гнезд российского сепаратизма. Сие свидетельствует прежде всего о том, что осознание необходимости общероссийского единения под эгидой Москвы стало повсеместным и проникло во все слои общества. После падения Византийской империи стала очевидна и мессианская роль России — главной наследницы и хранительницы православных традиций. Эту общерусскую идею, которая остается крылатой и по сей день, провозгласил старец и игумен псковского Спасо-Елизарова монастыря Филофей (ок. 1465 — ок. 1542). Впоследствии в

специальном послании к великому князю он писал:

«И если хорошо урядишь свое царство — будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима, и как выше тебе написал, так и теперь тебе говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать».

В царствование Ивана III Россия пережила и серьезнейшее идеологическое потрясение: в Новгороде, а затем и в Москве, подобно заразе, распространилась так называемая ересь «жидовствующих», охватившая самые различные слои русского люда. Борьба с ересью потребовала мобилизации всех духовных сил лучших представителей православной церкви, что было особенно трудно, так как поначалу на закордонную пустышку клюнул и отнесся к ней не без благосклонности сам Иван III. По счастью, Государь всея Руси был быстро образумлен и направлен на путь истинный главным ниспровергателем ереси «жидовствующих» Иосифом Волоцким (1439/40-1515).

А начиналось все просто и невинно. Находясь под непрекращающимся давлением Москвы и изнемогая от внутренних противоречий, одна из антимосковских группировок, ориентировавшихся на Литву, пригласила в 1470 году в Новгород литовского князя Михаила Олельковича. В его свите прибыл и иудей-караим по имени Схария (Захарий Скара). Князь Михаил вскоре возвратился домой, а Схария не только остался, но и пригласил из Литвы еще двух ученых евреев. Вместе они-то и развернули в Новгороде тайную еретическую пропаганду — сначала среди православного духовенства, а затем и среди мирян, загипнотизировав всех своими пророчествами и посулами.

Вот как звучит та же история в гневном и обличительном слове преподобного Иосифа Волоцкого, посвятившего ереси жидовствующих объемистый полемический трактат под названием «Просветитель» (фрагмент приводится в каноническом церковном переводе):

«...В то время жил в Киеве жид по имени Схария, и был он орудием диавола — был он обучен всякому злодейскому изобретению: чародейству и чернокнижию, звездочетству и астрологии. Он был известен правившему тогда князю по имени Михаил, сыну Александра, правнуку Вольгирда, истинному христианину, по-христиански мыслящему. Этот князь Михаил в

6979 (1470) году, в дни княжения великого князя Ивана Васильевича, приехал в Великий Новгород, и с ним — жид Схария. Жид прельстил сначала попа Дениса и соблазнил его в жидовство; Денис же привел к нему протопопа Алексея, служившего тогда на Михайловской улице, и этот также отступил от непорочной христианской веры. Потом прибыли из Литвы и другие жидаы — Иосиф Шмойло-Скаравей, Мосей Хануш. Алексей же и Денис так старались укрепиться в жидовской вере, что всегда пили и ели с жидами и обучались жидовству; и не только сами учились, но и жен и детей своих учили тому же. Они захотели обрезать по вере жидовской, но жидаы им не разрешили, говоря: если проведает об этом христиане, то увидят и разоблачат вас; держитесь своего жидовства втайне, а внешне будьте христианами. И переменили им имена: назвали Алексея Авраамом, а жену его Саррой. Впоследствии Алексей многих научил жидовству: своего зятя Ивашку Максимова, его отца попа Максима и многих еще попов, дьяконов и простых людей. Поп Денис также научил многих жидовствовать: протопопа Гавриила Софийского, Гридю Клоча; Гридя же Клоч научил жидовству Григория Тучина, чей отец имел в Новгороде большую власть. И многих еще они научили — вот имена их: поп Григорий и сын его Самсонка, Гридя, дьяк Борисоглебский, Лавреша, Мишука Собака, Васюк Сухой, зять Дениса, поп Федор, поп Василий Покровский, поп Яков Апостольский, Юрька Семенов, сын Долгого, еще Авдей и Степан клирики, поп Иван Воскресенский, Овдоким Люлиш, дьякон Макар, дьяк Самуха, поп Наум и многие другие; и они совершали такие беззакония, каких не совершали и древние еретики».

Талмудический дурман распространился среди новгородцев с быстротой эпидемии. Отчего же вдруг возник такой повальный психоз и православные люди, и в том числе многие священнослужители, враз клонули на иудаистическую казуистику? Причин тут много, но воздействовали они комплексно. Первая причина — политическая: боязнь московской экспансии и неприятие всего московского (отсюда — постоянные заигрывания с неправославными соседями, в том числе с Речью Посполитою, Ливонией и Швецией). Вторая причина — гуманистическая: русские всегда тянулись к новому знанию, а ученые

иудеи привезли в Новгород последние достижения европейской науки и множество доселе неизвестных на Руси книг по астрономии, астрологии, логике, гадательной практике и т. п. Наконец, третья причина, обусловившая массовый интерес к пропаганде Схари и его приверженцев, — эсхатологическая, связанная с ожиданием в скором времени Конца света и Страшного суда.

По христианскому летосчислению в 1492 году завершалось 7-е тысячелетие от библейского сотворения мира (5508 лет до Рождества Христова + 1492 года после Рождества Христова = 7000 лет). Мистическая, идущая от язычества вера в тайный смысл цифры 7 привела христианский мир к выводу: близится день Страшного суда, мир движется к своему концу. В православных пасхалиях исчисление празднования Пасхи — Воскресения Христова доводилось только до 1491 года, а применительно к роковому 1492 году делались приписки: «горе, горе достигшим до конца веков» или «зде страх, зде скорбь, аки в распятии Христове сей круг бысть, сие лето и на конце явися, в нем же чаем и всемирное твое пришествие».

Светопреставления ждали со страхом и трепетом, оно казалось неотвратимым, была даже объявлена точная дата — в ночь на 25 марта 1492 года. И вот в этой обстановке полной обреченности и безнадежности вдруг появляются три ученых еврея, которые, опираясь на Тору и Талмуд, заявляют: по иудаистическому летосчислению от сотворения мира и до Рождества Иисуса из Назарета, объявленного впоследствии Христом, прошло вовсе не 5508 лет, а всего лишь 3761 год. Следовательно, до конца мира еще очень и очень далеко, и как тут не посмеяться над «пужанием» православных священников и монахов и не усомниться в истинности христианских догматов.

И православные новгородцы, а вслед за ними и москвичи, досель слыхом не слыхавшие ни о какой талмудической или каббалистической премудрости, с ходу отказывались от символа веры и догмата Святой Троицы (по иудаистическим канонам признается только Бог-отец — Яхве; Христос же был простым смертным, поделом распятым, истлевшим и никогда не воскресавшим; ну а Святой Дух — всего лишь «сотрясение воздуха», то есть дыхание). Это только один из шестнадцати еретических тезисов, отстаиваемых «жидовствующими», которые были подвергнуты беспощадной критике Иосифом Волоцким в его «Просветителе». Безусловно, богословско-схоластическая сторона религиозной крамолы играла при этом далеко не последнюю роль.

«Гнусный идолопоклонственный волк, облачившийся в

пастырскую одежду, напоял ядом жидовства встречавшихся ему простолудинов, других же этот змей погибельный осквернял содомским развратом. Обьедаясь и упиваясь, он жил как свинья и всячески бесчестил непорочную христианскую веру, внося в нее повреждения и соблазны. Он хулил Господа нашего Иисуса Христа, говоря, что Христос сам себя назвал Богом; он возводил многие хулы и на Пречистую Богородицу; божественные Кресты он выбрасывал в нечистые места, святые иконы сжигал, называя их истуканами. Он отверг евангельское учение, апостольские уставы и творения всех святых, говоря так: ни Царства Небесного, ни второго пришествия, ни воскресения мертвых нет, если кто умер, значит — совсем умер, до той поры только и был жив. И с ним многие другие — ученики протопопа Алексея и попа Дениса: Федор Курицын, дьяк великого князя, Сверчок, Ивашко Максимов, Семен Кленов и многие другие, тайно придерживавшиеся разнообразных ересей, — учили жидовству по десятисловию Моисея, держались саддукейской и месалианской ересей и внесли многое смятение. Тех, кого они знали как благоразумных и сведущих в Священном Писании, они не смели обращать в жидовство, но, ложно перетолковывая им некоторые главы Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, склоняли к своей ереси и учили различным измышлениям и звездочетству: как по звездам определять и устраивать рождение и жизнь человека, — а Священное Писание они учили презирать как пустое и ненужное людям. Людей же менее ученых они прямо обучали жидовству. Не все уклонялись в жидовство, но многие научились от них порицать Священное Писание, и на площадях и в домах спорили о вере, и сомневались».

Как свидетельствует Иосиф Волоцкий, некоторые из «жидовствующих» дошли до того, что начали настоятельно требовать совершить над ними обряд обрезания, чему, однако, воспрепятствовали их еврейские наставники, опасаясь возможных репрессий. Последние не заставили себя ждать. Ересь была изобличена, осуждена высшим церковным судом и люто подавлена: еретиков хватали, зверски пытали и в большинстве своем сжигали на костре. Судьба самого Схарии неизвестна: по одним сведениям он был сожжен с группой новгородцев, по другим — ученому смутьяну удалось бежать в Крым.

Так в общих чертах излагалась история ересиарха в литературе вплоть

до XX века. Исследователи опирались на данные, содержащиеся в церковных документах XV столетия и сочинениях Иосифа Волоцкого, коим нельзя не доверять. Однако сравнительно недавно в научный оборот были введены факты, проливающие новый свет на биографию Схарии (подробное изложение этого вопроса и ссылки на труднодоступные источники, опубликованные в малотиражных периферийных изданиях, можно найти в книге: Кожин В.В. История Руси и русского слова М., 1999. С. 432–440). Согласно обнаруженным документам, Захарий Схария (точное имя Заккария-Схария) был сыном богатого и знатного генуэзского торговца, обосновавшегося на Таманском полуострове и вступившего в брак с черкесской княжной. Генуэзцы до вытеснения их турками-османами занимали прочные позиции в Крыму, на противолежащем Таманском полуострове, побережье Черного и Азовского морей, где они воздвигали крепости (их останки до сих пор сохранились), основывали фактории, успешно торговали с пестрым и многоязычным населением, плели политические интриги и даже участвовали в Куликовской битве на стороне Мамаю.

Противоречат ли новые данные ранее бытовавшим представлениям об источниках и вдохновителях русских «жидовствующих»? Вряд ли — скорее, они конкретизируют ситуацию. Хотя караимы и представляют собой небольшую тюркоязычную народность, исповедующую упрощенный иудаизм, во мнении непосвященных или же слабо разбирающихся в этнических, лингвистических и религиозных тонкостях караимство — это прежде всего еврейство, а потом уже все остальное. Кроме того, хорошо известно, что среди генуэзских купцов, банкиров и ростовщиков было множество евреев, принявших христианство или же тайно исповедовавших иудаизм. Имеются данные (не всеми, однако, поддерживаемые), что сыном именно такого генуэзского еврея был Христофор Колумб, деятельность которого, кстати, начиналась примерно в то же самое время, что и деятельность Схарии. Но кем бы ни был Схария, так сказать, по крови — не подлежит сомнению его интерес и глубокие познания в иудейской догматике, астрологии и каббалистике. Потому-то в русских письмах и грамотах его совершенно обоснованно именуют «евреянином» и «жидовином». И еще Таманским князем — чем и объясняется его возможность прямого, хотя и письменного, общения с представителями царской фамилии. Известно, что под его непосредственное влияние попала Елена Волошанка — дочь молдавского господаря и супруга наследника престола, рано умершего Ивана Молодого — сына от первого брака Ивана III.

Русские летописи с разными подробностями уделяют пристальное внимание этому — одному из самых потрясающих — событию в идеологической жизни средневековой Руси. Суров, лаконичен и одновременно емко Мазуринский летописец:

«Лета 6999-го в октябре приидоша же на Москве к державному и к митрополиту Зосиме новгородские еретицы. Зосима еще не ведуще про них, яко той есть начальники и учителя еретиком; Зосиме же творяшеся — христианская мудрствуют. И повеле проклинати еретиков: новгородскаго протопопа Гавриила и попа Дениса и многих, тако мудрствующих. И инии же послани суть от державного в Великий Новгород ко архиепископу Генадию по ево писанию на еретиков. Он же повеле их посажати на кони во вьючные седла и одежду их повеле обращати передом назад и хрептом обращати ко главам конским, яко да зрят на запад, во уготованный им огонь, а на главах повеле им возложити шлемы берестенные острые, яко бесовские, а еловцы мочальные, а венцы соломяные с сеном смешаны, а мишени писаны на шлемех чернилом: „Сей есть сатанино воинство“. И повеле на лошадях водити их по граду и сретающим их повеле плевати на них и глаголати: „Сей есть врази божий, христианский хульницы“. Потом же повеле их вести от града 40 поприщ и шлемы на главах их повеле сожещи, хотя устрашити и прочая еретики. Инии же от державнаго осуждаются в заточение. Видяще же иже на Москве еретицы, Федор Курицын и брат его Волк, и слышавше, елико пострадаше в Великом Новгороде еретицы от владыки Геннадия, печалию оскорбишася о сем и абие умыслиша сице, приходят к державному и молят, яко да шлет в Великий Новгород, в Юрьев монастырь, архиморита чернца, его же сами научиша, Касияна, ереси и жидовству. Великий же князь повеле ему быти. Он же приим область от державнаго и пришед в Великий Новгород. Архиморит Касиян начал жити в Юрьеве монастыре и вся еретики к себе собирающе з дерзновением, не бояшеся архиепископа Геннадия, понеже помощь имеяше от дияка великого князя от Федора Курицына. Прииде же с ним в Новгород и брат его само черной. И много содеяша сквернения на божественныя церкви и на святыя иконы и на честныя кресты. И писа на них архиепископ Геннадий о их еретичестве к великому князю.

Того же году повелением великого князя Ивана Васильевича всеа Руси бысть собор на Москве на ноугородцких еретиков по писму ноугородцаго архиепископа Генадия. На соборе же бысть великий князь Василий Иванович вместо самодержавнаго отца своего и господин преосвещенный Зосима, митрополит всеа Руси, и Тихон, архиепископ ростовский, и епископы: Нифонт суздальский, Симеон резанский, Васьян тверский, Прохор сарский, Филефей пермский и троецкий Сергиева монастыря игумен Афонасей, и пустынницы, добродетельный старцы Паисия и Нил, и мнози архимориты, и игумены, протапопы, и священницы, и дияконы, и весь освященный собор руския митрополия. И тако собращася и по истинне подвизася на тех богоотступных новгородцких еретиков и на всех единомысленников их, хотящих развратити христианскую веру, ей же не удалеся, но яко камень приразишася и сами сотрени быша и погибоша, иже многих простых людей прельстиша своими скверными ересми. На собор же той приведени быша и вопрошаемы о еретическом злодействе их, они же окаяннии [и] первые убо много коварствоваху, укрывающа своя беззакония и в своих ересех запирающеся, но не по ложному свидетельству обличени быша. И тако акаяннии весь яд безумия своего сами излияша и явно обнажита вся своя богоотступная дела, и начата глаголати неподобная. И абие яко во иступление ума сташа, и быша яко безгласни. Их же по правилом святых апостол и святых отец от святыя соборныя церкви отлучиша и ис сану извергоша и проклятию предата; ови же по градцкому закону смерти предани быша. Дияка же Волка Курицына и Митю Коноплева, и Некраса Рукавова, и юрьевского архиморита Касияна, и брата его, и иных многих еретиков сожгоша в Новеграде и на Москве. Прочих же в заточение и в темницы розослаша, иных же по монастырем. Святую же непорочную и православную веру утвердиша и прославиша святую троицу во едином Божестве: отца и сына и святаго духа ныне и присно и во веки веком, аминь...»

После 1917 года отечественные историки и философы пытались избавиться от термина «жидовствующие». В энциклопедиях, словарях, справочниках, где невозможно было обойти это оригинальное явление в русской духовной жизни, как правило, указывалось на устарелость или

неупотребляемость данного понятия в современной науке. Серьезных исследований на данную тему практически не проводилось. Публикации не приветствовались, а прежние, дореволюционные,^[24] либо вычеркивались из рекомендательных списков, либо же вообще сдавались в спецхран. О сути самой ереси — там, где проигнорировать ее было невозможно, — сообщалось предельно абстрактно со сглаживанием «острых углов», дабы не дай Бог не получилось бы, что иудеи пытались совратить с пути истинного русских православных людей. Считалось также, по-видимому, что само название «жидовствующие» оскорбляет чувства современных евреев. Однако ни в подобном подходе, ни в возможном объяснении нет никакой логики. Дело в том, что в повальном увлечении новгородцев (а еще ранее и москвичей) ветхозаветной проблематикой вообще и талмудической, в частности, виноваты исключительно сами русские. Иудеи же лишь удовлетворяли, так сказать, природную любознательность русского люда. Мало того, предостерегали народ от чрезмерного увлечения «запретным плодом». Разве виноват Захарий Схария в том, что новгородские дурни осаждали его со слезной просьбой сделать им обрезание? Так что во всем случившемся обвинять следует только себя и никого больше. Как говорят в народе: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива»...

Что касается якобы ругательного слова «жид», то ничего обидного, уничижительного в нем нет. Слово «еврей» долгое время использовалось лишь в церковнославянском языке как переводное из греческого, а в народном и беллетристическом обиходе употреблялся его эквивалент «жид» — тоже переводное слово, но заимствованное через западноевропейские (предположительно — романские) языки. Дабы убедиться в сказанном, достаточно открыть на соответствующих страницах 5-й том «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (М., 1978) или же классические произведения Пушкина (например, «Скупой рыцарь»), Гоголя (например, «Тарас Бульба») или Лескова (например, «Жидовская кувырколлегия»). Лишь в XX веке слово приобрело оскорбительный оттенок.

* * *

Личность Ивана Грозного (рис. 133), малолеткой восшедшего на российский престол после скоропостижной смерти отца — Василия III, и по сей день продолжает будоражить умы ученого и неученого люда. Его колоритная фигура по-прежнему возвышается среди бесчисленной

вереницы персонажей мировой и русской истории, а его бурная и жестокая деятельность так и не получила однозначной оценки. Новейшая монография историка Б.Н. Флори, посвященная Ивану Грозному (вышла в 1999 году в серии «Жизнь замечательных людей»), завершается несколько необычным для ученого пассажем: «Приходится честно сказать читателю, что на вопрос об историческом значении деятельности Ивана IV мы до сих пор не имеем окончательного ответа. Остается лишь надеяться, что его могут принести труды новых поколений исследователей». Вот так! Дописались, так сказать...

Рис. 133. Иван IV (Грозный). Художник Виктор Васнецов

Но что нового, собственно, могут сказать последующие поколения историков, если все, что только можно было сказать, давным-давно сказано, а вся грязь, какую только можно было собрать по самым дальним закоулкам, давным-давно на царя Ивана вылита целыми ушатами. Казалось бы, в такой ситуации не приходится особенно рассчитывать на какие-то объективные критерии. Но это только с точки зрения тех, кто неспособен прояснить в конец запутанный вопрос. На самом деле надежные критерии для правильной оценки фигуры Ивана Грозного — сколь бы противоречивой она ни выглядела — уже выработаны и доступны каждому

желающему. Это — мнение **народа**, запечатленное в его песнях, сказаниях, легендах. Здесь нет никаких содроганий и стенаний по поводу безвинно пролитой крови бояр да князей или сетований по поводу патологических отклонений в поведении царя Ивана. В народной памяти он остался выдающимся правителем, более того — народным заступником. Не верите? Тогда прочитайте это предание:

«Когда на Москве был царем Иван Грозный, он хотел делать все дела по закону христианскому, а бояре гнули все по-своему, перечили ему и лгали. И стала народу тягота великая, и начал он клясть царя за неправды боярские, а царь совсем и не знал обо всех их утеснениях. Насмелились тогда разные ходоки, пришли в Москву и рассказали царю, как ослушаются его князи-бояре, как разоряют людей православных, а сами грабят казну многую и похваляются самого царя извести. Разозлился тогда царь на бояр и велел виноватых казнить и вешать. Тогда бояре совсем перестали его слушаться и начали его ссылать из царства вон неволею. Как ни грозен был царь, а убоялся бояр и выехал с горем из дворца своего, попрощался с народом и отправился куда глаза глядят. Все его покинули, только один любимый его боярин поехал с ним вместе. Долго ли, коротко ли ехали они по лесу — и встосковался царь по своему царству, и молвил своему боярину: — „Вот Бог избрал меня на Московское царство, а я стал хуже последнего раба. Нигде нет мне пристанища, никто меня не пожалеет и куска хлеба взять негде“. Только смотрят на лес, а березка кудрявая стоит впереди них и кланяется царю. Поклонилась низко раз, другой и третий... Не утерпел тогда царь, заплакал и сказал своему боярину, указывая на березку: „Смотри, вот бесчувственная тварь, и та мне поклоняется как царю, от Бога поставленному, а бояре считают себя разумными и не хотят знать моей власти <...>. Стой! Поедем назад. Проучу же я их и заставлю мне повиноваться“. И велел царь той березке повесить золотую медаль на сук за ее почтение. А когда вернулся в Москву, то перекрушил бояр, словно мух».

Не следует думать, что фольклорный текст записан совсем недавно от какого-нибудь просвещенного горожанина или колхозника, учившегося по советским учебникам и знакомого с художественной интерпретацией образа Ивана Грозного в романах и кинофильмах. Легенда записана

этнографом Н.Я. Аристовым в 1878 году в селе Стеньшино Липецкого уезда Тамбовской губернии от столетнего безграмотного крестьянина Ивана Климова. Здесь нет ни слова осуждения, напротив — полнейшее одобрение действий царя, направленных и на укрепление державы, и на облегчение участи народа. Без строгости — и, если хотите, насилия — никакая власть (даже в крестьянской семье) немыслима. Народ это прекрасно понимал и именно за это уважал и ценил царя Ивана. И не просто уважал — любил. До недавнего времени (то есть почти на протяжении четырехсот лет) пелись, записывались и публиковались песни-плачи о смерти Ивана Грозного. Например, такие:

*Уж ты батюшка светел месяц!
Что ты светишь не по старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
Из-за облачка выкатываешься,
Черной тучей закрываешься?
У нас было на Святой Руси,
На Святой Руси, в каменной Москве,
В каменной Москве, в золотом Кремле,
У Ивана было у Великого,
У Михайлы у Архангела,
У собора Успенского,
Удалили в большой колокол.
Раздался звон по всей матушке сырой земле.
Соезжались все князья-бояре,
Собирались все люди ратные
Во Успенский собор Богу молиться.
Во соборе-то во Успенским
Тут стоял нов кипарисов гроб.
Во гробу-то лежал православный царь,
Православный царь Иван Грозный Васильевич.
В головах у него стоит животворящий крест,
У креста лежит корона его царская,
Во ногах его вострый, грозный меч.
Животворящему кресту всякий молится,
Золотому венцу всякий кланяется,
А на грозный меч взглянет — всяк ужаснется...*

(Записано в Саратовской губернии в 1854 году)

Мало кто из царей удостоился подобных плачей. Уже в XX веке среди гребенских казаков был записан другой плач, в котором содержится прямой призыв к царю, Ивану Грозному, чтобы встал он из гроба и вернулся назад на землю, где без него нарушился порядок:

*<...> Вы подуйте-ка ли вы, уж ветры буйные,
Пошатните-ка ли вы горы высокие,
Пошатните-ка ли вы леса темные,
Разнесите-ка ли вы царскую могилушку,
Отверните-ка ли вы, уж вы гробову доску,
Откройте-ка ли вы золоту парчу.
Ты встань, восстань, батюшка ты Грозный царь,
Грозный царь да ты Иван Васильевич!
Посмотри-ка, погляди на свою армеюшку...*

Налицо полная нестыковка стереотипа, созданного историками, с представлениями, сохранившимися в народной памяти. Сразу же добавим: мнение летописцев также в основном совпадает с народным образом. В чем же дело? Почему столь значительны расхождения в подходах и оценках? Причина здесь одна: кажущаяся жестокость правления Ивана Грозного, сопровождавшегося массовыми репрессиями и многочисленными казнями, что якобы вскоре привело к разорению страны и распространению смуты. Так ли это? Казалось бы, специалисты должны делать подобные выводы, как говорится, с цифрами в руках. Но все дело в том, что и цифры, и факты свидетельствуют об обратном.

Историки давно подсчитали, что всего за время царствования Ивана Грозного было репрессировано и казнено разными способами от трех до четырех тысяч человек. Такие подсчеты имеют под собой совершенно бесспорную основу — поминальные списки (синодики), куда (кстати, по личному указанию самого царя) тщательно заносились имена всех убиенных и замученных. Нет оснований полагать, что, скажем, при Иване III безвинных жертв было меньше, чем при Иване IV: недаром дед был прозван Грозным раньше внука. Не в этом дело — безвинная смерть даже одного человека не имеет оправдания.

Речь же идет совершенно о другом — о несравнимости масштабов репрессий в России с тем, что происходило примерно в то же самое время в

других частях мира, и прежде всего — в Западной Европе. Только за одну Варфоломеевскую ночь с 23 на 24 августа 1572 года в Париже были зверски уничтожены более трех тысяч гугенотов (то есть почти столько же, сколько погибло за *все правление* Ивана Грозного). Причем вырезан под корень был цвет французской нации, съехавшийся отовсюду на бракосочетание Генриха Наваррского и Маргариты Валуа («королевы Марго»). Вслед за Парижем протестантские погромы прокатились по всей стране. Как отмечается в справочной литературе, только за первые две недели погибли около 30 тысяч гугенотов.

Обратимся к другим европейским странам. В Англии по приказу короля Генриха VIII (он скончался в 1547 году, когда в далекой России Иван IV венчался на царство) были повешены 72 тысячи бродяг и нищих (сегодня бы сказали — бомжей, ибо почти все они являлись разорившимися крестьянами, лишенными крова и согнанными со своих мест в результате так называемого «огораживания», то есть отчуждения земель с целью их использования для получения капиталистической прибыли). Во время Нидерландской буржуазной революции испанцы истребили около 100 тысяч ни в чем не повинных мирных граждан (из них по меньшей мере 11 тысяч на кровавом счету герцога Альбы). Кроме того, в XVI веке по всей Европе продолжала зверствовать инквизиция: по скрупулезным подсчетам самих же инквизиторов, за это время только сожжено на кострах живьем и прилюдно было 28 540 «еретиков и ведьм». Эти цифры, позаимствованные из различных источников, суммарно приводит В.В. Кожин в уже упоминавшейся книге «История Руси и русского слова» (М., 1999), а также в других своих публикациях. Нельзя не упомянуть и начавшийся в том же веке геноцид индейцев на осваиваемых испанцами и португальцами (а вслед за ними — англичанами и французами) территориях обеих Америк: здесь счет жертв шел уже *на миллионы!*

Но вернемся назад, в Россию. Говорят (теперь это особенно модно), что, дескать, и не было вовсе на Руси никаких боярских заговоров, что все это померещилось патологически подозрительному царю, а кроважанные временщики вроде Малюты Скуратова рады стараться были подлить масла в огонь. Ну, зачем же так себе и другим голову морочить? Все русские цари Рюриковичи отличались достаточной жестокостью, а Иван Грозный абсолютно заслуженно может претендовать на первый номер в списке кровавых тиранов и деспотов. Но тогда уж и из русской аристократии не нужно делать невинную овечку. Боярство представляло собой типичную олигархическую структуру, глубоко чуждую народным

чаяниям и общегосударственным интересам. У русских бояр крамола да измена, что называется, в крови сидела (второй неизлечимой болезнью было «стукачество»). Можно даже сказать, что они уже во чреве матери думали, как бы себя подороже продать, к какому королю (польскому или шведскому) при случае переметнуться и как бы поболезненней насолить великому князю Московскому (а в дальнейшем — царю). Так что верховному правителю России сам Бог велел бдительно и непреклонно стоять на страже государственных интересов, защищать Отчизну от посягательств внешних и внутренних врагов, как заразу, искоренять измену и сепаратизм, и, как зеницу ока, хранить единство державы и заботиться о процветании ее народа.

Так кто же в таком случае расшатал могущество Российской державы, довел страну до разорения, ввергнул ее в Смуту и пригласил в качестве арбитров иноземных интервентов? Иван Грозный, что ли? Да нет, все те же князья и бояре, которые до этого продавали Русь татарам, науськивая на соседей-однокровников карателей и грабителей, а теперь рады-радехоньки были отдать Россию — всю сразу или по частям — полякам, литовцам, шведам и ливонцам. Они бы сделали это и раньше, да царь Иван не позволил. И народ это прекрасно видел и понимал и был тысячу раз прав, объективно оценивая в своих песнях и сказках эпоху Ивана Грозного.

* * *

За разглагольствованиями о зверствах, учиненных царем Иваном Грозным, как-то забывается о том, что он сделал для укрепления геополитической мощи Российского государства и утверждения его решающей роли на мировой арене. Ведь именно в эту мучительно трудную и трагическую эпоху Россия обрела Сибирь и стала такой, какой ее знают и по сей день. Долгое правление Ивана Грозного (если вести счет от смерти его отца Василия, он был царем более полувека, точнее 50 лет и 3 месяца) получило всестороннее освещение в официальном летописании. Существуют даже летописные произведения, посвященные отдельным периодам его правления: например, «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», «Казанский летописец», посвященный взятию столицы Казанского ханства и присоединению его к России. От Ивана Грозного осталась большая переписка, имеющая высокие литературные достоинства. О времени царя Ивана написано немало мемуаров, преимущественно недружелюбно настроенными к нему

иностранцами и главным государственным изменником князем Андреем Курбским, бежавшим от царского гнева и перешедшим на службу к польскому королю. Находясь вдали от московских пыточных подвалов под защитой королевских жолнеров, он не только вступил в разоблачительную переписку с государем (рис. 134), но и написал обширный и желчный трактат под названием «История о великом князе Московском».

Прш посланіе гдѣа цѣа великого князя
 Иоанна пашевска и бѣрѣи самодѣ
 жца наиротрѣстѣииковъ еѣу на нѣ
 андрѣа пѣушова товарищи іѣихъ изв
 мѣне божѣ російшовъ гдѣстѣио .

Гдѣ нѣшѣ прѣца шѣвѣ іѣнѣ нѣтой дѣхъ нѣмѣ
 же живѣмѣ идѣижитѣ нѣсѣмой нѣмѣ
 же цѣиѣ цѣтаѣу иѣиѣи пѣишѣ прѣдѣ
 нѣмѣже данѣ бѣстѣ еѣдинорѣнѣоуѣоуѣ
 бѣжѣа іѣа хѣта побѣдоѣа хѣруѣоуѣ
 прѣтѣ тѣаѣиѣ тѣже нѣиѣоуѣиѣ побѣдоѣа
 еѣстѣа прѣаѣоуѣ бѣрѣтѣиѣоуѣмѣуѣ цѣрѣ пѣстѣа
 нѣтѣиѣуѣ іѣвѣмѣ прѣаѣоуѣаѣиѣ цѣрѣ нѣоуѣ
 жѣтѣиѣ прѣаѣоуѣаѣиѣ . пѣнѣжѣ (мѣрѣнѣе
 бѣжѣе слѣдѣ пѣсѣуѣ нѣполѣиѣиѣиѣаѣ нѣбѣжѣтѣаѣ
 нѣиѣмѣвѣлѣуѣаѣ бѣжѣа сѣаѣа аѣсѣнѣиѣ бѣтѣиѣиѣ .

Рис. 134. Первое послание Грозного к Курбскому. Список ГПБ

Сам Иван IV с большим вниманием и бережением относился к летописанию. Сохранились его собственноручные пометы на полях летописей, которые он читал в разные годы жизни. Особенно царя занимало летописное отображение его собственных деяний и их интерпретация. Именно в царствование Ивана Грозного и наверняка под его идейным руководством был составлен наиболее авторитетный летописный памятник той эпохи — уже упоминавшаяся выше «Степенная книга», излагающая события русской истории, происходившие вплоть до конца лета 7068 (то есть до августа 1560 года). По заказу царя Ивана в 1568–1576 годах в Александровской слободе в самый разгар опричнины начал создаваться и грандиозный многотомный Лицевой летописный свод. Над его томами, каждому из которых предстояло стать рукописным шедевром, трудились лучшие переписчики и художники-иллюстраторы.

Летописные, эпистолярные и мемуарные свидетельства помогают представить неоднозначный образ Грозного царя и его эпоху в самых различных аспектах. Как хорошо известно, в жизни царя и государства, доставшегося ему по праву престолонаследия, различаются несколько контрастных этапов. Ивану было всего три года, когда от тяжелой болезни скончался его отец и фактическая власть перешла к его матери — молодой и энергичной вдове Елене Глинской. Княжеский род Глинских считался литовским, но происходил от татар, в XV веке перешедших на службу к великому князю Литовскому. Более того, как доподлинно установлено, основоположником рода Глинских был один из сыновей хана Мама: после разгрома Мамаевых полчищ на Куликовом поле и умерщвления отца наемными убийцами сын этот бежал в Литву, где получил в управление и кормление город Глинск (ныне находится на территории Сумской области Украины), — от его названия получил фамилию и весь род. (В XIV–XV веках многие татары переходили к оседлому образу жизни и целые кланы их получали земли и селились в литовских землях — точнее, это были исконно русские земли, захваченные Литвой.) В дальнейшем отношения князей Глинских с литовско-польскими властителями разладились, и они перешли на службу к русскому царю Василию III. Ему вскоре приглянулась молоденькая племянница опальных князей, и он взял ее в жены, отправив в монастырь бездетную супругу Соломонию. Спустя четыре года на свет появился Иван и, благодаря его матери, в жилах царей Рюриковичей потекла татарская кровь и появились гены хана Мама.

Овдовев, Елена Глинская стала управлять Москвией с помощью фаворита с тройной фамилией — молодого красавца-боярина Ивана Федоровича Овчины-Телепнева-Оболенского, с которым состояла в

открытой любовной связи (злые языки уже в те времена шептали, что полюбовник царицы Елены и есть истинный отец Ивана Грозного). Пятилетнее регентство Елены сопровождалось непрерывными боярскими раздорами, в центре которых находились сама царица и ее фаворит. Против них фрондировал даже дядя Елены — Михаил Васильевич Глинский, которого неблагодарная племянница упрятала в темницу, хотя и была обязана ему всем. В конце концов царицу отравили, ее любовника — схватили, бросили в кремлевский застенок и уморили голодом, а не достигший совершеннолетия Иван попал под жесткую опеку бояр, беззастенчиво поправших его законные права на власть. Позже в письме изменившему другу — князю Андрею Курбскому царь описал подробности тех лет, которые оставили неизгладимый след в его памяти:

«Когда же Божьей судьбой родительница наша, благочестивая царица Елена, переселилась из земного царства в Небесное, остались мы с покойным братом Георгием круглыми сиротами — никто нам не помогал; осталась нам надежда только на Бога, Пречистую Богородицу, на всех святых и на родительское благословение. Было мне в это время восемь лет; подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас, государях своих, заботиться не стали, бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга. И чего только они не наделали! Сколько бояр и воевод, доброжелателей нашего отца, перебили! Дворы, села и имения наших дядей взяли себе и водворились в них! Казну матери перенесли в большую казну и при этом неистово пихали ее ногами и кололи палками [концами трости], а остальное разделили между собой. А ведь делал это дед твой, Михаиле Тучков. Тем временем князь Василий и Иван Шуйские самовольно заняли при мне первые места и стали вместо царя, тех же, кто больше всех изменял нашему отцу и матери, выпустили из заточения и привлекли на свою сторону. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея Ивановича, и его сторонники, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, на этом дворе захватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при нашем отце и при нас, и, опозорив его, убили; князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; подняли руку и на Церковь, свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение и так

осуществили свои желания и сами стали царствовать. Нас же с покойным братом Георгием начали воспитывать как иностранцев или как нищих. Какой только нужды не натерпелись мы в одежде и в пище! Ни в чем нам воли не было, ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не смотрит — ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга на своих господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные тяжелые страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом — говорили, будто детям боярским на жалованье, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; бесчисленную казну нашего деда и отца забрали себе и наковали себе из нее золотых и серебряных сосудов и надписали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние...»

(Перевод Я.С. Лурье)

Зато уж теперь он не понаслышке, а наяву познал, что такое боярское всевластие, и понял, что оно сулит Российской державе: раздробленность и разграбление, призвание иноземцев или переход в вассальную зависимость к соседним властителям. Буквально на глазах молодого царя начался губительный процесс расшатывания единого государства — главного детища его деда — и укрепление боярских вотчин и удельных княжеств. Если бы Иван IV не остановил вовремя разрыхления и эрозии власти, Смутное время на Руси могло начаться не в XVII, а в XVI веке. И он принимает (в 16-летнем возрасте!) единственно правильное решение — стать самодержцем, раз и навсегда покончить с боярским самоуправством. Поставленная цель легкой жизни не сулила и восторга со стороны высокородной знати не встретила. Началась затяжная, полная драматизма борьба — не на жизнь, а на смерть. 16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание Ивана IV на царство (рис. 135), а спустя две недели он женился на Анастасии Захарьиной-Юрьевой из рода боярина Кошки.

**Рис. 135. Венчание Ивана IV на царство. 1547 г.
Миниатюра Лицевого свода**

Был ли Иван IV пассионарной личностью? Безусловно — да! Однако пассионарность может иметь как положительную, так и отрицательную направленность. Царю Ивану пришлось пройти через оба эти этапа. Сначала его жизнь была на подъеме, на взлете — он как бы парил в вышине, обозревая орлиными очами бескрайние российские просторы, и камнем бросался на врагов. Именно в этом порыве он сумел зарядить своей энергией народ и элиту, сподвигнув их на покорение Казанского ханства. Взятие Казани, а вслед за тем и Астрахани, освобождение великой русской реки Волги явилось апофеозом молодого царя, подтвердившим могущество его державы. Летописец с воодушевлением подводил итог славным

деяниям государя всея Руси:

«Сицев бе той царь князь великий и многа при себе памяти и похвалы достойна сотвори: грады новыя созда и ветхия обнови, и церкви пречюдныя и прекрасныя воздвижи, и монастыря общежителныя иночествующим устрои; и от юны версты не любляше никакия потехи царьския: ни птичья ловления, ни песья, ни звернныя борбы, ни гуселнаго звяцания, ни прегудниц крыпения, ни мусикеискаго гласа, ни писканья прилепнаго, ни скомрах видимых бесов скакания и плясания, и всяко смехотворение от себе отрину, и глумники отогна, и в конец сих возненавиде. И токмо всегда о воинственном попечении упражняшеся, и поучение о бранех творяше, и почиташе доброконники и храбрыя оружники, и о сих с воеводами прилежаше, и сим по вся дни живота своего с мудрыми советники своими поучашеся, и подвизашеся, како бы очистити землю свою от поганных нашествия, и от частаго пленения их; к сему же тщаешеся и покушашеся всяку неправду, и нечестие, и кривосудство, и посулы, и резимание [взяточничество], и разбои, и татбы изо всея земля своя извести, правду же и благочестие в людех насеяти и возрастити. И того ради по всей области великия державы своя, по всем градом и по селом изыскав, устави разумныя люди и верныя сотники и пятидесятники на вере и кроте приведе во всех людех, яко же Моисей во израилтянех: да кийждо блюдет числа своего, аки пастырь овца своя, и разсмотряет изыскует всякаго зла и неправды и да обличает виноватаго пред большими судьями. И аще не престанет от злаго обычая своего, да той смерть примет о деле своем неизмолимо. И сим обычаем укрепи землю свою. Коли есть не мощно злыя обычая, издавна застаревшая в человецех, ис корения истребити. И бысть тогда во царьствии его великая тишина во всей земли Русьстей [так в оригинале — В.Д.] укротися всяка беда и мятеж и великия разбои и хищения и татба, и не именовашеся, яко же при отце его бысть...»

Русский летописец объективно относится к обеим сторонам конфликта, отдавая дань уважения мужественным защитникам Казани и высказывая особое уважение татарским женщинам:

«Когда собралось 3000 оставшихся в живых храбрых казанцев, то они заплакали и обнимались, и целовались друг с другом, и говорили один другому: „Выедем из этой тесноты в поле и сразимся с русскими на поле широком, пока не умрем или пока не прорвемся живыми!“ И сели на своих коней и прорвались в Царевы ворота на Казань-реку, надеясь на силу рук своих, и хотели пробиться сквозь русские полки, стерегшие беглецов, и хотели убежать к ногайцам. И выскочили они как звери во время облавы, и тут окружило их русское войско в темном месте, и обложили их как пчелы, не давая опомниться: стояли ведь тут на поле два воеводы против Царских ворот, князь Петр Щенятев, а другой князь Иван Пронский-Турунтай. И была большая сеча у казанцев с русскими, и многих русских воинств убили, и сами тут же полегли, храбрые, со славою на земле своей. И как только могли сразиться казанцы с таким большим русским войском, когда на одного казанца приходилось по 50 русских! А русские воины набросились на казанцев так стремительно, как голодные орлы и ястребы налетают на башни, скача, как олени по гетрам, по улицам города, шныряя туда и сюда, как звери по пустыням, и рыкая, как львы на охоте, ища казанцев, скрывающихся в их домах и в комнатах, и в погребах, и в ямах, и если где находили казанца, старого или юного, или средних лет, то здесь его вскоре оружием своим смерти предавали. Отроки щадили только молодых и красивых женщин и девиц, не убивали их повелением самодержца за то, что те умоляли своих мужей сдаться царю. И можно было видеть высокие горы из великой громады трупов убитых казанцев, лежащих внутри града вровень с городскими стенами, и в городских воротах, и в проломах, и за городом во рвах, и в ручейках, и в источниках, и по Казани-реке и по Забулачью, по лугам лежало бесчисленное множество мертвых так, что и сильный конь не мог долго проскакать по трупам мертвых казанцев, тогда воины меняли коней, пересаживаясь на других. По всему городу текли реки крови казанцев и бежали потоки горячих слез, а по низким местам стояли лужи крови, подобные лужам дождевой воды, очервленняя землю, и речная вода смешивалась с кровью, и не могли люди в течение семи дней пить воду из рек, кони же и люди бродили в крови по колени. И была сеча та великая с первого часа утра и до десятого».

(Перевод Ю.К. Бегунова)

Казань пала 2 октября 1552 года. Победители вернулись в Москву. Но с той поры начались беды — поначалу в личной жизни царя, затем они, как чума, распространились по всей стране. 1 марта 1553 года Иван тяжело заболел. Много дней он находился между жизнью и смертью, не приходя в сознание, бредил и не узнавал близких. Психологи называют подобную критическую ситуацию *пограничной*. С человеком, который через нее проходит и остается в живых, как правило, происходят сверхъестественные вещи — в его душе может произойти полный переворот. Действительно, на пороге смерти как бы приоткрывается окно в ноосферу, умирающий приобщается к совершенно необычной для него реальности и становится обладателем невиданной доселе информации. Пройдя через пограничную ситуацию, пережив клиническую смерть, многие становятся ясновидящими и провидцами, получают энергетическую подпитку, совершают непредсказуемые поступки. Последние, к сожалению, могут иметь не только созидательную, но и разрушительную направленность.

Как раз нечто подобное и произошло в жизни царя Ивана. Какая же истина открылась ему в запредельной бездне? Какие грозные предсказания и предупреждения услышал он? Какого рода информацию получил? Почему, очнувшись от забытья, он вдруг превратился в необузданную и кровожадную бестию? Ответы на поставленные вопросы до сих пор не найдены. Однако именно с той поры Бог как будто отвернулся от него, и после болезни царя точно подменили. Беды продолжали обрушиваться на него одна за другой. В июне трагически гибнет его полугодовалый сын Дмитрий — первенец и наследник престола (в честь него впоследствии будет назван и последний сын Ивана Грозного — Дмитрий Угличский). Смерть обоих была ужасной: первого уронила нянька в воду при переправе через реку, и он утонул; второй, как известно, был зарезан или сам зарезался при невыясненных обстоятельствах. Судьба словно предупреждала Ивана.

Тем временем бояре-олигархи решили взять реванш. Смертельная болезнь ненавистника лишь подтолкнула их, они поторопились поставить крест на еще не умершем царе, и переориентировались не на законного наследника, тогда еще живого Дмитрия, а на царева двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого. Впоследствии Иван Грозный собственноручно сделает приписку на полях официальной летописи: из текста следует, что 12 марта 1553 года в Боярской думе произошел «мятеж велик и шум и речи многия в всех боярах, а не хотят пеленичнику

служити», то есть большинство бояр отказалось присягать на верность царевичу-младенцу (пеленичнику). Так оформился открытый боярский заговор, в котором активное участие приняло московское и новгородское духовенство.

Некоторые историки и публицисты пытаются навязать читателям странный вопрос: кто был прав — царь или бояре? Представляется, что лучшим ответом на него могла бы стать история книгопечатания в России, начало которому было положено именно в эпоху Ивана Грозного (не раньше и не позже!), а царь воистину может считаться крестным отцом первой отечественной печатной книги. Напротив, бояре, духовенство и их ближайшее окружение всячески препятствовали осуществлению великого замысла первопечатника Ивана Федорова, преследовали его и травили, сожгли первую русскую типографию, пока, наконец, не вынудили друкаря-подвижника покинуть навсегда Москву. Иван Федоров прекрасно понимал, кто друг ему, а кто враг, о чем самолично поведал в послесловии к львовскому переизданию «Апостола»:

«По воле отца, с помощью сына и с свершением Святого Духа, повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением преосвященного Макария, митрополита всея Руси, типография эта создана в царствующем граде Москве в лето 7071 [1563 год], в тридцатое лето его царствования.

Не случайно начал я рассказывать это вам, а потому, что великие беды испытали мы от озлобления людского, не от самого царя, но от многих гражданских и духовных начальников и учителей, которые из зависти обвиняли нас в различных ересь, желая благое превратить во зло и Божье дело вконец погубить, как это бывает у злонравных и неученых и неискусных в разуме людей, не обучавшихся грамматической хитрости, не исполненных духовного разума, а только, как водится, злословящих. Уж такова природа зависти и ненависти не понимающих, куда ведут и на чем основываются. Потому из нашей земли и отечества от рода нашего мы были изгнаны и переселились в иные, неведомые нам страны...».

(Перевод Ю.А. Лабынцева)

Что мог противопоставить Иван Грозный этой сплоченной и

разветвленной оппозиции, когда даже ближайшие друзья отвернулись от него? В данной ситуации он принимает нестандартное, но, пожалуй, единственно правильное решение: порывает с былыми, предавшими его сподвижниками и создает *военизированный орден* по всем правилам европейских рыцарских орденов, но, как говорится, с русской спецификой. 300 лично преданных царю воинов, облаченных в монашеские рясы, под которой носилась кольчуга и оружие, составили ядро новой царской гвардии. Им был придан отряд («приказ») из 500 опричных стрельцов. Опричники беспрекословно подчинялись своему вождю, став безжалостными исполнителями его воли в борьбе с боярской крамолой. Для материальной подпитки ордена в его распоряжение передавались лучшие земли, конфискованные у бояр. Земли эти именовались *опричными* (от архаичного слова «опричь» что значит «кроме»). По данному понятию и само явление получило название *опричнины*, а новых царевых слуг прозвали *опричниками*.

Удивительно, но факт: от опричнины практически не осталось никаких документов, не сохранилось и надежных летописных свидетельств. Лишнее подтверждение, что Иванов орден действовал по принципу других тайных обществ. За примерами далеко ходить было не надо: прибалтийскими сопредельными землями управлял Ливонский орден, образованный, как известно, в 1237 году путем слияния двух других орденов — тевтонов и меченосцев, могущественных военизированных объединений, возникших по образцу древних тайных обществ на волне Крестовых походов. Их отличительная черта — жесткая иерархия, железная дисциплина и беспрекословное повиновение предводителям и вождям.

Военно-религиозная структура опричного монашеского братства царя Ивана вполне могла быть создана по образцу (и даже с учетом уставов) этих мощнейших и полутайных (во всяком случае, закрытых для непосвященных) организаций европейского Средневековья. Лишь цвет плащей был разным: европейские рыцари предпочитали белые с черными (тевтоны, меченосцы) или красными (тамплиеры) крестами, а русские «лыцари» избрали черное монашеское одеяние, в каком выехал перед началом Куликовской битвы черноризец Пересвет на поединок, обессмертивший его имя. Тему можно продолжить, и она приобретает совсем уж неожиданный ракурс: см. приложение 2.

Русские летописи очень скупое рассказывают об опричных временах, перечисляя в основном казненных и замученных. Главным источником, откуда историки четыре с половиной века черпают все душераздирающие

факты, связанные с опричниной, являются мемуары иноземцев. Среди них действительные очевидцы событий, более того — сами служившие некоторое время в опричниках (Иван Грозный не гнушался услугами наемников, набирая их из числа пленных или перебежчиков). Интересные записки оставили дипломаты и купцы.

Однако ко многим из приводимых иностранцами фактов и цифр следует относиться с большой долей осторожности. Мемуары создавались врагами Ивана Грозного, так или иначе пострадавшими от него и мстившими (естественно, оказавшись в недостижимости) царю при помощи клеветы и баснословных преувеличений. Каковы могли быть эти преувеличения, свидетельствует цифра погибших новгородцев во время опричного погрома зимой 1569–1570 года, приводимая англичанином Джеромом Горсеем в его «Записках о России». Горсей говорит о 700 тысячах погибших — цифра не просто преувеличенная, а абсолютно фантастическая. По беспристрастным и объективным подсчетам историков, она завышена не менее чем в 200 раз! Полностью сохранившиеся в синодиках номинальные записи свидетельствуют, что опричники уничтожили в Новгороде до 2800 человек (цифра тоже немалая, но, конечно же, не сравнимая с английской статистикой). Аналогичным образом большие сомнения вызывает нарисованный иностранными авторами образ опричников, которые якобы разъезжали повсюду с привязанной к крупу коня отрубленной собачьей головой, демонстрируя тем самым свою преданность государю и предупреждая царских недругов об ожидаемой участи. Образ, конечно, колоритный, но, как заметил один историк, собак бы на всех в стране не хватило. Вообще же более чем прискорбно, когда мы вынуждены изучать историю не по собственным летописям, а по не выдерживающим критики иностранным источникам.

Вот под этим углом зрения (то есть с 200-кратной поправкой в сторону уменьшения) следует относиться и к прочим иностранным известиям. Они-то обычно и привлекаются для дискредитации Ивана Грозного и проводимой им внутренней и внешней политики. Тем не менее свидетельства очевидцев (безотносительно к их субъективности и тенденциозности) рисуют душераздирающие картины повседневной опричной действительности. Вот, например, как все это выглядело в Москве, по рассказу Иоганна Таубе и Элерта Крузе — ливонских дворян (первый — из Риги, второй — из Дерпта), оказавшихся сначала в плену, а затем ненадолго взятых на опричную службу:

«...Опричники великого князя должны были в количестве

от 10 до 20 человек разъезжать по улицам с большими топорами (стрелецкими бердышами. — В.Д.), имея под одеждой кольчугу. Каждая отдельная рота намечала бояр, государственных людей, князей и знатных купцов. Ни один из них не знал своей вины, еще меньше — времени своей смерти и что вообще они приговорены. И каждый шел, ничего не зная, на работу, в суды и канцелярии. Затем банды убийц изрубали и душили их безо всякой вины на улицах, воротах или рынке и оставляли лежать, и ни один человек не должен был предать их земле. И все улицы, рынки и дороги были наполнены трупами, так что местные жители и иностранцы не только пугались, но и не могли никуда пройти вследствие большого зловония.

Князя Петра Щенятьева и Турунта-Пронского, воевод и бояр, приказал он [Иван Грозный. — В.Д.] избить батогами до смерти. Князя Петра Серебряного, князя Владимира Курлятева и много сот других (их не счесть) приказал он внезапно изрубить, многих их в домах, и бросить куски в колодцы, из которых люди пили и брали воду для приготовления пищи. Он приказал также повесить многих женщин в воротах их домов, и мужья должны были ежедневно проходить под этими телами и при этом не показывать вида, что с ними произошло. Жenu своего шурина Михаила Темрюкова Черкасского, чья сестра была за ним замужем [имеется в виду вторая жена Ивана Грозного — кабардинская княжна Кученя (в крещении Мария), на которой царь женился после скорпостижной смерти Анастасии, которая, скорее всего, была отравлена по наущению Старицких. — В.Д.], дочь богатого и умного князя Василия Михайловича Юрьева, невинную и благочестивую женщину, не старше 16 лет, приказал он изрубить вместе с ее полугодовалым сыном и положить во дворе, где ее муж должен был ежедневно проезжать и проходить. <...>

Но всем этим его кровожадное тиранское сердце еще не насытилось. 19 июля 1568 года в полночь послал он своих ближайших доверенных лиц, князя Афанасия Вяземского, Малюту Скуратова, Василия Грязного, вместе с другими и несколькими сотнями пицальщиков; они должны были неожиданно явиться в дома князей, бояр, воевод, государственных людей, купцов и писцов и забрать у них жен; они были тотчас же брошены в находившиеся под рукой телеги, отвезены во двор великого князя

и в ту же ночь высланы из Москвы. Рано утром великий князь выступил со своими избранными в военный поход, сопровождаемый несколькими тысячами людей. Переночевав в лагере, приказал он вывести всех этих благородных женщин и выбрал из них несколько для своей постыдной похоти, остальных разделил между своей дворцовой челядью и рыскал в течение шести недель кругом Москвы по имениям благородных бояр и князей. Он сжигал и убивал все, что имело жизнь и могло гореть, скот, собак, кошек, лишал рыб воды в прудах, и все, что имело дыхание, должно было умереть и перестать существовать. [Картина этого апокалипсического кошмара остается на совести ливонских мюнхгаузен, ибо описываемое ими с такой тщательностью, не может быть реально осуществлено при всем желании и ненависти. — В.Д.]. Бедный, ни в чем не повинный люд, детишки на груди у матери — и даже и во чреве — были задушены. Женщины, девушки и служанки были выведены нагими в присутствии множества людей и должны были бегать взад-вперед и ловить кур. Все это для любострастного зрелища, и когда это было выполнено, приказал он застрелить их из лука. И после того, как он достаточно имел для себя жен указанных бояр и князей, передал он их на несколько дней своим пицальщикам, а затем они были посажены в телеги и ночью отвезены в Москву, где каждая сохранившая жизнь была оставлена перед своим домом. Но многие из них покончили с собой или умерли от сердечного горя во время этой постыдной содомской поездки».

Джером Горсей дополняет ужасную картину другими подробностями, рассказывая в том числе и о казни придворного врача — того самого знаменитого Бомелия, который выведен в качестве поставщика ядов и любовных снадобий в опере Римского-Корсакова «Царская невеста», написанной по одноименной трагедии Льва Мея.

«Царь жил в постоянном страхе и боязни заговоров и покушений на свою жизнь, которые раскрывал каждый день, поэтому он проводил большую часть времени в допросах, пытках и казнях, приговаривая к смерти знатных военачальников и чиновников, которые были признаны участниками заговоров. Князь Иван Куракин был найден пьяным... [и за это] он был

раздет донага, брошен в телегу и засечен досмерти на торговой площади шестью проволочными кнутами, которые изрезали его спину, живот и конечности. Другой, насколько я помню, по имени Иван Обросимов, старший конюх, был подвешен на виселице голым за пятки, четыре палача резали его тело от головы до ног; один из них, устав от этой долгой резни, ткнул нож чуть дальше, чтобы скорее отправить его на тот свет, но сам он за это был тотчас же взят в другое место казней, где ему отрезали руку, а так как ее не залечили как следует, он умер на другой день. Многие другие были убиты ударами в голову и сброшены в пруды и озера около Слободы, их трупы стали добычей огромных, переросших себя щук, карпов и других рыб, покрытых таким жиром, что ничего, кроме жира, на них нельзя было разглядеть. [Еще одна типичная „развесистая клюква“, до которой так охочи были во все времена иностранцы, писавшие о России: карпы, как известно, мясом вообще не питаются, а похожие на крокодилов и заплывшие жиром подмосковные щуки, должно быть, пригрезились автору во сне. — В.Д.]. <...>

Князь Борис Тулпов, большой фаворит в те времена, будучи уличен в заговоре против царя и в сношениях с опальной знатью, был посажен на кол, заостренный так, что, пройдя через все тело, он вышел у горла; мучаясь от ужасной боли и оставаясь живым 15 часов, князь разговаривал со своей матерью, княгиней, которую привели посмотреть на это ужасное зрелище. И она, почтенная добрая женщина, за этот проступок была отдана на поругание сотне стрельцов. Ее раздувшееся, нагое тело приказано было отдать псарям, бросившим ее голодным псам, растащившим его на куски, валявшиеся повсюду. <...>

В это время царь был сильно озабочен разбирательством измены Элезиуса Бомелия, епископа Новгородского и некоторых других, выданных их слугами. Их мучили на дыбе, то есть под пыткой, им было предъявлено обвинение в сношениях письмами, написанными шифром по-латыни и по-гречески, с королями Польши и Швеции, причем письма эти были отправлены тремя путями. Епископ признал все под пыткой. Бомелий все отрицал, надеясь, что что-то переменится к лучшему. <...> Его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело изрезаны проволочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы царь узнал.

Царь приказал сказать, что его зажарят живьем. Его сняли с дыбы и привязали к деревянному шесту или вертелу, выпустили из него кровь и подожгли; его жарили до тех пор, пока в нем, казалось, не осталось никаких признаков жизни, затем бросили в сани и повезли через Кремль. Я находился в числе многих, прибежавших взглянуть на него, он открыл глаза, произнося имя Бога; затем его бросили в темницу, где он и умер. Он жил в большой милости у царя и в пышности. Искусный математик, он был порочным человеком, виновником многих несчастий. Большинство бояр было радо его падению, так как он знал о них слишком много».

Что тут можно сказать? Конечно, оправдания зверствам нет и быть не может! Но, к великому сожалению, такова в те времена (да и не только в те) была действительность. Положа руку на сердце, придется признать, что, доведись противникам царя лишить его власти, боярский кровавый разгул мало бы чем отличался от опричного. Стало бы от этого кому-нибудь легче? Об иноземных же «нравах» вообще говорить не приходится. Конкретные факты — лучшее тому подтверждение. Как известно, те самые шведы, которые зарились на северо-западные русские земли, начиная с Невской битвы и кончая Полтавской баталией, и с которыми царь почти двадцать лет вел малоуспешную Ливонскую войну, неоднократно разоряли и сжигали православный Валаамский монастырь, устраивая при этом настоящую охоту за ни в чем не повинными иноками и убивая пойманных самым изощренным способом. Спрашивается: в чем провинились перед суровыми шведами смиренные иноки, посвятившие свою жизнь Богу?

Ужасы войн и расправ одинаковы во все времена. И Россия вовсе не исключение. Точно так же, как опричники царя Ивана в Москве, вели себя и «благородные» рыцари-крестоносцы на улицах и в домах Константинополя, вероломно захваченного ими в апреле 1204 года, бургундцы Карла Смелого — в кварталах Льежа, после его штурма в 1468 году, испанские конкистадоры — при разграблении столицы ацтекской империи Теночтитлана в 1521 году, солдатня Валленштейна, разорившая пол-Европы во времена Тридцатилетней войны. И так далее. Список можно продолжать в пространстве и во времени до бесконечности.

Затяжная Ливонская война началась в январе 1558 года. За полтора столетия до Петра Великого Иван Грозный попытался прорубить «окно в Европу» и вернуть России по праву принадлежавшие ей земли, отторгнутые алчными иноземцами. Праведность этой многотрудной,

кровопролитной и, к сожалению, безрезультатной войны понимали все — от царя до рядового стрельца. Всеобщее воодушевление и надежды в концентрированной форме сумела выразить летописная «Степенная книга»:

«Земля Ливонская, в которой было больше семидесяти городов, в древние времена земля та называлась Чудской, где великий князь Ярослав Владимирович и город основал в честь имени отчего — Юрьев, и многие святые церкви построил, и там были епископы православные, и подчинялись они русской митрополии. А потом богомерзкие немцы, пришедшие из-за моря, поселились в чудской земле и дань стали давать русским государям в Великий Новгород. А когда расплодились и разбогатели, и возгордились самомнением, то не только перестали дани давать Новгороду, но и начали вести войну супротивную и чинить пакости многие Великому Новгороду и Пскову, причем иногда побеждали, а иногда и сами бывали побеждены...»

(Перевод — здесь и далее — Ю.К. Бегунова)

Русские воины и многие воеводы, как всегда, когда дело идет о судьбе Отечества, проявляли чудеса героизма. Воистину всенародный отпор получили полчища польского короля Стефана Батория — одного из главных претендентов на «ливонское наследство», — вторгшиеся в русские земли и в 1582 году осадившие Псков. Горожане все как один поднялись на защиту «Брестской крепости» XVI века. Священнослужители и монахи воодушевляли стрельцов, нередко возглавляя атаки и контратаки, дети и женщины вставали рядом с мужчинами, заменяя убитых и раненых. Летописец рисует картины всенародного сопротивления с поистине эпическим и былинным размахом.

«Женщин храброе устремление. Тогда же все оставшиеся по домам женщины Пскова переменили печаль на радость, услышав благовестие, и, оставив свои женские немощи, вооружились мужскою силою, и вскоре все вышли, каждая из своего двора, неся непосильную ношу — оружие. Женщины, молодые и средних лет, обладающие крепким телосложением, взяли оружие, чтобы добывать оставшихся в живых после

приступа литовцев, а старые женщины, немощные телом, те несли в своих руках небольшие, короткие веревки, собираясь теми веревками вязать, как им было сказано, литовские пушки и тащить их в город. И все они бежали к пролomu, и каждая женщина старалась обогнать другую.

Помощь женщин. *Когда очень много женщин сбежалось к пролomu, то все они оказали весьма значительную помощь христианским воинам. Одни из них, как я уже говорил, крепкие, вооружившиеся мужскою силою, сражались с литовцами и одолевали их: одни подносили воинам камни и теми камнями убивали литовцев со стены и под стеной, другие же приносили воду уставшим и изнемогавшим от жажды воинам и утоляли их ретивые сердца от жажды. Как я уже говорил, дело было в пятницу, в праздник Рождества Пречистой, наступил вечер, а литовские воины все еще находились в Покровской башне и стреляли по христианам в городе. Государевы же бояре и воеводы, снова призвав на помощь Бога и крикнув христианским кличем, собрались все вместе. Мужчины, а с ними и женщины, устремились на оставшихся в Покровской башне литовцев, кого, как и чем Бог вразумил: одни стреляли из пицалей, другие бросали в литовцев камни, третьи же поливали их горячей водой, четвертые же зажигали ветошь и бросали горящую во врагов; словом, сражались крепко. Также и под ту самую башню подсыпали пороха и подожгли ее, и с Божьей помощью так всех остальных литовцев с Покровской башни прогнали, и так Христовой благодатью снова очистилась каменная псковская стена от скверных литовских ног...»*

...Опричнина была упразднена в конце августа 1572 года — так же неожиданно, как в свое время и провозглашена. Политика царя Ивана характеризовалась достаточной непредсказуемостью — впрочем, сия черта была присуща русским политическим деятелям испокон веков, вплоть до нашего времени.

* * *

Несмотря на свое прозвище и утвердившийся имидж Иван Грозный был одним из просвещеннейших людей своего времени. Любил петь и

сочинял музыку: его стихиры сохранились и исполняются по сей день. Царь был поразительно начитан и владел уникальной библиотекой, многие раритеты которой вместе с сокровищами византийских императоров привезла в Москву его бабка — Софья Палеолог. Библиотека, в которой наряду с другими шедеврами хранилась полностью уцелевшая «История Рима» Тита Ливия (как известно, из 142 ее книг до сих пор было найдено и опубликовано только 35), находилась в тайном кремлевском подzemелье, впоследствии следы ее затерялись, а неоднократные попытки отыскать бесценные рукописи и инкунабулы до сих пор не увенчались успехом.

Громадное значение имеет эпистолярное наследие Ивана Грозного. Его письма к разным лицам по праву считаются культурными памятниками и входят в золотой фонд древнерусской литературы. По ним изучают живой язык и мировоззрение эпохи. Царь состоял в переписке со многими монархами Европы, причем в письмах к ним чувствовал себя весьма раскованно и нередко давал полную волю страстям. Так, он однажды надиктовал такой ответ датскому королю, что посол, возвращавшийся в Копенгаген, счел за благо вообще утаить царскую эпистолу от своего верховного сюзерена. А в письме к английской королеве Елизавете он ничтоже сумняшеся обозвал венценосную особу потаскухой за то, что она не смогла повлиять на решение парламента, отклонившего ратификацию договора о военном союзе с Россией. Английских парламентариев Иван обозвал «мужиками торговыми», а Елизавете вообще перестал писать, хотя незадолго перед тем сватался поочередно сначала к ней самой, а затем, получив отказ, к ее родственнице Марии Гастингс.

Семейная жизнь Ивана заслуживает особого разговора. Естественно, все его официальные браки скрупулезно фиксировались в летописях. Что касается бурной внебрачной жизни, то она стала предметом не только бытовых слухов, но и дипломатической переписки. Мемуаристы также не оставили более чем разгульную жизнь царя без внимания. Историки обычно признают семь браков Ивана Грозного. С этой цифрой, однако, согласны не все. Церковь отказывалась освящать последние браки царя, и тот действовал вопреки мнению церковных иерархов. Брал себе очередную жену «просто так», а предыдущую отправлял в монастырь. Так поступил он, к примеру, с четвертой и пятой женами — Анной Колтовской и Анной Васильчиковой. Первые три — народная любимица Анастасия Захарьина-Юрьева, необузданная кабардинка Мария Темрюковна и смиренная Марфа Собакина, отравленная врагами и завистниками (знаменитая «Царская невеста») — померли, оставаясь царицами. Шестой женой без согласия церкви стала совершенно не вписывающаяся в логику событий «вдова

дьяка» (?!) Василиса Мелентьева. Хотя великий драматург А.Н. Островский и написал об этом браке царя драму, и она до сих пор не сходит со сцен театров, — некоторые историки подвергают сомнению сам факт существования таинственной Василисы Мелентьевой, считая упоминание ее в летописи чьей-то позднейшей «шуткой».^[25] Последняя и седьмая по счету официальная жена Ивана Грозного — Мария Нагая — стала матерью убиенного царевича Дмитрия и долго еще (уже будучи постриженной в монахини) продолжала играть роль царской вдовы в трагических событиях Смутного времени, публично признавая чудом спасшимся то одного Лжедмитрия, то другого.

Иван Грозный не колеблясь отправил в монастырь не только собственных супругов, но и первых двух жен старшего сына Ивана, смертельно раненного железным посохом во время приступа ярости в ноябре 1581 года. Считается, что причиной столкновения с сыном стали сексуальные домогательства отца к третьей жене царевича Ивана — Елене Шереметьевой. Словом, в царских покоях, в Кремле и Александровской слободе, ставшей временной столицей государства, происходило примерно то же самое, что несколько раньше в Англии времен царствования Генриха VIII: король, как известно, отличался поразительной распущенностью, имел шесть жен (с некоторыми из них он расправлялся еще более безжалостно, чем Иван Грозный, разрешая семейные конфликты с помощью палача) и не побоялся по данному поводу вступить в открытый конфликт с церковью, разорвать всяческие отношения с Папой Римским, положив начало английской Реформации и отправив заодно на плаху строптивого канцлера — великого гуманиста и основоположника европейского утопического социализма Томаса Мора.

Бог точно наказал Ивана Грозного за его грехи: царь умирал долго и мучительно. Считается, что ему помогли отправиться в мир иной раньше времени. Способ отравления выбрали изощренный — под видом лекарств давали снодобье, содержащее смертельную концентрацию ртути. Экспертиза подтвердила это недавно: во время реставрационных работ в Архангельском соборе Кремля среди прочих была вскрыта гробница Ивана IV, и его костные останки отправлены в криминалистическую лабораторию. Анализ подтвердил наличие в них повышенного содержания ртути, могущего привести к преждевременной и насильственной смерти. Одновременно известный антрополог М.М. Герасимов создал скульптурный портрет царя, восстановив по черепу его подлинный облик (рис. 136). Герасимов не поддерживал версию насильственной смерти царя. Впрочем, послушаем его самого:

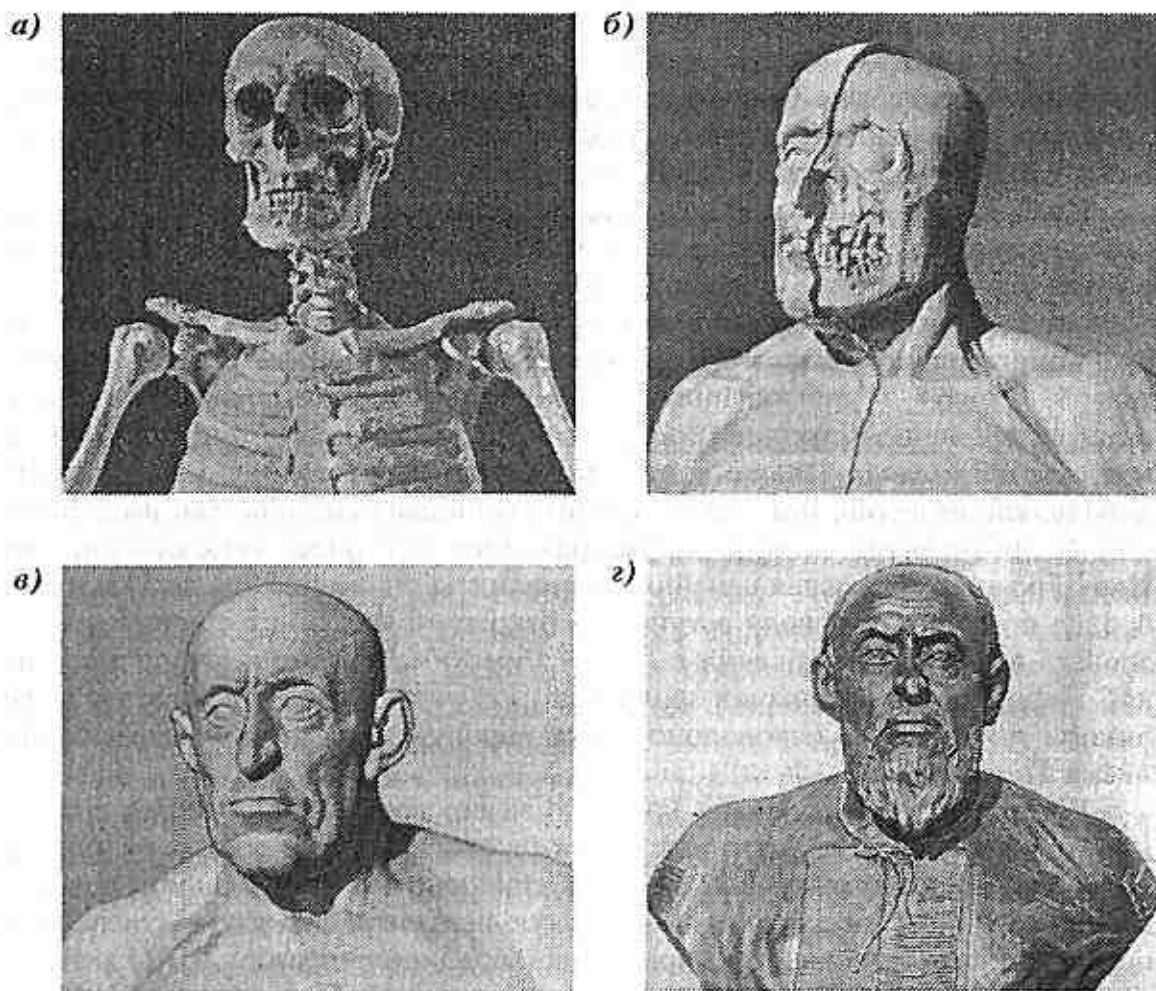

Рис. 136. Реконструкция скульптурного портрета Ивана Грозного:

а) гипсовая отливка смонтированного скелета Ивана Грозного;

б) процесс реконструкции;

в) процесс реконструкции;

г) окончательный результат реконструкции

«23 апреля 1963 года специальная комиссия Министерства культуры СССР под председательством профессора А.П. Смирнова вскрыла гробницу царя Ивана IV в целях проведения исторического исследования.

Царь был погребен в белокаменном саркофаге. Вытянутый костяк лежал на спине. Череп его слегка был повернут влево.

Правая рука сильно согнута в локте так, что кисть ее соприкасалась с подбородком. Левая рука согнута в локте под прямым углом так, что предплечье и кисть лежали поперек груди. Сохранность скелета хорошая, но основание черепа и правая височная кость совершенно разрушены, кости черепа очень хрупкие. На лице кое-где сохранились отдельные волоски бровей, усов, бороды. Скелет был перекрыт обрывками истлевшей монашеской одежды. На голове, закрывая лицо, лежали остатки клобука и венец с вышитой молитвой. На груди — вышивка с изображением распятия, Голгофы и других обычных деталей. В головах, с левой стороны, стоял синего стекла кубок, расписанный желтой краской. <...>

Царь был высок, не ниже 179 сантиметров, очень тренирован, силен в молодости, но к концу жизни сильно пополнил и, вероятно, весил более 95 килограммов.

В результате нарушения обмена веществ у него возникло раннее окостенение хрящей, в ряде случаев связок и множественное образование остеофитов на всех костях скелета. На всех суставах длинных костей можно видеть следы воспалительного процесса — полиартрита. Все хрящи грудины, гортани окостенели и хорошо сохранились. Весь этот комплекс свидетельствует о том, что Иван IV страдал постоянными болевыми ощущениями, и, вероятно, очень сильными. Это привело его к осторожному, бережливому отношению к себе. Он, видимо, предпочитал сидеть в кресле с высокой, прямой спинкой, прямо прижавшись к ней. Нам известно, что его нередко из одного покоя в другой переносили в кресле. Такое заведомое ограничение движений в конце концов привело к еще большей утрате подвижности. <...>

Из патологических изменений в скелете можно отметить значительную торзию позвонков грудного пояса. На всем скелете наблюдается окостенение хрящей, связок, очевидно, это связано с явлением артроза. Вероятно, царь страдал полиартритом, так как на всем скелете отчетливо видны следы деформирующего спондилеза. Итак, совершенно очевидно, что Иван Грозный страдал резким нарушением обмена веществ, возникшим вследствие его образа жизни. Полное отсутствие режима, невоздержание в еде и алкоголе — вот основные причины его недуга, ранней старости и смерти. Вероятнее, что

он погиб не в результате злой воли современников, а от собственного недуга. Присутствие ртути в организме следует объяснить тем, что царь пользовался ртутными мазями, ища облегчения от боли в суставах».

Несмотря на скепсис современных ученых отравление царя для его современников не являлось тайной. Об этом в один голос свидетельствуют и отечественные, и иностранные авторы. В.Н. Татищев приводит в своей «Истории Российской» факты из утраченной ныне, к сожалению, летописи, созданной в окружении патриарха Иова: здесь прямо говорится об отравлении царя Ивана. В «Записках» Станислава Жолкевского называется и главный заказчик — Борис Годунов: «Он лишил жизни Иоанна, подкупив английского врача, который царя Иоанна лечил...». Приведенный фрагмент, кстати, в свое время привлек внимание А.П. Чехова, выписавшего его при сборе материалов для диссертации «Врачебное дело в России». Другие авторы называют иных лиц, заинтересованных в скорейшем устранении царя. Удивляться этому, разумеется, не приходится, ибо к концу царствования у Ивана Грозного врагов было во много раз больше, чем при восхождении на престол.

Джером Горсей, прибывший в очередной раз в Москву с посольством, постоянно находился в Кремле и был вхож в царские покои. Англичанин стал свидетелем последних дней, часов и даже минут жизни Ивана Грозного. Однажды царь даже пригласил его посмотреть «тайную тайных» — свою сокровищницу, где самолично демонстрировал наиболее интересные драгоценные камни и рассказывал об их таинственной силе (рассказ царя дословно записан в дневник любознательного англичанина).

И царь, и его приближенные предчувствовали, что смерть не за горами. О том же свидетельствовали и ноосферные явления. В летописи про то сказано так: «В ту же зиму (1584 года) явилось знамение на небесах в Москве: меж церковью Благовещения и колокольней Ивана Великого явился крест на небесах да звезда с хвостом. Ближние люди возвестили царю Ивану о том знамении, царь же Иван, выйдя на Красное крыльцо и посмотрев на то знамение, сказал окружающим: „Сие знамение ко смерти моей“. Понятно, что хвостатая звезда — комета, которая, впрочем, добра никогда не сулила. Но огненный крест — предупреждающий знак ноосферы....

Когда в феврале у царя Ивана появились первые признаки опасного недомогания, в далекую Лапландию были срочно отправлены гонцы с заданием — немедленно доставить в столицу самых лучших колдунов и

шаманов: они должны были остановить развитие болезни и излечить царя от смертельного недуга. Но когда знаменитых саамских целителей по санному пути наконец привезли в Москву, они отказались лечить царя. «Он скоро умрет. Мы помочь бессильны», — сказали лопари-шаманы и назвали точную дату смерти — вечером 18 марта (от царя, естественно, этот безжалостный приговор утаили). Так и случилось — шаманы слов на ветер никогда не бросали.

Джером описывает последний день царя по часам и минутам. Около третьего часа пополудни самодержец отправился в баню. По дороге в мыльню распевал свои любимые стихиры. В покои вернулся около семи — довольный и распаренный. Последние дни царь самостоятельно почти не передвигался — его носили на руках приближенные. Так и в тот роковой вечер: Ивана посадили на постель, и он велел принести шахматы, до которых был большой охотник, решив сыграть перед сном партию-другую с очередным фаворитом — Родионом Биркиным, молодым рязанским дворянином, отправленным после смерти царя послом в Грузию. В некотором отдалении по рангам расположилась свита. Первым стоял Борис Годунов. Джером Горсей находился тут же и описал дальнейшее с кинематографической точностью:

«Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие — в аптеку за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником и лекарями. Тем временем он был удушен и окоченел. [Данная фраза переведена в строгой точности с оригиналом: именно она дала основание некоторым историкам предполагать, что в суматохе Иван Грозный был удушен подушкой. — В.Д]. Некоторая надежда была подана, чтобы остановить панику. Упомянутые Богдан Бельский и Борис Федорович [Годунов], который по завещанию царя был первым из четырех бояр и как брат царицы, жены теперешнего царя Федора Ивановича, вышли на крыльцо в сопровождении своих родственников и приближенных, их вдруг появилось такое великое множество, что было странно это видеть. Приказали начальникам стражи и стрельцам зорко охранять ворота дворца, держа наготове оружие, и зажечь фитили. Ворота Кремля закрылись и хорошо охранялись. Я, со своей стороны, предложил людей, военные припасы в распоряжение князя-правителя. Он принял меня в

число своих близких и слуг, прошел мимо, ласково взглянув, и сказал: „Будь верен мне и ничего не бойся“.

Митрополиты, епископы и другая знать стекались в Кремль, отмечая как бы дату своего освобождения. Это были те, кто первыми на святом писании и на кресте хотели принять присягу и поклясться в верности новому царю, Федору Ивановичу. Удивительно много успели сделать за шесть или семь часов: казна была вся опечатана, и новые чиновники прибавились к тем, кто уже служил этой семье. Двенадцать тысяч стрельцов и военачальников образовали отряд для охраны стен великого города Москвы; стража была дана и мне для охраны Английского подворья. Посол, сэр Джером Баус, дрожал, ежечасно ожидая смерти и конфискации имущества; его ворота, окна и слуги были заперты, он был лишен всего того изобилия, которое ему доставалось ранее. Борис Федорович — теперь лорд-правитель; и три других главных боярина вместе с ним составили правительство, по воле старого царя: князь Иван Мстиславский, князь Иван Васильевич Шуйский и Микита Романович. Они начали управлять и распоряжаться всеми делами, потребовали отовсюду описи всех богатств, золота, серебра, драгоценностей, произвели осмотр всех приказов и книг годового дохода; были сменены казначеи, советники и служители во всех судах, так же как и все воеводы, начальники и гарнизоны в местах особо опасных. В крепостях, городах и поселках, особо значительных, были посажены верные люди от этой семьи; и таким же образом было сменено окружение царицы — его сестры. Этими мерами он [Борис Годунов] значительно упрочил свою силу и безопасность. Велика была его наблюдательность, которая помогла ему быть прославляемым, почитаемым, уважаемым и грозным для его людей, он поддерживал эти чувства своим умелым поведением, так как был вежлив, приветлив и проявлял любовь как к князьям и боярству, так и к людям всех других сословий».

Ко дню кончины царю Ивану Васильевичу Грозному шел всего лишь 54-й год, хотя на дошедших прижизненных портретах выглядел он глубоким стариком (рис. 137). Сохранился и словесный портрет царя Ивана — на основании свидетельств очевидцев его дал князь Семен Иванович Шаховской в собственноручно написанной «Летописной книге»:

Рис. 137. Иван Грозный. Прижизненный портрет

«Царь Иван лицом был некрасив, очи имел серые, длинный крючковатый нос; ростом высок был, сухопар, плечи поднятые, имел грудь широкую, руки крепкие. Был мужем великого разума, в премудростях книжных искусен, весьма красноречив, в бою смел и своему отечеству заступник. С подданными своими, порученными ему от Бога, был он очень жесток, в кровопролитии и казни решителен и неумолим. Множество людей от мала и до велика в царствование свое истребил, многие города свои разграбил, многих священноначальников заточил и смерти жестокой предал, и разное другое сотворял с подданными своими, и многих женщин и девиц блудом осквернил. Тот же царь Иван и много хорошего сделал. К воинам своим был весьма благосклонен и все, что требовалось для них, из казны своей щедро раздавал. Таков был царь Иван».

История все расставила по своим местам. Как бы ни кляли царя Ивана прошлые и нынешние историки и в каких бы смертных грехах его ни обвиняли — они не в силах отрицать: величие России, ее авторитет для остального мира, ее стратегическая мощь во многом утвердились и

окончательно укрепились именно в эпоху Ивана Грозного. Его наиболее дальновидным последователям, таким, как Петр I и Екатерина II, осталось добавить лишь несколько дополнительных штрихов к тому великому геополитическому полотну, которое именуется Россией.

Подлинно великие историки (а также политики и писатели) всегда осознавали истинное значение мощной и противоречивой фигуры Ивана IV для последующих судеб Отечества. Их точку зрения во многом сумел выразить Н.М. Карамзин, не пожалевший черной краски, чтобы во всех отвратительных подробностях показать мерзкие деяния Ивана Грозного, и вместе с тем завершивший 9-й том «Истории Государства Российского», посвященный царствованию предпоследнего представителя династии Рюриковичей, следующими провидческими словами:

«В заключение скажем, что добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмилась новейшими; но имя Иоанново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех царств могольских [так!]: доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы царя-завоевателя; чтил в нем знаменитого виновника нашей государственной силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название мучителя, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доныне именует его только Грозным, но различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну. История злопамятнее народа!»

* * *

Историки разного калибра вылили на Ивана Грозного столько грязи, сколько не выливали, пожалуй, на всех остальных Рюриковичей вместе взятых. И что же? Как уже отмечалось, в обыденном сознании мощная и колоритная фигура грозного царя нисколько не померкла. В представлении последующих поколений она стала такой же эпической, как былинные князья и богатыри.

Нелишне отметить также, что наши представления о царе Иване IV в последние полстолетия формировались под воздействием не только

летописных первоисточников и многочисленных научных или околонучных исследований, но также и художественного фильма Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный». Его влияние на массовое сознание в психологическом ключе сравнимо разве что с ошеломляющим впечатлением, которое производило на зрителей — особенно первоначально — полотно Ильи Репина «Иван Грозный убивает своего сына» (так оно прозвано в обиходе).

Хорошо это или плохо? Правильно или неправильно? Думается, что применительно к данному конкретному случаю — совсем даже неплохо. Сергей Эйзенштейн (1898–1948) создал монументальное кинополотно, равного которому ранее мировой кинематограф не знал (и по сей день не знает). Здесь все гармонично: прекрасный, продуманный сценарий, гениальная режиссура; классический, хрестоматийный монтаж; великолепный актерский ансамбль и неповторимая музыка Сергея Прокофьева. По мнению всех без исключения кинокритиков и авторитетных жюри, творение Эйзенштейна входит в число десяти лучших фильмов всех времен и народов, нередко открывая этот список. ^[26]

Фильм никогда бы не стал шедевром, если бы в нем отсутствовали правдивые исторические образы. Автор фильма — не просто выдающийся кинорежиссер, но и один из самых эрудированных людей своего времени. Прежде чем приступить к написанию сценария, а затем и постановке фильма о царе Иване, он изучил все летописные своды и необозримый океан прочей литературы. В итоге была создана добротная научно-художественная фактура, которая объективно отражала роль жестокой и трагической личности царя и государя всея Руси как радетеля Отечества. Здесь — в противовес обывательским и псевдонаучным стереотипам — успешно преодолен барьер очернительства и отброшен ярлык «кровавого деспота» (приклеенный в основном иностранными злопыхателями).

Судьба великого фильма сложилась трагично. Первая серия, снятая в тяжелейших условиях эвакуации (работа началась в апреле 1943 года; фильм вышел на экраны в январе 1945 года), вызвала — несмотря на трудности проката в военное время — всеобщий восторг и получила Сталинскую премию 1-й степени. Вторая серия была отснята ударными темпами, но ее постигла печальная участь. Просмотрев готовый материал, Сталин произнес только одно слово: «Смыть!» После смертельного приговора вождя фильм на целых двенадцать лет был запрещен к показу и вышел на экраны уже после осуждения «культа личности». Работа над третьей серией была тотчас же прекращена; успели отснять только несколько эпизодов, из коих сохранился, по меньшей мере, один — допрос

немецкого опричника и лазутчика Генриха Штадена. Однако полный киносценарий был издан ранее, и сегодня нетрудно проникнуть в общий замысел всего фильма. Сохранилась и подробная раскадровка третьей серии, сделанная самим Эйзенштейном, который был отменным рисовальщиком. Безусловно, впечатляет финал трилогии: царь Иван на берегу Балтийского моря — его заветной мечты и, быть может, главной цели всей его жизни (рис. 138). Данная тема рефреном песни (слова Владимира Луговского) проходит через все три серии фильма.

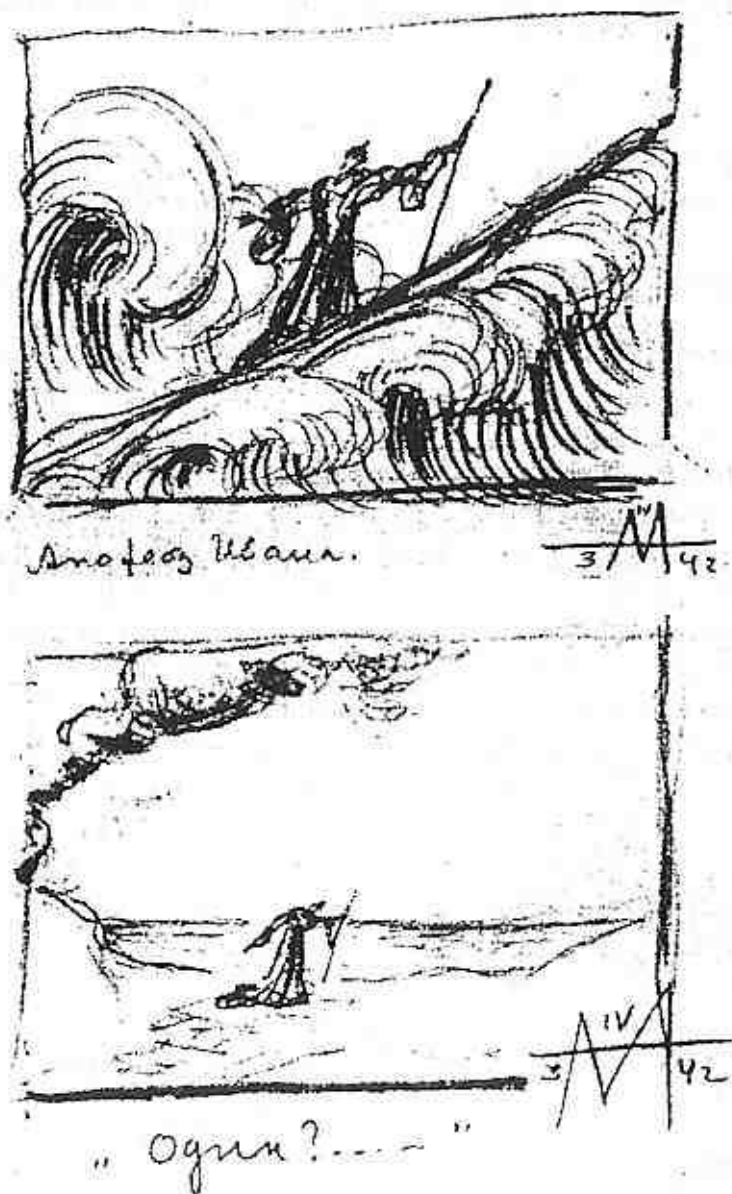

Рис. 138. Наброски Сергея Эйзенштейна к финалу

неосуществленной третьей серии фильма «Иван Грозный»

Сталин не скрывал причин своей немилости. Его раздражали не только сцены, в которых Иван Грозный терзается из-за происходивших по его наущению смертоубийств, но общая концепция сценария. Пригласив создателей фильма на беседу, он высказал одну поразительную мысль, любопытную с точки зрения представлений генералиссимуса о русской истории. Эйзенштейну и Черкасову (исполнителю главной роли) было заявлено следующее: «Вы показали Ивана Грозного чересчур мнительным и мягким (вот так-то!) царем: если бы он довел опричнину до конца и перерезал *всех* бояр, не было бы в России впоследствии никакого Смутного времени». Безусловно, доля истины в словах Сталина есть. Но сколь же жестока сия истина!

Глава 7

СМУТНОЕ ВРЕМЯ — ЯСНЫЙ УМ

(Период безвластия и летописание Смутного времени)

*...И племена сразились,
Русь обняла кичливого врага.*

Александр ПУШКИН

*Но чу! Там пушка грянула,
Во тьме огонь блеснул,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гул!..*

*Молитесь Богу, братия!
Начнется скоро бой!
Я слышу их проклятия,
И гиканье, и вой;*

*Несчетными станицами
Идут они вдали,
Приляжем за бойницами,
Раздуюм фитили!..*

Алексей К. ТОЛСТОЙ

Развитие отечественной истории пошло не по Сталину. Иван Грозный не сумел перерезать всех бояр, распустил опричнину, умер, не доведя до конца многие из начатых дел и оставив государство без достойного наследника. Впереди страну ждали еще более тяжелые испытания, в сравнении с которыми предшествовавшие годы могли показаться раем земным. Приближалось Смутное время. Принеся стране неисчислимые беды, оно в конце концов подтвердило простую истину, хорошо известную уже двум Иванам: Россия не может существовать в форме безразмерного народного вече, а должна иметь твердый и нестигаемый стержень централизованной власти.

В погожий майский день 1591 года на зеленой солнечной лужайке случилось одно из самых трагических событий русской истории, повлекших за собой нескончаемую череду бед и несчастий, — в Угличе безвинно погиб последний сын царя Ивана Грозного — восьмилетний царевич Дмитрий, считавшийся из-за бездетности правящего царя Федора Иоанновича наследником престола. Вот как сие событие освещено в русской летописи, именуемой Новый летописец:

«Об убиении царевича Дмитрия Ивановича и запустении града Углича. По преставлении царя Ивана Васильевича на восьмой год, Бог попустил ради грехов наших во многих знатнейших [людях] сугубую зависть, и гордость, и неправду, не только друг к другу, и ненавидели одни других, но и на самого государя помышляли смертным убийством и неправду творили. С ними же дьявол, искони ненавидящий род человеческий, видя братьев Федора и царевича Дмитрия, ни о чем же земном не радеющих, ни славы мира сего, ни богатства не желающих, и не мог ни в чем их упрекнуть, никому же зла [они] не желали. Вложил же дьявол в знатнейших не желание чести друг перед другом, не желание отеческого достояния чужого, но один из них мыслью тщился самодержавство восхитить и старейшиной хотел быть в Русском царстве. Из них же, знатнейших, был боярин Борис, называемый Федоровичем, Годунов, ненавидел братию свою бояр, и бояре его не любили, потому что многих людей [он] погубил напрасно. И вложил дьявол ему в мысль извести праведного своего государя царевича Дмитрия; и помышлял себе: „Если изведу царский корень, то буду сам властелин в Руси“, — как окаянный Святополк умышлял на братьев своих Бориса и Глеба: „Если перебью братьев своих, то буду один властелин в Руси“, — а не ведал того, что Бог власть кому хочет, тому дает. Сей же окаянный Святополк послал братьев своих убить, так же и Борис послал в Углич, чтобы сего праведного [царевича] отравить зельем. Ему же, праведному царевичу Дмитрию, давали смертоносное зелье, когда в еде, когда в питье, но Бог хранил праведника, не хотя втайне его праведную душу принять, а хотя его праведную душу и неповинную кровь объявить всему миру. Борис же, про то услышав, что ему [царевичу] ничего не вредит, и огорчившись тем, призвал братьев своих Годуновых и советников своих

Андрея Клешина с товарищами и поведал им, что [царевичу] ничего не вредит. <...> И вошел дьявол в одного из них, Михаила Битяговского. И как вошел сатана в Иуду Искаротского, и тот пошел к иудеям, говоря: „Что мне дадите, чтобы я вам предал Иисуса?“; они же поставили ему тридцать сребреников, и он начал выжидать, чтобы предать Иисуса, — так и сей окаянный Михаил, замыслив на своего государя, на такого чистого агнца, пошел к Андрею Клешину и возвестил ему: „Я хочу волю вашу сотворить“. Андрей же обрадовался, и пошел к Борису, и возвестил ему все. Борис же того Михаила повелел привести с великой радостью, и обещал воздать ему большую честь, и, одарив его, отпустил в Углич, да с ним же отпустил сына его Данилку да Никитку Качалова, и велел им ведать в Угличе все. Они же пошли в Углич, как волки рыкающе на праведного, и пришли в Углич вскоре, и начали всем владеть. Царица же Марья Федоровна, видя их злокозненное умышление, начала его [царевича] беречь и никуда от себя из хором не выпускала. Они же, окаянные, посоветовавшись с мамкой его с Марией Волоховой да с сыном ее Данилкой, и решили они его, праведного, убить в лето 7099 (1591), месяца мая в 15-й день. Мать же его, благоверная царица Марья, была у себя в хоромех; сия же окаянная мамка Волохова обратилась к праведному с лживой речью; как змия, прельстившая Еву, так же и сия окаянная обольстила мать его, и взяла его и повела на двор. Кормилица же его, воспитавшая его грудью своей, не хотела пустить его, но она, [Волохова] окаянная, едва ли не силою повела его на заклание; сия же кормилица его пошла с ним на нижнее крыльцо. Сии же окаянные [убийцы], как звери ярости исполненные, подошли к крыльцу. Тот же злодей Данилка Волохов, взяв праведного за руку, сказал ему: „Сие у тебя, государь, новое ожерелье?“ Он же ему отвечал тихим голосом, подняв шею и кольнул ножом праведного по шее и не достал ему до гортани. Сия же кормилица, видя погибель государя своего, упала над ним и начала кричать. Тот же окаянный Данилко бросил нож и побежал; союзники же его Данилко Битяговский да Никитка Качалов начали ее бить и едва живую оставили, праведного же у нее отняли и заклали, как чистого агнца, юнца восьмилетнего. <...> ...Один соборный пономарь, видя такую погибель, заперся на колокольне и начал бить в колокол; окаянные же к нему

приступали, хотели его убить, и не смогли. Люди же его [царевича], и братия, и дядья, и все люди града Углича сбежались на его государев двор и увидели себе погибель: государя своего лежащего мертвого, мать его и кормилица тут же у тела лежали, как мертвые; они же над телом его вопили и сих убийц, Михаила Битяговского с женой и с их советниками, побили камнями. Те же окаянные Никитка и Данилко побежали, и пробежали двенадцать верст; кровь же праведного вопияла к Богу и не пустила их; они же, окаянные, возвратились назад. Горожане же и их побили камнями, и всех их, окаянных, побили двенадцать человек и бросили в яму псам на съедение. Тело же его [царевича] праведное положили во гроб и понесли в соборную церковь Преображения Спасова. К царю же Федору послали гонца возвестить, что убиен был брат его от рабов; гонца же привели в Москве к Борису, Борис же велел грамоты переписать, а писать повелел, что [царевич] одержим был недугом и сам себя зарезал небрежением Нагих, и [велел] донести грамоты до царя Федора. Царь же, слыша об убиении брата своего, долго плакал и не мог ничего сказать. <...> Борис же с боярами пошел к пытке и Михаила Нагого и Андрея и других Нагих пытал крепко, чтобы они сказали, что [царевич] сам себя заклал. Они же никак того не говорили: то и говорили, что от рабов убиен был. Борис же разъярился, хотел и остальных погубить; царицу Марию повелел постричь и сослать в пустынное место за Белоозеро, а Нагих всех разослал по городам по темницам; город же Углич повелел разорить, за то, что убили тех окаянных и на него [как на убийцу] говорили. И иных казнили, иным языки вырезали, иных по темницам разослали; множество же людей отвели в Сибирь, и поставили град Пелым, и ими населили, и от того Углич запустел...».

(Перевод С.Ю. Шокарева)

Итак, убийство или несчастный случай (рис. 139)? Как видим, летописец совершенно однозначно отвечает на этот сакраментальный вопрос, вот уже более четырехсот лет волнующий общественное мнение. Уж больно выгодна была смерть юного царевича фактическому правителю России — Борису Годунову. Да разве ему одному? Будущий царь-временщик сам под Богом ходил. У него было множество смертельных

врагов из числа родовитых бояр, в чьих жилах текла кровь Рюриковичей, а не золотоордынского мурзы Чета — основоположника рода Годуновых. Несомненно, более законные претенденты на царский престол неоднократно предпринимали попытки устранить удачливого конкурента с помощью яда или кинжала (о чем доподлинно свидетельствуют современники — летописцы и иностранные хронографисты).

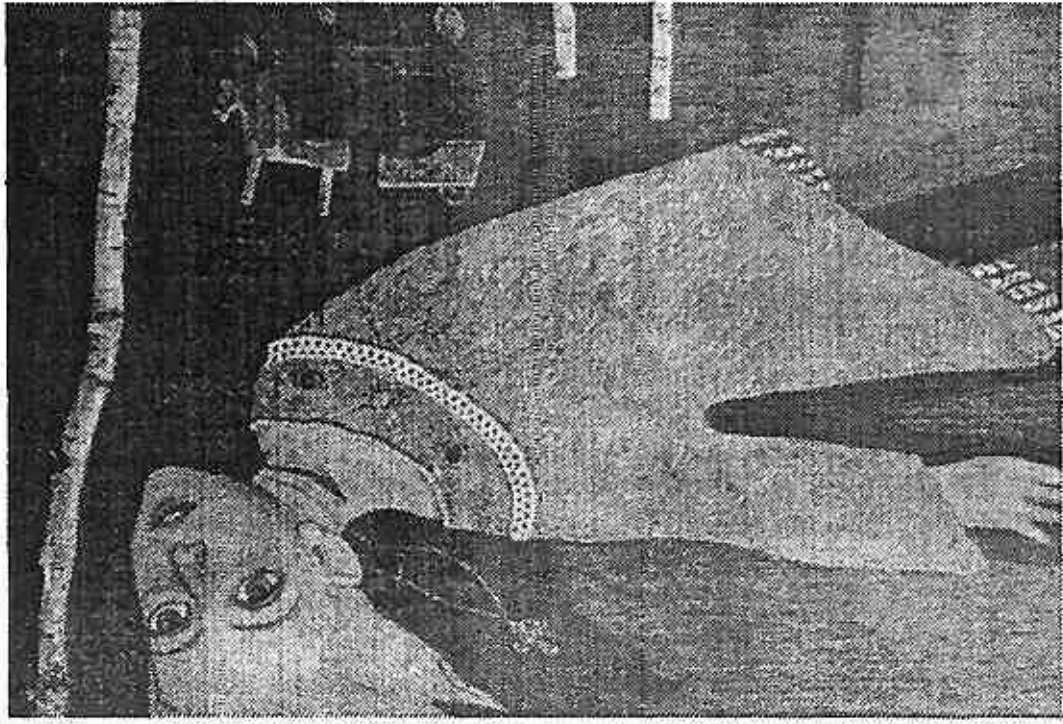

Рис. 139. Легенда о царевице Дмитрие. Художник Илья Глазунов

Следственная комиссия во главе с лукавым царедворцем Василием Шуйским, отправленная в Углич для проведения дознания, подготовила вывод, выгодный Годунову: царевице Дмитрий погиб случайно. Но разве верил кто-нибудь на Руси хоть когда официальным точкам зрения! Во все времена народ дурили с одинаковым упорством и переменным успехом. А потому он предпочитал с простецким сомнением относиться к тому, в чем его пытались настойчиво убедить. Иначе разве могла бы возникнуть в России столь благодатная питательная среда для появления одного за другим нескольких самозванцев, выдававших себя за чудом спасшегося царевице Дмитрие?

В преднамеренном убийстве несчастного царевице мало кто

сомневался с самого начала. Вездесущий и всезнающий Джером Горсей в день убийства, как бы сие неправдоподобно прозвучало, находился совсем близко от места события — в Ярославле. Ночью к нему из Углича даже прискакали гонцы — за лекарством для впавшей в глубокий обморок вдовствующей царицы. Они-то и посвятили англичанина во все подробности: царевича зарезал убийца, подсланный Борисом Годуновым. Хотя Горсей еще со времен царя Ивана считал себя другом Бориса, а после восшествия того на престол был к нему еще более приближен, в своих «Записках» он нигде не оспаривает версию преднамеренного убийства. В народе тоже особых заблуждений на сей счет не испытывали. Выше уже приводились слова двух песен об Иване IV, в которых народ выражал свое мнение о грозном царе. А теперь поглядим (жаль, послушать нельзя!), что пел народ примерно в те же времена о Борисе Годунове:

*...Как преставился-то наш православный царь
Федор Иванович,
Так досталась-то Россеюшка злодейским рукам,
Злодейским рукам, боярам-господам.
Появилась-то из бояр одна буйна голова,
Одна буйна голова, Борис Годунов сын;
Уж как этот Годун всех бояр-народ надул.
Уж и вздумал полоумный Россеюшкой управлять,
Завладел всею Русью, стал царствовать в Москве.
Уж достал он и царство смертью царя,
Смертию царя славного, святого
Дмитрия-царевича...*

* * *

После смерти Ивана IV бояре полностью обнажили свою антипатриотическую сущность. Укротить их сепаратизм и местничество оказались не в состоянии ни мягкотелый Федор Иванович (1557–1598) — последний царь из династии Рюриковичей, ни новоизбранный Борис Годунов (ок. 1552–1605) (рис. 140). Даже ему — твердому, как камень, потомку татарского мурзы — не хватило силы и организаторских способностей, чтобы обуздать боярское своеволие. Сразу же после смерти царя-временщика на Руси образовался вакуум власти, и наступило Смутное

время. Время-то оно конечно смутное, но голова при всем при том у очень многих оставалась удивительно ясной. Особенно у летописцев! Уж они-то (не чета современным историкам!) совершенно четко представляли, откуда Руси грозит главная опасность. В Новом летописце даже отдельная статья на сей счет имеется и называется безо всяких там недомолвок — «О розни и недружбе боярской». В них-то корень всех бед. Самобытный историк Иван Егорович Забелин (1820–1908) правильно заметил, что Смута на Руси родилась задолго до эпохи самозванчества, и зародилась она не где-нибудь, а в царском дворце да боярских теремах. Самозванцы же — дело вторичное. Сначала благоприятная почва создается, поле вспахивается и тщательно удобряется, а потом уж самозванцы появляются и раскидывают повсюду семена чертополоха. В подобных случаях можно еще сказать: если бы самозванца не было, его следовало бы выдумать.

Рис. 140. Борис Годунов. Миниатюра из «Титулярника»

Но выдумывать не пришлось. Первый самозванный могильщик России был выпестован в самом ее сердце — Московском Кремле. Здесь, в

расположенном на его территории Чудовом монастыре, никому не известный доселе чернец Григорий из рода Отрепьевых (рис. 141) замыслил черное дело — объявить себя чудом спасшимся царевичем Дмитрием. И ведь не просто так замыслил, не с кондачка — знал ведь ловкий авантюрист, собственными глазами видел, что бояре в лютой ненависти друг к другу, как черви яблоко, выели все нутро несчастной державы, что готовы продать они ослабленное ими же Отечество кому угодно ни за понюшку табаку. Все просчитал Гришка Отрепьев.^[27] И к кому обращаться следует — точно прикинул: знал ведь, что поляки, подобно стервятникам, бросятся на ослабевшее и истерзанное тело России. Так оно и случилось. Дальнейший ход событий, который привел к затяжной и кровопролитной гражданской войне, прекрасно известен из школьных учебников, хрестоматийной трагедии Александра Пушкина «Борис Годунов», ее экранизации Сергеем Бондарчуком, одноименной оперы Модеста Мусоргского и т. д.

Рис. 141. Григорий Отрепьев — Лжедмитрий I

История быстро во всем разобралась. Прекрасно видели сущность самозванщины и летописцы. О Григории Отрепьеве, захватившем царский трон под именем Дмитрия, в подготовительных материалах к летописной «Степенной книге» можно прочесть следующее:

«Явился предтеча богоборного антихриста, сын тьмы, родич погибели, из чина иноческого и дьяконского и вначале светлый ангельский чин отринул и отторгнул себя от участи христианской, как Иуда из пречистого сонма апостольского. И бежал в Польшу и там скрижали сердца своего бесчисленными богомерзкими ересями наполнил и, тьмообразную свою душу еще больше предавая в руки сатаны, вместо святой христианской веры греческого закона лютеранскую треокаянную веру возлюбил. И бесстыдно назвал себя царем Димитрием, вечнопамятного царя Ивана сыном, утверждая, что избежал рук убийц. И попросил помощи у литовского короля, чтобы идти с воинством на великую Россию...».

(Перевод С.К. Россовецкого)

Летописцу вторит популярная народная песня о Гришке-расстриге:

*На нас, братцы, Господь разгневался,
На славное царство Российское,
На Российское царство, на Московское:
Дал Господь царя несчастливого,
Называется, собака, прямым царем,
Прямым царем, царем Дмитрием,
Дмитрием, царевичем Московским...*

Первый самозванец так и остался в народной памяти Гришкой-расстригой, собакой-царем (второй, как известно, получил прозвание Тушинского вора). Недолгое (по счастью!) царствование Лжедмитрия I ознаменовалось безудержным разграблением без того давно уже опустошенной России и поразительным личным распутством царя-самозванца. Хорошо известен его первый «подвиг» на данном поприще — надругательство над дочерью Бориса Годунова Ксенией, сделанной наложницей и через месяц отправленной в монастырь.^[28] Менее известны последующие похождения бывшего чернеца Чудова монастыря. О них поведал очевидец событий — голландский купец Исаак Масса, оказавшийся по торговым делам в России и оставивший правдивые записки о Лжедмитрии I:

«...В Москве его самыми близкими и надежными друзьями были: Петр Басманов, которого он поставил главным воеводою и всегда оказывал ему помощь и содействие, но это был большой плут и лстец, не боявшийся ни Бога, ни людей; эти трое сообща творили бесчестные дела и распутничали, ибо Молчанов был сводником и повсюду с помощью своих слуг выискивал красивых и пригожих девиц, добывал их деньгами или силою и тайно приводил через потаенные ходы в баню к царю; и после того как царь вдосталь натешится с ними, они еще оказывались довольно хороши для Басманова и Молчанова. Также, когда царь замечал красивую монахиню, коих в Москве много, то она уже не могла миновать его рук, так что после его смерти открыли, по крайней мере, тридцать брюхатых».

Московский обыватель, как это было во все времена — вплоть до сего дня, оставался самым собой. Когда в столицу въезжала жена Лжедмитрия I, «гордая полячка» Марина Мнишек — дочь сандомирского воеводы и магната, — москвичи высыпали на улицы от мала до велика. Однако им не пришлось по нраву ни сама царица, ни громадный отряд до зубов вооруженных польских витязей, которых на Руси по привычке именовали литовцами или еще короче — литвой. Поляки сразу же почувствовали себя хозяевами положения, повели себя нагло и высокомерно — да так, что уже через девять дней против заносчивых иноземцев в Москве вспыхнуло всенародное восстание. Его поспешил оседлать и использовать в личных интересах опытный боярский интриган Василий Шуйский. Заговорщики ворвались в Кремль и расправились с Лжедмитрием. Летописец описывает произошедшее во всех подробностях:

«Об убиении Расстриги. Люди же Московского государства, видя такой гнев Божий на себя, единодушно все замыслили, как бы против него, окаянного, сотворить [заговор], чтобы православная вера до конца разорена не была. Против него же, Расстриги, больше всех выступал тот же князь Василий Шуйский с братьями; собравшись, пришли на него того же месяца мая в 14-й день. За него [Расстригу] стояли советники его, Петр Басманов с немцами и с стрельцами московскими. Они же [Шуйские с товарищами], призвав Бога в помощь, пошли на врага. Он же [Расстрига], видя то, выбросился из палаты в окно, стрельцы же его подхватили и

привели опять в палату, и бились за него. Начали же стрельцы боярам говорить: „Идем к царице, допросим ее, и если будет, [что он] истинный сын ее, мы все помрем за него, а если скажет, что не истинный, то в нем Бог волен“. И пришли к царице, и спросили ее. Она же со слезами возопила: „Ныне знаю его, окаянного: называла его сыном своим ради страха смертного“. Пришли [от] нее и его, Расстригу, убили, и угодника его Петра Басманова убили с ним же: и вывезли на Пожар, и лежал [труп Расстриги] три дня на Пожаре, всему народу на обозрение, и Петр Басманов с ним же. Через три дня повезли его в Котлы и сожгли, а Петра Басманова схоронили у [церкви] Николы Мокрого. <...> После убиения Расстриги, в тот же день, поднялся весь мир и пошел по дворам [на литовских людей] приступом. Они же, литовские люди, оборонялись и многих людей побивали. И многие дворы взяли приступом, и побили множество литовских людей, а некоторые отсиделись, и по дворам имущество их разграбили, да с ними же разграбили и дворы русских людей. И бояре, услышав про то, народ едва отбили от дворов. Литовских же людей посадили по дворам и приставили к ним приставов».

В ходе погрома было убито не менее 2000 «гостей» из Речи Посполитой. Про то, что случилось дальше, рассказывает другой летописец:

«И положили его [Расстригу] нагим, ничем не прикрытым, перед воротами городскими на площади в назидание, а в ногах его положили боярина Петра Басманова: с ним заодно убит был народом. И так лежали трупы их перед воротами городскими на площади три дня, а на четвертый день повелели бояре труп его сжечь на всполье города, во аде, который сам при жизни своей создал».

Пепел самозванца, как известно, собрали, зарядили в пушку и выстрелили им в том направлении, откуда он пришел, — в назидание всем последующим охотникам до русского богатства. Новым царем был скоропалительно избран Василий Шуйский. Но как избран — путем выкриков из толпы (безусловно, подученных и подкупленных людей). Так или иначе — в России появился новый царь. Но вскоре вместо

предполагаемого замирения наступили еще худшие времена. Царю сразу же пришлось увязнуть в безуспешной борьбе с разгорающейся, как раздуваемый ветром лесной пожар, смутой — причем по трем направлениям: народное восстание, появление нового Лжедмитрия и иностранная интервенция.

Стихийное возмущение народа обернулось невиданной по своим масштабам крестьянской войной, которую возглавил Иван Болотников (год рождения неизвестен — погиб в 1608 году) — энергичный и опытный вожак, способный воодушевить и увлечь за собой народные массы. Поначалу к нему примкнули хорошо организованные дворянские отряды, недовольные новым царем Василием Шуйским и его пробоярской политикой. Болотников дважды громил регулярные царские войска, подходил к самой Москве и осаждал ее, но вынужден был отступить из-за предательства дворянских союзников, перешедших на сторону Шуйского. Схваченный после героической обороны Тулы, крестьянский вождь был ослеплен и утоплен.

Между тем в России объявился новый самозванец, так же как и первый, утверждавший, что он и есть чудом спасшийся царевич Дмитрий. В истории он известен как Лжедмитрий II (рис. 142), однако его подлинного имени и происхождения никто до сих пор не знает. Далее все произошло, точно в повторенном фильме: Мария Нагая (инокиня Марфа) признала в нем своего сына, а Марина Мнишек — мужа. К новоявленному Лжедмитрию примкнули несколько хорошо оснащенных польских отрядов (по существу — целых армий), остатки разгромленных войск Болотникова и все, кто имел причины ненавидеть режим Шуйского. Инсургенты подошли к Москве и на полтора года закрепились в районе Тушина, отчего в народе тотчас же были прозваны «тушинцами», а их предводитель получил кличку — Тушинский вор. В надежде на скорую и богатую добычу польско-литовские войска во главе с литовским гетманом Сапегой немедленно осадили Троице-Сергиевский монастырь. Но осада неожиданно затянулась на шестнадцать месяцев. Оказавшиеся в кольце блокады монахи, проявляя чудеса героизма, сражались «аки барсы» и не допустили поругания и разграбления русской святыни.

Рис. 142. Лжедмитрий II — Тушинский вор

Нужно было что-то срочно предпринимать. Но что? Василий Шуйский рассудил чисто по-боярски: в противовес полякам нужно пригласить их непримиримых врагов — шведов. Запутанные европейские события XVI века, в основе которых лежали непримиримые противоречия между католиками и протестантами, привели в свое время к вторжению на польские земли шведских войск (вспомним классический роман Генрика Сенкевича «Потоп»). В качестве платы за будущую военную помощь боярский царь, не колеблясь, отдал шведскому королю часть исконно русских земель и городов (Иван-город, Ям, Копорье, Орешек и Корелу). Шведам даже во сне не мог присниться столь лакомый кусочек, полученный почти что даром, и в северо-западные земли был отправлен экспедиционный корпус Делагарди, который вскоре повернет оружие против русских союзников.

Ноосферная ситуация в России характеризовалась в это время крайней хаотичностью и непредсказуемостью. Были однако и обнадеживающие факты. Ярким примером явилась личность молодого князя и царского племянника Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (1587–1610) (рис. 143). Талантливый и не по годам одаренный полководец быстро стал всенародным любимцем, о нем при жизни складывали песни. Именно 20-

летнему Скопину царь был обязан разгромом крестьянской армии Ивана Болотникова под Москвой. И теперь в решающий час испытаний дядя бросил племянника на самый решающий участок. Скопин-Шуйский разгромил отряды Тушинского вора в северных областях и погнал их от Вологды и Великого Устюга назад в Тушинский лагерь, попутно разгромив гетмана Сапегу, осаждавшего Троице-Сергиеву лавру (одновременно другие воеводы добились успеха на Волге). У тушинцев сдали нервы, они сняли осаду Москвы и бежали в Калугу, где Лжедмитрия II вскоре убили его же сподвижники.

Рис. 143. Михаил Скопин-Шуйский

На территории России в то время бесчинствовали еще и регулярные войска во главе с польским королем Сигизмундом, которые осадили Смоленск. Все надежды были на полководческий талант Скопина, и он деятельно готовился к отпору интервентам. Однако неожиданно и без видимых причин Михаил Скопин-Шуйский скончался в Москве в возрасте 23 лет. Мало кто сомневался, что молодой князь был отравлен — причем своими же родичами, которые видели в нем опасного конкурента, реально претендовавшего на царскую власть после смерти или устранения Василия Шуйского, чей авторитет (или, как бы сегодня сказали, рейтинг) к тому времени снизился до нуля.

«Повесть о победах Московского государства» передает глубину горя, охватившего россиян-патриотов:

«Тогда же князь Михаил Васильевич в царствующем городе Москве был верен царю и любим им, в великом почете и славе пребывал, всеми почитался и прославлялся и готовился в поход на государевых неприятелей, желая из Московского государства супостатов и врагов государя вон выгнать и до конца истребить, и свою мудрость, и мужество, и храбрость перед всеми показать, и государство Московское освободить. И хотел идти из города Москвы со всеми своими полками на государевых неприятелей и врагов, чтобы очистить Московское государство, желая прекратить пролитие крови христианской, и ожидал, когда просохнут весенние пути, потому что в то время земля, залитая половодьем, после таяния снегов еще не затвердела. И видя его истинную веру, и великое добродетельное к государю усердие, и о всех православных христианах великую заботу, видя в нем защитника православной христианской веры, искони ненавидящий добрые дела рода человеческого древний змей, дьявол — никогда ведь он не совершает добра, но на зло поощряет — внушил некоторым государевым боярам злой совет и злокозненную мысль, начал возбуждать в них вражду к тому мудрому и храброму воину Христову, и цареву доброхоту, и в бедах помощнику, и правоверным утешителю, к государеву боярину и правителю, князю Михаилу Васильевичу, вложил в них злобную зависть, видя, что он мудрый, и многознающий, и разумный, и сильный, храбрый и мужественный, и всяческой красотой Богом украшенный, и сияющий в чести и славе, и всеми почитаемый и прославляемый. <...>

Они же, злоумышленники, долго удобного случая искали и, обманув лестью, со многими хитростями принесли и поставили перед ним яд смертельный. Он же, великого их обмана и лукавства не ведая, испробовал питье, со злым намерением приготовленное, и вскоре овладела им злая и смертная лютая мука. И сошлись к нему его близкие, горько плакали, видя тяжкие страдания его, недоумевая, что сделать, и только от всего сердца рыдая и скорбно плача. Врачи многие приходили к нему, и видели его смертную муку, и не смогли ему никакой помощи оказать.

Он же в жестоких страданиях лежал, и перед Богом исповедовался, и всем грехи прощал, и ни к кому злобы не имел. И причастившись пречистого тела и крови Господа нашего Иисуса

Христа и недолго проболев, предивную свою душу Богу предал, к Господу отошел. Была же кончина его 23 апреля, в день памяти святого великомученика и победоносца Христова Георгия. В тот день умер благородный и мудрый, посланный Богом воевода, храбрый, благоразумный и милостивый государев боярин князь Михаил Васильевич Шуйский-Скопин».

(Перевод Г.П. Енина)

* * *

В результате четырехлетнего царствования Василия Шуйского и ожесточенной гражданской войны Центральная Россия превратилась в подобие кладбища. Вот какую картину нарисовал один из современников событий: «Жилища человеческие превратились в логовища зверей: медведи, волки, лисицы и зайцы свободно гуляли по городским площадям, и птицы вили гнезда на трупах человеческих. Люди сменили зверей в их лесных убежищах, скрывались в пещерах, непроходимых кустарниках, искали темноты, желали скорейшего наступления ночи, но ночи были ясны: вместо луны пожарное зарево освещало поля и леса, охота за зверями сменилась теперь охотой за людьми, следы которых отыскивали гончие собаки; казаки, если не могли истребить сельских запасов, то сыпали в воду и грязь и топтали домашнюю рухлядь; где не успевали жечь дома, там портили их, рассекали двери и ворота, чтобы сделать жилища неспособными к обитанию».

Особую роль в Смутное время сыграло казачество. Как видно из только что процитированного отрывка, роль сия была главным образом негативная. Традиционно казаки селились на южных рубежах России и являлись естественным буфером между метрополией и агрессивными соседями, в первую очередь Крымским ханством. Здесь главную роль играли Войска Донское и Запорожское. Гребенские казаки, поселенные на Тереке Иваном IV, стали, по существу, северокавказской пограничной службой. Аналогичные функции выполняли яицкие казаки в Закаспии. Многие казаки, особенно на Дону и Днепре, никогда не занимались земледелием, умели только воевать и жили за счет добычи, захваченной во время набегов на сопредельные территории.

Оказавшись втянутыми в русскую Смуту и очутившись в центральных российских областях, казаки принялись заниматься привычным делом —

грабить и убивать. Необходимый ежедневный прокорм также обеспечивался за счет местного населения. Именно к казацкой вольнице (не к регулярным же войскам!) постоянно примыкал всякий сброд, деклассированные элементы и разбойничьи шайки. В результате многие казацкие отряды быстро превратились в обыкновенные банды, оставлявшие кровавый след по всему пути своего продвижения. Организовать эту фактически уголовную массу было очень трудно, хотя такие попытки неоднократно предпринимались. Многие казацкие атаманы были под стать своим подчиненным. Наиболее колоритной фигурой — не только казацкого воинства, но и всего Смутного времени — стал донской атаман Иван Заруцкий.

Забегая несколько вперед, отметим основные вехи «героической деятельности» этого типичного авантюриста и «солдата (точнее — генерала) удачи». Заруцкий начал служить еще Лжедмитрию I, а после его гибели вместе с прибывшим с Дона войском примкнул к армии Болотникова. Крестьянским вождем, еще до разгрома восстания, был делегирован к Лжедмитрию II и быстро вошел к нему в доверие, став одним из главных сподвижников Тушинского вора. Тот пожаловал его саном боярина и сделал одним из ближайших советников. Вместе с поляком Лисовским — таким же отчаянным «сорвиголовой», как и он сам, — Заруцкий командовал пятитысячным казацким отрядом, успешно сражавшимся под Москвой с войсками Шуйского. После смерти Лжедмитрия II и «призвания» на русский трон польского королевича Владислава пытался заигрывать с поляками, но, быстро рассорившись с ними и не видя никаких личных перспектив (они одни только и интересовали Заруцкого), он примкнул к национально-патриотическому движению и вновь привел донцов под стены Москвы. Здесь он стал одним из руководителей Первого ополчения, но, не смирившись с авторитетом общепризнанного вождя — Прокопия Ляпунова, заманил его в свой лагерь и приказал зарубить рязанского дворянина саблями.

При слабости, нерешительности и напуганности князя Трубецкого — еще одного руководителя Первого ополчения — Заруцкий с 22 июля 1611 года стал фактическим правителем России. Планы, которые он при этом строил, не могут не поражать своей авантюристкой. Сначала он намеревался присягнуть Лжедмитрию III, объявившемуся во Пскове, но быстро передумал и вновь сделал ставку на поляков. Еще раньше, сразу после убийства своего покровителя Лжедмитрия II (а может быть, и раньше) он вступил в бурную интимную связь с «царицей» Мариной, только что родившей от второго самозванца сына Ивана, прозванного в

народе Воренком. Воренок формально мог претендовать на русский престол, и Заруцкий до поры до времени решил объявить себя регентом при малолетнем царевиче. Против абсурдных планов Марины и ее любовника категорически выступила Православная церковь во главе с патриархом Гермогеном. К тому же к Ярославлю приближалось Второе ополчение во главе с Мининым и Пожарским, сформированное в Нижнем Новгороде.

Заруцкий попытался перехватить инициативу и взять Ярославль, но вновь потерпел поражение. Не увенчались успехом также и попытки устранить Пожарского с помощью яда или кинжала: подосланных убийц схватили и обезвредили. К тому же здравомыслящие казаки начали переходить на сторону патриотических сил. У Заруцкого осталась только половина казачьего войска. Он еще раз попытался подороже запродать себя интервентам, зная, что к Москве на помощь засевшему в Кремле изголодавшемуся польскому гарнизону и марионеточному боярскому правительству приближается огромная армия гетмана Ходкевича. Но и из этой затеи тоже ничего не вышло. Настала пора спасать собственную шкуру. Заруцкий вместе с Мариной устремился на юг, где провозгласил царем годовалого Ивана.

Когда начались переговоры о созыве Земского собора и избрании нового законного царя, Заруцкий предпринял очередную авантюрную попытку совершить молниеносный прорыв к Москве, чтобы захватить Кремль и не допустить предстоящего венчания на царство Михаила Романова. Однако казачья удасть натолкнулась на стойкий русский патриотизм, и войска Заруцкого окончательно были разгромлены под Рязанью. Сам он вместе с Мариной и Воренком-Иваном переместился сначала в Воронеж, а затем в Астрахань. Здесь неумный атаман предпринял последнюю попытку провозгласить казачье государство и в союзе с Ногайской ордой присоединиться к Персии или к Турции. Заруцкий успел также обручиться с Мариной по православному обряду, став, таким образом, третьим мужем «гордой полячки».

Весной 1614 года Астрахань освободили царские войска. Несостоявшегося регента удалось поймать только на Яике. В Москве его посадили на кол на Красной площади. Рядом под улюлюканье толпы повесили ни в чем не повинного трехлетнего Ивана Дмитриевича, сына Лжедмитрия II. Новая царская династия Романовых занимала трон, переступив через невинно убиенного ребенка. Быть может, потому и была наказана спустя 300 лет, когда в подвале Ипатьевского дома чекисты расстреляли вместе с родителями и сестрами наследника престола

царевича Алексея. Трехкратная «царица» и трехмужняя вдова Марина Мнишек умерла в застенках того самого Кремля, куда восемь лет назад с триумфом вступила в сопровождении блистательной свиты. Считается, что скончалась низвергнутая царица московская «от тоски», однако в подобную версию никто никогда не верил...

* * *

Бояре продолжали еще глубже загонять под лед и топить Великую Россию. После свержения в июле 1610 года своего ставленника — царя Василия Шуйского, отправленного в плен к полякам, — власть в стране перешла к Государственному совету, состоявшему из семи наиболее авторитетных членов Боярской думы. Этот формально вполне «демократический» орган получил в истории название Семибоярщина. Одной из первых же акций этого якобы российского правительства было самое что ни на есть антироссийское решение, а именно — *не избирать более никогда на российский престол представителей русских родов*. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» — как говаривали в те времена. Бояре всеми силами пытались убедить русских людей, что под эгидой Речи Посполитой России суждено лучшее будущее и корона польских королей ей более идет к лицу, чем шапка Мономаха. Выходит, прав был Иван Грозный, каленым железом искореняя боярскую крамолу: спустя менее чем тридцать лет после упразднения опричнины бояре на деле доказали, что они и есть первейшие враги Российского государства и российского люда, что ради собственных шкурных интересов они, не колеблясь, готовы продать интересы Родины кому угодно и за что угодно.

Именно Семибоярщина заключила с польской шляхтой договор, признававший новым русским царем Владислава — юного сына польского короля. Все, как говорится, по закону. Только российская государственная независимость от такого «законодательного творчества» боярских радетелей чуть было не испарилась навсегда. Кроме того, ориентация на Польшу пришлась не по душе другому воинственному соседу России — Швеции. Католическая Польша и протестантская Швеция считались непримиримыми врагами, отчего любой союзник Польши автоматически становился врагом Швеции. И когда Россия призвала на трон польского королевича, Швеция посчитала это прямой угрозой и вызовом, немедленно приступив к оккупации сопредельных русских территорий (напомним, здесь уже находился шведский экспедиционный корпус Делагарди), в

результате чего был захвачен — ни больше ни меньше — Великий Новгород.

Наступил полный хаос. Централизованное управление было полностью утрачено. Семибоярщина не имела ни авторитета, ни военной силы. Никто никому не подчинялся. Польские жолнеры заняли Москву, захватили Кремль и диктовали свои условия. Однако, слава Богу, на Руси помимо бояр оставался еще и народ. За ним, как известно, всегда последнее слово — и по очередности, и по значимости. Повсюду началось сопротивление оккупантам — поначалу стихийное, оно быстро выдвинуло из своей среды способных организаторов. На первых порах тон задавали сразу три вожака: рязанский воевода Прокопий Ляпунов, князь Дмитрий Трубецкой и казачий атаман Иван Заруцкий, о судьбе которого рассказано выше. Они договорились о совместных действиях, образовали военно-политический триумvirат и привели к Москве Первое ополчение. Единение трех руководителей сопротивления оказалось недолгим: казаки, подученные Заруцким, заманили Ляпунова в свою ставку, зарубили его саблями и попытались единолично возглавить русское воинство. После этого Первое ополчение немедленно распалось, ибо казаки вместо борьбы с интервентами принялись по привычке грабить местное население и сводить счеты с дворянами — сподвижниками убитого Ляпунова.

Между тем в оккупированной столице вспыхнуло стихийное восстание. В кровопролитных уличных боях впервые принял участие вместе с отрядом добровольцев зарайский воевода князь Дмитрий Пожарский и был тяжело ранен. Чтобы справиться с народным гневом, поляки подожгли Москву в разных местах, и город выгорел почти так же, как спустя двести лет при нашествии Наполеона. К осени 1611 года все казалось безвозвратно потерянным. После двухлетней осады пал Смоленск, поляки прочно засели в Кремле и ждали приезда избранного на русский трон Владислава. Его отец — король Сигизмунд — вообще уже считал Россию затрапезной провинцией Польши. Шведы закрепились на северо-западных территориях, активно готовясь помериться силами с удачливыми польскими панам.

В безвыходной ситуации и обстановке всеобщего уныния не потеряла присутствия духа только Православная церковь. Патриарх Гермоген, сам находившийся под стражей у поляков, тайно передавал из Кремля с надежными людьми грамотки с призывами подниматься на борьбу с врагами православной веры и губителями государства Российского. Включились в агитацию против интервентов и другие духовные лица, особенно после смерти патриарха, уморенного голодом в кремлевском

застенке. В Троице-Сергиевой лавре переписка и рассылка патриотических воззваний была поставлена «на конвейер». В октябре 1611 одна такая грамотка попала в Нижний Новгород и была зачитана на городском сходе земским старостой Кузьмой Мининым-Сухоруком (рис. 144), которому перед тем было ноосферное видение преподобного Сергия Радонежского. Мясник по профессии Кузьма Минин обладал необыкновенной силой, умом и организаторскими способностями. Это был настоящий народный самородок и трибун, который пользовался у народа заслуженным авторитетом, был способен воодушевить и повести за собой массу людей. В присущей ей сдержанной манере «Повесть о победах Московского государства» рассказывает:

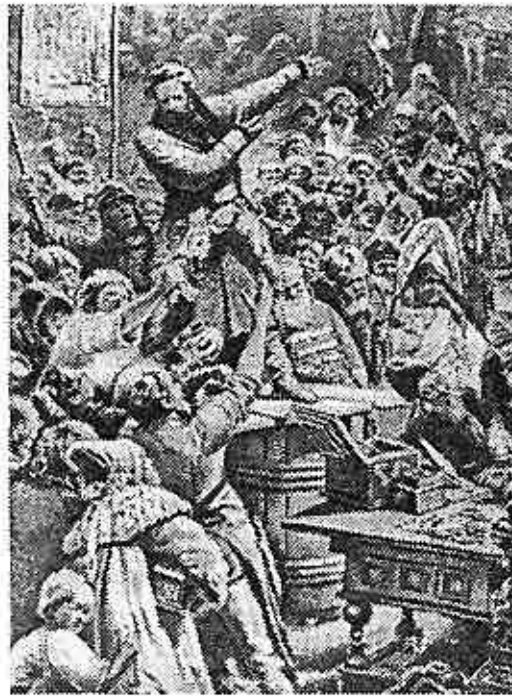

Рис. 144. Клич Кузьмы Минина нижегородцам в октябре 1611 г.

«Был же в 1612 году в Нижнем Новгороде некий муж добродетельный и очень рассудительный, по имени Козьма Минин, посадскими людьми выбранный земским старостой в Нижнем Новгороде. Этот Козьма издавна слышал про храбрость смольнян, и про мужество дворян города Смоленска, и о том, как часто они большую помощь Московскому государству оказывали, государю верно послужили, и многие города

захватили, и великую храбрость и усердие показали, за православную веру крепко постояли, и много вражеских полков побили, и во всем непоколебимыми, и помощью Бога вооруженными, и храбрыми были. Услышав же, что смоляне в Арзамасе, рядом с Нижним Новгородом, он сильно обрадовался. Созвав всех нижегородцев, обратился к ним с разумными словами, говоря: „О братья и друзья, весь нижегородский народ! Что будем делать ныне, видя Московское государство в великом разорении? Откуда помощи себе будем ждать и защиты городу нашему, кроме милости Божьей? Видели, братья, многих городов Российского государства разорение, и православных христиан избиение, и жен их и детей пленение, и всего богатства их лишение. И совет даю вам, братья мои, если послушаете меня: призовем в Нижний Новгород храбрых и мужественных воинов Московского государства, подлинных дворян города Смоленска, ныне ведь они рядом с нашим городом, в арзамасских местах. Лучше ведь нам имущество свое им отдать, но поругания от иноверцев избежать, и в вере православной жить, и на единоверцев работать и им оброки давать, нежели нашествия иноверцев и разорения ждать, и себя, и жен, и детей своих в великой беде, и в плену, и в поругании видеть, и имущества своего насилием лишиться. Теперь же, братья, разделим на три части имущество свое: две части христоролюбивому воинству отдадим, для своей же надобности одну оставим“.

Жители Нижнего Новгорода все похвалили добрый его совет, так единогласно говоря: „Да, лучше нам так поступить, единоверцев призвать, нежели от нашествия иноверцев в разорении быть“. И послали к смолянам в Арзамас людей из Нижнего Новгорода с большим почетом, и стали звать их, чтобы шли в Нижний Новгород, обещая дать им денежные оброки, продовольственные запасы, какие им потребуются».

(Перевод Г.П. Енина)

Так в разных городах истерзанной России по инициативе снизу началось формирование второго по счету народного ополчения. Прежде всего требовалось финансовое обеспечение. И не только для покупки оружия, пушек и пороха: не станет же огромное народное войско добывать себе повседневное пропитание по примеру казаков — с помощью

«самообеспечения», то есть грабежа. Нужные средства быстро собрали, от желающих сражаться за правое дело отбою не было. Возглавить войско единодушно предложили популярному в народе князю Пожарскому, лечившемуся после тяжелого ранения неподалеку от Нижнего Новгорода. Кузьма Минин стал его правой рукой. Местом окончательного сбора народной рати избрали Ярославль, куда со всех концов продолжали стекаться отряды добровольцев.

Оба руководителя народного ополчения — Минин и Пожарский — находились на вершине своего пассионарного подъема. Воодушевление вождей передавалось тысячам ополченцев. Наступил великий миг пассионарного пробуждения народа. Неверие, апатия, уныние испарились, каждый ощущал в себе небывалые силы и способности к ратным подвигам — как будто мать-земля передавала энергию своим детям (так оно на самом деле и было!). Ситуация заставляла действовать решительно и быстро. Ополчение срочно направилось к Москве, дабы не дать соединиться засевшему в Кремле польскому гарнизону с двигавшейся ему на помощь 20-тысячной армией литовского гетмана Ходкевича, на треть состоявшей из запорожских казаков. В кровопролитных боях за Москву в августе 1612 года армия Ходкевича была наголову разбита. В уличных боях приходилось сражаться за каждый дом, точнее — за то, что от него осталось: после прошлогоднего пожара, устроенного поляками, столица практически не восстанавливалась. Тогда же, в ходе уличных схваток, произошло примирение и объединение ополченцев с казацкими отрядами князя Трубецкого, действовавшего до этого автономно (их основу составляли донцы, не пожелавшие оставаться под началом предателя Заруцкого). Летописец сумел рассказать об этих беспримерных для судьбы Отечества событиях в нескольких словах:

«Потом пришло в Москву большое королевское войско. Когда подошли королевские люди к Москве, то, узнав о приходе поляков, московские бояре, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и князь Дмитрий Михайлович Пожарский, двинулись из города Москвы со многими войсками и вскоре сошлись с поляками на Ходынке. Воины же Московского государства решительно, храбро и мужественно на них напали. И был на Ходынке бой великий и сеча жестокая, русские с поляками рубились. И смоляне в то время большое мужество перед всем войском проявили и много королевских людей побили. Тогда же помощью всесильного Бога русское воинство начало поляков одолевать, а поляки стали

отступать, и побежали, и перебиты были. Русские множество их побили, они же из-под Москвы в Литву побежали».

После разгрома армии Ходкевича и захвата обоза с провиантом для осажденных в Кремле поляков патриотические силы осадили центр столицы и вытеснили польские войска из Китай-города (22 октября 1612 года — именно этот день был впоследствии объявлен праздником). Первое, что увидели ополченцы, — огромные котлы, в которых варилось человеческое мясо: польский гарнизон погибал от голода и дошел до людоедства.^[29] Вскоре поляки вынуждены были подписать договор о капитуляции, покинуть Кремль и сдаться на милость победителей. Милость оказалась весьма условной. Только ополченцы Минина и Пожарского постарались соблюсти договоренности и не тронули (за некоторым исключением) пленных жолнеров. Казаки же Трубецкого отказались признать подписанный договор и вырубili целый полк интервентов сразу же, как только те вышли за ворота Кремля.

Народ не только сохранил память о трагических и вместе с тем достославных событиях Смутного времени, но и сложил песни о главных его героях:

*Как в старом то было городе,
Во славном ни богатом Нижнем,
Как уж жил тут поживал богатый мещанин,
Богатый мещанин Кузьма Сухорукий сын.
Он собрал-то себе войско из удалых молодцов,
Из удалых молодцов — нижегородских купцов.
Собравши их, он речь им взговорил:
«Ох вы гой еси, товарищи, нижегородские купцы!
Оставляйте вы свои дома,
Покидайте ваших жен, детей,
Вы продайте всё ваше злато-серебро,
Накупите себе вострых копиев,
Вострых копиев, булатных ножей,
Выбирайте себе из князей и бояр удалого молодца,
Удалого молодца воеводушку.
Пойдем-ко мы сражаться
За матушку за родну землю,
За родну землю, за славный город Москву.
Уж заполонили-то Москву проклятые народы, поляки злы.*

*Разобьем их, много перевешаем,
Самого-то Сузмунда-короля их в полон возьмем,
Освободим мы матушку Москву от нечестивых жидов,
Нечестивых жидов, поляков злых!»
Уж как выбрали себе солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички — нижегородские купцы,
Выбрали себе удалого молодца,
Удалого молодца воеводушку
Из славного княжеского роду —
Князя Димитрия, по прозванию Пожарского.
Уж повел их славный князь Пожарский
За славный Москву-город сражаться,
С нечестивыми жидами-поляками войной браниться.
Уж привел-то славный князь Пожарский своих храбрых воинов.
Привел ко московским стенам:
Становил-то славный князь Пожарский своих добрых воинов
У московских у крепких стен,
Выходил-то славный князь Пожарский перед войско свое,
Как уж взговорил он своим храбрым воинам:
«Ох вы гой еси, храбрые солдатушки,
Храбрые солдатушки, нижегородские купцы!
Помолимся мы на святые на врата на Спасские,
На пречистый образ Спасителя!»
Помолившись, дело начали.
Как разбили-проломили святые врата,
Уж взошли-то храбрые солдатушки в белокаменный Кремль,
Как и начали солдатушки поляков колоть, рубить,
Колоть, рубить, в большие кучи валить...*

Россия была спасена — не боярами, не царем и не иноземным королевичем, а самим народом. Летописцы показали, что в минуты трагических испытаний народ способен сам решить свою судьбу — при условии, что пассионарный подъем и вектор его устремлений совпадет с вектором сил и энергетикой, закономерности которых продиктованы ноосферным полем Земли, Солнца и всего космоса. Однако инертная и даже энергетически насыщенная масса ничто без вождя. И в случае необходимости (особенно когда речь идет о выживании нации) вожатый-пассионарий самозарождается в народной гуще. Смутное время породило

несколько таких вождей. Некоторые из них погибли в самом начале предназначенного им самой судьбою тернистого пути (Михаил Скопин-Шуйский и Прокопий Ляпунов). Другие сумели выстоять до конца и преодолеть все препятствия на многотрудном пути выпавших им испытаний. Двум из них — вечная слава и благодарность спасенной Отчизны. Их имена высечены на памятнике, украшающем ныне главную площадь Москвы: «Гражданину Минину и князю Пожарскому — благодарная Россия».

Глава 8

«НО БЛИЗОК ДЕНЬ, ЛАМПАДА ДОГОРАЕТ...»

*История не терпит суесловья,
трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
нельзя любить бездумною любовью,
но не любить без памяти нельзя.*

Ярослав СМЕЛЯКОВ

В XVII веке летописание в традиционном понимании данного слова постепенно отходит на задний план, уступая место сочинениям, написанным не безымянными летописцами, а конкретными авторами. Таковы уже многие хроники Смутного времени, принадлежащие перу Авраамия Палицына, Ивана Тимофеева, Ивана Хворостинина, Семена Шаховского и др. Отличительной чертой их исторических произведений является не столько подробное освещение событий, сколько авторская оценка происходящего, которая подчас бывает более чем субъективной. Например, Семен Шаховской поначалу ориентировался на Лжедмитрия II и находился вместе с другими изменниками в Тушинском лагере (быстро, впрочем, одумался и перешел на службу к Пожарскому).

Летописцы и хронографы становятся все более и более краткими, в них отсутствует освещение многих важнейших событий, например ничего не говорится о восстании Степана Разина или присоединении Украины к России. Зато подчас раздуваются до невероятности события, малосущественные с точки зрения и современного читателя, и истории в целом. Так, в Мазуринском летописце, охватывающем русскую историю от Словена и Руса до стрелецких бунтов при Петре I, рассказ о Куликовской битве по объему более чем в 30 раз (!) меньше (занимая менее половины летописного листа), чем сообщение о первой женитьбе царя Алексея Михайловича на боярской дочери Марии Милославской (описание свадебного обряда со всеми деталями охватывает 18 лицевых и оборотных рукописных страниц).

Естественно, что одним из важнейших событий XVII века для всех летописцев, хронистов и мемуаристов является избрание на престол царя новой династии Романовых. Не все обстояло так просто и гладко, как это

видится теперь, спустя почти четыре столетия. Претендентов на трон было несколько. Среди знатных и древних боярских родов то были Голицыны, Мстиславские, Воротынские и Романовы. В народе всерьез обсуждалась и кандидатура князя Пожарского. Однако последний не имел никакой поддержки среди боярской знати, где, собственно, и решался вопрос о власти. При всех противоречиях в боярской среде и даже непримиримой ненависти друг к другу здесь, как всегда, руководствовались исключительно шкурными соображениями: не дай Бог допустить самовластие еще одного Ивана Грозного; нужен царь, послушный Боярской думе.

Наиболее компромиссной для бояр в конечном счете оказалась кандидатура 16-летнего Михаила Романова, находившегося в ссылке в далеком Ипатьевском монастыре. Бояр, откровенно говоря, более всего устраивала молодость претендента на царский трон. Как выразился один из конкурентов, который не набирал необходимого количества очков: он молод и глуп, а потому будет делать то, что ему велит Боярская дума. В народе Романовы также пользовались заслуженным авторитетом: как-никак — древнейший род, ведущий свое происхождение от самого Рюрика. Кроме того, Михаил Романов был внучатым племянником Ивана Грозного (и просто племянником последнего царя из угасшей династии — Федора Ивановича) — через первую жену царя Ивана Анастасию. Романовы очень пострадали еще от Бориса Годунова, ибо и тогда Федор Никитич Романов — отец Михаила — считался одним из основных претендентов на трон, фигурой во многих отношениях более предпочтительной, чем его соперник Борис. В дворцовых интригах Годунов, однако, оказался более ловким, а став царем, немедленно расправился с конкурентом: Федор Никитич Романов был пострижен в монахи и под именем Филарета отправлен в окраинный монастырь. К началу 1613 года Филарет стал уже патриархом, но находился в польском плену и вообще как лицо духовного звания более не мог рассматриваться в качестве реального претендента на царский престол. Потому-то и остановились на кандидатуре его сына Михаила.

Избрание состоялось 21 февраля 1613 года на Красной площади при огромном стечении народа. Выборщики, съехавшиеся в Москву со всех концов страны, утвердили кандидатуру нового русского царя, ранее согласованную на всех уровнях. Избранный царь про то ничего не ведал, ибо находился далеко от Москвы. К нему направились депутация, которая после долгих уговоров убедила Михаила занять царский престол (рис. 145).

**Рис. 145. Избрание Михаила Федоровича на царство.
Эскиз. Художник В.К. Шебуев**

Михаил Федорович Романов действительно оказался довольно-таки покладистым царем: с Боярской думой не конфликтовал, чуть какое недоразумение или излишне сложный вопрос — немедленно созывал Земский собор (за время царствования первого Романова их собирали двенадцать раз). Одной из первых акций нового царя было прощение всех оставшихся в живых участников Смуты независимо от того, чью сторону они занимали. Правильный шаг, но недостаточный. Мало было очистить Москву от интервентов и замирить народ. Необходимо было также освободить обширные русские земли, оккупированные поляками и шведами, к тому же ни те, ни другие не собирались уходить с занятых территорий. Война с алчными соседями продолжалась: шведский король Густав-Адольф осадил Псков (оккупированный раньше Новгород уже считался шведской вотчиной), поляки опять чуть не захватили Москву. Спустя два года после избрания на царство Михаила их отряды вновь добрались до Первопрестольной и разгуливали по Арбату. В Новгородском летописце середины XVII века можно прочесть:

«В лето 7127-е (1619), сентября в 25 день, приходилъ королевичъ подъ Москву и стоялъ отъ Москвы 16 версть въ Повшинскихъ лугахъ. А исъ Коломенского приходили под Москву 12 000 черкасовъ [казаков. — В. Д.] запорожскихъ сентября въ 27 день, и съ ними бой был у Пречистой Донской. Того же дни другой бой с ними былъ за Москвою-рекою подъ Дорогомиловымъ. Сентября в 30 день съ среды на четвергъ, на Покровъ Пресвятей Богородицы приступ былъ королевичю къ Москве ко Арбацкимъ воротамъ, и Божию милостью и молитвами Пречистые Богородицы въ тотъ приступъ много литовскихъ людей побиенно бысть. Октября в 11 день разошлись ни на чем. Того же месяца в 25 день отъиде королевичъ от Москвы и, шедъ, сталъ по Переславской дороге за Троицею, в селе Рогачеве. Ноября въ 1 день государевы бояре ходили с Москвы и составиша с литвою миръ в троицкомъ селе в Девулине на 14 летъ, и поиде королевичъ со всеми литовскими людьми въ Польшу».

Многочисленные вооруженные шайки литовцев и казаков на замирение не шли, а прощения не заслуживали. Избрав партизанскую тактику, они продолжали промышлять грабежом и разбоем по всей территории Европейской России — от западных ее рубежей до Волги и Белого моря. Одна банда Лисовского, основное ядро которой сложилось еще в Тушинском лагере, насчитывала до 2000 сабель. Состоявшая наполовину из казаков — в основном запорожских, — она активно действовала до 1615 года. Князь Дмитрий Пожарский снова сел в седло, возглавил 20-тысячное войско и разгромил «лисовчиков», как тех прозвали в народе. Да сам тяжело захворал (открылись старые, не до конца залеченные раны), слег и был отправлен в тыл. Все же в 1617 году удалось заключить малопочетный Столбовский мир со Швецией, а год спустя — недолгое перемирие с Речью Посполитой.

Боярство в эпоху первых Романовых обрело второе дыхание. Однако тон в кремлевских палатах поначалу стали задавать вовсе не те, кто расчистил путь к трону молодому Михаилу Романову и, по существу, вложил в его руки царский скипетр. Главную роль в российской политике стали играть родственники государевой матери — инокини Марфы (урожденной Шестовой) и она сама. Затем на передний план выдвинулся отец Михаила Федоровича — патриарх Филарет, который по возвращении летом 1619 года из польского плена сделался фактическим соправителем сына. В его руках оказались, по существу, все рычаги власти и управления,

Михаилу остались в основном представительские функции.

Правление отца и сына Романовых ознаменовалось покорением Восточной Сибири, присоединением ее к России, началом постройки множества городков (ныне это основные центры Сибири), массовым переселением за Урал русских колонистов и земледельческим освоением всего края. Зато попытка отбить у поляков Смоленск окончилась неудачей, более того — катастрофическим поражением русских войск. Герой Смутного времени, один из лучших русских воевод боярин Михаил Шеин, возглавлявший в 1609–1611 годах героическую оборону Смоленска, теперь же, в 1632–1634 годах, проявил преступную медлительность и нерешительность, в результате чего был окружен подоспевшей на помощь осажденному городу польской армией и принужден к позорной капитуляции. Далее, по словам хронографа, «бояре московские, уязвленные завистью, начали клеветать на него», добились суда над Шеиным и его заместителем — воеводой Измайловым, приговорили их к смерти, и палач отрубил обоим головы.

В 1645 году после скоропостижной кончины царя Михаила Романова и царицы Евдокии (из рода Стрешневых) царем стал их единственный 16-летний сын Алексей Михайлович, получивший в народе прозвище Тишайшего. Летописец сообщает о данном факте в присущей ему манере:

«И абие по той скорби [имеется в виду смерть Михаила Федоровича. — В.Д.] бысть и радость велия: Господь Бог дарова нам на Московское государство царя, сына его, государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Росии самодержца. Наутриа, в неделю, июля в 13 день, крест ему, государю, целовали бояре и дворяне и всякихъ чиновъ люди Московского государства...»

Однако почти что 30-летнее правление Тишайшего царя оказалось наполнено бурными событиями, последствия некоторых из них (церковный раскол, присоединение Украины) дают знать о себе и по сей день. В мою задачу не входит подробный анализ проблем, повлекших за собой раскол в церкви и обществе, хотя «спор о вере» постоянно привлекал внимание летописцев. Кроме того, история раскола, вне всякого сомнения, скрывает множество ноосферных «узлов», вызвавших пассионарное и антипассионарное напряжение в различных слоях русского общества. Царствование Алексея Михайловича сотрясали народные бунты (Соляной, Медный и др.), пока всеобщее народное возмущение ужесточившимся

угнетением не завершилось в 1670–1671 годах грандиозным восстанием под руководством Степана Разина, быстро переросшим в крестьянскую войну. Власти ценой невероятных усилий и неизбежных жестокостей в конце концов подавили бунт, а Стеньку Разина четвертовали на Красной площади в Москве. И буквально через год, 30 мая (6 июня по новому стилю) 1672 года в той же Москве у царя всея Руси и его второй жены царицы Натальи (урожденной Нарышкиной) родился сын Петр, которому суждено было стать подлинным потрясателем России.

Продолжая политику своих предшественников из династии Рюриковичей, Алексей Михайлович Романов был весьма озабочен укреплением Российской державы, в том числе и за счет расширения ее границ. Самым значительным событием в данном направлении стало воссоединение Украины с Россией. Малороссия не имела собственной государственности. Главные ее исторические области с православным населением долгое время входили в состав Великого княжества Литовского, а после утраты им самостоятельности достались в качестве наследства новому государственному объединению Польши и Литвы — Речи Посполитой. На Украине подлинную независимость имела только одна структура — Запорожская Сечь, вольное военизированное братство, истоки которого теряются во мраке веков (по моему личному убеждению, запорожцы, как и другие казаки, являются наследниками варяжских братств).

Когда угнетение малороссийского населения перешло всякие допустимые границы, а католическая церковь стала покушаться на православие, вспыхнуло всенародное восстание, его возглавил гетман Запорожского войска Богдан Хмельницкий. В поисках естественных союзников он обратился за помощью к России. В январе 1654 года на Переяславской раде было провозглашено присоединение Украины к России и произошло объединение двух братских народов. Для России, помимо всего прочего, это означало новую войну с Польшей. Война затянулась на тринадцать лет. За это время Россия познала и горечь многих поражений, и цену предательства украинских старшин.

После смерти в 1657 году Богдана Хмельницкого — подлинного друга России — на Украине наступило свое Смутное время. В результате кровавых междоусобиц власть захватил самозванный гетман Иван Выговский. Руководствуясь в первую очередь собственными шкурными интересами, он объявил о разрыве союза с Россией и возвращении под крыло «матери» Речи Посполитой. Более того, Выговский объединился с крымским ханом и нанес русским войскам удар в спину, наголову

разгромив царских воевод под Конотопом. Беляевский летописец с горечью сообщает:

«О измене черкас [запорожских казаков]... Во 7167 (1659) году изменил великому государю гетман Ивашко Выговской и все черкасы отложились. И привел татьством [обманом] под град Конотоп крымского хана со всею ордою и со иными многими наемными ордами. И на речке Сосновке великого государя воевод, окольного князь Семена Романовича Пожарского да окольного князь Семиона Петровича Львова с товарищи и многих воинских людей посекоша. А боярин и воевода князь Алексей Никитич Трубецкой со остатными воинскими людьми отходом отошел в Путивль с великою трудностью».

«Посекоша» изменник Выговский вместе с крымцами несколько тысяч русских стрельцов, брошенных на произвол судьбы растерявшимися воеводами. Одних пленных было взято до 5000 да и тем всем до единого татары перерезали горло. Трудная война затянулась и завершилась лишь в 1667 году подписанием Андрусовского перемирия, по которому за Россией осталась Левобережная Украина и Киев на правом берегу Днепра.

После смерти Тишайшего царя, последовавшей в 1676 году, тишины на Руси не прибавилось. Напротив, в течение шестилетнего царствования Федора Алексеевича и семилетнего правления царевны Софьи Алексеевны перед страной постоянно витал призрак новой смуты. Собственно, она и наступила, просто последствия ее были не столь очевидны, как во времена самозванщины, да пресечена она была железной рукой молодого царя Петра Алексеевича, ставшего в скором времени императором Петром Великим. Но это случилось уже в следующем, XVIII веке. XVII же век завершался под аккомпанемент стрелецких бунтов и отблески костров массовых самосожжений раскольников. Смятенная музыка оперы Мусоргского «Хованщина» и горячие, как пытошные уголья, листки, написанные неистовым протопопом Аввакумом, доносят до нас тревожную атмосферу эпохи.

Церковный раскол прошел практически по сердцу каждого русского человека. Тем, кто отказывался принимать никонианскую веру, резали языки и отрубали руки, дабы не молились по-старому и не крестились двоеперстием. Повсюду пылали костры — либо раскольников жгли, либо они сами себя сжигали. Один только тюменский поп Дометий добровольно сжег вместе с собой на заимке у речки Березовки 1700 (!)

ревнителем старой веры всех возрастов и званий. В Пустозерске протопопа Аввакума вместе с тремя ближайшими товарищами привязали к четырем углам сруба, забросали хворостом и сожгли в назидание другим упорствовавшим и нераскаявшимся. В народе сохранилось предание, что перед смертью неистовый протопоп предрек скорую смерть царя Федора Алексеевича. Так оно и случилось: через 13 дней царя настигла Божья кара за все те «царские милости», которыми он одаривал сотни тысяч раскольников. Но на этом трагедия русского народа не заканчивалась.

Петр I был провозглашен царем в 10-летнем возрасте. Это не понравилось очень и очень многим — боярам, стрельцким старшинам и детям от первого брака Алексея Михайловича во главе с энергичной царевной Софьей. Сразу же после похорон царя Федора недовольство выплеснулось наружу, и гнев опоенных водкой стрельцов был умело направлен на ближайшее окружение юного царя, родственников его матери, урожденной Нарышкиной, и ее воспитателя (благодаря ему она, собственно, и стала царицей), ближайшего сподвижника Алексея Михайловича боярина Артамона Матвеева. Безымянный хронографист эпохи рассказывает с протокольной точностью:

«Того ж году майя въ 15 день на Московском государстве было смятение. Стрельцы, вей приказы и выборной полкъ, салдаты пришли в город, в Кремль во 11 часу дни з знамены и з барабаны, с мушкеты и с копеи и з бердыши, а сами, бегучи в городе, кричали, будто Иван да Офонасей Кириловичи Нарышкины удушили царевича Иоанна Алексеевича. А начальных людей с ними, — полковников, ни полуполковников, ни капитанов, — а у салдат тоже начальных людей — с ними никою не было. И прибежав стрельцы и салдаты в город в Кремль, и взбежали на Красная и на Постельная крыльцо, и в царския хоромы, имали насильством своим с Верху, из государевых хором, от самого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца баяр и окольничих, и думных, и стольников, и метали сверху с Краснова крыльца на землю, а на земли рубили бердыши и кололи копьи. А как в город бежали, и говорили все один заговор, будто боярин Иван да стольник Офонасей Кириловичи Нарышкины хотели в Верху удушить царевича Иоанна Алексеевича. И порубили своим насильством боярь: боярина Артемона Сергеевича Матвеева взяли от самого

государя и, выветчи, скинули на землю с Краснова крыльца и подхватя на копьи изрубили бердыши. <...>

Того ж месяца въ 17 день стрельцы ж, все приказы и салдаты пришли в город в Кремль в третьемъ часу дни з знамены и з барабаны, и с мушкеты, и с копьи, и с пушками и ходили тож по всем царским хоромам и царицыным и царевниным невежеством большимъ и просили боярина Ивана Кириловича Нарышкина. И царь государь и царицы государыни и царевны со слезами у стрельцов упрашивали о боярине Кириле Полуехтовиче Нарышкине и о боярине Иване Кириловиче. И стрельцы не послушали, баярина Ивана Кириловича взяли да Данилу лекаря сыскали, и пытали их на пытке в Костентиновской башне. И пытав баярина Ивана Кириловича привели к Лобному месту на площадь в девятом часу дни вполы [вполовину] и изрубили бердыши и копьи искололи и поругались всячески: отсекли голову и руки и ноги обсекли и взоткнув голову и руки и ноги на копьи и носили по мосту по Красному на оказание всемъ людем, а туловища иссякли и подымали на копьях вверхъ многажды. И голову взоткнули на долгое копье и носили, — поругались. И, нося на копье, взоткнули на долгой жа шесть, где висели незнама какие гадины, иные называли морския рыбы о семи хвостах и о пяти. А нашли их у думнова дьяка у Лариона Иванова. А стрельцы и салдаты, в то время какъ вывели и рубили боярина Ивана Кириловича Нарышкина, все вышли ис Кремля на Красную площадь».

В повествовании о стрелецком бунте 1682 года подробно рассказано обо всех растерзанных и замученных. Некоторых убивали прямо на глазах царицы Натальи и ее юного и уже тогда не в меру впечатлительного сына. А ведь самосуд учинялся над ближайшей родней юного царя и всесильным некогда Артамоном Матвеевым.

Софья и ее партия торжествовали, однако недолго. Во главе стрелецкого войска встал своенравный князь Иван Андреевич Хованский. Он не собирался играть роль пешки в руках Милославских, а сам метил в правители России. Для этого существовало два вполне реальных пути. Первый — женить молодого сына Андрея на одной из царевен (не исключалась и Софья Алексеевна) и стать при них соправителем или регентом. Второй путь — созыв Земского собора для избрания нового царя, коим мог стать либо отец, либо сын Хованские. Они вели свою

родословную от великого литовского князя Гедимина, так что основания для притязаний на трон были достаточно весомые, а под дулами стрелецких пищалей Собор проголосовал бы за любую навязанную ему кандидатуру.

Стрельцы во главе с Иваном Хованским были во ту пору полными хозяевами Москвы, а значит — и всей страны. К моменту своего разгрома они представляли разнузданное войско, подчинявшееся только своему предводителю. С утра до вечера стрельцы пьянствовали в кабаках и, как бы теперь сказали, митинговали на площадях. И вот эта необузданная хаотическая сила столкнулась с твердой волей и жаждой власти царевны Софьи. Победили дьявольская женская хитрость, практичный ум и негибкость царь-девицы. Бунт был подавлен при помощи регулярных войск, отец и сын Хованские — казнены, стрельцы-смутьяны разогнаны и утихомирены. Софья стала регентшей при несовершеннолетнем Петре и его брате Иване. Царствующие братья являлись номинальными правителями, Софья — реальной. Но история не уготовила ей почетных лавров, ее время закончилось вместе со стрельцами, которых она одной рукой казнила, другой — миловала. Будущее уже принадлежало другому времени, другим идеям и другим людям. В конечном счете после ряда неудачных мятежей Петр I расправился со стрельцами (рис. 146) и заменил отжившее свое время войско регулярной армией.

Рис. 146. Петр I во время стрелецкой казни. Фрагмент картины Василия Сурикова

Были ли Романовы пассионарными личностями? В очень незначительной степени! Ни первые, ни последние Романовы, ни в основной массе своей пассионариями себя не заявили — в отличие от Рюриковичей, давших истории целую плеяду несомненно пассионарных фигур (хотя в жилах Романовского рода тоже текла кровь Рюриковичей). Династия Романовых дала немало выдающихся деятелей отечественной истории, обеспечив в основном прогрессивное развитие России на целых три столетия. Пассионарная же доминанта переместилась в иную плоскость, перешла к другим лицам и народу в целом. В длинной веренице великих и безликих царей, императоров и императриц ярким и негасимым светом сияет лишь одна пассионарная личность в подлинном смысле данного слова — Петр Великий (рис. 147). С ним связана и конкретная дата завершения русского летописания. С 1 января 1700 года указом Петра I

Россия перешла на новое летосчисление, завершив свое прошлое долгое и славное бытие летом 7208 (1699) от Сотворения мира. На смену летописям пришла научная историография. Началась новая эпоха...

Рис. 147. Петр I в молодости (прижизненная гравюра)

* * *

В конце XX века из-за бездарной и предательской политики руководства (а также пассивности народных масс в отсутствии харизматического лидера) Россия оказалась на обочине мировой истории. Такое уже случалось. Бесстрастные свидетельства летописей — лишнее тому подтверждение. Но летописи свидетельствуют и о другом: рано или поздно народ находил силы, чтобы преодолеть любые напасти и невзгоды. Неизбывные энергетические и ноосферные потенции Русской земли не раз рождали пассионарных вождей и пастырей масштаба Олега Вещего, Ярослава Мудрого, Александра Невского, Сергия Радонежского и тех правителей России, которые удостоились эпитета Великие — Ивана III, Петра I и Екатерины II. С неотвратимостью фатума, но в силу естественных и космических закономерностей, они будут появляться и впредь. А потому: какие бы черные тучи ни заволакивали бездонное небо родного Отечества, какие бы злые вихри ни проносились по его бескрайним просторам, — Россия как стояла, так и всегда будет стоять на радость тем, кто ее любит, и на страх тем, кто ее ненавидит.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СКАЗАНИЕ О СЛОВЕНЕ И РУСЕ И ГОРОДЕ СЛОВЕНСКЕ

(из Хронографа 1679 года)

(Публикуется по Полному собранию русских летописей. Т. 33. Л., 1977)

В лето от сотворения света 2244, во второе же лето по потопе, по благословению Ноя праотца разделися вся вселенная на три части трем сыном его, Симу, Хаму и Афету. Низвержесе от нерадения Хам от благословения отца своего Ноя, зане упився вином. И потом истрезвися Ной от вина, и разуме, елико сотвори ему меньший сын Хам, и рече: «Проклят буди Хам отрок и да будет раб братома своего». И благослови Ное дву сынов своих, Сима и Афета, иже покрыта наготу отца своего, опак зряще, наготы же его не видеша. И благослови Сифа, сына Арфаксадова, да вселится в пределах Ханаановых. Афету же по благословению отца своего Ноя излившуся на западныя и на северный страны даже и до полунощия. По мале же времени правнуцы Афетовы Скиф и Зардан отлучишася от братьей своих и от рода своего от западных стран, и коснушася полуденных стран, и вселишася во Ексинопонте, и живяху тамо многа лета, и от сих породилишася сынове и внуцы и умножишася зело, и прозвашася по имени прадеда своего Скифа Скифия Великая. И бысть между ими распря и междоусобица и крамола многа и тесноты ради места. Начальницы же тогда родители их княжаху единого отца сынове пяточислении кровницы, им же имена: 1) Словен, 2) Рус, 3) Болгар, 4) Коман, 5) Истер. От сих же племene во время последнее и каган сыроядец изскочи, о нем же греческая история последи изъяснит. Мы же на подлежащее возвратимся. Князем убо скифским Словену и Русу, мудростию и храбростию в роде своем всех превозшедшим, и начаша размышляти со ближними своими премудре, рекоша же сице: «Или толико всего вселенная, иже ныне под нами? Еда несть во жребии праотца нашего Афета еще части земли благи и ко вселению человеку угодны? Слышахом бо от предков своих, яко благословил праотец наш Ной прадеда нашего Афета частию земли всего западного и северного и полунощного ветров, и ныне убо, братие и друзи, послушайте совета нашего, оставим далече от нас вражду сию и

несогласие, еже ныне тесноты ради творится в нас, и подвигнемся убо, и идем от земля сея и от рода нашего, и пойдем по вселенной света, сущей во жребии прадед наших, иде же нас приведет счастье и благословение праотца нашего благословенного Афета и подаст нам землю доброплодную во обитание нам и родом нашим». И любя бысть сия речь Словенова и Русова всем людям, и вей яко единымы усты реша: «Благ совет князей наших и добра речь и угодна премудрых держателей».

И в лето от сотворения света 3099 Словен и Рус с роды своими отлучишася от Ексинопонта, и идоша от роду своего и от братия своя, и хождаху по странам вселенных, яко острокрылаты орли прелетаху сквозе пустыня многи, идуще себе на вселение места благопотребна. И во многих местех почиваху, мечтующе, но нигде же тогда обретше вселения по сердцу своему. 14 лет пустыя страны обхождаху, дондеже дошедше озера некоего велика, Моикса зовомаго, последи же от Словена Илмер проименовася во имя сестры их Илмеры. И тогда волхование повеле им быти населником места оного.

И старейший, Словен, с родом своим и со всеми, иже под рукою его, седе на реце, зовомей тогда Мутная, последи ж Волхов проименовася во имя старейшего сына Словенова, Волхова зовома. Начало Словенску граду, иже последи Новъград Великий проименовася. И поставиша град, и именоваша его по имени князя своего Словенск Великий, той же ныне Новъград, от устья великаго озера Илмеря вниз по велицей реце, проименованием Волхов, полтора поприща. И от того времени новопришельцы скифстии начаху именоватися словяне, и реку некую, во Илмер впадшую, прозваша во имя жены Словеновы Шелони. Во имя же меньшого сына Словенова Волховца преименова оборотню протоку, иже течет из великие реки Волхова и паки обращается в него. Большой же сын оного князя Словена Волхв бесоугодник и чародей и лют в людех тогда бысть, и бесовскими ухищреньми мечты творя многи, и преобразуяся во образ лютаго зверя коркодила, и залегаше в той реце Волхове путь водный, и не поклоняющихся же ся ему овых пожираше, овых же испроверзая и утопляя. Сего же ради людие, тогда невегласи, сущим богом окаяннаго того нарицая и Грома его, или Перуна, рекоша, руским бо языком гром перун именуется. Постави же он, окаянный чародей, ноцных ради мечтаний и собирания бесовскаго градок мал на месте некоем, зовомо Перыня, иде же и кумир Перунов стояше. И баснословят о сем волхве невегласи, глаголюще, в боги сел окаяннаго претворяюще. Наше же христианское истинное слово с неложным испытанием многоиспытне извести о сем окаяннем чародеи и Волхове, яко зле разбиен бысть и удушен от бесов в

реце Волхове и мечтаньми бесовскими окаянное тело несено бысть вверх по оной реце Волхову и извержено на брег противу волховнаго его градка, иде же ныне зовется Перыня. И со многим плачем тут от неверных погребен бысть окаянный с великою тризною поганскою, и могилу ссыпаша над ним велми высокоу, яко же обычай есть поганым. И по трех убо днех окаяннаго того тризнища проседеся земля и пожре мерзкое тело коркодилово, и могила его просыпаша с ним купно во дно адово, иже и доныне, яко ж поведает, знак ямы тоя не наполнися. Другий же сын Словенов малый Волховец живяше со отцем своим во граде своем великом Словенцы. И родися Волховцу сын Жилотуг, и протока проименовася во имя его Жилотуг, в ней же той утопе еще детеск.

Другий же брат Словенов Рус вселися на месте некоем разстояннем Словенска Великаго, яко стадий 50 у соленого студенца, и созда град между двема рекама, и нарече его во имя свое Руса, иж и доныне именуется Руса Старая. Реку же ту сущую едину прозва во имя жены своея Порусии, другую ж реку имянова во имя дщери своея Полиста. И инии градки многи Словен и Рус поставиша. И от того времени по имяном князей своих и градов их начахуся звати людие сии словяне и руси. От создания мира до потопа лет 2242, а от потопа до разделения язык 530 лет, а от разделения язык до начала создания Словенска Великаго, иже ныне Великий Новъград, 327 лет. И всех лет от сотворения света до начала словенскаго 3099 лет. Словен же и Рус живяху между собою в любви велице, и княжиша тамо, и завладеша многими странами тамошних краев. Также по них сынове их и внуцы княжаху по коленом своим и налезоса себе славы вечные и богатства многа мечем своим и луком. Обладаша же и северными странами, и по всему Поморию, даже и до предел Ледовитого моря, и окрест Желтовидных вод, и по великим рекам Печере и Выми, и за высокими и непроходимыми каменными горами во стране, рекома Скир, по велицей реце Обве, и до устия Беловодныя реки, ея же вода бела, яко млеко. Тамо бо беруци дорогою скорою звери, рекомаго дынка, сиречь соболь. Хождаху ж и на Египетския страны воеваху, и многое храбръство показующе во еллинских и варварских странах, велий страх от сих тогда належаше.

Начальницы же в Словенех во время Александра царя Македонскаго. Начальнейшии же тогда во Словянех и Русех князи быша, им же суть имена: первый Великосан, вторый Асан, третий Авесхасан. Сии же бяху храбръством и мудростию многих превзошедше. Всея же вселенныя тогда самодержец бысть многосчастный Александр, сын Филиппа Македонскаго. О сих же вышереченных словенех и русех от всех стран жалостен слух и

самому самодержцу во уши провозгреме. Премудрый же самодержец и всесветлый царь нача розмышляти с подданными своими: «Что сотворити подобает с сыроядцы сими? Ратьми ли многими ополчитися и розбити сих и покорити в вечную работу? Но неудобно сему быти никакже ж зелнейшаго ради дальняго разстояния пуста и неудобпроходных морских вод и превысоких гор». Но обаче посылает к ним з дары многими и писание, всякими похвалами украшено и самого царя высокодержавною десницею златопернатыми писмены подписано. Писание же имяше образ сицев:

Послание Александра царя Македонскаго. «„Александр, царь царем и над цари бичь божий, презвитяжный рыцарь, всего света обладатель и всех, иже под солнцем, грозный повелитель, к покорным же мне милосердый пощадитель, к непокорным же яростный мечь, страх всего света, честнейший над честнейшими, в далекоразстоятельном и незнаемом крае вашем от нашего величества честь и мир и милость вам и по вас храбросердому народу словенскому, зацнейшему колену русскому великим князем и владцом от моря Варяжского и до моря Хвалимского, велебным и милым мне храбрственному Великосану, мудрому Асану, счастному Авехасану вечно поздравляю, яко самех вас лицом к лицу любезне целую, сердечно приемлю яко други по сердцу моему и нагреднейшии подданицы нашему величеству и сию милость даю вашему владычеству. Аще каковый народ вселится в пределах вашего княжества от моря Варяжскаго и даже до моря Хвалимского, да будут вам и потомку вашему подлежимы вечной работе, во иныя же пределы отнюдь да не вступит нога ваша. Сие достохвалное дело замкнено сим нашим листом и подписано нашею цысарскою высокодержавною правицею и за природным нашим государьским златокованным гербом привешеным. Дано вашей честности в вечность в месте нашего дела в Великой Александрии изволением великих богов Марша и Юпитера, и богини Верверы, и Венуса месяца примоса начальнейшаго дня“. А припиные царские руки верх строк златопернатыми писмены написано сице: „Мы Александр, царь царем и над цари бичь, сын великих богов Юпитера и Венуса в небе, земский же Филиппа силнаго царя и Алимпиады царицы, нашею высокодержавною правицею утвердих вечно“. Сии же князи словено-руссии, иже таковыя высокия чести сподобишася от всего державнаго того самодержца прияти и сию

пречестнейшую епистолию почитаху вельми и обесиша ю в божницы своей по правую страну идола Велеса и честно покланяху ей, и праздник честен творяху в начальный день примоса месяца».

По сих же многим летом прешедшим, восташа от рода сих во языке словенstem два князя, Лалох и Лахерн, и сии паки воевати начаша земли скипетра греческаго. Приходиша же и под самый той царствующий град и много зла и кровопролития сотвориша скипетру греческаго царствия. И храбрый князь Лахерн под царствующим градом убиен бысть близ моря, место же то и доньне зовется Лахерново, на нем же монастырь честен возгражден во имя Пречистыя Богородицы, и множество тогда безчисленно русских вой под стенами града падоша. Князь же Лалох язвен велми со оставшими возвратися во своя со многим богатством. Живяху же отнюд погании, яко скот, не имуще закона. О них же свидетельствует в хождении своем блаженный апостол Андрей Первозванный, яко отнюдь неведгласи тогда поганы беша. В Синдерех же тогда княжаху два брата, единому имя Диюлел, а другому Дидиядакх, неведгласи боги их тогда нарицаху за то, иже пчелы им налезоса и борти верх древия устроиша. По мале ж времени прииде на землю Словенскую посланный праведный гнев божий, измроша людей без числа во всех градах и в весех, яко некому уже погребати мертвых. Оставшии же люди пустоты ради избегоша из градов в дальняя страны, овии на Белья воды, иже ныне зовется Бело езеро, овии на езере Тинном, и нарекошася весь, инии же по иным странам и прозвашася различными проименованими. Овии же паки на Дунав ко прежним родом своим, на старожитныя страны возвратишася.

Первое запустение Словенску. А великий Словенск и Руса опустеша до конца на многия лета, яко и дивииим зверем обитати и плодятся в них. По неких же временех паки приидоша з Дунава словяне и подъяшаскифи болгар с собою немало, и начаша паки грады оны Словенск и Русу населяти. И приидоша же на них угры белыя, и повоеваша их до конца, и грады их раскопаша, и положиша Словенскую землю в конечное запустение.

Второе запустение Словенску. По мнозе же времени онного запустения слышаху скифские жителие про беглецы словенстии о земли праотец своих, яко лежит пуста и никим не брегома, и о сем зжалишаси вельми и начаша мыслити в себе, како б им наследити землю отец своих. И паки приидоша из Дуная множество их без числа, с ними же и скифы и болгары и иностранницы поидоша на землю Словенскую и Рускую, и седоша паки

близ озера Илмеря и обновиша град на новом месте, от старого Словенска вниз по Волхову яко поприща и боле, и нарекоша Новград Великий. И поставиша старейшину и князя от роду же своего именем Гостомысла. Тако же и Русу поставиша на старом месте, и ины грады многи обновиша. И разыдошася кииждо с родом своим по широте земли, и овии же седоша в полях и нарекошася поляне, сиречь поляки, овии полочане речки ради Полоты, овии мазовшане, овии жмутяня, инии же бужане по реце Бугу, овии дреговичи, овии кривичи, овии чюдь, инии меря, инии же древляне, и инии морава, серби, болгары сих же от роды, и инии же северы, и инии лопи, и инии же мордва, и инии же мурама, инии же в различная именованія прозвахуся.

И тако начаша разширяться страна она вельми, а общим же именем прозвахуся. Сын старейшаго князя новгородскаго Гостомысла, именуемый младый Словен, сей отъиде от отца своего в Чюдь и тамо постави град во имя свое над рекою на месте, нарицаемом Ходницы, и нарече граду имя Словенск, и княжив в нем три лета, и умре. Сын же его Избор, сей преименова имя граду своему и нарече Изборск. Сей же князь Избор змием изъяден умре. Земля же Руская тогда сверже с себя ризы сетованныя и паки облечеся в порфиру и виссон и к тому уже не вдовствуя, ниже сетуя, но паки по сем же и дети разилоди и на многа лета опочивая пребывши с премудрым Гостомыслом. Егда ж сии во глубокую старость прииде и не могый уже рассуждати, ниже владети таковыми многочисленными народы, ниже утишити многмятежных междоусобных кровопролитий в роде своем, тогда убо он премудрый, седый умом и власы, призывает к себе вся владетели руския, иже под ним, и рече к ним ослабленным лицом: «О мужие и братие, сынове единокровницы, се аз уже состарехся вельми, крепость моя исчезает и ум отступает, но токмо смерть. А се вижду, яко земля наша добра и всеми благими изобильна, но не имать себе властодержца государя от роду царскаго. Сего ради в вас мятеж велик и неутишим и межъусобица зла. Молю убо вы, послушайте совета моего, иже реку вам. По смерти моей идите за море в Прускую землю и молитесь тамо живущих самодержцев, иже роди кесаря Августа, кровницы суще, да идут к вам княжити и владети вами, несть бо вам срама таковым покориться и в подданстве у сих быти». И возлюбивша вси речь старейшинскую, и егда сей умре, тогда всем градом проводиша честно до гроба, до места, нарицаемаго Волотово, иде же и погребоша его. По смерти же сего Гостомысла послаша всю Рускою землею послы своя в Прускую землю. Они же шедше и обретоша тамо курфистра или князя великого, именем Рюрика, рода суща Августова, и молиша сего, да будет к ним

княжити. И умолен був князь Рюрик, и поиде на Русь з двома братами своими, с Трувором и с Синеусом.

И сяде Рюрик в Новеграде, а Синеус на Белеозере, а Трувор [так! — В.Д.] в Зборце. И по двою лету Синеус умре, потом же и Трувор, и бысть Рюрик единодержавен, над всею Рускою землею державствова лет 17. Новгородцы же видевше Рюриково добродетель и мужественное его остроумие, пророчествоваху к себе, глаголюще: «Разумейте, братие, яко непременно имамы быти под едином игом державного обладателя. От сего Рюрика и от рода его и не токмо упразднится им самовластие наше, но и рабы им будем». Тогда Рюрик уби некоего храбра новгородца именем Вадима и иных многих новгородцев и советников его. Аще тогда и нечестиви бяху новгородцы, но обаче по пророчеству их, паче же благоволением Божиим и доныне царствуют ими от Рюрикова семени благородное изращение. Яко же прежде в нечестии повиновася им и до блаженного Владимира, им же сподобишася познати сущаго Бога и просвещени быша святым крещением и сияют благочестием неподвижно и неотступно, веру христову держаще и непременно обладаемы Владимировыми благородными чадомы и внучаты в роды и роды.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В.Н. Татищев

О ИСТОРИИ ИОАКИМА ЕПИСКОПА НОВГОРОДСКОГО

(«История Российская», гл. 4)

А. В Предъизвесчении я показал, что хотя все наши и польские историки Нестора Печерского за первейшаго историка руского почитают, однако ж то довольно видимо, что прежде его писатели были, да книги те погибли или есче где хранятца, или, коих-либо обстоятельств ради, от неразумных презираемы, как то довольно примечаем, что несмысленные малые книжки или тетрадки, великой разум и нуждное к ведению малости ради презирают, а великие, баснями и лжами наполненные, предпочитают, и так оные полезные в забвение предаются. Междо такими неведомыми Нестору и забвенными историки есть Иоаким, первый епископ новгородский, о котором хотя нигде, чтоб он историю писал, не упоминается, но сие не дивно, ибо видим других многих, яко Нифонта новгородского и пр., в гл. 6 показанных. Сиа же, которую я при окончании труда моего получил, мнится, совершенно древняго писателя более, нежели Нестор, сведущаго и не иначе, как в греческом языке, так в истории искусного. Хотя нечто и баснословное по тогдашнему обычаю внесено, по обстоятельствам крещения новгородцев точно показывает о себе, что есть Иоаким епископ, н. 39. Он приехал в Русь с другими епископы 991-го, гл. 48. и определен в Новград, умер 1030-го. Другое обстоятельство, что хотя так много разных манускриптов древних я имел, как в гл. 7 показано, однако ж многих в них обстоятельств, положенных в прологах и польских историях, не нахожу, а здесь почти точно или яснее тех положены. Следственно, оные сочинители не отъинуда, как из сея истории брали, н. 3, 6, 27, 29, 34, 36 и пр., в следующем явится.

В. Снискание мое к сочинению полной и ясной древней истории понуждало меня искать всюду полнейших манускриптов для списания или пропитания. Междо многими людьми и местами, где оных чаял, просил я ближнего моего свойственника Мелхиседека Борсцова (которой по многим монастырям игуменом, наконец, архимандритом Бизюкова монастыря был),

чтоб мне дал обстоятельное известие, где какие древние истории в книгохранилищах находятся, а ежели в Бизюкове монастыре есть, то б прислал мне для просмотра, ибо я ведал, что он в книгах мало знал и меньше охоты к ним имел. На которое мое письмо 1748-го мая от 20 числа получил от него ответ следующего содержания:

«По желанию вашему древних историй я никаких здесь не имею, и хотя в Успенском Старицком и Отроче Тверском монастырях и в других, где я прежде был, старых книг письменных есть немало, да какие, подлинно не знаю, для того что описей им нет и мне их ныне достать и к вам послать невозможно, разве впредь где достать случай иметь буду. А ныне монах Вениамин,^[30] которой о собрании русской истории трудится, по многим монастырем и домам ездя, немало книг русских и польских собрал. Я его просил, чтоб из русских старинных книг хотя одну для посылки к вам прислал, а я ему обещал заклад дать для верности, да он отговорился, что послать не может, а обещал сам к вам ехать, если его болезнь не удержит; я ему на то обещал за подводы и харч заплатить. Однако ж он не поехал, сказав, [что] за старостию и болезнию ехать не может, а прислал три тетради, которые при сем посланы, и прошу оные не умедля мне возвратить, чтоб ему отдать».

С. Сии тетради видно, что из книги сшитой выняты, по разметке 4, 5 и 6-я, письмо новое, но худое, склад старой, смешенной с новым, но самой простой и наречие новгородское. Начало видимо, что писано о народах, как у Нестора, с изъяснениями из польских, но много весьма неправильно, яко славян сарматами и сарматские народы славянами имяновал и не в тех местах, где надлежало, клал, в чем он, веря польским, обманулся. По окончании же описания народов и их поступков зачал то писать, чего у Нестора нет, из которых я выбрал токмо то, чего у Нестора не находится или здесь иначе положено, как следует.

О князех русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе, что ся деяло у нас славян во Новеграде, а святитель Иоаким,^[31] добре сведомый, написа, еже сынове Афетовы и внуки отделишася, и един от князь, Славен з братом Скифом,^[32] имея многие войны на востоце, идоша к западу, многи земли о Черном мори и Дунае себе покориша. И от старшего брата прозвашася славяне, а греки их ово похвально алазони,^[33] ово поносно амазони^[34] (еже есть жены бес титек) имяновали, яко о сем стихотворец древний Ювелей глаголет.^[35]

Д. Славен князь, оставя во Фракии и Иллирии на вскрай моря и по Дунаеви сына Бастарна,^[36] иде к полунощи и град великий созда, во свое

имя Славенск нарече.^[37] А Скиф остася у Понта и Меотиса в пустынях обитати, питаяся от скот и грабительства и прозвася страна та Скифия Великая.^[38]

По устроении Великого града умре Славен князь, а по нем владаху сынове его и внуки много сот лет. И бе князь Вандаг, ^[39] владая славянами, ходя всюду на север, восток и запад морем и землею, многи земли на вскрай моря повоева и народы себе покоря, возвратися во град Великий.

По сем Вандаг послал на запад подвластных своих князей и свойственников Гардорики и Гунигара^[40] с великими войски славян, руси и чуди. И сии шедше, многи земли повоевав, не возвратишася. А Вандаг разгневайся на ня, вся земли их от моря до моря^[41] себе покори и сыновом своим вдаде. Он имел три сына: Избора, Владимира и Столпосвята. Каждому из них построи по единому граду, и в их имена нарече,^[42] и всю землю им разделя, сам пребывал во Велице граде лета многа и в старости глубоце умре, а по себе Избору град Великий и братию его во власть предаст. Потом измроша Избор и Столпосвят, а Владимир приат власть на всей земли. Он имел жену от варяг Адвинду,^[43] вельми прекрасну и мудру, о ней же многое от старых повествуется и в песнях восклицают.

Е. По смерти Владимира и матери ево Адвинды княжили сынове его и внуки до Буриной, иже девятый бе по Владимире, имена же сих осми неведомы,^[44] ни дел их, разве в песнях древних воспоминают.^[45]

Буриной, имея тяжку войну с варяги, множицею побеждаше их и облада всю Бярмию до Кумени.^[46] Последи при оной реце побежден бысть, вся свои вои погуби, едва сам спасеся, иде во град Бярмы, иже на острове сый крепце устроенный,^[47] иде же князи подвластнии пребываху, и тамо, пребывая, умре. Варяги же, абие пришедше град Великий и протции обладаша и дань тяжку возложиша на словяны, русь и чудь.^[48]

Людие же терпяху тугу велику от варяг, пославше к Буриной, испросиша у него сына Гостомысла, да княжит во Велице граде. И егда Гостомysl приа власть, абие варяги бывшия овы изби, овы изгна, и дань варягом отрече, и, шед на ня, победи, и град во имя старейшого сына своего Выбора при мори построи,^[49] учини с варяги мир, и бысть тишина по всей земли. Сей Гостомysl бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем его любим, расправы ради и правосудна. Сего ради вси окольни чтяху его и дары и дани даюсче, купуя мир от него. Многи же князи от далеких стран приходяху морем и землею послушати мудрости, и видети суд его, и просити совета и учения его, яко тем

прославися всюду.

Е. Гостомысл имел четыре сына и три дщере. Сынове его ово на воинах избиени, ово в дому измроша, и не остася ни единому им сына, а дщери выданы бмша суседним князем в жены.^[50] И бысть Гостомыслу и людем о сем печаль тяжка, иде Гостомысл в Колмогард вопросити боги о наследии и, возшед на высокая,^[51] принесе жертвы многи и весчуны угобзи. Весчуны же отвесчаша ему, яко боги обещают дати ему наследие от ложесн его. Но Гостомысл не ят сему веры, зане стар бе и жены его не раждаху, посла паки в Зимеголы^[52] к весчунам вопросити, и ти реша, яко имать наследовати от своих ему. Он же ни сему веры не ят, пребываше в печали. Единою спясчу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дщере его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие^[53] всея земли. Востав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: «От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его». И вси радовахуся о сем, еже не имать наследити сын большия дщере, зане негож бе. Гостомысл же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя. И приидоша по смерти Гостомысла Рюрик со двумя братья и роды ею. (Здесь о их разделении, кончине и пр. согласно с Нестором, токмо все без лет.)

Рюрик по смерти братии облада всею землею, не имея ни с ким войны. В четвертое лето княжения его преселися от старого в Новый град великий ко Ильменю, прилежа о росправе земли и правосудии, яко и дед его. И дабы всюду росправа и суд не оскудел, посажа по всем градом князи от варяг и славян, сам же проименовася князь великий, еже гречески архикратор или василевс,^[54] а онии князи подручни. По смерти же отца своего облада варягами, емля дань от них.^[55]

Имел Рюрик неколико жен, но паче всех любляше Ефанду, дочь князя урманского,^[56] и егда та роди сына Ингоря, даде ей обещанный при море град с Ижарою в вено.^[57]

Славяне, живущие по Днепру, зовомии поляне и горяне, утесняеми бывши от казар, иже град их Киев и протчии обладаша, емлюсче дани тяжки и поделениями изнуряюсче, тии прислаша к Рюрику преднии мужи просити, да послет к ним сына или ина князя княжити. Он же вдаде им Оскольда^[58] и вои с ним отпусти. Оскольд же, шед, облада Киевом и, собрав вои, повоева первее козар, потом иде в лодиях ко Царюграду, но

буря разби на мори корабли его. И возвратяся, посла в Царьград ко царю. (Здесь на стране подписано: утрачены в летописце 2 листа. А зачато: Михаил же возблагодари бога, иде в Болгары. По сему дознаюсь, что о крещении Оскольда утрачено и Михаил сей кир Михаил митрополит, показавшей чудо незгоревшим евангелием, гл. 3, н. 10.)

Г. Рюрик по отпуске Оскольда бе вельми боля и начат изнемогати; виде же сына Ингоря вельми юна, предаде княжение и сына своего шурина своему Ольгу,^[59] варягу сусчу, князю урманскому.

Олег бе муж мудрый и воин храбрый, слыша от киевлян жалобы на Оскольда и позавидовав области его, взял Ингоря, иде с войски ко Киеву. Блаженный же Оскольд^[60] предан киевляны и убиен бысть и погребен на горе, иде же стояла церковь святого Николая,^[61] но Святослав разруши ю, яко речется.

По сем Олег облада всю страну ту, многи народы себе покори, воева же на греки морем и принуди мир купити, возвратися с честью великою и богатствы многими. Повоева же козары, болгары и волоты до Дуная (волоты римляне, ныне волохи, ч. II, н. 8).

Егда Игорь возмужа, ожени его Олег, поят за него жену от Изборска, рода Гостомыслова, иже Прекраса нарицашеся, а Олег преименова ю и нарече во свое имя Ольга.^[62] Име же Игорь потом ины жены, но Ольгу мудрости ея ради паче иных чтяше.

(О войне на греки, убивстве его от древлян, яко же и мочении Ольги древляном кратко тако:) Князь древлянский Мал, сын Нискинин,^[63] присла послы ко Ольге просити, да идет за нь. Она же повеле послы тии овых избити, овых сожесчи и, собрав вой, иде на древлян, князи их и люд изби, а град Коростень разори и соже.

Н. Ольга, владея со сыном и научена бывши от презвитер, сусчих в Киеве, вере Христове, но крещения народа ради пряти не можаше. Сего ради иде с верными вельможи ко Царюграду и, приав тамо крещение, со многими дары и честью от царя и патриарха возвратися в Киев, иде же первее святой апостол Андрей веру Христову проповеда.^[64] Приведе же с собою иереи мудри и церковь святых Софеи древлянну устрой, а иконы присла ей патриарх, и прилежаху к научению. Ольга вельми увесчева сына Святослава, но Святослав ни слышати хотя, а от вельмож и смерть мнози приаша, и велми от неверных ругаеми бяху.^[65]

Ж. По смерти Ольги Святослав пребываше в Переяславцы на Дунае, воюя на казари, болгары и греки, имея помосць от тестя,^[66] князя угорского и князя ляцкого, не единою побеждая, последи за Дунаем у стены долгие

(какая сия стена и где, я описания не нахожу) все войско погуби. Тогда диавол возьмет сердца вельмож нечестивых, начаша клеветати на христианы, сущия в воинстве, якобы сие падение вой приключилось от прогневания лжебогов их христианами. Он же толико разсвирепе, яко и единого брата своего Глеба^[67] не посчаде, но разными муками томя убиваше. Они же с радостию на мучение идяху, а веры Христовы отрещися и идолом поклонитися не хотяху, с веселием венец мучения приимаху. Он же, видя их непокорение, наипаче на презвитеры яряся, якобы тии чарованием неким людем отврасчают и в вере их утверждают, посла в Киев, повеле храмы христиан разорити и сожесчи и сам вскоре поиде, хотя вся христианы изгубити. Но Бог весть, како праведныя спасти, а злыя погубити, он бо вся воя отпусти полем ко Киеву, а сам не со многими иде в лодях, и на Днепре близ проторча (порогов) оступиша печенези со всеми, бывшими при нем, избиша. Тако приат казнь от Бога.

К. Святослав имел три сына, им же тако области раздели: старейшему Ярополку даде град Киев со всею областю, Ольгу, юнейшему, Древляны, а Владимиру, сыну Малушину, Новгород. Ярополк же бе муж кроткий и милостивый ко всем, любляше христианы и аще сам не крестися народа ради, но никому же претяше (протчее до ухода Владимира в Варяги кратко, но согласно с Нестором).

Владимир, возвратяся от Варяг с войском и собрав новгородцев, иде на полоцкого князя Рохволда, зане тот повоева волости новгородские. И победа войско, град Полоцк взя, Рохволда со двумя сыны уби, а дщерь его Рогнед взял себе в жену и преименова ю Гориславою.^[68] Сия приречена бе Ярополку и хотяше идти с послами Ярополчи ко Киеву.

Ярополк, известяся о сем, печален бысть, яко случися убийство брата его Ольга не по хотению его. И се другой брат войну нача, посла к нему увещевати. Посла же и воинство во Кривичи, да воспретят Владимиру воевати. Владимир, слышав сие, убояся, хотя бежати ко Новуграду, но вуй его Добрыня, ведый, яко Ярополк нелюбим есть у людей, зане христианом даде волю велику,^[69] удержав Владимира и посла в полки Ярополчи з дары к воеводам, водя их ко Владимиру. Оныя же, яко первее рех, не правяху Ярополку и яшася предати полк Владимиру. Тогда Добрыня со Владимиром иде на полки Ярополчи и, сшедшися на реке Дручи в трех днях от Смоленска, победиша полки Ярополчи не силою, не храбростию, но предательством воевод Ярополчих. (О убийстве Ярополка, рождении Святополка и пр. почти согласно с Нестором и житие Владимирове описано со многими пирами и веселии, которые к сему не принадлежат).

Л. Владимир, имея с Месчем (Мешком), князем ляхов и ленчан, войну, и асче воеводы Владимири дваkrát победиша их, но он не престая воюя земли даже до Горыни. Сего ради Владимир шед сам и при реце Висе (мню Висле) тако победи, что Месч все воинство погуби, едва сам спасеся, а преднии его мужи все пленени быша, и Владимир вся грады ляцкия зяят. Месч же испроси мир у Владимира, отдая ему пять градов; Владимир же даде ему мир и дань погодну на ляхи возложи.^[70]

По сем иде Владимир на болгары и, победа их, мир учини и прнат кресчение сам и сынове его, и всю землю Рускую крести.^[71] Царь же болгарский Симион присла иерей учены и книги довольны. И посла Владимир во Царьград ко царю и патриарху просити митрополита. Они же вельми возрадовашася и прислаша митрополита Михаила, мужа вельми ученаго и богобоязненаго, болгарина сусча, с ним 4 епископы и многи иереи, диаконы и демественники (певчие) от славян. Митрополит же, по совету Владимира, посажа епископы по градом: в Ростове, Новеграде, Владимире и Белеграде.^[72] Сии шедше по земли с вельможи и вои владимировыми, учаху люд и кресчаху всюду стами и тысяччами, колико где прилучися, асче людие невернии вельми о том скорбяху и роптаху, но отрицатися воев ради не смеяху.

М. В Новеграде людие, уведавшие еже Добрыня идет крестити я, учиниша вече и заклѣшася вси не пустити во град и не дати идолы опровергнути. И егда приидохом, они, разметавше мост великий, изыдоша со оружием, и асче Добрыня пресчением и лагодными словы увесчевая их, обаче они не слышати хотяху и вывесше 2 порока великие со множеством каменя, поставиша на мосту, яко на сусчие враги своя. Высший же над жрецы славян Богомил, сладкоречив ради наречен Соловей, вельми претя люду покоритися. Мы же стояхом на торговой стране, ходихом по торжисчам и улицам, учахом^[73] люди, елико можахом. Но гиблюсчим в нечестии слово крестное, яко апостол рек, явися безумием и обманом. И тако пребыхом два дни, неколико сот крестя. Тогда тысецкий новгородский Угоняй, ездя всюду, вопил: «Лучше нам помрети, неже боги наша дати на поругание». Народ же оная страны, разсвирепев, дом Добрынин разориша, имение разграбиша, жену и неких от сродник его избиша. Тысецкий же Владимиров Путята,^[74] яко муж смысленный и храбрый, уготовав лодиа, избрав от ростовцев 500 муж, носчию перевезеся выше града на ону страну и ишед во град, никому же пострегшу, вси бо видевши чаяху своих воев быти. Он же дошед до двора Угоняева, онаго и других предних мужей ят и абие посла к Добрыне за реку. Людие же страны оные, услышавше сие,

собрашася до 5000, оступиша Путятю, и бысть междо ими сеча зла. Некия шедше церковь Преображения господня разметаша и дома христиан грабляху. Даже на разсвитании Добрыня со всемя сусчими при нем приспе и повеле у берега некие дома зажесчи, чим люди паче уstraшени бывше, бежаху огонь тушити; и абие преста сечь, тогда преднии мужи, пришедше к Добрыне, просиша мира.

Н. Добрыня же, собрав вой, запрети грабление и абие идолы сокруши, деревяннии сожгоша, а каменнии, изломав, в реку вергоша; и бысть нечестивым печаль велика. Мужи и жены, видевшие тое, с воплем великим и слезами просясче за ня, яко за сусчие их боги. Добрыня же, насмехаяся, им весча: «Что, безумнии, сожалеете о тех, которые себя оборонить не могут, кую пользу вы от них чаять можете». И посла всюду, объявляя, чтоб шли ко крещению. Воробей же посадник, сын Стоянов, иже при Владимире воспитан и бе вельми сладкоречив, сей иде на торжисче и паче всех увесча. Идоша мнози, а не хотясчих креститися вонни влачаху и кресчаху, мужи выше моста, а жены ниже моста. Тогда мнози некрещении поведаху о себе крещеными быти; того ради повелехом всем крещеным кресты деревянни, ово медяны и каперовы (сие видится греческое оловянны испорчено) на выю возлагати,^[75] а иже того не имут, не верити и крестити; и абие разметанную церковь паки сооружихом. И тако крестя, Путята иде ко Киеву. Сего для людие поносят новгородцев: Путята крести мечем, а Добрыня огнем.

О. По сем, писа о разделении десяти сынов, упоминает жен весьма иначе, нежели Нестор, тако:

Владимир вскоре по крещении упрошен бе отпусти жены от себе, яко обесча, и отпусти Вышеслава, иже родися от Оловы, княжны варяжские, в Новград; Гориславу со Изяславом в Полоцк, ея же сына Ярослава в Ростов; Всеволода во Владимир; Предславу со сыном Святополком в Туров; Мальфрид со сыном Святославом в Овруч; Адиль со сыном Мстиславом во Тмутаракань, а Станислава в Смоленск; Анны царевны сына Бориса и Глеба при матери остави, но Глебу назнаменова Муром,^[76] зане бе еше у груди тогда. Протчих жен и дочерей даде в жены ближним своим, не имущим жен, и запрети да всяк...

Сим оное кончилось. Я, получа сие нечаянное сказание, желал ту самую книгу видеть, как старо писано, и паче о начале ея, ибо так разумел, что сии тетради нарочно для посылки ко мне списаны; оные немедленно к нему послал и просил его письмом, ежели всея книги прислать неможно, то б прислал мне первые три да из следуюсчих сим несколько. Но в сентябре

вместо ответа получил известие, что он умер, а пожитки его разстосчены, иные указом от Синода запечатаны. Потом просил я приятелей, чтоб о том монахе Вениамине у бывших его служителей осведомиться; токмо никто не знает, келейник его скрылся, а бывшей при нем за казначея монах Вениамин сказал, что сия книга была у Мелхиседека, и он сказывал, что списал ея в Сибири, иногда сказывал, что чужая, и никому не показывал. Она не в переплете, но связаны тетради и кожею обернуты. Токмо по нем в пожитках ево не явилось.

Я намерен был все сие в Несторову дополнить, но разсудя, что мне ни на какой манускрипт известной сослаться нельзя, и хотя то верно, что сей архимандрит, яко мало грамоте умеющий, сего не сложил, да и сложить все неудобно, ибо требуется к тому человека многих древних книг читателя и в языке греческом искуснаго; к тому много в ней находится, чего я ни в одном древних Несторовых манускриптах не нахожу, а находится в Прологах и польских историях, которые, как Стрыковский говорит, из русских сочинили, и здесь те находятся, о которых в изъяснении показано. Мне же известно, что в Новеграде у диака архиерейского есть древний летописец, из которого видя у архиепископа Прокоповича выписку о счислении древних весов, денег и мер, також грамоту Ярославлю о вольности новгородцам, которого нигде в манускриптах не нахожу, я чрез многих приятелей просил у оногo, чтоб дал оную хотя в его доме, наняв писца, списать, токмо добиться не мог. Почему видимо, что разные древние истории в разных руках находятся, чрез что многое от всеобщаго ведения остается в закрытии. Сего ради я сию выписку особоною главою положил и в Несторове несогласие примечаниями показал. А что в сей неясно или не всякому известно, то я следуюсчим изъяснил.^[77]

БИБЛИОГРАФИЯ

(Источники сведений и иллюстраций)

- Абрамов Ю.А., Демин В.Н. 100 великих книг. М., 1999.
- Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1997.
- Азбелев С.Н. Предания о древнейших князьях Руси по записям IX–XX вв. // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 1. М., 1997.
- Алексеева Л.М. Полярные сияния в мифологии славян. М., 2001.
- Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Т. 23. М., 1947.
- Андреев А. Мир Тропы: Очерки русской этнопсихологии. СПб., 2000.
- Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
- Апокрифы древней Руси. Тексты и исследования. М., 1997.
- Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975.
- Археология с древнейших времен до средневековья. В двадцати томах. М., 1981–2000. (Издание продолжается.)
- Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. М., 1994.
- Барсов Е.В. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и новая Россия. 1879. № 9.
- Бенедиктов Н.А., Бенедиктова Н.Е., Базурина Е.Н. Энциклопедия русской истории. М., 2000.
- Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К., 1983.
- Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.
- Библиотека литературы Древней Руси в двадцати томах. Т. 1 — 10 (издание продолжается). М., 1997–2000.
- Богуславский В.В. Держава Рюриковичей: Славяне — Русь — Россия.

Энциклопедический словарь в шести томах. Т. 1. Тула, 1994. (Издание не завершено.)

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. М., 1988.

Борисов Н.С. Иван Калита. М., 1997.

Борисов Н.С. Иван III. М., 2000.

Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987.

Булахов М.Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке. Краткий энциклопедический словарь. Минск, 1989.

Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским мифом. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.

Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.

Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь — М., 1996.

Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь — М., 1996.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь — М., 1997.

Вернадский Г.В. Московское царство. В двух томах. Тверь — М., 1997.

Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь — М., 1997.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.

Влескнига I. «Влесова книга», литературный перевод ее текстов. (Влесова книга, русский язык и русская история). Омск. 2000.

Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.,-Л., 1959.

Воскресенская летопись. В двух томах. Рязань, 1998.

Временник Ивана Тимофеева. М., 1991.

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870.

Гаркави А.Я. Туле (Tuhle) в арабской литературе. Б/м, 1873.

Гваньини А. Описание Московии. М., 1997.

Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Ч. 1–2. СПб., 1876.

Гельмольд. Славянские хроники. М., 1963.

Герасимов М.М. Портреты исторических лиц // Наука и человечество: 1965. М., 1965.

- Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
- Геродот. История. Л., 1972.
- Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. М., 1994.
- Гиляров Ф.А. Предания русской начальной летописи. М., 1878.
- Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты, перевод, комментарий. М., 1996.,
- Гоголь Н.В. Летописи // Полное собрание сочинений в четырнадцати томах. Т. 9. М.-Л., 1952.
- Голан А. Миф и символ. М., 1993.
- Гольдберг А.Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 13. Л., 1982.
- Горсей Дж. Записки о России. М., 1990.
- Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
- Грейвс Р. Белая богиня. М., 1999.
- Грейвс Р. Мифы древней Греции. М., 1992.
- Греков Б.Д. Киевская Русь // Избранные труды. Т. 2. М., 1959.
- Греков И.Б., Шамагонов Ф.Ф. Мир истории. Русские земли в XIII–XV веках. М., 1986.
- Григорьев Г.Л. Кого боялся Иван Грозный? М., 1998.
- Гримберг Ф.И. Две династии. М., 2000.
- Гудзь-Марков А.В. Индоевропейская история Евразии. Происхождение славянского мира. М., 1995.
- Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1996.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
- Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992.
- Гури А.А. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гурины Н.Н. Время, врезанное в камень. Мурманск, 1982.
- Гурины Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
- Гусева Н.Р. Русские сквозь тысячелетия: арктическая теория. М., 1998.
- Густинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1843.
- Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998.
- Демин В.М. От ариев к русичам. Москва — Омск, 2001.
- Демин В.Н. Гиперборея: Исторические корни русского народа. М., 2000.
- Демин В.Н. Тайны русского народа. В поисках истоков Руси. М., 1997.

Денисова И. М. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995.

Державин Н.С. Происхождение русского народа. М., 1944.

Державин Н.С. Славяне в древности. М., 1945.

Дмитриева Р.П. Библиография русского летописания. М.-Л., 1962.

Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995.

Доленга-Ходаковский З. Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. № 20.

Древнерусские летописи. М.-Л., 1936.

Древний мир на юге России. М., 1918.

Древность. Арьи. Славяне. М., 1996.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.

Елачич Е.А. Крайний Север как родина человечества. СПб., 1910.

Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961.

Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.

Ермолинская летопись. Рязань, 2000.

Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. X–XX вв. М., 1992.

Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого свода XVI века. СПб., 1992.

Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1990.

Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. В двух томах. М., 1876–1879.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале // Фантастика и наука. Вып. 25. М., 1992.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986.

Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991.

Золин П.М. Русь до Руси. Вып. 1-10. Новгород. 1991–1995.

Иван IV Грозный. Сочинения. М., 2000.

Иванчик А.И. Киммерийцы. М., 1996.

Иловайский Д.И. Начало Руси. М., 1996.

Иловайский Д.И. Новая династия. М., 1996.

Иловайский Д.И. Отец Петра Первого. М., 1996.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., 1996.

Иловайский Д.И. Становление Руси. М., 1996.

Иловайский Д.И. Царская Русь. М., 1996.

Иллюстрированный мифологический словарь. СПб., 1994.

- Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
- Ирландские саги. М., 1961.
- Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания. Л., 1924.
- Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы. Пг., 1922.
- Исчезнувшие народы. М., 1988.
- История русов, сочинение *Георгия Конисского*. М., 1846.
- Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990.
- Кандыба В.М. Запрещенная история. СПб., 1998.
- Карамзин Н.М. История государства Российского в двенадцати томах. Т. 1–6 (издание продолжается). М., 1989–1998.
- Карпов А.Ю. Владимир Святой. М., 1997.
- Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., 2001.
- Кельты. Ирландские сказания. М., 2000.
- Кёйпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Клады болгарских земель. София, 1965.
- Класен Е.И. Новые материалы для истории славян вообще и славяно-русов дорюриковского времени в особенности. Выпуски 1–3. М., 1854.
- Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1994.
- Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.
- Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
- Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987–1990.
- Книга степенная // Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 1, 2. СПб., 1908–1911.
- Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Кожин В.В. История Руси и русского слова (конец IX — начало XVII века). М., 1999.
- Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М., 1960.
- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск, 1995.

- Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина. М., 1994.
- Костомаров Н.И.* Земские соборы. М., 1995.
- Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В трех томах. М., 1990–1992.
- Костомаров Н.И.* Славянская мифология. М., 1995.
- Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства. М., 1994.
- Кузьмин А.Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоевропейцев. М., 1994.
- Кур А.А.* Из истинной истории наших предков // Молодая гвардия. 1994. № 1.
- Куликовская битва* в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Кыганов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Лаврентьевская летопись.* М., 1997.
- Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия IX — первая половина XII в. М.-Л., 1989.
- Лесной Сергей.* Откуда ты, Русь? Ростов-на Дону, 1995.
- Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 9—14. СПб., 1862–1910.
- Лики Ирландии: Книга сказаний. СПб., 2001.
- Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947.
- Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985.
- Ломоносов М.В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766.
- Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
- Любкер Ф.* Реальный словарь классической древности. Т. 1–3. М., 2001.
- Лызлов А.И.* Скифская история. М., 1990.
- Львовская летопись. В двух томах. Рязань, 1999.
- Мабинагион: Волшебные легенды Уэльса. М., 1995.
- Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. Л., 1978.
- Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 31. Л., 1968.

- Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. Киев, 1837.
- Макушек В. Сказания иностранцев о быте и правах славян. СПб., 1861.
- Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.
- Мирзоев В.Г. Былины и летописи — памятники русской исторической мысли. М., 1978.
- Михалон Литвин. О правах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
- Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. М., 1980–1982.
- Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996.
- Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1999.
- Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII. М., 1969.
- Начала цивилизации: Даниленко В.Н. Космогония первобытного общества; Шилов Ю.А. Праистория Руси. Екатеринбург-М., 1999.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.
- Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000.
- Новгородские летописи. СПб., 1879.
- Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси XVII столетия. СПб., 1906.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: пермский звериный стиль. Пермь. 1988.
- Окладников А.П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // Советская археология. Т. 13. М.-Л., 1950.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 1996.
- О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- Орбини М. Книга историография початия имени, славы и расширения народа славянского... СПб., 1722.
- Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия в пяти томах. Т. 1–3. М., 1994–2000. (Издание продолжается.)
- Памятники литературы Древней Руси. В двенадцати томах. М., 1978–1994.
- Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Н.С.

Тихонравовым. Т. 1–2. М., 1863.

Памятники Смутного времени. Тушинский вор: личность, окружение, время. Документы и материалы. М., 2001.

Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.

Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990.

Паранин В.И. История варваров. Ч. 1. СПб., 1998.

Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск — М., 1995.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993.

Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995.

Платонов С.Ф. Учебник русской истории. М., 1992.

Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. М., 1982.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.

Повесть временных лет. СПб., 1996.

Повесть о Зосиме и Савватии (факсимильное воспроизведение). М., 1986.

Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры Лицевого свода XVI века. Л., 1984.

Повести о начале Москвы. М.-Л., 1964.

Повесть о победах Московского государства. Л., 1982.

Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1–2. М., 1999.

Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. СПб., 1798.

Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1–3. М., 1997.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1—41. СПб.; М.-Л., 1841–2000. (Издание продолжается.)

Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869.

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983.

Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.

Приселков М.Д. Митрополит Иларион — в схеме Никон — борец за независимую русскую церковь // Сергею Федоровичу Платонову —

ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911.

Приселков М.Д. Нестор-летописец. Пг., 1923.

Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.-Л., 1950.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.

Псковские летописи. М.-Л., 1941. Вып. 1; М., 1955. Вып. 2.

Путевые заметки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873.

Радзивилловская летопись. (Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследования. Описание миниатюр). В двух томах. СПб., 1994.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сарматских племен. М., 1977.

Ригведа: Мандалы I–IV. М., 1989; Мандалы V–VIII. М., 1995; Мандалы XI–X. М., 1999.

Рис А. и Б. Наследие кельтов. М., 1999.

Рогожский летописец. Тверская летопись. Рязань, 2000.

Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1984.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978.

Савельев Е.П. Древняя история казачества. Ч. 1. Вып. 1. Новочеркасск, 1915.

Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983.

Самоквасов Д.Я. Происхождение русского народа. М., 1908.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1–2. М., 1994–1995.

Святский Д.О. Соловецкие лабиринты и культ Солнца // Мироведение. Т. 17. 1928. № 2.

Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас, 1993.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Серяков М.Л. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М., 2001.

- Сибирские летописи. СПб., 1907.
- Симеоновская летопись. Рязань, 1997.
- Синописис. Киев, 1674 и последующие 30 изданий.
- Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). М., 1985.
- Сказание о царстве Казанском. М., 1959.
- Скифы (хрестоматия). М., 1992.
- Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969.
- Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. М., 1988.
- Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990.
- Скрынников Р.Г. Третий Рим. СПб., 1994.
- Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.
- Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1998.
- Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Славяне и финноугры: Археология, история, культура. СПб., 1997.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 1–2 (издание продолжается). М., 1995–1999.
- Славянские хроники. СПб., 1996.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1–3. В семи частях. Л., 1987–2000.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–25 (издание продолжается). М., 1975–2000.
- Смоленск и Гнёздово в истории России. Смоленск, 1999.
- Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980.
- Соболев А.Н. Мифология славян: Загробный мир по древнерусским представлениям. СПб., 1999.
- Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. М., 1997.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1–15. М., 1959–1966.
- Соловьев С.М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Сочинения. Т. 19. М., 1996.
- Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.
- Степи Европейской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. М., 1989.
- Страбон. География. М., 1994.
- Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского // Полное собрание русских летописей. Т. 39. М., 1994.
- Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

- Сперанский М.Н. История древней русской литературы. М., 1914.
- Татищев В.Н. История Российская. // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1–6. М., 1994–1966.
- Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- Теляшов Р.Х. От индейцев и гуннов до золотой орды. СПб., 2001.
- Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.
- Тилик Б.Г. Арктическая родина в Ведах. М., 2001.
- Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 24. Пг., 1921.
- Тихомиров М.Н. Летописи // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965.
- Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
- Топоров В.Н. Предыстория литературы славян: Опыт реконструкции. М., 1998.
- Тредиаковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских... // Полное собрание сочинений в трех томах. Т. 3. СПб., 1849.
- Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.
- Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.
- Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
- Трубачев О.Н. Indoarika в Северном Причерноморье. М., 1999.
- Тулаев П.В. Венеты: предки славян. М., 2000.
- Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.-Л., 1950.
- Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1995.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200–1304.
- Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1905.
- Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни: Опыт славянской археологии. В двух томах. Томск, 1894–1897.
- Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999.
- Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
- Фирдоуси. Шахнаме. Т. 1–6. М., 1957–1989.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 1–4. М., 1961–1963.
- Хлобыстин Л.П. Археология таймырского Заполярья. СПб., 1998.
- Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 33.

Л., 1975.

Хроники Смутного времени. М., 1998.

Чекин А.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. М., 1999.

Черенцов А.В. Древнерусские изображения кентавров // Советская археология. 1975. № 2.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Шамбаров В.Е. Русь: дорога из глубин тысячелетий. М., 1999.

Шамбинаго С.К. Иоакимовская летопись // Исторические записки. Т. 21. М., 1947.

Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.-Л., 1938.

Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 4. М.-Л., 1940.

Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 1.

Шергин Б.В. Океан — море русское. М., 1959.

Шилов Ю.А. Прародина ариев. Киев, 1995.

Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934.

Шмурло Е.Ф. История России. М., 1997.

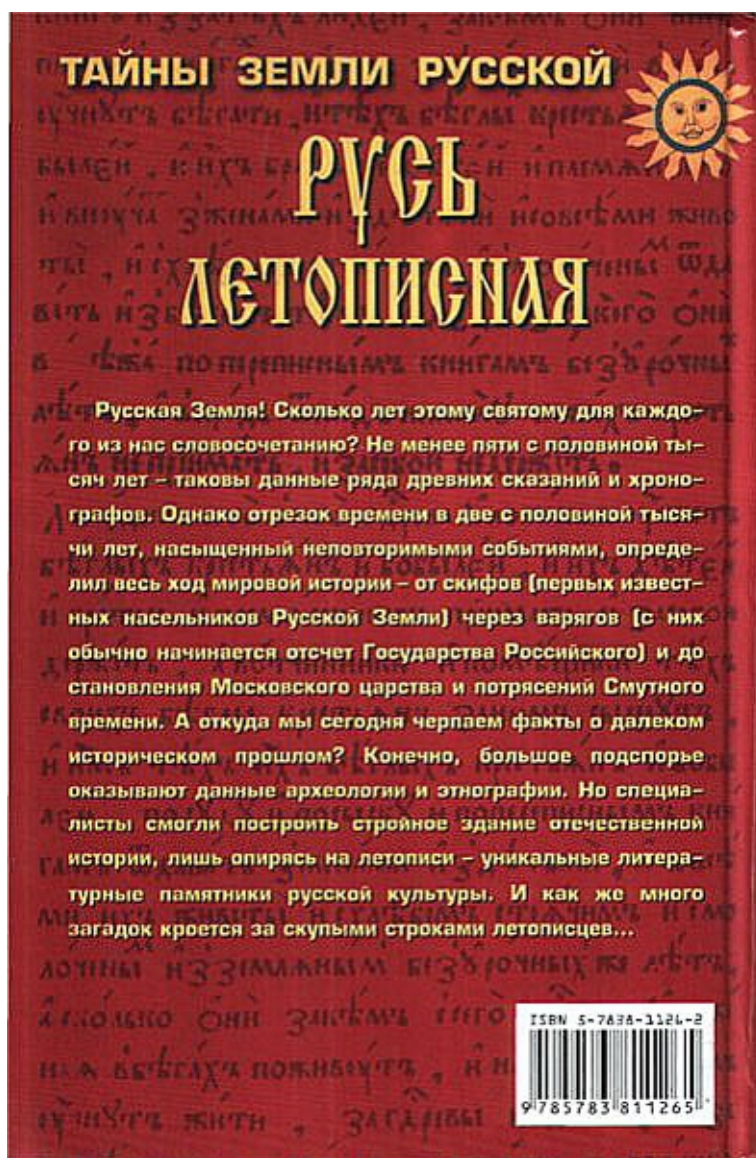
Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. М., 1998.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве» в пяти томах. СПб., 1995.

Эрбен (Ербен) К.Я. О славянской мифологии. (Письмо к А.Ф. Самарину). // Русская беседа. 1857. Кн. 4.

Юшин В.И. Русь от патриархов до Апокалипсиса. М., 2001.

notes

Примечания

Вопрос о моногенезе языков и культур мира неоднократно затрагивался мной в предыдущих публикациях, и в частности в книгах «Тайны русского народа» и «Загадки Русского Севера». К ним и отсылаю всех, кого заинтересует данная проблема.

Житийный рассказ о «тульском народе» представляет собой типичную механическую вставку в старославянский текст, слабо увязанную с предшествующим и последующим изложением. Чисто формально она оказалась сопряженной и с посещением Кириллом-Константином Херсонеса при возвращении в Царьград, хотя именно это и породило предположение, что «тульский народ» обитал на Таврическом полуострове. Если же отнестись к загадочному фрагменту как ко вполне самостоятельному тексту, то из него совсем не следует, что «тульцы» проживали в Крыму. Владения Хазарии простирались вплоть до центральных областей современной России, и, следовательно, «тульский народ» мог проживать где угодно. Хазарский маршрут Константина Философа в его «Житии» очерчен общо, потому-то и столкнуться с «тульцами» будущий создатель славянской письменности мог где угодно. Кроме того, развесистый одинокий дуб — для Крыма дерево не характерное, черешня же, хотя теплолюбивое растение, произрастает вплоть до Прибалтики.

Так! Здесь и далее все отклонения от норм современного правописания, а также искажения по смыслу даны в точном соответствии с опубликованной фольклорной записью (см.: Беломорские былины, записанные А. Макаровым. М., 1909. С. 513–514).

Что касается зимовки поморов на острове Фаддея (еще не имевшего такого названия к моменту их смерти), то сей факт давно уже занесен в анналы русских открытий в Арктике: безымянные мореплаватели достигли берегов Таймыра задолго до его официального открытия.

Небезынтересно также, что библейское имя *Мешех* фонетически сопрягается с одним из самоназваний легендарного индейского племени *ацтеков* — основателей последней империи на американском континенте, павшей под натиском испанских конкистадоров во главе с Эрнаном Кортесом. В эпоху завоевания Америки *ацтеки* были более известны как *мешики* (исключительно под этим именем они фигурируют и в классической хронике, написанной участником событий Берналем Диасом). Столица ацтекского государства *Теночтитлан* в те времена также прозывалась — *Мешико*. От этого корня и произошли современные названия: государства — Мексика, столицы — Мехико и народа — мексиканцы.

Косвенным подтверждением достоверности сведений, приводимых в Сказании, может служить также и упоминаемое здесь на первый взгляд странное имя одного из русских князей эпохи Александра Македонского — *Асан*. Похожее имя (только не человека, а русского города) — *Арсания* — встречается в наиболее популярном арабском географическом сочинении с витиеватым названием — «Развлечение истомленного в странствии по областям» (1154 г.), принадлежащем ал-Идриси.

Русские названия встречаются и в других местах: в Италии — населенные пункты *Паджо-Руско*, *Руссеи*, историческая *Перусса* (древний город по имени племени *пирусков*); в Пиренеях — город *Русильон*; в Шотландии — побережье *Западный Росс*; в Ирландии — *Роскоммон*; в Бельгии — *Руселаре*; в Дании — *Роскиль* и *Росдорф*, в Болгарии — *Русе*, в Литве — *Русне*. И далее — *Рустави* в Грузии, *Росейрес* в Эфиопии, *Росарио* в Аргентине. В европейских странах прикарпатского региона насчитывается более 70 подобных названий, в том числе 10 рек — *Русс*, *Рося*, *Рускава*, *Русо*, *Рось*, *Рускица*, *Ороз*, *Реусбах* и др.

У нас вообще давно укоренилась довольно-таки странная точка зрения, согласно которой верхняя хронологическая граница *Древней Руси* доводится до начала Петровских реформ, то есть фактически до XVIII века. Особливо поспособствовали превращению этой, вообще-то, заведомо абсурдной концепции литературоведы: ничтоже сумняшеся они все как один завершают *древнерусскую* литературу XVII веком. Дабы убедиться в этом, достаточно заглянуть в любой учебник, справочник, хрестоматию или 12-томное издание «Памятники литературы Древней Руси», где последние три тома приходятся на XVII век. Но и этого показалось мало: в издаваемой ныне 20-томной «Библиотеке литературы Древней Руси» (до 2000 года вышло 7 томов) «древность» доведена уже до XX века, и в последний том предполагается включить, к примеру, переписку крестьян-старообрядцев времен коллективизации. И это при том, что за бортом многотомного издания, претендующего на роль всеобъемлющего, остались действительно древние памятники — Токовая Палея, большинство летописей и архаичных апокрифов.

Поразительно, но факт: облив грязью просвещенного дьякона и обозвав его невеждою в 1-м томе своей «Истории», Карамзин воздает этому же самому «невежде» высочайшую хвалу уже в 4-м томе и полностью заимствует у того сведения о торге (ярмарке) на Мологе, куда во времена Ивана Калиты съезжались немецкие, византийские, итальянские, персидские и иные купцы, и одних только питейных заведений (ну никак не может русский человек без кабака!) насчитывалось не менее семидесяти. Особой же похвалы Карамзина удостоился тот факт, что Тимофей Каменевич-Рвовский опирался на древнее *устное (!)* предание, которое бережно сохранил для потомков, включив его в свое историческое повествование. Вот тебе и раз: значит, когда ему было выгодно, Карамзин принимал устные исторические рассказы за истину и включал их в ткань собственной «Истории» в качестве непреложных фактов; а когда это никакой выгоды не сулило и оборачивалось одними историографическими неприятностями, устные предания, вне всякого сомнения имевшие древнейшие корни, предавал анафеме и остракизму. Такова цена хваленой объективности российского историка!

После хазарского разгрома значительная часть протоболгар отделилась от орды и откочевала в Среднее Поволжье, основав там ставшее вскоре могущественным средневековое государство — Волжскую Булгарию. Язык ее населения был тюркским (потомками волжских болгар, разгромленных лишь в результате монгольского нашествия, стали современные татары). Неизбежен вопрос: почему произошло такое расщепление единого некогда народа? Думается, что в отличие от орды хана Аспаруха, где весьма значительным оказался славянский культурно-лингвистический элемент, их волжские собратья были в основном тюркитами.

В последнее время в решении данного вопроса наметились отрядные подвижки. Начиная с 2001 года Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН приступил к публикации Свода русского фольклора. Издание открывается 25-томным Полным собранием былин, где предполагается обнародовать архивные материалы (пока вышло два тома). Несколько ранее самоотверженные радетели русской культуры из петербургского издательства «Тропа Троянова» приступили к осуществлению грандиозной программы издания полного собрания русских сказок и былин, ориентирующегося как раз-таки на ставшие библиографической редкостью классические сборники (прежде всего дореволюционные) русского фольклора. Всего до конца 2001 года вышло 7 томов (9 книг) + один том былин — впервые изданный без купюр классический сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (СПб., 2000).

Юлианский календарь вместе с римскими наименованиями месяцев и семидневной неделей был введен на Руси вместе с принятием христианства. Однако одновременно сохранилось языческое начало года — с 1 марта. Лишь в 1492 году, в соответствии с церковной традицией, начало года было официально переведено на 1 сентября, а с 1 января 1700 года Петр I произвел реформу календаря, и Россия перешла на европейский отсчет годов — от Рождества Христова. Поэтому перевод летописного времени на язык современных цифр вызывает неизбежные трудности. Не вдаваясь в какие-либо хронологические тонкости, отмечу лишь, что вышеупомянутая цифра вычитания из летописных сроков — 5508 — распространяется только на январь — август, а для сентября — декабря берется уже скорректированная цифра вычитания — 5509 лет.

Правда, в самой обширной русской летописи — Никоновской, или Патриаршей, составленной уже в XVI веке, — некоторые из лакун заполнены скупой информацией. Сие свидетельствует, по крайней мере, о том, что существовала более полная, не сокращенная версия «Повести временных лет» или же другие, не дошедшие до нас, первоисточники и составители свода XVI века имели их перед глазами (возможно, это были выданные начальные листы Новгородской первой летописи).

Варягов, присутствовавших при подписании предшествующего договора князя Олега с греками в 912 году, было значительно меньше. Но они также заявили о себе: «Мы от рода русского». Их имена Карл, Ингельд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Сте-мид. В этом списке явно выраженных германизированных имен больше. Но никто ведь не утверждает, что в составе русско-варяжских дружин не было скандинавских наемников и искателей удачи. Отрицается лишь тождественность русскоязычных варягов и германоязычных скандинавов.

Между прочим, в «Повести временных лет» указано, что варяги «сидят» к востоку от Балтийского (Варяжского) моря — «до предела Симова», то есть до границ Ближнего Востока. Комментаторы почему-то упорно настаивают, что Нестор был слаб в географии и представлял Балтику огибающей Европу со стороны Скандинавии (?). Глупость несусветная! Просто Нестор прекрасно представлял, что варяги проживают не только вблизи одной Скандинавии, но также и в южных краях, где граничат с семитскими народами.

Одним из неоспоримых доказательств преемственности обычаев и традиций между запорожцами и варягами могут служить характерные прически (знаменитые *оселедцы*, или *чуприны*, — длинные пряди волос на макушке выбритой головы), а также вислые усы.

Известие Иоакимовской летописи в изложении Татищева не вполне ясно и последовательно. Его можно понимать и так, что Умила была женой, а не матерью Рюрика. В таком случае остается открытым вопрос: кто же был его отец?

Полное название летописи — «Книга степенна царского родословия, иже в Рустей (так!) земли в благочестии просиявших богоутвержденных скиптродержателей, иже бяху от Бога, яко райская дрeвеса насаждени при исходящих вод, и правоверием напаяеми, благоразумием же благодатию возрастаеми, и божественною славою осияваеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ; многоплоден же и зрел и благоухания исполнен, велик же и высокъверх и многочадным рождием, яко светлoзарчными ветми разширяем, богоугодными добродетельми преспеваем; и мнози от корени и от ветвей многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лествицу непоколебимо воздрузиша, по ней же невозбранен к Богу восход утвердиша себе же и сущим по них». Уже одно название дает достаточное представление о степени объективности и царедворственного раболепия автора сей летописи.

Кстати, у Москвы-реки было в старину и другое, более древнее название — *Смородина*. В XIX веке сей примечательный факт не сходил со страниц различных изданий. Впервые его обнародовал наш замечательный просветитель Федор Иванович Буслаев (1819–1897). С сочувствием к нему относился и Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) в своем многотомном историческом исследовании. Отсюда, между прочим, следует, что легендарная река Смородина, где разворачивается действие многих русских волшебных сказок и героических былин, вполне могла сопрягаться с Московским регионом.

Следует иметь в виду, что Рязань, упомянутая в летописи, — это не существующая ныне Старая Рязань — один из главных и красивейших городов Древней Руси. После взятия города и поголовного уничтожения его жителей Батыевыми полчищами он больше не восстанавливался. Поблизости же стал отстраиваться Переяславль Рязанский — он-то и стал современной (новой) Рязанью.

Жестокий обычай расправляться с неугодными подобным образом существовал на Руси испокон веков. Его практиковали все князья без исключения, даже канонизированные впоследствии как образцы праведности и благочестия. Так, по сообщениям летописцев, Александр Невский в 1257 году после наведения порядка в мятежном Пскове и удаления оттуда своего сына-фрондера безжалостно наказал его сподвижников-смутьянов — «овому носа урезаша, а иному очи вынимаша». Вот тебе благоверный князь и народный заступник!

У царицы Софьи первоначально рождались одни дочери. На богомолье в Троице-Сергиевой лавре она обратилась с молитвой к Сергию Радонежскому, и его видение неожиданно предстало перед ней: святой держал в руках прекрасного младенца, которого ввергнул в лоно молящейся женщины. Через девять месяцев на свет появился будущий царь Василий III. Но в 1498 году он был еще никем.

Как ни странно, и сегодня находятся историки, пытающиеся обосновать совершенно другую мысль: для Руси, дескать, было гораздо лучше, если бы ее развитие пошло не под эгидой Москвы, а в составе Польского королевства или Великого княжества Литовского. В таком случае Россия давно бы уже выросла в западную цивилизацию, а не пошла бы по пути азиатского деспотизма (который, естественно, дает о себе знать и по сей день). Особенно преуспел в раздувании «литовского мифа» красноярский философ А.М. Буровский, сочинивший целую книгу о злых, темных москалях (иначе он их и не называет) и добрых, просвещенных литовцах. Сибирский автор при этом, конечно же, замалчивает хорошо известные факты, свидетельствующие совсем о другом. Например, как однажды «боголюбивые» литовские культуртрегеры устроили набег на православный Валаамский монастырь: переправившись по льду Ладожского озера на Святой остров, литвины-цивилизаторы не просто истребили здесь все живое, как за зверьем охотясь за каждым монахом, но еще и целенаправленно, до последнего листика (должно быть, из-за особой «любви» к просвещению) сожгли веками накапливаемые бесценные манускрипты и летописи. Ну, а что вытворяли на Русской земле во времена Смуты лихие литовские витезы вкупе со свободолюбивой польской шляхтой — про то речь впереди. Впрочем, читателю и так сие хорошо известно. Иначе зачем же поставили на Красной площади памятник Минину и Пожарскому?

См., например: Панов И. Ересь жидовствующих // Журнал министерства народного просвещения. 1877. Ч. 189–190 (январь — март); Тихонравов И.С. Древняя русская литература // Сочинения в трех томах. Т. 1. М., 1898; Соболевский А.И. Литература жидовствующих // Переводная литература Московской Руси XIV–XVII века. СПб., 1903; Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. 1–2. СПб., 1902; Келтуяла В.А. Курс истории русской литературы. 4.1. Кн. 2. СПб., 1911; Сперанский М.Н. История древней русской литературы. М., 1914; Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2 томах. М., 1991.

Изыскания в данной области, предпринятые, в частности, известным историком Р.Г. Скрынниковым, позволяют полностью исключить версию о литературно-научной мистификации: обнаружены документы (писцовые записи), свидетельствующие о личном царском участии в судьбе своих нежданных пасынков — худородных детей Василисы Мелентьевой от первого брака.

Лично для меня рейтинг десяти лучших фильмов всех времен и народов выглядит следующим образом: 1. «Иван Грозный» (Сергей Эйзенштейн. Россия); 2. «Огни большого города» (Чарли Чаплин. США); 3. «Ночи Кабирии» (Фредерико Феллини. Италия); 4. «Унесенные ветром» (Виктор Флеминг. США); 5. «Большой вальс» (Жюльен Дювивье. США); 6. «Дети райка» (Марсель Карне. Франция); 7. «Расёмон» (Акира Куросава. Япония); 8. «Ватерлоо» (Сергей Бондарчук. Россия); 9. «Фанфан-Тюльпан» (Кристиан-Жак. Франция); 10. «Иваново детство» (Андрей Тарковский. Россия).

Многие крупные историки (Ключевский, Соловьев, Костомаров, Шмурло и др.) по-разному оценивали самозванчество Лжедмитрия I. Признавая действительность смерти царевича в Угличе, они тем не менее допускали, что назвавшемуся впоследствии Дмитрием человеку могли с раннего детства внушить: дескать, он и есть чудом спасенный сын Ивана Грозного, вынужденный скрываться от врагов под чужим именем. В таком случае неизбежен вопрос: кому была нужна подобная мистификация? Ответ прост: очень и очень многим, совокупное же имя кукловода — *боярство*.

Описание первой русской красавицы и ее погубителя сохранилось благодаря летописи, составленной очевидцем событий — князем Семеном Ивановичем Шаховским: *«Царевна Ксения, дочь царя Бориса, девушка, почти ребенок, удивительного ума, редкостной красоты: щеки румяны, губы алы; очи у нее были черные, большие, лучезарные, когда в плаче слезы из очей проливали, тогда еще большим блеском они светились; брови были у нее сросшиеся, тело полное, молочной белизной облитое, ростом ни высока, ни низка; косы черные, длинные, как трубы по плечам лежали. Была она благочестива, книжной грамоте обучена, отличалась приятностью в речах. Воистину во всех своих делах достойна! Петь по гласом любила и песни духовные с охотой слушала. Расстрига же ростом невысок, в груди широк, руки крепкие. Лицо же его не отражало царского достоинства, слишком простое имел обличье, а тело его было очень смуглым. Но остроумен, и более того — в книжной науке достаточно искусен, дерзок, словоохотлив, любил конные состязания, против врагов своих храбр, смел, весьма мужествен и силен и к воинам весьма благосклонен».*

Душераздирающие сцены рисуют дневники непосредственных участников событий. Вместе со своими комментариями их приводит Н.И. Костомаров в своей классической монографии «Смутное время Московского государства»: «Через неделю после того голод достиг ужасающих размеров. „В истории нет подобного примера, — говорит современный дневник, — писать трудно, что делалось. Осажденные переели лошадей, собак, кошек, мышей; грызли разваренную кожу с обуви, с гужей, подпруг, ножен, поясов, с пергаментных переплетов книг, — и этого не стало; грызли землю, в бешенстве объедали себе руки, выкапывали из могил гниющие трупы, и съедено было, таким образом, до восьмисот трупов, и от такого рода пищи и от голода смертность увеличивалась“. При съедении умерших соблюдался строевой порядок. За следующего к съедению товарища велись процессы, шло разбирательство, кто имеет право его съесть. В одной шеренге гайдуки съели умершего товарища; тогда родственники умершего жаловались ротмистру, что они по праву родства имели право его съесть, а гайдуки доказывали, что товарищи по службе имеют на это более права, находясь с ним в одном десятке. Ротмистр не знал, как рассудить их, и, опасаясь, чтобы раздраженные декретом не съели судью, бежал от них. Стали и живые бросаться на живых, сначала на русских, потом уже, не разбирая, пожирали друг друга. „Пан не мог довериться слуге, слуга пану“, — говорит в письме своем Будзило. Сильный зарезывал и съедал слабого; один съел сына, другой слугу, третий мать; человеческое мясо солили в кадках и продавали: голова стоила три злотых, за ноги по кости заплачено было одному гайдуку два злотых. По сказанию очевидца купца, бывшего в осаде, съедено было более двухсот человек из пехоты. Иные перескакивали через кремлевские стены и убивались или счастливо спускались и отдавались русским. Добродушные кормили их и потом посылали к стенам уговаривать товарищей сдаться. Казаки таких перебежчиков не миловали, мучили их, ругались над ними и изрубливали в куски».

Вениамин монах токмо для закрытия вымышлен.

Иоаким святитель, разумеется, архиерей, о котором выше, н. 1, показано, ч. II, н. 198, 237.

Славена и Скифа братиев сказует, следственно, единородными от незнания разности народов, что у многих древних находится. О скифах же гл. 11, о славянех гл. 33, о разности и смешении народов гл. 19. Сие же видимо, что в Степенную новгородскую отсюду внесено и большими баснями умножено, гл. 33.

Алазони в греческом знаменовании почитай то же, что славяне, гл. 12, н. 8, 37.

Амазони — славяне, гл. 12, н. 53, гл. 14, н. 68, гл. 34, что Мауроурбин и другие многие утверждают.

Ювелей стихотворец, может Ювеналий испорчено, но как о том он вспоминает, мне неизвестно.

Бастарн князь. Видно, что славян бастарнов, на Дунае и в Вандалии потом живших, от него производит, гл. 13, н. 12, и сие обыкновенное — по имени народа вымышлять им праотца.

Славенск град в Степенной новгородской разумеет Новград, гл. 33; мню, отсюда ж взял, но здесь имянует град великий, то имеет быть Старая Ладога; а выше говорит за Дунаем, может, о граде Алазоне, который географ Стефаний кладет близ Елеспонта; Мауроурбин Славенск град сказует на реке Мозеле и в Нормандии. Но все, мню, вымыслы пустые.

Скифия Великая, гл. 11, часть II, н. 76. Малая же Скифия — Крым, гл. 13, н. 43.

Вандал князь. Хотя польские в глубокой древности короля славян Вандала сказуют, но сие ошибка, что они вандалов германян или сармат с венды славяны мешают, гл. 39, р. [11]; а здесь Иоаким вместо народа вандалов князя именовал. Равно Гельмольд одного ж Винулем, т. е. князь винулев имяновал, гл. 40, р. [3], что и с летами согласует, ибо от одного до Гостомысла счисляет 14 колен, а по Гельмольду около 350 лет; потому приходит на владетеля 25 лет, которое за среднее почестъ можно, хотя Геродот и другие кладут по 50 лет, но оное весьма велико.

Гардорик и Гунигард, мню, також имяна князей от предел взятые; но, может, и собственные имяна им тако были, как видим у славян князи и грады одного имени многое, яко Владимир, Юрьев, Изяславль, Ростиславль, Радегаст и пр. О Гардорике же князе Стрыковский, стр. 53, из Базилика истории Атиллевой в те ж времена сказует Гардорика, короля гепидов, пришедшего в помосчь Атилле. О Гунигарде Дитмар и Адам Бременский сказуют: Хунигард отечество Гунов, но они вместо Гунигард неправо имяновали Хунигард, гл. 17, н. 46, гл. 27 и 29. А что они не возвратились, то известно, что гуны в Венгрии и Германии остались.

От моря до моря. Разумеет [море] Балтийское и озеро Ладожское, которое море Руское имянуемо, гл. 17, н. 47, гл. 32, часть II, н. 14.

Грады по именам видимо: Изборск во имя Избора, который у сармат Кунигард и Шуя имянован. Владимир в области Псковской, ныне село Владимирец, где древний вал видим и в древних писцовых книгах град или пригород имянован. Сие имя Владимир в Ванлалии у вендов давно употребляемо, которые северные в Вальдемар преврасчали, зри гл. 32. Столпосвята неизвестно, токмо два села знаема: Столбово на реке Тихвине, где 1617-го съезд послов был и мир со шведами заключен; другое на реке Тверце меж Вышняго Волочка и Торжка, Столп имянуемое. Оба сии в области Новгородской, но есть ли при котором знак древняго града, не знаю. Пред несколькими днями бывши у меня монах Ниловы пустыни, как я его спросил, почему оный Столбенский называется, то он мне сказал, что против острова онаго лежащий пригород Осташков древле от князя Столбов имянован, а после князь Владимир Андреевич, дав оный воеводе своему, преименовал Осташков.

Адвинда княгиня. Северные упоминают в Руси короля Енвинда, как Страленберг, стр. 95, из Дикмана сказует, король шведский Галдан женат был на дочери Енвинда, короля Гардорики, то может быть сын ея или свекор, как н. 30, 33 о перемене имен показано, так и здесь едино з другим сходно.

Имяна неведомы. Видимо, что сей Иоаким и Нестор не так продержы были имяна смышлять, как другие. Иоанн Магнус в Истории готической когда не знал, чим порядок королей дополнить, то взял из истории мунгал или татар и дела их купно с именами внес, как Страленберг на стр. 45 обличил. Мы видим, что пред Гостомыслом некоторых государей имяна у иностранных упоминаемы, как выше, н. 14 Енвинд, в гл. 17, н. 63 — Ион, но, когда и по ком который был, неизвестно. Для того их в порядок внести и дела им вымысля приписать с честию историка не согласуют, и лучше незнание свое признать, нежели ложью хвалиться.

Песни древних, хотя они не таким порядком складываны, чтоб за историю принять было можно, однако ж много можно в недостатке истории из оных нечто к изъяснению и в дополнку употребить, как видим Омера, песнями нечто в память оставившего. Стрыковский в недостатке истории литовской сказывает, что из песен брал. Я прежде у скоморохов песни старинные о князе Владимире слышал, в которых жен его именами; також о славных людех Илие Муромце, Алексие Поповиче, Соловье разбойнике, Дюке Стефановиче и пр. упоминают и дела их прославляют, а в истории весьма мало или ничего. В пример сему о Путяте, н. 45, я ис песни изъяснил. Но я жалею, что ныне таких песен списать не достал.

Сие есть достопамятное изъяснение, что Бярмия или Корелия тогда об реку Кумень с Финляндиєю или Варягами граничила.

Бярмы град, у русских Корела, у финов Кексгольм, т. е. на дву островах. Беер мнит, что у норманских Голмогардиа или Островная область имянована, гл. 17, р. W, н. 55.

О дани варягом Нестор кратко вспомянул, что Беера привело во мнение, якобы сии варяги — нордманы, норвежские или датские государи, Русью владели, но здесь точно показано, что финские, гл. 32, н. [28], а Гостомysl отъехал в Кексгольм, н. 18.

Выбор град. По обстоятельству разуметь должно Виборг, токмо онаго нигде в русской истории до 15 ста не упоминается. По истории шведской сказуют, что в 14 сте нестроен и сие имя Вибург их языка почитают. Есче есть град Выбор в пределе Псковском на реке Сороти от Пскова к Лукам Великим по пути 90 верст. Иоаким же, может, сие говорит о Выбурге, которой по строении разорен был, а после на том же месте построен и оное древнее звание возобновлено, ибо мы многие примеры имеем, что древних разоренных градов пустые места имяна сохраняют.

Дочери Гостомысловы за кого были отданы, точно не показано, но ниже видимо, что большая была за изборским, от которой Ольга княгиня; другая — мать Рюрикова, а о третьей неизвестно. Нестор скажет, н. 57, что Рюрик убил славенского князя Водима, что в народе смятение зделало. Может сей таков же внук Гостомыслу, большой дочери сын был, которой большее право к наследству имел и для того убит.

В Колмогарде возшед на высокая. Здесь видимо, что сей град был, где ныне село Бронницы, и холм оный за святость великую почитан, о котором гл. 29, р. [9, гл.] 32, н... Весчуны же имянуеми волхви, у восточных маги, и видно, что тут ответы богов или оракули давались, как ниже н. 23, у грек и египтян, где оные обманы, по Геродоту, начало возъимели. Ответы давались чрез женщин, которых пифиа имяновали, но те ответы попы, и более виршами двомненными, сочиняли, о чем Далий, а по нем Фонтенель обстоятельно описал. Для сего, мню, короли северные в Колмогард приезжали.

Ответы у зимеголов. Разумеет Курляндию, где також прославляемо было, гл. 17, н. 24. Но сие довольно всем известно, что сии оракули, или богов чрез весчунов и пустосвятов ответы и пророчества, сущие суть суеверным и несмысленным обманы, как Далий о греческих и египетских оракулях описал, а негде и христианские в пример приводит. Иногда же ответы и провесчания по обстоятельству произшествий долго спустя складывали, как о сновидении показано.

Сновидение сие точно показывает на мать Рюрикову. Таковых вымышленных после предзнаменований и провесчаний у древних немало находится, особливо сему подобное вижу у Геродота, виденное Астиагом, королем мидским, о Кире Великом и пр. Сие же, может, Гостомысл, любя сию среднюю дочь, для успокоения противных разсуждений в народе о сыне большой дочери вымыслил, яко божеским откровением его определение утвердить, или после кто-либо вымыслил, как нам таких вымыслов от суеверных пустосвятов, льстецов и лицемеров слышать нередко случалось, каковых мог бы я много з довольным доказательством привести, да едино токмо вспомяну, которое многим ведомо, а никому в обиду быть не может. Двор царицы Прасковий Феодоровны от набожности был госпиталь на уродов, юродов, ханжей и шалунов. Междо многими такими был знатен Тимофей Архипович, сумазбродной подъячей, котораго за святаго и пророка суеверцы почитали, да не только при нем, как после его предсказания вымыслили. Он императрице Анне, как была царевною, провесчал быть монахиною и называл ее Анфисою, царевне Прасковий быть за королем и детей много иметь. А после, как Анна императрицею учинилась, сказывали, якобы он ей задолго корону провесчал. Другое, как я отъезжал 1722-го другой раз в Сибирь к горным заводам и приехал к царице просчение принять, она, жалую меня, спросила онаго шалуна, скоро ли я возврасчусь. Он, как меня не любил за то, что я не был суеверен и руки его не целовал, сказал: он руды много накопает, да и самого закопают. Но сколько то право, то всякому видно. Какой был великой у безумных пророк Андреюшко, но сего не узнал, что его пытать будут и зжечь за великую ересь и сквернодейства определяют.

Не упоминаю пустосвята Михаила, в Васильевском саду жившего, которой за плутовство и ересь распытан, а у баб в великом почтении был. Страбон в язычестве о пустосвятстве жен правду сказал, гл. 13, р. Е. Кому неизвестно вымышленное сновидение Густава Адольфа и пророчество о Карле 12-м, короле шведском, в котором слагатель весьма обманулся, ибо все не по его желанию скончалось.

Титул князь какого языка, не знаю, о чем гл. 42. Иоаким греческим изъясняет — правитель, а великий князь — высший правитель или царь и король. Но сие последнее у славян до Рюрика во употреблении не было, Рюрику же нужно было для различия от подвластных князей великий приложить. И сей титул у нас был до Иоанна Великого, который стал писаться повелитель, или император, гл. 46. Но у нас несмысленные разности писцы в Степенной и других часто подвластных князей великими, равно как римских епископов и архиепископов в папы по смерти жаловали, которые той чести не имели, гл. 48.

Рюрик Финландию обладал, выше, гл. 31, р. 21.

Урмания имеет быть область в Швеции. Мню, не оную ли Беер, гл. 32, р. Раумдалия имянует. Нестор их междо варяги, н. 45, положил.

Ижора в вено. Сей предел Ярослав I после княгине своей Ингегирдесе в вено отдал, гл. 17, н. 42, и, может, оный от Ингоря Ингрия прозван. Вено за жен, ч. II, н. 188, гл. 49.

Оскольд. Хотя Иоаким точно сыном Рюриковым его не именовал, но обстоятельство утверждает, ибо киевляне не просили бы сына, если бы его не было. Ингорь же тогда или не родился, или был в пеленках. И как Оскольд был княгине Рюрикове пасынок, сарматски тирарь, то Нестор, не разумея сего слова, пременил в Дир и зделал из одного имени два: Оскольд и Дир, гл. 3, н. 10; часть II, н. 51; гл. 32, н. 13.

Олег шурин Рюрику. У Нестора имянован просто свойственник. В манускрыпте раскольничем вуй Ингорь, т. е. брат материн. В Прологе маиа 11 — дядя Ингорь, что значит брата отцова, но сие не согласно, паче же здесь положенное правильное. По сему видно, что сочинитель житиа Ольгина Иоакимову историю читал, да баснею о ея роде и браке исказил. Зде же имя матери Игоревы Ефанда, а после тем же жена Улеба, сына его, ч. II, н. 105, имянована, может, Ингорь от любви во имя матери своя назвал, н. 33, имя же нордманское есть.

Блаженный Оскольд. В гл. 3, н. 10 показано, что он был крещен и видно, что Иоаким его крещение описал, но оно утрачено, как выше, н. 29 показано, и для того блаженным имяновал.

Церковь стояла. Иоаким в том разуме говорит, что уже Святославом была разорена, а Нестор сказует, что по погребении над гробом построена, по чему видимо, что ему по крещении имя дано Николай, часть II, н. 61.

Ольга от рода Гостомысла. Иностранные сказуют ее дочь Гостомыслову, ч. II, н. 43, 58, 76. В Прологе мая 11 неистовная ошибка, что крестьянкою и на реке перевозчицею сказано, что и Нестор противоречит, говоря: Олег же приводе Игорю жену от Изборска. Следственно, Олег избрал, а не Ингорь собою женился. К тому видим, что все князи и прежде и после женились на дочерях княжеских, а на крестьянских ни единого. В Прологе ж славенское ея имя Прекраса превратил в прилагательное прекрасная, которую Олег от любви преименовал ее в свое имя Ольга, а при крещении Елена, как то н. 14 и 30 о равномерных пременениях сказано.

Имя князя древлянского в разных манускриптах Несторовых и в Степенных разное, но Стрыковский точно сие положил, ч. II, н. 123, по сему паки видно, что Стрыковский сию Иоакимову имел.

О проповеди апостола Андрея в Киеве весьма правильное, нежели у Нестора, написал, что он, может, у киевлян или болгар и козар слышал или на письме видел, гл. 3, н. 3, ч. II, н. 17.

Многие крестились. Весьма вероятно, ибо прежде уже христиан в Киеве было много, гл. 3, часть II, н. 91, 118. Паче же Ольга как владетельная, могла многих верных ей вельмож склонить, особливо бывшие с нею в Цареграде. О церкви же Софейской Нестор смятно написал.

Святослава супружество с венгерскою. Нигде не нахожу, чия дочь была. О помосчи же от венгерского войском, серебром и златом сам Святослав упомянул. Венгерские истории сего времени, которые я имел, темны и кратки. В сие же время знатен был король их Рокс и, может, его дочь или сестра, имя же ея у Нестора, н. 105, Предслава славенское.

Глеб. Нестор единою Владислава и Улеба в договоре с греки, н. 105, упомянул. Улеб же и Глеб часто за едино кладено, и сие Улеб северное, а Глеб испорченное, власно как из Ингорь сократили Игорь, ч. II, н. 105.

Горислава. У Нестора Рогнед и Рохмида, а после дополнительно, н. 163, 383, имяновал Горислава. Первое норманское или северное, другое славянское от обстоятельства ея любочестия дано.

Ярополка склонность к христианству — причина гибели его и, может, посему мосчи его крестили, часть II, н. 150, 249.

О войне Владимира с Мечиславом, или Мешком, Нестор кратко упомянул: шед на ляхи зая грады червенские, н. 154, Польские сих времен своих историков не имели, а брали из русских. Как Стрыковский говорит, они сию троекратную победу согласно кладут, а о положении дани не вспоминают, но токмо мир тяжкий учинил. Сие паки утверждает, что сия история им известна была, н. 34.

Крещение Владимирове Иоаким ли или списыватель так кратко, а Нестор пространно, но нечто и баснословно описал, а к тому и о месте крещения сумнительно, часть II, н. 174, 190. У Нестора же о греческой пренцессе Анне, которую здесь, н. 47, видится, правильнее болгарскою разумеет, часть II, н. 153, 172, 178.

Епископов пришествие в Русь Нестор после митрополита 3 годы положил, в том числе и сей Иоаким, как выше, н. 2, показано, может быть, что они вместе с митрополитом пришли да в епархии после определены, о чем гл. 48 и часть II, н. 198.

Сие ни о ком ином, кроме Иоакима епископа, разуместь неможно. Яко Нестор сказует, Иоаким послан был в Новград з Добрынею, не упоминая Путяты, ни обстоятельств крещения. В Крекшина манускрипте обстоятельства с противностию новгородцев нечто сему согласно, но кратко и баснословно о идоле Перуне описано, якобы, когда оный ломали и тасчили, рыдал и противился. А в Ростовской есче прибавлено, якобы Перун палицу, имевшую в руке его, на мост бросил, сказав, что торговцы з горожаны всегда будут драться. В Степенной сия басня распложена и к наказанию их царем Иоанном 11-м соглашена, ч. II, н. 581. Что можно в пример суеверным иметь, которые таким нечувственным вещам провесчания вымышляют или верят, гл. 2.

О Путяте нигде Нестор не упомянул, но есть Путеш, токмо иной. В песнях же старинных о увеселениях Владимира тако поют: Против двора Путятина, против терема Зыбатина старого Путяти темной лес. Ис чего можно видеть, что знатный муж был. Тысецкой же чин был над всеми войски, яко фельдмаршал, часть II, н. 390.

Кресты на шею класть нигде у христиан, кроме Руси, нас, не употреблено, но кто узаконил, нигде не нахожу. Некоторые сказывают, якобы Владимир, иные о болгарех, токмо в Булгарии не употребляют. Итак, мню, что Иоаким начал, а Владимир во все государство определил, чтоб кто крещения не отлыгался.

Жены Владимира весьма иначе описаны, и у Нестора велика погрешность, что он при крещении детей 12 сынов написал, чему быть неможно, ибо по малой мере Борис и Глеб не родились, хотя бы они двойни были. О женах же, во-первых, Олову, княжну варяжскую, мать Вышеславу, Нестор не токмо не упомянул, но и Вышеслава, сына Рогнедина, сказал, что в летех рождения и крещения согласить трудно, как я о летех Ярослава показал, ч. II, н. 150, 156. Предслава, бывшая супруга Ярополка; Нестор, имяни не объявля, имянует грекия, а после упоминает сельцо Предславино, н. 162. Адиля у Нестора чешская, и, мню, имя германское Адельгейт или изясчество испорчено. Анну царевну Нестор сказует греческую, что в великом сумнении погрешности, часть II, н. 184. Бориса же и Глеба он положил от болгарины, а от царевны Анны никого не показал, н. 163, а сей царевну Анну сказует мать Бориса и Глеба, то, мню, конечно сия царевна была болгарская, а Василию и Константину сестра внучатная, как н. 163 сказано. А о протчих так многих женах и наложницах Нестор, кроме числа, ничего не написал. Стрыковский согласно с сим сказует, что с сыновьями отпущены, с протчие выданы за знатных, и оному быть весьма нужно.

Сие сказание хотя есть краткая выписка, а к тому, ис чего взято, то поврежденное и неполное, однако ж ко изъяснению древности и Несторова темного сказания много служит, доколе полнейшая тех времен история сыскаться может, чрез что б многие остающияся темности изъяснить и пополнить, что, мню, святейшему Синоду весьма нетрудно, если повелит во всех монастырех всякие древние письменные книги, тетради, грамоты и пр. обстоятельно описать и под именем русской библиотеки напечатать, чтоб желающие в истории церковной и гражданской трудиться могли знать, где что сыскать могут, что и монастырям немалой доход и пользу принесет.